Геллывальдъ.

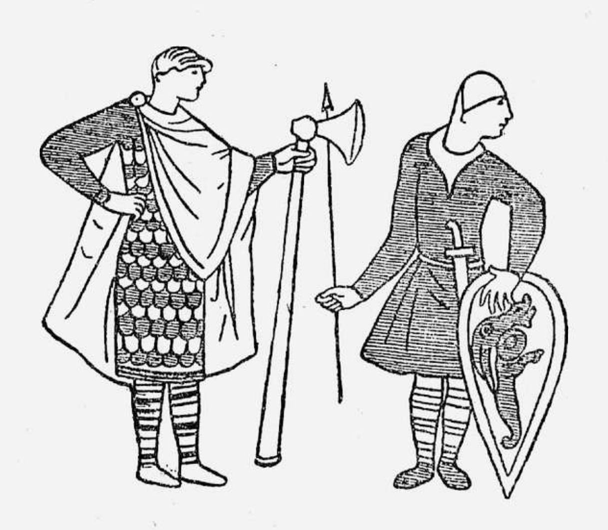
ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

При участіи профессоровъ: Гааза, Бюхнера, Лефмана, Хорна, Гольма, Генне-амъ-Рина, Людвига Гейгера, Филиппсона и др.

Томъ третій.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ и НОВАЯ КУЛЬТУРА.

Переводъ подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1901.

ГЕЛЛЬВАЛЬДЪ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ.

Переводъ подъ редакціею

А. Трачевскаго и д-ра философіи М. Филиппова.

Съ таблицами рисунковъ и портретовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Ноября 1899 года.

Средневѣковая культура Азіи

Д-ра **Конради** (Перев. С. М. Филипповой).

I.

Общій обзоръ.

Средневѣковая исторія Азіи, населенной многочисленнымъ и многообразнымъ населеніемъ, со всѣми сложными культурными и политическими отношеніями, не можетъ быть изложена въ строго-хронологическомъ порядкѣ, притомъ такъ, чтобы сохранить ясность и точность изложенія, въ краткомъ очеркѣ, которымъ здѣсь придется ограничиться.

Что же касается того, чтобы разложить разнообразныя и сложныя культуры на ихъ составныя части, — объ этомъ и думать нечего. Поэтому весьма полезно будетъ сдѣлать сначала краткій обзоръ основныхъ теченій и дѣйствующихъ силъ и затѣмъ перейти къ ихъ результату, а именно къ культурамъ отдѣльныхъ народовъ, и разсмотрѣть каждую особо.

Конечно такое описаніе будетъ только слабымъ эскизомъ.

Средніе вѣка въ Азіи характеризуются тѣмъ, что они созданы и приводятся въ движеніе двумя основными идеями. Первая выражается въ стремленіи объединить разнообразныя народности, населяющія Азію, въ одну *азіатскую культурную единицу*. Вторая—въ стремленіи соединить азіатскую культуру съ культурой Средиземнаго моря въ *европейско-азіатскую культурную единицу*.

Оба эти движенія, идущія подъ - часъ рука объ руку, возникли въ предшествующій историческій періодъ, но лишь въ эпоху среднихъ вѣковъ достигли полнаго своего развитія.

Носителемъ первой идеи былъ *буддизмъ*. Еще до начала среднихъ вѣковъ онъ сталъ сближать два великихъ культурныхъ центра Азіи, Индію и Китай, и сообщился какъ имъ, такъ и варварскимъ племенамъ, индусо-греко-бактрійскимъ и индоскиѳскимъ, образовавъ культурныя начала. Внѣ Индіи онъ привился только съ 4 вѣка по Р. Хр., а въ 6 и 7 вв. совершивъ свои величайшія завоеванія (Японія, Тибетъ, Индокитай) которыя обнимаютъ весь періодъ среднихъ вѣковъ.

Въ это же время буддизмъ почти изчезъ изъ своего отечества. Новоиндуизмъ, сходный съ буддизмомъ въ главныхъ своихъ чертахъ, находился подъ столь сильнымъ его вліяніемъ, что новобраманскую Индію можно съ такимъ же правомъ причислить къ азіатской культурной еди-

ницѣ, съ какимъ католическую и протестанстскую культуру причисляютъ къ европейской единицѣ.

Въ это же время начали свою дѣятельность провозвѣстники второй идеи: христіанство и исламъ. Въ IV в. христіанство было занесено на арало-каспійскую низменность, въ Мервъ; въ VI—на Цейлонъ, а въ VII (638)—въ сердце Азіи, въ южный Китай, проникъ исламъ, который въ сѣверо-западномъ Китаѣ появляется только сто лѣтъ спустя (742).

Но единеніе Запада и Востока, какъ уже сказано выше, началось гораздо раньше. Путь, которымъ слѣдовали христіанское и магометанское вѣроученія былъ подготовленъ и проложенъ третьимъ факторомъ—этимъ предтечей всѣхъ миссій, этимъ піонеромъ культуры—культуртрегеромъ перваго ранга—торговлей. Какъ сухопутная, такъ и морская торговля развилась и достигла цвѣтущаго состоянія въ Восточной Азіи во время господства западной Римской Имперіи. Возникновеніе торговли относится къ еще болѣе раннему періоду. Уже въ VII в. до Р. Хр., по одной изъ древнѣйшихъ международныхъ дорогъ, Таримской, караваны заходили въ Китай; по всей вѣроятности это были скиѳскіе караваны. Морская торговля получила болѣе широкое развитіе послѣ завоеванія римлянами Египта. Малакку обогнули въ первый разъ въ I вѣкѣ по Р. Хр.

Возобновленіе и болѣе широкое развитіе торговли между Западомъ и Востокомъ началось въ эпоху среднихъ вѣковъ. Это обстоятельство настолько важно, что мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Теперь, какъ и ранѣе, на развитіе сухопутной торговли имѣло вліяніе политическое положеніе Китая. Главнымъ предметомъ ея былъ шелкъ. Когда Китай ослабѣвалъ и терялъ свое вліяніе на Таримскій басейнъ съ его торговыми путями, сухопутная торговля становилась не безопасной, не вѣрной и потому приходила въ упадокъ. Въ противномъ случаѣ она подымалась до значительныхъ размѣровъ, въ особенности когда на западѣ возникли могущественныя государства, что обѣщало выгодный сбытъ шелка. Вышеупомянутый цвѣтущій періодъ былъ вызванъ именно такимъ совпаденіемъ: Китай и Римъ впродолженіи нѣкотораго времени были почти пограничными государствами.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемся съ такими же условіями: съ одной стороны Китай подъ властью династій Суй и Тхангъ (589—906)—на высотѣ своего могущества и въ расцвѣтѣ своей силы, съ другой—могущественное государство халифовъ; результатомъ былъ оживленный обмѣнъ втеченіи нѣсколькихъ столѣтій.

Мы видимъ, что уже вскорѣ послѣ этого Персія овладѣла Таримскимъ басейномъ (568) и всѣми странами вплоть до Каспійскаго моря, и пытается завязать торговыя сношенія съ Восточной Римской Имперіей.

Въ третій разъ наступаетъ разцвѣтъ сухопутной торговли послѣ завоеваній монголовъ и объединенія различныхъ странъ, вызванныхъ этимъ завоеваніемъ.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ въ исторіи морской торговли также наступаетъ новый періодъ. Она значительно расширяется, укрѣпляется и становится регулярнѣе, въ особенности когда Арабское государство расширяется насчетъ Персіи. Отъ V до VIII вв. индусскіе и персидскіе суда правильно посѣщали гавани Ефрата. Можно въ точности указать какъ ихъ путь, такъ и гавани, въ которыя они заѣзжали. Предполагаютъ теперь (*), что несторіанская миссія проникла въ Китай именно этимъ путемъ, а не сухимъ. Въ VIII, IX вв. индусская и китайская торговля уступила мѣсто арабо-персидской, которая распространялось до восточныхъ береговъ Китая. Затѣмъ она заглохла, хотя не вполнѣ прекратилась и возобновилась снова во время господства монголовъ, такъ что въ царствованіе династіи Сунгъ—(960—1278) китайскіе корабли ходили въ Аравію повидимому правильно.

Эта средневѣковая торговля служитъ не только для развитія европейско-азіатскихъ отношеній: она вліяла также на отношенія внутри Азіи. Вслѣдъ за несторіанской миссіей къ китайскому двору проникъ буддизмъ, занесенный буддистскими монахами, потянулись послы индусскихъ князей; персидскія транспортныя судца, по словамъ китайскаго буддиста У-цзинга, отвозили китайскихъ пилигримовъ изъ Кантона въ Яву и на Цейлонъ и обратно. Извѣстныя европейцамъ торговыя дороги кажется были не единственными извѣстными въ восточной Азіи. По всей вѣроятности существовалъ водный путь между Индустаномъ и Индокитаемъ и архипелагомъ, а можетъ быть и сухопутная дорога изъ Индіи въ Китай черезъ Тибетъ. Такимъ образомъ торговля является предшественницей и сотрудницей другихъ культурныхъ вліяній; хотя періоды ея процвѣтанія прерывались—но и другіе факторы не дѣйствовали непрерывно, и она работала вмѣстѣ съ ними ввиду двухъ выше названныхъ цѣлей.

Это — активные культуртрегеры, которыхъ дѣятельность скрещивается, смѣшивается, наслояется одна на другую, образуя со старыми культурами сущность средневѣковой исторіи Азіи и налагая на нее характерный отпечатокъ. Но не слѣдуетъ забывать пассивнаго фактора, который именно вызвалъ и укрѣпилъ союзъ европейской и азіатской культуры. Дѣятельность этихъ народовъ, казалось бы, должна была быть разрушительна. Мы говоримъ о уралоалтайскихъ народахъ. Тѣмъ не менѣе они являются только орудіемъ въ рукахъ культуры, и какъ для насъ, такъ и для Азіи, имѣютъ почти одинаковое значеніе. Наши средніе вѣка, съ ихъ культурнымъ прогрессомъ, который возникъ изъ перемѣщенія и смѣшенія европейскихъ народовъ, были подготовлены въ турецкихъ степяхъ восточной Азіи, откуда вышло могущественное азіатско-европейское движеніе, носящее названіе переселенія народовъ. Турецкіе народы были призваны замѣнить, въ Азіи и въ Европѣ, ставшій къ тому времени малочисленнымъ и слабонервнымъ арабскій элементъ—болѣе грубымъ и болѣе сильнымъ тюркскимъ. Культурно-исторической задачею огромнаго монгольскаго государства было—открыть европейцамъ доступъ въ Азію, особенно въ Китай и вызвать обмѣнъ между этими двумя культурными центрами болѣе дѣятельный, чѣмъ тотъ, который существовалъ до сихъ поръ. Обмѣнъ этотъ, плодотворный для обѣихъ сторонъ, долженъ окончится объединеніемъ этихъ двухъ культурныхъ центровъ. Эти народы, которые до извѣстной степени возвратились изъ Европы въ Азію—не всегда самостоятельно—были главными распространителями ислама въ Азіи, они же создали большую, быть можетъ даже главную, часть исторіи Азіи этого періода, что мы и постараемся прослѣдить.

За ними поэтому остается право открыть обзоръ отдѣльныхъ культуръ.

Уралоалтайскія племена.

Великая уралоалтайская семья монгольскаго племени распадается на двѣ вѣтви, уральскую и алтайскую. Къ уральской принадлежатъ самоѣды и финны: къ алтайской—тюркскія племена, тунгузы и собственно монголы [1]). Народы эти распространены отъ устьевъ Амура до Лапландіи, въ Венгріи и въ Турціи. Мадьяры и болгары хотя и принимали участіе въ исторіи среднихъ вѣковъ, но благодаря своему географическому положенію входятъ въ кругъ исторически-культурнаго движенія европейскихъ народовъ. Поэтому мы займемся монголами, роль которыхъ, а именно собственно-монголовъ и тюркскихъ племенъ, чрезвычайно важна.

По недостатку мѣста, нѣтъ возможности долго останавливаться на исторіи алтайскихъ народовъ древнѣйшаго періода: ограничимся здѣсь немногимъ. Колыбелью ихъ была центральная Азія въ восточной своей части. Кажется, коренныя племена, отъ которыхъ произошли турки, жили на Орхонѣ и Селенгѣ; монголы жили къ сѣверо-востоку между Байкаломъ и Уссури (Ліао), а начиная отсюда, вплоть до Японскаго моря, жили тунгузы. Таково было положеніе этихъ народовъ за 2 в. до Р. Хр. Мракъ, окружавшій исторію этихъ народовъ, мало-по-малу начинаетъ разсѣеваться, благодаря извѣстіямъ китайскихъ историковъ, хотя свѣдѣнія эти все же очень скудны; извѣстно только, что тюркскія племена занимали восточную Монголію, и что одна вѣтвь ихъ, уйгуры, часть которыхъ еще осталась на Селенгѣ при Хами и Баркулѣ, образовала государство среди чуждыхъ ей племенъ. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ эти народы находились въ сильномъ броженіи, движеніе ихъ направлялось преимущественно къ западу по Таримскому басейну, оттуда на аралокаспійскую низьменность и отчасти къ плодоносному востоку Китая. Древняя исторія Китая переполнена описаніями войнъ съ вторгающимися «сѣверными варварами». Съ IV вѣка До Р. Хр. они выступаютъ подъ именемъ Хіунгъ-ну и многіе склонны считать ихъ народомъ тюркскаго племени. Постройка каменной стѣны (212 до Р. Хр.), закрыла имъ доступъ къ юго-востоку, сдѣлала возможной централизацію Китая, отвела движеніе «варваровъ» къ западу и была такимъ образомъ причиною того, что народная война разлилась вдоль великой римской стѣны «Лимеса» и перешла за нее. Одно за другимъ племена эти проникли въ Таримскій басейнъ, появились въ Дзунгаріи, оставляя востокъ, укрѣплялись здѣсь и господствовали, чтобы въ свою очередь быть вытѣсненными племенами, идущими въ слѣдъ за ними; они подвигались все далѣе къ западу и, наконецъ, совсѣмъ оставляли центральную Азію, проходя на туркестанскую низменность и дальше. Такъ Хіунгъ-ну (въ 157 до Р. Хр.), а позже Юе-чи (по старо-китайски Гетъ-ди)

---

[1]) Пытаются доказать, что корейцы и японцы также принадлежатъ къ алтайцамъ, но не говоря уже о томъ, что это еще не доказано, они представляютъ такія особенности въ своемъ развитіи, что ихъ мы не причислимъ сюда.

геты или индоскиѳы, происхожденіе которыхъ темно, были оттѣснены дзунгарами на Оксусъ, гдѣ и основали могущественное государство; позже, наслѣдуя греко-бактрійскимъ царямъ, они проникли въ Индію. Хіунгъ-ну, побѣжденные китайцами (119 до Р. Хр.), распались на кланы, уступили мѣсто пришедшимъ съ востока сіенъ-пи и могущественной ихъ вѣтви юанъ-юанъ, которая много вѣковъ занимала все пространство отъ Кара-Шара до Кореи.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ (въ V в. до Р. Хр.) тюркскія племена вытѣснили ихъ и господствовали здѣсь около 50 лѣтъ, причемъ господство переходило отъ одного племени къ другому. Могущественное тюркское государство Ту-Кіуе распространилось въ 6 в. до Каспійскаго моря и стало жертвою одной отрасли уйгуровъ. Не только господство переходитъ отъ однихъ народовъ къ другимъ, но и самые народы смѣняются одни съ другими.

По всей вѣроятности всѣ эти народы, особенно тѣ, которые послѣ начала нашего лѣтосчисленіи достигли извѣстной степени цивилизаціи, стали могущественны еще до того какъ пришли въ соприкосновеніе съ китайской культурой. Торговыя сношенія, направленныя по Таримской дорогѣ, со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями, не могли остаться безъ вліянія на ихъ развитіе. И въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству китайскаго буддиста Фа-гіена, который въ 400 г. по Р. Хр. путешествовалъ черезъ Таримскій бесейнъ въ Индію, мы узнаемъ, что уже въ то время здѣсь были многія буддистскія государства съ значительнымъ числомъ монаховъ. По всей вѣроятности, уже въ раннюю эпоху, культура уйгуровъ находилась на высокой степени развитія. Письменность была извѣстна имъ съ давнихъ поръ (санскритъ), у нихъ существовала и литература; въ 5 вѣкѣ они дѣлали переводы съ китайскаго, позднѣе они переняли отъ несторіанскихъ миссіонеровъ сирійскія письмена, изъ которыхъ образовались также письмена монгольскія, калмыцкія и манжурскія. На ряду съ буддизмомъ и китайской цивилизаціей, проникло къ нимъ ученіе Зороастра, манихеизмъ и несторіанское христіанство, а позднѣе—исламъ.

Подобную же картину мы наблюдаемъ въ исторіи развитія культуры у Ту-кіуе. По китайскимъ извѣстіямъ, культура ихъ еще въ XI в. была относительно очень первобытна, хотя къ этому времени у нихъ была уже своя письменность. Это подтверждается также и греческими источниками, изъ которыхъ видно, что царь Тіу-кіуе (Τοῦρκοι) Дизабулъ заключилъ союзъ съ Восточн. Римск. Имперіей, въ 568 г. и что договоръ этотъ былъ написанъ скиѳскими письменами. Въ 1888 г. въ области были найдены старинныя надписи на камняхъ, которыя очевидно писаны этой старинной тюркской азбукой. Въ 1893 г. эти письмена были разобраны Томсеномъ. Они даютъ прекрасную картину тюркской культуры 733-го года [1]).

Государственное устройство было военнобюрократическое. Глава (каганъ позднѣе кхаганъ, кханъ)—выбранный народомъ чиновникъ, военачальникъ, который обязанъ заботиться какъ о продовольствіи, такъ и о военной славѣ своего народа, что́ очень характерно. Ему подчинено ограниченное

---

[1]) Прекрасное изображеніе ихъ можно найти у L. Cohn'a, въ Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols. Pasis. 1896 s. 73 ff.

число военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Жреческаго сословія нѣтъ, а религія состоитъ въ обоготвореніи неба; можно сказать, что военная организація была здѣсь религіей. Народъ дѣлился на два сословія, беговъ (begs)—это бароны, высшее сословіе, чиновная аристократія, дворяне, и будуновъ—свободное низкое сословіе. Женщина высокочтима.

Описаніе совершенно сходной культуры встрѣчается у Кудатку-билика, (на 300 л. ранѣе) въ сочиненіи его «Искусство править», написанномъ на уйгурскомъ языкѣ. Здѣсь мы видимъ (13-ая страница) болѣе рѣзко выразившееся дѣленіе на сословія; основныя же черты, характеризующія это дѣленіе, тѣ-же. Этимъ объясняется то, что тюрки и ихъ потомки турки массами примкнули къ движенію на западъ, начавшемуся въ XI в., это выясняетъ и широкое распространеніе турецкаго господства. Врожденное имъ стремленіе къ войнѣ и военной, славѣ жадной жизни и страсть къ полученію чиновъ и и отличій съ другой, гнали тюрковъ впередъ. Страсть эта развилась въ нихъ, благодаря долгой ихъ связи съ Китаемъ. Изъ за военной славы они нанимались въ качествѣ кондотьеровъ и наемниковъ, изъ за должностей—продавали свою свободу.

Страсти этой они могли удовлетворить, когда господство ихъ распространилось на Туранскую низменность до персидской границы и завязались сношенія съ Восточной римской имперіей. Уже въ 589 г. мы встрѣчаемъ многія тысячи турокъ среди Сассанидскихъ войскъ. Когда, вмѣсто персидскаго государства, появилось государство калифовъ, то, чтобы выдвинуться на служебномъ поприщѣ, неизбѣжно стало принятіе ислама. Туркамъ не трудно было мириться съ этимъ требованьемъ, такъ какъ они, подобно всѣмъ монголамъ, не имѣли склонности не только къ фанатизму, но и къ религіозности. По словамъ Кахуна они были весьма расположены къ буддизму. Мы видимъ такимъ образомъ, что тюркскія племена сѣвернаго Таримскаго басейна исповѣдывали то несторіанское христіанство то магометанство. Южныя же были христанами, манихеями, буддистами. Случаи фанатическаго увлеченія магометанствомъ у турокъ рѣдки. Если среди нихъ и являлось расположеніе къ исламу, то принявшіе исламъ турецкіе рабы и дезертиры [1]), начиная дѣятельность въ качествѣ наемниковъ и придворныхъ, становятся феодалами, затѣмъ самостоятельными князьями, и могущество ихъ начинаетъ грозить опасностью государству. Династію Геридовъ основалъ одинъ турокъ въ Хорассанѣ и для калифата послѣдствіемъ этого была потеря восточныхъ областей— Тулуниды и Ихшиды въ Турціи и Египтѣ были также турки; турецкіе кондотьери были основателями газневидскаго государства, которое простиралось на персидскій Иракъ, Дилемъ, Курдистанъ, Табаристанъ, Грузію, Хорасанъ, Сеистанъ, Ховарезмъ, Фергану и Индію—исламъ утвердился здѣсь на продолжительное время. Основатель династіи Сельджуковъ, родоначальникъ нынѣ царствующихъ Османли, также былъ турокъ; онъ основалъ обширное государство, которое тянулось отъ границъ Китая и Индіи до Кавказскихъ горъ, почти до самаго Константинополя, Іерусалима и Счастливой Аравіи.

Книга Сіассетъ-наме, т. е. «Разсужденіе объ управленіи, написанное въ

[1]) Vgl. T. W. Arnold. The preaching of Islam. Westminster 1896, S. 183

царствованіе Малекъ-Шаха, второго государя изъ династіи Сельджуковъ, даетъ намъ поучительныя свѣдѣнія о культурномъ состояніи турокъ въ западномъ Туркестанѣ. Всѣ тюркскія племена, несмотря на принятіе ислама, въ общемъ сохранили нравы своихъ предковъ: эти послѣдніе совершенно вошли въ ту культурную среду, которую создало смѣшеніе арабскихъ идей съ старо-иранской цивилизаціей. Религія стала играть важную роль, женщина отошла на задній планъ. Старыя, простыя отношенія уступили мѣсто государственной необходимости; разстояніе между высокимъ положеніемъ монарха и его подданными увеличилось. Могущество Сельджуковъ, достигшее своего зенита въ царствованіе Малекъ-Шаха, продолжалось не долго. Этотъ государь раздарилъ своимъ любимцамъ нѣсколько большихъ провинцій, равныхъ по величинѣ маленькимъ государствамъ, удержавъ за собою право суверенитета. Такимъ образомъ Ховарезмъ (нынѣ—ханство Хива) былъ леннымъ владѣніемъ ханскаго намѣстника или тиштъ-дара и 1037 г. находился въ рукахъ Магомета-Кутбъ-удъ-дина. Уже пріемникъ его Анизисъ достигъ независимости, боролся за нее съ сельджуками и уйгурами и основалъ династію ховаразмировъ, могущество которой возрастало по мѣрѣ того, какъ падала династія Сельджуковъ; вскорѣ весь Туркестанъ, Самаркандъ и Бухара были соединены подъ скипетромъ Ховарезмовъ.

Тунгузскіе народы также стали шевелиться и двигаться. Одинъ изъ нихъ, Китанъ или Ліао (названный такъ по имени рѣки его родины Манжуріи—Ліао-хо) основалъ въ 872 г. въ сѣверномъ Китаѣ государство того же имени и ревностно воспринялъ китайскую культуру: вскорѣ, однако, долженъ былъ уступить мѣсто государству Кинъ. Народъ, основавшій это государство, былъ родственъ манджу, и назывался цу-дзенъ; до сихъ поръ онъ былъ подчиненъ Китану. Одинъ изъ его князей, Агута, возсталъ противъ нихъ, побѣдилъ ихъ во многихъ сраженіяхъ и въ 1123 г. основалъ «Золотую монархію» (Кимъ); монголы называли главу этой династіи Алтынъ-ханами—золотыми царями. Съ китайской династіей Сунгъ, Кимы заключили пограничный договоръ, по которому они удерживали за собою право на владѣніе Пе-чи-ли, Шангъ-тунгомъ, Хо-наномъ, Шань-си и сѣверной частью Шэнь-си. Главнымъ городомъ этого государства былъ Пекинъ, который съ того времени (1153) получилъ названіе Чингъ-ту, «резиденція центра». На сѣверѣ ихъ государство распространилось до Орхона, Тула, Керулуна и Амура. Подобно всѣмъ монгольскимъ пришельцамъ, они подпали подъ вліяніе китайской культуры; ихъ письменность происходитъ отъ китайской; она недавно была дешифрирована В. Грубе. Въ 1234 г. монархія ихъ была уничтожена монголами.

Сѣверное государство, Кара-Китанъ (Кара-Китай) или черный Китанъ, было основано китанскимъ княземъ. Когда царство Ліао было разрушено, Туши-тальгунъ, (по китайски Іе-ліу-та-ши) военачальникъ и родственникъ послѣдняго китайскаго царя, по повелѣнію его, ворвался (въ 1124 года) съ небольшимъ отрядомъ въ западную часть Шенъ-си постепенно прошелъ въ Кашгаръ, Яркандъ, Хотанъ до Сыръ-Дарьи, т. е. въ Туркестанъ. Это знаменитый архіепископъ Іоаннъ, о которомъ въ средніе вѣка было извѣстно, какъ о могущественнѣйшемъ христіанскомъ государѣ на Востокѣ. Однако до сихъ поръ неизвѣстно, былъ-ли Іе-ліу-ши

несторіанскаго исповѣданія и имѣлъ ли право на санъ архіепископа и на титулъ царя. Жена его была христіанка. Царство его простиралось отъ Оксуса (Аму-Дарьи) до пустыни Шамо, отъ Гиндукуша до малаго Алтая: но оно уцѣлѣло лишь до третьяго поколѣнія: внукъ основателя утратилъ (1117 г.) корону въ борьбѣ съ монголами.

Въ это время среди монголовъ явился герой, задавшійся цѣлью измѣнить карту Азіи; это былъ Темучинъ, извѣстный подъ именемъ Чингисъ-Хана, т. е. могущественнаго, сильнаго. Орды его и его сыновей смели долой Ховарезмовъ, остатки государства Сельджуковъ и государства сѣвернаго Китая. Господство монголовъ распространилось быстро на всю Азію, и грозило затопить Европу. Быстрое возникновеніе этого громаднаго государства было возможно, конечно, только благодаря рѣдкости населенія этихъ странъ; только въ такихъ рѣдко населенныхъ странахъ сравнительно небольшая, воодушевленная толпа могла покорить себѣ разсѣянное слабое населеніе, какъ это видно изъ предыдущаго очерка, тѣмъ болѣе, что оно не было осѣдло, не имѣло ни домовъ, ни дворовъ, которые оно стало бы защищать настойчиво.

Этому способствовали обширныя пустыни и равнины. Мы видимъ, какъ монгольскіе номады, соединенные Темучиномъ въ одинъ народъ, подобно неудержимому потоку устремились на тюркскія племена такихъ же номадовъ; въ Европѣ волна ихъ разлилась по обширнымъ равнинамъ Россіи. Ихъ ужасное вторженіе задержалось у подножія европейскихъ горныхъ странъ и тамъ, гдѣ болѣе плотное населеніе было уже осѣдло, тамъ это вторженіе получило отпоръ. Въ населенномъ Китаѣ, гдѣ сынъ Темучина и его пріемникъ Кублай-Ханъ основалъ династію Юенъ, монголы не могли продержаться и одного столѣтія. Подобныя эфемерныя государства исчезаютъ такъ же быстро, какъ и возникаютъ. Вскорѣ послѣ смерти Темучина, государство, основанное имъ и накогда не терявшее своего кочеваго характера, распалось.

Изъ Ханабальска (нынѣ Пекинъ) великіе ханы перенесли свою столицу въ Каракорумъ. Руины этой резиденціи, недавно разысканныя, заставляютъ думать, что несмотря на найденную въ нихъ золотую царскую палатку, это былъ бѣдный городокъ, быть можетъ просто большой лагерь. Монгольскіе властелины отличались религіознымъ индифферентизмомъ и заставляли молиться о себѣ какъ несторіанцевъ, такъ и магометанъ. Въ Китаѣ они буддисты, въ Персіи переходятъ въ исламъ, въ Кипчакѣ—христіане, и благодаря этому вскорѣ завязался дѣятельный обмѣнъ посольствами между западомъ и резиденціями хановъ. При ихъ дворѣ европейскіе путешественники въ первый разъ увидѣли китайцевъ и уроженцевъ Ономъ-Керуле, т. е. даурцевъ. Здѣсь же въ первый разъ появились, прибывшіе съ крайняго сѣвера, ловко бѣгающіе на лыжахъ, уріангъ-хай, тунгузскіе салоны съ Амура, и даже данники ихъ манчьжуры съ островов Охотскаго моря, посѣщаемыхъ монгольскими охотниками зимой, когда замерзнетъ море. Монголы покровительствовали торговлѣ, и въ 14 столѣтіи началась организованная внѣшняя торговля, достигавшая въ Китаѣ Ханабальска. Въ 14 в. тюркскій элементъ еще разъ подымается. Тимуръ-Бекъ (родившійся въ Кашѣ) въ 1333, во главѣ большого тюркскаго войска, опираясь на массу тюрскихъ племенъ въ Туркестанѣ

(изъ рода Берловъ, извѣстный на западѣ подъ именемъ Тамерлана, Тамерленка) объединилъ, на короткое правда время, всю центральную Азію въ одно огромное Средне-Азіатское государство. Съ паденіемъ его дома (Тимуридовъ) заканчивается періодъ средне-вѣковой исторіи Туркестана. Послѣ того, какъ Тимурское государство неудержимо стало разрушаться, тюркскія племена вновь начинаютъ господствовать; надъ обломками Сельджукскаго государства поднялись Османли, которые въ срединѣ 14 в., распространяя ужасъ и страхъ, проникли въ Европу и раззорили всѣ страны отъ Босфора до Гемуса. Послѣдній изъ Тимуридовъ, султанъ Баберъ долженъ былъ отступить предъ Шембани-Мехмедъ-Ханомъ изъ фамиліи Чингиза и предоставилъ ему господствовать въ Самаркандѣ. Самъ же онъ основалъ въ Индіи, въ Дели, государство Великаго Могола.

Средневѣковая Индія.

Исторія Индіи въ началѣ среднихъ вѣковъ темна. Вотъ все, что можно извлечь изъ скудныхъ свѣдѣній, имѣющахся объ этомъ предметѣ. Наслѣдники Асоки занимали престолъ Магадовъ. Съ 2-го вѣка до Р. Хр. до 6-й династіи Сунга, Канва, и вышедшіе изъ Декана—Андрга и Гупта—соединились въ значительное государство, господствовавшее надъ всей арійской Индіей. На дѣлѣ господство это распространялось только на центральную Индію. На востокѣ, па западѣ и на югѣ существовали болѣе или менѣе могущественныя государства, какъ-то въ Бенгаліи, въ Ориссѣ и въ Гуджаратѣ и только изрѣдка удавалось Магадамъ занять прежнее главенствующее положеніе среди нихъ. Главной причиной этого были условія существованія въ западной Индіи. Со времени похода Александра Македонскаго, она стала доступна чуждому вліянію, такъ что время отъ времени на нее распространялась власть греко-бактрійскихъ царей, напр. въ царствованье знаменитаго Менандра,—Мелинды по правописанію южно-буддистскихъ писателей. Въ 150 г. пр. Р. Хр. оно распространялось на Пенджабъ и сѣверо-западныя провинціи, и преемники ихъ, Юе-чи, въ царствованье ихъ царя Канишки (78 по Р. Хр.), владѣли сильнымъ государствомъ. По смерти его оно распалось; борьба съ индоскиѳами и ефталитами—бѣлыми гуннами, нахлынувшими слѣдомъ за ними, длилась все время вплоть до 6-го в. Изъ нихъ образовалось, наконецъ, блестящее государство Гупта; когда оно пало (вѣроятно вслѣдствіе вторженія ефталитовъ)—возникло еще болѣе блестящее и могущественное государство, государи которыхъ, Викрамадитья и его родъ, изгнали изъ Индіи скиѳовъ, послѣ чего наступила для Индіи эпоха блестящаго разцвѣта. Но послѣ этого цвѣтущаго періода наступилъ мрачный, длившійся съ начала 8 в. почти до средины 10-го. Мы знаемъ о политической, религіозной и культурной исторіи Индіи этой эпохи такъ не много, что это почти что ничего. Мы можемъ только предполагать, что это была эпоха дикихъ внутреннихъ войнъ. Когда завѣса вновь открывается, могущественное государство является распавшимся на мелкія княжества (Дели, Канауджи, Адшміръ, Мальва и т. д.) престолы которыхъ занялъ новый родъ Раджпутовъ. Кажется, они появились къ началу среднихъ вѣковъ,

такъ какъ ужъ съ 5 вѣка мы находимъ могущественную фамилiю Раджпутовъ, Чалукья, въ Деканѣ, гдѣ господство ихъ длилось до 12 вѣка, причемъ они раздѣлились на двѣ вѣтви, восточную и западную; преемниками ихъ были Беллала изъ Мейзюра и Какати, изъ Варангала—также изъ рода Раджпутовъ. Кажется къ этому же роду принадлежали Кесари изъ Ориссы (476 — 1132), а также Пàла и Сена изъ Бенгалiи (отъ 9 до 12-го вѣка. Между тѣмъ какъ сѣверная и центральная Индiя были до магометанскаго завоеванiя въ рукахъ этихъ новыхъ государей, что длится отчасти и до настоящаго времени, южная Индiя оставалась подъ властью своихъ прежнихъ государей, Чола, Пандья, Чера и Керàла; гроза пощадила этихъ властителей, которые пользовались своей старой, возникшей быть можетъ еще въ до-арiйскiя времена, культурой, оживлявшейся и обновлявшейся ревностнымъ торговымъ обмѣномъ съ западомъ.

Въ 647, а позже отъ 711, Индiя пришла въ соприкосновенiе съ магометанскимъ западомъ, когда магометанскiй правитель Бассоры отправился съ войскомъ въ Индiю, чтобы вынудить выдачу захваченнаго въ Индiйскомъ морѣ арабскаго судна; и все же, покой Индiи не нарушался, пока одинъ тюркскiй предводитель разбойничей шайки, Севюктекинъ (976) въ Газнѣ въ Кабулѣ, у подножья Гиндукуша, не основалъ самостоятельное государство, которое вскорѣ стало расширяться по всѣмъ направленiямъ. Великiй сынъ его, Махмудъ, вдохновенный мусульманинъ, одинъ изъ немногихъ фанатиковъ среди тюрковъ, покорилъ себѣ государство Саманидовъ въ Персiи, побѣдилъ безчисленныя полчища уйгуровъ, подъ властью Илекъ-Хана, при Балкѣ, вытѣснивъ ихъ изъ Средней Азiи и расширилъ границы своего государства до Ганга. Онъ подчинилъ себѣ раджей въ Лагорѣ, въ Мультанѣ, въ Дели, разрушилъ индусскiя пагоды на отрогахъ Гималаевъ, чтобы водворить здѣсь исламъ, разграбилъ богатства храма Магадевы въ Сомнатѣ и вывезъ отсюда громадную добычу. Въ этомъ блестящемъ государствѣ Газневидовъ процвѣтала торговля и промышленность, наука и и поэзiя, а дворъ Магомета украшали своимъ присутствiемъ знаменитѣйшiе поэты и ученые Востока. Центръ тяжести этого государства находился все-таки не въ Индiи, а въ Персiи. Хотя Газневиды были преданы исламу, но утвердили свою власть на признанiи нацiональнаго чувства. Они были терпимы къ поклонникамъ огня и свѣта; и во время ихъ господства языкъ и поэзiя Персiи вновь возродились. Махмудъ былъ личнымъ другомъ Фирдуси, который писалъ, живя при дворѣ его, свою знаменитую поэму Шахъ-Наме. Султанъ Масудъ III первый перенесъ столицу изъ Газны въ Лагоръ, т. е., за предѣлы Индiи. Однако государство Газневидовъ стало вскорѣ жертвою Сельджуковъ. Тогда возвысился домъ Гаридовъ въ Лагорѣ, покорившiй себѣ всѣ страны къ сѣверу отъ Нербудды,—Бенгалiю, Синда и Гузератъ. Бенаресъ, главное мѣстопребыванiе браманской науки, былъ при этомъ раззоренъ (1194 г.).

По смерти Магомета Гаура, въ 1205 г., огромное государство его было раздѣлено; Персiя досталась Йильдизу, Индiя—Кутбъ-удъ-Дину, основателю Патанской или Афганской династiи на Индустанѣ. Онъ перенесъ столицу свою изъ Лагора въ Дели. Подъ управленiемъ этой династiи вся сѣверная Индiя соединилась вскорѣ въ одно государство, хотя обширное,

но съ хорошимъ внутреннимъ устройствомъ. Только Деканъ, почти равный по величинѣ тому пространству, какимъ владѣли Патаны на Индустанѣ, не входилъ въ составъ этого государства, и несмотря на неоднократныя попытки, избѣгъ завоеванiя. Въ царствованiе этой династiи повторялись все болѣе и болѣе частые набѣги монголовъ на Пенджабъ, а въ 1244 г. они дошли до Бенгалiи. Эти потрясенiя придали духу многимъ данникамъ возстать противъ султана въ Дели. Возстанiя этихъ князей, чередуясь съ набѣгами монголовъ, утвердившихся въ Пенджабѣ, ослабляли все болѣе и болѣе это государство. Такимъ образомъ во время Тимура оно было значительно меньшихъ размѣровъ. Опустошительное нашествiе монгольскихъ завоевателей почти не измѣнило политическаго устройства Индiи, такъ какъ Тимуръ ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ своимъ данникомъ Делiйскаго султана. Но когда (въ 1413) угасла Патанская династiя, положенiе Индустана стало безнадежнымъ. Сначала поколебались туглаки (1330—1412), затѣмъ—сеиды (1413—1450) затѣмъ вся Индiя распалась на множество мелкихъ государствъ или намѣстничествъ (субабiи). Еще разъ афганскiй домъ, Лоди, завладѣлъ Делiйскимъ престоломъ, но въ началѣ 16 вѣка государство вновь очутилось въ затруднительномъ положенiи и благодаря этому, султанъ Баберъ вновь завоевалъ Индiю.

Такова, въ главныхъ чертахъ, судьба Индiи той эпохи, которая соотвѣтствуетъ среднимъ вѣкамъ въ Европѣ. Для Индiи въ то время начинается также новая эра; хотя здѣсь она вызвана совершенно иными причинами. Въ Индiи, какъ и въ Европѣ, на старую культуру нахлынули полудикiя орды; но здѣсь имъ не удалось сломить ее: напротивъ, побѣдоносная борьба съ ними укрѣпила нацiональное чувство индусовъ или, лучше сказать, развила его.

Причиною же новообразованiй было вторженiе новой культуры, а именно греческой, которая, смѣшавшись съ иранскими элементами, втеченiе нѣсколькихъ вѣковъ проникала сюда, оживляя и оплодотворяя старую культурную Индiю. Живой обмѣнъ съ внѣиндусскимъ мiромъ, вызванный этими обстоятельствами, долженъ былъ расширить кругозоръ индусовъ. Такимъ образомъ уже въ началѣ этого перiода въ Индiи произошли существенныя измѣненiя. Науки и искусства достигаютъ пышнаго расцвѣта и носятъ отчасти греческiй отпечатокъ; на ряду съ благороднымъ санскритомъ начинаютъ развиваться народныя нарѣчiя, и въ то время, какъ буддизмъ исчезаетъ, старый браманизмъ, претерпѣвая существенныя измѣненiя, обращается въ индуизмъ.

Въ эпоху Викрамидовъ (500—750) расцвѣтъ наукъ и искусствъ, еще не наступилъ, только строительное искусство начинаетъ развиваться ранѣе другихъ. Въ самомъ дѣлѣ это «августiанская» эпоха въ Индiи, какъ называетъ ее Дуттъ [1]). Вслѣдъ за строительнымъ искусствомъ поэзiя распустила свои прелестнѣйшiе цвѣты; драма достигла высокаго развитiя. Эта поэтическая форма, по всей вѣроятности, заимствована изъ Грецiи. Произведенiя Калидасы и Бгавабгути не только лучше всего, что написано на санскритскомъ языкѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ

[1]) Romesh Chunder Dutt, A history of civilisation in ancient India. Calcutta 1889—90, 3 тома.

напримѣръ Сакунтала,—поистинѣ безсмертны. Калидаса пожиналъ лавры не только въ качествѣ эпическаго и лирическаго писателя. Написанный прозою сборникъ Панчатантра, на которомъ отразилось вліяніе буддистскихъ воззрѣній, этотъ замѣчательный животный эпосъ (басни и сказки) даетъ намъ понятіе объ индусскомъ міросозерцаніи того времени. Уже въ 6 вѣкѣ онъ былъ занесенъ на западъ, гдѣ далъ матеріалъ для произведеній европейской литературы. Тогда же возникъ и романъ, аналогичный съ греческимъ, и создавшійся здѣсь очевидно также подъ греческимъ вліяніемъ. Необыкновенныя приключенія и сказочный характеръ его служатъ отраженіемъ тѣхъ туманныхъ, неясныхъ представленій о внѣшнемъ мірѣ, которыя были послѣдствіемъ дѣятельныхъ сношеній съ западомъ. Изъ наукъ возродились здѣсь медицина, астрономія и математика, также достигшія высокой степени развитія. Астрономія и математика сильно подвинулись впередъ благодаря греческому вліянію, и въ VI-мъ вѣкѣ математика получила свое собственное научное обоснованіе, благодаря Арьябгатѣ и опередила своихъ учителей, такъ что въ XII столѣтіи—Бгаскарачарья разрѣшалъ такія задачи, рѣшеніе которыхъ въ Европѣ стало извѣстно только въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Вслѣдъ за этимъ подъемомъ духа послѣдовалъ мрачный періодъ, длившійся отъ VIII до X вв., безплодный какъ для наукъ, такъ и для искусствъ. Послѣ этого онѣ уже не поправлялись вполнѣ, хотя и появляются такія произведенія какъ Гитагиванда Ядевы, одно изъ мелодичнѣйшихъ поэтическихъ произведеній санскрита, написанныхъ въ 12 вѣкѣ; можно сказать, что Индія вышла изъ гражданскихъ войнъ надломленной, апатичной. Только въ одной отрасли искусствъ она проявляетъ свою дѣятельность—это въ архитектурѣ.

Пластическое искусство [1]) въ Индіи обязано своимъ развитіемъ буддизму, который первый далъ вѣрующимъ пластическій предметъ обожанія, Будду, а зданія, въ которыхъ сохранялись реликвіи буддизма, послужили проектами архитектурныхъ произведеній.

Два стиля отчетливо выдѣляются въ архитектурѣ этого вѣка: персидско-индусскій, представляющій смѣсь стиля, господствовавшаго въ государствѣ Ахеменидовъ и проникшаго въ Индію во время вліянія этого государства на нее,—съ древне-индусскимъ стилемъ (рѣзьба на деревѣ), напоминающимъ сѣверный; и стиль школы Гандгара, который ошибочно называютъ также греко-буддійскимъ; стиль этотъ возникъ въ сѣверо-западной Индіи, въ Кабулѣ, подъ вліяніемъ античнаго, и отчасти древне-христіанскаго искусства, у котораго онъ заимствовалъ форму, но не содержаніе. Хотя этотъ стиль значительно повліялъ на стиль персидско-индусскій, онъ все же представляетъ въ Индіи, благодаря политическимъ и географическимъ условіямъ, явленіе не постоянное, (напримѣръ въ Амаравати). За то онъ сталъ принадлежностью сѣверной буддистской школы, и повсюду, гдѣ появлялся буддизмъ, стиль этотъ также укрѣплялся: въ Тибетѣ, въ Китаѣ, въ Японіи, а быть можетъ и на Явѣ. Персидско-индусскій стиль, напротивъ того, сдѣлался національнымъ. Памятники, сохранившіеся въ собствен-

[1]) Предметъ этотъ великолѣпно обработанъ у A. Grünwedel'я, Buddistische Kunst in Indien. Berlin 1893.

ной Индіи, пещерные храмы, монастыри и храмы,—построены въ этомъ стилѣ и понынѣ вызываютъ въ насъ удивленіе. Высшей точки своего развитія онъ достигаетъ въ I вѣкѣ по Р. Хр. Съ V по VI вѣкъ, съ паденіемъ буддизма, падаетъ также и этотъ стиль, и когда онъ вновь появляется въ индусскихъ храмахъ слѣдующихъ столѣтій,—то замѣчается стремленіе замѣстить недостатокъ красоты и искуснаго выполненія массивностью и громадностью размѣровъ. Каменныя рѣзныя украшенія, которыми сверху до низу украшены эти постройки, поражаютъ своей утонченностью и тщательнымъ наблюденіемъ природы; на нихъ ясно отразилось вліяніе стиля, въ какомъ преобладаетъ деревянная рѣзьба. Этотъ стиль встрѣчается внѣ Индіи въ тѣхъ мѣстахъ, куда проникли южно-буддистскіе миссіонеры, т. е. въ Индо-Китаѣ, на Цейлонѣ, а также въ Непалѣ и въ Тибетѣ, и отчасти въ Китаѣ и Японіи.

Существенныя измѣненія произошли въ это же время и въ религіи. Уже въ началѣ этого періода, въ VII в., буддизмъ начинаетъ колебаться въ Индіи и на ряду съ этимъ получаетъ болѣе широкое распространеніе въ другихъ странахъ. Когда черезъ 200 лѣтъ онъ вновь начинаетъ играть роль въ исторіи Индіи, здѣсь онъ уже почти повсемѣстно исчезаетъ и уступаетъ мѣсто индуизму. Вновь пробудившееся національное сознаніе, которое отвергало буддизмъ, т. е. вѣроученіе враговъ страны, индоскиѳовъ, не могло быть единственной причиной этого исчезновенія, такъ какъ въ VI и VII вѣкахъ здѣсь господствовала еще полнѣйшая вѣротерпимость. Но, конечно, причиной этому были тѣ преслѣдованія огнемъ и мечемъ, которымъ подвергался онъ въ VIII вѣкѣ. Преслѣдователями этими были кажется Раджпуты. Фанатизмъ ихъ объясняется лучше всего, если признать вмѣстѣ съ Дуттомъ [1]), что онъ былъ для нихъ новъ.

Буддизмъ исчезъ однако изъ Индіи не безслѣдно. Слѣды его находятся у враждебнаго ему его преемника, индуизма, на который онъ оказалъ такое же вліяніе [2]), какое на буддистовъ оказалъ браманизмъ. Вліяніе это сказывается какъ разъ въ тѣхъ двухъ главныхъ пунктахъ, въ которыхъ новоиндуизмъ расходится съ браманизмомъ, въ ученіи о тройственности и въ идолослуженіи. Ведійская религія была обоготвореніемъ силъ природы, которымъ все еще приносились жертвы, несмотря на то, что вѣра въ высшее существо уже возникла. Индуизмъ (какъ и буддизмъ) предоставлялъ этимъ древнимъ богамъ первое мѣсто, возвышая надъ ними Троицу (Тримурти): Браму (Творца), Вишну (Вседержителя) и Сиву (Разрушителя). Вишну и Сива—древніе народные боги, которые введены въ систему изъ уваженія къ народнымъ вѣрованьямъ. Такимъ образомъ они являются объектами культа, причемъ предпочтеніе отдается то одному, то другому. И, однако, это, по всей вѣроятности, связано съ буддистскимъ понятіемъ о троичности. Еще вѣроятнѣе, что идолослуженіе было наслѣдіемъ буддизма. Ведійской религіи оно было совершенно чуждо, пластика совершенно отсутствовала въ ней, буддизмъ же, напротивъ того, уже въ началѣ нашей эры выродился въ идолопоклонство. Есть и еще черты, показывающія, какъ вліялъ буддизмъ на характеръ новоиндуизма: таковъ, напримѣръ, взглядъ нѣкоторыхъ

[1]) Тамъ-же, I, 30 и ö.
[2]) Dutt, тамъ-же III, 270.

вишнуитскихъ сектъ на кастовое дѣленіе, на состраданіе по всему живущему. И въ самомъ дѣлѣ было бы странно, если бы религія, почитаемая въ теченіе столькихъ вѣковъ, исчезла безслѣдно; точно также было бы странно, если бы основатели новой религіи, жрецы, были такъ неблагоразумны, что не старались бы отыскать въ ней точку опоры. Но достаточно и этихъ указаній. О дальнѣйшемъ развитіи религіозныхъ системъ у индусовъ, о томъ, напримѣръ, что каждому богу, (даже лицамъ троицы) приписывалась супруга, такъ что всѣхъ боговъ насчитывалось до 330 милліоновъ—вдвое больше чѣмъ вѣрующихъ—нечего и говорить.

Таково было положеніе Индіи, когда она подверглась магометанскому завоеванію. Причина быстраго паденія сѣвернаго государства, которое стало жертвою горсти враговъ, заключается не только въ разъединеніи и соперничества индусскихъ князей, она также независима отъ лучшаго качества магометанскихъ войскъ,—индусы были храбры—она коренилась въ недостаткѣ національнаго чувства у индусовъ. Это произошло во время междуусобныхъ войнъ, въ VIII и IX вѣкахъ, и индусы съ такою же готовностью подчинялись магометанскому князю, съ какою раньше они подчинялись Раджпутамъ. Благодаря этому, утрата самостоятельности почти не прерывала дальнѣйшаго развитія культуры въ Индіи. Если и былъ перерывъ, то во всякомъ случаѣ онъ былъ менѣе продолжителенъ, чѣмъ тотъ, который являлся послѣдствіемъ междуусобныхъ войнъ

Во всякомъ случаѣ взгляды завоевателей оказали на это свое вліяніе, такъ какъ они держались здѣсь того же принципа, который руководилъ ими и ранѣе; когда остыло то раздраженіе, которое было внесено «священною войною», когда первая жажда добычи была утолена, они дали свободу новымъ своимъ подданнымъ, какъ по отношенію къ вѣроисповѣданію, такъ и во всемъ, касавшемся существующихъ нравовъ и обычаевъ; исламъ распространился въ Индіи гораздо болѣе мирнымъ путемъ, чѣмъ оружіемъ [1]). По словамъ Лассена, внося такъ называемую «Кирая»—подать поземельную и подушную, жители удерживали за собою свои земли, не обязываясь при этомъ къ принятію ислама, они получали кромѣ того право пользоваться защитой своихъ новыхъ господъ, и здѣсь сложились тѣ-же отношенія между завоевателями и завоеванными, какія были въ Персіи. Индусскіе князья оставались правителями своихъ владѣній, подъ условіемъ — признавать верховную власть своихъ побѣдителей, платить имъ подати, и поставлять, въ случаѣ надобности, войска. Когда чужеземное господство пустило болѣе глубокіе корни, подати стали распредѣляться правильно мусульманскими правителями. Они воспользовались староиндуской системой управленія: *пати* т. е. «господа» (управляющіе) назначались надъ 1, 10, 20, 100, 1000 деревень и городовъ. Высшіе чиновники этого рода носили названіе *дексадхикариновъ*, по персидски зимендаръ, или «землевладѣльцы». Мусульмане удержали этихъ чиновниковъ и поручили имъ полицейскій надзоръ и взысканіе податей въ деревняхъ и городахъ, такъ же какъ и надзоръ за земледѣльцами, которые также находились въ ихъ вѣдѣніи. Управ-

[1]) Прекрасное описаніе этого находимъ въ извѣстномъ сочиненіи T. W Arnold'a The preaching of Islam.

[2]) Indische Altertumskunde, Leipz. 1857—77, III, 1153 ff. Vyl. и у Arnold'a.

леніе военнымъ дѣломъ удержали за собою знатные мусульмане, къ которымъ была причислена часть войска. Оба основныхъ положенія индусскаго государства, касты и сельское устройство съ наслѣдственными чиновниками и ремесленниками, пережили господство магометанъ и существуютъ до сихъ поръ въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ они вводились сравнительно позднѣе, или же тамъ, гдѣ оставалось незначительное число мусульманъ, или тамъ наконецъ, гдѣ коренное населеніе обратилось въ исламъ. Сохраняя частью староиндусское устройство, магометанскіе монархи не могли помѣшать и другимъ его частямъ долго удержаться. Само собою разумѣется, что они назначали на высшія должности только магометанъ, и что отъ слугъ государства требовалось признаніе ислама: это способствовало его распространенію лучше, чѣмъ всякія принудительныя мѣры; въ судебныхъ учрежденіяхъ мусульманскіе законы имѣли рѣшающее значеніе. Ни обычаи, ни религія магометанъ не могли повліять на измѣненіе системы вѣрованій у народа, который, подобно индусамъ, твердо держался своихъ вѣрованій, обычаевъ и нравовъ. Напротивъ того, оставшіеся въ Индіи магометане усвоили себѣ индусскіе обычаи. Религіозныя вѣрованія мусульманъ обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ сектъ только только позднѣе, въ 1500 г. Секта сикховъ (Sikhs—ученикъ) главнымъ образомъ интересуется исламомъ. Исламъ получаетъ широкое распространеніе, отчасти по тѣмъ же причинамъ, которыя содѣйствовали распространенію буддизма: онъ давалъ возможность людямъ низшихъ классовъ искать путь къ спасенію, облегчалъ ихъ участь, дѣлая ихъ существованіе соотвѣтствующимъ человѣческому достоинству.

Что касается положенія искусствъ этого мирнаго періода, то изъ нихъ только архитектура совершенно заглохла во время мусульманскаго вторженія—причиной этому былъ, быть можетъ, недостатокъ средствъ. Только дравидскій стиль, какъ пришедшій въ соприкосновеніе съ мусульманами гораздо позже, сохранился впродолженіи еще ста лѣтъ. Даже сложился за это время особый стиль, возникшій, впрочемъ, изъ стараго національнаго стиля. Поэзіи не коснулись политическія перемѣны, она продолжала процвѣтать, но въ иной формѣ: ей служилъ теперь народный языкъ. Выше мы обратили вниманіе на то, что новая эпоха, средніе вѣка, создали новую форму языка. Это же явленіе—не ограничивавшееся одной Индіей—встрѣчалось тамъ неоднократно; такимъ образомъ съ возникновеніемъ государства Магада и съ слѣдующимъ затѣмъ появленіемъ Будды—появляется *пали*, остающійся священнымъ языкомъ южныхъ буддистовъ. Возвышеніе индуизма въ царствованіе новой династіи, Викрамидовъ, выдвигаетъ *пракритскій* языкъ, *Вароруци*: въ царствованье *Викрамадитьи* составлена первая грамматика этого языка. Въ драмахъ, въ которыхъ различныя касты говорятъ на разныхъ діалектахъ, языкъ этотъ былъ нарѣчіемъ низшихъ кастъ. Теперь діалекты созрѣли, не избѣгнувъ магометанскаго вліянія (*урду*, лагерный языкъ, который и теперь еще служитъ въ качествѣ lingua franca въ сѣверной Индіи) и заявляли свои права на извѣстную роль въ литературѣ. Ранѣе другихъ выступилъ *инди*, обиходный языкъ высшихъ кастъ въ с. Индіи; на этомъ языкѣ воспѣто паденіе послѣдняго Делійскаго царя, приблизительно въ 1200 г. въ произведеніи: «*Притирасбражу*», *Канды-Бордая*. Остальные діалекты

только позже создают свою литературу, так, например, *маратскій* въ 13 в., бенгальскій и гуджара въ XV в. Мусульмане также приняли участіе въ этомъ мирномъ состязаніи въ XIII и XIV вв.; но только въ 18 вѣкѣ появились у нихъ поэты, достойные вниманія—Сауда, Миръ и другіе.

Распространеніе буддизма.

Ни одно вѣроученіе не возбуждаетъ такого живого интереса въ христіанахъ, какъ буддизмъ. Это ученіе, несмотря на свое существенное различие съ христіанствомъ, имѣетъ съ нимъ многія точки соприкосновенія. Какъ поэтому, такъ и потому, что оно играетъ столь важную роль среди многочисленныхъ народовъ, которые оно покорило себѣ мирнымъ путемъ, необходимо внимательно прослѣдить дальнѣйшій ходъ его развитія. Буддизмъ представляетъ собою систему неизмѣримо величественную; онъ охватываетъ всѣ отрасли знанія, которымъ приписывается народами запада извѣстное воспитательное значеніе. Въ буддизмѣ воплотились странныя и величавыя воззрѣнія физическія,—какъ раффинированныя, такъ и грубыя теоріи; абстрактная метафизика, фантастическій мистицизмъ, выработанная и многосторонняя система практической морали; наконецъ церковная организація, разработанная въ принципіальномъ отношеніи до такихъ тонкостей, до такихъ детальныхъ подробностей, какъ ни одна въ цѣломъ свѣтѣ. Достойна вниманія особенность, вложенная въ буддизмъ мастерской рукой его творца—духъ свободомыслія и абсолютной терпимости, характеризующіе какъ появленіе, такъ и распространеніе буддизма и дающіе ему возможность воспринимать цѣнныя идеи всѣхъ вѣроученій, съ какими онъ приходитъ въ соприкосновеніе, и входить въ компромиссы съ какими угодно народными вѣрованіями; основанныя имъ церкви держутся тысячелѣтія, никогда не преслѣдуя ни одного диссидента.

Въ первые сто лѣтъ послѣ смерти Будды [1]) (477 до Р. Х.), о восьмидесятилѣтней жизни котораго сложились безчисленныя и разнообразныя саги, ученіе его не проникло, кажется, за черту странъ, лежащихъ по Гангу. Это произошло во время Чандрагупты [2]) изъ Магады (Сандракотъ по гречески), который расширилъ свое государство на западъ до натуральныхъ границъ Индіи и былъ преданъ ученію Будды; внукъ его Асока—величайшій правитель, какого когда либо имѣла Индія, властитель почти всего полуострова также былъ буддистъ. Онъ стремился распространить буддизмъ по всему извѣстному ему свѣту. Въ этомъ его величіе. Онъ могущественнѣйшій послѣдователь идеи объединенія націй въ союзъ человѣчества, на которую въ буддизмѣ мы встрѣчаемъ только намекъ. «Причиной того, что эта идея пробудилась и начала дѣйствовать какъ разъ въ это время, или, лучше сказать, видоизмѣнилась такимъ образомъ, было столкновеніе ея съ идей всемірнаго государства, воплощенной въ не менѣе великомъ государѣ, Александрѣ Македонскомъ, чрезъ посредство котораго она проникло въ Индію. Проникновеніе этой идеи въ Индію, имѣло еще и другія послѣдствія. Оно отчасти сообщило ей то направленіе, которое Александръ Македонскій далъ грекамъ и персамъ и изъ котораго возникъ эллинизмъ, — направленіе, цѣлью котораго было разбить границы націонализма и сплавивъ особенности, ранѣе разъединявшія народы—кровь, нравы, религію, искусства и науки, привести ихъ къ высшему единству, къ союзу человѣчества, возвышая ихъ до идеи гуманизма. Это направленіе, встрѣтивъ въ Индіи молодой, недавно возникшій буддизмъ, захватило его и было имъ захвачено». [1]) Поэтому уже въ царствованіе Асоки отправлялись буддистскіе проповѣдники въ Переднюю Азію, въ Бактрію и на Цейлонъ, и обратили въ буддизмъ государей этихъ странъ. Въ Китай (217 до Р. Хр.) хотя и проникли буддійскіе миссіонеры, но буддизмъ распространился здѣсь только 300 л. спустя. Разумѣется Асока распространилъ это ученіе по всей своей странѣ, чему свидѣтельствомъ служатъ его многочисленные указы, и здѣсь, несмотря на нѣкоторую враждебность, встрѣченную этимъ ученіемъ оно продержалось, какъ мы видѣли, до начала среднихъ вѣковъ. Извѣстія Фа-Гіена и Гіенъ-Дзанга не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ процвѣталъ здѣсь въ 5 и 7 в.в. Отъ нихъ мы узнаемъ также о татарскихъ буддистскихъ государствахъ Средней Азіи. Буддизмъ проникъ туда, по всей вѣроятности, до начала нашей эры, вслѣдъ за торговыми сношеніями, такъ какъ въ это время торговля находилась въ цвѣтущемъ состояніи. Какъ вообще всѣ монгольскія племена, Юэ-чжи, кажется, имѣли къ нему особую склонность. Канишка, великій царь (въ Кашемирѣ) былъ такимъ же горячимъ и преданнымъ послѣдователемъ буддизма, какъ и Асока. Въ царствованіе его въ Кашемирѣ былъ послѣдній соборъ и на немъ былъ пересмотрѣнъ канонъ; соборъ этотъ однако не былъ признанъ Цейлонскою церковью. Такимъ образомъ произошелъ церковный расколъ, въ I в. до Р. Хр., подобный происшедшему на западѣ, когда раздѣлились римская и греческая церкви. Съ этого времени сталъ различаться сѣверный буддизмъ отъ южнаго. Южный сохранился въ болѣе чистой формѣ, такъ какъ на замкнутомъ Цейлонѣ онъ не могъ подвергнуться большимъ измѣненіямъ. Сѣверный же буддизмъ, приходившій въ постоянное соприкосновеніе съ браманизмомъ, съ народными культами (сиваизмомъ) и съ грубыми воззрѣніями полуварварскихъ племенъ, уже въ раннюю эпоху превратился въ каррикатуру на первоначальное ученіе. Измѣненный такимъ образомъ, онъ тѣмъ легче принимался шаманскими монгольскими народами, къ которымъ принадлежатъ въ массѣ и китайцы. Вотъ почему онъ получилъ такое широкое распространеніе.

Въ 65 г. по Р. Хр. этотъ сѣверный буддизмъ сталъ оффиціальной религіей въ Китаѣ. Онъ шелъ въ разрѣзъ со старой китайской культурой и утвердился здѣсь только черезъ многіе вѣка, да и то не вполнѣ сроднившись съ старой культурой, и если принять во вниманіе, что онъ шелъ въ разрѣзъ со сложившимися здѣсь ранѣе воззрѣніями, то медленное его укорененіе не покажется страннымъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ,—и

---

[1]) Настоящее его имя было Сиддартха, монашеское имя было Гаутама; „Будда" значитъ просвѣтленный.

[2]) Пишется латин. букв. Candragupta; по С. въ индуск. им. выгов. какъ Ч.

[1]) C. F. Köppen, Die Religion des Buddha. Berlin. 1857 г. I, 159 г.

*

это скорѣе можно считать чудомъ,—онъ, благодаря безпримѣрной способности своей къ ассимиляціи, такъ слился съ китайскими міровоззрѣніями, что весь почти китайскій народъ былъ увлеченъ до извѣстной степени буддистскими идеями. Китайцы сами говорятъ: «три ученія» конфуціонизмъ, таоизмъ [1]) и буддизмъ—одно ученіе.

Буддизмъ (372 г. по Р. Хр.) проникъ изъ Китая въ Корею, а оттуда въ Японію (552). Въ Кореѣ у него не было особенно многихъ послѣдователей, въ Японіи онъ сталъ оффиціальной религіей, но смѣшался съ мѣстнымъ героическимъ культомъ (ками), такъ что здѣсь за нимъ сохраняется только имя.

Но величайшую побѣду одержалъ онъ въ Тибетѣ. Въ эту замкнутую страну онъ проникъ (въ 407 г. по Р. Хр.), но не могъ тогда пустить здѣсь глубокихъ корней. Когда царь, Сронгъ-бдзанъ-сгамъ-по, ввелъ его въ началѣ 7 в.—успѣхъ его былъ не великъ.

Онъ ввелъ письменность (тогдашнюю сѣверо-индускую) и началъ обширный сборникъ переводовъ съ санскрита, извѣстныхъ подъ именемъ канджуръ и танджуръ. Но только въ царствованіе Кхри-сронгъ-льде-бдзана (740 — 86) буддизмъ былъ повсемѣстно признанъ и хотя въ царствованіе сына этого царя, Глянгъ-даръ-ма (въ 9 вѣкѣ) онъ подвергся жестокимъ гоненіямъ, онъ продолжалъ существовать и получилъ іерархическое, подобное устройству римско-католической церкви, устройство, которое мы называемъ ламаизмомъ. Ламаизмъ представляетъ полный составъ церковной іерархіи, съ ея папою — ламой (бла ма — высшій) съ епископами, монахами и монахинями, съ ритуаломъ, напоминающимъ католическій. Это пытались объяснить тѣмъ, что онъ воспринялъ христіанскія идеи, занесенныя сюда несторіанскими миссіонерами. И, однако, это еще не достовѣрно и нѣтъ никакой необходимости объяснять такимъ образомъ. Совершенно ясно, что ламаизмъ вытекалъ прямо изъ буддизма. Ни одинъ изъ его догматовъ не чуждъ сѣверному буддизму. Его возрожденіе въ XIV ст., создавшее настоящій ламаизмъ, подобный папству, опиралось на старобуддистскіе догматы (о безбрачіи, покаяніи, постѣ). Ламаизмъ въ существенныхъ чертахъ, это—сиваизмъ въ соединеніи съ ламаизмомъ (такъ называемая религія бонъ) и съ буддизмомъ. Онъ получилъ свое іерархическое устройство, благодаря тому, что высшіе священники были знатнаго происхожденія и отчасти принадлежали къ царскимъ родамъ и послѣ паденія стараго царскаго режима, эти духовные князья пріобрѣли власть сувереновъ. Они были признаны и укрѣплены Кублай-ханомъ, который, такимъ образомъ, игралъ роль Карла Великаго въ Тибетѣ. Ламаизмъ проникъ, благодаря ему, въ Монголію и въ Китай, такъ что буддизмъ является здѣсь въ двухъ формахъ.

Почти въ каждой странѣ утверждается раньше другихъ та религія, которая распространяетъ знанія, и Тибетъ не былъ исключеніемъ изъ этого правила. Почти все цѣнное въ тибетской литературѣ проникло сюда изъ Индіи; она, главнымъ образомъ, состоитъ изъ буддистскихъ сочиненій и изъ переводовъ. Это очень важно въ исторіи культуры Тибета. Въ то

[1]) Ученіе Лаоцзы, предшественника Конфуція (и Будды), названо по имени написанной имъ книги Tao-te-king (Путь къ истинѣ).

время, какъ Барма и Сіамъ сдѣлали *пали* своимъ религіознымъ языкомъ, болѣе суровый Тибетъ пренебрегъ языкомъ сѣверной Индіи, санскритскимъ, въ пользу своего національнаго языка, сдѣлавъ въ немъ такія радикальныя заимствованія, что даже санскритскія имена перевелъ на свой языкъ. Благодаря близкимъ сношеніямъ съ Китаемъ, во всемъ Тибетѣ распространено (табличное, а не буквенное) книгопечатаніе, которое способствовало быстрому распространенію вѣрованій, благодаря чему оно сравнительно очень рано укрѣпилось въ народѣ. Тибетъ обязанъ благодарностью Китаю за то вліяніе, которое оказалъ этотъ способъ печатанія на развитіе въ немъ искусства книгопечанія. Это искусство повело къ тому, что цивилизовало его и возвысило надъ другими народами. Основательный знатокъ этой страны, Годгстонъ (теперь покойный), говоритъ, что книги тамъ какъ дешевы и такъ любимы, что ихъ можно найти у бѣднѣйшихъ жителей этой страны, живущихъ въ грязи и страшной нуждѣ.

Изъ Тибета, какъ уже сказано, буддизмъ распространился на Монголію. Монголы, вторгнувшись въ культурныя страны центральной Азіи, конечно, пришли въ соприкосновеніе съ буддизмомъ: мы знаемъ также, что Темучинъ относился къ нему доброжелательно, такъ же какъ и къ исламу и въ христіанству. Ввелъ среди нихъ это ученіе великій Кублай-ханъ (1259—90). Марко-Поло говоритъ объ этомъ ученіи, какъ о недавно принятомъ; раньше монголы были преданы шаманству, грубой вѣрѣ въ духовъ и въ чудеса, которая свойственна народамъ монгольскаго племени, и почти даже не заслуживаетъ названія религіи. Съ изгнаніемъ монголовъ изъ Китая (1368), они вновь предались этимъ суевѣріямъ; черезъ 200 лѣтъ (1577 г.) началось вновь обращеніе ихъ въ буддизмъ, которое исходило изъ Тибета. Они исповѣдывали ламаизмъ, нашедшій у нихъ самую благодарную почву. Теперь они снова находились въ духовной зависимости отъ Тибета. Священныя ихъ книги написаны на тибетскомъ языкѣ и ламы ихъ обязаны путешествовать въ Лха-ссу, чтобы тамъ получать посвященіе. Точно также западные и сѣверные собратья ихъ, калмыки и буряты, приняли ламаизмъ въ XVIII в.: первые (только нѣкоторые), вторые—въ серединѣ прошлаго вѣка.

Уже очень давно буддизмъ овладѣлъ Непаломъ,—если вѣрить тому, что его древнѣйшіе обитатели были обращены въ буддизмъ, что, впрочемъ, еще не доказано. Это немногочисленные народцы, родственные тибетцамъ, изъ которыхъ извѣстные подъ именемъ неваровъ, по числу и культурѣ, занимаютъ первое мѣсто. Они и теперь еще буддисты, и культура ихъ довольно развита; у нихъ собственная письменность, происходящая отъ индуской и богатая содержательностью литература, написанная отчасти на санскритскомъ, отчасти на наварскомъ языкѣ. Одинаково интересны всѣ четыре философскія системы непальскихъ буддистовъ: свабхавика, ауйварика, іатника и кармика. Ученія эти исходной точкой берутъ противупоставленіе между правритти — дѣятельностью, и нирвритти (покоемъ). Непалъ находится подъ властью индусскихъ князей, пришедшихъ вѣроятно изъ Бенгаліи, и этимъ объясняется то, что языкъ ихъ и остатки древней литературы носятъ на себѣ бенгальскій отпечатокъ.

Здѣсь, въ краткомъ очеркѣ, мы старались обрисовать распространеніе

сѣвернаго буддизма. Подобное же, если не столь продолжительное странствованіе, выпало на его долю на югѣ. Цейлонъ былъ главнымъ центральнымъ пунктомъ южнаго буддизма. Отсюда буддизмъ распространился, слѣдуя за браманизмомъ, который задолго до того вліялъ цивилизующимъ образомъ на эти восточныя страны, и, по всей вѣроятности, воспользовавшись связями, которыя создала или возобновила широко развившаяся въ то время торговля, существовавшая въ первомъ вѣкѣ между Индо-Китаемъ и Малайскимъ архипелагомъ. Въ Индо-Китай онъ былъ занесенъ, должно быть, во время правленія сингалезскаго царя Маганамы (410—32 по Р. Х.) знаменитымъ миссіонеромъ Буддагошей,—вѣроятно раньше въ Араканъ, откуда уже распространился на Барму (Бирму) и Сіамъ. Достовѣрно не извѣстно ни время, когда укоренился буддизмъ, ни мѣсто, гдѣ онъ укоренился раньше, по крайней мѣрѣ—послѣднее; кажется, что буддизмъ прошелъ черезъ Пегу въ Барму и черезъ Камбоджу въ Сіамъ. Оба эти государства и раньше играли роль культуртрегеровъ браманизма, который былъ занесенъ ими въ Сіамъ и Барму; браманизмъ проникъ съ сѣвера по старымъ торговымъ дорогамъ, въ сѣверныя государства Индо-Китая, и утвердился здѣсь въ раннія эпохи. Этимъ же путемъ проникъ въ Барму, неизвѣстно въ какое время, сѣверный буддизмъ, какъ доказывалъ это недавно барманскій ученый Тау-Сеинъ-Ко. Все это, однако, не достовѣрно: во всякомъ случаѣ введеніе или возобновленіе буддизма относится приблизительно къ 638 г. Такъ какъ это годъ, съ котораго всѣ индокитайскія государства начинаютъ свое лѣтосчисленіе, буддистская миссія кажется именно въ это время была особенно дѣятельна, такъ какъ въ 656 мы встрѣчаемъ буддизмъ на Суматрѣ и Явѣ—въ полномъ расцвѣтѣ; въ то время какъ Фа-Гіенъ (424) упоминаетъ о браманахъ на Явѣ, буддизмъ онъ находитъ «не стоющимъ вниманія». Онъ долго еще держался на этомъ островѣ и въ 1344 г. здѣсь былъ знаменитый буддійскій храмъ, построенный Боро Будуромъ—но все же здѣсь господствовалъ шиваизмъ. На Суматрѣ буддизмъ процвѣталъ въ началѣ 11 столѣтія. Когда буддизмъ былъ пересаженъ на Борнео, гдѣ, среди даяковъ, и до сихъ поръ встрѣчаются слѣды его,—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ это было приблизительно до начала 14 вѣка. То же самое можно сказать о его распространеніи на островѣ Тернатѣ, куда онъ перешелъ на маленькій островъ Тоби (или островъ лорда Норта), который находится южнѣе микронезійскаго архипелага — самая крайняя точка въ этомъ направленіи, которой достигла эта религія, распространяющая среди этихъ грубыхъ народовъ болѣе высокое развитіе [1]). Для полноты слѣдуетъ еще прибавить, что буддизмъ появился въ Аннамѣ гораздо позже, въ 1540 г., гдѣ, однако, и раньше господствовало китайское вліяніе.

Культурная роль буддизма.

Прежде, чѣмъ приступить къ бѣглому обзору буддистскаго міра въ Азіи, необходимо произвести моральную и догматическую оцѣнку

[1]) Lassen, ibid 10, 712.

этого вѣроученія, служащаго основнымъ элементомъ своеобразной цивилизаціи.

Долго думали, а многіе думаютъ и до сихъ поръ, что буддизмъ діаметрально противуположенъ браманизму, и что онъ возникъ, какъ естественная реакція противъ соціальныхъ и религіозныхъ формъ, возросшихъ на почвѣ послѣдняго. Думаютъ, что такъ какъ ко времени возникновенія буддизма условія существованія въ Индіи были невыносимы, то въ силу естественной необходимости они привели къ новымъ вѣрованіямъ, т. е. къ буддизму. Но ничѣго не можетъ быть ошибочнѣе того мнѣнія, что буддизмъ представляетъ во всемъ полную противуположность браманизму. Нѣтъ сомнѣнія, что буддизмъ является послѣдствіемъ реакціи, которая была вызвана не столько невыносимыми условіями жизни (обыкновенно ихъ изображаютъ слишкомъ мрачными красками), какъ тѣмъ различіемъ, которое существовало между несовершеннымъ браманизмомъ восточной Индіи и центральной Индіи—главнаго мѣстопребыванія браманизма. Реакція, такимъ образомъ, началась гораздо раньше и выразилась въ той философской системѣ, которая предшествуетъ буддизму и извѣстна подъ именемъ ученья Самкхья. Ученье это не браманское по своимъ основамъ: браманизмъ, однако, ввелъ его въ свою систему, признавъ его ортодоксальнымъ, такъ какъ исходная его точка въ самомъ дѣлѣ совпадала съ исходной точкой браманизма. Такимъ образомъ буддизмъ опирается на ортодоксальную почву.

Всѣмъ философскимъ системамъ Индіи свойственны слѣдующія воззрѣнія [1]). Основнымъ положеніемъ и исходной точкой служитъ слѣдующее положеніе, или аксіома,—это аксіома о *самсарѣ*, переселеніи душъ, вѣчномъ круговоротѣ перевоплощеній, и вѣра въ то, что это составляетъ страданіе. Причина этихъ постоянныхъ перевоплощеній—*Карманъ*—дѣяніе (собственно дурныя дѣла), должна быть искуплена этими перевоплощеніями: это законъ нравственнаго возмездія. Причина дѣяній—есть *желаніе*, страстное стремленіе къ удовлетворенію, неустанно возобновляющаяся жажда (*Кама*),—воля къ существованію жажда жизни. Эта жажда жизни происходитъ изъ *авидіи* — незнанія, непониманія истиннаго существованія, истинной цѣны вещей—по опредѣленію Гарбе. Убѣжденіе, что освобожденіе отъ тягости мірской жизни, вытекающей изъ самсары, возможно и доступно, только по достиженіи освобождающаго знанія—также обще всѣмъ. Сущность же понятія «знаніе» соотвѣтствуетъ сущности понятія о «незнаніи», что у различныхъ школъ различно: у ведантистовъ оно состоитъ въ непризнаніи тождества души и міровой души; у приверженцевъ самкхьи въ непризнаніи абсолютнаго различія духа (души) и первичной матеріи.

Ученіе Будды основывается на такихъ же точно воззрѣніяхъ. Это очевидно уже изъ основныхъ положеній буддизма, изъ «четырехъ священныхъ истинъ», которыя мы находимъ и въ ученіи «самкхья» (ariya-saccâni). Это положенія о страданіи: 1) *О страданіи*: Всякое существованіе есть страданіе. 2) *О происхожденіи страданія*: всякое страданіе вытекаетъ изъ жажды, изъ стремленія. 3) *Объ уничтоженіи стра-*

[1]) R. Garbe. Die Sâmkhya-Philosophie, Leipzig 1894 г. S. 172 ff.

данія: всякое страданіе прекращается уничтоженіемъ желаній, стремленій; 4) *О пути къ уничтоженію страданія:* уничтоженіе страданія и уничтоженіе желаній достигается святымъ восьмиричнымъ путемъ, который есть: правая вѣра, истинная рѣшимость, истинное слово, правое дѣло, праведная жизнь, правильное стремленіе, правильная мысль, истинное самоуглубленіе [1]).

Причиной жажды (желанія) буддизмъ считаетъ также незнаніе, потому что оно (ajjiya или avidyâ) составляетъ исходную точку и стоитъ въ основѣ формулы каузальности (причинной связи), которую Будда выставилъ для жажды, а слѣдовательно и существованія, и въ которой заключается космологія буддизма. Сюда же входитъ понятіе о кармѣ (карманъ). Качества тѣла, пріобрѣтаемыя благодаря перевоплощеніямъ, буддизмъ ставитъ въ зависимость отъ дѣяній, совершенныхъ во время предшествовавшихъ существованій. Вѣрованье это имѣетъ у буддистовъ иное, болѣе серьезное значеніе; такъ какъ въ точности буддизмъ считаетъ странствующей карму, а не душу [2]), то слѣдуетъ скорѣе говорить о метаморфозѣ, чѣмъ о метемпсихозѣ. Это выясняется изъ другихъ воззрѣній, развиваемыхъ въ космологіи буддизма. Она не знаетъ первичнаго начала, внѣміроваго, до-міроваго принципа, творящаго духа, первичной матеріи. Идеи бытія въ ней не существуетъ—такъ какъ все находится въ вѣчномъ движеніи, вѣчномъ измѣненіи, постоянномъ обмѣнѣ, возсозидаясь въ этомъ вѣчномъ круговоротѣ безъ конца и безъ начала— πάντα ῥεῖ, все течетъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ бытія, а только зарожденіе, тамъ нѣтъ ни души, ни тѣла «какъ сущей въ себѣ самой, утверждающейся внутри себя субстанціи» (Ольденбергъ). Такимъ образомъ можно сказать, съ нѣкоторымъ правомъ, что буддизмъ отрицаетъ какъ душу, такъ и тѣло и въ этомъ его существенное различіе съ философіей самкхья. Но онъ идетъ еще дальше.

То, что буддизмъ подразумѣваетъ подъ незнаніемъ, глубочайшимъ корнемъ зла, ни въ какомъ случаѣ не есть непризнаніе различія между матеріей и духомъ или различія между единичной и міровой душою, это было бы для него совсѣмъ невозможно. Ни въ какомъ случаѣ не есть это непризнаніе какой-нибудь философской доктрины или не только одно оно. Это есть незнаніе «четырехъ священныхъ истинъ» или въ сущности незнаніе священнаго восьмиричнаго пути, такъ какъ путь этотъ даетъ спасительное знаніе и если правильно слѣдуютъ ему, то наступаетъ избавленіе. Но какъ же это сдѣлать? Его восемь частей ведутъ къ тремъ послѣдствіямъ: къ достиженію *добродѣтели, самоуглубленію* и *мудрости. Добродѣтель* (праведность) состоитъ въ пяти положеніяхъ: *не убей, не укради, не пожелай жены ближняго твоего, не лжесвидѣтельствуй, не пей одуряющихъ напитковъ.* Эти правила указываютъ на обязанности къ ближнимъ и представляютъ начальныя ступени къ совершенствованію. Чтобы достичь совершенства, необходима серьезная работа надъ собою, необходимо выработать въ себѣ «внутреннюю праведность», которая служитъ промежуточною ступенью между первымъ

[1]) Сравн. *H. Oldenberg, Buddha.* 2 Aufl. Berlin. 1890. S. 227 f.
[2]) Sir Monier-Williams, Buddhism. London, 1890 p. 110.

и вторымъ требованіемъ. Неутомимое самовоспитаніе, самоиспытаніе, самоочищеніе требуется для этого. Очищенный такимъ образомъ, достигаетъ высшей ступени, которая ведетъ къ самоуглубленію, къ мудрости, которыя связаны другъ съ другомъ и ведутъ къ тому блаженному состоянію, когда духъ больше ни къ чему не стремится—ни къ хорошему, ни къ дурному, при чемъ уничжается всякое желаніе. Разъ это достигнуто, — а это можетъ быть достигнуто при жизни—тогда душа погружается въ *Нирвану*, въ это тѣнеподобное существованіе, которое не есть уничтоженіе и не есть жизнь, не есть *Ничто* и не есть *Бытіе*, но «отстоитъ на кончикъ ножа отъ того и отъ другого» по выраженію Ольденберга.

Если этотъ путь ведетъ, какъ это видно, къ цѣли, не сходной съ тѣми, каковыя имѣются въ виду другими системами, то прежде всего потому, что онъ содержитъ постулатъ, совершенно чуждый тѣмъ умозрительнымъ системамъ, которыя только въ холодной работѣ разума искали пути къ избавленію, а именно: постулатъ *морали*. Если даже эти пять положеній отрицательнаго характера, подобно нѣкоторымъ заповѣдямъ Моисея,—то все же они, благодаря разъясненію, данному Буддою, по большей части получаютъ значеніе заповѣдей: питай любовь, доброжелательство, состраданіе. Это существенно отличаетъ ихъ отъ сходныхъ запрещеній другихъ индусскихъ доктринъ, какъ, напримѣръ, находящихся въ ученіи Самкхья, которое хотя повелѣваетъ: «состраданіе къ существамъ», но съ «эгоистическимъ требованіемъ, остерегаться проступка, могущаго повлечь за собою страданіе» для совершающаго его и считаетъ добрыя дѣла помѣхою къ достиженію спасительнаго знанія. Ученіе буддистовъ, напротивъ того, ведетъ къ позитивной, практической нравственности, и упражненіе въ ней считается неизбѣжною ступенью къ достиженію Нирваны. Этотъ постулатъ добродѣтели имѣетъ и еще болѣе широкое значеніе. Въ то время, какъ остальныя части священнаго пути доступны только монахамъ, этотъ—доступенъ и тѣмъ, кто остается въ мірѣ. Теперь, слѣдовательно, и человѣкъ неученый могъ надѣяться на спасеніе; лишенный этой возможности умозрительной философіей, онъ могъ теперь, исполняя нѣсколько заповѣдей, заслужить спасеніе, если не тотчасъ, то переходя все къ высшимъ и высшимъ возрожденіямъ (совершенствуясь такимъ образомъ).

Нельзя, однако, приписывать воззрѣніямъ основателя того, чего въ нихъ не было. По его мнѣнію, избраннымъ могъ быть только монахъ, мыслитель удалившійся отъ свѣта, ищущій въ эгоистической обособленности блаженства. Но, съ другой стороны,—каждый могъ стать такимъ избраннымъ, и, положивъ въ основу своего ученія мораль, Будда сдѣлалъ для каждаго возможнымъ избѣгнуть самсары.

Это и дѣлаетъ буддизмъ противуположнымъ браманизму и приводитъ его къ положенію ереси: тенденція и практическая ея примѣнимость, а не уклоненіе отъ принциповъ браманизма. Браманизмъ признавалъ всякую систему, лишь бы она ограничивала возможность спасенія средою «дважды рожденныхъ» и оставалась, до извѣстной степени, тайною привилегированныхъ кастъ; можно сказать, все могло быть изучаемо, но ничто не проповѣдуемо. Если послѣ продолжительной борьбы браманизмъ заимствовалъ многое изъ философіи Самкхья, хотя Самкхья—прямой предшественникъ буддизма и тре-

бовалъ распространенія своего спасительнаго ученія среди всѣхъ классовъ[1]), то это могло произойти только потому, что его требованіе осталось только теоріей: философская отвлеченность этой системы была едва понятна судрѣ, а, слѣдовательно, и безполезна ему.

Причина, зависѣвшая отъ введенія въ буддизмъ морали, повела къ тому, что буддизмъ такъ широко распространился: если браманизмъ былъ закрытъ для толпы, то цѣлый свѣтъ стоялъ открытымъ передъ буддизмовъ. Введеніе морали дало ему культивирующую силу. Удивительно была приспособлена буддистская система морали къ тому, чтобы охранять религіозную и моральную жизнь отъ нравственнаго паденія во времена политическихъ анархій. Но еще лучше она была приспособлена къ тому, чтобы выполнять важнѣйшую культурную работу: цивилизовать дикія племена—задача, которую разрѣшило христіанство по отношенію къ нынѣшнимъ культурнымъ народамъ. Буддистское монашество было радостно встрѣчено всѣми классами и всѣми народами, какъ суррогатъ, замѣнявшій узко-эгоистическое дѣленіе на касты,—дѣленіе, основанное, впрочемъ, на естественныхъ причинахъ. Тамъ, гдѣ онъ не могъ сломить ихъ, какъ напримѣръ на Цейлонѣ, тамъ ослабилъ онъ ихъ тягость, создавъ противовѣсъ имъ. Въ странахъ, гдѣ войны, деспотизмъ и феодализмъ создали еще болѣе тяжелыя условія, чѣмъ тѣ, которыя вытекали изъ кастового дѣленія въ Индіи, буддистское монашество было благодѣтельно, поддерживая утопію равенства національностей и всеобщаго братства. Но ученіе это имѣло и слабыя стороны: такъ, напримѣръ, монашеская жизнь считается высшей ступенью, дающею возможность блаженства. Какъ все индусское, это ученье обладало схоластической подкладкой; оно вдавалось въ подробности изложенія правилъ монашеской жизни: принятіе посвященія, поведенія, способы питанія, занятій; оно даетъ педантическія указанія—какъ сидѣть, какъ стоять; оно создало духовные ранги, степени святости, ритуалъ, выработанный до мельчайшихъ подробностей, подробнѣйшій религіозный календарь и т. д. Буддистская мораль имѣетъ еще и другіе вытекающіе отсюда недостатки; она вырождается въ систему фатализма, превращается въ подобіе дѣловой бухгалтеріи, въ которой взвѣшиваются злыя и добрыя дѣла; при этомъ злыя дѣла презираются не какъ таковыя, но за тотъ вредъ, который они приносятъ совершающему ихъ. Положеніе женщины также не было улучшено буддизмомъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что основное ученіе буддизма во всей его спокойной чистотѣ, съ проповѣдью любви, охватывающей все живущее, свидѣтельствуетъ не только о неизмѣримо огромномъ шагѣ впередъ, сдѣланномъ индусскимъ духомъ, но есть одно изъ величайшихъ завоеваній человѣческаго духа.

Ни одна религія не остается на долгое время неизмѣнной: христіанство настоящаго времени не осталось и не можетъ стать тѣмъ, чѣмъ оно было восемнадцать вѣковъ тому назадъ; буддизмъ пережилъ еще больше измѣненій, какъ потому, что сначала не имѣлъ письменнаго канона, и былъ передаваемъ устнымъ преданіемъ, такъ и потому, что, соприкасаясь съ различными системами вѣрованій, или, лучше сказать суевѣрій, подвергался воздѣйствію разнородныхъ національностей, которыя онъ побѣждалъ болѣе или менѣе.

[1]) Garbe, ibid 138.

Первая фаза его развитія, первая попытка, привести въ систематическій порядокъ его идеи, — это система *гинаяны* (система «малаго перехода» къ Нирванѣ), исключительно проповѣдывавшая моральный аскетизмъ. Только эта система извѣстна на югѣ. Но какъ только буддизмъ получилъ широкое распространеніе, гинаяна была замѣнена *магаяной*—великій переходъ—система чрезмѣрной трансцендентальной отвлеченности, которая приводила къ равнодушному квіетизму или къ абстрактному нигилизму. Первая изъ этихъ двухъ школъ имѣла такихъ послѣдователей, которые отказывались отъ всего своего состоянія и шли распространять ученіе Будды по всѣмъ направленіямъ восточной Азіи съ непобѣдимой энергіей и воодушевленіемъ. Вторая изъ этихъ школъ создала людей совершенно иного пошиба, діалектиковъ и спорщиковъ, да людей, которые могли впродолженіе двѣнадцати лѣтъ смотрѣть на одну точку, не двигаясь, не говоря, не думая. Тѣмъ не менѣе она также имѣла своихъ миссіонеровъ. Система *мадьямаяны*—«средній переходъ» представляла попытку найти средній путь между двумя первыми, но подобно всѣмъ среднимъ путямъ ни къ чему не привела и никогда не имѣла значительнаго числа приверженцевъ.

Могущественнѣе и привлекательнѣе этихъ школъ была *тантра* или іогачара, мистическая школа. Отшельники этой секты знали цѣлебныя свойства нѣкоторыхъ травъ; монахи изучили мнимыя тайны чернокнижія, и увѣряли, что могутъ остановить наводненіе, голодъ, чуму и всякаго рода болѣзни. Такимъ образомъ они опирались на практическую полезность и народныя суевѣрія, а именно на сиваизмъ, школа Тантра заимствовала все для себя подходящее отъ магаяны и создала новую систему практическаго и философскаго мистицизма, отягчившаго ритуалъ буддистской церкви фантастическими обрядами и мистическими литургіями. Среди ея духовенства мы видимъ такихъ, которые управляютъ погодой, предсказываютъ будущее и узнаютъ прошедшее,—колдуновъ и астрологовъ, обманывающихъ народъ и князей. И теперь въ большей части восточной Азіи они пользуются неограниченной властью. Въ то время, какъ школа тантра пріобрѣла такое вліяніе среди народныхъ массъ, система магаяны играла важную роль въ исторіи развитія культуры и, съ своей стороны, создала цѣлую массу философскихъ школъ, изъ которыхъ извѣстно около восемнадцати. Даже гинаяна создала нѣсколько сектъ, такъ какъ каждая изъ названныхъ фазъ развитія характеризуется возникновеніемъ сектъ, школъ и партій, существующихъ и понынѣ въ современномъ буддизмѣ. Чрезъ этотъ запутанный узелъ догматическихъ системъ тянется непрерывною красною нитью ученье о четырехъ священныхъ истинахъ и о священномъ восьмиричномъ пути съ его цивилизаторскимъ содержаніемъ—моралью; группа этихъ основныхъ началъ во всѣ времена, во всѣхъ странахъ, представляетъ неотъемлемую принадлежность буддизма.

Культурные народы Индокитая.

Въ исторіи развитія человѣческой культуры нельзя не дать мѣста народамъ Золотого полуострова. Не очень обширны и не очень точны свѣдѣнія, имѣющіяся объ этомъ предметѣ, такъ какъ эти народы стали извѣстны въ сравнительно недавнее время и многое, если не почти все, подлежитъ болѣе глубокому изслѣдованію. Поэтому намъ придется ограничиться здѣсь только краткимъ очеркомъ.

Въ Индокитаѣ характернѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, развитіе страны обусловлено естественными причинами. Представляя продолженіе центральной Азіи и сообщаясь съ нею рѣками, онъ на сѣверо-западѣ открытъ для свободнаго сообщенія съ Остъ-Индіей, на сѣверовостокѣ—съ Китаемъ, на востокѣ же и на югѣ доступенъ для судовъ и представляетъ народамъ и культурному движенію удобно достижимую арену дѣятельности. Его своеобразная расчлененность указываетъ точно опредѣленный путь направленію и развитію этихъ движеній. Продольно-тянущіяся горныя цѣпи раздѣляютъ его на длинныя долины, орошаемыя, каждая, особой рѣкой. Вслѣдствіе этого образованіе его государства не только ограничено рѣчными низменностями и занимаетъ плодоносныя долины четырехъ главныхъ рѣкъ (Иравади, Менамъ, Мекгонгъ, Санкхой), въ которыхъ они ведутъ свою жизнь каждый отдѣльно; судьба ихъ находится въ большей зависимости отъ запада и востока, чѣмъ отъ сѣвера. Благодаря вторженіямъ съ сѣвера старыя государства все болѣе и болѣе отодвигались къ югу, къ дельтамъ рѣкъ, часть же оттѣснялась пришельцами въ горы, гдѣ снова обращалась къ варварскому состоянію. Такъ было съ государствомъ Пегу; уступившимъ мѣсто Бармѣ, съ Камбоджей—населеніе которой было отчасти вытѣснено сіамцами. Аннамъ, занимающій горную страну на югѣ, благодаря вторженію китайцевъ, удержалъ только свое имя.

Благодаря своему исключительному положенію, Аннамъ избѣгъ вліянія индусовъ, котораго не избѣгли другія государства. Оно сказалось въ Индо-Китаѣ двоякимъ образомъ: въ формѣ браманизма и въ формѣ буддизма, и проникло сюда съ сѣвера сухимъ путемъ, съ юга же и съ запада водою. Уже во время Птолемея у всѣхъ его западныхъ и южныхъ береговъ были индусскія поселенія. Имена ихъ, напримѣръ, Синда (приблизительно тамъ, гдѣ теперь Бангкокъ) указываютъ на то, что они пришли сюда изъ сѣверо-западной Индіи, такъ же какъ и имя Камбоджа, которое было названіемъ одного тамошняго народа. Большая часть переселенцевъ приходится на Верхнюю Барму и состоитъ кажется изъ выходцевъ изъ равнины Ганга. Здѣсь многое еще не достовѣрно: одно только можно сказать навѣрное, это то, что, за исключеніемъ Аннама, Индокитай обязанъ своей первоначальной культурой браманскимъ поселенцамъ. Раньше весь полуостровъ былъ покрытъ слоемъ браманской культуры, которая и до сихъ поръ сквозитъ чрезъ буддистское наслоеніе, какъ въ вѣрованьяхъ, такъ и въ обычаяхъ населяющихъ его народовъ; четверорукія изображенія Вишну, символы почитателей Сивы, находятся среди руинъ Паганы, въ верхней Бармѣ, на восточныхъ границахъ Камбоджи и на Пегу, вплоть до центра Лакскихъ княжествъ; множество санскритскихъ словъ удержалось въ языкахъ всѣхъ этихъ народовъ. По всей вѣроятности. браманская культура сообщилась и сіамцамъ не непосредственно, а перенесена сюда кхмерами (жителями Камбоджи). Во всякомъ случаѣ буддизмъ проникъ сюда благодаря имъ, также какъ среди брамановъ онъ распространился чрезъ посредство *моновъ* (жителей Пегу). Когда Индокитай подвергся впервые вліянію браманизма—не извѣстно. Слѣдуетъ думать, что въ Барму онъ проникъ до начала нашего лѣтосчисленія, на югѣ же онъ распространился въ первомъ вѣкѣ. Буддизмъ же, благодаря передачѣ чрезъ моновъ и кхмеровъ, занесенъ сюда съ Цейлона; утверждаютъ даже, что онъ былъ занесенъ сюда апостолами Соной и Уттарой въ 3 вѣкѣ, но это сомнительно. Во всякомъ случаѣ, какъ замѣчено ранѣе, только въ 7 столѣтіи онъ укрѣпился и обезпечилъ себѣ продолжительное господство. Съ этого времени, начинается для нѣкоторыхъ государствъ Индокитая нѣсколько болѣе достовѣрная исторія.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому періоду, слѣдуетъ бросить бѣглый взглядъ на этнографію Индокитая. Главная масса его народонаселенія принадлежитъ къ обширной семьѣ народовъ индокитайскихъ, названіе которыхъ зависитъ отъ родства ихъ съ китайцами и вліянія на нихъ индусской культуры; кромѣ собственно китайцевъ и большого количества маленькихъ народцевъ принадлежатъ къ ней тибетцы и здѣсь въ Индо-Китаѣ—барманы и таи, изъ которыхъ послѣдніе распадаются на шановъ, лао и таи или сіамцевъ. Они происходятъ изъ центральной Азіи, изъ которой вышли барманы уже въ давнее время: таи вышли отсюда недавно. Проникшіе отсюда на югъ древнѣйшіе жители образуютъ также отдѣльную семью, которую называютъ по имени ея крайнихъ вѣтвей монъ-аннамцами. Первоначально они владѣли, какъ видно, всѣмъ полуостровомъ, такъ какъ происходящіе отъ нихъ народы встрѣчаются не только въ верхнемъ теченіи Мекгонга, но и дальше къ сѣверо-востоку, такъ что ихъ языки представляютъ замѣчательное соотношеніе конструкціи съ языками кольскаго корня въ Передней Индіи. Съ другой стороны наблюдается родство этихъ языковъ съ малайскими. Нѣкоторые принадлежатъ къ отрасли, отступившей передъ кхмерами, въ то время какъ кхмеры отступили передъ *таи* и до сихъ поръ находятся на крайнемъ югѣ Индо-Китая. *Чампа*—которымъ нѣкогда принадлежало большое государство, великіе мореплаватели — въ юговосточной Кочинхинѣ; *орангъ-утаны* и другія дикія племена на Малаккѣ. Эти обстоятельства дозволяютъ намъ вывести заключеніе относительно древнѣйшаго мѣстопребыванія малайскихъ племенъ.

Исторія долины Иравади заключаетъ въ себѣ исторію моновъ (талаинги и пегуенцы) и бармановъ; съ древнихъ временъ первые занимали нижнюю часть этой долины, вторые—верхнюю, такъ что граница ихъ была близь Промы. Въ настоящее время моновъ встрѣчаютъ только на востокѣ и югѣ дельты Иравади, въ Мартабанѣ и въ Тенасеримѣ; они близки къ вымиранію. Первыя сколько нибудь достовѣрныя извѣстія о нихъ относятся къ концу V вѣка послѣ Р. Хр., когда буддистскій миссіонеръ Буддагоша появился въ Татонѣ, между рѣками Сальвенъ и Саттангомъ, и распространилъ среди нихъ свое ученіе. Въ тамошней джунглѣ и теперь еще есть руины этого города. Въ VI вѣкѣ они прошли чрезъ Си-

тангъ и образовали городъ и государство Пегу. Вся исторія талаинговъ переполнена рядомъ войнъ съ браманами, а при случаѣ съ араканами и сіамцами. Упоминается также о морскихъ экспедиціяхъ вдоль береговъ Тавои до Читагонга и кажется даже, что между различными флотами происходили морскія сраженія. Послѣ паденія барманскаго государства, Паганъ уничтоженной китайцами (въ 1279) талаинги стали вновь независимы, и какъ только поднялись маленькія государства бармановъ, возникшія на развалинахъ стараго, какъ—снова началось соперничество между этими двумя расами.

Государство Пегу было наиболѣе могущественнымъ впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и европейскіе путешественники въ XVI и XVII вѣкахъ описываютъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ богатство и силу великаго государя Пегу. Начиная съ середины XVI вѣка, оно вновь подпало господству Бирмы.

Браманы разсказываютъ о трехъ древнихъ династіяхъ, Тагонгъ, Сарекхеттара (Шриксхетра) при Промѣ и о *Паганѣ*. Сравнительно достовѣрною исторія ихъ становится съ 108 г. п. Р. Х., когда резиденція была перенесена въ Паганъ, послѣ того какъ ихъ прежняя резиденція, Прома, лежащая къ югу, на Иравади, была разрушена въ 94 г. по Р. Х. На этой рѣкѣ находятся два города, носящіе одно и то же имя и бывшіе оба столицами барманскаго государства. Развалины того изъ нихъ, который лежалъ ниже по теченію этой рѣки, служатъ краснорѣчивыми свидѣтелями древней барманской культуры. Только въ 847—49 гг. онъ былъ вновь отстроенъ, а въ 1279 г. вновь разрушенъ вторгнувшейся китайской арміей. Замѣчательнѣйшіе остатки утонченной культуры на берегахъ Иравади еще и теперь приводятъ въ изумленіе путешественниковъ. Могущество и величіе этого храма, построеннаго приблизительно во время нашествія норманновъ на Англію, такъ называемыхъ «пагодъ Ананды» напоминаетъ южно-европейскіе соборы. Готическій куполъ встрѣчается на всѣхъ этихъ памятникахъ, онъ имѣетъ правильную форму портала, и по сторонамъ и на верху снабженъ странными рожками и башеньками, подобными языкамъ пламени. Всѣ эти арки покоятся на пилястрахъ, базисы которыхъ, капители и карнизы такъ похожи своими рисунками на римскіе образцы, что первый взглядъ на нихъ приводитъ зрителя въ недоумѣніе. Барманское искусство, какъ сказано выше, обязано своимъ происхожденіемъ Индустану, и дѣйствительно, какъ формы оконечности башенъ, такъ и малѣйшія детали, заимствованы у остъиндскаго искусства. Встрѣчаются даже точныя повторенія зданій, которыя находятся на Цейлонѣ или на Явѣ, онѣ браманскаго происхожденія. Арки же и своды, которые играютъ такую выдающуюся роль въ постройкахъ Пагана, совершенно чужды индусскому искусству [1]).

Дальнѣйшая судьба Бармы, главный городъ которой, Ава, съ 1364—1554, съ конца XIII вѣка подпалъ подъ вліяніе царей изъ рода Шановъ, не представляетъ дальнѣйшаго культурно-историческаго интереса; это пе-

[1]) Руины Пагана отлично изображены H. Jule: A narrative of a mission to the court of Ava in 1855, with notices of the country, government, and people. London 1858, гдѣ приложены прекрасные рисунки.

ріодъ безконечныхъ войнъ, внутреннихъ и съ сосѣдями. Исторія Аракана, заселеннаго барманскимъ племенемъ, въ раннюю пору выдѣлившимся въ отдѣльное государство, такъ маловажна, что о ней можно умолчать.

Среднюю часть Индо-Китайскаго полуострова, на сѣверѣ занимаютъ шаны и лао, на югѣ тхаи или сіамцы; они вышли изъ китайской провинціи Юнъ-нанъ, въ которой шаны и до сихъ поръ находятся, здѣсь они основали могущественное государство, съ центральнымъ пунктомъ Талифу, продержавшееся до XIII вѣка; лао и тхаи—были первыми вышедшими отсюда южными поселенцами. На индо-китайскую почву они вступаютъ въ III-мъ или въ IV-мъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія. Лао—главная вѣтвь, отъ которой отдѣлились впослѣдствіи сіамцы, никогда не играли никакой роли въ исторіи; культура, какъ видно по ихъ теперешнему положенію, у нихъ также не была развита. До 574 г. элементы браманской культуры проникли къ нимъ чрезъ посредство кхмеровъ, государство которыхъ занимало всю равнину Менама и Мекгонга до сѣверныхъ горныхъ хребтовъ. Лао подвигались медленно къ югу вдоль долины Мекгонга. Кажется они образовали нѣкогда три главныхъ государства: Кіангъ-хунгъ и Муангъ-лемъ. Эти государства вели продолжительную борьбу съ коренными жителями *Кха*, которыхъ данниками они были долгое время. И все же они постепенно пріобрѣли независимость. Позже на границахъ Китая образуется могущественное государство *Лао-Кіангъ-май*, игравшее нѣкоторую роль въ исторіи.

Объ исторіи Сіама, несмотря на ея богатую историческую литературу, мало можно сказать положительнаго вплоть до начала XIII в. Достовѣрно только то, и то не вполнѣ, что это небольшое государство, которое сосредоточивалось до XIII в. въ Сукготаѣ, было подъ властію кхмеровъ до X вѣка. Въ 959 г. оно стало независимо и названіе его Таи измѣнилось въ Тхай, что значитъ—свободный. Въ 1292 г. Тхай, какъ кажется, достигли до моря, послѣ долгихъ безплодныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, и съ 1350 они стали господствовать въ такъ называемомъ Сіамѣ. Уже втеченіе многихъ столѣтій они были не чужды культуры, которая была занесена къ нимъ благодаря ихъ сношеніямъ съ жителями Камбоджи; съ VII в., а можетъ быть и ранѣе, они обладали собственнымъ шрифтомъ и были буддистами съ большою примѣсью браманизма. О высотѣ и о мѣстѣ рожденія ихъ культуры можно судить по второму главному городу собственнаго Сіама, Аютіи или Аодьи (Ayodhyâ—«непобѣдимая»), который находится на каналѣ, впадающемъ въ Менамъ. Теперь отъ стараго города ничего не осталось, кромѣ многихъ храмовъ, которые болѣе или менѣе разрушены. Красота сіамскихъ храмовъ заключается не столько въ ихъ архитектурѣ, сколько въ массѣ арабесокъ, которыми изукрашены ихъ кирпичныя и оштукатуренныя стѣны, что можно сказать и объ индусскихъ постройкахъ. Городъ этотъ вновь отстроенъ въ 1350 году царемъ *Пра Тибоди* на мѣстѣ разрушеннаго и брошеннаго города кхмеровъ, благодаря частымъ войнамъ съ Пегу. Городъ этотъ во время Птолемея назывался Даона. Удобство его мѣстоположенія, которое способствовало развитію торговли съ Китаемъ и Индіей, а также колонизація его военноплѣнными изъ *Юнъ-нана*, Пегу и Камбоджи въ теченіе немногихъ лѣтъ подняло его на прежнюю высоту; онъ достигъ прежняго

блеска и богатства. Пятнадцать царей изъ династіи Утонга царствовало въ Аодьи до появленія португальцевъ. Затѣмъ могущественный царь Пегу съ многочисленнымъ войскомъ напалъ на городъ, который палъ передъ этой силой послѣ трехмѣсячной осады. «Непобѣдимая» болѣе не существовала, въ XVIII вѣкѣ была построена новая резиденція Бангкокъ.

Остатки зданій разрушенной Аодьи имѣютъ нѣкоторое сходство съ удивительными руинами Камбоджи: это происходитъ оттого, что были перестроены древнія постройки кхмеровъ, но это отчасти, главнымъ же образомъ сходство это зависѣло оттого, что Камбоджа была культурнымъ началомъ для Сіама. Въ VII и VIII вѣкахъ между нимъ и Китаемъ возникаютъ политическія отношенія, въ XI в. наступилъ для него, повидимому, цвѣтущій періодъ, въ XIII в. величіе и красота его резиденціи погибаетъ благодаря китайцамъ. Насъ поражаютъ слѣды высокой культуры, которые встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу. Вся страна покрыта руинами. На сѣверной сторонѣ озера Тулисапа онѣ образуютъ огромный полукругъ, который начинается у истока маленькой рѣки Баттембанга и простирается до необитаемыхъ лѣсистыхъ мѣстностей между Тулисапомъ и Меконгомъ; на всемъ этомъ протяженіи путешественникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ слѣды высокой, нынѣ погибшей цивилизаціи. Развалины городовъ къ югу и къ западу отъ озера всѣ принадлежатъ къ болѣе юной эпохѣ, чѣмъ великолѣпныя руины на сѣверѣ. Здѣсь находятся Баттембангъ и руины *Ватъ Экъ, Фаномъ* и *Фазетъ*, состоящія частью изъ кирпича, частію изъ камня. Главнымъ городомъ стараго государства Камбоджи была Ангора или Накгонъ (по санскитски Nagara «городъ»): руины этого города не имѣютъ равныхъ себѣ по величію, даже египетскія не могутъ съ ними сравниться. Одинъ храмъ, напримѣръ, по увѣренію французскаго путешественника Анри Муго (Mouhot), которому мы обязаны первыми точными свѣдѣніями объ этихъ постройкахъ, можетъ выдержать сравненіе съ нашими красивѣйшими базиликами и *превосходитъ* своимъ величественнымъ видомъ все, что когда либо было создано греческой и римской архитектурой. Великолѣпныя улицы, ведущія къ старому городу, стѣны, которыми они окружены на протяженіи 40 километровъ, башни, воздвигнутыя на нихъ, тріумфальныя арки, служащія воротами, гигантскія лѣстницы, ведущія въ храмы и самые эти храмы, надъ которыми высятся сотни колоколенъ и которыхъ верхнія части сложены изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, обработанныхъ необыкновенно тонко,—все это представляетъ зрѣлище, невольно заставляющее думать, что здѣсь работалъ невѣдомый еще Микель Анжело, и что рядомъ съ греческимъ существовало не уступающее ему азіатское искусство.

Высокое развитіе кхмерскаго искусства особенно замѣтно на небольшихъ вещицахъ, на барельефахъ, что вновь напоминаетъ характеръ индусскаго искусства; таковы, напримѣръ, группа танцовщицъ, или четырехъугольный бассейнъ, который окруженъ барельефомъ, содержащимъ до тысячи солдатъ; танцовщица; наконецъ колонка, украшенная арабесками и листвой. Фигуры великановъ и слоновъ встрѣчаются во всѣхъ почти каріатидахъ, украшающихъ кхмерскія постройки; львы, змѣи и семиглавые

драконы встрѣчаются также часто, особенно на балюстрадахъ, которыми окаймлены улицы. Изображенія фантастическія, сюжеты которыхъ взяты изъ древнихъ преданій (кхмеры, какъ и моны считаютъ себя происшедшими отъ змѣевидной дѣвы), перемѣшаны съ изображеніями боговъ: эти послѣднія перешли сюда вмѣстѣ съ индусскимъ искусствомъ.

О культурѣ древняго государства, Чампы, лежащаго на юго-востокѣ отъ Кохинхины, очень мало извѣстно; въ древности оно было гораздо обширнѣе, и занимало гораздо большее пространство какъ къ сѣверу, такъ и къ западу. Въ періодъ среднихъ вѣковъ Чампа была хорошо извѣстна— по арабски она называется Санфъ или Чанфъ, быть можетъ это тоже, что Забаи Птолемея. Такъ какъ здѣсь много хорошихъ гаваней — ее много посѣщали; до XV столѣтія она составляла, повидимому, самостоятельное государство; какъ всѣ малайцы въ древности, жители ея были хорошими мореплавателями и нерѣдко морскими разбойниками. Въ XII в., по свидѣтельству Хюенъ-Дзанга, здѣсь на ряду съ таоистами было много буддистовъ; позднѣе они приняли исламъ. Такимъ образомъ Чампа представляетъ переходъ отъ странъ, находящихся подъ вліяніемъ индусской культуры, къ странамъ, на которыя вліяла китайская культура. Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ странахъ.

Тонгъ-кингъ (Тонкинъ) и Кохинхина, въ древности были извѣстны подъ общимъ именемъ Аннама; они, какъ сказано выше, отличаются отъ всѣхъ индокитайскихъ государствъ тѣмъ, что получили свое развитіе отъ Китая; буддизмъ имѣлъ среди нихъ лишь немногихъ послѣдователей. За триста лѣтъ до начала нашей эры оба государства были населены дикарями, не знавшими ни брака, ни закона; но уже и въ древнѣйшія времена между Тонкиномъ и Китаемъ были торговыя сношенія. Эти пограничныя государства начинаютъ яснѣе очерчиваться только съ того времени, какъ китайскій императоръ Ши-Гоангъ-Ти (221—210 до Р. Хр.), построившій великую стѣну, подчинилъ себѣ эти южныя провинціи своего государства и ввелъ въ нихъ высшую культуру, заселивъ ихъ китайцами; тогда дальнѣйшее существованіе ихъ было утрачено. Заслуги этого императора такъ и остались непризнанными. По смерти Ши-Гоангъ-Ти, Тонкинъ вновь находился въ упадкѣ, и въ царствованіе великаго Ханъ-Ву-Ти (140—86 до Р. Хр.) онъ вновь обратился въ китайскую провинцію и былъ раздѣленъ на три округа. Китай только на время утерялъ свое вліяніе на эти страны (25—50 по Р. Хр.); затѣмъ господство его продолжалось до 253 по Р. Хр., послѣ чего *Ку-лiену*, родомъ кохинхинцу, удалось освободить свою родину отъ чужеземнаго господства. Китайское вліяніе довольно долго господствовало здѣсь, такъ что китайская культура утвердилась настолько, что вся литература, за исключеніемъ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсенъ, состоитъ изъ китайскихъ текстовъ. Такимъ образомъ эти страны, болѣе всѣхъ сосѣднихъ съ Китаемъ странъ, сходны съ нимъ нравами, состояніемъ и высшей цивилизаціей и могутъ нѣкоторымъ образомъ считаться какъ бы продолженіемъ Китая.

Малайскія племена [1]).

Изъ всѣхъ странъ Остиндскаго или Малайскаго архипелага, только исторія Явы заслуживаетъ вниманія; вполнѣ достовѣрной она становится только съ 1478 г. послѣ Р. Хр., когда Маджанагитъ, главный городъ могущественнѣйшаго изъ внутреннихъ государствъ, былъ разрушенъ магометанами. Это происшествіе совпадаетъ почти съ окончаніемъ того періода исторіи, который мы здѣсь разрабатываемъ. Это было нѣсколько ранѣе появленія европейцевъ въ Индокитаѣ; имъ обозначается начало поворотнаго пункта въ исторіи Явы, такъ какъ до этого господствовало здѣсь индусское вліяніе, и безпрепятственно на ней распространялось. Съ этого же времени здѣсь распространился исламъ. О исторіи культуры ранняго періода можно сказать только слѣдующее.

Обѣ вѣтви яванцевъ, хотя и отличаются нѣсколько отъ остальныхъ народовъ малайскаго племени, составляющими вмѣстѣ съ папуасами населеніе остиндскаго архипелага, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, частью къ немногочисленному *зондскому* племени, населяющему западную Яву, и частью къ собственно яванцамъ, малайскаго племени. О древнѣйшей ихъ исторіи мы имѣемъ только сказки, и потому можно безошибочно утверждать, что Ява была мирнымъ завоеваніемъ индусовъ. Исторія Индіи не знаетъ другого примѣра столь же успѣшной дѣятельности брамановъ, которые были иниціаторами и распространителями индусской культуры въ этой странѣ. Индусскій отпечатокъ лежитъ какъ на древнихъ религіозныхъ преданіяхъ, такъ и на политическихъ учрежденіяхъ и на характерѣ народныхъ увеселеній, а также на языкѣ и на литературѣ. Староиндусская этническая легенда составляетъ часть древнѣйшей исторіи Явы. Письмена и архитектура храмовъ чисто индусскаго характера. На Явѣ мы находимъ грандіозныя постройки, весьма своеобразныя, которыя могутъ поспорить съ архитектурными произведеніями, находящимися въ самой Индіи. Время, когда началась эта индусская колонизація, неизвѣстно. Нѣкоторые относятъ время проникновенія въ эту страну брамановъ къ VI вѣку, другіе—къ XI. Яванская хронологія однако начинается съ 78 г. послѣ Р. Хр. и это во всякомъ случаѣ вѣрнѣе. Когда Фа-гіенъ посѣтилъ въ 414 г. по Р. Хр. островъ, браманизмъ былъ здѣсь въ полномъ разгарѣ. Птолемей зналъ этотъ островъ подъ его индускимъ именемъ—Явадіи (Явадвипа, «Ячменный островъ). О религіи, господствовавшей на этихъ островахъ до распространенія на нихъ браманизма, мы знаемъ только, что она признавала добрыхъ духовъ, дѣйствующихъ въ природѣ и покровительствующихъ различнаго рода занятіямъ. Встрѣтивъ эту низменную религію на островахъ Индійскаго моря, браманы легко вытѣснили ее, распространивъ свои религіозныя вѣрованія. Не подлежитъ сомнѣнію, что первые браманы, появившіеся на Явѣ, были вишнуисты; позднѣе сюда проникли сиваисты и стали господствующей сектой. Впослѣдствіи древняя яванская религія возстановилась въ томъ смыслѣ, что имена яванскихъ боговъ были при-

[1]) Въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы цитируемъ чаще всего Lassen'a преимущ. II. Bd 1059—1087 IV. 460—508 и IV, 541—63.

своены индусской миѳологіи. Это возвращеніе къ идолопоклонству продолжалось въ теченіе 140 лѣтъ, до 318 года до Р. Хр. Время, когда буддизмъ началъ распространяться на Явѣ, также трудно опредѣлить, какъ и страну, откуда проникли сюда проповѣдники его. Весьма вѣроятно, что онъ началъ распространяться здѣсь лѣтъ на 300 позже, чѣмъ браманизмъ, и пользовался не пали, а санскритомъ. Господство его длилось не долгое время и, вскорѣ послѣ процвѣтанія (въ VII вѣкѣ), онъ уступилъ мѣсто браманизму.

Вліяніе индусскихъ колоній на яванцевъ выразилось тѣмъ, что ученые занимали здѣсь высокое положеніе и поддерживали съ своими учеными собратіями въ Индіи дѣятельныя сношенія. На Явѣ не сохранилось слѣдовъ кастоваго дѣленія, но на ближайшемъ островѣ Бали до сихъ поръ существуютъ четыре индусскія касты, что заставляетъ думать, что они были заимствованы Явой изъ Индіи. Относительно древнихъ временъ мы знаемъ, что на Явѣ были ювелиры, художники, ваятели, вышивальщики; ремесленники выдѣлывали каменныхъ идоловъ, рѣзали изъ дерева фигуры животныхъ; на развитіе земледѣлія было обращено большое вниманіе, употребленіе монетъ было извѣстно торговымъ людямъ. Мы не рискуемъ очень ошибиться, если развитіе искусствъ и ремеслъ, земледѣлія и торговлю припишемъ индусскому вліянію. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что несмотря на сильное вліяніе индусовъ на Яву, она сохранила свои національныя черты.

Первое вполнѣ достовѣрное событіе въ исторіи Явы, это основаніе Менданґъ Камулана въ 603 или въ 599 г. по Р. Хр. индусскимъ выходцемъ, Бгрувіяя Савелачала, государство котораго продержалось долѣе всѣхъ. Онъ назвалъ его *Калинга*, по имени своей родной страны: по крайней мѣрѣ, такимъ образомъ, стараются разъяснить названіе Хо-линга, которымъ въ VII в. замѣняли названіе Явади или Явада, употребительное какъ въ предшествующій этому, такъ и въ послѣдующіе періоды [1]). Браманы были переселенцами, ранѣе другихъ попавшими сюда изъ Индіи; за ними послѣдовали земледѣльцы, ремесленники, купцы; не говоря уже о воинахъ. Первые индійскіе цари были не особенно могущественны и не могли оказывать значительнаго вліянія на политическое положеніе Явы. Браманы пользовались вліяніемъ на политическія дѣла только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ, напримѣръ, въ то время, когда одинъ изъ нихъ достигъ царской власти. Гораздо важнѣе было ихъ вліяніе на религію, законы и нравы; они занесли сюда индійскія саги и индусское стихосложеніе, и священный ихъ языкъ обрѣлъ здѣсь новую дочь—кави; внѣшность этого языка была яванская, основаніе же и характеръ—индусскіе. Благодаря основанію большого государства, имѣвшаго большое войско, отдѣльныя индусскія населенія объединились, централизовались, имѣя теперь надлежащую защиту; власть ихъ распространилось на значительно обширную область. Сношенія, уже издавна существовавшія между этими странами и Индіей, благодаря этому стали живѣе и вѣрнѣе, индусская культура получила возможность болѣе широкаго распространенія во

[1]) J. Takakusu, стр. XLVIII.

*

всѣхъ отрасляхъ; особенно по отношенію къ поэзіи и архитектурѣ, расцвѣтъ былъ блестящъ [1]).

Господство династіи Мендангъ-Камуланъ продолжалось до 700 г. по Р. Хр., затѣмъ она перешла къ Джангала, которая возникла изъ первой въ 896 г, по Р. Хр. и въ 1158 г., когда она была замѣнена *Паджаджарамъ*. Могущественное государство, управляемое магараджей, господство котораго распространялось на многія страны, упоминается арабами. Въто время какъ въ южной и въ восточной части острова смѣнялись по очереди многочисленныя династіи, въ сѣверовосточныя части Явы и на Суматрѣ образовалось большое государство Менангъ-Карбо или Менангъ-Кабау; монархъ этого государства былъ приверженцемъ буддизма, что ничуть не мѣшало браманскому вліянію; здѣсь господствовала полная религіозная терпимость. Возникновеніе этого государства, которое вскорѣ распалось на нѣсколько частей, можно приписать индусскому вліянію на Суматрѣ. Въ этотъ промежутокъ времени, одинъ изъ членовъ династіи Паджаджарамъ, основалъ Маджапагитъ, могущественное и послѣднее изъ яванскихъ государствъ (въ 1299 г. по Р. Хр.). Этотъ государь замѣчателенъ еще тѣмъ, что ввелъ у зондцевъ разведеніе риса. Въ то время какъ могущество царей Маджапагитъ въ Бэлдѣ распространилось изъ Явы на Бали, Баламбангамъ и на государство Зунду, которому принадлежала также и южная часть Суматры, въ 1390 г. занялъ престолъ великій завоеватель Анкавіяя; онъ достигъ владычества при помощи своего зятя, полководца Адая Нинграта и Кату-Пенгинга и, побѣдивъ всѣхъ царей на островахъ Зондскихъ, взялъ большую часть Малакки, южныя бухты Целебеса и юго-восточныя—Борнео, всего 36 вассальныхъ государствъ. Характеръ этого большого государства былъ таковъ, что оно должно было вскорѣ распасться. Вассалы жили въ столь далекомъ отъ центральнаго пункта разстояніи, что суверену было очень трудно удерживать ихъ въ повиновеніи. Даже сношенія между ними были часто затруднительны, такъ какъ они должны были совершаться морскимъ путемъ. Второй причиной этого паденія была религіозная рознь, существовавшая между царемъ и народомъ, сдѣлавшая ихъ враждебными другъ другу. Исламъ, пытавшійся проникнуть сюда еще въ XII стол., постепенно овладѣвалъ Паджаджарамомъ и Менангъ-Кабау, а въ XV стол., благодаря торговымъ людямъ и переселенцамъ, а также стараніямъ знаменитыхъ мусульманскихъ учителей, онъ появляется сначала въ Палембангѣ на Суматрѣ, затѣмъ на Явѣ, гдѣ недальновидное правительство даже поощряло его распространеніе. Магометанская религія пріобрѣтала все больше и больше приверженцевъ, и они-то, послѣ кровопролитной битвы въ 1478 г., овладѣли городомъ Маджапагитомъ. Такъ пала «гордость страны» отъ руки враговъ страны, религіи и законодательства. Вождь магометанъ, уничтоживъ послѣднія попытки прежнихъ владѣтелей удержать за собою хоть тѣнь независимости, сталъ неоспоримымъ владѣльцемъ всего острова; онъ торжественно велѣлъ воздавать себѣ наивысшія почести. Онъ присвоилъ себѣ титулъ Панамбахамъ Ибрагимъ и былъ провозглашенъ побѣдителемъ невѣрныхъ и главою вѣрныхъ. Отсюда начинается новая эпоха въ исторіи, какъ Явы, такъ и большей части Индійскаго архипелага, потому что съ этого времени начинается вліяніе мусульманъ на религіозную и политическую жизнь страны въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ.

[1]) Lassen, II Bd. S. 1059—1087.

Изъ предыдущаго мы видѣли, какъ яванцы, благодаря вліянію болѣе значительныхъ государствъ, съ болѣе высокой культурой—индійскихъ, были выведены изъ своего дикаго состоянія и до такой степени цивилизовались, что изъ грубыхъ яванцевъ превратились въ утонченныхъ малайцевъ. Малаецъ воспринялъ все, что необходимо культурному человѣку; у него есть даже богатая литература, но дальше подражанія чужимъ образцамъ онъ не идетъ. Цивилизованный яванецъ служитъ образцомъ того, чего можетъ достигнуть маленькая раса, когда дѣйствуютъ данныя внѣшнія и внутреннія условія: изученіе его интересно потому, что оно даетъ намъ ясное понятіе о несходствѣ въ способностяхъ различныхъ расъ [1]).

Исторія Суматры извѣстна нѣсколько подробнѣе. Во время появленія здѣсь китайскаго буддиста Іедзина, въ 7 в., образовалось здѣсь цвѣтущее государство Си-ли-фо-си (Срибхая) съ главнымъ городомъ Фо-си (Бхая), позднѣе носившимъ названіе Палембанга. Въ китайскихъ лѣтописяхъ X и XII стол. также какъ и въ арабскихъ, въ которыхъ его называютъ (въ X в.) Сарбаза (Срибхая) о немъ часто упоминается. Оно пользовалось тогда большимъ могуществомъ и было обширно; здѣсь знали въ то время индійскій шрифтъ и китайскій, который употреблялся для дипломатическихъ переговоровъ съ Китаемъ; съ VII в. они были, кажется, послѣдователями буддизма. Еще въ 1003 г. здѣсь былъ построенъ буддистскій храмъ, для котораго императоръ китайскій купилъ колоколъ. Мы не ошибаемся, кажется, отожествляя его съ государствомъ Менамомъ-Камбоджа. Во время Марко-Поло сѣверныя бухты были раздѣлены между восемью государствами.

Необыкновенно широкое распространеніе малайской расы отъ Мадагаскара на западѣ до Зондскихъ острововъ на востокѣ и отъ Сандвичевыхъ острововъ на сѣверѣ до Новозеландіи на югѣ, — безпримѣрно и представляетъ одно изъ болѣе любопытныхъ этнографическихъ явленій, заслуживающихъ краткаго очерка. Нечего и говорить о томъ, что такая разбросанность малайскаго племени могла произойти только благодаря морскимъ путешествіямъ. Первоначальное мѣстопребываніе малайцевъ—юго-восточная Азія. Отсюда они распространились отчасти добровольно, отчасти вынужденные различными обстоятельствами, постепенно подвигаясь съ запада на востокъ противъ вѣтра и противъ теченія, что видно изъ того, какъ видоизмѣнялся ихъ языкъ. Тщательное изслѣдованіе показало, что на Сандвичевыхъ и Маркизскихъ островахъ, на Новой Зеландіи, Раратонгѣ, Таити существуютъ преданія, указывающія на то, что сюда они пришли съ Самоа, а также съ группы Тонга. Можно предположить, что малайцы отправлялись изъ какого нибудь опредѣленнаго пункта, откуда распространились по Индійскому архипелагу до Борнео, послѣ до о-вовъ Самоа и Тонга, откуда по островамъ подвигались къ Антарктическому океану. Согласно устному преданію, малайское племя раздѣлилось на двѣ вѣтви въ 1000 г. по Р. Хр. Во всякомъ случаѣ это отдѣленіе полинезій-

[1]) Friedrich Müller, Novara Reise, Этнографія, s. 33.

цевъ отъ родственныхъ имъ малайцевъ совершилось раньше 78 г. по Р. Хр. Съ этого года начинаютъ лѣтосчисленіе Сака (Саливана). Оно было введено на Явѣ выселившимися сюда браманами (индусами). Извѣстно, что пальмовое вино, которое добывается изъ надрѣзовъ, сдѣланныхъ на оболочкахъ, облекающихъ цвѣты кокосовой пальмы, называется тодди, или тадди; оно извѣстно малайцамъ Зондскихъ о-ововъ. Такъ какъ это слово санскритскаго корня, то очевидно, что индусы-браманы научили островитянъ искусству его изготовлять. Кокосовая пальма встрѣчается на всѣхъ островахъ Южнаго океана, встрѣчается также и на Коралловыхъ рифахъ (атоллахъ) и составляетъ почти единственную пищу, единственное питье уроженцевъ этого архипелага, и совершенно невѣроятно, чтобы полинезійцы могли забыть способъ изготовленія этого вина, еслибы они знали его до своего разселенія по архипелогу. И однакоже, когда европейцы стали посѣщать эти острова—изготовленіе тодди было здѣсь неизвѣстно [1]).

По сообщенію Гаттаневы и коммодора Портера, 88 поколѣній слѣдовали другъ за другомъ съ тѣхъ поръ, какъ полинезійцы достигли Маркизскихъ островов, такъ что это событіе произошло вѣроятно за 800 л. до Р. Хр., или, другими словами, лишь немного позднѣе основанія Каренагена финикійцами,—въ то время, какъ Сѣверная Европа стояла еще одной ногой въ каменномъ періодѣ, а швейцарскія озера были застроены свайными постройками. Вотъ насколько позже стало развиваться судоходство на западѣ, чѣмъ на полинезійскомъ востокѣ!

Это разселеніе малайскихъ племенъ походило на переселенія современныхъ народовъ, такъ какъ канаки перенесли свою культуру, также какъ и двухъ домашнихъ животныхъ, да и спутниковъ своихъ, крысъ, на острова, на которыхъ, до сихъ, переселенія отсутствовали почти совершенно млекопитающіяся животныя, исключая летучихъ мышей. Съ этого времени на восточныхъ островахъ стали появляться каменныя постройки, а также гигантскія каменныя изображенія, о происхожденіи которыхъ тамошніе уроженцы также мало знаютъ, какъ въ Египтѣ феллахи ничего не знаютъ о построеніи пирамидъ [2]).

Фактическая исторія малайскаго материка, который находится, главнымъ образомъ, на богатомъ оловомъ полуостровѣ, Малаккѣ, извѣстна весьма мало. Въ 1238 г. по Р. Хр. малайцы путешествовали съ Суматры къ бухтѣ, противулежащей континенту, гдѣ они основали свой первый городъ, названный ими Сингапуромъ. Благодаря своему удобному мѣстоположенію, онъ вскорѣ сталъ однимъ изъ наиболѣе цвѣтущихъ городовъ всего побережья; сюда стекались купцы съ запада и съ востока. Что буддисты были здѣсь уже въ раннюю эпоху исторіи Малакки, видно изъ того, что здѣсь найдены буддистскіе храмы и надписи, которые, во всякомъ случаѣ, древнѣе, чѣмъ исламъ, насажденный только въ 1380 г. Городъ Малакка (въ 1415) былъ основанъ магометанскимъ княземъ и благодаря дѣятельному торговому обмѣну, который онъ велъ, пріобрѣлъ широкое вліяніе на сосѣднія страны; такъ какъ многіе магометанскіе, (т. е. мавританскіе) купцы принимали участіе въ этой торговлѣ, то рас-

[1]) Peschel. Völkerkunde S. 370.
[2]) Bär und Hellwald, Der vorgeschichtliche Mensch, S. 532—534.

пространеніе ислама вновь оживилось. Въ 1511 году португальцы подъ предводительствомъ великаго Аффонсо д'Альбукерка положили конецъ Малайскому государству на Малаккѣ: остальныя малайскія государства не имѣютъ большаго значенія въ исторіи культуры [1]).

Японія и Корея.

Въ кругъ буддистскихъ государствъ входитъ также и Корея, лежащая еще далѣе на востокъ отъ Китая—«Замкнутая страна» «Отшельникъ среди народовъ», какъ ее называютъ. Сюда же относится «государство восходящаго солнца, Японія [2]), развитіе котораго мы постараемся прослѣдить.

Мы помѣщаемъ оба эти государства въ одну главу, руководствуясь чисто внѣшней причиной. Корея стала намъ извѣстна въ очень недавнее время (лѣтъ 20 тому назадъ). Поэтому, несмотря на многочисленныя и основательныя работы, написанныя объ этомъ предметѣ, мы не можемъ еще изложить ея культурнаго развитія съ такою подробностью, которая требовала бы отдѣльной главы [3]).

Тѣмъ не менѣе, Кореѣ мы посвятимъ отдѣльный очеркъ. Родственность этихъ двухъ странъ не доказана еще и въ настоящее время, а потому мы оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ. Извѣстно только, что Корея имѣла многочисленныя сношенія съ Японіей, быть можетъ болѣе частыя, чѣмъ мы до сихъ поръ думали; во всякомъ случаѣ она служила посредникомъ между Японіей и другими культурами, т. е. была ея цивилизаторомъ.

Исторія Кореи можетъ быть изложена въ нѣсколькихъ словахъ. Эпоха, предшествующая нашему лѣтосчисленію, покрыта мракомъ. Предполагаютъ, что корейцы родственны сіенъ-пи, о которыхъ было уже сказано въ одномъ мѣстѣ; но это еще не доказано. Въ первые вѣка по Р. Хр. государство распалось, на три части: Ко-ку-ріе на сѣверо-западѣ полуострова, которое распространялось, повидимому, и на часть Манчьжуріи,—Пайкътій-ей расположенный южнѣе на восточномъ берегу и на крайнемъ юго-востокѣ—Синъ-ра. Послѣ крупныхъ внутреннихъ войнъ, которыми переполнена вся исторія Кореи, это государство поглотило оба другихъ въ X в. Въ 1392 оно подпало подъ китайское владычество, затѣмъ были войны съ Японіей, смѣнявшіяся мирными сношеніями: завоеваніе Кореи Японіей въ началѣ III вѣка по Р. Хр. подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ относится къ тому періоду, который не имѣетъ исторической достовѣрности.

Въ сѣверо-западномъ государствѣ, которое, благодаря своему положенію было въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Китаемъ, китайское влія-

[1]) Lassen, IV. Bd. S. 541—568.
[2]) Слово *Японія*—это видоизмѣненіе китайскаго слова Zi-pön-kuo (старокитайское—Nt-pon-kuk. Отсюда—форма Нипонъ, Nipon, Nihon) „Царство-происхожденія солнца"; въ средніе вѣка еще существовала болѣе полная форма Zipango.
[3]) Весьма цѣнная работа по этому предмету: M. Courant, Bibliographie Coréenne. Paris 1894

ніе началось приблизительно въ концѣ 4 вѣка по Р. Хр. Съ этого времени начинается здѣсь изученіе китайской науки. Возможно, что буддизмъ сильно повліялъ на это: онъ проникъ въ 372 въ Ко-ку-ріе. По мнѣнію Курана (Courant), буддистскіе миссіонеры ввели китайскій шрифтъ въ государствѣ Пайкъ-тіей, что, судя по корейскимъ источникамъ, произошло между 346—375 годами. Въ государствѣ Синъ-ра, которое было дальше отъ Китая, китайская цивилизація распространилась только въ VI-мъ вѣкѣ. Если аннамскую культуру можно назвать южно-китайской, то корейская можетъ быть названа восточно-китайской. Она проникла какъ въ литературу, такъ и въ религіозныя воззрѣнія, въ искусство, въ ремесло, въ обычаи и въ нравы; она такъ слилась съ существованіемъ народа, что даже пѣсни рабочихъ носятъ на себѣ отпечатокъ китайской мысли, китайской литературы, событій старой китайской исторіи [1]). Корейцы, подобно жителямъ Аннама, вполнѣ подчинились китайскому вліянію. Хотя они и были лишены творчества и оригинальности, зато они обладали яснымъ и острымъ умомъ и способностью развивать далѣе усвоенное. Такъ, напримѣръ, въ X—XII в.в., у корейцевъ выработалась религіозная система, подобная конфуціанству, основанная на китайскихъ философскихъ системахъ и созданная благодаря чисто логическимъ построеніямъ, какой мы не встрѣчаемъ даже въ Китаѣ. Религія эта—если можно такъ назвать систему логической морали—вполнѣ соотвѣтсвуетъ характеру умственнаго склада корейцевъ. Поэтому она исповѣдуется высшими классами, тогда какъ буддизмъ исповѣдуютъ народныя массы; рядомъ съ буддизмомъ мы встрѣчаемъ здѣсь таоизмъ. Нельзя оставить безъ вниманія то, что корейцы, послѣ многократныхъ попытокъ замѣнить китайскую письменность индійской, которая стала извѣстна здѣсь благодаря буддизму, ввели у себя азбуку замѣчательно простой конструкціи,—что въ Азіи единственный примѣръ. Если припомнимъ, что китайцы знаками означаютъ цѣлыя слова, независимо отъ звуковъ, изъ которыхъ состоитъ слово, то это разложеніе словъ на звуки и изображеніе звуковъ буквами, до чего даже индусы не додумались, есть огромный шагъ впередъ. Слѣдуетъ думать, что японцы переняли эту письменность: они называютъ ее синъ-дай-но-зи--божественной азбукой, но почти ее не употребляютъ. Культурно-историческое значеніе корейцевъ заключается не столько въ развитіи у нихъ перенятой отъ китайцевъ культуры, сколько въ перенесеніи пріобрѣтенныхъ ими знаній и искусствъ на сосѣдей ихъ, японцевъ.

Древнѣйшіе жители Японіи, айно, живутъ теперь въ самой неплодородной части острова Іезо. Айно осуждены на вымираніе, ихъ теперь не болѣе 50,000 и они принадлежатъ къ самымъ наименѣе культурнымъ народамъ на земномъ шарѣ. Тѣмъ не менѣе эти паріи сѣверо-востока имѣютъ свою исторію; они съ меланхолической радостью предаются воспоминаніямъ о томъ времени, когда предки ихъ походили на японцевъ, и, быть можетъ, господствовали надъ ними. Въ VI вѣкѣ до нашего лѣтосчисленія, айно были неограниченными властелинами не только на о. Іезо, но и въ сѣверной части Нипона; но японцы начали вытѣснять ихъ, сначала по Сангарской дорогѣ, затѣмъ все настойчивѣе напирали на нихъ, отодвигая ихъ къ сѣверу островъ на Іезо. Въ VI вѣкѣ японцамъ удалось окончательно побѣдить ихъ.

[1]) Такую пѣсню можно найти у Courant. pp. 244—50.

У айно существуетъ традиція, что предки ихъ пришли съ запада, т. е. съ азіатскаго материка. Ихъ религія—весьма древняго происхожденія и еле возвышается надъ фетишизмомъ. Миѳологія ихъ основывается на неясныхъ принципахъ и связана съ охотой на звѣрей и съ вѣрой въ чудища преисподней. Но даже это грубое племя не чуждо космогоническихъ традицій; міръ производятъ они изъ воды, первый человѣкъ была женщина, наказанная потерею рая за то, что взяла яблоко познанія у мужчины.

Нынѣ господствующее въ Японіи племя считаетъ себя аборигенами на обитаемыхъ ими островахъ, которые, по ихъ космогоніи, непосредственно переходящей въ древнѣйшую ихъ политическую исторію, созданы спеціально для нихъ. Достовѣрно извѣстно, однако, что японцы были выходцами съ материка; они встрѣтили на этихъ островахъ жителей, существенно отличавшихся отъ нихъ своимъ сложеніемъ, а именно айно. Ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что племя азіатскихъ пацуасовъ [1]), присутствіе которыхъ на Филиппинскихъ островахъ вполнѣ доказано, распространилось и на Японію. Этими пришельцами были оттѣснены айносы на сѣверную часть острова Іезо, отчасти цивилизовались и отчасти ассимилировались съ ними Такимъ образомъ возникло ядро японской націи; постепенно воспринимало оно и иные этническіе элементы. Покрайней мѣрѣ, теперь можно раздѣлить ее на три различныхъ типа.

Японцы относятъ начало своей исторіи къ 660 г. до Р. Хр. и раздѣляютъ ее на два періода *Озси* и *Хазси*. Первый длится отъ 660 г. до Р. Хр. до 1192 г. христіанской эры и обнимаетъ періодъ владычества микадо. Это древняя исторія Японіи. Вторая соотвѣтствуетъ развитію власти шогуновъ или сіогуновъ (шогунъ—полководецъ, котораго европейцы долгое время называли тайкуномъ (одинъ изъ его титуловъ, великій князь).

Этотъ періодъ, начинается съ 1192 г. и кончается въ 1868 г.; но, также какъ и въ Европѣ, 1192 г. въ Японіи не ознаменовался никакими политическими перемѣнами. Подобно тому какъ въ Европѣ, въ Японіи средніе вѣка заканчиваются собственно въ 1492 г., съ этого же времени начинается новая эра. Время этого заканчиваетъ столѣтній періодъ, въ теченіи котораго развивается и укрѣпляется значеніе и власть шогуновъ и къ началу XVI в. шогунская власть становится уже вполнѣ легальнымъ безспорнымъ учрежденіемъ.

Между тѣмъ какъ наслѣдственное царское достоинство приходило въ упадокъ, феодальные князья все болѣе и болѣе укрѣпляли свою власть. Они то составляли между собою союзы, то вели другъ съ другомъ войны, мстя за дѣйствительныя или мнимыя обиды. Это привело къ тому, что микадо рѣшилъ положить конецъ безпрерывнымъ междуусобицамъ. Вождемъ съ неограниченной властью былъ назначенъ Іоритомо, одинъ изъ наиболѣе ярко выдающихся характеровъ въ исторіи

[1]) Fr. Müller, Probleme der linguistischen Ethnographie, Geogr. Jahrb. Bd. IV S. 314. Вивіенъ де С. Мартенъ допускаетъ, наоборотъ, существованіе обширной бѣлой расы, жившей отъ Формозы до Японіи. Ср. O. Mohnike, Die Japaner. 1872.

Японіи. Но въ подобныхъ случаяхъ люди, облеченные властью, рѣдко искренне стараются о добросовѣстномъ выполненіи возложеннаго на нихъ порученія. Исторія Іоритомо доказываетъ, что такіе люди умѣютъ скорѣе сыграть въ руку тѣмъ, противъ кого они посланы, преслѣдуя при этомъ и свои личные интересы. Послѣ многолѣтнихъ войнъ, микадо стали регентами по имени, между тѣмъ какъ дѣйствительная власть очутилась въ рукахъ Іоритомо. Могущество его возрасло настолько, что распространилось не только на свѣтскія дѣла въ государствѣ, при жизни микадо; но и послѣ смерти его Іоритомо былъ опекуномъ его преемника. Власть наслѣдственнаго духовнаго государя понесла смертельный ударъ; послѣ смерти Іоритомо титулъ его перешелъ къ его сыну.

Къ этому времени относится начало власти шогуновъ или свѣтскихъ властителей, которая стала также наслѣдственною. За микадо все же признавалось царское достоинство; шогунъ не смѣлъ оспаривать правъ суверена. Такъ было до послѣдней половины XVII вѣка. Тогда явились два брата, потомки Іоритомо—они начали борьбу съ шогуномъ. Князья приняли участье въ этой борьбѣ; разгорѣлась междуусобица, во время которой пали оба претендента. Кончилось тѣмъ, что Нобунага, князь Овари, могущественнѣйшій изъ князей, захватилъ шогунатъ.

Однимъ изъ значительнѣйшихъ вождей былъ Хидейози (родившійся 1 января 1537) человѣкъ низкаго происхожденія. Онъ служилъ до этого конюхомъ, потомъ былъ солдатомъ, затѣмъ—сталъ главой войскъ и, наконецъ, когда Нобунага погибъ отъ руки убійцы—онъ занялъ престолъ шогуновъ. Испуганный микадо утвердилъ его въ этомъ званіи и онъ получилъ титулъ Тайку-Сама. Власть микадо все болѣе падала, сила же Японіи все болѣе и болѣе возрастала. Японцы побѣдили корейцевъ и готовы были также поступить съ китайцами, когда смерть постигла Нобунага на 68 году его жизни.

При жизни этого великаго шогуна въ Японіи въ первый разъ появились европейцы, португальцы Франческо Зеимото и Фернанъ Мендецъ Пинто, соотечественники которыхъ пытались завязать торговыя сношенія съ японцами. Въ 1564 г. они высадились въ Нагасаки, на островъ Кіусіу, который находится южнѣе всѣхъ острововъ японскаго архипелага. Вскорѣ послѣ этого прибыли въ Японію и миссіонеры; ихъ привелъ сюда Францискъ Ксаверіусъ. Проповѣдь ихъ быстро распространяла христіанство среди этого народа, бѣднаго идеями. Быстрые и неожиданные успѣхи этой проповѣди удивляли весь крещеный міръ. Голландцы помѣшали дальнѣйшимъ успѣхамъ этой проповѣди; они прибыли въ Японію по слѣдамъ португальцевъ и испанцевъ. Въ 1596 г. здѣсь вновь началось сильнѣйшее преслѣдованіе христіанъ и португальцы были изгнаны изъ Японіи; голландцы помогали при этомъ японцамъ, желая отомстить за преслѣдованія, которымъ они подверглись со стороны Альбы и инквизиціи.

Когда въ 1639 были окончательно вытѣснены изъ Нагасаки португальцы, голландцы утвердились здѣсь,—семь голландцевъ были поселены на островѣ Дезимѣ, устроенномъ искусственно недалеко отъ Нагасаки, гдѣ они были вынуждены жить чрезвычайно замкнуто. Остальные иностранцы были совершенно изгнаны. Кто безъ разрѣшенія вступалъ въ Японію, подвергался смертной казни; страна стала феодальной въ самомъ строгомъ смыслѣ

слова. Этимъ она должна была быть благодарна Іеязу (Iycyasu), Бандорскому князю, внучка котораго была обручена съ сыномъ Тайку-Сама, когда они были еще дѣтьми. Тайку-Самъ устроилъ этотъ бракъ, чтобы связать съ своей династіей могущественнаго вассала. Онъ былъ японскимъ законодателемъ.

Дѣломъ первой необходимости было урегулировать отношенія между шогуномъ и микадо, за которымъ оставалась только религіозная власть. Шогунъ предложилъ микадо резиденцію въ Кіото (Міако)—себѣ же онъ устроилъ резиденцію въ Іеддо. Въ Кіото жилъ императоръ; дворецъ его былъ скроменъ; онъ стоялъ посреди города, со всѣхъ сторонъ окруженнаго горами. проникнуть въ городъ можно было только по единственной дорогѣ, которая проходила среди горъ со стороны моря. Этотъ проходъ охранялся крѣпостью, въ которую былъ назначенъ начальникомъ довѣренный шогуна, а въ Кіото жилъ делегатъ, носившій названіе губернатора; на обязанности его лежалъ строгій полицейскій надзоръ въ городѣ и наблюденіе за всѣми дѣйствіями микадо. Шогунъ стоялъ между государемъ и феодалами, *дайміо*; онъ запретилъ имъ въѣздъ въ Кіото и всякія сношенія съ микадо; микадо не могъ передавать имъ никакихъ повелѣній, отъ которыхъ не могъ принимать никакихъ даровъ. Шогунъ провѣрялъ всѣ расходы царскаго двора, короче сказать заботился обо всемъ, за то самъ собиралъ всѣ налоги. Даже церковныя дѣла рѣшались теперь не въ Кіото, а въ Іеддо, такъ что микадо былъ монархомъ только de jure, шогунъ же сталъ монархомъ de facto. Не бывало еще государя съ болѣе ограниченною властью, чѣмъ микадо, и если бы японцы не держались такъ крѣпко своихъ обычаевъ,—санъ его былъ бы давно упраздненъ. Невозможно было посягнуть на Микадо, который въ глазахъ японцевъ оставался святымъ, хотя бы потому, что былъ такъ неприступенъ. Даже испражненія микадо считались священными. Сосудъ, употребленный имъ, одежда, которую онъ носилъ были неприкосновенны и уничтожались, послѣ того какъ онъ употребилъ ихъ хоть разъ.

Обезпечивъ себѣ безопасность со стороны двора, шогунъ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы подчинить себѣ остальные элементы. Прежде всего слѣдовало лишить князей возможности быть вредными. «Сто законовъ» строго требовали, чтобы власть каждаго дайміо ограничивалась только его территоріей. Они не смѣли вступать въ сношенія другъ съ другомъ, такъ что если случалось нѣсколькимъ дайміо являться ко двору одновременно,—шогунъ принималъ ихъ въ разныхъ комнатахъ. Ежегодно они должны были являться къ двору въ Іеддо въ опредѣленное время, назначавшееся каждому изъ нихъ отдѣльно. Въ отсутствіи ихъ, ихъ семьи оставались въ городѣ въ качествѣ заложниковъ. Эти отношенія напоминаютъ положеніе французскаго дворянства при дворѣ Людовиковъ. Если стала невозможной связь между феодальными князьями, то солидарность между членами каждаго клана напротивъ того уважалась. Обязанность членовъ клана къ ихъ господамъ были строго опредѣлены. Такимъ образомъ дайміо, авторитетъ которыхъ ранѣе былъ весьма не великъ, становятся все болѣе могущественными. Эти небольшія династіи, почти совершенно самостоятельныя, получаютъ право взимать налоги, издавать законы, устраивать храмы, чинить судъ; они пользовались админи-

стративною властью. Они требовали покорности и пользовались отъ своихъ подданныхъ безграничнымъ почтенiемъ, окружали себя настоящимъ дворомъ и цѣлой армiей приближенныхъ—благоденствiе или бѣдствiе подвластныхъ имъ земель зависѣло единственно отъ ихъ усмотрѣнiя. Исторiя знаетъ примѣры многихъ злодѣянiй, совершенныхъ этими феодальными властителями, хотя въ общемъ они оказывали на страну культурное влiянiе. Подъ ихъ покровительствомъ искусства развивались здѣсь, какъ это было въ Грецiи во времена тиранновъ.

Подъ властью даймiо жило мелкое, но многочисленное и обладавшее большими привилегiями дворянство, самураи. Они имѣли право носить два меча, были отдѣлены отъ народа цѣлой пропастью, имѣли право какъ и даймiо, кромѣ законнаго брака, вступать въ незаконный (конкубинатъ), вторая жена называлась мекаке.

Ниже этого привилегированнаго сословiя стоялъ народъ, дѣлившiйся на три касты—земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ—подчиненное, послушное стадо. Законодатель относится къ нему съ теплымъ участiемъ, но требуетъ отъ него полнаго послушанiя. Японскiй законъ не признаетъ за народомъ никакихъ правъ. «Повинуйтесь» повелѣваетъ онъ низшимъ. «Приказывайте только хорошее» говоритъ онъ высшимъ. Этимъ исчерпываются указанiя «ста законовъ» на отношенiя между народомъ и аристократiей. Какъ ни великъ въ теорiи деспотизмъ привилегированныхъ классовъ, онъ умѣрялся мягкостью нравовъ, по крайней мѣрѣ въ средѣ стараго дворянства. Вѣжливое и мягкое обращенiе съ подчиненными считалось одною изъ тѣхъ аристократическихъ добродѣтелей, которыя недоступны выскочкамъ. Оба правила, имѣющiя столь высокое соцiальное значенiе, а именно подчиненiе слабыхъ и милосердiе къ нимъ сильныхъ, служили основой народнаго обученiя, которое и теперь нигдѣ въ Азiи не распространено такъ сильно, какъ въ Японiи.

Но и здѣсь была воздвигнута непроходимая стѣна между патрицiями и плебеями. Только первые могутъ быть посвящаемы бонзами въ тайны духовной и свѣтской литературы китайцевъ, такъ что никто не могъ надѣяться перейти изъ одной касты въ другую. Таково въ общихъ чертахъ средневѣковое общество въ Японiи.

Исламъ и арабская культура.

Какъ въ настоящее время, такъ и въ эпоху, соотвѣтствующую началу европейскаго средневѣковья, значительная часть арабовъ была кочевымъ народомъ, жившимъ вполнѣ патрiархальною жизнью, напоминающею ту, какая намъ извѣстна для евреевъ изъ первыхъ книгъ библiи. Однако, кочевыя арабскiя племена, въ эпоху, непосредственно предшествующую Магомету, занимали не все пространство Аравiи. Классической страною кочевыхъ бедуиновъ была великая Сирiйская пустыня, т. е. сѣверная окраина Аравiйскаго полуострова, и примыкающее къ ней плоскогорiе Неджд. По краямъ полуострова еще до Магомета замѣчаются признаки высшей культуры. На сѣверѣ, подъ влiянiемъ, съ одной стороны — Рима, съ другой—новоперсидскаго царства Сассанидовъ, образовались два царства, существованiе которыхъ, впрочемъ, оказалось эфемернымъ. Западное изъ нихъ носило названiе Пальмиры. Здѣсь царствовала знаменитая царица Зиновiя, побѣжденная въ 273 г. римскимъ императоромъ Аврелiаномъ и уведенная имъ плѣнницей въ Римъ. Настоящее имя ея было Батъ-Себина. Когда ея мужъ Оденатъ былъ убитъ своимъ племянникомъ, она стала царицей, властовавшей надъ большею частью прежняго римскаго Востока. Ея приближенные, въ числѣ которыхъ былъ грамматикъ и критикъ Лонгинъ, поддерживали въ ней честолюбивые планы. Она приняла титулъ Августы, основала городъ своего имени, разбила войско императора Галлiена. Лишь мужественный императоръ Аврелiанъ поправилъ дѣла Рима, онъ разбилъ царицу, которая на верблюдѣ бѣжала къ Евфрату; въ тотъ моментъ, когда она садилась на корабль, она была настигнута римскою конницею и взята въ плѣнъ. Прежнiе римляне сгноили бы ее въ тюрьмѣ, но Аврелiанъ оказался болѣе гуманнымъ и подарилъ ей помѣстье въ Тибурѣ, гдѣ она и умерла. Царица эта была одною изъ самыхъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени; она говорила на языкахъ латинскомъ, греческомъ, сирiйскомъ и египетскомъ. Она со своимъ царствомъ принадлежала эллинистической, а не арабской культурѣ. Послѣ разрушенiя Пальмирскаго царства, мѣстныя арабскiя племена снова подпали,—частью персидской, частью римской власти.

Мало прочны были также государства Счастливой или Южной Аравiи, иначе Iемена. Правда, еще въ Ветхомъ Завѣтѣ упоминается существовавшее здѣсь Сабейское или Савское царство, о которомъ мы знаемъ изъ исторiи Саломона. То-же царство упоминается и въ клинообразныхъ над-

писяхъ царя Саргона. Даже до сихъ поръ въ Іеменѣ находятъ остатки прежнихъ монументальныхъ сооруженій. Однако отъ этихъ царствъ не осталось въ началѣ среднихъ вѣковъ и слѣда.

Между плоскогоріемъ Неджд и морскимъ берегомъ находится такъ наз. Хеджасъ, т. е. окраина. Это плоскогорье, служащее самымъ удобнымъ путемъ для каравановъ, идущихъ отъ Ю. Аравіи къ Синайскому полуострову или въ Палестину. Дорога шла изъ Сабы черезъ Мекку—древнюю Макорабу—и Медину—древнюю Ятрибу или Ятриппу. Еще во времена Магомета сѣверъ Хеджаса былъ населенъ еврейскими поселеніями. Авраама признавали даже основателемъ меккскаго святилища Каабы. Евреи и другіе сирійскіе поселенцы говорили здѣсь на арабскомъ языкѣ и вообще значительно смѣшались съ арабами. Центромъ пришлыхъ элементовъ была какъ разъ Мекка со своимъ святилищемъ Каабою. Значеніе Каабы вполнѣ понятно. Караванамъ, находившимъ въ Меккѣ мѣсто отдохновенія, было въ высшей степени важно поставить здѣсь свое имущество въ безопасное положеніе, уберечь его отъ окрестныхъ хищныхъ бедуинскихъ племенъ. Торговый интересъ былъ главною основою священнаго союза племенъ, признававшихъ Мекку своимъ святилищемъ. Первоначально это была, такимъ образомъ, вовсе не арабская святыня. Въ окрестностяхъ Мекки были обширныя ярмарки. Бедуины привозили сюда кожи и другіе продукты скотоводства, обмѣнивая ихъ на издѣлія еврейскихъ ремесленниковъ, на дорогія ткани, привезенныя караванами изъ далекой Сиріи. Втеченіе нѣкотораго времени прекращались разбойничьи набѣги бедуиновъ; во всей Аравіи господствовалъ миръ: это означало, что въ Меккѣ ярмарка, длившаяся иногда до четырехъ мѣсяцевъ. Приносились торжественныя жертвоприношенія; умные купцы умѣли заинтересовать полудикихъ арабовъ въ своемъ культѣ и многіе изъ кочевниковъ, въ свою очередь, стали почитать священный камень, упавшій съ неба—въ сущности, большой метеорный камень, дѣйствительно упавшій нѣкогда съ небесныхъ высотъ.

Въ концѣ VI вѣка въ этой самой Меккѣ родился Магометъ, которому предстояло стать выразителемъ давно подготовленнаго среди арабовъ культурнаго движенія.

Годъ рожденія Магомета въ точности неизвѣстенъ. Арабскіе историки довольно произвольно считаютъ этимъ годомъ тотъ, который соотвѣтствуетъ 571 году отъ начала нашей эры. Отцомъ пророка былъ небогатый купецъ Абдалла, мать звалась Аминой. Отецъ вскорѣ послѣ свадьбы отправился съ караваномъ въ Газу и, не дождавшись рожденія сына, умеръ. Мать осталась въ самомъ печальномъ матеріальномъ положеніи. Желаніе выставить Магомета человѣкомъ знатнаго происхожденія было, вѣроятно, основою легенды, по которой мать отдала сына на воспитаніе кормилицѣ. Если она дѣйствительно сдѣлала это, то можетъ быть съ тою цѣлью, чтобы ребенокъ не мѣшалъ ей работать. Въ мусульманскихъ преданіяхъ разсказываются всевозможныя чудеса о ранней юности Магомета. Между прочимъ, архангелъ Гавріилъ, спеціальный ангелъ Магомета, будто бы вырвалъ изъ груди отрока кусокъ мяса, и, омывъ грудь Магомета внутри водою, взятою изъ священнаго колодца, сложилъ его тѣло снова, исторгнувъ такимъ образомъ изъ Магомета то, что было въ немъ «частью лукаваго».

Мать Магомета также вскорѣ умерла, и рабыня Оммъ-Эйманъ, кормилица Магомета, передала ребенка его дѣду Абдъ-эль-Муталлибу или Абу-Талибу, который и воспитывалъ его. Онъ былъ бѣденъ, имѣлъ двухъ женъ и десять дѣтей, а потому Магометъ въ дѣтствѣ велъ жизнь пастуха. Двадцати четырехъ лѣтъ онъ поступилъ на службу къ богатой вдовѣ Хадиджи. Женщины, особенно же вдовы, въ то время у арабовъ пользовались довольно высокимъ положеніемъ. Хадиджа, которой было уже 39 лѣтъ, сама вела торговлю. Магометъ былъ у нея погонщикомъ верблюдовъ. Несмотря на сопротивленіе родственниковъ, Хадиджа вскорѣ вышла замужъ за своего наемника. Руководилъ-ли Магометомъ первоначально разсчетъ—не извѣстно, но будущій пророкъ очень уважалъ свою жену и семейная жизнь его была образцовой.

Что Магометъ первоначально раздѣлялъ вѣрованія своихъ земляковъ, доказывается уже тѣмъ, что сына своего онъ назвалъ Абдъ-Менафомъ, т. е. слугою Менафа,—а это было имя одного изъ боговъ, идолы которыхъ стояли въ Меккѣ въ святилищѣ Каабы, откуда позднѣе они были выброшены тѣмъ-же Магометомъ. Далекія путешествія въ Сирію, однако, рано познакомили Магомета съ религіозными воззрѣніями другихъ, болѣе культурныхъ, чѣмъ арабы, народовъ. Еврейскій и христіанскій монотеизмъ были ему знакомы. Онъ сталъ чувствовать себя неудовлетвореннымъ, по цѣлымъ днямъ бродилъ одинъ по окрестностямъ Мекки. Въ концѣ концовъ, отъ продолжительныхъ размышленій и, быть можетъ, отъ добровольнаго истощенія и изнуренія, у него явились галлюцинаціи. Онъ видѣлъ видѣнія, слышалъ голоса и счелъ себя пророкомъ, долженствующимъ спасти народъ свой отъ духовнаго рабства. Такова исторія многихъ религіозныхъ реформаторовъ. Однажды онъ прибѣжалъ домой, какъ бы въ лихорадочномъ ознобѣ, крича, чтобы его закутали во что-нибудь. Когда это было исполнено, Магометъ пришелъ въ состояніе крайняго экстаза и сталъ пророчествовать. Жена и усыновленные имъ племянники тотчасъ же увѣровали въ него. За ними послѣдовали и нѣкоторые другіе. Иначе отнесся къ нему одинъ изъ дядей, который, когда было созвано семейное совѣщаніе по поводу появленія новаго пророка, воскликнулъ даже племяннику: «Провались ты сквозь землю, неужели ты созвалъ насъ только для этого». Община пророка на первый разъ состояла лишь изъ 43 человѣкъ, да и то большею частью людей бѣдныхъ: многіе были попросту рабы. Въ этотъ вопросъ вмѣшалась еще борьба двухъ клановъ, и, въ концѣ концовъ, Магометъ, познавъ истину: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ», долженъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину. Смерть первой жены Магомета и другого, благопріятствовавшаго ему дяди, окончательно порвала связь пророка съ Меккой. По магометанскому исчисленію, довольно впрочемъ искусственному, Магометъ оставилъ Мекку 20 сент. 622 года—это и есть геждра (бѣгство), начало магометанской эры.

Переселеніе въ Медину было для послѣдователей Магомета началомъ ихъ политической организаціи. Число приверженцевъ быстро возрастало и вскорѣ началась открытая борьба Медины съ Меккой. Война тянулась нѣсколько лѣтъ: община Магомета одержала верхъ. До побѣды надъ корейшитами, господствовавшими въ Меккѣ, Магометъ заискивалъ передъ евреями, надѣясь найти въ нихъ союзниковъ. Послѣ побѣды, руки у него были развязаны, и евреевъ изгнали изъ Медины, которая стала

чисто мусульманскимъ городомъ. Начались попытки сближенія съ побѣжденною Меккою. Наконецъ Магометъ получилъ позволеніе пойти на поклоненіе святынямъ Каабы. Самъ онъ старался постепенно слить свой культъ съ культомъ Каабы. Въ 630 году Мекка признала, наконецъ, верховенство Магомета и истинность его ученія.

Къ концу жизни Магомета, исламъ пытался уже создать прозелитовъ далеко за предѣлами Аравіи. Магометъ послалъ во всѣ концы увѣщанія къ властителямъ, совѣтуя имъ обратиться въ правую вѣру. Такое увѣщаніе было послано византійскому императору и персидскому царю. Оно не обратило на себя особаго вниманія. Небольшой отрядъ магометанъ, посланный съ Сирію, потерпѣлъ пораженіе. Арабскія племена, и раньше чрезвычайно воинственныя, но распадавшіяся на многочисленные роды и кланы, ждали лишь общаго предводителя. Со всѣхъ сторонъ Аравіи спѣшили къ Магомету послы отъ разныхъ племенъ, предлагая свое содѣйствіе въ распространеніи ислама. Но во время приготовленій къ священной войнѣ, пророкъ умеръ (632 г.).

Магометанство было тѣмъ связующимъ цементомъ, котораго недоставало арабскимъ племенамъ. Среди многочисленныхъ предписаній Корана, одно изъ главныхъ есть то, которое требуетъ отъ правовѣрныхъ священной войны съ невѣрными. Эта священная война или джихадъ, объединявшая племена, требовала вмѣстѣ съ тѣмъ и общаго предводителя, и, такимъ образомъ, послужила основою политическаго объединенія.

Магометъ не оставилъ наслѣдника. Преемникомъ его сталъ его другъ Али или Алій, славный воинъ и поэтъ, съ чѣмъ не особенно вяжутся сохранившіяся описанія его необычайно тучной и некрасивой фигуры. Али однако отвергъ сунну или устныя преданія, примѣшанныя къ Корану. Отсюда возникло раздѣленіе между шіитами—приверженцами Али и суннитами, принявшими сунну. Борьба была поддержана второю женою Магомета, Айшею, которая высказалась за суннитовъ, и послѣдніе одолѣли, сдѣлавъ своимъ халифомъ Абу-Бекра, а по смерти его, Омара. Первые халифы, однако, совсѣмъ не походили на позднѣйшихъ арабскихъ повелителей. Они жили патріархальною жизнью вождей кочевого племени, питались хлѣбомъ, финиками и спали на рогожѣ. Преемникъ Абу-Бекра, Омаръ, впрочемъ, уже много сдѣлалъ для созданія арабскаго государства. Онъ устроилъ совѣтъ, названный диваномъ, ввелъ подати, чеканку монеты и лѣтосчисленіе, построилъ города—Каиръ, Бассору и Куфу. Вмѣстѣ съ Омаромъ началась эра арабскихъ завоеваній. При немъ втеченіе десяти лѣтъ было покорено до 30 тыс. населенныхъ мѣстъ. Арабы разбили византійскія войска и захватили Сирію и Палестину. Въ Іерусалимѣ явилась мечеть. Въ 643 г. арабы нанесли жестокій ударъ персамъ. Послѣдній изъ Сассанидовъ, Іездегердъ, бѣжалъ съ своимъ гаремомъ въ горы, гдѣ погибъ. Исламъ быстро распространился до самого Кавказа; были основаны Багдадъ и въ Средней Азіи Самаркандъ.

Столица была перенесена изъ Мекки сначала въ Дамаскъ, гдѣ царствовала династія Омайядовъ, позднѣе въ Багдадъ. Въ Дамаскѣ исламъ долженъ былъ близко соприкасаться съ остатками античной греческой культуры и это столкновеніе было для него въ высшей степени благотворно. Арабы призывали изъ Византіи ученыхъ и архитекторовъ и пере-

водили (съ сирійскаго) греческія сочиненія. Византійское политическое господство всюду вытѣснялось арабскимъ, оно было совершенно вытѣснено изъ Африки. Въ Испаніи арабское господство тѣмъ легче распространялось, что на сторону арабовъ переходили и вестготы, и евреи, и рабы, которые съ переходомъ въ исламъ получали свободу.

При Омаядахъ халифатъ сталъ уже могущественнымъ, но въ-тоже время превратился въ восточную деспотію, со всѣми ея недостатками. Сами Омаяды, вопреки постановленіямъ Корана, предавались пьянству и алчности, и подъ вліяніемъ ихъ давнихъ противниковъ, Алидовъ, вскорѣ выступила на сцену новая династія Аббасидовъ, ведшая свое начало отъ одного изъ дядей Магомета. Въ 750 году подлѣ Нинevіи потерпѣлъ пораженіе послѣдній изъ Омаядовъ. Первый изъ Аббасидовъ, Абулъ Аббасъ, былъ, впрочемъ, еще свирѣпѣе Омаядовъ. Созвавъ на пиръ своихъ родственниковъ, онъ велѣлъ ихъ засѣчь, покрылъ трупы ихъ коврами и сѣлъ на нихъ пировать.

Правленіе Аббасидовъ длилось затѣмъ около пяти вѣковъ (750—1258 г). Государственное устройство при нихъ уже утратило свою первоначальную простоту. Первый изъ Аббасидовъ ввелъ должность визиря, т. е. высшаго свѣтскаго сановника, и должность эта довольно долго была наслѣдственною въ персидскомъ родѣ Бармекидовъ. Апогеемъ могущества Аббасидовъ было правленіе Гарунъ-аль-Рашида, имя котораго было изукрашено преданіемъ, хотя, въ дѣйствительности, этотъ халифъ далеко не соотвѣтствовалъ идеалу. Одно несомнѣнно, это его любовь къ наукамъ и къ чисто матеріальнымъ улучшеніямъ; но деспотизмъ Гарунъ-аль-Рашида былъ едва ли не болѣе тяжелъ, чѣмъ всѣхъ его предшественниковъ.

При Аббассидахъ государственныя учрежденія арабовъ получаютъ уже значительное развитіе. Непосредственными исполнителями воли халифа являются четыре сановника: высшій судья или кади, затѣмъ начальникъ полиціи, онъ же и главный тѣлохранитель халифа, далѣе главный казначей и, наконецъ, начальникъ почты, которая, слѣдуетъ замѣтить, получила раннее развитіе у арабовъ—народа, привычнаго къ странствованіямъ съ караванами въ пустыняхъ. Для облегченія движенія каравановъ, какъ купеческихъ, такъ и тѣхъ, которые стали странствовать въ Мекку съ религіозными цѣлями, при Гарунъ-аль-Рашидѣ были устроены караванъ-сараи, родъ постоялыхъ дворовъ или гостиницъ, а также были выкопаны во многихъ мѣстахъ цистерны. По разнымъ направленіямъ были устроены постоянные почтовые тракты. Начальникъ почты въ то же время былъ окомъ халифа, или, выражаясь проще, главнымъ шпіономъ, доносившимъ халифу о малѣйшихъ помыслахъ его подданныхъ. Подчиненные этого оберъ-шпіона, въ свою очередь, не ограничивались доставленіемъ писемъ, но сообщали начальнику всѣ необходимыя свѣдѣнія. Иногда такимъ способомъ раскрывались и серьезныя злоупотребленія, но, въ общемъ, положеніе этихъ шпіоновъ было въ родѣ того, какое у насъ имѣли при Петрѣ Великомъ фискалы, имя которыхъ стало нарицательнымъ. Мало по малу при разныхъ начальникахъ стали учреждаться и канцеляріи, получившія названіе дивановъ. Главный диванъ, какъ было уже замѣчено, былъ учрежденъ еще при Омаядахъ. Начальникомъ его былъ непосредственно великій визирь. При казначеѣ былъ сначала одинъ диванъ, затѣмъ рас-

павшійся на четыре вѣдомства, завѣдывавшія содержаніемъ войска, сборомъ податей, назначеніемъ должностныхъ лицъ и, наконецъ, общимъ веденіемъ финансовъ.

Значеніе должности визиря развивалось лишь постепенно и первоначально вовсе не было первенствующимъ въ государствѣ. Сначала визирь былъ родомъ личнаго секретаря халифа, или, выражаясь образною рѣчью Востока, былъ тѣнью халифа. Такое положеніе однако открывало умнымъ, честолюбивымъ визирямъ богатыя перспективы, особенно въ эпохи правленія неспособныхъ и лѣнивыхъ халифовъ, появившихся вскорѣ послѣ смерти Гарунъ-аль-Рашида. Самъ Гарунъ-аль-Рашидъ низвергъ господство визирей изъ рода Бармекидовъ. Но по его смерти вскорѣ возникъ такъ назыв. неограниченный визиратъ, подобный майордомству въ западномъ христіанскомъ мірѣ.

Въ то же время все болѣе усложнялось провинціальное управленіе, въ которомъ появились свои маленькіе халифы — губернаторы, подобно халифу совмѣщавшіе свѣтскую власть съ духовною: такъ напр. они должны были проповѣдывать въ мечетяхъ и предсѣдательствовать на религіозныхъ собраніяхъ и празднествахъ. Въ мірскихъ дѣлахъ власть ихъ все болѣе и болѣе увеличивалась. Они стали назначать отъ себя кадіевъ, т. е. судей, назначали финансовыхъ и полицейскихъ чиновниковъ, и даже самостоятельно вели борьбу съ разными мелкими сосѣдними племенами, стоявшимъ внѣ власти халифа. Правда, надъ ними существовалъ контроль указанныхъ уже почтовыхъ шпіоновъ, но этотъ контроль далеко не всегда достигалъ цѣли. Позднѣе дошло до того, что багдадское правительство вынуждено было заключать съ нѣкоторыми изъ губернаторовъ форменные договоры, какъ съ независимыми владѣтелями. Однако у арабовъ мы все же не встрѣчаемъ настоящей бюрократіи. Внутренняя жизнь селеній и городовъ была довольно самостоятельна, поэтому и число чиновниковъ у арабовъ далеко не таково, какъ напр. въ Византіи.

Подати въ арабскомъ государствѣ были разнообразны. Мусульмане уплачивали лишь *зекатъ*, подоходную подать, тогда какъ невѣрные платили поземельную подать, называвшуюся *хараджъ* и поголовную, или *джизіе*. Послѣдняя взималась, смотря по состоянію плательщиковъ. Каждый сборъ имѣлъ опредѣленное назначеніе. Такъ напр. зекатъ имѣлъ цѣлью покрывать слѣдующіе расходы: на благотворительныя учрежденія, плату за услуги людей, содѣйствующихъ развитію ислама, выкупъ на волю рабовъ, частные долги, сдѣланные ревнителями ислама, содержаніе мусульманъ, добровольно участвовавшихъ въ джихадѣ (священной войнѣ), наконецъ содержаніе неимущихъ правовѣрныхъ чужеземцевъ. Другими словами, сборы съ мусульманъ шли на дѣла, тѣсно связанныя съ самой мусульманской религіей. Всѣ остальные, т. е. всѣ собственно - государственные расходы уплачивались невѣрными. Наибольшія суммы поглощало содержаніе войска, которое уже при Омаядахъ стало преобразовываться частью подъ вліянемъ византійскаго образца. Вмѣсто прежняго войска, состоявшаго изъ соединенія разныхъ племенъ и родовъ, явилась военная организація, основанная на тактическихъ соображеніяхъ. Армія имѣла уже центръ, два крыла, авангардъ и арьергардъ. Вооруженіе также походило на византійское. Изъ Византіи были заимствованы и метательные снаряды—

баллисты и катапульты. Въ завоеванныхъ городахъ устанавливали постоянные военные гарнизоны, и уже по закону Омара, воинамъ, стоявшимъ въ этихъ гарнизонахъ, строго было запрещено заниматься земледѣліемъ, что послужило началомъ къ созданію особой военной касты. На службу поступали добровольно, такъ какъ, помимо привычки арабовъ къ войнѣ, она была имъ и очень прибыльна. Кромѣ богатыхъ людей, служившихъ на свои средства, были и воины на государственномъ жалованіи. Первоначально, когда война была религіозно-національнымъ дѣломъ, воины были лишь чистокровные арабы, но мало по малу стали пользоваться и наемниками всевозможныхъ національностей. Кромѣ сухопутнаго войска, арабы имѣли и флотъ. Здѣсь даже съ самаго начала преобладали наемные матросы, и даже наоборотъ, лишь постепенно появились также опытные моряки арабскаго происхожденія.

Широкое развитіе получили при Аббасидахъ торговля и промышленность.

Столица халифата, Багдадъ, обладала въ высшей степени благопріятнымъ географическимъ положеніемъ, дѣлавшимъ ее центромъ важнѣйшихъ торговыхъ путей. Рѣки Месопотаміи доставляли превосходное сообщеніе съ моремъ, а въ Бассорѣ развился прекрасный торговый флотъ. Торговля распространилась на югъ до Цейлона, а на востокѣ мы въ VII в. встрѣчаемъ арабскую флотилію у китайскихъ береговъ, подлѣ Кантона. Арабскія посольства въ Китай были очень часты. Это были, по просту, торговые караваны. На западъ отъ Багдада торговое движеніе связывало арабовъ со всѣми важнѣйшими рынками Европы и Африки. Сѣверный путь велъ къ Каспійскому морю—арабскія монеты временъ Аббасидовъ находятся и далѣе,—въ кладахъ, находимыхъ не только въ Россіи, но даже въ Швеціи. Множество путей соединяли Багдадъ съ давно уже процвѣтавшей левантской торговлей. Въ Африкѣ Египетъ служилъ главнымъ средоточіемъ арабскихъ товаровъ. Чрезъ Арменію на Транезунтъ шелъ путь, сообщавшій арабскую торговлю съ византійской. Предметы арабской промышленности были чрезвычайно разнообразны. Стеклянныя издѣлія Багдада далеко славились.

Изъ Багдада же получались лучшіе финики. Въ Аравіи и въ Персіи добывалось желѣзо, и арабы многому научились у персовъ, заимствовавъ отъ нихъ самое слово булатъ. Въ Іеменѣ изготовляли оружіе и кольчуги, въ Сиріи—лучшіе мечи.

Изъ стали же дѣлали зеркала; производство тканей достигло высокаго развитія, опираясь на скотоводство, все еще составлявшее главное занятіе массы арабскаго населенія. Но тончайшія арабскія ткани изготовлялись не изъ шерсти, а изъ хлопчатой бумаги и изъ шелка. Роскошь халифовъ и ихъ вельможъ содѣйствовала процвѣтанію шелковаго производства, въ значительной мѣрѣ составлявшаго подражаніе персидскому. Завоеваніе Египта, въ свою очередь, дало толчекъ къ появленію производства писчей бумаги изъ папируса.

Подъ вліяніемъ китайцевъ стали обрабатывать хлопокъ. Весьма развито было также производство восточныхъ благовоній — растительныхъ маслъ и духовъ, составлявшихъ принадлежность не только женскаго, но и мужскаго туалета состоятельныхъ классовъ. Этому роду промышленности

*

благопріятствовали какъ восточная изнѣженность, такъ и обиліе садовъ, въ которыхъ воздѣлывались душистыя растенія.

На ряду съ скотоводствомъ и ремеслами, значительно развилось и земледѣліе. Арабы явились и въ этомъ отношеніи учениками побѣжденныхъ народовъ, жителей Египта, Месопотаміи, Сиріи и Персіи. Они быстро приспособлялись къ новымъ условіямъ и перенимали все полезное, содѣйствуя, въ свою очередь, перенесенію новыхъ произведеній въ отдаленныя страны. Такъ, арабы впервые перенесли въ Европу культуру шафрана, въ Африку—индиго и рисъ, въ Испанію—шелковичное дерево. Всюду, гдѣ было возможно по условіямъ климата, арабы заносили съ собою культуру пальмъ: въ Багдадѣ пальмъ вовсе не было во время его основанія; мало по малу Багдадъ, Бассора и другіе арабскіе города были окружены цѣлыми пальмовыми лѣсами.

Вмѣстѣ съ матеріальнымъ развитіемъ, прогрессировало однако и классовое неравенство. Завоеваніе отдѣлило уже побѣдителей мусульманъ отъ не-мусульманскихъ народовъ. Военный плѣнъ сталъ однимъ изъ главныхъ источниковъ рабства, прежде имѣвшаго болѣе смягченную форму. Позднѣе классъ рабовъ сталъ быстро увеличиваться уже не войнами, а торговыми сношеніями; рабы и особенно рабыни стали однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли. Рабы, правда, могли всегда получить свободу, принявъ магометанство, но далеко не всѣ были склонны купить свободу этою цѣною. Среднее положеніе между рабами и свободными занимали освобожденные арабы, съ которыми чистокровные арабы, не смотря на равноправность, по ученію Корана, всѣхъ магометанъ, обращались далеко не какъ съ равными, облагая ихъ, напримѣръ, податями, отъ которыхъ были свободны магометане и арабы. Постепенно, однако, эти отпущенники начинаютъ достигать даже почтенныхъ государственныхъ мѣстъ. Въ средѣ того же класса встрѣчается наибольшее количество арабскихъ ученыхъ и поэтовъ, юристовъ и богослововъ. Но именно это и показываетъ, что собственно въ арабскій *народъ* культура проникла не слишкомъ глубоко.

Торговля и торговыя сношенія—таковы были формы, въ которыя вылилась внѣшняя политика Абассидовъ. Но, кромѣ того, слѣдуетъ указать и на значительныя послѣдствія мусульманскихъ завоеваній, которыя однако и ходили изъ мѣстностей, независимыхъ отъ центральнаго правительства. Сицилія была завоевана сѣверо-африканскими Аглабидами, и съ 902-го года въ теченіи полутора столѣтія оставалась во владѣніи мусульманъ. Критъ былъ покоренъ (въ 826 году) отрядомъ Кордовскихъ добровольцевъ, изгнанныхъ изъ страны испанскимъ Омаядомъ Хакамомъ I, и лишь въ 962 году снова былъ отвоеванъ византійцами. Берега Средиземнаго моря подвергались нападеніямъ со стороны завоевателей Крита и Сициліи, которые уводили въ плѣнъ и обращали въ рабство безчисленное множество жителей. Дерзкіе корсары пробирались со своими суднами глубоко въ Адріатическое море и въ Босфоръ. Исламизированіе Кабульскаго султаната происходило не по иниціативѣ халифа, а благодаря могучему воину Якубу ибнъ Лейсу, по профессіи мѣднику (868—878). Позднѣе преемники тюрка Альптегина основали здѣсь цвѣтущее царство. Отсюда знаменитый Махмудъ изъ Газны (998—1030) предпринималъ многочисленные походы на Индію, большую часть которой онъ и покорилъ исламу. На западѣ

также не халифы, а тюркскія племена, проникнутыя фанатическимъ религіознымъ рвеніемъ древнихъ сподвижниковъ пророка,—рвеніемъ, давно уже остывшимъ у арабовъ,—взяли на себя обязанности священной войны. Хотя и халифамъ приходилось отъ времени до времени охранять сѣверныя границы отъ нападеній византійцевъ, но то, что еще не удавалось ни одному мусульманину, было совершено сельджуками Альпъ-Арслана, а именно: они взяли въ плѣнъ одного восточно-римскаго императора—Романоса IV—(1071). Турки-же воевали съ христіанскими крестоносцами на востокѣ, и когда Саладинъ обратился съ просьбой о помощи къ Багдадскому халифу Назиру (1180—1225), располагавшему тогда кое-какими боевыми силами, то намѣстникъ посланника Божья почти ничего не сдѣлалъ.

У халифовъ были другія заботы, и имъ приходилось довольствоваться тѣмъ, что часто имъ удавалось одержать верхъ надъ внутренними неурядицами. Благодаря организаціи, введенной Омаромъ, каждый мусульманинъ былъ воиномъ уже въ силу самаго своего рожденія. Гвардію Омаядовъ составляли солдаты изъ сирійскихъ племенъ, сила которыхъ, къ сожалѣнію, значительно ослаблялась несчастнымъ соперничествомъ южныхъ и сѣверныхъ арабовъ. Аббасиды достигли власти при помощи шіитовъ, т. е. преимущественно благодаря персидскимъ войскамъ. Племенные раздоры прежнихъ временъ замѣнились расовыми. Въ гарнизонахъ арабы и персы помѣщались въ отдѣльныхъ квартирахъ: несмотря на это, требовалась властная рука для обузданія ихъ.

Во время походовъ задача эта становилась еще труднѣе; съ другой стороны и военная пригодность этихъ солдатъ значительно уменьшилась. По крайней мѣрѣ халифы были недовольны достигнутыми при ихъ помощи успѣхами при усмиреніи нѣкоторыхъ незначительныхъ возстаній и пограничныхъ стычекъ съ византійцами. Между тѣмъ, ужъ со временъ Мамуна, нѣкоторые тюрки достигали высокихъ военныхъ должностей, при чемъ блистательно оправдывали оказанное имъ довѣріе. Со временъ Мотазима стали тысячами вербоваться тюркскіе полки. Они сражались какъ львы, но, съ другой стороны, требовали значительнаго жалованья, и, что было всего хуже, они, при малѣйшемъ поводѣ, считали себя обиженными и хватались за сабли. Относительно арабовъ и персовъ, эти грубые парни поступали дерзко, а при малѣйшемъ возмущеніи, которое ихъ посылали подавить, они пользовались случаемъ предаваться грабежу и безстыднѣйшему изувѣрству. Такимъ образомъ, правительство ихъ боялось, подданные ненавидѣли, а арабскіе и персидскіе полки смотрѣли на нихъ съ завистью и съ недовѣріемъ. Въ послѣдствіи почти во всякомъ дворцовомъ переворотѣ принимали участіе тюркскіе генералы, въ союзѣ съ интригантками—гаремными дамами и съ лукавыми евнухами.

Лишь меньшинство Аббасидовъ умерло естественной смертію. Халифы перестали быть господами въ собственномъ домѣ, такъ какъ имъ никогда не удавалось сохранить равновѣсіе среди солдатчины. Уже въ 908 году одному способному полководцу, Мунику, удалось раздѣлить власть съ халифомъ Мукшадиромъ въ качествѣ Эмира-аль-Омара (майордома). Въ 932 году Аль-Ради (Al-Râhdi) могъ удержать за собою власть лишь при

помощи намѣстника, Мухамеда ибнъ Райка (Muhammed-ibn-Râik), который, ввидѣ вознагражденія за оказанную дружескую услугу, захватилъ въ свои руки не только власть надъ войсками, но и все управленіе, замѣнивъ визиря независимымъ министромъ. Мѣсто Райка занялъ десять лѣтъ спустя Гассанъ (Hassan), властитель Гамдана, и присвоилъ себѣ титулъ Назира эдъ даула (охранителя династіи). Три года спустя Бунде Ахмедъ достигъ званія Эмира аль Омара и скромно присвоилъ себѣ титулъ Монса-адъ-даула (укрѣпителя династіи). Титулъ этотъ былъ не больше, какъ издѣвательствомъ, такъ какъ онъ лишилъ окончательно халифа всякой свѣтской власти, предоставивъ въ его распоряженіе лишь духовное представительство и право чеканки монеты. Такимъ образомъ титулъ султана, присвоенный имъ себѣ, принадлежалъ ему по праву. Этотъ порядокъ вещей длился болѣе ста лѣтъ, и лишь по истеченіи этого времени тюркамъ удалось присвоить себѣ власть султана въ лицѣ сельджука Тогрильбага. Тѣмъ не менѣе Аббасиды, въ качествѣ духовныхъ главъ ислама, пользовались еще такимъ значеніемъ, что тюркъ нашелъ для себя необходимымъ просить торжественнаго признанія своего титула Аббасидомъ (1058). Халифу Мустаргиду удалось, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ, снова овладѣть Иракомъ въ качествѣ свѣтскаго княжества (1132), а его преемники старались, по мѣрѣ силъ и возможности, играть политическую роль. Такимъ образомъ у халифа Назира (1180—1225) вышли недоразумѣнія съ ханомъ Ховарезма (Хивы), и, когда онъ почувствовалъ себя безсильнымъ, то, въ непонятномъ ослѣпленіи, натравилъ на него монгола Джингисъ или Чингизъ хана. Этотъ послѣдній сначала не особенно торопился. Но въ 1258 году братъ его Гулагу (Hulagu) занялъ Багдадъ. Халифъ былъ убитъ, и всѣ князья, которыхъ этотъ варваръ успѣлъ захватить, истреблены мечомъ. Одинъ лишь Аббасидъ избѣгъ кровавой рѣзни и былъ назначенъ халифомъ на жалованіи султаномъ мамелюковъ Бейбаромъ. Когда же османы положили конецъ хозяйничанію мамелюковъ, то султанъ Селимъ взялъ его съ собой въ Константинополь и принудилъ его отказаться въ свою пользу отъ послѣдняго, что еще принадлежало несчастному Аббасиду,—отъ духовнаго представительства (1517). Династія Омайядовъ не продержалась и одного столѣтія, но пала однако въ почетномъ бою. Аббасиды-же продержались почти 8 столѣтій (750—1517), но уже по истеченіи первыхъ 150 лѣтъ они лишились своей политической самостоятельности. Съ этихъ поръ они страдали постепеннымъ истощеніемъ силъ и конецъ ихъ былъ по-истинѣ достоинъ сожалѣнія.

Казалось необходимымъ довести до крайности развитіе военной системы, которой придерживались Аббасиды, потому что такимъ образомъ одновременно можно было присвоить себѣ тѣ величественныя рамки, въ которыхъ развивалась религіозно-политическая власть Аббасидовъ.

Хотя, при помощи визирей изъ рода Бармекидовъ, и удалось прикрѣпить умѣренныхъ шіитовъ къ господствующей династіи, однако многіе не могли забыть ту низкую подлость, при посредствѣ которой Алиды были лишены своего законнаго наслѣдства. Одно за другимъ, въ самые короткіе промежутки, въ Аравіи разразились возстанія, подавить которыя удалось лишь съ большимъ трудомъ. Послѣднее возстаніе, бывшее въ 786 г., замѣчательно тѣмъ, что одинъ изъ Алидовъ, избѣжавшій крова-

вой рѣзни въ Меккѣ, Идризъ, основалъ въ Марокко независимое государство, которое, противъ всякаго ожиданія, продержалось два столѣтія.

Послѣ этихъ возстаній, Алидовъ всюду преслѣдовали, какъ дикихъ звѣрей, такъ какъ Аббасиды не любили шутить. Тотъ, кто интересовался лишь религіозными вопросами, могъ бы выдержать ихъ управленіе. Они, хотя съ самаго начала написали на своемъ знамени лозунгъ: борьба противъ безбожья Омайядовъ; и, будучи безсовѣстными лицемѣрами, старались оставить и впредь за собой этотъ престижъ, но благодаря тому, что вынуждены были принимать во вниманіе вѣрованія своихъ шіитскихъ приверженцевъ, старались склонить своихъ придворныхъ богослововъ къ болѣе раціональному, умѣренному правовѣрію. Такимъ образомъ мотазилистическое направленіе получило болѣе свободы, такъ что могъ появиться величайшій учитель этой школы, шейхъ Абуль-Гудгейль аль-Аллафъ (Abu'l Hudheil al-Allaf). Такимъ-же образомъ и эпоха отъ Мансура до Мамуна можетъ считаться поистинѣ классической для правовѣрія, такъ какъ въ эту то эпоху жили и получали основатели и нынѣ существующихъ во всей своей силѣ четырехъ богословски-юридическихъ системъ: Абу Ганифа, Маликъ ибнъ-Анасъ, Ахметъ ибнъ-Гаубаль.

Когда Мамунъ (813—833), одинъ изъ сыновей Гарунъ-аль-Рашида, вынужденъ былъ защищать мечомъ свои права на престолъ противъ нарушителя договора, брата своего Эмина, онъ, въ качествѣ властителя восточныхъ провинцій, былъ вынужденъ употребить всѣ усилія для того, чтобы привязать къ себѣ шіитовъ. Такъ на монетахъ того времени онъ величался Имамомъ аль-Гуда (Имамомъ Божьяго промысла). Спустя нѣсколько лѣтъ онъ выдалъ свою дочь за Алида Али ибнъ-Муза, по прозванію, эръ-рида и, вмѣсто чернаго знамени Аббасидовъ, принялъ зеленое—Алидовъ. Но лишь только онъ достигъ своей цѣли, вступилъ въ Багдадъ, то онъ снова сталъ для своихъ иракировъ благочестивымъ суннитскимъ монархомъ. Для него религія была конечно лишь одной формой: онъ не преслѣдовалъ ни одной секты, ни одного еретика, до тѣхъ поръ, пока они не затрагивали политическихъ вопросовъ. Но, въ концѣ своего правленія онъ началъ дѣйствовать законодательнымъ путемъ, издавъ указъ, въ силу котораго мотазилитическая доктрина о происхожденія корана признавалась единой вѣрной доктриной и потому оффиціально признавалась государственной религіей.

Но въ то же время онъ старался пріобрѣсть довѣріе шіитовъ изданіемъ закона о почитаніи Али за наилучшее изъ созданій Божіихъ (827). Противъ отступниковъ отъ правовѣрія, каковы Ахмедъ ибнъ Гаубаль были приняты насильственныя мѣры. Лишь Мутаваккиль (Mutawakkil) (847—861) пришелъ къ тому заключенію, что подобной церковной политикой можно удовлетворить лишь незначительные кружки, между тѣмъ какъ народная масса достигла, сообразно со своимъ развитіемъ, зрѣлости для правовѣрія. Къ сожалѣнію, онъ впалъ въ другую крайность; онъ воспретилъ диспуты по поводу корана, велѣлъ разрушить часовню Гусейна въ Кербалѣ и запретилъ паломничество въ это мѣсто. Правовѣрныя придворныя духовныя лица наблюдали съ чисто инквизиторскою ревностью за тѣмъ, чтобы ни одинъ алидическій, либо мотазилитическій догматъ не былъ преданъ гласности. Кто нарушалъ это запрещеніе, того наказывали,

какъ обыкновеннаго преступника. По этому случаю прибѣгли и къ болѣе строгому преслѣдованію христіанъ. Пріемы Мутаваккиля, охранявшаго правовѣріе грубой силой, считаются необыкновенными и для того времени. Но не слѣдуетъ изъ за этого быть несправедливымъ къ личностямъ.

Старанія Мутаваккиля встрѣтили своеобразную поддержку у богослова Абулъ Гассана Али аль Ашари, хотя этотъ послѣдній въ остальномъ былъ далеко не родственъ ему по духу. Онъ, отвлекшись сначала къ мотасилизма, вновь обратился къ правовѣрію, примѣнивъ къ услугамъ суннистическаго догмата Аристотелевскую логику, которая до тѣхъ поръ употреблялась лишь либеральными богословами для аргументаціи. Эти схоластическія пренія, конечно, не болѣе не менѣе, какъ пустая мишура, такъ какъ метафизическія истины какой бы то ни было религіи не могутъ быть доказаны; но, тѣмъ не менѣе, онѣ исполнили свою задачу на столько же успѣшно, какъ и на Западѣ, въ средніе вѣка.

Колеблющіяся и измѣнчивыя мнѣнія Алидовъ вылились въ прочную форму лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, благодаря усиліямъ неизвѣстнаго человѣка. Этотъ послѣдній опирался на нѣкоего Абдаллу ибнъ Саба, который еще во время Османа выразилъ мнѣніе, что Магометъ вернется къ своей паствѣ въ судный день, и что его временный намѣстникъ на землѣ могъ быть никѣмъ инымъ, какъ его бывшимъ помощникомъ Али. Что-же касается до системы, созданной болѣе чѣмъ двѣсти лѣтъ спустя, то она приблизительно гласитъ слѣдующее: У Бога пять пророковъ, которыхъ онъ посылалъ въ міръ: Адамъ, Ной, Авраамъ, Моисей и Іисусъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ помощника (самита) и, въ качествѣ преемниковъ,—шесть имамовъ, изъ которыхъ послѣдній всегда смѣняется пророкомъ. Шестой пророкъ—Могаметъ, его помощникъ—Али, а преемники этого послѣдняго—шесть алидическихъ имамовъ. По ученію этихъ послѣднихъ, не самъ Могаметъ явится въ видѣ Махди, т. е. Мессіи, для возстановленія царствія Божіяго, но одинъ изъ Алидовъ. Для того, чтобы пріобрѣсть приверженцевъ этому ученію и добыть пожертвованія для пропаганды, были разосланы агенты по всѣмъ направленіямъ. Мудро принимая во вниманіе различіе даровитости и воспріимчивости у разныхъ лицъ, было предложено 10 степеней познанія для членовъ, а посвященіе въ одну или въ нѣсколько степеней предоставлялось усмотрѣнію миссіонеровъ. Они, конечно, опирались на коранъ. Но, посредствомъ безсовѣстной аллегоріи, новичковъ вели по ступенямъ вѣры, воспитывая въ нихъ убѣжденіе въ томъ, что всѣ религіозные уставы — вещь второстепенная, всѣ религіозные факты—образы, все божественное—аллегорія. Конечно, это великое сальто-мортале въ «нигилизмъ» оставалось тайной нѣкоторыхъ избранныхъ.

Между тѣмъ Алиды пользовались всякимъ представляющимся имъ случаемъ, чтобы отплатить Аббасидамъ за ихъ притѣсненія. Въ 864 году одинъ Алидъ сталъ во главѣ возмутившихся табаристанцевъ, другой, нѣкто Али ибнъ Могаметъ, искалъ союзниковъ въ средѣ негровъ-рабовъ, которыхъ съ давнихъ поръ привозили тысячами, въ особенности изъ Занзибара (al Sindsch) и вызвалъ между ними сильное возстаніе; это послѣднее было подавлено въ 883 году; но, тѣмъ не менѣе, халифы не могли оправиться послѣ него въ теченіи почти 20 лѣтъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ Аравіи, Сиріи и между берберами вспыхнули почти одновременно возстанія, предлогомъ къ которымъ служили различные махди. Къ числу значительнѣйшихъ изъ этихъ революціонеровъ принадлежатъ *карматы* Баграина (Bahrain), получившіе свое названіе по имени одного изъ ихъ первыхъ героевъ, иракійскаго крестьянина Гамдана (Hamdan), прозваннаго Карматомъ за свое безобразіе. Ближайшей задачей этихъ революціонеровъ было ограбленіе границъ Ирака и захватъ каравановъ пилигримовъ. Въ 930 году они даже осмѣлились выломить черный камень Каабу и держать его затѣмъ въ теченіи 20 лѣтъ въ своемъ городѣ аль Ахса (al Achsa).

Между тѣмъ, прочныхъ успѣховъ съумѣлъ добиться лже-Алидъ Обеидъ алла ибнъ Мухамедъ (Obeid allah ibn Muhammed), основавшій въ 910 году династію между Берберами, которую онъ назвалъ въ честь супруги Али, Фатимы, Фатимидами. Одному изъ его преемниковъ, Абу Джемимъ Мааду (Abu Jemim Maad'd), по прозванію иль Моисъ, удалось нанести полное пораженіе Ихшидидамъ, съумѣвшимъ послѣ Тулумидовъ (868—933) изъ намѣстниковъ Египта стать полными, самостоятельными властителями. Это властвованіе Фатимидовъ надъ Египтомъ длилось около двухсотъ лѣтъ, пока извѣстный своей борьбой съ крестоносцами Саладинъ не положилъ конецъ этому владычеству. Понятно, что Фатимиды старалось ввести въ Египтѣ шіитское вѣроисповѣданіе, которое съ 945 года распространилось въ эмиратѣ Буидовъ, а съ 948 года—даже въ самой столицѣ суннитскаго халифа. Отдѣльныя лица изъ Фатимидовъ не опасались больше и самыхъ крайнихъ послѣдствій догматической системы. Такъ, одинъ изъ нихъ приписывалъ себѣ пророческую силу провидѣнія; другой просто требовалъ божескихъ поклоненій. Замѣчательнѣйшій изъ этихъ противниковъ халифовъ былъ Хакимъ (Hakim, 906—1020). Онъ издавалъ самые противорѣчивые, подъ-часъ весьма полезные, подъ-часъ необъяснимые, даже граничащіе съ безуміемъ указы. Онъ велѣлъ объявить посредствомъ герольдовъ, что каждый христіанинъ, принявшій исламъ, будетъ почтенъ, каждый-же отказывающійся отъ этого—будетъ преслѣдуемъ. Христіанинъ долженъ былъ носить крестъ на шеѣ, еврей—изображеніе головы тельца, такъ какъ евреи въ пустынѣ поклонялись тельцу. Кромѣ того, невѣрующіе не имѣли права носить колецъ на правой рукѣ, не имѣли права ѣздить верхомъ на лошадяхъ, а должны были довольствоваться мулами и ослами, могли употреблять лишь черныя сѣдла, а отнюдь не деревянныя стремена. Во избѣжаніе этихъ придирокъ многіе эмигрировали въ византійскія владѣнія, но многіе и отреклись отъ Христа. Были и такіе, которые хотѣли упорствовать противъ повелѣній халифа. Они надѣли золотые и серебряные кресты, дѣлали себѣ сѣдла изъ драгоцѣнныхъ, роскошно-окрашенныхъ матерій. Но Хакимъ не любилъ шутить и издалъ еще болѣе строгіе указы: каждый христіанинъ, не носившій на шеѣ деревяннаго креста, вѣсомъ въ 4 багдадскихъ фунта, подлежалъ смертной казни. То же грозило и еврею, не носившему шести фунтоваго деревяннаго обрубка,—точно колокольчикъ. Когда невѣрующіе отправлялись въ общественную баню, имъ вмѣнялось въ обязанность надѣвать маленькіе бубенчики. Въ 405 году со дня бѣгства Магомета, халифъ началъ преслѣдовать своими придирками и мусульманъ. Ни одна женщина не имѣла

права показываться внѣ своего дома, или на крышѣ дома; не имѣла права выглянуть въ окно или за дверь. Ремесленникамъ строго воспрещалось изготовлять женскую обувь. Первый законъ особенно тяжело ложился на незамужнихъ женщинъ, не имѣющихъ притомъ родственниковъ - мужчинъ, такъ какъ онѣ теряли возможность продавать свое тканье, или вымѣнивать его на другой товаръ. Когда начальники городскихъ квартиръ извѣстили халифа объ этомъ затрудненіи, то онъ разрѣшилъ женщинамъ продавать свой товаръ торговцамъ, посредствомъ ложекъ, снабженныхъ длинными ручками. Но ни въ какомъ случаѣ женщинамъ не разрѣшалось обнажать лица и рукъ, выходить изъ дому, посѣщать бани. Несмотря на своеобразную смѣсь здраваго смысла и безумія, которой отличаются всѣ эти законы, они все же служатъ выраженіемъ строго исламскаго взгляда на вещи.

Но когда Хакимъ говоритъ: «Нилъ принадлежитъ мнѣ, я его создалъ!» или когда онъ требуетъ, чтобы его вѣрноподданные обращались къ нему слѣдующимъ образомъ: «Слава Тебѣ, Ты Единый, Несравненный! Слава Тебѣ, приносящему жизнь и смерть, богатство и бѣдность!»—то онъ совершенно удаляется отъ мусульманскаго взгляда на вещи.

Для пропаганды шіитскихъ, т. е. измаэлитскихъ догматовъ въ Каирѣ была открыта особая академія (домъ знанія).

Но это ученіе имѣло мало успѣха среди суннитскаго народа. Одинъ тюркскій измаэлитъ, Давази, объявилъ въ особой рукописи, что душа Адама перешла въ Али и затѣмъ въ Фатимидовъ, слѣдовательно, нынѣ она поселилась въ Хакимѣ.

Когда онъ прочелъ это въ мечети (въ 1017 г.), то народъ пришелъ въ такое яростное возбужденіе, что автору пришлось тайно бѣжать. Онъ отправился въ Сирію, гдѣ основалъ секту, которая и по сію пору почитаетъ какъ бога—халифа Фатимида «нашего Господа Хакима». Это Друзы или, вѣрнѣе, Даразіе (Darasije). Хакимъ, впрочемъ, съумѣлъ охранить вѣру въ свою кажущуюся божественность, такъ какъ онъ исчезъ безслѣдно (13 февраля, 1021 г.). Секта Фатимидовъ, исторію развитія которой мы только что набросали, мало общаго имѣетъ съ исламомъ, основаннымъ на коранѣ. Но были еще и другія религіозныя движенія въ исламѣ, имѣющія еще болѣе языческихъ элементовъ. Такъ въ царствованіе Мамуна, въ Аздербейджанѣ (Adherbeidschán) появился нѣкій Бабекъ, считавшій себя воплощеніемъ высшаго существа, и проповѣдывавшій общность женъ и имуществъ.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ этимъ нѣкій Ата, персъ изъ Мерва, уже заявилъ претензію на воплощеніе въ немъ Бога. Онъ носилъ золотой покровъ на лицѣ, отъ чего и получилъ прозваніе аль Муканна (al Mukanna). Неизвѣстно, желалъ ли онъ такимъ образомъ выдѣлиться изъ толпы, такъ какъ подобный покровъ носили и совершенные профаны-революціонеры, какъ напр., лже-Омаядъ Абу Гаръ аль Мурлаккъ (въ 840 г.), (Abu Har al Mularq), и, кромѣ того, въ 1050 году покровъ этотъ употреблялся однимъ берберскимъ племенемъ, обитающимъ между Сенегаломъ и Атласомъ, какъ обыкновенная часть одежды.

Во время султаната сельджука Тогрильбага возникла самая низменная изъ алидскихъ сектъ. Гассанъ ибнъ эсъ Саббахъ (Hassan ibn es

Sabbach), смѣлый и честолюбивый персъ изъ Реи (Rei), нынѣшняго Тегерана, воспитанный въ шіитскомъ вѣроисповѣданіи, впослѣдствіи былъ увлеченъ неутомимой пропагандой измаэлитовъ. Такъ какъ онъ хотѣлъ добиться чего-нибудь при какихъ угодно обстоятельствахъ, то онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ и заставилъ своего друга дѣтства, визиря Низама эль Мулькъ, представить себя ко двору тюркскаго султана, Меликшаха. Но, достигнувъ своей цѣли, онъ сталъ интриговать противъ своего благодѣтеля Низама и былъ изгнанъ. Послѣ разнообразныхъ перемѣнъ въ своей судьбѣ, ему удалось удалить отчасти силой, отчасти убѣжденіями одного алидійскаго махди, жившаго къ сѣверу отъ Кохвина, въ почти неприступномъ замкѣ на скалѣ, изъ его жилища, и устроиться самому въ этомъ замкѣ. Здѣсь онъ окружилъ себя смѣлыми и неустрашимыми юношами, относившимися къ нему съ почтительнымъ страхомъ, какъ къ святому, и покорявшимися ему съ слѣпымъ повиновеніемъ. Посредствомъ-ли гашиша, или другихъ подобныхъ возбуждающихъ экстазъ средствъ—неизвѣстно, но ему удалось открыть этимъ людямъ во-очію радости рая, въ награду за безусловное повиновеніе, притомъ съ такой одурманивавшей ихъ наглядностью, что для нихъ не было ничего болѣе возвышеннаго, какъ жертвовать своею жизнью служа «горному старцу». Этотъ-же послѣдній ни въ какомъ случаѣ не разсчитывалъ основать новое государство; онъ хотѣлъ лишь доказать великимъ и сильнымъ міра сего, что ихъ не могутъ оградить отъ кинжаловъ его посланныхъ (федави) ни высокія и толстыя стѣны, ни мечи ихъ лейбъ-гвардіи. Все коварство, все лицемѣріе, вся злость, какія проявлялись во времена владычества Аббасидовъ, концентрировались теперь въ одномъ человѣкѣ, причемъ низость и подлость еще увеличились, такъ какъ дѣло шло ужъ болѣе не о политическихъ стремленіяхъ, а объ удовлетвореніи личной ненависти.

Гассанъ и его агенты въ теченіе 200 лѣтъ наводили ужасъ на весь Востокъ, всюду дѣйствовалъ ихъ кинжалъ съ ужасающей быстротой. Нерѣдко ими пользовалась для взаимнаго истребленія одна изъ безчисленныхъ турецкихъ династій, основанныхъ, послѣ паденія преемниковъ Меликъ-шаха, его потомками или ихъ правителями. Одинъ изъ нихъ сдѣлалъ глупость вызвать ихъ въ Сирію, гдѣ они овладѣли цѣлымъ рядомъ замковъ на скалахъ, подобныхъ замку въ Табаристанѣ. И въ Сиріи они вскорѣ съумѣли вызвать всеобщій ужасъ. Не удалось ихъ истребить ни великому Нуреддину (1146—73 гг.) ни его преемнику, курду Іосифу ибнъ Аюбу (Jusuf ibn Ajjub) болѣе извѣстному по его прозванію Салаheддинъ или Саладдинъ (1174—1193), противъ котораго было сдѣлано нѣсколько покушеній. За то они ему впослѣдствіи оказали услугу, удаливъ съ его пути, неизвѣстно съ его-ли вѣдома, величайшаго изъ полководцевъ-крестоносцевъ, графа Конрада Монферрата.

Лишь султану мамелюковъ, Бейбару изъ Египта (1260—77 гг.) удалось покорить ихъ, но и онъ пользовался ими. Не властью самодержца, а просто благодаря перемѣнѣ временъ, этотъ ужасный тайный союзъ гашишимовъ (людей-гашиша) или ассассиновъ, какъ ихъ называютъ на Востокѣ, постепенно преобразовался въ невинную секту, имѣющую, впрочемъ, и понынѣ приверженцевъ въ Гимсѣ и въ Индіи. Чистое шіитство стало государственнымъ вѣроисповѣданіемъ въ Персидскомъ госу-

дарствѣ, основанномъ въ 1502 году шахомъ Измаиломъ, въ то время, какъ пятнадцать лѣтъ спустя, турки, овладѣвъ халифатствомъ, дали первенствующее значеніе правовѣрію. Такъ дѣло обстоитъ и понынѣ.

Арабы въ Испаніи.

Арабское государство, возникшее на развалинахъ государства вестъ-готовъ, было сначала лишь намѣстничествомъ, которое, однако, благодаря его разстоянію отъ центра правленія въ Дамаскѣ, должно было пріобрѣсть несоразмѣрную самостоятельность. Но внутреннія дѣла были болѣе запутаны и представляли болѣе затрудненій, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ халифата.

Несчастное соперничество сѣверныхъ и южныхъ арабскихъ племенъ было и здѣсь поводомъ безконечныхъ стычекъ и кровавыхъ междоусобій. Но мусульманскіе побѣдители по большей части вовсе не были арабами, а *берберами*, которые не вполнѣ признавались своими восточными единовѣрцами. Но, будучи грубыми и воинственными, эти сѣверо-африканцы почти всегда отвѣчали на предполагаемую или дѣйствительную обиду—заговорами и мечами. Расовая антипатія еще усиливалась разномысліемъ, вытекающимъ изъ ихъ массоваго правовѣрія и взглядами сирійскихъ арабовъ, не придерживавшихся такъ строго корана. По этой же причинѣ духовенство оставалось всегда благосклонно расположено къ берберамъ.

Но, съ другой стороны, общая нелюбовь къ туземному населенію, связывала эти партіи. Во времена владычества готовъ дворянство и духовенство играли первостепенную роль среди туземнаго населенія; имъ-же принадлежала и большая часть земли, на которой жила масса крестьянъ, въ качествѣ крѣпостныхъ. Послѣ завоеванія Испаніи арабами, большая часть этихъ владѣній была конфискована и затѣмъ, раздѣленная на мелкіе участки, роздана арабамъ. Послѣдствіемъ этого была болѣе раціональная обработка земли и болѣе или менѣе быстро возрастающее благосостояніе. Понятно, что побѣдители считали ниже своего достоинства собственноручно обрабатывать землю, предоставляя это туземцамъ. Но эти послѣдніе обязаны были отдавать владѣльцу четыре пятыхъ дохода, буде участокъ былъ частной собственностью, одну треть въ казну, если онъ былъ государственною собственностью. Мелкія земельныя владѣнія вовсе не трогались арабами, и христіане должны были только платить хараджъ (поземельное) и подушное. Но подати были не легки и во времена вестготскихъ королей. Кромѣ того, въ прежнія времена гражданамъ воспрещалось отчуждать свои имѣнія. Такимъ образомъ, граждане были обязаны исламу за то, что, благодаря ему, они стали дѣйствительными господами своихъ земель. Кромѣ того съ рабами мусульманскіе хозяева обращались гораздо человѣчнѣе, чѣмъ христіанскіе; притомъ рабамъ стоило только принять исламъ, чтобы получить свободу. Изъ этихъ-то сословій, а также изъ средняго класса преимущественно выходили ренегаты. Государство относилось къ подобнымъ обращеніямъ со смѣшаннымъ чувствомъ, такъ какъ каждое обращеніе влекло за собой потерю подушнаго. Оффиціально-же, конечно, приходилось принимать новообращенныхъ братьевъ

по Аллаху съ открытыми объятіями. А переходъ въ исламъ былъ соблазнителенъ для многихъ, и не только изъ-за болѣе ничтожныхъ налоговъ, но и изъ-за болѣе почетнаго соціальнаго положенія; вѣдь христіанство было всегда лишь терпимой религіей, и лишь мусульмане могли занимать государственныя должности. Между тѣмъ, законное равенство этихъ ренегатовъ или мувалладиновъ съ арабскими мусульманами существовало лишь въ теоріи, какъ и на Востокѣ. Фактически-же общее вѣроисповѣданіе, даже тамъ, гдѣ оно считалось искреннимъ, не могло уничтожить ту пропасть, которая существовала между завоевателями и покоренными, а также и прирожденную расовую антипатію. Такимъ образомъ эти люди, обманутые въ своихъ надеждахъ, относились гораздо враждебнѣе къ правительству, чѣмъ тѣ, которые, оставшись христіанами, напередъ знали, каковы ихъ шансы. Въ общемъ, этимъ послѣднимъ не приходилось жаловаться на обращеніе съ ними. Кромѣ того, признавая Магомета пророкомъ, они могли всегда оградить себя отъ придирокъ. Но разъ извѣстное лицо переходило въ мусульманскую религію, оно оставалось на-вѣки связаннымъ съ исламомъ, такъ какъ отреченіе отъ ислама не только самого обращеннаго, но и его потомковъ наказывалось смертною казнью. Древнее дворянство и высшее духовенство также были опасны для правительства; оба эти сословія были лишены своего значенія посредствомъ конфискацій имуществъ. Духовенство вмѣшивалось въ свѣтскія дѣла и не разъ предлагало свои услуги невѣрующему начальству. Впрочемъ, право назначать епископовъ и созывать церковные соборы перешло отъ вестготскихъ королей на халифа или его намѣстника. А потому, хотя и случалось иногда, что делегатами въ эти соборы были евреи и мусульмане, то все же бѣда была не такъ велика, какъ это кажется на первый взглядъ: христіанство—это нравственная сила, которой ни соборы, ни синоды не могутъ ни принести пользы, ни нанести вреда.

Одни только *евреи* могли привѣтствовать арабовъ съ искренней радостью, такъ какъ во времена владычества вестъ-готовъ, ихъ положеніе было невыносимо. Въ особенности же со времени правленія Сизебута (Sizebut) они не имѣли покойнаго часа: ихъ насильно крестили; въ случаѣ отказа съ ихъ стороны ихъ лишали имуществъ и притомъ били кнутами. Когда-же, наконецъ, убѣдились въ нецѣлесообразности этихъ насильственныхъ мѣръ, то одинъ христіанинъ, участникъ четвертаго толедскаго собора, потребовалъ, чтобы у евреевъ отбирали, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣтей. Когда же они возстали противъ этого, то ихъ стали продавать тысячами въ рабство, при чемъ ихъ господамъ внушали, чтобы они дозволяли своимъ рабамъ-евреямъ жениться не иначе, какъ на христіанкахъ. Благодаря арабамъ, униженный народъ Божій былъ поставленъ наравнѣ съ притѣснителями христіанами, и даже, въ благодарность за оказанные имъ во время войны услуги, онъ пользовался особыми отличіями. Во всякомъ случаѣ, церковная политика халифовъ не вела къ тому, чтобы укрѣпить въ христіанахъ вѣрноподданническую преданность.

Таковъ политическій хаосъ, созданный завоеваніемъ Пиринейскаго полуострова. Хотя въ серединѣ восьмого столѣтія весь югъ и востокъ полуострова былъ во владѣніи арабовъ, но царствующая тамъ анархія

дала поводъ въ возникновенію христіанскаго королевства въ Астуріи, которое, разумѣется, старалось завязать связи съ христіанскими кружками юга и вообще со всѣми недовольными.

Лишь геніальный властитель могъ благополучно управлять кораблемъ, плывя черезъ эти пороги. Такимъ властителемъ былъ омаядскій принцъ Абдеррахманъ, рѣшительность котораго и прозорливость дала ему возможность добыть корону Кордовы посредствомъ гражданской войны. Но во все продолженіе его долгаго царствованія, съ 756 по 788 годъ, ему постоянно приходилось имѣть дѣло съ революціями. Одна изъ нихъ замѣчательна тѣмъ, что возставшіе побудили великаго императора франковъ—Карла вмѣшаться въ дѣло; но однако его походъ къ Эбро чуть-чуть не погубилъ его. Нѣкоторое время передъ этимъ, между берберами появился *святой*, въ лицѣ школьнаго учителя, возставшій противъ эмира. Этотъ Абдалла ибнъ Могаметъ выдавалъ себя за потомка Али и Фатимы и болѣе десяти лѣтъ причинялъ эмиру много заботъ. Впослѣдствіи мы убѣдимся, что всѣ религіозныя возстанія между испанскими мусульманами вызывались всегда сѣверо-африканскими берберами. Уже во времена правленія Гишана (788—96) правительство, либеральное въ духѣ восточныхъ Омаядовъ, было вовлечено въ фарватеръ правовѣрія. Партія, добившаяся этого, собирала приверженцевъ въ средѣ ренегатовъ—новообращенные всегда фанатичны—и берберовъ. Во главѣ ихъ былъ берберъ Яхья (Jachja), который, будучи самъ ученикомъ строго-правовѣрнаго Мелика ибнъ Анаса въ Мединѣ, доставилъ господство его правовой системѣ. Это длилось до тѣхъ поръ, пока эмиры находились подъ страхомъ передъ этимъ духовнымъ совѣтникомъ. Но когда Гакамъ I (796—822) воспротивился его вмѣшательству въ политику, то этотъ властолюбивый священникъ началъ интриговать противъ халифа: «О ты злодѣй, ты упорствующій въ непослушаніи и въ самовозвеличеніи, ты, презирающій заповѣдь Аллаха, отрезвись отъ своего опьяненія, проснись изъ своего грѣховнаго сна!» вотъ какими любезными словами одинъ проповѣдникъ упомянулъ эмира въ въ Кордовской мечети, во время богослуженія. Возстаніе было однако подавлено, и виновные преданы ужасной казни. Все южное предмѣстіе Кордовы было разрушено до основанія, десять тысячъ человѣкъ было сослано. Но вожаки, мусульманскіе священники, вышли сухими изъ воды. При Абдеррахманѣ II (822 — 52) они снова завладѣли властью и убѣдили слабохарактернаго монарха примѣнить къ христіанамъ насильственныя и совершенно противозаконныя мѣры, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, христіанамъ жилось слишкомъ хорошо, и они, къ величайшей досадѣ духовенства, внѣшне все болѣе и болѣе стали похожи на арабовъ. Во время этихъ притѣсненій даже многіе изъ отпавшихъ христіанъ снова вернулись въ лоно церкви, а самые горячіе поклонники креста съ энтузіазмомъ готовились къ мученической смерти. Правительство, сознававшее опасность подобнаго положенія дѣлъ, старалось ихъ удержать посредствомъ нарочно созваннаго собора, но всѣ его усилія оказались напрасными. Возстаніе само собой погасло, подобно эпидеміи, при чемъ нельзя было опредѣлить, почему? Непосредственныя послѣдствія мученичества, напоминающія страданія христіанъ древней церкви, не имѣли значенія.

Но духовныя пріобрѣтенія церкви были громадны, такъ какъ всякая

оппозиція противъ правительства, съ какой бы она ни являлась стороны, воодушевлялось воспоминаніемъ о мужественной смерти этихъ людей. Въ то время какъ въ эпоху правленія низкаго эмира Абдалла (888—912) арабская аристократія употребляла всѣ усилія, чтобы вызвать всевозможныя возстанія и вернуть себѣ утерянное во время Абдеррахмана могущество, въ Андалузіи, въ Серраніи возстали ренегаты. Причиной ихъ возстанія была не религія, а патріотизмъ испанцевъ. Они отчасти стали истинновѣрующими мусульманами, и когда ихъ предводитель, могущественный герой Омаръ-ибнъ-Нассъ принялъ христіанство, то многіе отвергнулись отъ него. Эти революціи довели царствующую династію чуть-ли не до окончательной гибели. И тогда берберы начали священную войну, которая, однако, на этотъ разъ велась, для разнообразія, не противъ правительства, а противъ христіанскаго княжества Астуріи. Лишь великому эмиру Абдеррахману III (912—61) удалось побѣдить всѣхъ своихъ враговъ, благодаря смѣлымъ и быстрымъ нападеніямъ. Онъ смѣло могъ рѣшиться первымъ принять титулы повелителя вѣрующихъ и халифа, и такимъ образомъ доказать сѣверо-африканскимъ Аббасидамъ въ Багдадѣ и Фатимидамъ—незаконность присвоенной ими себѣ власти.

Но онъ при этомъ былъ и мудрымъ законодателемъ и добрымъ отцомъ своего народа. Онъ серьезно старался придать фактическое значеніе равноправности ренегатовъ и берберскихъ мусульманъ съ арабами, каковая до него существовала лишь на бумагѣ. На этомъ-то созданномъ имъ равновѣсіи и возникла цвѣтущая арабско-испанская культура. Договоры съ христіанами и евреями соблюдались и охранялись отъ фанатизма духовныхъ лицъ Религіи эти были признаны государствомъ, хотя, по буквѣ закона, онѣ лишь терпѣлись. Абдеррахманъ былъ первый изъ эмировъ, который окружалъ себя христіанами и евреями, и даже назначилъ первымъ министромъ мудраго и опытнаго Хаздаи Шапрута.

Но для того, чтобы поддержать равновѣсіе между различными расами, эмиру, конечно, отъ времени до времени приходилось прибѣгать къ мечу; а потому съ его стороны было весьма благоразумно, что онъ вербовалъ свою гвардію изъ кружковъ, далекихъ отъ всякихъ политическихъ стремленій. Съ этой цѣлью онъ тысячи рабовъ обращалъ въ солдатъ, а командующіе ими были по большей части изъ евнуховъ, доставлявшихся преимущественно еврейскими фирмами изъ южной Франціи. Къ сожалѣнію, эта реформа не удалась. Еще при жизни Абдеррахмана главное командованіе, порученное четыремъ евнухамъ, подало поводъ къ неповиновенію со стороны арабскихъ офицеровъ во время войны противъ Рамиро да Леона, вслѣдствіе чего мусульмане потерпѣли ужасное пораженіе (939). Но это было еще не самое пагубное послѣдствіе. Послѣ смерти ученаго Гакима II (961—76 г.), которому наслѣдовалъ его несовершеннолѣтній сынъ Гимамъ II (976—1013 г.), рабы и евнухи начали играть роль своихъ тюркскихъ коллегъ на Востокѣ. Въ особенности, нѣкій смѣлый искатель приключеній, Ибнъ Аби Амиръ, любовникъ и претеже матери короля, съумѣвшій изъ простого секретаря стать дворцовымъ министромъ, захватилъ всю власть въ свои руки и, наконецъ, присвоилъ себѣ почетный титутъ «короля». Честолюбивая султанша Зобейга, желая удержать въ своихъ рукахъ бразды правленія, рѣшилась задержать физиче-

ское и нравственное развитіе молодого Гишама, прибѣгая къ преступнымъ средствамъ. Цѣль эта была вполнѣ достигнута. Даже когда султанша убѣдилась, что они оба были позорно обмануты выскочкой, она ужъ не могла освободить своего сына отъ его опеки.

Но несмотря на то, что этотъ человѣкъ достигъ власти посредствомъ преступленій и низостей, достигши намѣченной цѣли, онъ отличался своей самоотверженностью и любовью къ справедливости, и думалъ лишь о благѣ своихъ подданныхъ. На сколько его можно было раньше называть геніальнымъ негодяемъ, на столько потомъ онъ оказался геніальнымъ полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ. Походы его были болѣе побѣдоносны, нежели походы его предшественниковъ, и онъ довелъ мусульманскія войска до святилища Сантъ-Яго, въ Галисіи. До самыхъ позднихъ временъ его воспѣвали въ народныхъ пѣсняхъ, какъ аль-Манзора, т. е. побѣдоносца. Такъ какъ войска изъ рабовъ оказались негодными, то онъ составлялъ свою гвардію изъ христіанъ, которые цѣлыми толпами сбѣгались къ нему, благодаря безпорядкамъ, господствовавшимъ въ это время въ Леонѣ, Кастилліи и Наваррѣ. Самая же геніальная его реформа—это было радикальное преобразованіе состава войскъ; реформа эта была возможна, однако, лишь благодаря начатому Абдеррахманомъ III уравновѣшенію правъ національностей. До него арабскія войска всегда были организованы такимъ образомъ, что каждый отрядъ состоялъ изъ членовъ одного племени, глава котораго командовалъ имъ. При немъ-же отдѣльные отряды войскъ составлялись помимо родовыхъ отношеній. Такимъ образомъ затруднялись возмущенія, такъ какъ и солдаты, и офицеры не были ужъ такъ близки другъ къ другу, а потому охотнѣе подчинялись главнокомандующему. При всемъ томъ всемогущій майордомъ обладалъ настолько мудрымъ господствомъ надъ самимъ собою, что никогда не нарушалъ номинальнаго владычества псевдо-халифа. Но положеніе его было до того непоколебимо, что двое изъ его сыновей унаслѣдовали его санъ, безъ всякаго сопротивленія съ чьей-либо стороны. Лишь когда Абдеррахманъ III (1008 г.) уговорилъ Омаяда назначить его наслѣдникомъ престола разразилась гроза. Но ни одному омаядскому принцу не удалось вновь основать владычество своей династіи; Кордова стала республикой, а кромѣ того всюду возникли мелкія арабскія, берберскія или иныя государства. Въ Севильѣ арабскіе Аббасиды основали династію, продержавшуюся около 70 лѣтъ. Приблизительно столько-же времени правили въ Гренадѣ берберскіе короли, въ правленіи которыхъ процвѣтали всѣ мирныя искусства, хотя не столько благодаря имъ, какъ благодаря ихъ геніальному визирю—еврею Самуилу га Леви (Samuel ha Lewi). Само собой разумѣется, что христіанскія государства на сѣверѣ полуострова воспользовались распаденіемъ арабскаго царства для значительныхъ захватовъ. Такъ, Альфонсъ VI добился въ 1085 г. сдачи Толедо, опустошивъ предварительно всю Андалузію до крайняго юга.

Мутавиду Севильскому грозила такая опасность, что онъ, движимый отчаяніемъ, обратился съ просьбой о помощи къ лицу, отъ котораго, какъ онъ самъ отлично понималъ, грозила опасность всему его царству. Въ серединѣ одиннадцатаго столѣтія появился въ средѣ Зангаджскихъ берберовъ святой, Абдалла - ибнъ - Язинъ - эль - Гузули (Abdallah ibn Jasin el Gusuli), пропагандировавшій между своими соплеменниками самый строгій исламъ, придерживаясь буквѣ ученія Малика. Его приверженцы были прозваны мурабитунами или людьми - Рабита, по своимъ избамъ, въ которыхъ они временно жили на одномъ островѣ Сенегала. До 1080 года почти весь Магхрибъ (Maghrib) до Алжира былъ во владѣніи моравидовъ, Альморавида—такъ по испански назывались Мурабиты,—Юсуфа ибнъ Тафшина (Jusuf ibn Tafschin), который устроилъ свою резиденцію въ новооснованномъ Марракутѣ (Марокко). Этотъ Юсуфъ согласился оказать помощь Аббасиду, но въ пылу сраженій онъ разорилъ почти всю мусульманскую Испанію, въ особенности Кордову и Гренаду. Однако это могущество, во время котораго фанатикъ-факиръ истребилъ оружіемъ всю культуру Андалузіи, длилось не долго. Альморавиды не могли противостоять безпрерывнымъ нападеніямъ со стороны христіанскихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что силы ихъ требовались для борьбы въ родной странѣ ихъ династіи—на Испанію они всегда смотрѣли лишь какъ на провинцію африканскаго государства. На этотъ разъ пришлось бороться противъ другого берберскаго племени, противъ Масмуды (Masmuda) у которыхъ появился новый махди, Мохамедъ ибнъ Тумартъ (Mohammed ibn Tûmart). Такъ какъ Альморавиды были послѣдователями ученія Малика, то новый махди и старался примѣнить къ своимъ цѣлямъ болѣе философское ученіе Ашари. Разными софизмами, которыми онъ поражалъ глуповатыхъ факи (Fakihs) Альморавидовъ, онъ съумѣлъ внушить имъ опасеніе, что ихъ буквальное толкованіе словъ корана грозитъ опасностью единобожію, между тѣмъ какъ его послѣдователи, аль миваххедины (Al Mywachchedin), вѣрующіе въ единобожіе, избѣгаютъ опасности впасть въ многобожіе. Но сколько бы онъ ни носился съ этимъ догматическимъ мусоромъ, главнымъ дѣломъ для него было шиитское вѣрованіе въ непогрѣшимость алидскихъ имамовъ, съ молчаливымъ предположеніемъ, что въ его особѣ воплотился имамъ. Будучи очень осторожнымъ, онъ лишь постепенно выступалъ съ этимъ догматомъ. Когда эти альмиваххедины, или, какъ выговариваютъ испанцы, альмогады, своимъ оружіемъ окончательно уничтожили могущество альморавидовъ, то ни одинъ изъ альмогадовъ не сомнѣвался въ томъ, что ихъ тогдашній глава не только махди, но и халифъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ мусульманскія провинціи Испаніи были въ его рукахъ. Хотя это кажется невѣроятнымъ, однако это фактъ, что первые властители этой династіи не только покровительствовали искусству и наукѣ, но и выказали нѣкоторое пониманіе того и другого. Это явленіе нельзя объяснить однимъ лишь вліяніемъ андалузской культуры; оно было послѣдствіемъ того интереса, которое питалъ Тумартъ къ философской системѣ Ашариса. Тѣмъ не менѣе, уже при третьемъ альмогадѣ знаменитый Ибнъ Рошдъ (Аверроэсъ) былъ заключенъ въ тюрьму за свое свободомысліе. Съ этихъ поръ наступаетъ ретроградное движеніе свободы науки, а также и политической власти. Когда халифъ Ма'мунъ, уступкой десяти крѣпостей, обезпечилъ себѣ со стороны Фердинанда III Кастильскаго вспомогательныя войска для укрощенія возстанія въ Марокко (1229 г.), то владычеству его въ Испаніи пришелъ конецъ. Въ Африкѣ-же альмогады лишь въ 1269 году пали подъ напоромъ сенаджскихъ берберовъ.

До 1246 года вся Испанія была отнята у мусульманъ, за исключеніемъ маленькаго княжества Гренады. Владѣтели его, происходившіе изъ древняго арабскаго дворянства, могли удержаться лишь въ качествѣ данниковъ Фердинанда Кастильскаго. Достойно удивленія то обстоятельство, что это княжество Назоидовъ процвѣтало еще 250 лѣтъ. Арабская западная культура здѣсь расцвѣла еще одинъ разъ, и притомъ, какъ мы увидимъ позднѣе, достигла высочайшаго расцвѣта. *La galib 'ill allah* «нѣтъ побѣдителя кромѣ Аллаха» таковъ былъ лозунгъ строителей Альгамбры. Но къ несчастію на этотъ разъ появился побѣдитель въ лицѣ христіанина Фердинанда (1492). При капитуляціи, на которую былъ вынужденъ согласиться послѣдній изъ Назоидовъ, Абнъ Абдалла Могаметъ (Баабдиль), онъ приложилъ всѣ усилія, несмотря на грозящее ему паденіе, выхлопотать болѣе сносныя условія и для евреевъ. Этотъ благородный его поступокъ останется записаннымъ на скрижаляхъ исторіи.

Но Богъ христіанъ оказался болѣе жестокимъ и коварнымъ, чѣмъ Аллахъ проклятыхъ мусульманъ. Въ благодарность за терпимость, которую всегда оказывали христіанамъ мусульмане, эти послѣдніе подверглись инквизиторскимъ преслѣдованіямъ.

Литература.

Во главѣ литературныхъ произведеній исламистскихъ арабовъ стоитъ *Коранъ*, т. е. редактированное во времена халифа Оѳмана (Othman) собраніе откровеній или корановъ Магомета. Но и до Магомета существовала арабская литература, давно заглохшая литература сабеевъ на юго-западѣ полуострова, отъ которой нынѣ не осталось ничего кромѣ надписей, вырѣзанныхъ на камнѣ. Изъ поэзіи язычниковъ сѣверной Аравіи, у насъ сохранились довольно значительные отрывки. Стихи ихъ имѣютъ вполнѣ опредѣленную метрическую форму, сродную греческой или римской, и обладаютъ риѳмой, повторяющейся въ первой строкѣ стихотворенія въ началѣ и въ концѣ, а затѣмъ находящейся лишь въ концѣ стиха. Языкъ одинаковъ, такъ какъ эти поэты появились въ одно и то же время, въ VI столѣтіи, и въ одномъ и томъ-же культурномъ слоѣ.

Болѣе тонкія діалектическія различія не могутъ быть усмотрѣны: благодаря несовершенному письму, самыя грубыя ошибки, вѣроятно, были сглажены переписчиками. Но слѣдуетъ полагать, что странствующіе пѣвцы нѣсколько сгладили свои діалекты во время своихъ странствованій, для того чтобы ихъ легче понимали въ чужихъ странахъ. Позднѣе арабскіе филологи соединили въ сборники эти стихи, изъ которыхъ главнѣйшіе *моаллакаты* и мофадаліяты (Moallaqât, Mofaddalijjat). Моаллакаты пріобрѣли особенную популярность благодаря легендѣ, что будто они были вышиты золотомъ на драгоцѣнныхъ коврахъ и вывѣшены на Каабѣ, въ Меккѣ. Названіе ихъ, собственно говоря, значитъ только *драгоцѣнные*. Уже въ древнія времена правила стихосложенія подобныхъ стихотвореній или казидъ приняли стереотипную форму. Они начинаются упоминаніемъ о покинутомъ мѣстожительствѣ племени, къ которому принадлежитъ возлюбленная поэта или его героя. Затѣмъ поэтъ обращается къ

воображаемому товарищу съ просьбой остановиться и высказать свое мнѣніе объ этихъ слѣдахъ поселеній, о кучахъ золы, о кольяхъ палатокъ. Къ этому поэтъ присоединяетъ эротическую часть, жалуется на разлуку съ возлюбленной, трогательно воспѣвая свое горе. «Вѣдь Господь, создавая своихъ рабовъ, вселилъ имъ любовь къ женщинамъ и радость этой любви». Кончается стихотвореніе обыкновенно робкою просьбой поэта подарить ему что нибудь.

Онъ сѣтуетъ на продолжительность своихъ странствованій, на затрудненія, испытанныя имъ, несмотря на свою храбрость и несмотря на благородную расу своего коня. Но настоящая казида не кончается такъ скоро, какъ нашъ набросокъ; лирика играетъ въ ней лишь незначительную роль. Древній поэтъ попадаетъ въ настоящій свой элементъ лишь когда дѣло идетъ объ описаніяхъ, будь это описаніе пейзажей, или небесныхъ явленій, оружія или лошадей, верблюдовъ, птицъ летящихъ стаей или бѣгущихъ стадъ газелей.—Такимъ образомъ стихотворенія-моаллакаты содержатъ обыкновенно сто стиховъ; вслѣдствіе этого, они съ эстетической точки зрѣнія лишь весьма мало поэтичны.

Когда дѣло идетъ о радости или о горѣ, о ненависти или любви, гнѣвѣ или презрѣніи, то мы можемъ сочувствовать страстной рѣчи древнихъ поэтовъ, которые нерѣдко были и поэтами, и рыцарями. Но подробныя описанія, составляющія цѣлое стихотвореніе, никогда не могутъ быть поэтичными. Арабскіе филологи, которые комментировали и обработали древнія стихотворенія, мало понимаютъ поэзію, и обыкновенно ограничиваются выраженіями восторга по поводу необыкновенныхъ выраженій и изящныхъ оборотовъ рѣчи. Эта ограниченность въ оцѣнкѣ для насъ тѣмъ чувствительнѣе, что эти филологи нерѣдко сокращали антологическія стихотворенія, въ которыхъ подчасъ были наилучшія мѣста. Передать казиду въ полномъ ея составѣ подчасъ невозможно. Отдѣльныя части ея почти не имѣютъ связи между собой, что видно изъ выше приведеннаго нами анализа, а отдѣльныя строки по мысли и по синтаксическому своему составу составляютъ нѣчто единое. Вотъ почему весьма легко произвольно толковать или урѣзывать, а для критики въ большей части случаевъ невозможно примѣнить абсолютно вѣрный масштабъ. Этотъ послѣдній еще болѣе затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что благодаря полной испорченности вкуса въ позднѣйшей техникѣ, поэты, жившіе въ большихъ городахъ, будучи связанными господствующей модой, придерживались шаблоновъ поэзіи бедуиновъ. Такъ, напр., извѣстный историкъ литературы Ибнъ Котаба говоритъ: «Поэту новѣйшихъ временъ не дозволяется исправлять манеру древнихъ; напр. останавливаться въ населенномъ мѣстѣ или отдыхать въ каменномъ зданіи въ то время, какъ древніе останавливались въ пустынныхъ мѣстахъ, въ палаткахъ, или ѣздить верхомъ на ослахъ и мулахъ, въ то время какъ древніе ѣздили на верблюдахъ, или находить прѣсную, текучую воду, въ то время какъ древніе пользовались мутной, испорченной водой, или, во время путешествій, странствовать по мѣстностямъ, гдѣ цвѣтутъ нарциссы, розы и миpты, такъ какъ таковыхъ въ пустыняхъ не было».

Къ счастью, болѣе геніальные изъ числа позднѣйшихъ поэтовъ освободились отъ этихъ стѣснительныхъ ограниченій. Но рядомъ съ тяжело-

*

вѣсной казидой древніе писали и короткія стихотворенія на разные случаи. Знаменитѣйшіе поэты древнихъ временъ слѣдующіе: Амрулькаисъ (Amrulqais), Тарафа, Зогаиръ (Zohair), Лебидъ, 'Амру ибнъ Кульѳумъ ('Amru ibn Kulthum), 'Антара и Гариѳъ ибнъ Хиллиза (Harith ibn Hilliza). Слѣдующія строфы перваго изъ вышеназванныхъ переносятъ насъ во времена язычества, съ его идеалами:

Тяжела была мнѣ разлука,
Теперь-же для меня она не тяжела,
И дума моя не занята болѣе
Никакими дѣвушками.
Я распрощался съ глупостью,
Но все же я дорожу тремя вещами
Въ веселой жизни.
Первая изъ нихъ—это придавать бодрость
Собутыльникамъ,
Чтобы они передавали другъ другу
Полные, пѣнящіеся мѣхи.
Вторая—это скакать на конѣ,
Взрывающемъ копытами пыль,
Нападая на стаю дикихъ звѣрей,
Когда она считаетъ себя въ безопасности.

Третья ѣздить на верблюдахъ по неизвѣданнымъ странамъ, когда ночь окутала землю своимъ темнымъ покровомъ, изъ пустыни направляться къ городу, завязывать знакомства и веселиться. Послѣднее—это цѣловать женщину, орошенную ароматами и взирающую на младенца, разукрашеннаго амулетами, которую жалобы мои трогаютъ, плачъ его огорчаетъ, и которая, опасаясь, чтобы онъ не повредилъ себѣ, обращаетъ свои взоры на него.

Въ поэтической антологіи Гамазы арабскія поэтическія произведенія распредѣляются на слѣдующія группы: героическія пѣсни, оплакиваніе умершихъ, восхваленія добродѣтели, эротическія пѣсни, пасквили, подблюдныя, описанія путешествій, шутливыя пѣсни, и пасквили на женщинъ. Въ печальныхъ пѣсняхъ отличились и женщины, а между ними въ особенности Ганза (Hansà), настоящее имя которой было Тумадиръ дочь Амру. Стихи, въ которыхъ вдова оплакиваетъ умершаго своего супруга, полны чувства.

«Я клянусь, что глаза мои никогда не осушатся, что глава моя навсегда останется покрыта пепломъ въ горѣ о тебѣ. Гдѣ можно было встрѣтить человѣка, подобнаго тебѣ, такую опору въ бѣдѣ, такого упорнаго въ сраженіяхъ. Гдѣ только опускались копья во время нападенія, тамъ грудь его открывалась на встрѣчу смерти, и смерть окрасила ее въ багровый цвѣтъ».

Изъ того, что было сказано выше о дѣлахъ Омаядовъ, легко заключить, что въ Дамаскѣ благоволили къ пѣвцамъ добраго стараго времени.

Изъ нихъ выдающіеся Джериръ и Фараздакъ († 728), пріобрѣвшіе извѣстность своею поэтическою обоюдною перебранкою, а также христіанинъ эль Ахталь. Люди вродѣ Іезида (Iezid) чувствовали себя гораздо лучше въ кругу рабынь, подносящихъ имъ запрещенное вино, нежели въ мечети.

«Моя дѣвушка живетъ въ Матирунѣ, когда муравей пожретъ все, что было собрано въ муравейникѣ. Но когда наступаютъ весенніе дожди, ее охраняетъ храмъ въ Дишилигѣ,—палатка возлѣ лавочки трактирщика, окруженная зрѣющими маслинами».

Случалось и такъ, что царевна болѣе восхищалась поэтомъ, нежели это допускалось приличіями. Поэтъ любви Вадуахъ былъ наказанъ позорною смертью за такое приключеніе. Самый изящный, но и самый распущенный изъ поэтовъ былъ эротическій поэтъ Омаръ ибнъ аби Рабі'я (Omar ibn abi Rabi'a).

«Мы бесѣдовали, и я увидѣлъ свободно лица, красота которыхъ была слишкомъ горда для того, чтобы закрыться покрываломъ. Онѣ меня узнали, но притворились, будто не знаютъ меня. Онѣ шутливо говорили: «Это чужестранецъ, который не знаетъ, гдѣ бы пріютиться». Онѣ обмѣнивались любовной пряжей съ одураченнымъ ими человѣкомъ, который давалъ имъ саженями, а получалъ аршинами».

Родственный по духу Омару былъ Абу Новасъ (Abu Nowas), придворный поэтъ Гарунъ аль Рашида; онъ еще болѣе распущенъ. Литературныя произведенія несчастнаго аббасидскаго принца, ибнъ эль Мута (ibn el Muta) дышатъ такой глубиной чувства, такой тонкой наблюдательностью, что напоминаютъ подъ часъ Гете. Муталабби († 965 г.), гораздо остроумнѣе, но менѣе натураленъ. Глубокомысленнѣе всѣхъ былъ слѣпой Абуль ала аль Ма'арра († 1057 г.) (Abul ala al Máarra), жившій при дворѣ Зейфеддаула. Въ качествѣ религіознаго скептика и свободомыслящаго писателя, онъ особенно понятенъ и доступенъ намъ.

«Народъ возложилъ свою надежду на Богочеловѣка, который долженъ руководить толпой, когда она, безпомощная, ищетъ спасителя. Но это лишь заблужденіе, ибо лишь разумъ есть божественный руководитель, ведущій васъ утромъ и вечеромъ, какъ опытный проводникъ».

Онъ былъ не только самымъ свободомыслящимъ человѣкомъ своего времени, но можетъ занять мѣсто въ рядахъ самыхъ свободомыслящихъ людей всѣхъ временъ. До сихъ поръ исламъ не произвелъ равнаго ему. Арабская поэзія послѣ него стала постепенно падать.

Но за то въ одной исламистской области индоевропейской расы и персидскаго языка, открылся для поэзіи новый богатый источникъ. Съ арабскимъ завоеваніемъ, въ Персію проникло много арабскихъ словъ, но народный языкъ все же не былъ никогда вполнѣ вытѣсненъ; а когда, по мѣрѣ увеличивающагося раздробленія арабскаго государства, восточныя провинціи стали пріобрѣтать больше самостоятельности, — народный языкъ быстро сталъ литературнымъ. Персидская лирика отличается отъ болѣе древней арабской въ двухъ отношеніяхъ. Послѣдняя, по большей части, намѣренно сплетается съ историческимъ фономъ, такъ что часто понять ее возможно лишь тому, кто знакомъ съ событіями, на которыя она намекаетъ, хотя эта условность пониманія далеко не настолько значительна, какъ это утверждали схоластики и толкователи. Персидскій поэтъ, благодаря присущей его народу способности къ отвлеченному мышленію, относился свободнѣе и непринужденнѣе къ своему предмету, а потому лучше съумѣлъ отрѣшиться отъ ограниченнаго, индивидуальнаго опыта и возвыситься до общечеловѣческихъ воззрѣній.

Что же касается стилистической стороны персидской поэзіи, то въ

этомъ отношеніи о ней нельзя высказать такого благопріятнаго мнѣнія. Она составляетъ контрастъ съ древне-арабской поэзіей, отличающейся точнымъ, лаконическимъ языкомъ, настоящей наблюдательностью, наглядностью картинъ и вѣрными сравненіями. О персидской-же поэзіи можно сказать то, что въ учебникахъ и въ подобныхъ литературныхъ произведеніяхъ говорится вообще о восточной поэзіи, а именно, что она отличается цвѣтистымъ языкомъ и запутанными оборотами рѣчи. Первымъ значительнымъ лирикомъ считается Рудеги (Rudegi), который, кромѣ того, предпринялъ переводъ индусскаго сборника сказокъ, Калила и Димна, по порученію князя саманидовъ Назара II. Младшій его современникъ, Дакики, началъ эпическую обработку древне-иранской героической поэмы—Шахъ-Наме. На долю турецкаго султана Махмуда въ Газнѣ выпала честь, заключающаяся въ томъ, что одинъ изъ величайшихъ эпическихъ поэтовъ всемірной литературы, Фирдуси (Firduk) докончилъ, живя при его дворѣ, Шахъ-Наме, или книгу царей. Дакики успѣлъ докончить лишь 1000 строкъ, такъ какъ былъ убитъ своимъ возлюбленнымъ, турецкимъ рабомъ. Фирдуси-же, въ своей передѣлкѣ, написалъ шестьдесятъ тысячъ двойныхъ строкъ. Арабы никогда не писали риѳмованныхъ эпическихъ произведеній. Но утвержденіе, будто арабы или вообще семиты не обладали талантомъ къ эпосу, совершенно невѣрно. Описанія сраженій, бывшихъ во времена язычества и въ первые годы ислама, набросаны съ такой наглядностью, драматической жизненностью и поэтической наивностью, что ихъ нельзя назвать иначе, какъ эпическими разсказами, такъ какъ лишь выше перечисленныя качества, а никакъ не пустыя формы вродѣ риѳмы, имѣютъ значеніе для подобной классификаціи. Кромѣ того, встрѣчаются большіе отрывки, которые стоитъ только разбить на діалоги между различными лицами, чтобы получить драматическія сцены. Послѣ Фирдуси величайшимъ эпикомъ можно считать Низами († 600 г.), изъ произведеній котораго особенно извѣстны «книга Александра» и разсказъ «Лаила и Меджунъ» (Laila, Medschun).

Самымъ-же любимымъ въ Персіи поэтомъ былъ Саади († 691 г.) изъ Шираса, творецъ «Бостана» (садъ) и «Гюлистана» (садъ розъ), содержащей, то въ прозѣ, то въ стихахъ, правила жизни благочестія, смягченнаго мудростью: «Однажды ночью я вспоминалъ протекшіе дни, а потраченная напрасно жизнь вызвала во мнѣ глубокую печаль; алмазами слезъ я пробуравилъ твердый камень сердца, и мнѣ пришли на умъ слѣдующіе, приличныя моему состоянію, стихи:

«Съ каждымъ мгновеніемъ погибаетъ дыханіе жизни. Не успѣлъ ты его замѣтить, и оно улетучилось, какъ дымъ. Ты могъ беззаботно провести во снѣ пятьдесятъ лѣтъ, а хочешь обмануть себя еще и на пять дней? Да будетъ стыдно лѣнивцу, не принимающемуся за работу! Раздался барабанный бой, а онъ не застегнулъ еще ранца своего. День путешествія насталъ, а онъ продолжаетъ наслаждаться сномъ, такъ что путешественнику придется отказаться отъ своего странствованія».

«Проникнувшись этими мыслями, я почелъ необходимымъ удалиться въ уединеніе, собрать складки моего платья и удалиться изъ общества, стереть со своихъ дощечекъ легкомысленныя изрѣченія, и съ этихъ поръ не вмѣшиваться въ безполезные разговоры.

«Лучше молча и не слушая ничего, сидѣть въ углу, чѣмъ безъ толку острить языкъ въ пустыхъ рѣчахъ.

«Въ это время одинъ изъ моихъ друзей, сидѣвшій нѣкогда со мной въ верблюжьихъ носилкахъ бѣдствія, а также въ пріятныхъ палаткахъ любви, вышелъ по старой привычкѣ ко мнѣ. Но на его шутки и его веселіе, на раскинутый имъ передо мною коверъ веселія и остроумія, я не далъ ему отвѣта» и т. д.

По сравненію съ удивительнымъ разнообразіемъ твореній Саади, этого поэтическаго фельетониста, брызжащаго блестками генія, подблюдныя и любовныя пѣсни еще болѣе популярнаго Гафиза (Háfis), разумѣется, болѣе однообразны, но за то онѣ обладаютъ большимъ очарованіемъ и прелестью. Европейскій читатель замѣтитъ, конечно, при чтеніи, что любовь поэта никогда не избираетъ предметомъ женщину, но всегда—чернокудраго раба.

«Встань, виночерпій, обнеси чашу кругомъ, а затѣмъ ласково поднеси ее мнѣ, ибо любовь, казавшаяся сначала легкой, вызвала безчисленное множество затрудненій. Надежда на то, что восточный вѣтеръ разнесетъ ароматъ этихъ кудрей, была причиной тому, что всѣ сердца окропились кровью, благодаря ихъ кудрявымъ кольцамъ.

«Окрась коверъ виномъ, если такъ прикажетъ это старый хозяинъ; путешественникъ, столько изъѣздившій, знаетъ всѣ пути и дороги. Предавался-ли я наслажденіямъ въ домѣ друга моей души, въ то время, какъ колоколъ ежечасно жалобно напоминаетъ: идемъ дальше! Темно, ночь, и на лонѣ волны и вѣтровъ таится ужасъ. Могутъ-ли понять мою тяжелую судьбу тѣ, ожидающіе тамъ у берега въ легкомъ одѣяніи. Злорадство набросило тѣнь на всѣ мои дѣянія; не осталось и одной тайны, которая не обратилась бы въ сказку во всѣхъ кружкахъ. Если, Гафизъ, ты почувствуешь стремленіе къ покою, то не забудь правила: если тебѣ удалось найти то, что любишь, то откажись отъ всего свѣта!»

Между тѣмъ, въ омайядской Испаніи, любовь къ пѣнію—арабовъ соединилась съ прирожденными поэтическими способностями—андалузцевъ, что произвело очаровательную, безпримѣрно богатую литературу, стоящую, по весьма понятнымъ причинамъ ближе къ нашимъ чувствамъ, чѣмъ произведенія Востока. Саидъ ибнъ Джуди (Said ibn Dschûdi, 900), рыцарь и поэтъ, имѣетъ болѣе древне-арабскій характеръ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я услышалъ ея голосъ, душа моя отлетѣла. Сладкіе звуки оставили во мнѣ лишь печаль. Вѣчно, вѣчно я вспоминаю ее, Джугану: я ее никогда не видалъ, а подарилъ ей свое сердце. Къ ея возлюбленному имени, которое для меня выше всего на свѣтѣ, я взываю съ влажными глазами, какъ монахъ взываетъ къ иконѣ».

Къ поэтамъ новаго направленія принадлежатъ Яхья ибнъ Гакамъ (Jachja ibn Hakam) и Саидъ ибнъ Мундгизъ (Said ibn Mundhis), жившіе въ качествѣ придворныхъ пѣвцовъ при Кордовскомъ дворѣ (въ 850 г.). Испанско-арбскихъ поэтовъ—легіонъ, и можно было бы наполнить томы ихъ произведеніями, довольствуясь даже выборомъ лучшаго изъ того, что стоитъ спасти отъ забвенія. Приведемъ здѣсь чудныя рѣчи, которыми неизвѣстный воспѣваетъ Гибралтарскую скалу.

«Она возвышаетъ чело свое къ небу, а черный покровъ, сплетенный

изъ облаковъ, спускается съ ея плечъ. По вечерамъ главу ея украшаютъ, точно вѣнцомъ, звѣзды, плывущія тамъ, высоко, точно червонцы. Тихо опускаются кружевныя кудри ихъ на ея чело, и лаская его, играютъ съ ней по ночамъ. Зубы ея искрошились, потому что, съ тѣхъ поръ, какъ она стремится вверхъ, она безъ устали грызла скалу столѣтій. Она пережила уже всѣ перемѣны судьбы; подобно погонщику, подгоняющему своими пѣснями верблюдовъ, она гнала впередъ вѣка. Она мыслями блуждаетъ въ прошломъ, въ настоящемъ и будущемъ. Такъ, обремененная тайнами, она мрачно, загадочно глядитъ въ мрачную пропасть, открытую у ея ногъ».

Музыка и пѣніе тѣсно связаны съ поэзіей. Какъ у всѣхъ народовъ, такъ и у арабовъ, то и другое возникли въ глубочайшей древности, но, судя по увѣреніямъ арабовъ, пѣніе, какъ искусство — происхожденія иностраннаго. Рабъ - чернокожій, ибнъ Музаджихъ (Musaddschich), кліентъ знатной меккской фамиліи banu Machzum, услышалъ однажды, какъ разсказываютъ, пѣніе персидскихъ рабочихъ, занятыхъ исправленіемъ Каабы. Онъ запомнилъ эти мелодіи и подобралъ къ нимъ арабскія пѣсни. Его примѣру нашлись ревностные подражатели. Ибнъ Сорайджъ (Ibn Soraidsch), Гхаридъ (Gharid) и Маабадъ (Maabad) считаются самыми замѣчательными изъ его учениковъ. По словамъ другого преданія, ибнъ Музаджихъ перенялъ византійскія мелодіи. О Маабадѣ разсказываютъ, что онъ обучалъ пѣнію дѣвочекъ - рабынь, и потомъ торговалъ ими. Весьма вѣроятно, что ибнъ Музаджихъ дѣйствительно такимъ путемъ изучилъ искусство пѣнія. Но было бы странно приписывать лишь его особѣ посредничество въ этомъ дѣлѣ. Въ Аравіи было много мѣстъ, гдѣ гораздо удобнѣе было изучить византійское или персидское пѣніе, чѣмъ въ Меккѣ. Вѣдь византійцы и Сассаниды были непосредственными сосѣдями бедуиновъ на сѣверѣ, а въ Байранѣ, Оманѣ и въ Счастливой Аравіи съ давнихъ поръ персы были колонистами. А потому невозможно измѣрить время, или указать точно на каналы, по которымъ проникли въ полуостровъ чужестранныя мелодіи. Но то значеніе, которое имѣли женщины-пѣвицы, наводитъ на предположеніе, что значительный контингентъ піонерокъ въ музыкальномъ искусствѣ составляли рабыни. А потому объ ибнъ Музаджихѣ можно съ достовѣрностью лишь утверждать, что онъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ пѣвцовъ и древнѣйшимъ главой школы. Арабское слово: «Zammarâ» флейтистка, арамейскаго происхожденія и означаетъ на этомъ языкѣ просто на просто распутную дѣвушку. Во времена Омаядовъ эти артистки допускались ко двору, а богатые люди платили за хорошихъ пѣвицъ, которыя служили имъ и наложницами, огромныя суммы.

Любимыми инструментами были: тамбуринъ, флейта, литавры и въ особенности лютня (ûd), по струнамъ которой ударяли палочкой. Сохранилось обширное сочиненіе, содержащее нѣсколько томовъ, на арабскомъ языкѣ, со множествомъ пѣсенъ и мелодій къ нимъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ сказано: «въ этихъ стихахъ содержится тяжелая и легкая мелодія, исполняемая безъимяннымъ пальцемъ. Ишакъ говоритъ, что она введена Маликомъ, а Амръ говоритъ, что ее составилъ Муризъ; между тѣмъ Юнусъ утверждаетъ, что одна мелодія составлена ибнъ Муризомъ, а другая—Маликомъ. По другому предположенію Амра, мелодія составлена Зуруромъ изъ Таифа, легкая и тяжелая, исполняемая среднимъ пальцемъ. Въ ней есть и Ramal ибнъ Сурайджа (ibn Suraidsch). Если слѣдовать наставленіямъ аль Гашима изъ Ишака, то указательный палецъ чередуется съ безъимяннымъ. Есть также другая тяжелая мелодія Абдаллы ибнъ Муза аль Гади (Abdallah ibn Mûsa al Hâdi) и въ ней есть газадшъ (Hazadsch) исполняемый мизинцемъ и безъимяннымъ пальцами» и т. д.

Эти описанія мелодій и многія другія гораздо точнѣе тѣхъ, какія находятся въ перифразѣ еврейскихъ псалмовъ. Они отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что въ общемъ выражены ясными словами. Тѣмъ не менѣе, мы все же не въ состояніи составить себѣ точнаго понятія объ этихъ мелодіяхъ, такъ какъ мы не только не обладаемъ нотнымъ ключемъ, но и не понимаемъ спеціальнаго техническаго значенія нѣкоторыхъ выраженій, напр. *легкая* и *тяжелая* мелодія. Если судить по нынѣшнему музыкальному вкусу семитическаго Востока, то эти мелодіи были, вѣроятно, крайне однообразны. Гнусливость пѣвцовъ, считающаяся классической манерой, основана также на древнихъ традиціяхъ.

Поэзія—созданіе язычества; священная и свѣтская исторія возникли въ исламѣ. Послѣ смерти Магомета весьма скоро почувствовалась потребность въ сборникѣ тѣхъ изрѣченій пророка, которыя не попали въ коранъ. А такъ какъ лица, принадлежавшія къ благочестивымъ кружкамъ, не довольствуясь однимъ исполненіемъ религіозныхъ обязанностей, желали и во всѣхъ мелочахъ частной жизни подражать великому прообразу Божьяго посланника, то начали придумывать правила для всѣхъ возможныхъ дѣяній повседневной жизни, даже для плеванія и полосканія горла. Если бы подобный сборникъ (Hadith), былъ подлиннымъ, то слѣдовало бы приписать его одному лицу, непосредственно сообщавшемуся съ Божіимъ посланникомъ. Поэтому утвердился обычай, всякій подобный сборникъ снабжать перечнемъ именъ товарищей по оружію, пока не дойдешь до подобнаго современника пророка. Напр. «Намъ разсказалъ это Ибрагимъ ибнъ аль Мундиръ; намъ разсказалъ Ма'анъ; онъ сказалъ: мнѣ разсказалъ Ибрагимъ ибнъ Тумâнъ про Магометъ ибнъ Заядъ Абу Гураира, что онъ сказалъ: Посланникъ Божій имѣлъ обыкновеніе, когда ему приносили яства, спрашивать: даръ ли это или милостыня? Если ему отвѣчали: милостыня, то онъ говорилъ своимъ послѣдователямъ: «Ѣшьте!» но самъ не ѣлъ. Если-же ему отвѣчали: «Это даръ!» то онъ хлопалъ въ ладоши и ѣлъ съ ними». Къ сожалѣнію многіе изъ этихъ «Hadith'овъ» вмѣстѣ съ коренной книгой (Sonad или цѣпь преданій), подложны. Знаменитѣйшій систематическій сборникъ, больше всего подходящій къ корану по святости, составленъ Бухари (Buchâri) († 870 г.).

Въ духѣ этихъ сборниковъ, съ тщательнымъ упоминаніемъ цѣпи людей, сообщившихъ преданія, описалъ Ибнъ Ишакъ при дворѣ Аббасида Манзура «Жизнь пророка». Этотъ методъ примѣнялся и къ исторіи. Первый написавшій «Всеобщую исторію» былъ Табари (при дворѣ Мамуна). Въ этой исторіи составитель еще цѣликомъ скрывается за источниками, всевозможныя вариаціи которыхъ представляются на судъ читателю, безъ опасенія утомить его повтореніями. За нимъ слѣдуетъ Ибнъ эль Аффи (Ibn el Affi) въ 1223 году; но этотъ послѣдній болѣе субъективенъ и

слогъ его новѣе. Въ противоположность слогу хроники - компиляціи Табариса, онъ пытался составить изъ источниковъ единую прагматическую картину. Величайшій, быть можетъ, изъ арабскихъ историковъ, Ибнъ Хальдунъ (Ibn Chaldun), историкъ берберскихъ династій, родился въ Тунисѣ, но былъ испанскаго происхожденія († 1406 г.) [1])—Ибнъ Хаіянъ изъ Кордовы (Haijan) написалъ исторію своего времени, одиннадцатаго столѣтія, въ шестидесяти томахъ. Много историческаго содержатъ и географическія произведенія, по большей части описанія путешествій. Наиболѣе тонкимъ наблюдателемъ и при томъ самымъ остроумнымъ былъ Макдизи (al Maqdisi † 1229 г.). Іакутъ (Iaqût) составилъ изъ географическихъ познаній своего времени лексиконъ, расположивъ эти свѣдѣнія въ алфавитномъ порядкѣ. Испанецъ эль Бекри (el Bekri † 1094 г.) еще раньше издалъ удобную справочную книгу.

Проза арабовъ занимаетъ въ исторіи всемірной литературы выдающееся положеніе. Въ особенности-же разсказы о сраженіяхъ и о жизни въ пустынѣ, у арабовъ отличаются наглядностью, драматическою жизненностью и поэтическою наивностью—до такой степени, что они могутъ смѣло быть причисленными къ эпосу, если не предполагать, что этого рода литературныя произведенія не могутъ обойтись безъ риѳмы и метрической формы. «Аунъ ибнъ Джад'а, знатный мужъ, ведущій свой родъ отъ вѣтви Махсумъ изъ колѣна Корейшъ подвергся нападенію со стороны разбойниковъ, за Зуболой, во время странствованія къ святымъ мѣстамъ въ царствованіе халифа Абдельмелика, или, какъ утверждаютъ другіе, во время возвращенія его отъ двора этого халифа; въ числѣ этихъ разбойниковъ главнымъ былъ Эссамгари ибнъ Бишръ изъ Оклы, а также Багдаль и Мерванъ, братья Элькирфа изъ Таи. Они крикнули ему: «путевой выкупъ!» а онъ сказалъ слугѣ: «дай имъ поѣсть!» Но они отвѣтили: «Во истину, мы ѣсть не хотимъ!» Тогда онъ сказалъ: «одари ихъ!» Но они отвѣтили: «и подарковъ мы не хотимъ!» Тогда онъ догадался, что это разбойники, и хватился за свое оружіе, заставилъ своихъ верблюдовъ преклонить колѣни, а потомъ началъ сражаться противъ, а они противъ него. Но Багдаль былъ человѣкомъ, всегда попадающимъ во время стрѣльбы въ цѣль, онъ-то и попалъ въ него стрѣлой, которая и убила его. Тогда они ограбили его кладь, и не нашли того, на что разсчитывали; тогда они обратились въ бѣгство, а его, мертваго, оставили на полѣ битвы, не взявши ничего изъ его вещей, такъ какъ ихъ охватило раскаяніе. Абдельмаликъ-же узналъ о приключеніи чрезъ посредство спутниковъ убитаго, и написалъ Гишаму ибнъ Измаилу, своему намѣстнику въ Иракѣ, и своему намѣстнику въ Емâма, и повелѣлъ имъ отыскать убійцъ Ауна, и приказать тѣмъ, которымъ это будетъ поручено, приложить къ дѣлу всѣ силы. Но разбойники разсѣялись, а Эссамгари отправился въ Сирію во владѣнія Гатафана, и зашелъ такъ далеко, какъ только это было возможно. Но тамъ онъ встрѣтился со всадниками Аюба ибнъ Салама изъ Махзума и люди сказали ему: «Вотъ убійца твоего двоюроднаго брата!.. Хватай его!»—И онъ захватилъ его и привелъ въ Медину къ намѣстнику Гишаму ибнъ Измаилу, который заключилъ его тамъ въ темницу. Но онъ воспользовался недостаткомъ присмотра со стороны людей въ одну изъ пятницъ, и бросился внизъ со стѣны темницы, причемъ разбились его ножныя кандалы, такъ что онъ ихъ закрутилъ вокругъ одного бедра и бѣжалъ. Но когда наступила ночь, онъ отбилъ кандалы и бросилъ ихъ и, освободившись отъ нихъ, пошелъ впередъ. Оглядываясь на-право и на-лѣво, онъ замѣтилъ ворона, который выщипывалъ свои перья и разбрасывалъ ихъ. Тогда онъ сказалъ встрѣтившемуся ему пастуху изъ Лигбовъ,—а Лигбы это племя; люди принадлежащіе къ нему, умѣютъ толковать дѣйствія птицъ:—«Что скажешь ты о человѣкѣ, бѣжавшемъ изъ темницы, который, посмотрѣвъ сначала на-право, ничего не увидѣлъ, а посмотрѣвши послѣ этого на-лѣво, увидѣлъ вόрона на деревѣ, который выщипывалъ у себя перья и разбрасывалъ ихъ?» Пастухъ-же сказалъ: «Если рѣчь птицъ правдива, то человѣка этого распнутъ». Эссамгари сказалъ: «Типунъ тебѣ на языкъ!» и пошелъ дальше, а на ходу говорилъ стихи:

«О ты, домъ, изъ котораго я долженъ былъ бѣжать, ты останешься для меня незабвеннымъ, но я не посѣщу тебя. Для очей моихъ наслажденіе видѣть обломки копій, встрѣтить смерть на полѣ битвы. Если я спасусь, о Лигба, то спасется не одинъ мужъ. Но если случится иначе, то меня пугаетъ лишь твоя клятва. Я видѣлъ ворона на деревѣ Бâна, который ощипывалъ и разбрасывалъ свои перья: вόронъ означаетъ лишеніе жизни, а дерево Бâна—разлуку, такъ предсказываетъ знаменіе».

Послѣ этого онъ пересѣкъ владѣнія Кодаа, пока не достигъ Одра (Odhra), гдѣ онъ сдѣлалъ себя неузнаваемымъ, и доилъ и поилъ скотъ для людей, а потомъ, воспользовавшись ихъ невниманіемъ, сѣлъ на верблюда и во весь духъ уѣхалъ, и помчался въ изгибъ долины. Когда наступилъ день, они его преслѣдовали, но онъ, увидѣвъ расширеніе ущелья, принялъ его за настоящій путь, ѣхалъ по немъ нѣкоторое время, но затѣмъ увидѣлъ, что горы сдвигаются, узналъ свою ошибку и повернулъ назадъ. Но тутъ онъ убѣдился, что люди преградили ему дорогу, а потому слѣзъ съ верблюда и бѣжалъ въ горы до тѣхъ поръ, пока не достигъ владѣній Бонпъ Асада. Но голова его уже была высоко оцѣнена; и, когда онъ достигъ поля Маниджка, онъ наткнулся на обоихъ сыновей Фаида ибнъ-Хабиба изъ Факазъ и сказалъ имъ: «Дайте мнѣ напиться!» Они напоили его, но, взглянувъ на его ляжку и замѣтивъ свѣжіе слѣды ранъ, они воскликнули: «Клянемся Богомъ, это Самгари!» бросились на него, опрокинули его и насѣли на его спину; но онъ отбивался отъ нихъ, и они позвали на помощь сестру свою. Она спросила: «дадите-ли вы мнѣ часть награды?»—они сказали: «да!», тогда она набросила на него арканъ изъ узды верблюда, и такимъ образомъ они отвели его въ Медину къ Оѳману ибнъ-Хаяну (Othman ibn-Hajjan) изъ Морра, бывшему тогда намѣстникомъ Медины.

Этотъ же передалъ его племяннику убитаго Ауна для кровавой мести. Но Эссамгари сказалъ ему: «Ты хочешь убить меня, а не знаешь даже, убилъ-ли я твоего дядю? Подойти ко мнѣ, и я назову тебѣ убійцъ» Но онъ хотѣлъ только откусить ему носъ; тогда закричали тому: «остерегайся собаки!» и онъ убилъ его. А между тѣмъ взялись за племя Таи изъ-за его членовъ, братьевъ-разбойниковъ Багдаля и Мерваля, сыновей

---

[1]) О немъ см. статью Гумпловича: Арабскій соціологъ XIV вѣка (подробное извлеченіе въ «Научн. Об.» 1898 года).

Кирфы. Соплеменники Таи сказали: «если вы насъ заключите въ темницу, то мы не сможемъ доставить вамъ виновныхъ; пустите насъ и мы вамъ ихъ выдадимъ». Но оба брата, тѣмъ временемъ, жили въ пустынѣ съ звѣрями и охотились на дичь, для поддержанія своей жизни. Но, такъ какъ эта жизнь имъ надоѣла, то одинъ изъ нихъ, Мерваль, сошелъ съ горъ, подошелъ къ пастуху, и вступилъ съ нимъ въ бесѣду, а пастухъ далъ ему напиться. Когда онъ послѣ этого улегся беззаботно отдохнуть, пастухъ пошелъ и выдалъ его, желая получить плату, назначенную за его голову, и избавить своихъ соплеменниковъ отъ заключенія; его схватили: это произошло во времена преемника и сына Абдэльмелика, Эльвалида (Elwalid). Его привели къ Өеману ибнъ-Наяну въ Медину, а тотъ велѣлъ его казнить. Другой, Багдаль, поселился послѣ смерти брата на вершинѣ горы Зельма. Но такъ какъ Мерванъ былъ найденъ во владѣніяхъ Таи, то стали еще больше притѣснять это племя, дабы они выдали Багдаля. И одинъ изъ знатныхъ господъ Таи узналъ о его мѣстопребываніи на горѣ, и отправился туда, и со своими людьми разбилъ свой лагерь у подошвы горы этой.

При наступленіи дня мужчины вышли изъ палатокъ и остались однѣ женщины; Багдаль подошелъ къ обѣимъ дочерямъ этихъ господъ и спросилъ ихъ: «Кто вы такія, и что вы здѣсь дѣлаете?» затѣмъ онъ прилегъ отдохнуть; онѣ же сказали объ этомъ своему отцу, а тотъ вооружилъ людей, а дочерямъ своимъ велѣлъ его натереть масломъ, вымыть ему голову и вычесать его; и устроилъ ему западню, а дочерямъ сказалъ: «Когда вы увидите, что идутъ люди, то хватите его за волосы и держите его, чтобы поймать его, не нанося ему ранъ». И такъ онѣ поступили и его привели къ Өеману ибнъ-Гаяну, который и его велѣлъ казнить. Тогда дочь Багдаля оплакала его смерть въ стихахъ».

Весьма любимый арабами видъ литературы, который притомъ не встрѣчается ни у одного народа, кромѣ арабовъ, есть то, что они называютъ Адабъ (Adab). Это болѣе или менѣе систематически расположенные, по большей части безъ особаго плана, сборники анекдотовъ, историческихъ разсказовъ, разныхъ достопримѣчательныхъ изрѣченій, съ большимъ изобиліемъ стиховъ. Эти книги—настоящій кладъ для исторіи культуры. Древнѣйшее подобное произведеніе принадлежитъ перу Амра ибнъ-Бахра аль-Дошахисъ (870) одного изъ остроумнѣйшихъ людей своей эпохи. Болѣе всего извѣстно «Kamil» Миррабада († 898) и «Iqd» испанца ибнъ абдъ-Рабби (Ibn abd Rabih († 939). Историческое произведеніе Масуди имѣетъ беллетрическій характеръ.

Сказки «Тысяча и одной ночи» безъ всякаго сомнѣнія извѣстны болѣе обширному кругу читателей, чѣмъ какая-либо другая арабская книга. Между тѣмъ, эти разсказы по большей части индусскаго или персидскаго происхожденія, и лишь переработаны въ арабскомъ духѣ. Но, съ другой стороны, есть указанія и на арабское происхожденіе, такъ какъ нѣкоторыя сказки имѣютъ фономъ какъ бы багдадскую эпоху и роскошь халифовъ. Вопросъ о времени ихъ возникновенія запутанъ. Такъ какъ эти сказки служили любимѣйшимъ предметомъ пересказа, то постепенно многое было къ нимъ прибавлено, многое въ нихъ измѣнено, сокращено, распростронено, такъ что изъ ста рукописей трудно найти и двѣ, совершенно между собой тождественныя. По той-же причинѣ весьма трудно сказать съ достовѣрностью на древнѣйшую форму разсказа. Въ общемъ, если взять все въ цѣломъ, то редакція, лежащая въ основѣ обыкновенныхъ изданій, указываетъ на эпоху отъ 12 до 14 стол.

Въ разсказѣ «Горбунъ», исторія котораго должна была происходить въ девятомъ вѣкѣ, болтунъ цирюльникъ проговоривается, замѣчая «это было въ 653 году»; но согласно нашему лѣтосчисленію, 653 годъ соотвѣтствуетъ 1255. Нѣкоторые разсказы принадлежатъ еще позднѣйшему времени; такъ, однажды, упоминаются мѣста въ Каирѣ, которыя возникли долгое время спустя девятаго столѣтія считая отъ бѣгства Магомета. Въ арабскомъ изданіи, напечатанномъ въ Калькуттѣ, упоминаются одинъ разъ пушки, о которыхъ вообще говорится лишь въ концѣ четырнадцатаго столѣтія. Въ это же время появился впервые и кофе, о которомъ говорится во всѣхъ изданіяхъ.

Пріобрѣвшія, благодаря Ф. Рюккерту, всемірную извѣстность Абу-Магомета аль-Казимъ аль-Харири изъ Босры (AbuMohammed al-Qasim al-Harîrî † 516), ничто иное, какъ родъ риѳмованной прозы, содержащей описаніе приключеній Абу-Сеида Магамы, языкъ которой весьма остроуменъ, но въ высшей степени искусственъ.

О *богословской* литературѣ мы можемъ сказать лишь нѣсколько словъ. Всѣ главы выше перечисленныхъ религіозныхъ школъ оставили послѣ себя обширныя произведенія, хотя не всѣ сохранились до нашихъ временъ. Упомянуть слѣдуетъ о безконечной литературѣ комментаріевъ къ корану, которая постепенно сама нуждалась въ комментаріяхъ. Изъ занятій кораномъ возникла и грамматика, которая не подверглась ни у одного народа такой тщательной и мелочной обработкѣ. Въ этомъ отношеніи арабы далеко превзошли своихъ учителей—грековъ. Самыя извѣстныя школы были въ Багдадѣ и въ Куфѣ.

Свободомыслящая школа богословія Мутазила ввела философію въ теологію въ качествѣ вспомогательной науки. Позднѣе философія получила болѣе самостоятельное значеніе. Такъ какъ новоплатоническая философія съ паденіемъ гностицизма еще раньше заслужила плохую репутацію, то христіанскіе богословы обратились къ изученію Аристотеля. Такъ въ Сиріи несторьянцы и якобиты соперничали въ переводахъ этого философа. Трудности, которыя приходилось превозмогать, были громадны,—какъ по отношенію къ содержанію, такъ равно по отношенію къ формѣ. Поэтому заслуги людей, подобныхъ Гонейну ибнъ-Ишаку и Ибнъ аль-Битрику должны считаться первенствующими въ научномъ отношеніи.

По этимъ сирійскимъ переводамъ, арабы, особенно со времени Мамуна, перевели Аристотеля на арабскій языкъ. Знаменитѣйшіе изъ арабскихъ переводчиковъ Исхакъ (Ischaq), Яхья ибнъ-Ади (Jachja ibn-Adi) и Димишки (Dimischqi). Рука объ руку съ переводомъ, рѣшились приняться и за толкованіе. Уже во времена Манзура, персъ ибнъ-Мокаффа (ibn-Mokaffa) предпринялъ комментированіе логики Аристотеля.

Первый изъ арабовъ, самостоятельно проникнувшій въ духѣ произведеній грековъ, былъ Абу Юсуфъ Якубъ ибнъ-Исхакъ аль-Кинди († 873). Это былъ универсальный геній, опытный въ математикѣ медицинѣ и астрономіи. Абу Насръ аль-Фараби превосходитъ его не разносторонностью,

по глубокомысленнымъ остроуміемъ. Это былъ ученый тюркскаго происхожденія, который, послѣ многихъ странствованій, нашелъ, наконецъ, постоянное жительство при дворѣ Гамданида Зейфеддаула (Seifeddaula) († 950). Доказательство бытія Бога, придуманное имъ, стало образцомъ для многихъ схоластиковъ католическаго Запада. Когда его однажды спросили, кто болѣе великъ, какъ философъ, онъ или Аристотель, то онъ отвѣтилъ: «Если бы я жилъ въ его время, то былъ бы лучшимъ изъ его учениковъ».—Абу Али Хасайнъ ибнъ-Сина (Авиценна † 1037 г.) получилъ начальное образованіе въ Бухарѣ. Онъ до того былъ одаренъ, что въ непродолжительное время могъ затмить любого изъ своихъ учителей; поэтому-то онъ съ жадностью набросился на чтеніе. Въ этомъ отношеніи онъ больше всего былъ обязанъ библіотекѣ Сассанидскаго султана Нуха.

Одаренный необыкновенной способностью къ труду, онъ вскорѣ усвоилъ себѣ всѣ знанія своего времени, не только по части философіи, но и въ естественныхъ наукахъ, и въ качествѣ врача пользовался особенной репутаціей. Безчисленное множество учениковъ сидѣло у ногъ его. По окончаніи лекціи, онъ часто приглашалъ своихъ слушателей на попойку. Философскія изслѣдованія Гаццали, умершаго въ 1111 году, привели его къ признанію ничтожества всякой спекулятивной философіи. Испанецъ Ибнъ Тофейль (Ibn Tofeil) и старшій его современникъ Ибнъ Рошдъ или Аверроэсъ (Ibn Roschd, Averroes † 1198 г.) шли по слѣдамъ Ибнъ Сины (Ibn Sina). Послѣдній своими обширными комментаріями Аристотеля познакомилъ христіанское средневѣковое общество съ ученіемъ этого великаго греческаго мыслителя, посредствомъ переводовъ, сдѣланныхъ съ его трудовъ на еврейскій и латинскій языкъ.

Богословіе привело арабовъ къ философіи, занятія медициной и естественными науками вытекали изъ непосредственной практической потребности, если не принимать во вниманіе тѣ спекулятивныя проблемы, которыя въ тѣ времена сближали эти предметы съ философіей. Уже въ пятомъ столѣтіи императоръ Сассанидовъ Хозрау Анушарванъ (Chosrau Anuscharwan) открылъ академію въ Гонденшапурѣ въ Хузистанѣ (Gondenschapir въ Chusistan), въ которой сирійцы христіане занимались кромѣ философіи — медициной. Абассидъ Манзуръ (Mansur) поддерживалъ это переданное ему учрежденіе и возвелъ Георгіоса изъ дома Бохтёзу въ должность своего придворнаго врача. Стремленія этихъ кружковъ съ тѣхъ поръ роскошно поддерживались халифами. Въ этой академіи Яхья ибнъ-Мазавай (Jachja ibn-Masawei † 857) дѣлалъ вивисекціи—вещь неслыханная для тѣхъ временъ. Изъ числа медицинскихъ писателей Раси въ Хорасанѣ (въ 900 г.) пользуется величайшей извѣстностью. Фармакопея изданная его современникомъ Муваффакомъ ибнъ-Али (Muwaffak ibn Ali) написана не на арабскомъ, и на персидскомъ языкѣ, который впервые былъ примѣненъ для научнаго сочиненія. Испанскіе Омаяды не могли располагать сирійскими учеными для переводовъ греческихъ произведеній. Когда византійскій императоръ подарилъ Абдерахману III изъ Кордовы (912 — 61) экземпляръ греческой фармакопеи Діоскорида, то онъ долженъ былъ просить о присылкѣ греческаго монаха въ качествѣ переводчика. Хирургическія руководства Абуль Казима (1106), переведенныя на латинскій языкъ, были напечатаны въ безчисленномъ множествѣ изданій книгопродавцами-христіанами среднихъ вѣковъ.

Что касается ботаники и зоологіи, то арабы не подвинулись дальше собранія наблюденій. Ихъ «книги о животныхъ», напр., книга, изданная извѣстнымъ Джашисомъ (Dschaschis), а также произведеніе Дамири (Damiri) (ум. въ 1405) расположенное въ алфавитномъ порядкѣ, содержатъ лишь ничтожнѣйшую часть настоящихъ описаній природы, но за то могутъ считаться сокровищницами для исторіи культуры.

Что касается астрономіи, то Мамунъ устроилъ обсерваторію съ библіотекой. Астрологическія изслѣдованія, которымъ съ древнѣйшихъ временъ предавались въ сирійскомъ Харранѣ (Harran), сосредоточились теперь и въ Багдадѣ. Арабскія названія звѣздъ еще и по сію пору употребляются, какъ въ оригиналѣ, такъ равно и въ переводахъ. О томъ, что арабы занимались математикой, наукой, имѣющей тѣсную связь съ астрономіей, свидѣтельствуютъ арабскія цифры и алгебра. Такъ называемыя арабскія цифры заимствованы были, правда, арабами въ 9 столѣтіи изъ Индіи, а также и десятичное счисленіе. Но, тѣмъ не менѣе, тотъ фактъ, что они признали достоинство этой системы и передали ее европейцамъ, составляетъ эпоху въ наукѣ. Посредствомъ алхиміи, арабы создали химію.

Народное образованіе.

Какъ среди еврейскаго народа, такъ равно и на почвѣ ислама, школа возникла изъ религіознаго обученія. Идеалъ, къ которому стремились, заключался въ чтеніи и усвоеніи, какъ Корана, такъ равно и молитвъ. Письмо представлялось какъ вспомогательное средство при изученіи чтенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ казалось необходимымъ въ извѣстныхъ потребностяхъ практической жизни. Познанія народной массы ограничивались, по большой части, умѣніемъ читать, писать и заучиваніемъ наизустъ самыхъ необходимыхъ изрѣченій. Но, если мы вспомнимъ, что даже въ 12 столѣтіи въ христіанской Европѣ и этими знаніями обладали лишь лица духовнаго званія, то и такого рода положеніе можетъ считаться весьма удовлетворительнымъ.

Такъ какъ языкъ Корана считался образцомъ литературнаго языка, то и случилось такъ, что, за малыми исключеніями, всѣ арабскія произведенія, вплоть до нынѣшняго дня, писаны на древне-арабскомъ языкѣ. Но неисчислимые діалекты провинцій не могли ни слиться, ни быть остановленными въ своемъ развитіи. А потому различіе между разговорнымъ и литературнымъ языкомъ становилось все замѣтнѣе, такъ что, подъ конецъ, становилось все болѣе и болѣе недостаточнымъ умѣніе читать для пониманія какой либо книги. Вслѣдствіе этого возникла надобность въ грамматикѣ и стилистикѣ, какъ вспомогательныхъ наукахъ. Въ Испаніи халифъ Гакамъ II особенно прославился поощреніемъ народнаго образованія. Въ одной Кордовѣ онъ основалъ 27 школъ, въ которыхъ обучались дѣти несостоятельныхъ родителей.

Коранъ, другіе письменные памятники и возникшая изъ нихъ система права изучались основательно. А такъ какъ въ Коранѣ заключается и юридическое начало, то лица, посвятившія себя изученію юриспруденціи

или богословія, могли обучаться совмѣстно, и лишь позднѣе могли рѣшить, искать-ли занятій въ службѣ при мечети, при министерствѣ, или въ судебныхъ учрежденіяхъ. Высшее образованіе обыкновенно получалось, въ болѣе древнія времена, въ мечетяхъ большихъ городовъ. Но оно не находилось въ рукахъ цеховыхъ ученыхъ. Люди всѣхъ возможныхъ призваній безплатно дѣлились своею мудростью, если только у нихъ хватало на это времени и матеріала.

Но весьма естественно, что съ давнихъ поръ чувствовалась потребность организовать это преподаваніе и подчинить его контролю государства.

Кромѣ того, необходимо было позаботиться о вознагражденіи учителей и о поддержкѣ бѣдныхъ студентовъ.

Подобные университеты при мечетяхъ отчасти существуютъ и понынѣ, напр. въ Каиро (el Aschar), въ Меккѣ, въ Дамаскѣ. Въ Испаніи особенно прославились своими университетами Кордова, Севилья и Толедо. Рядомъ съ ними возникли и богословско-юридическія академіи, вѣроятно по образцу учебныхъ заведеній для изученія естественной исторіи, существовавшихъ въ Гандапурѣ. Въ 1000 г. были основаны первые университеты въ Багдадѣ и въ Найзапурѣ (Naisapùr). Политическое распаденіе халифата Аббасидовъ послужило скорѣе на пользу наукѣ, нежели во вредъ. Властители отдѣльныхъ провинцій, ставши самостоятельными, считали за честь обращать свои резиденціи въ мѣста стеченія художниковъ и ученыхъ. Такимъ образомъ культура и образованіе такъ же повсемѣстно распространились во всѣхъ странахъ ислама, какъ позднѣе въ католическихъ средневѣковыхъ странахъ. Не рѣдко случалось, что студенты отправлялись изъ Севильи или изъ Сарагоссы въ Бухару, чтобы послушать знаменитаго учителя и наоборотъ. Вѣдь въ Меккѣ каждый мусульманинъ долженъ побывать хоть разъ въ жизни, въ качествѣ паломника. Такимъ образомъ тамошній правовѣрный университетъ пріобрѣлъ громадное вліяніе, особенно между берберами и въ Андалузіи.

Учебныя заведенія должны были быть, конечно, снабжены хорошими библіотеками. Но и частныя лица ревностно составляли богатыя собранія книгъ, повинуясь либо дѣйствительному интересу къ литературѣ, либо тщеславному чувству. Такъ Абу'ль Вафа (Abu'l Wafa), властелинъ Гамадгана (Hamadhan) обладалъ громадными сокровищами книгъ. Обширная поэтическая антологія, содержащая до 900 именъ, изданная тамъ же поэтомъ и историкомъ литературы Абу Теммамомъ (Abu Temmam + 843), почерпнута исключительно изъ этой библіотеки. Библіотека ученаго халифа Гакама II, въ Кордовѣ, содержала, какъ говорятъ, четыреста тысячъ томовъ. Въ Багдадѣ, во время его процвѣтанія, существовали дюжинами читальни, открытыя для публики.

Благодаря такимъ обстоятельствамъ, дѣла книгопродавцевъ процвѣтали. Въ Багдадѣ, во времена историка Якубъ-Идера (Jaqub Ider) было болѣе ста книгопродавцевъ, а такъ какъ пониманіе книги на арабскомъ языкѣ было затруднительнѣе, нежели пониманіе книги, написанной на одномъ изъ новѣйшихъ европейскихъ языковъ, то и книгопродавцы должны были имѣть большее умственное развитіе. По этой причинѣ между книгопродавцами-арабами нерѣдко были ученые.

Мусульманскій Востокъ и въ наше время интересуется литературой. Безчисленное множество типографій въ Каиро, Булакѣ (Bulaq), Константинополѣ, Дели (Delhi) и въ Лукновѣ выпускаютъ ежегодно огромное число изданій. Къ сожалѣнію, силы лучшихъ изъ нихъ непроизводительно тратились на изданія многихъ томовъ безплодныхъ теологическихъ писаній.

Въ интересахъ бо́льшаго распространенія народнаго образованія было бы желательно, чтобы арабскій литературный языкъ болѣе слился съ обыкновеннымъ, разговорнымъ. Но задача эта такъ трудна, благодаря обширному распространенію арабскаго языка и находящихся съ нимъ въ связи безчисленныхъ діалектовъ, все болѣе и болѣе отличающихся другъ отъ друга, благодаря громаднымъ разстояніямъ, что вышевысказанное нами желаніе еще долгое время останется неисполненнымъ.

Искусство.

Въ десяти заповѣдяхъ, во II книгѣ Моисея гл. 20 ст. 4, Іегова внушаетъ сынамъ Израиля «не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія, елика на небеси горѣ, елика на землѣ низу, елика въ водахъ подъ землею, да не послужиши ему; не поклонишься ему». Іудеи распространили этотъ запретъ и на произведенія живописи и скульптуры, хотя точныя слова Ветхаго Завѣта запрещаютъ лишь оказаніе божескихъ почестей. Отъ іудеевъ строгое толкованіе этой заповѣди перешло и въ исламъ. Хотя Коранъ и замалчиваетъ этотъ вопросъ — а также и Сура 5, 93 — по толкованіе Корана (Hadith) и догматическая литература выражаются на этотъ счетъ совершенно ясно. «Ангелы не посѣщаютъ домовъ, въ которыхъ есть собаки и изображенія». «Наистрожайшимъ наказаніямъ, въ день страшнаго суда, подвергнутся художники». Такъ какъ религія осудила пластическое искусство, то оно и не могло развиться въ средѣ правовѣрныхъ послѣдователей ислама. Хотя съ теченіемъ времени запретъ этотъ нарушался много разъ, такъ что не только при сооруженіи частныхъ, но и при сооруженіи священныхъ зданій вводились иногда изображенія, но въ большей части случаевъ это было дѣло рукъ христіанъ-художниковъ. Если подъ-часъ и случалось, что и мусульмане принимали участіе въ подобной работѣ, то все же ни живопись, ни ваяніе не могли привиться среди нихъ, а потому эти искусства и не имѣютъ исторіи. Только лишь шіиты болѣе независимо относились къ преданію. Вотъ почему персидскія рукописи нерѣдко разукрашены великолѣпными миніатюрными картинами.

Хотя приписываютъ это искусство здѣсь индогерманской расѣ персовъ, но все же отсутствіе произведеній пластическаго искусства у арабовъ не доказываетъ недостатка въ нихъ способностей къ искусству.

Стоитъ только вспомнить великолѣпный шрифтъ позднѣйшихъ списковъ Корана, развившійся изъ неуклюжаго куфитскаго шрифта. Можно смѣло утверждать, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ шрифта, который бы по красотѣ и совершенству хоть сколько нибудь достигъ совершенства арабской каллиграфіи. Изъ художественныхъ сплетеній такихъ буквъ и

другихъ линій и дугъ возникли художественныя арабески, изображаемыя на коврахъ, стѣнахъ и другихъ подходящихъ плоскостяхъ, и которыя и понынѣ удовлетворяютъ и самый утонченный вкусъ. Кромѣ *свободной* арабески, составленной изъ любыхъ буквъ, причемъ принималось во вниманіе лишь ихъ дѣйствіе на художественный вкусъ, существуютъ еще и другого рода арабески, такъ называемыя, *связанныя*. При составленіи этого рода арабесокъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы такъ расположить изрѣченія, стихи, посвященія и т. под., на плоскости, чтобы для поверхностнаго наблюдателя цѣлое представлялось лишь декораціей или орнаментомъ, между тѣмъ какъ знатокъ легко воспроизведетъ слова и мысли изъ запутанныхъ, но все же гармонически согласующихся между собой линій. Конечно распутать эти искуссно-спутанныя линіи можетъ только знатокъ, но съ чисто-эстетической точки зрѣнія онѣ по большей части неподражаемо хороши.

Но арабы отличились не только въ этомъ мелкомъ искусствѣ; наибольшую славу они пріобрѣли въ своихъ архитектурныхъ произведеніяхъ. Между памятниками этого искусства первое мѣсто занимаютъ, конечно, мечети. О другихъ произведеніяхъ ужъ потому мало можно говорить, что сохранилось лишь весьма мало разрозненныхъ памятниковъ изъ разныхъ и притомъ болѣе позднихъ періодовъ.

Слово «мечеть»,—какъ мы, европейцы, называемъ храмы мусульманъ,—собственно говоря должно произноситься «*Меджидъ*», что значитъ: «мѣсто поклоненія». Такимъ мѣстомъ поклоненія служила въ Мединѣ во времена пророка примитивная горница. Что у христіанъ церкви гораздо красивѣе, было извѣстно не въ однихъ городахъ Геджаса. Покореніе Сиріи и Египта дало возможность поклонникамъ новой религіи — ислама вблизи восхищаться этими великолѣпными зданіями. По всей вѣроятности, больше всего арабамъ импонировалъ куполъ, преобладавшая въ то время форма крыши христіанскихъ церквей, что доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что они обозначали все зданіе словомъ *бай'а купель* (bai'a Kuppel) — заимствованномъ изъ сирійскаго языка и означающаго, собственно, «яйцо». Сначала мусульмане обращали въ мечети церкви, отнятыя у христіанъ, производя въ нихъ лишь самыя неизбѣжныя измѣненія. Въ одной изъ стѣнъ слѣдовало, прежде всего, устроить нишу, *михрабъ* (michrab), посредствомъ которой указывалось направленіе молитвы (guibla) въ сторону Мекки. Вмѣсто сосуда съ священной водой, необходимы были большіе резервуары или бассейны, для того, чтобы вѣрующіе имѣли возможность совершать необходимыя передъ молитвой омовенія. Башенъ, минаретовъ въ древнія времена еще не было. Довольствовались тѣмъ, что муэдзинъ, стоя на крышѣ, выкрикивалъ призванія къ молитвѣ, въ часы назначенные для нея.

Такъ какъ слово минаретъ означаетъ, собственно говоря, «маякъ», то онъ вѣроятно считался прообразомъ мусульманской молитвенной сторожевой башни. При этомъ, быть можетъ, слѣдуетъ имѣть въ виду спеціально извѣстный «Фанаръ» (Phanar) древнихъ, находящійся на островѣ Фаросѣ (Pharos), такъ какъ древнѣйшая мечеть была построена въ Египтѣ.

Основателемъ *мечети Амра* въ Каирѣ былъ умный, но коварный намѣстникъ перваго омаядскаго халифа Амра ибнъ эль Ази (Amra ibn el Asi). Состоитъ она изъ квадратнаго двора, боковыя стѣны котораго, вышиною въ 245 футовъ, состоятъ изъ колоннъ, расположенныхъ въ шесть рядовъ. Гдѣ галлереи, происходящія отъ этихъ рядовъ колоннъ, болѣе всего расширяются, тамъ и есть мѣсто, назначенное для богослуженія. Тамъ находится михрабъ, а направо отъ него каѳедра (минбаръ). По срединѣ двора находится бассейнъ для обязательныхъ омовеній. Эта архитектура отличается оригинальнымъ характеромъ, не византійскаго происхожденія, и проникнута чисто арабскимъ духомъ. Безъ сомнѣнія строитель былъ проникнутъ расположеніемъ святилища въ Меккѣ, въ которомъ Кааба находится также внутри четырехъугольнаго двора. Но эмансипація отъ византійскаго стиля распространяется и на подробности. Такъ арки мечети Амра не были круглы, какъ это бывало въ базиликахъ, но постепенно заострялись вверху, между тѣмъ какъ внизу онѣ были слегка вогнуты; здѣсь замѣтны первые намёки на форму лошадиной подковы.

Но арки не достигаютъ капители колоннъ, а покоятся на высокихъ цоколяхъ, воздвигнутыхъ сверхъ капителей. Между ними прикрѣплены балки для предупрежденія наклона колоннъ. Крыша деревянная. Оба минарета довольно низки, имѣютъ лишь одну галлерею и заканчиваются шпицомъ. Нигдѣ нѣтъ купола. Вообще въ Египтѣ куполы находятся лишь на тѣхъ мечетяхъ, которыя воздвигнуты надъ могилами, и на нихъ купола эти чрезвычайно разнообразны, напр. на мавзолеяхъ халифовъ - мамелюковъ, или же на такихъ частяхъ мечети, гдѣ покоится прахъ умершаго.

Вторая по времени мечеть въ Каирѣ моложе на 200 лѣтъ. Она была воздвигнута Ахмедомъ ибнъ Тулуномъ (Achmed ibn Tûlûn), посланнымъ въ Египетъ въ качествѣ намѣстника аббасидскимъ халифомъ Мутафомъ (Mutaf), и основавшимъ тамъ независимую династію, (868—905). Эта мечеть близко родственна мечети Амра, какъ относительно расположенія ея, такъ равно и относительно исполненія отдѣльныхъ ея частей. Главныя уклоненія слѣдующія: арки не покоятся на колоннахъ, а на массивныхъ пилястрахъ, на углахъ которыхъ, ради красоты, высятся красивыя колонны. Единственный уцѣлѣвшій минаретъ имѣетъ три этажа, изъ которыхъ верхній болѣе поздняго происхожденія.

Башня, возвышающаяся надъ широкимъ, четырехъугольнымъ фундаментомъ, имѣетъ круглую форму вплоть до второй галлереи, а затѣмъ переходитъ въ восьмиугольную форму и оканчивается шпицемъ. Въ то время, какъ внутреннія стѣны мечети Амра совершенно обнажены, въ этой мечети находятся хотя еще не настоящія арабески, но все-же уже отдѣльныя изображенія цвѣтовъ и листьевъ, а также вырѣзанныя на деревѣ куфитскія надписи.

Извѣстнѣйшая мечеть всего Ислама—Аль Азгаръ (Al Azhar «блестящая»), постройку которой началъ султанъ—Фатимидъ Моисъ (Mòis) тотчасъ послѣ въѣзда своего въ Каиръ. Планъ ея отличается отъ вышеописанныхъ святилищъ въ особенности тѣмъ, что позади аркадъ двора находятся жилища и классы для учителей и студентовъ связаннаго съ мечетью университета. Внутри она роскошно разукрашена арабесками и надписями. Но безъ тщательнаго изслѣдованія невозможно рѣшить, которыя изъ нихъ дѣйствительно древняго происхожденія. Университетъ Аль Азгара

былъ причиной всемірной извѣстности мечети. Еще и въ наше время его посѣщаютъ болѣе десяти тысячъ студентовъ, фанатизмъ которыхъ прославился.

Но всѣ вышеперечисленныя мечети не могутъ сравниться по красотѣ и обширности съ мечетью Гасанъ, названіе которой указываетъ на ея основателя халифа—мамелюка Назира (1347—61). Она расположена въ видѣ греческаго креста, имѣетъ въ длину 140 метровъ, въ ширину—76 метр. Чтобы составить себѣ хоть приблизительное понятіе о громадности занятой ею поверхности—вспомнимъ, что внутренняя часть Страсбургскаго собора имѣетъ въ длину лишь 110, а въ ширину 41 метръ.

Внутренній дворъ этой мечети не разукрашенъ галлереями изъ колоннъ, а четырьмя исполинскими порталами, ведущими каждый въ исполинскій-же залъ. Наиобширнѣйшій изъ нихъ служитъ для богослуженія. Пространство, въ которомъ покоится прахъ основателя, покрыто куполомъ вышиной въ 21 метръ. Окна напоминаютъ окна мечети Килавунъ (Kilavun, Kalaun). По два сводчатыхъ окна расположены близко одно отъ другого и соединены наверху круглымъ окномъ. Цѣлое иногда еще обрамляется общею аркой. Внутри мечеть разукрашена арабесками и изреченіями корана. Въ противоположность съ остальными, болѣе древними мечетями, стѣны этой мечети не изъ кирпича, а изъ плитняка. Мощное впечатлѣніе, которое она производитъ, еще усиливается этимъ обстоятельствомъ.

Послѣ Каабы въ Меккѣ и могилы пророка въ Мединѣ считается святыней ислама *скалистый соборъ* въ Іерусалимѣ, называемый также мечетью Омара. Здѣсь мы находимся на исторической почвѣ перваго ранга. «Священная скала», надъ которой высится теперь куполъ мечети, есть древне-израильская святыня, на которой напр. Давидъ приносилъ жертву послѣ завоеванія Іебуса (Iebus). Возлѣ нея стоялъ впослѣдствіи жертвенникъ храма Соломона, а затѣмъ Ирода. Теперешняя мечеть, воздвигнутая халифомъ-Омаядомъ Абдъ эль Меликомъ (Abd el Melik) еще настолько близка къ византійскому стилю, что многіе и теперь принимаютъ ее за древнюю христіанскую церковь. Она имѣтъ форму восьмиугольника, каждая сторона котораго имѣетъ въ длину 20,4 метра; куполъ—20 метровъ въ поперечникѣ при 32 м. высоты. Внутренняя часть раздѣлена на двѣ круглыхъ части посредствомъ концентрическихъ рядовъ колоннъ и пилястръ. Какъ въ мечети Амра, и здѣсь цоколи колоннъ соединены балками.

Соединительныя арки круглы. и такими вначалѣ были и соединительныя рамы оконъ. Кругомъ, возлѣ аркъ, пестрѣетъ художественная мозаика, а сверху на голубомъ фонѣ начертаны стихи изъ корана куфитскимъ шрифтомъ. Внѣшнія стѣны были прежде выстланы мраморными плитами, и лишь въ 16 столѣтіи вмѣсто нихъ отъ цоколя вверхъ были придѣланы персидскія разноцвѣтныя фаянсовыя плиты. Вообще, большая часть нынѣ существующихъ украшеній принадлежитъ къ болѣе позднимъ временамъ, а потому мы ихъ и обойдемъ здѣсь молчаніемъ. Это великолѣпное зданіе еще болѣе величественно отъ его положенія, несравнимаго по живописности, а именно: оно расположено на обширной платформѣ, возвышающейся надъ окрестностью на три метра. Съ трехъ сторонъ идутъ шесть лѣстницъ съ изящными аркадами, терасса, на которой возвышается цѣлая, такъ называемая Гарамъ эшъ Шерифъ (Harm esch Scherif), на

которой воздвигнуты еще и многочисленныя другія зданія, изъ которыхъ мы назовемъ только мечеть этъ-Акса, въ юго-западномъ углу,—занимаетъ громадную поверхность въ 15000 квадратныхъ метровъ. Такъ какъ все пространство въ восточной части мечети совершенно свободно, то съ сѣверныхъ и восточныхъ сторонъ терассы открывается волшебный видъ на скалу.

Великая *мечеть* въ *Дамаскѣ* напоминаетъ своимъ видомъ древнія египетскія мечети. Обширный дворъ со всѣхъ сторонъ окруженъ аркадами. Въ южномъ флигелѣ, имѣющемъ 131 м. длины и 38 м. ширины, помѣщается настоящій молитвенный домъ. Онъ раздѣляется на три длинныя части посредствомъ двухъ рядовъ колоннъ. Своды имѣютъ слегка подковообразную форму, окна же принадлежатъ къ стилю круглыхъ аркъ. Надъ серединой южнаго флигеля возвышается куполъ. Внутри мечети находится еще деревянное зданіе съ куполомъ, подъ которымъ, по преданію, покоится прахъ св. Іоанна. Изъ старинныхъ декорацій сохранились весьма немногія. Послѣ того какъ арабы завоевали Дамаскъ, они сначала дѣлили съ христіанами право пользованія церкви св. Іоанна. Во времена Валида (Walîd 705—15) епископъ вынужденъ былъ уступить и другую половину, и цѣлое зданіе было перестроено знаменитымъ халифомъ въ мечеть. Съ теченіемъ времени зданіе не разъ потерпѣло не малыя поврежденія, благодаря пожарамъ и завоевателямъ; тѣмъ не менѣе общее очертаніе не подверглось крупнымъ измѣненіямъ. Надъ одними изъ воротъ сохранилась еще древняя греческая надпись: «Царство Твое, Іисусе Христе, есть вѣчное царство, и владычество Твое пребудетъ во вѣки вѣковъ». Само собой разумѣется, что эта надпись существуетъ еще со временъ древней христіанской базилики, а дамаскіе мусульмане не имѣли причины обижаться этой христіанской истиной.

На счетъ арабской архитектуры въ Персіи можно высказаться въ нѣсколькихъ словахъ, такъ какъ отъ нея сохранились лишь жалкія развалины. Колоссальные порталы, которыми отличаются персидскія мечети позднѣйшаго времени, впервые появляются въ архитектурѣ зданій, воздвигнутыхъ во времена императора Акбара (Akbar 1556—1605) изъ династіи Могула въ Индіи, а потому очевидно, что они не могли раньше попасть въ Персію. Къ этому же времени принадлежитъ вѣроятно и примѣненіе своеобразной формы арокъ, поднимающихся сначала въ видѣ полукруга, но заканчивающихся остріемъ, направленнымъ вверхъ, такъ называемыхъ килевыхъ арокъ (Kielbogen). Этого рода арки нерѣдко внизу принимаютъ видъ подковы. Въ такомъ же стилѣ возводились и купола. До тѣхъ поръ, пока эти характеристическія формы прилагались умѣренно, достигались очень красивые эффекты. Церковная архитектура въ Россіи, благодаря преувеличиванію выпуклыхъ и вогнутыхъ линій, хотя достигла весьма фантастичныхъ, но крайне некрасивыхъ, луковичныхъ формъ куполовъ. Покрытіе стѣнъ фаянсовыми плитами проникло весьма рано на западъ изъ Персіи, въ которой фабрикація фаянса производилась съ древнихъ временъ. Стоитъ только припомнить эмальированный кирпичный фризъ изъ дворца Дарія въ Сузахъ, изображающій стрѣлка и украшающій теперь музей въ Луврѣ.

Архитектура арабовъ въ Испаніи поразительно быстро удалилась не

только отъ византійскихъ образцовъ, что произошло, вѣроятно, благодаря значительному разстоянію, но и отъ того образца, въ который ихъ восточные соплеменники преобразовали эту архитектуру. Этому можетъ служить доказательствомъ уже древнѣйшая часть Кордовской мечети, построенная Абдеррахманомъ I. Дворъ, лежащій въ сѣверной части зданія, занималъ въ ширину все пространство отъ востока до запада и со всѣхъ трехъ названныхъ выше странъ свѣта, былъ обведенъ однимъ лишь рядомъ колоннъ. Съ четвертой стороны дворъ, съ сѣвера на югъ, образовалъ 11 ходовъ молитвеннаго дома. Только эта часть была покрыта крышей. Арки имѣли ясно выраженную подковообразную форму, которую мы здѣсь впервые констатируемъ. Для того, чтобы было возможно достичь 10 метровъ высоты свода, при довольно низкихъ колоннахъ, на нихъ были поставлены пилястры, а арки соединены другъ съ другомъ. Стѣны, окружающія дворъ, были лишены почти всякихъ украшеній, и снабжены лишь зубцами и украшены могучими пилястрами. Но подковообразныя арки, многочисленныя ворота и окна были богато разукрашены. Гакамъ II (Hakam II 961—76) предпринялъ обширныя пристройки, распространилъ 11 ходовъ далеко на югъ. Мансуръ-же увеличилъ число ихъ до 19. Въ прелестной устроенной Гакамомъ части заключалось впослѣдствіи святилище, состоящее изъ трехъ отдѣленій съ Михрабомъ и Минбаромъ. Надъ средней частью возвышался куполъ. Соединительныя арки колоннъ имѣли здѣсь не просто подковообразную форму, но состояли изъ шести зубчатыхъ переплетающихся между собой сводныхъ сегментовъ; только пилястры, высящіяся надъ колоннами, были покрыты одной общей аркой. Такъ же оригинально и взаимное положеніе колоннъ, расположенныхъ не подъ прямымъ угломъ, а въ видѣ ромба, такъ что онѣ производятъ такое впечатлѣніе, будто стоятъ ближе другъ къ другу, нежели въ дѣйствительности. Эта фантастическая группировка, въ соединеніи съ цѣлымъ обширнымъ лѣсомъ колоннъ—ихъ было раньше 1400, а теперь осталось всего 900—производитъ не столь возвышающее душу, сколь чарующее впечатлѣніе. Что касается чудеснаго внутренняго убранства, состоящаго изъ орнаментовъ, арабесокъ, надписей на зеленоватосинемъ фонѣ, изъ мозаики половъ, изъ чудной рѣзьбы на деревѣ потолковъ,—то изъ всего этого великолѣпія мало что сохранилось. Но самыя восторженныя описанія древнихъ писателей подверждаются прелестью довольно хорошо сохранившейся молитвенной ниши.

Точно будто эта мечеть не представляла еще достаточно оригинальнаго, тамъ были еще, если вѣрить преданіямъ, изображенія людей и звѣрей и между прочимъ изображенія семи спящихъ юношей изъ Эфеса и вороновъ Ноя. Еще и понынѣ сохранились изображенія отдыхающихъ львовъ, служащихъ подпорами арокъ. Ибнъ Хальдунъ (Ibn Chaldun) говоритъ во введеніи къ великому своему историческому сочиненію, что арабы Андалузіи его времени (т. е. второй половины 14-го вѣка) приняли отъ христіанъ, съ которыми они имѣли постоянныя сообщенія, обычай украшать стѣны своихъ домовъ и дворцовъ различными, частью странными картинами. Но эти картины въ мечети заводятъ наши мысли на многія столѣтія назадъ, да притомъ онѣ находились въ молитвенномъ домѣ! Вѣроятно этихъ картинъ было весьма мало и онѣ были на мало замѣтныхъ мѣстахъ. Вѣдь и въ нашихъ готическихъ соборахъ не рѣдко встрѣчались непристойныя шутовскія изображенія, допущенныя христіанскими архитекторами.

Кордовская мечеть и минаретъ Джиральда—единственные церковные памятники архитектуры, сколько нибудь сохранившіеся. Частныя зданія сохранились не лучше. Изъ числа большихъ дворцовъ, собственно говоря, лишь два избѣгли вандализма христіанъ, да и то благодаря тому случайному обстоятельству, что короли жили тамъ лишь непродолжительное время.

Предполагаютъ, что *Севильскій Альказаръ* былъ построенъ Петромъ Жестокимъ. Въ дѣйствительности-же лишь фасадъ былъ заложенъ имъ, т. е. арабскими архитекторами, бывшими у него на жалованіи. Большая часть зданія была воздвигнута, вѣроятно, во времена Аббасидовъ. Но что касается частностей, то вопросъ о нихъ не рѣшенъ. Въ своемъ нынѣшнемъ состояніи, Альказаръ представляетъ изъ себя «хаосъ дворовъ, залъ, галлерей и комнатъ». Такъ какъ исторія постройки Альказара слишкомъ мало извѣстна, то мы можемъ обойти молчаніемъ его описаніе.

Гранадская *Альгамбра* (Alhambra) всегда считалась перломъ испанско-арабской архитектуры. *Аль Гамбра*, красный замокъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ основателю династіи Назридидовъ Магомету Ибнъ Эль Ахмару, 1242—73 гг. Изъ числа его преемниковъ особенно много сдѣлали для расширенія и украшенія Юсуфъ I (1333—54) и Магометъ V (между 1362—61). Оставшіяся еще цѣлыми, части этого зданія состоятъ преимущественно изъ двухъ дворцовъ. Центръ каждаго изъ нихъ образуется открытымъ дворомъ, въ который выходятъ различныя залы и галлереи.

Дворъ Альберка (Alberca, бассейнъ), носящій также названіе двора миртъ, образуетъ прямоугольникъ 126 ф. длины и 70 футовъ ширины, вдоль обѣихъ болѣе узкихъ сторонъ котораго тянется галлерея изъ колоннъ. Къ нему съ сѣверной стороны примыкаетъ громадная башня Комаресъ съ залой посланниковъ. Другой дворъ нѣсколько меньше и также снабженъ фонтанами. Въ серединѣ его находится львиный бассейнъ, громадная алебастровая чаша, поддерживаемая двѣнадцатью львами изъ чернаго мрамора. Съ восточной стороны примыкаетъ къ этому двору залъ суда, съ сѣверной стороны залъ двухъ сестеръ, и напротивъ него, съ южной стороны, залъ Абенсераговъ. Отъ главнаго фонтана проведены каналы, которые проводятъ воду почти во всѣ корридоры и залы. Колонны высоки и изящны, съ несоразмѣрно малымъ базисомъ. Надъ ними возвышаются крѣпкія пилястры, поддерживающія фризы. Въ рамкѣ, образуемой фризомъ и двумя колоннами, находятся круглые, либо подковообразные своды. Фантастическій безпорядокъ пятизубчатыхъ сводовъ Кордовской мечети, уже въ Севильѣ скрытый зубцами о трехъ концахъ, совершенно устраняется въ Альгамбрѣ, такъ какъ тамъ безчисленное множество зубчиковъ служатъ лишь украшеніемъ круглымъ аркамъ. Такъ называемые сталактитовые своды также изобрѣтеніе гранадскаго архитектора. Для достиженія этой цѣли (мы беремъ для примѣра одинъ родъ этихъ зданій) стоило лишь нагромоздить другъ на друга глубокія зубчатыя арки Севильскаго Альказара—такъ, чтобы острыя ребра выдавались ввидѣ зубцовъ. Эти и другія подобныя декораціи отпечатаны въ видѣ проч-

ныхъ моделей въ гипсовую массу, подобную которой, по прочности, нынѣ не умѣютъ изготовлять. Эти сталактиты употреблялись для того, чтобы чтобы очистить большія поверхности для поля зрѣнія. Изобрѣтатель этихъ сталактитовъ «вѣроятно обладалъ отчасти силой, которой природа создаетъ кристаллы». Стѣны разукрашены орнаментами и арабесками, подобныхъ которымъ по красотѣ формы и окраски нельзя найти въ цѣломъ мірѣ. Можно однако сказать, что эти украшенія нѣсколько преувеличены; но и арабскіе художники были знакомы съ тайной контрастовъ; поэтому-то они оставляли колонны голыми, чѣмъ достигали и другой цѣли, а именно такимъ образомъ стройность колоннъ болѣе бросалась въ глаза.

Дженералифъ, собственно говоря: дженнатъ-аль ярифъ, т. е. садъ архитектора, бывшій лѣтнимъ дворцомъ гранадскихъ королей, лежитъ надъ Альгамброй и отдѣленъ отъ нея лишь паркомъ. Но отъ прежняго великолѣпія нынѣ не осталось ничего, кромѣ описаній.

Будущность Ислама.

Согласно съ планомъ нашей книги мы довели исторію культуры ислама лишь до начала шестнадцатаго столѣтія. Но въ принципѣ, за послѣдніе 300 лѣтъ произошло такъ мало перемѣнъ въ духѣ ислама, что намъ, даже съ нашей болѣе узкой точки зрѣнія, все таки возможно высказать мнѣніе о дальнѣйшей судьбѣ ислама.

Исторія ислама среднихъ вѣковъ доказываетъ намъ, что эта религія вовсе не такъ враждебно относится къ культурѣ, какъ это обыкновенно думаютъ. Какъ наука, такъ равно и искусство, пользовались подчасъ чрезвычайнымъ покровительствомъ и заботливостью въ магометанскихъ государствахъ и достигли въ нихъ удивительнаго расцвѣта. Если многое достигнутое и было утеряно, въ особенности послѣ вторженія турокъ, то въ этомъ не виновата религія по себѣ, такъ какъ всякое правовѣріе сомнѣвается въ возможности свободы науки и духовнаго прогресса. Виновата въ этомъ не столько религія, какъ особенность народовъ принявшихъ исламъ и историческое ихъ развитіе.

Но безопасному развитію религіи пророка Магомета дѣйствительно мѣшаютъ чрезвычайныя препятствія. А именно, между высочайшими нравственными требованіями корана и практическими выраженіями благочестія лежитъ цѣлая пропасть. Въ числѣ послѣднихъ самое главное,—какъ напримѣръ, паломничество въ Мекку и все что съ этимъ связано,—основано на древне-языческихъ обычаяхъ. Культъ умершихъ и святыхъ есть тоже язычество, и весьма распространенъ былъ въ средневѣковомъ исламѣ. Этотъ культъ связанъ былъ съ могилами лицъ, съигравшихъ выдающуюся роль въ религіи или въ исторіи. Мы уже выше упоминали о могилѣ Гусейна въ Кербелѣ. Эта могила и по сію пору считается священнымъ мѣстомъ, какъ Кааба, для мусульманъ шіитскаго толка, слѣдовательно для персовъ, и знатные персіяне выбираютъ это мѣсто для своего погребенія. У шіитовъ первые десять дней мѣсяца Мугаремъ посвящаются оплакиванію мученика Гусейна, въ честь котораго даются даже и драматическія представленія.

Но даже люди низкаго происхожденія съ давнихъ поръ пользовались поклоненіемъ оказываемымъ ихъ могиламъ. Абдалла ибнъ эль Зобеиръ (Abdallah ibn el Sobeir), Хабшеръ—соперникъ, Абдалла—сынъ халифа Омара, Хадиша (Chadischa), супруга пророка и Амина, его мать, имѣли свои мавзолеи уже въ средніе вѣка и вѣрующіе совершали къ нимъ паломничества. Въ особенности въ сѣверной Африкѣ этотъ культъ могилъ пріобрѣлъ громадное распространеніе, и намъ ужъ приходилось не разъ говорить о святыхъ между берберами. Со временъ владычества турокъ все это приняло громадные размѣры. Въ этомъ усматривается возвратъ къ древнему язычеству.

Но этотъ возвратъ происходитъ не только отъ грубости и невѣжества кружковъ, предающихся вышеназванному культу, но, напротивъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ долженъ разсматриваться какъ религіозный прогрессъ. Доктрина ислама крайне сурова и основана на здравомъ смыслѣ, богослуженіе—образецъ пустоты и однообразія. Но человѣкъ имѣетъ потребность въ радости, а главное, онъ нуждается въ заступникахъ, къ которымъ онъ могъ бы обращаться въ малыхъ и большихъ нуждахъ своей частной жизни. Святые ислама заполнили пустоту въ сердцахъ вѣрующихъ. И подобно, тому какъ мы это видимъ въ католической религіи, здѣсь за этимъ язычествомъ скрывается могучая религіозная сила.

Корану ничего не извѣстно, ни о святыхъ, ни о культѣ могилъ, такъ какъ пророкъ не требовалъ поклоненія и для своей собственной особы. Допущеніе паломничествъ есть, очевидно, непослѣдовательность, исторгнутая внѣшними обстоятельствами у посланника Божьяго.

Съ принципіальными догматами религіи все это не совпадаетъ, такъ какъ монотеизмъ ислама такъ же строгъ какъ и монотеизмъ іудейства, что доказывается запрещеніями изображеній.

Понятіе о божествѣ и нравственное ученіе Корана во многомъ стоятъ на одномъ уровнѣ съ іудейскимъ и христіанскимъ вѣроученіемъ. А потому, до нѣкоторой степени, на исламъ можно смотрѣть, какъ на іудейско-христіанскую секту и притомъ на одну изъ значительнѣйшихъ и главнѣйшихъ. Число его поклонниковъ превосходитъ число протестантовъ, такъ какъ послѣднихъ всего 137 милліоновъ, а мусульманъ 200 милліоновъ. Многочисленныя мѣста Корана могли бы находиться въ поученіяхъ любого отца церкви.

И если бы кто нибудь вздумалъ включить суру 1 въ христіанскій молитвенникъ, то и самый правовѣрный христіанинъ не былъ бы этимъ возмущенъ.

Вотъ почему исламъ обладаетъ способностью внутренней реформы. Несмотря на механическія выраженія благочестія и на примѣсь языческихъ представленій и обычаевъ, все же можно указать то тамъ, то сямъ на черты, свидѣтельствующія о стремленіи къ одухотворенію и идеализаціи. Подобныя мысли, по весьма понятнымъ причинамъ, приписывались пророку. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, будто одинъ бедуинъ обратился къ пророку съ вопросомъ о времени воскресенія. Магометъ отвѣтилъ: «Объ этомъ Господь мой мнѣ ничего не открылъ». Бедуинъ сказалъ: «Тогда мнѣ ничего не остается, какъ только *любить* Бога и его посланника».

Мы имѣемъ основаніе надѣяться, что подобныя мысли, по истинѣ евангельской глубины, и вообще христіанскія воззрѣнія, составляющія истинный духъ ислама, современемъ разрушатъ оковы, наложенныя на эту религію поклоненіемъ природы.

Движеніе вахгабитовъ въ центральной Аравіи, возникшее съ 1740 года, имѣло весьма почтенныя пуристскія тенденціи, и стремилось уничтожить поклоненіе могиламъ и культъ святыхъ. Но ни самъ Абдъ эль Вахгадъ, ни его ученики не напали на дѣйствительно плодотворно-религіозную мысль, имѣющую принципіальное значеніе. Притомъ они слишкомъ запутались въ политическихъ вопросахъ. Еслибы вахгабиты и не были постепенно побѣждены болѣе обученными войсками Могамета Али и Ибрагима Паши, египетскаго вассала Высокой Порты, (1815 г.), то все же имъ никогда не удалось бы произвести глубоко-захватывающую реформу.

На вліяніе христіанской миссіонерской дѣятельности врядъ-ли можно возлагать большія надежды. Для этого необходимо было бы, чтобы миссіонеры были совершенно безъ предразсудковъ, чтобы они, несмотря на оффиціальное христіанство, признали Магомета посланникомъ Божіимъ, для того, чтобы при помощи евангельскихъ мыслей Корана вести борьбу съ болѣе низменными представленіями, другими словами, чтобы они боролись Кораномъ противъ Корана. Но вполнѣ эта задача можетъ быть исполнена лишь человѣкомъ, который былъ въ одно и то-же время оріенталистомъ и мусульманиномъ. Таковъ долженъ быть настоящій Махди, на которомъ зиждется будущность ислама. Но когда онъ явится?

Средневѣковая культура Запада.

Германцы доисторическаго времени.

Составилъ проф. д-ръ **Кауфманъ**. Переводъ **П. Фридолина**.

ВВЕДЕНІЕ.

Паденіе римской имперіи означало также паденіе античной культуры. Съ V-го столѣтія почти всѣ стороны жизни, казалось, подпали постоянному регрессу, и цивилизація человѣчества начала спускаться на ту ступень, которой она уже достигла за много сотъ лѣтъ. На мѣсто того величественнаго сосредоточенія народныхъ силъ, которому мы удивляемся въ римской имперіи, выступило многообразіе государствъ, которыя являются едва заслуживающими этого названія сравнительно съ полнотою власти римскаго государства. На мѣсто блестящей городской культуры римлянъ всплыла грубость германской сельской жизни, а на мѣсто далеко шагнувшаго впередъ денежнаго хозяйства появилось натуральное, которое едва-ли пошло дальше первыхъ началъ, и подъ удручающимъ гнетомъ котораго, торговля, ремесла, промышленность, жизнь духовная и художественная начали сначала угасать, а потомъ и вовсе утихать. Это — нерадостное зрѣлище. Тѣмъ не менѣе можно спросить, было-ли дѣйствительно настолько достойнымъ удивленія то, что погибало, а то, что зарождалось, дѣйствительно настолько достойнымъ презрѣнія, какъ это могло показаться съ перваго взгляда?

Давно уже римская имперія не была болѣе живымъ организмомъ, который проявлялъ свою жизнеспособность въ томъ, что поощрительно и охранительно шелъ навстрѣчу потребностямъ и стремленіямъ своихъ гражданъ. Правда, безсовѣстный грабежъ, который во время республики отдалъ провинціи на произволъ правящихъ сферъ и столичнаго люда, уступилъ во время императоровъ болѣе разумному управленію. Но и при нихъ также чиновники и откупщики эксплуатировали ужаснѣйшимъ образомъ податные классы, а свободному развитію экономическихъ силъ были положены рамки, которыя мѣшали увеличенію состояній и развитію капитала. Такимъ-то образомъ и могло случиться то, что тотъ-же самый процессъ обѣдненія, который истощилъ сперва жизненныя средства Италіи, мало-по-малу охватилъ также и всѣ провинціи. Въ третьемъ и четвер-

томъ столѣтіяхъ среднее сословіе горожанъ и крестьянъ исчезло почти совершенно; противоположность между бѣднымъ и богатымъ становилась все больше, и все ужаснѣе усиліе, которое казалось необходимымъ, чтобы доставить государству хотя-бы только самыя насущныя средства къ существованію. Не только собственно рабы, но и свободное населеніе было порабощено и должно было платить государству оброки. Сынъ декуріона долженъ былъ также становиться декуріономъ и своимъ состояніемъ войти въ долю государственныхъ податей. Другіе должны были работать на государственныхъ фабрикахъ и копяхъ до тѣхъ поръ, пока не испускали послѣдняго вздоха, третьи, наконецъ, прикрѣпленные къ землѣ въ качествѣ колоновъ, должны были ее обрабатывать, и дѣтей ихъ постигла та же судьба. А въ то время, какъ сельскій людъ въ мрачномъ отчаяніи подчинялся вынужденной работѣ, населеніе большихъ городовъ опускалось все безнадежнѣе въ грязь бездонной безнравственности, питавшейся увеселеніями цирка и людскими травлями.

Что такое государство въ концѣ концовъ погибло, не было ни чудомъ само по себѣ, ни особеннымъ горемъ для культуры, такъ какъ уже со второго столѣтія не замѣтно было [1]) прогресса: наоборотъ, чѣмъ больше государство развивалось въ деспотію, державшуюся еще только благодаря солдатамъ и императорамъ, тѣмъ болѣе должно было оно само по себѣ становиться помѣхой прогрессу и въ этомъ отношеніи можно сказать, что особую заслугу пріобрѣли себѣ тѣ, кто разрушалъ это государство и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, создавалъ свободный путь возможности здороваго развитія. Сами римляне очень хорошо сознавали это. А именно, гдѣ бы германцы ни вступали въ ветшавшее государство, вездѣ ихъ, если не прямо привѣтствовали, то все же вслѣдъ затѣмъ признавали освободителями отъ невыносимаго гнета. Да, наконецъ, они и приходили-то вовсе не съ намѣреніемъ разрушать. Наоборотъ, съ удивленіемъ и изумленіемъ смотрѣли наивныя дѣти лѣсовъ на этотъ блестящій міръ и допускали его вліять на себя во всѣхъ отношеніяхъ. А если что изъ великаго и прекраснаго, несмотря на это, погибло и должно было добываться вновь потомъ медленной культурной работой, то погибло само по себѣ, потому что было черезчуръ слабо, чтобы быть въ состояніи удержаться среди измѣнившихся политическихъ и экономическихъ условій, а вовсе не пало жертвой бѣшенства любящихъ разрушеніе варваровъ.

Какъ нѣмцамъ, по крайней мѣрѣ, еще не въ столь давнее время, также точно и древнимъ германцамъ, недоставало вовсе того здороваго національнаго эгоизма, который въ такой высокой степени отличалъ римлянъ и сдѣлалъ ихъ способными покорить міръ своей волѣ. Имъ недоставало неизбѣжнаго для этого условія, безграничнаго подчиненія отдѣльной личности волѣ общества. Правда, и «свободный» германецъ не былъ безусловно свободнымъ, также и онъ связанъ былъ заповѣдью всесильнаго обычая и закономъ своего государства. Но это государство было еще мало развито. «Родъ» окружалъ его со всѣхъ сторонъ стѣснительными рамками; только трудной борьбой вырвалъ онъ у него важнѣйшія функціи государственной власти, а въ нѣкоторыхъ областяхъ онъ и вовсе не преодолѣлъ

[1]) Сравн. Hehn, Kulturpflanzen und Haustiere, 475 и слѣд.

вліянія рода во все теченіе среднихъ вѣковъ. «My house is my castle» [1]) положеніе вовсе не англійское, а издревле германское. «Только въ рѣдкихъ случаяхъ, только при соблюденіи торжественныхъ формальностей осмѣливалась государственная власть перешагнуть порогъ дома. Если воръ преслѣдовался въ его собственномъ домѣ, онъ могъ убить чиновника, какъ нарушителя мира. И онъ оставался безнаказаннымъ, если убитый падалъ но эту сторону порога [2]). Во всякомъ случаѣ и германское государство позже строже организовалось и подъ чужимъ вліяніемъ было вовлечено даже на тотъ-же путь всемірно-завоевательной политики, которымъ шли когда-то и римляне. Но оно все же никогда не поступилось для этого основами своей сущности, оно никогда не требовало для себя «всего» человѣка, постоянно оставляя ему еще кое-что для себя. И какъ разъ въ этомъ шаткомъ подчиненіи лежала его сила и его слабость, лежало ограниченіе его политической дѣеспособности и залогъ мощнаго развитія личности, утвержденія собственной индивидуальности.

Въ рѣзкой противоположности германскому государству стоитъ римское съ его безпримѣрнымъ самообузданіемъ и дисциплиной, съ его всемірно-завоевательными традиціями, которыя отъ падающей имперіи перешли въ римскую церковь, конечно, въ болѣе существенной и въ болѣе соотвѣтствующей цѣлямъ, которыя преслѣдовала эта послѣдняя, обработкѣ. Противоположность и антагонизмъ германскаго и римскаго міросозерцанія, какъ оно выразилось въ германскомъ государствѣ и римской церкви, даетъ существенное содержаніе исторіи среднихъ вѣковъ и оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на культуру этого времени. Поэтому, если мы хотимъ понять эту послѣднюю, мы должны попытаться ознакомиться съ основаніями и сущностью древнѣйшаго германскаго государства, вплоть до конца переселенія народовъ и принятія христіанства.

Германцы распадаются на группы: восточную, сѣверную и западную,— дѣленіе, которое обосновывается не только пространственнымъ различіемъ мѣстъ ихъ жительства, но также и степенью ихъ родства между собою. Изъ нихъ сѣверные германцы слишкомъ поздно вошли въ общее развитіе, чтобы мы могли по нимъ судить о первоначальномъ состояніи ихъ; восточные-же германцы—слишкомъ рано. Ихъ далекія и раннія странствованія и судьбы, полныя перемѣнъ, прервали спокойный ростъ ихъ первыхъ государственныхъ учрежденій и вызвали, правда, чрезвычайно величественное, и быстрое, но за то также и способное къ трещинамъ и недолговѣчное развитіе. Они истощили свою силу въ стремленіи къ недостижимымъ цѣлямъ и рано погибли. Менѣе блестяще, но прочнѣе и плодотворнѣе было развитіе западныхъ германцевъ. Благосклонность судьбы привела ихъ въ страны, гдѣ нужда рано обратила ихъ къ государственному общенію и осѣдлой жизни. Втиснутые между моремъ, Рейномъ и Дунаемъ, втеченіи четырехъ вѣковъ они были не въ состояніи прорвать рамки, которыя римское военное искусство воздвигло на берегахъ этихъ рѣкъ, да и еще дальше ихъ, и поэтому были вынуждены при все увеличивающейся численности удовлетворяться постоянно одинаковой, сравни-

[1]) Мой домъ—это мой замокъ.
[2]) Georges Kaufmann. l'Histoire allemande и нѣм. изд. I, 12.

тельно ограниченной, областью. Это было возможно только потому, что они приспособили свой образъ жизни къ измѣнившимся обстоятельствамъ, все болѣе и болѣе теряли привычки кочующихъ пастушескихъ народовъ и посвящали все большія заботы землепашеству. И вотъ, когда въ V-мъ столѣтіи, наконецъ, прорвали они «валъ», рейнскія и дунайскія насыпи, и осѣли въ близлежащихъ провинціяхъ, тогда только выказалась вполнѣ благословенность этого покоя и сосредоточенія, тогда явились они уже не одѣтыми въ звѣриныя шкуры варварами, а земледѣльческими племенами съ политическими и хозяйственными учрежденіями, которыя были достаточно сильными, чтобы стать на мѣсто соотвѣтственныхъ римскихъ и образовать основаніе для всего слѣдующаго развитія. Въ этомъ значеніе германской доисторической эпохи, которую мы считаемъ отъ перваго столѣтія до Р. Хр. до шестого вѣка послѣ Р. Хр.

Государство и хозяйство.

Мы не знаемъ, какъ далеко углубляются въ даль временъ, предшествующую этому періоду, первыя начала государственнаго строя. Извѣстно, однако, что германцы въ началѣ доисторическаго періода уже осилили родовое государство болѣе раннихъ эпохъ. Въ немъ царствовалъ родъ, группа родственныхъ семей. Родъ былъ и субъектомъ и объектомъ государственной власти. Ко времени Цезаря и Тацита, наоборотъ, группы родовъ уже слились въ народность. Правда, въ ней и возлѣ нея стоитъ еще мощный родъ, но онъ уже больше—не государство и даже не органъ государства. Стремленіе къ большимъ оборонительнымъ союзамъ, рядомъ съ силой кровнаго родства—было тѣмъ, что соединило роды въ народность. Война еще господствовала въ жизни этихъ людей; изъ войны родились ихъ государства и только изъ нея ихъ можно понять.

Народность у германцевъ прежде всего—войско; ея подраздѣленія—военныя подраздѣленія, сотни, состоящія изъ одного или многихъ родовъ. «Nil agunt nisi armati» [1]), эта фраза Тацита имѣетъ смыслъ также и для политической жизни, такъ какъ вооруженными и въ боевомъ порядкѣ сходились свободные мужчины на собраніе народности, высшей политической единицы. То, что выработалъ совѣтъ старшинъ, ожидало здѣсь своего окончательнаго рѣшенія, которое они должны были сообщать радостнымъ звономъ оружія или же недовольнымъ шумомъ. Здѣсь рѣшали они вопросы относительно войны и мира и договоровъ съ сосѣдями, здѣсь давали они юношамъ право носить оружіе или же судили трусовъ, измѣнниковъ и богоотступниковъ, здѣсь также выбирали или утверждали они какъ представителей сотенъ, такъ и главу народности, долженъ-ли былъ онъ долгое время стоять во главѣ въ качествѣ короля, или же только на время, въ дни тяжелой опасности, пользоваться высшею распорядительною властью въ достоинствѣ герцога.

Въ качествѣ верховнаго собственника всей земли, народность опредѣляла также и способъ пользованія ею. Всякая земля была, вѣдь, боевая

[1]) Ничего не дѣлаютъ невооруженными. *Примѣч. пер.*

добыча, получена боемъ и могла быть удержана только новыми битвами. Свободные военные и народные сотоварищи, которые помогали въ этомъ другъ-другу, имѣли поэтому также притязаніе на пользованіе. Это послѣднее сначала было регулировано такъ, что каждому боевому отряду, слѣдовательно каждой сотнѣ, каждый годъ указывался опредѣленный кусокъ земли, а потомъ сотни мѣнялись между собою ежегодно своими участками. Таково положеніе, которое описываетъ Цезарь. Сто пятьдесятъ лѣтъ спустя Тацитъ сообщаетъ о громадномъ прогрессѣ. Сотни больше не мѣняются, каждая сидитъ крѣпко на предназначенномъ ей разъ навсегда земельномъ участкѣ. Это первый и самый важный шагъ къ осѣдлой жизни. Внутри сотенной области происходитъ теперь дальнѣйшее заселеніе земли. То деревнями, то разбросанными поселеніями осаживаются здѣсь и тамъ по соглашенію отдѣльные роды и семейныя группы. Предпочтительно ищутъ они, конечно, открытыхъ мѣстъ или просѣкъ первобытнаго лѣса, гдѣ обширные выгоны сулили-бы пропитаніе многочисленнымъ стадамъ, или гдѣ древняя культурная земля еще отъ кельтскаго до-историческаго періода, казалось, могла способствовать земледѣлію. Тамъ же, гдѣ этого не было, тамъ общими усиліями всѣхъ расчищался лѣсъ, разбрасывались сѣмена, и жатва дѣлилась между отдѣльными домовыми хозяйствами; такъ-какъ какая-нибудь другая, а не общая обработка полей была еще невозможна; это доказала, не говоря уже о другихъ свидѣтельствахъ, сравнительная экономическая исторія. Да и какъ достало-бы силы у отдѣльной личности обуздать дикость первобытнаго лѣса! Вѣдь, еще не было ни хорошихъ орудій, ни достаточной опытности: люди не имѣли еще почти ничего, кромѣ физической силы.

Только мало-по-малу можно было перейти къ формѣ отдѣльнаго пользованія пашней. Для этого, однако, потребовалось раздѣленіе. Все поле распадалось на извѣстное количество большихъ, прямоугольныхъ пашенъ, (Gewanne).

Каждый изъ нихъ раздѣляли межевой веревкой на столько равныхъ полосъ, сколько было на лицо домовыхъ хозяйствъ, имѣвшихъ право на поле, и каждому изъ этихъ послѣднихъ передали одну полосу на каждой пашнѣ для отдѣльнаго пользованія. Но такъ-какъ доходы отдѣльныхъ пашенныхъ участковъ могли быть различными, смотря по ихъ положенію, то семьи смѣняли другъ друга въ обработкѣ этихъ пашенъ, предоставляя жребію рѣшить чередъ пользованія. Часть пашни, приходившаяся на долю каждой семьи, содержала по нормѣ 30 десятинъ и получила позже названіе «сохи»—«гуфы» (Hufe).

Право на пользованіе сохою покоилось первоначально на военной службѣ свободнаго мужчины; однако, въ предѣлахъ одной и той же поселенческой общины эта точка зрѣнія не всегда могла быть проводима, такъ-какъ число сохъ, которое опредѣлилось по числу имѣвшихся вначалѣ на лицо домовыхъ хозяйствъ, оказалось вскорѣ ограниченнымъ. Слѣдовательно, если сыновья сошника и были уже давно правоспособными воинами, все же могли они не всегда осуществить свое право на самостоятельную соху, и очень часто имъ не оставалось другого выбора, какъ отправиться въ лѣсъ и основать себѣ здѣсь новую родину расчисткой и обработкой. Такъ возникалъ новый выселокъ (das Tochterdorf).

Конечно, это могло случаться только съ согласія марковой общины (Markgenossenschaft). Это имя носила сотня, поскольку ей принадлежало право распоряженія общей маркой, т. е. лѣсомъ вмѣстѣ съ выгонами, рѣками, ручьями, короче, всей сотенной областью. Наряду съ этой общиной лѣсной марки стояла община полевой марки, такъ-какъ деревенскій «міръ» составлялъ, для пашенной земли, взятой имъ для воздѣлыванія, марковую общину. Лѣсъ и пашня, слѣдовательно, покоились оба на общемъ владѣніи, но ихъ развитіе было совершенно различнымъ. Каждый имѣлъ право охотиться въ лѣсу или рубить деревья, насколько ему это было нужно; онъ могъ выгонять на пастбища своихъ коровъ, а свиней на кормъ въ дубовую рощу, и ловить рыбу въ водѣ; природа доставляла еще такое изобиліе пропитанія, что вовсе не было нужды въ дробленіи для цѣлей отдѣльнаго пользованія. При земледѣліи, наоборотъ, отдѣльное пользованіе привело вначалѣ къ дробленію, а потомъ къ отдѣльному владѣнію. Раньше всего произошло это послѣднее тамъ, гдѣ младшіе сыновья, которые не могли получить дома права на соху, принимались за расчистку лѣса. Эти новыя пашни обязаны были своимъ возникновеніемъ исключительно работѣ ихъ владѣльцевъ: поэтому уже съ самаго начала съ ними не связывалось болѣе понятіе совмѣстнаго владѣнія; боевая же точка зрѣнія, которая видѣла въ пользованіи сохою ничто другое, какъ награду за добычу свободнаго правоспособнаго мужчины, должна была здѣсь отступить передъ хозяйственной. На этихъ расчищенныхъ участкахъ возникло поэтому раньше всего понятіе частной земельной собственности и распространилось отсюда мало-по-малу также и на болѣе древнія поселенія. Но лишь въ концѣ шестого столѣтія прекратилось въ нихъ прежнее чередованіе въ пользованіи пахотными участками, и лишь съ этого времени отдѣльная семья, или лучше отдѣльный дворъ — такъ-какъ право связывается съ понятіемъ двора — достигаетъ прочнаго владѣнія надъ опредѣленными, разсѣянными по всему общему полю пахотными долями. Съ шестого по седьмой вѣкъ, слѣдовательно, все болѣе суживался кругъ собственности на обрабатываемомъ пространствѣ. Съ народности онъ спустился на сотню, съ этой послѣдней—на деревенскую общину,—съ нея же на деревенскихъ земляковъ [1]).

Надъ лѣсомъ, водою и пастбищемъ, наоборотъ, все еще удерживается общинное владѣніе, и именно въ этомъ и заключалось громадное благо. Лѣсъ сдѣлался убѣжищемъ безродныхъ и лишенныхъ наслѣдства, онъ предлагалъ, въ своемъ неизмѣримомъ богатствѣ, все новымъ родамъ родину и пропитаніе, онъ становился творцемъ и зиждителемъ германской народной силы. Отдѣльное владѣніе пашней и совмѣстное — лѣсомъ и пастбищемъ стали основами германскаго народнаго хозяйства. Ихъ долговѣчная сила устояла противъ всѣхъ бурь временъ и удержалась вплоть до великихъ потрясеній въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка. Даже теперь еще можемъ мы узнать ее въ ея обломкахъ, когда слышимъ, что гдѣ-нибудь нѣсколько деревень обладаютъ въ дальнемъ лѣсу общимъ правомъ пользованія.

---

[1]) *Karl Lamprecht.* Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. I, 1492.

Судопроизводства.

До государства, такъ мы видѣли выше, носителемъ государственной власти былъ родъ. Онъ поддерживалъ порядокъ внутри и обезпечивалъ защиту извнѣ. Отсюда развилась вражда родовъ или кровавая месть, т. е. обязательство отомстить за убійство или тяжкое оскорбленіе сородича кровью убійцы или его рода. Но убійство мстителя вызывало вновь новую обязанность мести, и такимъ образомъ убійству не было-бы конца, если-бы не стала между враждующими третья, безпристрастная сила и не предложила посредничества. Это, именно, сдѣлало государство и, можетъ быть, здѣсь и нужно искать вообще одну изъ причинъ его возникновенія. Правда, ему не удалось совершенно устранить кровавую месть, однако, оно все же связало ея практику опредѣленными правилами и ограничило извѣстными случаями. И если месть должна была отличаться отъ обыкновеннаго убійства, то она не смѣла бояться свѣта, не смѣла давать мѣсто какой-бы то ни было таинственности, какой-нибудь задней мысли хоть немного разбойничьяго сорта, она должна была дѣйствовать открыто и наступать тотчасъ же, прежде еще, чѣмъ трупъ убитаго былъ похороненъ. Далѣе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ являлось желаніе не только не ожидать мести оскорбленной стороны, но пойти на встрѣчу ей добровольною пенею, тамъ было дѣломъ государства ухватиться за эту мирную полюбовную сдѣлку и доставить ей мало-по-малу господство. Оно выступало посредникомъ между противниками въ вопросѣ относительно высоты пени и постепенно выработало настоящій тарифъ для всѣхъ преступленій. Такъ возникла выкупная плата, мировыя деньги, уплачиваемыя въ видѣ скота или хлѣба, размѣръ которыхъ опредѣлялся сословіемъ убитаго.

Ну, а развѣ было бы несправедливо выказать себя какимъ-нибудь образомъ благодарнымъ за благотворное посредничество честнаго маклера, вознаградить подаркомъ утрату его труда и доброй воли? Несомнѣнно, и такимъ-то путемъ могъ совершиться дальнѣйшій шагъ; государство могло, дѣлая обычай обязанностью, выговорить себѣ часть штрафной суммы. А разъ ужъ это было достигнуто, то этимъ былъ признанъ общественно-правовой характеръ его посредничества и подготовленъ взглядъ, что насильственный поступокъ приноситъ вредъ не только оскорбленному, но также и обществу, а на этомъ основаніи могъ развиваться начатокъ государственной карательной власти и судебной практики.

Кто преступалъ выработанныя обычаемъ рамки при приведеніи въ исполненіе кровавой мести, кто уклонялся выступить по судебной жалобѣ оскорбленной имъ стороны, тотъ приглашался предъ трибуналъ новой власти, а если онъ не являлся, то исключался изъ всякаго общества (также изъ родового) и объявлялся нарушившимъ миръ; онъ долженъ былъ жить, какъ волкъ, въ лѣсу, никто не смѣлъ давать ему кровъ и пристанище, каждый могъ его убить безнаказанно. Государство, однако, не добилось того, чтобы совершенно подавить кровавую месть; его дѣятельность вообще, могла лишь тогда наступать, если оскорбленный взывалъ къ нему, если онъ не предпочиталъ, по своему праву, путь вражды. Во всякомъ случаѣ, достигнутое вліяніе было довольно значительнымъ, чтобы отнять

отъ рода судебную практику, до того выполнявшуюся имъ однимъ и поставить на ея мѣсто общественно-признаваемый судъ.

Сотенная община земляковъ марки была въ то же время также и судебная община. Начальникъ занималъ предсѣдательское мѣсто. Онъ правилъ судъ, т. е. онъ поддерживалъ внѣшній порядокъ и спокойствіе во время судопроизводства. Сама община объявляла рѣшеніе. Наоборотъ, веденіе процесса, ходъ судебнаго разбирательства былъ почти исключительно дѣломъ сторонъ. У франковъ даже приглашеніе на судъ слѣдовало черезъ истца. Онъ-же обращалъ къ отвѣтчику обвинительный вопросъ. И если это происходило въ предписанной для того формѣ и постановкѣ, то можно было отвѣчать только *да* или *нѣтъ*. Разныя возраженія, условныя прибавленія или отрицанія были исключены. Если дѣло оспаривалось, то было ужъ задачей суда требовать отъ одной изъ сторонъ доказательства. Важнѣйшимъ средствомъ доказательства была клятва, которая часто должна была еще подкрѣпляться вспомогательной клятвой многихъ другихъ лицъ. Но эти соприсяжники присягали однако не относительно объективной, а только субъективной правильности первой клятвы. Имъ, значитъ, не нужно было ничего знать о самихъ обстоятельствахъ дѣла, они клялись только въ правдивости сородича, такъ какъ соприсяжники брались обыкновенно изъ рода присягающаго. На рѣшеніе, которое слѣдовало по предложенію одного изъ участниковъ въ судѣ и должно было быть одобрено остальнымъ народомъ, не существовало никакой апеляціи, хотя обвиняемый и могъ его порицать. Отсюда тогда возникалъ новый процессъ между порицающимъ и порицаемымъ, который обыкновенно рѣшался поединкомъ. Поединокъ, вообще, могъ заступить судъ, если потерпѣвшій этого требовалъ; онъ отказывался тогда, какъ отъ обвинительной жалобы, такъ и отъ родовой мести. Бой ограничивался двумя личностями, которыхъ касалось дѣло, и его исходъ имѣлъ силу доказательства. Итакъ, бой былъ такимъ же средствомъ для доказательства, какъ и присяга.

Своеобразность германской судебной практики заключается собственно въ двухъ пунктахъ. Прежде всего—въ совершенно непонятномъ для насъ значеніи, которое имѣетъ форма сравнительно съ содержаніемъ; кто оговаривался въ возбужденіи жалобы или въ защитѣ, употреблялъ невѣрное слово, вообще, отклонялся отъ установленой формы, тотъ терялъ процессъ, будь его дѣло даже совсѣмъ правымъ; потомъ — въ самостоятельной дѣятельности сторонъ. Судъ, собственно, даетъ имъ лишь почву, на которой они борются. Онъ судитъ не о правильности самого дѣла, стоящаго на очереди, а только о томъ, соблюдены-ли со всѣхъ сторонъ обычныя формальности, все остальное—дѣло сторонъ. И такъ, можно видѣть, что вліяніе рода еще властно врывается въ государственное судоговореніе. Какъ ни чуждымъ кажется это право современному вгляду, все же нельзя отрицать, что, при постановкѣ рѣшенія, въ совмѣстномъ дѣйствіи всѣхъ свободныхъ лежалъ залогъ того, что судоговореніе останется постоянно въ тѣснѣйшей связи съ потребностями народа. И именно на это надо свести также то обстоятельство, что основы такого судопроизводства могли сохраниться неослабленными втеченіе всего средневѣковья.

Общество.

Общество древнѣйшаго государства распадалось на свободныхъ и несвободныхъ,—различіе, которое могло выработаться лишь тогда, когда перестали просто убивать военноплѣнныхъ, когда научились въ собственныхъ интересахъ эксплуатировать ихъ силы. Съ правовой точки зрѣнія несвободный не могъ имѣть никакихъ притязаній на жизнь, которую онъ велъ; всегда оставалась она даромъ господина, который этотъ послѣдній могъ отнять во всякое время. Несвободные были безправны, какъ животное или какъ вещь. Они не могли пріобрѣтать никакой собственности или вступать въ браки иначе, какъ между собою. Если свободная женщина имѣла дѣтей отъ раба, то она сама исторгалась изъ-подъ покровительства семьи и государства, а ея дѣти, также какъ она сама, если сохраняла свою жизнь, становились несвободными. Однако свободный мужчина могъ имѣть отъ рабыни свободныхъ дѣтей. Также и съ внѣшней стороны несвободные отличались отъ свободныхъ особенностями одежды и прически. Однако, какъ ни была сурова судьба съ точки зрѣнія права, она все же, въ дѣйствительности, многимъ смягчалась. Простота образа жизни касалась одинаковымъ образомъ свободныхъ и несвободныхъ. Къ тому же ежедневное житейское сообщество, сосѣдское сожитіе, одинаковая зависимость отъ случайностей жизни, отъ здоровья стадъ, исхода жатвы, измѣнчивости боевого счастья, все это должно было сближать другъ съ другомъ оба сословія, можетъ быть даже ближе, чѣмъ въ настоящее время стоитъ свободный рабочій по отношенію къ работодателю. Далѣе, въ то время, какъ свободнымъ угрожали на войнѣ и на охотѣ тысячи опасностей, несвободный могъ себѣ въ безопасности обработывать пашню, стеречь скотъ и заниматься домашними работами.

Относительно числа несвободныхъ недостаетъ свѣдѣній; во всякомъ случаѣ оно было очень колеблющимся; если же ихъ случалось слишкомъ много, то они продавались или устранялись какимъ-нибудь другимъ образомъ. Отпущеніе на волю также могло имѣть мѣсто въ отдѣльныхъ случаяхъ, но масса отпущенныхъ, позднѣйшіе *литы*, были обязаны своимъ лучшимъ положеніемъ скорѣе, однако, мягкому проведенію въ жизнь военнаго права, чѣмъ происхожденію отъ отпущенныхъ на волю отцовъ. Если завоевывались цѣлыя мѣстности съ обитателями кельтскаго или римскаго происхожденія, то было невыгодно поставить наравнѣ съ безправными рабами на долгое время эту культурно высшую расу; имъ предоставляли, по крайней мѣрѣ, извѣстныя личныя права, въ особенности пріобрѣтеніе собственности.

Масса народа состояла изъ простыхъ свободныхъ. Надъ ними возвышалось извѣстное число семей, которыя можно назвать благородными. Прежде всего здѣсь надо упомянуть о вождяхъ во время войны и мира. Было естественно, чтобы они при раздѣлѣ добычи, а значитъ и при раздѣлѣ земли, больше принимались въ разсчетъ, чѣмъ простые воины. Они имѣли право имѣть больше рабовъ, большее количество скота

пригонять на пастбища; ихъ дворъ и домъ могли быть выстроены больше и крѣпче, ихъ боевая и праздничная одежда могла быть болѣе богатой и лучшей работы. Такимъ образомъ, предводительство въ войнѣ и предсѣдательство въ судебныхъ и марковыхъ собраніяхъ давало и уваженіе, и вліяніе, и благосостояніе; не смотря на это, сомнительно, существовало-ли уже въ доисторическое время настоящее дворянство съ особыми преимуществами. Конечно, условія, при которыхъ могло оно выработаться, имѣлись на лицо. И въ дѣйствительности намъ попадается въ болѣе позднее время у нѣкоторыхъ племенъ замкнутое дворянское сословіе съ очень значительными преимуществами. У саксовъ и фризовъ, напр., эделингъ пользовался въ слѣдующемъ періодѣ какъ высшею вирою, чѣмъ простой свободный, такъ и большимъ довѣріемъ передъ лицомъ суда; онъ могъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ давать очистительную присягу, тамъ, гдѣ тотъ нуждался въ соприсяжникахъ.

Такъ-же неясно,к акъ происхожденіе и сущность дворянства, возникновеніе королевской власти. Только то ясно, что она должна была развиться изъ дворянства. Нѣкоторыя народности и вовсе не имѣли королей, гдѣ же короли были, тамъ выбирались они изъ одного изъ извѣстнѣйшихъ родовъ. На этомъ, именно «королевскомъ родѣ», которому не рѣдко приписывали божественное происхожденіе, останавливался выборъ, но и тутъ довольно независимо, такъ-какъ только доблестному мужу подчинялся народъ. И вотъ, когда избранный подымался на щитѣ, привѣтствовался радостнымъ крикомъ мужчинъ, и когда уже было ему передано копье, какъ знакъ власти надъ войскомъ, тогда становился онъ королемъ, т. е. высшимъ военнымъ предводителемъ, ибо въ этомъ положеніи—все значеніе, но зато также и ограниченіе власти, такъ-какъ характеръ этихъ государствъ былъ еще насквозь демократическимъ. Король, правда, имѣлъ предсѣдательство въ народномъ собраніи, но не пользовался правомъ голоса, болѣе широкимъ, чѣмъ простой свободный, да и постановленіе рѣшенія было исключительно дѣломъ народа. Главари низшихъ подраздѣленій были также не королевскими чиновниками, а избранниками народа, какъ и самъ король. Военная добыча, особенно, земля, принадлежала народу, а не королю. Конечно, получалъ онъ изъ добычи богато отмѣренную часть, также не былъ обиженъ и земельными владѣніями и ужъ, конечно, не принималъ участія въ годовомъ раздѣлѣ земли, какъ это было описано выше.

Своими бо̀льшими средствами пользовались короли, обыкновенно, для содержанія дружины изъ свободныхъ воиновъ. Дружинники обязывались своему господину клятвой въ вѣрности и рукодательствомъ; они сражались рядомъ съ нимъ въ бою, и обязанностью чести было не возвращаться домой безъ него. Умиралъ-ли онъ, они старались отомстить за него и умереть съ нимъ. Если брали его въ плѣнъ, низвергали съ трона или изгоняли изъ страны, они раздѣляли также съ нимъ его участь и шли вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ или въ «неволю». Но они были и участниками его радостей. Кровлю, пропитаніе, оружіе и копя получали они отъ него. Они спали въ его домѣ и раздѣляли его трапезу. Сами они не имѣли ни женъ, ни дѣтей, ни дома, ни двора. Въ дружину вступалъ тотъ, кто не хотѣлъ быть ничѣмъ обремененнымъ, а только быть воиномъ [1]). Кто впослѣдствіи измѣнялъ образъ мыслей, тотъ могъ уйти, такъ какъ договоръ былъ во всякое время расторжимымъ съ обоюднаго согласія. Позже, поступали въ дружину также сыновья болѣе знатныхъ семей, которые въ обстановкѣ значительнаго князя надѣялись выучиться тому, что считали необходимымъ для собственной будущей карьеры предводителя. Число дружинниковъ опредѣлялось средствами князя, но больше чѣмъ—въ крайнемъ случаѣ—нѣсколько сотенъ человѣкъ трудно могли быть соединимы въ одной дружинѣ. Зато они образовывали ядро могущества короля или главаря. Они доставляли ему не только блескъ и престижъ, но и вліяніе и силу. Они замѣняли постоянное войско и бюрократію позднѣйшаго времени и въ этомъ отношеніи много содѣйствовали развитію королевской власти. Феодальный строй покоится также однимъ изъ своихъ корней въ дружинѣ, а столь важныя впослѣдствіи придворныя должности развились также изъ нее. Челядь—также и несвободная—составляла съ дружиной ближайшую среду короля и изъ нея бралъ онъ средства для организаціи, какъ двора, такъ и государства.

Жизнь и нравы.

Жилище, одѣяніе и пищу германцевъ слѣдуетъ себѣ представить очень простыми и грубыми. Жилище — тростниковая хижина, грубо сдѣланная изъ грубыхъ стволовъ, подлѣ—землянка, покрытая назѐмомъ, въ качествѣ кладовой и убѣжища въ зимнюю стужу. Платье—шубка изъ шкуръ, или грубой матеріи, ноги, закрытыя полотняными повязками или штанами, ступни ногъ—кожаными башмаками. Женщины носили дома только одну длинную безрукавную рубашку, въ качествѣ верхняго платья—плащеподобный кусокъ полотна, часто украшенный красной обшивкой. Волосы мужчинъ и женщинъ не обрѣзались и заботливо убирались, скрываясь у первыхъ подъ головнымъ покрываломъ, а у вторыхъ завязываясь въ узелъ такъ, что остатокъ ниспадалъ внизъ хвостомъ. Пища состояла изъ молока, меду, дико растущихъ плодовъ и изъ плодовъ пашни, еще бѣдно обработываемой; къ этому присоединялась добыча на охотѣ и мясо пастбищныхъ животныхъ. Эта пища суровая, но, конечно, имѣвшаяся въ изобиліи, ежедневное купанье и постоянное пребываніе на чистомъ воздухѣ сохраняли тѣло сильнымъ и здоровымъ и закаляли его противъ невзгодъ суроваго климата.

Несвободные, женщины и дѣти производили работу въ полѣ, лѣсу и дома, въ то время, какъ мужчины проводили свою жизнь на охотѣ и въ битвахъ и отправляли свои общественныя обязанности въ собраніяхъ народной или сотенной сходки. Остальное время мужчины проводили въ лѣнивомъ бездѣльѣ за пьянствомъ или игрою въ кости. Изъ большихъ роговъ или глиняныхъ сосудовъ нацѣживали они громадное количество пива и меду, и въ пьянствѣ ярко выказывалась необузданная страстность дѣтей природы, которые могли при игрѣ въ кости поставить въ закладъ все свое имущество, собственную свободу и даже женъ и дѣтей.

[1]) *Kaufmann.* I. 128.

Если подрастающій сынъ могъ уже носить оружіе и помѣряться съ непріятелемъ, то отецъ передавалъ ему въ собраніи народа копье и дѣлалъ его этимъ способнымъ носить оружіе и политически совершеннолѣтнимъ. Но изъ своей опеки освобождалъ онъ сына, да и дочь, только съ ихъ выходомъ изъ домашняго общества. Сынъ становился тогда самъ себѣ господиномъ, дочь же мѣняла отцовскую защиту на защиту своего мужа. Этотъ послѣдній платилъ роду дѣвушки вѣно, залогъ, соотвѣтствующій обыкновенно вирѣ дѣвушки. Потомъ ему передавалъ отецъ копье, какъ символъ защитительной власти и отдавалъ этимъ ему и власть, и дѣвушку. Кромѣ брака покупкой, бывали и браки увозомъ. Дѣвушка увозилась, какъ Туснельда Германомъ; и ея семья получала тогда право, если только она не пользовалась своимъ правомъ мести, на мировыя (откупныя) деньги; потомъ же эти послѣднія заступили именно мѣсто покупныхъ денегъ.

Мужчина господствовалъ надъ женщинами, дѣтьми и домашними безусловно, и, если было нужно, съ ужасной строгостью. Обезчещенную жену или дочь могъ онъ убить или выгнать прутьями нагую въ изгнаніе. Отъ него зависѣло сохранить новорожденное дитя и тѣмъ самымъ его признать или отвергнуть его, если оно имѣло какой-нибудь недостатокъ или не нравилось ему,—такъ какъ характеръ мужчинъ былъ столь же грубъ и суровъ, какъ и жизнь. Жизнь и нравы требовали того, чтобы держать себя съ суровостью и строгостью по отношенію къ себѣ и къ другимъ. Обычаю же было все подвластно, онъ требовалъ себѣ все бытіе германцевъ. Ошибка—представлять себѣ германца свободнымъ и слѣдующимъ лишь своимъ склонностямъ и желаніямъ: онъ связанъ обычаемъ и закономъ, и предъ лицомъ суда уже уклоненіе отъ предписанной формы превращало самое ясное право въ несправедливость съ правовой точки зрѣнія.

Основной чертой въ характерѣ германцевъ была чистота и непорочность. «Въ царствѣ готовъ», такъ писалъ Сальвіанъ изъ Марсели около 430 г., «нѣтъ ни одного развратнаго человѣка, за исключеніемъ римлянъ». Браки заключались лишь по достиженіи физической зрѣлости; дѣвушка также должна была перейти двадцатый годъ. На этомъ отчасти основывается плодовитость германскихъ браковъ, возбуждавшаяся удивленіе и ужасъ римлянъ.

О вѣрности германцевъ много пѣлось и говорилось во всѣ времена, и еще въ наши дни считаемъ мы ее охотно въ числѣ самыхъ выдающихся чертъ въ характерѣ нашего народа. Сородичъ — своему роду, дружинникъ—господину, хозяинъ—гостю обязывался вѣрностью и держалъ ее; было-бы неслыханнымъ преступленіемъ нарушить данное слово тамъ, гдѣ обычай заповѣдалъ его держать. Наоборотъ, вѣрность вовсе не была нужна въ сношеніяхъ народовъ другъ съ другомъ, здѣсь невѣрность была правиломъ. Въ политической жизни признавались всякая хитрость и вѣроломство. Какое отвращеніе чувствуемъ мы, напр., при разсказѣ, что даже такой человѣкъ, какъ остготъ Теодерихъ приказалъ зарубить на пиру своего великаго противника Одоакра, съ которымъ онъ только что заключилъ послѣ долгой войны миръ и дружбу! Исторія среднихъ вѣковъ—это исторія политическихъ клятвопреступленій и невѣрности знати по отношенію къ королямъ.

Но довольно объ этомъ. Германцы имѣли недостатки и преимущества неразвитыхъ народовъ. Дикіе и храбрые въ битвѣ, суровые и надменные при побѣдѣ, униженные и покорные въ несчастьи—такъ какъ и этому не мало примѣровъ,—склонные къ пьянству и страстные, были они истинными дѣтьми своей дикой родины. Но они были также полны упорной настойчивости, жажды и способности къ знанію; полны тѣлесной силы и здоровья и одарены рѣдкой свѣжестью и подвижностью духа; такимъ образомъ, они были богато одарены для призванія стать основателями новой культуры.

Римское вліяніе.

Пока германцы оставались ограниченными своими мѣстожительствами къ востоку отъ Рейна и на сѣверъ отъ Дуная, ремесла были у нихъ еще очень мало развиты. Что было нужно каждой семьѣ, то она сама и производила. Женщины и дѣвушки пряли, ткали и шили платья, рабы рубили лѣсъ, убирали хижину, конюшню, нехитрую телѣжку и что было еще нужно. Только кузнечное ремесло требовало отъ работниковъ извѣстнаго искусства, поэтому и пользовалось оно высокимъ уваженіемъ, какъ уже доказываетъ Виландова сага. Насколько промыслы войны, охоты и рыбной ловли старше, чѣмъ промыслы осѣдлой жизни, настолько и орудія первыхъ имѣютъ значительное преимущество выдѣлки передъ орудіями вторыхъ. Напр., имѣлись ловушки съ замысловатыми приспособленіями для механическаго захлопыванія въ то время, какъ человѣческое жилище еще было лишено всякаго удобства и пашня еще обрабатывалась самыми жалкими орудіями.

Система землепашества въ доисторическое время—по крайней мѣрѣ въ послѣ-цезаревское—была переложная. Если какой нибудь участокъ пахотнаго поля истощался частыми посѣвами, его оставляли отдыхать втеченіи многихъ лѣтъ, пользуясь имъ только какъ пастбищемъ, чтобы онъ могъ оправиться, такъ-какъ унавоживаніе полей было еще неизвѣстно, равно какъ и различіе между озимымъ и яровымъ полемъ. Однако, переходъ къ двухпольному, а отсюда—къ трехпольному хозяйству послѣдовалъ уже въ концѣ этого періода.

Предметами земледѣлія были прежде всего овесъ, ячмень, просо, ленъ, кромѣ того, но менѣе часто, рожь и пшеница. Огородъ имѣлъ только немногіе виды овощей, какъ то: рѣдьку, морковь, лукъ и единственное плодовое дерево—яблоню.

Еще важнѣе, чѣмъ земледѣліе, было скотоводство. Большія стада доставляли для пропитанія народа гораздо больше, чѣмъ скудно обрабатываемая пашня. На нихъ опиралось истинное благосостояніе народа. Скотъ былъ важнѣйшею мѣновою цѣнностью, по головамъ рогатаго скота измѣрялись почти исключительно судебныя пени и мировыя деньги. Кромѣ рогатаго скота принималась во вниманіе особенно свинья. Но ѣли также и конину, именно, при жертвоприношеніяхъ. Поэтому церковь вездѣ запретила ѣду конины и отсюда, конечно, ведетъ начало то отвращеніе, которое еще въ наше время широко распространено къ этому роду пищи.

Итакъ, германцы первыхъ столѣтій нашей эры были поистинѣ бѣднымъ народомъ. Но чѣмъ живѣе и тѣснѣе были ихъ сношенія съ римлянами, тѣмъ болѣе должно было давать себя знать образующее вліяніе высокоразвитой культуры этихъ послѣднихъ. Уже во время Цезаря происходилъ извѣстный ввозъ римскихъ произведеній промышленности въ германскія пограничныя страны. Но не всегда при этомъ германцы были въ барышѣ. За свои прекрасные предметы обмѣна, рабовъ, скотъ, перья, шубы, янтарь, получали они частенько только дурные товары, блестящія бездѣлки, или одурманивающее вино, дѣйствіе котораго свевы считали настолько опаснымъ, что запретили у себя его ввозъ. Но все же, иногда вымѣнивали они и хорошее оружіе, какое нибудь полезное орудіе.

И какія только сокровища могъ бросить въ германскую хижину одинъ удавшійся разбойничій набѣгъ на богатую сосѣднюю страну! Въ римскихъ военноплѣнныхъ пріобрѣтали сильныхъ работниковъ въ земледѣліи и ремеслѣ и часто, конечно, услужливыхъ учителей въ другихъ полезныхъ вещахъ. Все больше становилось, далѣе, число германцевъ, для которыхъ родина являлась слишкомъ узкой, а римская служба золотымъ дномъ; нѣкоторые изъ нихъ, все же, возвращались назадъ, домой, богатыми, почитаемыми, исполненными всего, чему выучились и видѣли въ чужихъ краяхъ, и готовыми подѣлиться этимъ съ другими. Такимъ образомъ, постоянный пограничный торговый обмѣнъ создалъ массу отношеній и познакомилъ германцевъ съ важными и подходящими для нихъ произведеніями римской культуры. И если, сначала, они съ любопытствомъ дикарей принимали все, что она предлагала, то мало по-малу выучились они различать между нужнымъ и ненужнымъ, распознавать полезное и примѣненіе отдѣльныхъ вещей. Но отсюда до продолженія развитія и самосостоятельнаго творчества былъ еще большой шагъ. Только, когда они сами переселились въ рейнскія и дунайскія земли и здѣсь подчинили себѣ остатки римскаго населенія съ остатками его благосостоянія, когда они увидѣли за работой ремесленника и виноградаря, нашли пашню лучше обработанной, а домъ болѣе удобнымъ только тогда эти обломки культуры могли оказаться для нихъ благословенными и возбудить и ихъ къ подобнымъ же работамъ. Вѣдь, только теперь имѣли они также необходимый отдыхъ. Послѣ переселенія народовъ настало время сравнительнаго покоя; вѣчная борьба, стремленіе впередъ и нашествія пришли къ концу, и миръ вошелъ въ свои права. Отъ этого времени первыхъ поселеній въ римской области происходятъ многочисленныя заимствованныя слова, которыя перешли съ латинскаго на нѣмецкій языкъ еще до введенія христіанства. Съ пятаго до шестого вѣка продѣлываетъ нашъ верхненѣмецкій языкъ такъ называемую перестановку гласныхъ звуковъ; значитъ, всѣ слова, происходящія отъ латинскаго, въ которыхъ обнаруживается этотъ процессъ, должны были быть, такимъ образомъ, приняты до или втеченіи этого времени. Только мы, всетаки, не имѣемъ права выводить изъ каждаго изъ этихъ словъ заключеніе, что обозначаемая ими вещь тогда уже сдѣлалась достояніемъ всѣхъ и принадлежала культурной стадіи германскаго народа. Многіе германскіе термины камнестроенія, какъ кирпичъ, известь, стѣна, окошко, погребъ, кладовая, кафель, столбы, косяки, чердакъ и др., какъ доказано, взяты были въ это время изъ латинскаго языка. Знанію и названію этихъ вещей сначала выучились въ захваченныхъ римскихъ домахъ, и очень возможно, что примѣняли ихъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ при новыхъ постройкахъ, но объ общемъ введеніи камнестроенія все же еще долго не можетъ быть никакой рѣчи; ужъ если даже церкви еще въ девятомъ и десятомъ вѣкѣ почти всѣ построены изъ дерева, то тѣмъ болѣе дома! Другой примѣръ даетъ мельница. Германцы знали только ручную мельницу, по-готски quairnus, по древне-верхненѣмецки quirn, quern. Это былъ нехитрый снарядъ, въ которомъ хлѣбъ размалывался двумя приспособленными одинъ къ другому камнями. Когда же они потомъ познакомились съ римской водяной мельницей, они образовали изъ позднѣйшаго латинскаго слова molinae слово mulin, нынѣшнюю мельницу (Mühle). Но эта водяная мельница была очень искусной машиной, одной изъ немногихъ машинъ, которыя, вообще, знало средневѣковье. Ея постановка была настолько трудна, дорога, и требовала столь многихъ приготовленій, какъ запруда воды, пріобрѣтеніе правъ на воду, на землю и прочее, что она могла только мало-по-малу найти распространеніе, въ то время, какъ соотвѣтствующее слово давно уже образовалось и употреблялось. Ручная мельница, во всякомъ случаѣ, жила еще втеченіи столѣтій, и только потомъ была совершенно забыта вмѣстѣ съ названіемъ, Однако, его напоминаютъ еще Querner, Kerner, Körner, которыя, слѣдов., равнозначущи съ теперешнимъ «мельникомъ» (Müller) и названія мѣстъ, какъ Quirnbach, Querfurt, Körnbach и др. «Что цѣлыя мѣстности», говоритъ Арнольдъ [1]): «были названы по имени ручной мельницы Quirn, показываетъ опять-таки, что должны же были существовать мельницы и бо́льшихъ размѣровъ, причемъ попадались онѣ не въ каждомъ домѣ, даже и не въ каждомъ мѣстечкѣ, такъ-какъ иначе онѣ не могли бы дать никакого отличительнаго признака для своего обозначенія. Вѣроятно, позднѣе, онѣ настолько увеличились, что были перевозимы животными, въ то время, какъ на ряду съ ними оставались въ обиходѣ еще дома маленькія ручныя мельницы».

Но если слово часто возникаетъ быстрѣе, чѣмъ вещь успѣетъ пріобрѣсть себѣ права гражданства, то, все же, масса принятыхъ вплоть до VII вѣка заимствованныхъ словъ доказываетъ, какую громадную выгоду извлекла домашняя и хозяйственная жизнь германцевъ уже въ доисторическое время, благодаря римской культурѣ. Земледѣліе ихъ обогатилось новыми орудіями, каковы напр., серпъ, молотильный цѣпъ, wanne (житная вѣялка) и новыми сортами хлѣба, какъ полба, горохъ, укропъ. Ихъ погребъ наполнился виномъ, добываемымъ ими самими, садъ ихъ новыми овощными, зелеными и фруктовыми сортами, какъ чечевица, горохъ, капуста, горчица, тминъ, кервель (Chaerophyllum), вишня, сливы, айва, грецкіе орѣхи и т. д. Ремесло и домашняя работа пошли цѣлесообразнѣе съ пріобрѣтеніемъ лучшихъ орудій. Одежда становилась лучше, питаніе—разнообразнѣе, жилище—удобнѣе. Но съ умноженіемъ добра и улучшеніемъ орудій росло также и уваженіе передъ работой. Слишкомъ ужъ ясно чувствовалась ея польза, чтобы не порвать мало-по-малу съ старымъ воззрѣніемъ, которое въ дѣятельности земледѣльца и ремесленника усматривало

[1]) Wilhelm Arnold. Deutsche Urzeit. S. 237.

что-то просто безчестное и недостойное свободнаго человѣка. Такимъ образомъ, очевидно, что главное значеніе культурныхъ пріобрѣтеній было въ томъ, чтобы заключить чисто-военный періодъ въ жизни германскаго народа и сдѣлать его все болѣе воспріимчивымъ къ благословенной работѣ.

Духовная жизнь.

При испытаніи божественной воли, при ворожбѣ и гаданіи, опытный въ священныхъ обычаяхъ жрецъ бросалъ буковыя палочки на бѣлый платокъ. Каждая палочка имѣла *руну*, т. е. нацарапанный знакъ или рисунокъ, какъ символъ бога или вещи, наименованіе которыхъ носила руна. Руна и буковая палочка были, значитъ, одно и тоже. Только позднѣе, и не безъ римскаго вліянія, сдѣлались руны буквами въ нашемъ смыслѣ слова и были употреблены, какъ таковыя, прежде всего Ульфилой въ четвертомъ вѣкѣ. Первоначально-же, руны были таинственными и понятными только ученымъ значками, и еще теперь связываемъ мы со словомъ raunen, происходящимъ отъ Rune, понятіе таинственнаго. Изъ палочекъ, лежащихъ въ безпорядкѣ, жрецъ подымалъ нѣкоторыя наудачу, угадывалъ по нимъ божественную волю и объявлялъ ее въ какомъ нибудь изрѣченіи, которое содержало въ себѣ имена взятыхъ имъ рунъ. Изрѣченіе превратилось въ стихъ, а рунныя палочки въ стопы. Поэтическій секретъ этихъ стиховъ состоялъ въ подчеркиваніи важнаго при помощи словъ съ одинаковымъ начальнымъ звукомъ. Какъ руны стиха, такъ и главныя слова съ одинаковымъ начальнымъ звукомъ назывались штабиками. Такъ возникла штабная риѳма (Stabreim) или аллитерація, а съ ней—и древнѣйшая форма нашей поэзіи. И такъ какъ она возникла изъ обрядовъ, примѣнявшихся при сношеніяхъ съ божествомъ, то она сама служила также этому общенію. Древнѣйшими пѣснями были молитвы, хоры, которые пѣлись при пляскѣ толпы и подъ звуки трубъ, роговъ и арфъ во время жертвоприношенія, бракосочетаній или передъ битвой. Область поэзіи была всеобъемлющей. Поэзія сопровождаетъ всю жизнь германца, она сопутствуетъ ему при всѣхъ важныхъ дѣлахъ, при всѣхъ радостныхъ, всѣхъ горестныхъ обстоятельствахъ; вездѣ, гдѣ его желаніе и настроеніе требуютъ сильнаго выраженія, оно выливается въ поэтической формѣ. Не только молитвы и заклятія, волшебныя формулы и изрѣченія благости, но также всѣ юридическія формулы носятъ этотъ характеръ. Присяга и заклинаніе изгнанія говорились въ аллитерирующей формѣ. «Виновный долженъ быть изгнанъ въ чужіе края и такъ далеко, гдѣ только горитъ огонь и зеленѣетъ земля, дитя ходитъ за матерью, а мать рождаетъ дитя, гдѣ только ходитъ корабль, блеститъ щитъ, солнце растапливаетъ снѣгъ, гдѣ летаютъ птицы, растетъ сосна, ястребъ летитъ весь долгій весенній день и вѣтеръ стоитъ подъ его обоими крыльями, гдѣ только небо раскинулось сводомъ, стоитъ міръ, шумятъ вѣтры и воды вливаются въ море» [1]).

Ничто не выказываетъ болѣе высокопоэтическій характеръ этихъ юридическихъ формулъ, чѣмъ фризійское постановленіе о «трехъ нуждахъ», трехъ условіяхъ, при которыхъ мать имѣетъ право коснуться наслѣдства ребенка, потерявшаго отца. «Первая нужда, если ребенокъ взятъ въ плѣнъ и закованъ въ цѣпи къ сѣверу, за моремъ, или за горами, къ югу: тогда мать можетъ продать наслѣдство сына и освободить свое дитя, помочь ему этимъ спасти свою жизнь. Вторая нужда: если наступятъ тяжелые годы и жгучій голодъ гуляетъ по землѣ и ребенокъ долженъ умереть съ голоду: тогда мать можетъ продать его наслѣдство и купить ему изъ него корову и хлѣба, чтобы тѣмъ помочь его жизни, такъ какъ голодъ—самый острый изъ всѣхъ мечей. Третья нужда: если ребенокъ голъ или безпріютенъ, а пасмурная ночь и ледяная холодная зима шагаетъ через заборы, и всѣ люди спѣшатъ въ свой дворъ и свое жилище и даже дикій звѣрь ищетъ глухого лѣса или горныхъ лощинъ, чтобы коротать тамъ свою жизнь: тогда плачетъ безгласное дитя, и жалуется на свои обнаженные члены и сѣтуетъ, что у него нѣтъ пристанища, что его отецъ, который долженъ былъ-бы ему помочь противъ холодной зимы и жгучаго голода, спитъ такъ глубоко въ потемкахъ, подъ землей и дубовымъ деревомъ, закрытый и покрытый четырмя досками: тогда мать можетъ взять наслѣдство ребенка и продать».

Но истиннымъ полемъ поэзіи все-таки была героическая пѣсня. Уже Тацитъ сообщаетъ о пѣсняхъ въ честь Германа-освободителя, и навѣрно, было въ обращеніи порядочное количество подобныхъ героическихъ пѣсенъ, если посмотрѣть на періодъ времени до шестого вѣка. Но до насъ дошелъ лишь отрывокъ Гильдебрандовской Пѣсни, да англосаксонскій Беовульфъ. Такимъ образомъ, наше знаніе, въ сущности, ограничивается во всѣхъ отношеніяхъ могучимъ дѣйствіемъ, которое эти пѣсни могли оказывать еще въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкѣ и которому мы обязаны большими народными сагами того времени, какъ напр., пѣсней о Нибелунгахъ. На основаніи этого вліянія Вильгельмъ Шереръ прямо заключилъ, что первая молодость германской нашей поэзіи относится къ 600-мъ годамъ. Развѣ можно», говоритъ онъ: «дать болѣе сильное доказательство творческой силы слова, какъ то, если поэтическіе образы продолжаютъ жить безъ письменной записи и все-таки неизмѣнившимися въ своихъ основныхъ чертахъ,—даже, если они кажутся исчезнувшими на долгое время,—чтобы послѣ опять возродиться и снова завоевать сердце народа?» Поэтому, если мы въ правѣ заключать отъ тѣла и духа этого эпоса къ содержанію его великихъ прообразовъ, то прежде всего мы распознаемъ мощную историческую подкладку, на которой проходитъ и отражается судьба героевъ и ихъ мужей. Правда, за это и названы эти пѣсни поэтическимъ осадкомъ переселенія народовъ; но, все же, историческій интересъ въ нихъ—побочный. Важнѣе—сами герои, ихъ поступки, ихъ натура, ихъ вѣрность и невѣрность; и вотъ, тогда-то мы и увидимъ, что ихъ надо понимать, какъ носителей народныхъ идеаловъ, всего нравственнаго и религіознаго міра ихъ времени. Они были то привлекающими, то отталкивающими прообразами добра и зла, ненависти и любви и всѣхъ сильныхъ волненій людской души. Ихъ дѣла и страданія заполняли всѣ сердца, и поэтому-то стали они безсмертными вмѣстѣ съ самыми пѣснями.

Собственно-религіозный элементъ этой древнеязыческой поэзіи, ко-

[1]) Wilhelm Scherer. Geschichte der deutschen Litteratur. S. 16.

нечно, долженъ былъ потерять въ христіанской переработкѣ свое значеніе и прежнюю силу. Но онъ не исчезъ совершенно, и осталось отъ него все же довольно (хотя и въ блѣдномъ и трудно понимаемомъ видѣ), чтобы современныя ученыя изслѣдованія были въ состояніи возстановить его въ его основныхъ чертахъ и, напримѣръ, доказать, что въ основѣ Зигфридовой саги лежатъ древнѣйшія миѳическія представленія о борьбѣ свѣта со тьмой. Зигфридъ—это лучезарный богъ неба, убивающій дракона-ночь, пробуждающій спящую на небесныхъ высотахъ въ мерцающемъ отблескѣ утренней зари Брунгильду-солнце и поглощаемый затѣмъ снова вечеромъ силами мрака [1]).

Здѣсь мы только что коснулись религіозныхъ воззрѣній доисторическаго періода. Онѣ покоятся на обожаніи природы и тянутся въ своихъ основаніяхъ далеко въ индогерманскую древность. Смѣна свѣта и тьмы, лѣта и зимы, жизни и смерти, наполняла сердца германцевъ живымъ сознаніемъ зависимости человѣческой судьбы отъ таинственно дѣйствующихъ силъ природы. Ихъ вѣра населяла небо и землю сверхъестественными существами, гнѣвъ которыхъ надо было искупать, а благосклонности добиваться, чтобы стать и остаться счастливымъ [2]). Три главныя божества ихъ, Ziu, Wodan и Thor, были воплощеніями неба или же такихъ силъ, происхожденіе и дѣйствіе которыхъ казались пространственно связанными съ небомъ. Ціу—это древне-арійскій богъ неба, который уже своимъ именемъ позволяетъ угадать родство его съ греческимъ Зевсомъ и римскимъ Юпитеромъ. Воданъ—богъ вѣющаго вѣтра и всепроникающаго воздуха, вмѣстѣ съ тѣмъ богъ мертвыхъ, который переноситъ въ вихрѣ души усопшихъ и еще понынѣ живетъ въ фантазіи народа, какъ патронъ дикой охоты. Другую сторону небесныхъ силъ представляетъ братъ его Торъ, когда онъ съ громомъ и трескомъ ѣздитъ по облакамъ и кидаетъ внизъ трепетную молнію, символомъ которой является молотъ, никогда не дающій промаха и постоянно возвращающійся вновь въ руки бога. При томъ выдающемся значеніи, которое пріобрѣла война въ жизни германцевъ, конечно, не могло обойтись безъ того, чтобы боги эти не оказались прежде всего богами войны. Какъ таковымъ, въ жертву имъ приносили также людей, и надъ льющейся кровью сѣдоволосыя, одѣтыя въ бѣлое, жрицы произносили предсказанія объ исходѣ войны. Каждый изъ этихъ боговъ имѣлъ также свой особенный культъ. Къ священной рощѣ Ціу, напр., люди, точно плѣнники, могли приближаться лишь связанными, а у хаттовъ молодые люди носили желѣзныя кольца до тѣхъ поръ, пока не освобождались отъ рабства страшнаго бога войны убійствомъ перваго непріятеля. Каждый богъ имѣлъ также своихъ особенныхъ священныхъ животныхъ, горы, деревья, недѣльные дни и, прежде всего, свой отдѣльный кругъ народностей, которыя посвящали себя, соединяясь на собранія культа, его служенію преимущественно, если только не исключительно. Ціу былъ главнымъ богомъ народовъ семнонской и свевской вѣтви, Тору молились германцы Сѣвера, Водану—племена Запада.

[1]) Объясненіе крайне натянутое. Во всякомъ случаѣ, къ этимъ космическимъ миѳамъ тѣсно примѣшивались этнографическія и бытовыя черты. *Ред.*
[2]) Karl Lamprecht. Deutsche Geschichte. I. 189.

Но это различіе—отнюдь не строгое. Особенно, почитаніе Водана распространилось и у всѣхъ прочихъ народовъ, исключая свевовъ. Можетъ быть, произошло это подъ вліяніемъ болѣе высокой культуры Запада. Во всякомъ случаѣ, Воданъ является носителемъ всякой культуры, онъ всевѣдущъ, опытенъ въ рунахъ, живителенъ и всемогущъ. Вообще, боги позднѣйшаго времени уже не являются больше только олицетвореніями силъ природы, имъ прибавлены также этическія свойства и духовныя силы, они—носители и охранители благородныхъ благъ и полезныхъ искусствъ и знаній. Такъ, Торъ становится скоро богомъ земледѣлія, такъ какъ онъ оплодотворяетъ землю своимъ грозовымъ дождемъ.

Мы не будемъ перечислять массу прочихъ боговъ, богинь и демоническихъ существъ, которыми населяли каждый ручей, каждое дерево. Важнѣе другія воззрѣнія. Боги и богини находятся въ постоянной борьбѣ съ гигантами и драконами, воплощеніями мрачныхъ подземныхъ силъ, угрожающихъ истребить всякую цвѣтущую жизнь. Борьба заключается, наконецъ, всемірнымъ пожаромъ, muspilli, погибелью всего существующаго. Сѣверная миѳологія, которая удерживала свою самостоятельность передъ христіанствомъ еще цѣлымъ пятисотлѣтіемъ дольше общегерманской, могла, поэтому, развить дальше также и этотъ кругъ идей. По ея представленіямъ эта погибель—вовсе не погибель навѣки, но изъ хаоса «поднимется новое небо и новая земля, гдѣ будутъ царствовать блаженные боги надъ блаженными-же людьми, которые не будутъ жаждать золота и убивать другъ-друга изъ-за жадности, такъ-какъ утренняя роса будетъ ихъ трапезой».

Если мы разсмотримъ общую картину германской религіи, то она явится намъ политеизмомъ, который, именно, вслѣдствіе запутаннаго множества своихъ боговъ очень легко могъ обратиться въ свою противоположность.

Да въ сѣверной миѳологіи первый шагъ къ этому былъ уже сдѣланъ. Боги не являются уже здѣсь болѣе обладающими всемогуществомъ, но мыслятся зависимыми отъ высшей силы судьбы, таинственно витающей надъ ними. Итакъ, если германская религія обладала уже въ самой себѣ только незначительной силой сопротивленія противъ возможнаго натиска монотеистическаго ученія, то, съ другой стороны, она могла ожидать лишь небольшой поддержки, такъ какъ для того, чтобы выступить энергично для ея охраны, ни германское государство не чувствовало необходимаго для этого призванія, ни германское жречество не обладало необходимой для этого силой. Были, конечно, жрецы, и они имѣли назначеніе въ качествѣ знающихъ руны блюстителей священныхъ обычаевъ, посредничать между народомъ и божествомъ; но каждая отдѣльная личность, при исполненіи богослужебныхъ дѣйствій, не была непремѣнно связана жреческимъ посредничествомъ. Вслѣдствіе этого не было ни замкнутаго могущественнаго жреческаго сословія, ни, вообще, чего-нибудь такого, что могло бы быть названо церковнымъ распорядкомъ. Безъ устоевъ внутри, безъ защиты извнѣ, германское язычество должно было, поэтому, рано или поздно стать добычей христіанства.

Знакомство съ христіанствомъ относится, конечно, уже ко второму вѣку, такъ-какъ немыслимо, чтобы между безчисленными римскими воен-

поплѣнными, напр., въ маркоманскія войны, не было-бы тысячъ вѣрныхъ послѣдователей новаго ученія. Но принятіе его готами послѣдовало, все же, лишь въ четвертомъ вѣкѣ, т. е. въ то время, когда христіанство не было больше исповѣданіемъ только низшихъ сословій римской имперіи, но уже религіей государственной. А это должно было обусловить значительное различіе въ оцѣнкѣ его со стороны германцевъ. Ученіе, снабженное штемпелемъ римской имперіи, уже заранѣе принимали съ подобающимъ уваженіемъ, какъ одинъ изъ тѣхъ подарковъ, который долженъ сдѣлать культурный народъ некультурному, принимали, конечно, не подозрѣвая, что этотъ подарокъ—важнѣйшій изъ всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ можно видѣть въ принятіи христіанства одно изъ дѣйствій романизирующаго процесса, которому болѣе или менѣе подчинены всѣ германцы. Однако, принятіе это не было исключительно политическимъ актомъ, чисто внѣшнимъ дѣломъ, которому не говорили ни сердце, ни вѣра. Что это хоть у готовъ, было такъ, за то ручается уже хотя-бы великая личность ихъ апостола Ульфилы. Онъ былъ истиннымъ христіаниномъ, въ полномъ смыслѣ слова,—натурой, глубоко внутренне-озаренной. Онъ съумѣлъ при помощи лишь примѣра и проповѣди совершенно преобразить жизнь дикихъ воителей, и его мирное вліяніе оказалось, въ концѣ концовъ, столь великимъ, что предводители стали бояться за боевую энергію своего народа. Ульфила долженъ былъ, поэтому, оставить родину, и обратился съ частью своего народа къ южнымъ склонамъ Балкановъ, гдѣ приверженцы его жили 200 годами позднѣе въ качествѣ мирнаго пастушьяго народа. Его вліяніе выходило далеко за предѣлы узкихъ общинъ. Своимъ переводомъ Библіи на готскій языкъ и тѣмъ, что сочинилъ самъ и побудилъ другихъ написать извѣстное количество сочиненій на этомъ языкѣ, создалъ онъ для своего народа письменный языкъ и начало теологической германской литературы. Къ внѣшнему исповѣданію присоединилъ онъ для нихъ этимъ духъ христіанства и создалъ возможность возникновенія германской національной церкви. Въ молодости Ульфилы борьба между Аріемъ и Анастасіемъ не была еще рѣшена. Ульфила, а черезъ него готы, вандалы, бургунды и т. д. принадлежали къ направленію Арія. Въ этомъ была и выгода, и невыгода. Религіозный антагонизмъ, въ которомъ они стояли къ католицизму римскаго міра, долженъ былъ освободить ихъ духовно отъ Рима и рано указать на необходимость самостоятельнаго развитія въ области государства и церкви. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать, что громадныя трудности, съ которыми во всѣхъ отношеніяхъ должны были бороться молодыя германскія государства, еще больше умножились, благодаря этому антагонизму. Правда, между причинами быстраго паденія этихъ царствъ никогда нельзя будетъ назвать на первомъ мѣстѣ различіе исповѣданія, но оно, во всякомъ случаѣ, также дѣйствовало. Аріанство было продуктомъ теологическаго образованія четвертаго вѣка и должно было исчезнуть, послѣ того, какъ была выполнена его задача, содѣйствовать очищенію ученія. Какъ позже вестготы, бургунды и лангобарды смѣнили его на католицизмъ, такъ точно сдѣлали-бы это также остготы и вандалы, если-бы царства ихъ могли вообще просуществовать дольше.

Великое переселеніе народовъ.

«Это огромный народъ», пишетъ Амміанъ Марцеллинъ объ алеманнахъ, «съ перваго его прихода ослабляютъ его всѣми возможными пораженіями, но такъ неистово подрастаетъ все новое поколѣніе, что можно подумать, будто они въ теченіе столѣтій не подвергались никакимъ нападеніямъ». Тоже говоритъ онъ и о бургундахъ; и тоже говоритъ Назарій (около 320 года) о франкахъ; тоже подразумѣваетъ и Павелъ Діаконъ, когда онъ выводитъ названіе германцевъ отъ слова germinare (пускать ростки). Это вѣрно для всѣхъ германцевъ, и въ этой-то ихъ огромной плодовитости и приростѣ населенія лежитъ послѣдняя причина такъ-называемаго Великаго Переселенія. Голодъ—вотъ его настоящій двигательный мотивъ. Люди и народы растутъ быстрѣе и многочисленнѣе, чѣмъ сколько культура ихъ можетъ дать средства для ихъ пропитанія.

Въ первые вѣка доисторическаго времени римскіе пограничные валы на Рейнѣ и Дунаѣ противопоставили непреодолимое препятствіе къ стремленію распространенію западныхъ германцевъ, принудили дикій народъ къ осѣдлой жизни и болѣе дѣятельнымъ занятіямъ земледѣліемъ. Но потомъ опять наступила старая нужда, и чтобы избавиться отъ нея въ предѣлахъ старыхъ границъ, потребовался-бы дальнѣйшій прогрессъ культуры, еще болѣе интенсивное земледѣліе, еще болѣе дѣятельная расчистка чащи. Обнако, тѣмъ не менѣе можно было ожидать, что крѣпость римской централизаціи поколебалась уже съ третьяго вѣка, и у самихъ германцевъ выростали все большія средства къ нападенію, благодаря все увеличивающемуся числу населенія. Поэтому, вмѣсто того, чтобы трудной рабской работой извлекать изъ земли все больше и больше плодовъ, чтобы можно было остаться дома въ нуждѣ и дома же умереть голодною смертью, они предпочли дать своимъ голодающимъ массамъ на пути завоеваній тѣ средства пропитанія, добывать которыя мирной работой не соотвѣтствовало ни ихъ культурному состоянію, ни ихъ наклонностямъ.

Но не отъ западныхъ германцевъ исходило возобновленіе римскихъ войнъ. Извѣстно, что въ половинѣ второго столѣтія готы, вандалы, а за ними еще и другіе народы покинули свои мѣста между Балтійскимъ моремъ, Вислой и Эльбой и отошли къ Черному морю. Во время этого похода, направленнаго на юго-востокъ, они прогнали помѣщающихся къ сѣверу отъ средняго Дуная маркоманновъ, квадовъ, а также славянскіе народы на римскую границу и подали поводъ, хотя и косвенно, къ Маркоманнской войнѣ; она была прообразомъ послѣдующихъ войнъ и окончилась послѣ шестнадцатилѣтней продолжительности безъ опредѣленнаго результата. Готы, между тѣмъ, достигли сѣвернаго берега Чернаго моря, послѣ болѣе, чѣмъ пятидесятилѣтняго блужданья, сраженій и короткаго покоя. Отсюда распространились они по широкимъ равнинамъ нынѣшней Россіи, наводнили римскую Азію и Европу своими разбойничьими набѣгами и нагнали на морѣ такой же страхъ, какъ и на сушѣ. Въ 263 г. сожгли они храмъ Артемиды Ефесской, въ 267 г.—Коринѳъ, Аргосъ и Спарту, въ 269 году оставили они на *одномъ* полѣ битвы пятьдесятъ тысячъ убитыхъ. Императоръ Клавдій пишетъ про это сра-

женіе: мы уничтожили 320,000 готовъ и пустили ко дну 20,000 кораблей. Пусть даже это преувеличено ради славы, но все же даетъ представленіе объ ужасныхъ потеряхъ, которыя, обыкновенно, приходилось переносить германцамъ во время подобныхъ походовъ. И, все же, онѣ не помѣшали тому, чтобы въ 275 году храбрый Авреліанъ долженъ былъ отдать готамъ и другимъ германцамъ Дакію (Седмиградію и Румынію). Не помогло также и то, что Діоклетіанъ (284—305) раздѣлилъ Имперію и устроилъ свое управленіе собразно съ потребностью защита. Имперія уже не могла болѣе выдѣлять изъ собственнаго населенія воиновъ, необходимыхъ для защиты необъятныхъ границъ и сама собою должна была обратиться къ помощи германцевъ. А со времени переустройства войска Константиномъ (323—337), потекли они все въ большемъ числѣ въ легіоны и сумѣли сдѣлать свои военные таланты необходимыми во всѣхъ должностяхъ, вплоть до высшихъ, и во всякомъ родѣ оружія, вплоть до службы въ инженерномъ дѣлѣ. Къ этому присоединилось и то, что много тысячъ германцевъ, больше всего въ пограничныхъ провинціяхъ, было поселено различными императорами въ качествѣ земледѣльцевъ, а въ пятомъ вѣкѣ защита цѣлыхъ провинцій, да даже втеченіи нѣкотораго времени и всей имперіи, зависѣла исключительно еще отъ талантовъ и доброй воли такихъ германскихъ предводителей, какъ Арбогастъ, Рицимеръ, Стилихонъ и Одоакръ. Такимъ образомъ, если не погибель, то, все же, постепенное варваризированіе имперіи было уже съ начала третьяго вѣка несомнѣнно грозящей опасностью.

Начало конца принесъ съ собою 375-ый годъ. Азіатскіе гунны подчинили остготовъ и оттѣснили вестготовъ къ Дунаю. Съ разрѣшенія римлянъ эти послѣдніе перешли безоружными рѣку. Но когда имъ не былъ доставленъ обѣщанный хлѣбъ, они добыли себѣ оружіе и побѣдили императора Валента при Адріанополѣ (378 г.). Укрощенные на нѣкоторое время великимъ императоромъ Ѳеодосіемъ, попытались они послѣ его смерти вторгнуться въ Италію. Но вандалъ Стилихонъ, министръ императора Гонорія, храбро и искусно заградилъ имъ доступъ. Однако, и черезъ Альпы пробился сбродъ различныхъ народовъ. Британія и рейнскія страны должны были отдать свои гарнизоны, чтобы защитить материнскую землю. Въ то время, какъ Италія была еще разъ спасена Стилихономъ, саксы и англы обрушились около середины вѣка на беззащитную Британію, вандалы и аланы съ другими толпами прорвались черезъ Рейнъ, втеченіи трехъ лѣтъ опустошили Галлію и отступили потомъ къ Испаніи (406—408). Между тѣмъ, Стилихонъ палъ жертвой зависти римскихъ придворныхъ, готы прошли Италію, сожглидва раза Римъ и тщетно пытались овладѣть Африкой. Похоронивъ на возвратномъ пути своего героя-короля Алариха въ Бузенто, Атаульфъ повелъ народъ, жаждущій земли и родины, дальше къ юго-западной Галліи. Здѣсь только нашли они то, чего искали, а именно, были расквартированы между гражданами подъ видомъ наемнаго войска и обязались за римскій хлѣбъ сражаться на римскихъ поляхъ. Но это была лишь переходная ступень; они стали скоро настоящими господами страны (419 г.), хотя формально все еще признавалась верховная власть короля.

Спустя десять лѣтъ, Африка стала добычей удаляющихся изъ Испа-

ніи вандаловъ и алановъ; въ 439 г. завоевали они Карѳагенъ, и слѣдующія десятилѣтія видѣли ихъ смѣлыми мореплавателями и бичемъ италійскихъ береговъ.

Потомъ, около половины вѣка, гроза гуннскаго войска подъ предводительствомъ Аттилы пронеслась надъ Галліей; отбитые у Тура соединенными силами римлянъ и вестготовъ, обратились они въ слѣдующемъ году на Испанію. Но и здѣсь также Аттила долженъ былъ отступить безъ успѣха; вскорѣ затѣмъ онъ и умеръ, а его имперія распалась. Если и теперь еще Италія была спасена, то убійство Аэція лишило имперію ея послѣдняго великаго защитника. Въ 476 году герулъ Одоакръ свергъ послѣдняго римскаго призрачнаго императора и заставилъ сдѣлать самого себя королемъ Италіи. Внѣшнимъ образомъ, однако, еще и онъ признавалъ высшую власть Восточной Римской Имперіи; на дѣлѣ же Италія была германскимъ завоеваніемъ, и сдѣлалась имъ еще болѣе, благодаря остготскому королю Теодериху, который прогналъ Одоакра въ 493 году.

Такимъ образомъ, восточные германцы втеченіи одного вѣка овладѣли почти всѣми частями западно-римской имперіи. Однако, скоро оказалось, что они были совершенно не въ состояніи оборонить чистоту и силу своей народности отъ многочисленныхъ опасностей римскаго культурнаго міра. Германскій воинъ, освободившійся отъ условій, на которыхъ основывалась на его родинѣ его хозяйственная и политическая свобода, долженъ былъ теперь, вдругъ богато снабженный землею, хозяйничать на себя и войти въ мирное соперничество съ покоренными римлянами, и это тотъ германскій воинъ, которому земледѣліе было знакомо лишь въ грубой формѣ общинной обработки. Это уже a priori было безнадежное начинаніе. Сюда присоединилось и то, что обыкновенно не приходили въ какую-нибудь область компактными массами, а селились разбросанно по всей странѣ и этимъ самымъ отдѣльныя личности отдавались всецѣло вліянію римской культуры. Только великій вандалъ Гейзерихъ предвидѣлъ опасность разбросанныхъ поселеній и удержалъ свой народъ въ предѣлахъ ограниченной области. Но и онъ не могъ охранить непорочную силу своихъ вандаловъ ни отъ разнѣживающаго дѣйствія африканскаго солнца, ни отъ соблазновъ пышныхъ нравовъ и внезапнаго богатства, а разъ она была потеряна,—пропало лучшее наслѣдіе ихъ народности.

Да и вообще, какимъ образомъ могли бы отъ одного до двухъ милліоновъ восточныхъ германцевъ (такъ-какъ ихъ было не больше) господствовать продолжительное время надъ въ десять или двѣнадцать разъ большимъ числомъ римскихъ провинціаловъ, если не чрезъ посредство самаго широкаго примѣненія своихъ господскихъ правъ? Они покорили бы и подчинили культуру и религію римлянъ, они одни остались бы полноправнымъ народомъ, тогда какъ другіе должны были бы стать безправными рабами. Но уваженіе передъ римской имперіей и ея культурой коренилось у этихъ же самыхъ германцевъ слишкомъ глубоко, чтобы они могли хоть когда-нибудь вздумать править по турецкому способу. Послѣдствіемъ однако, было то, что каждый шагъ, который приближалъ ихъ къ культурѣ, которой они удивлялись, стоилъ имъ частички ихъ народности и ускорялъ неудержимый процессъ романизированія. И безъ оружія восточно-римскаго императора Юстиніана, который разрушилъ (533 и 553 г.)

царства остготовъ и вандаловъ, германская народность въ нихъ, все же, погибла-бы. Ни франки во внутренней Галліи, ни лангобарды, ни другой какой-нибудь изъ народовъ, которые заняли староримскую культурную землю съ преобладающимъ римскимъ населеніемъ, не могли долго удержать свою національность. Необходимое примиреніе между римской культурой и германскимъ варварствомъ было возможно только при посредствѣ тяжкихъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Римляне были германизированы не только благодаря значительному притоку свѣжей германской крови, но также чрезъ посредство массы представленій германскаго умственнаго міра и чрезъ принятіе важныхъ учрежденій германской государственной жизни. Новое положеніе, проистекшее отъ соединенія обоихъ народовъ, покоилось, во всѣхъ главныхъ пунктахъ въ государственныхъ, военныхъ и правовыхъ понятіяхъ, равно какъ и въ распорядкѣ общественной и хозяйственной жизни, существенно, чтобы не сказать исключительно, на германскихъ основаніяхъ. Германцы, съ своей стороны, были романизированы постепеннымъ сближеніемъ съ римлянами, превосходившими ихъ числомъ въ десять разъ, потерей своего языка и своей національности. Только такимъ образомъ могла быть добыта почва для совмѣстной культурной работы чистыхъ германцевъ и новыхъ римлянъ во франкскомъ государствѣ и въ римской церкви.

Съ чисто внѣшней точки зрѣнія явленіе великаго переселенія народовъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ огромной потерей для германцевъ. Та широкая полоса земли между Балтійскимъ и Чернымъ моремъ, которая обнимаетъ большую часть нынѣшней Россіи и Австро-Венгріи, была потеряна отступленіемъ восточныхъ германцевъ въ пользу славянскихъ и другихъ иноплеменныхъ народовъ. Единственное, съ пространственной точки зрѣнія, однако, очень скудное, замѣщеніе этого представляли завоеванія, которыя сдѣлали западные германцы въ Британіи и мѣстностяхъ по обѣ стороны Рейна и верхняго Дуная и въ альпійскихъ долинахъ. Они, значитъ, извлекли политическую выгоду изъ боевыхъ результатовъ своихъ восточно-германскихъ братьевъ.

Въ высшей степени замѣчателенъ также и совершенно различный способъ странствованія обѣихъ народныхъ группъ. Восточные германцы покинули свои старыя мѣста на всегда. Положеніе номадовъ, въ которомъ они находились еще передъ переселеніемъ, облегчило имъ возможность поступиться землями, въ которыхъ они не успѣли еще акклиматизироваться, гдѣ ничто не могло ихъ привязывать. Гонимые голодомъ, обходятъ они въ поискахъ земли южные полуострова Европы и проникаютъ вплоть до сицилійскаго пролива, даже до сѣвернаго края Сахары. Совершѣнно иное дѣло ихъ западные братья. Привыкнувъ уже къ осѣдлой жизни, они вообще не выселяются такъ, какъ тѣ. Они удерживаютъ свои первоначальныя поселенія и расширяютъ свои границы лишь медленно и на сравнительно небольшія пространства на югъ, западъ и сѣверъ. Оставаясь въ постоянномъ общеніи съ оставленными позади своими земляками, заполняютъ они своими массами завоеванную и очищенную отъ всѣхъ иноплеменныхъ элементовъ страну, чтобы жить въ ней по образу родины.

Это передвиженіе западныхъ германцевъ сопровождалось въ высшей степени значительными измѣненіями въ ихъ внутреннемъ строѣ. Очень

скоро по возобновленіи римскихъ войнъ должна была почувствоваться потребность въ большихъ политическихъ военныхъ организаціяхъ. Маленькая народность, въ которой отражалась политическая жизнь первобытнаго времени, никакъ не могла удовлетворить задачамъ, которыя наложила-бы на нее тяжелая борьба съ римской военной монархіей. Такимъ образомъ было естественно, что народы, связанные сосѣдствомъ и кровнымъ родствомъ, сходились теперь для совмѣстныхъ дѣйствій; сначала, правда, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, потомъ же все чаще и продолжительнѣе, пока, наконецъ, не выросли они до политическихъ единицъ, т. е. тѣхъ племенъ, изъ которыхъ, столѣтіями позже, возникло единство нѣмецкаго народа. Съ внѣшней стороны это движеніе узнается прежде всего потому, что имена многихъ маленькихъ народностей, которыхъ Тацитъ насчитывалъ до полусотни, исчезаютъ и замѣщаются именами алеманновъ, франковъ, саксовъ, тюринговъ и баварцевъ.

Алеманны, упоминаемые впервые въ 213 году, сидѣли первоначально въ нынѣшнемъ Бранденбургѣ, гдѣ находилась ихъ роща, посвященная Ціу, къ которому они могли приближаться лишь связанными. Именно за ихъ особенное почитаніе Ціу, сосѣди называли ихъ то ціувари (люди Ціу), то алеманнами (людьми святилища, alah), то семнонами, что означаетъ связанный. Сами они называли себя то по народности, къ которой каждый принадлежалъ, то общимъ названіемъ швабы. Съ своихъ мѣстъ между Эльбой и Одеромъ двинулись они при многообразныхъ стычкахъ и битвахъ съ гермундурами, бургундами и другими народами на границу Десятинной земли, того крайняго пункта римской культурной области на лѣвомъ дунайскомъ и правомъ рейнскомъ берегахъ, который охватываетъ большую часть нынѣшняго Вюртемберга и Бадена. Они состояли изъ десяти до двадцати народностей, каждая подъ начальствомъ собственныхъ королей, нѣкоторые же также и съ своими собственными политическими интересами, которые они преслѣдовали отдѣльно отъ другихъ или въ противность имъ. Самыми могущественными и многочисленными были ютунги, которые выставили однажды римлянамъ вспомогательное войско въ 80.000 человѣкъ. Во второй половинѣ третьяго вѣка алеманны вновь прошли Десятинную Область, раззоривъ Галлію и Италію, такъ что заставили бояться даже за Римъ. Съ половины четвертаго вѣка стали они твердой ногой также въ Эльзасѣ, и даже ужасное пораженіе, которое понесли они при Страсбургѣ отъ Юліана (357 г.) немного измѣнило положеніе дѣлъ. Послѣ войнъ съ Юліаномъ обратились они на нѣкоторое время на сѣверъ до Веттерау и въ нассаусскую область. На лѣвомъ берегу Рейна протѣснились они до Кобленца, Кельна и Аахена. Но они потеряли вновь эти области въ пользу франковъ. Съ такъ называемой битвы при Цюльтихѣ (496?) они являются ограниченными тѣми областями, которыми еще понынѣ обладаютъ въ Эльзасѣ, Базенѣ, Вюртембергѣ и Швейцаріи. Въ битвѣ при Страсбургѣ, въ которой, однако, принимала участіе лишь одна треть народа, сражались они еще съ семью королями, сотню лѣтъ позже всѣ они стояли уже подъ *однимъ* герцогомъ, и такимъ образомъ закончили развитіе племеннаго единства.

Франкское государство Меровинговъ.

Франки также распадались на нѣсколько группъ. Салии заняли, начиная съ третьяго по пятое столѣтіе, изъ своихъ племенныхъ земель на правомъ берегу Нижняго Рейна, мало-по-малу нынѣшнюю бельгійскую и французскую равнину отъ Шельды и Мааса до и Соммы. На юго-востокъ отъ нихъ, по обѣ стороны Рейна до Тавна и Эйфеля, сидѣли береговые франки, а къ нимъ примыкали съ юга, по Рейну и по равнинѣ Мозеля и Nahethal'ю вверхъ до лотарингской возвышенности, гессійскіе франки. Каждая изъ этихъ главныхъ частей снова распадалась на многихъ народцевъ, которые жили между собою то въ союзѣ союзѣ, то въ распряхъ. Но вотъ, въ 481 году королемъ одной части салическихъ франковъ сдѣлался Хлодвигъ. Онъ былъ сыномъ короля Хильдериха и былъ въ возрастѣ лишь пятнадцати лѣтъ. Прошло пять лѣтъ, и онъ уже побилъ римскаго намѣстника Сіагрія при Суассонѣ.

Этимъ былъ уничтоженъ послѣдній остатокъ римскаго владычества въ Галліи; государства франковъ, вестготовъ, бургундовъ и алеманновъ тѣсно скучивались другъ подлѣ друга, и должно было рѣшиться, которое изъ нихъ было сильнѣйшимъ. Алеманны и франки были язычниками, бургунды и вестготы аріанами, римское населеніе во всей Галліи—католическимъ и далеко превосходило германцевъ по численности и образованности. Легко было видѣть, что аріанство было только помѣхой для покоренія римскаго населенія и вообще, не имѣло никакой будущности. И въ самомъ дѣлѣ, бургундскіе и готскіе короли растратили значительную часть своихъ силъ въ распряхъ съ неуступчивыми католическими епископами ихъ странъ.

Бургундская королевская фамилія отчасти уже перешла въ католицизмъ и самъ Хлодвигъ былъ женатъ на бургундской принцессѣ этого вѣроисповѣданія. При подобныхъ обстоятельствахъ переходъ въ католичество могъ для него явиться вопросомъ. Но какъ внѣшне и грубо думалъ онъ объ этомъ, показываетъ лучше всего молитва, въ которой онъ молилъ о помощи христіанскаго Бога въ тяжелой битвѣ съ алеманнами при Цюльпихѣ: «Іисусъ Христосъ... я склоняюсь передъ Тобою и прошу Твоей помощи. Если Ты поможешь мнѣ побѣдить этихъ враговъ, и если я такимъ образомъ узнаю самъ, что Ты силенъ, то я крещусь Твоимъ именемъ. Я призывалъ моихъ боговъ, но они остаются далеко. И я вѣрю поэтому, что они не имѣютъ никакой силы, и взываю къ Тебѣ и *хочу вѣрить въ Тебя, но только, если Ты спасешь меня отъ этихъ враговъ*».

Христіанство его не исправило, онъ остался тѣмъ-же грубымъ варваромъ, которымъ и былъ, и продолжалъ убійства послѣ, какъ и раньше. Отвратительныя убійства, посредствомъ которыхъ онъ устранилъ королей другихъ франкскихъ государствъ, случились почти всѣ уже послѣ его обращенія. Но какъ ни были презрѣнны его средства, все же ими былъ достигнутъ великій результатъ: Хлодвигъ соединилъ подъ своей властью всѣхъ франковъ и обезпечилъ этимъ связь своихъ западныхъ завоеваній съ германскимъ Востокомъ.

Побѣда надъ аллеманами изгнала ихъ не только изъ франкскихъ областей на среднемъ Рейнѣ, но и отняла у нихъ всякое желаніе стремиться въ Галлію. Рѣшительный моментъ палъ здѣсь на 507 годъ въ области Пуатье. Хлодвигъ побѣдилъ вестготовъ и расширилъ свои границы отъ Луары до Гаронны. Полное изгнаніе вестготовъ изъ Галліи было на время замедлено остготскимъ королемъ Теодерихомъ.

Четверо сыновей Хлодвига, между которыми онъ раздѣлилъ свое царство, не нарушая, однако, его единства, продолжали съ успѣхомъ завоеванія своего отца. Съ помощью саксовъ разрушили они государство тюринговъ, которое простиралось отъ Гарца и Унштрута до Дуная при Регенсбургѣ. Также и племя баварцевъ, которое, будучи смѣшано изъ многихъ германскихъ народныхъ осколковъ (маркомановъ, квадовъ и другихъ), вступило около 520 года въ область между Инномъ, Лехомъ, Дунаемъ и Альпами, оказалось спустя нѣсколько десятилѣтій въ первоначальной зависимости отъ франковъ. Послѣ того, какъ въ 533 году государство бургундовъ было разрушено, а за нимъ были пріобрѣтены послѣднія вестготскія области и кельтская Бретань, основаніе франкскаго государства было въ главныхъ чертахъ закончено.

По смерти Лотаря I, который еще разъ, отъ 558—561 г., объединилъ государство, обыкновенно, различаютъ три главныя части его: Австразію (вост. землю) съ Реймсомъ и Мецемъ, Нейстрію (зап. страну) съ Суассономъ и Парижемъ и Бургундію съ Орлеаномъ. Положеніе только что названныхъ городовъ, возлѣ которыхъ, но не въ которыхъ короли обыкновенно располагали свое мѣстопребываніе, показываетъ, что три царства столкнулись въ серединѣ Галліи и каждое занимало кусокъ земли, когда-то отнятой Хлодвигомъ у Сіагрія. Въ этихъ областяхъ съ сильно смѣшаннымъ германо-римскимъ населеніемъ лежалъ тогда центръ тяжести государства, въ то время, какъ чисто германскія и чисто романскія земли, въ особенности Гасконь и кельтская Бретань, отошли на задній планъ. Національныя противоположности еще не возникли тогда между этими тремя государствами и, значитъ, также и не вызвали и не обострили ужасныя гражданскія войны, которыми государство было страшно потрясено втеченіе пятидесяти лѣтъ до 613 года. Это случилось скорѣе благодаря глубокому нравственному упадку меровингской королевской фамиліи.

Уже сыновьями Хлодвига были произведены дѣла ужасающей грубости. Когда Хлодомеръ Орлеанскій умеръ, оставивъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей, его братья, короли Хильдебертъ и Лотарь, завладѣли ими, чтобы подѣлить ихъ будущее наслѣдство. Они отправили бабушкѣ Хротихильдѣ, вдовѣ Хлодвига, ножъ и ножницы: она должна была выбрать, должны-ли дѣти умереть, или потерять свои локоны и заточить въ монастырь свою жизнь. Королева въ гнѣвѣ воскликнула: «Пусть лучше они умрутъ, чѣмъ я увижу ихъ постриженными!» Когда посолъ вернулся съ этимъ рѣшеніемъ, Лотарь и Хильдебертъ находились въ залѣ съ двумя изъ мальчиковъ. Старшему было десять лѣтъ, младшему семь. Лотарь схватилъ старшаго, бросилъ его на земь и воткнулъ ему въ бокъ ножъ. Когда младшій это увидѣлъ, онъ подбѣжалъ къ Хильдеберту, обнялъ его колѣна и просилъ о защитѣ. Хильдебертъ былъ тронутъ и хотѣлъ его спасти. Но Лотарь грубо его

оттолкнулъ и выбранилъ трусомъ. Тогда Хильдебертъ выпустилъ мальчика, а Лотарь убилъ также и его.

Еще чаще и ужаснѣе случались вещи подобнаго рода въ слѣдующій періодъ пятидесятилѣтней распри. Убійство ближайшихъ родственниковъ у Меровинговъ было обычнымъ средствомъ для пріобрѣтенія могущества или удовлетворенія самыхъ низкихъ страстей. Жадность, жажда мести, свирѣпость и необузданная страсть къ наслажденіямъ, вотъ выдающіяся черты этихъ королей и вообще высшаго германскаго общества того времени. Брачныя отношенія, чистота которыхъ прославлялась еще въ пятомъ столѣтіи римскими писателями, теперь неизлѣчимо были сокрушены. Подобное же явленіе замѣчаемъ мы и у готовъ, а, въ особенности, у вандаловъ. Это—все усиливающееся отравленіе германской жизни римской культурой. И, безъ сомнѣнія, какъ разъ въ этомъ и лежала одна изъ главныхъ причинъ ранней погибели государствъ восточныхъ германцевъ. У франковъ, правда, дѣло не зашло такъ далеко; однако, дошло до значительнаго ослабленія королевской власти въ пользу вельможъ, которые сдѣлали себя втеченіе гражданскихъ войнъ необходимыми и отхватили въ свою пользу часть королевскихъ имѣній и правъ.

Очень характерны для грубости этого періода—тѣ обстоятельства, при которыхъ въ концѣ концовъ вновь водворились миръ и единство въ государствѣ. Войска Лотаря II изъ Нейстріи и старой королевы Брунгильды Австразійской, которая сражалась за права своего несовершеннолѣтняго внука, сошлись готовыя на битву другъ съ другомъ въ 613 году. Вельможи тогда покинули свою королеву. Мелкіе короли были выданы Лотарю и убиты имъ. Брунгильда, захваченная во время бѣгства, сначала была подвергнута трехдневной пыткѣ, а потомъ привязана за волосы, руку и ногу къ дикой лошади и растоптана на смерть. Ей было отъ шестидесяти до семидесяти лѣтъ, и цѣлыхъ 46 лѣтъ носила она имя королевы франковъ.

Но на самомъ дѣлѣ событія 613 года означали скорѣе побѣду дворянства надъ королевствомъ, а не побѣду одного короля надъ другимъ. Лотарь долженъ былъ не только признать для Австразіи и Бургундіи самостоятельное управленіе подъ *однимъ* майордомомъ, онъ долженъ былъ также согласиться на требованіе назначать на будущее время графовъ только изъ земельныхъ собственниковъ волости. Въ этомъ онъ поступился какъ-разъ правомъ распоряженія той должностью, на безусловномъ подчиненіи которой королю покоилась незыблемость и сила франкскаго правительства.

Изъ королей послѣ 613 года только два первыхъ, самъ Лотарь и его сынъ Дагобертъ, имѣютъ еще извѣстное значеніе. Стоя въ нравственномъ отношеніи, правда, не выше своихъ предшественниковъ, они были, по сравненію съ ихъ послѣдователями, все же, по крайней мѣрѣ, сильными мужами, которые умѣли поддерживать свою самостоятельность противъ вельможъ. Правленіе Дагоберта обыкновенно даже причисляютъ къ счастливымъ временамъ франкской исторіи, а его самого, хотя и очень несправедливо, называютъ «добрымъ» королемъ. Внутренній миръ въ общемъ еще сохранялся, а также и внѣшніе враги, хотя и съ порядочною трудностью, но все-таки отражались. На востокѣ и юго-востокѣ тѣснились тогда славяне и родственные гуннамъ авары на границы государства. Славяне воздвигли большое государство, западная граница котораго отъ Эльбы у Магдебурга тянулась до Дуная у Пассау. Дагобертъ несчастливо сразился съ ними въ большой трехдневной битвѣ въ Богеміи (630 г.) и долженъ былъ предоставить отраженіе этихъ враговъ тюрингамъ и баварцамъ. Они имѣли успѣхъ, но именно поэтому возникла у нихъ мысль объ отпаденіи и расшатывала ихъ отношенія къ государству въ его цѣломъ. Еще хуже была при послѣдующихъ короляхъ опасность внутреннихъ распрей. Эти короли были или на самомъ дѣлѣ мальчиками, или же дѣтской энергіи и благоразумія. Они растеряли всю свою власть надъ своими майордомами, а эти послѣдніе бились въ свою очередь между собою за власть.

Майордомъ былъ при позднѣйшихъ франкскихъ короляхъ ничѣмъ другимъ, какъ высшимъ домовымъ чиновникомъ. Съ расширеніемъ *имперіи* и благодаря развитію королевской власти росло также и его вліяніе. Онъ былъ предводителемъ королевской свиты, антрустіоновъ, и какъ таковой, руководитель знатныхъ молодыхъ людей среди нея. Такимъ образомъ вышло, что онъ могъ забрать въ свои руки также и воспитаніе молодыхъ несовершеннолѣтнихъ королей и пріобрѣсти значительное вліяніе на веденіе политическихъ дѣлъ. Сначала борцы за королевскую власть противъ непокорныхъ вельможъ,—майордомы потомъ перемѣнили роли и въ 613 году предводителями дворянства вырвали Австразію и Бургундію изъ-подъ королевскаго управленія. Съ тѣхъ поръ они постарались все больше стереть должностной характеръ съ своего положенія и сдѣлать его мало-по-малу истинно княжескимъ и наслѣднымъ отъ отца къ сыну.

Среди распрей дворянскихъ партій, которыми снова было потрясено государство послѣ смерти Дагоберта (638 г.), возвысился наконецъ побѣдоносно, лишь впослѣдствіи такъ названный, родъ Каролинговъ. Основа его могущества покоилась въ богатыхъ земельныхъ владѣніяхъ, которыя около 630 года черезъ посредство брака дочери старшаго Пипина (Ланденскаго) съ сыномъ Св. Арнульфа, который былъ епископомъ Меца и совѣтникомъ молодого короля Дагоберта, были заключены между Маасомъ, Мозелемъ, Рейномъ и Роеромъ. Уже въ 650 году Гримоальдъ, сынъ Пипина Ланденскаго, стремился къ меровингской коронѣ, но въ своей преждевременной попыткѣ былъ побѣжденъ и убитъ. Пипинъ средній (Геристальскій) снова поднялъ свой домъ изъ этого паденія и вмѣстѣ съ тѣмъ закрылъ пропасть гражданской войны, которая грозила поглотить государство. При Тестри на Соммѣ побѣдилъ онъ въ 687 году силою австразійскихъ ополченій нейстрійское дворянство и сталъ единымъ майордомомъ государства Франковъ. Этой побѣдой былъ вмѣстѣ съ тѣмъ возстановленъ политическій перевѣсъ германскихъ австразійцевъ надъ романскимъ населеніемъ Нейстріи и Бургундіи.

Но также и Пипинъ могъ только съ трудомъ и несовершенно соблюсти единство государства, и, когда онъ умеръ, оно казалось въ большей опасности, чѣмъ когда-либо. Баварцы на юго-востокѣ, аквитанцы на юго-западѣ отпали, а изъ Испаніи надвигались арабы, угрожая франкскому государству и его культурѣ полнымъ уничтоженіемъ. Отъ всѣхъ этихъ опасностей, однако, въ концѣ концовъ, спасло государство счастье

и сила Карла Мартелла, побочнаго сына Пипина. Побѣдой надъ арабами (въ 732 г.) и усмиреніемъ непокорныхъ, онъ сдѣлался вторымъ основателемъ франкскаго государства.

Государственное устройство и внутреннее состояніе.

Король или вождь доисторическаго времени господствовалъ не въ силу собственнаго права, а по порученію народа, во главѣ котораго онъ стоялъ. Народъ былъ источникомъ всякой общественной власти. Его дѣломъ было рѣшеніе относительно войны и мира и всякаго политическаго акта, онъ избиралъ должностныхъ лицъ и самого короля. Только въ войнѣ, гдѣ все сводилось на быстрое рѣшеніе предводителя, положеніе этого послѣдняго было свободнѣе и сила его больше. Когда впослѣдствіи, въ третьемъ вѣкѣ, снова вспыхнула борьба съ Римомъ, и военное положеніе сообразно съ этимъ сдѣлалось постояннымъ, тогда съ большими задачами и обязанностями короля выростали и его вліяніе и права. Дѣятельность Хлодвига совершенно устранила народность, какъ политическую инстанцію, и поставила на ея мѣсто совокупность свободныхъ людей новаго государства. Но собирать ихъ хоть разъ въ годъ для пользованія ихъ политическими правами мѣшала разбросанность государства и трудность средствъ сообщенія. На представительной системѣ нашего времени не могли остановиться, такъ какъ это не соотвѣтствовало-бы тогдашнему правовому міросозерцанію. Такимъ образомъ, единственнымъ наслѣдіемъ старыхъ народныхъ правъ осталось только временное созваніе свободныхъ. Если же право постановки рѣшенія въ большинствѣ случаевъ могло быть сведено къ обязанности одобренія, то все же еще вплоть до временъ Карла Великаго сохранился обычай, не только сообщать войску о цѣли похода или назначеніи имѣющаго появиться закона, но и добиваться его одобренія, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже возбуждать въ немъ воодушевленіе. Не смотря, на это, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь политическомъ самоуправленіи, о какомъ-нибудь благоразумномъ трактованіи предмета, стоящаго на очереди, для этихъ сплоченныхъ, стоящихъ подъ военной командой и совершенно отвыкшихъ отъ обсужденія политическихъ вопросовъ, массъ. Конечно, бывали случаи, когда народное войско отвергало предложеніе короля и вынуждало другое, пріятное для себя рѣшеніе. Но это были лишь исключенія; также неизвѣстно, на какія собственно основанія можно было свести это противодѣйствіе. Вѣрно, однако, что никогда не умирало воззрѣніе, что право и законъ могутъ реализоваться только благодаря совмѣстному дѣйствію короля съ народомъ. Король, по германскимъ понятіямъ, никогда не выступалъ изъ ряда земляковъ. Неприступность и богоподобіе римскихъ деспотовъ были всегда далеки отъ него. Преступленія противъ короля наказывались не необыкновеннымъ образомъ, а деньгами, а когда почти уже исчезло сословіе простолюдиновъ свободныхъ, его права все же не умерли, но перешли по наслѣдству дворянству, которое одно еще было политически дѣеспособнымъ.

Какъ предводитель на войнѣ, представитель правосудія и охранитель внутренняго и внѣшняго мира, король обладалъ принудительной властью, банномъ, а надъ политически несовершеннолѣтними правомъ защиты. Съ этими правами, область которыхъ, такъ какъ они никогда не были твердо ограничены, могла по желанію быть расширена, первые меровинги господствовали и распредѣляли новыя отношенія. Безъ народа не могли они, правда, издать ни одного закона, однако-же могли въ силу права банна создавать распорядки, которые заступали мѣсто закона или же дѣлали его безсильнымъ. Это было время насильственнаго развитія, и если только король обладалъ силой, онъ обладалъ и правомъ.

Однако, средства его могущества необыкновенно разрослись во времена завоеваній. Они проистекали изъ германскаго и римскаго источника. Къ старой судебной и военной власти короли прибавили право взиманія податей и конфискаціи имущества. Римская земельная и подушная подать, которую они стали взимать по прежнему способу въ болѣе широкихъ размѣрахъ, давала вначалѣ, правда, еще богатые сборы; но зато, не только не удалась попытка распространить ее на франковъ, но и на римской почвѣ, мало-по-малу, долженъ былъ изсякнуть этотъ источникъ, по мѣрѣ того, какъ расширявшееся натуральное хозяйство вытѣсняло прежнее денежное хозяйство римлянъ. Такимъ образомъ, управленіе короля опиралось почти исключительно на доходы богатаго земельнаго фонда, который выпалъ ему на долю, благодаря занятію всѣхъ римскихъ государственныхъ областей и большихъ массъ безхозяйнаго добра, и при посредствѣ права конфискаціи еще постоянно увеличивался.

Но насколько велики были эти владѣнія, настоль трудна ихъ эксплуатація. Такъ какъ золото все больше переставало быть всеобщей мѣрой цѣны, то, въ концѣ концовъ, и король могъ награждать услуги своихъ чиновниковъ и вельможъ не иначе, какъ натуральнохозяйственными дареніями, т. е. раздачей земли, при эксплуатаціи которой онѣ могли оставаться невредимыми. Но это было все же очень опаснымъ средствомъ. Дѣйствительно, какимъ образомъ можно было предотвратить то, чтобы съ землей не ушли также и люди, которые на ней жили и права, которыя на ней тяготѣли? И на самомъ дѣлѣ вещи приняли такое развитіе. Уже съ седьмого вѣка чиновники и вельможи умудряются дѣлать наслѣдственными полученныя ими отъ короля должности, имущества и права. Этимъ было положено основаніе государственно-подобнымъ образованіямъ внутри государства. Но было-бы несправедливымъ дѣлать Меровинговъ однихъ отвѣтственными за это. Конечное основаніе лежало въ системѣ натуральнаго хозяйства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ совершенномъ отсутствіи опытности относительно того, какимъ образомъ основать на однихъ натуральнохозяйственныхъ средствахъ управленіе такимъ обширнымъ государствомъ съ столь затруднительными путями сообщенія и съ столь же труднымъ контролемъ. Это гибельное развитіе было ускорено, во всякомъ случаѣ, уже потомъ дурнымъ управленіемъ третьяго поколѣнія Меровинговъ. Разсматривая государство, какъ частное владѣніе, созданное лишь для удовлетворенія ихъ необузданныхъ страстей, вступали они обыкновенно уже при раздѣлѣ наслѣдства въ ссоры и войны другъ съ другомъ, а черезъ это въ затрудненія, изъ которыхъ успѣвали выпутаться только чрезъ посредство раздачи казавшихся неисчерпаемыми сокровищъ

короны угодливымъ вельможамъ. Они жили изо дня въ день, безъ мысли о будущемъ и безъ общихъ интересовъ и поступали, какъ люди, которые, вмѣсто того, чтобы жить на проценты, проживаютъ капиталъ. Такимъ образомъ, не было ничего удивительнаго, что, въ концѣ концовъ, они оказались банкротами и должны были уступить господство болѣе сильному роду Каролинговъ. Заслуга этихъ послѣднихъ заключается въ томъ, что они связали раздачу земли крѣпкими формами, которыми были охранены интересы государства (насколько это еще было возможно при существовавшихъ обстоятельствахъ).

Важнѣйшимъ политическимъ чиновникомъ былъ графъ; областью его управленія была волость. Эта послѣдняя обнимала обыкновенно часть области, принадлежавшей народности, или, при меньшихъ народностяхъ, даже и всю область. Сами волости распадались снова на сотни и сильно различались между собою по величинѣ, числу и роду населенія и хозяйственнаго значенія. Графъ управлялъ въ качествѣ замѣстителя короля, который его поставилъ и во всякое время могъ отставить. Онъ собиралъ подати со всѣхъ сотенъ своей волости и доставлялъ ихъ королю. Каждый свободный, обладалъ-ли онъ земельными владѣніями или нѣтъ, былъ обязанъ военной службой. Почти ни одинъ годъ не проходилъ безъ войны, и часто при этомъ шло дѣло о цѣляхъ, которыя большинству свободныхъ были непонятны или безразличны. Часто велись эти войны въ отдаленныхъ странахъ, и человѣкъ, котораго постигалъ призывъ графа, былъ отрываемъ на недѣли и мѣсяцы отъ своего хозяйства; при томъ же онъ долженъ былъ втеченіи похода прокармливать себя самого и заботиться о платьѣ и оружіи. Вторгался въ страну непріятель, раззорялись жатвы и дома, уводились скотъ и рабы. Все это были потери, которыхъ никто не замѣщалъ. Правда, не каждый годъ призывались всѣ свободные, но часто—лишь часть ихъ, сообразуясь съ надобностью и преимущественно въ такихъ областяхъ, которыя были близки къ театру войны. Тѣмъ не менѣе, воинская повинность была для мелкаго крестьянскаго сословія удручающимъ бременемъ, подъ которымъ многіе падали.

Не менѣе тяжелой была судебная повинность. Старый сотенный судъ, такъ называемый «настоящій судъ» (echte Ding) или волостной, происходилъ въ каждой области отъ 8 до 9 разъ въ годъ, такъ что если волость, напр., состояла изъ четырехъ сотенъ, каждая изъ нихъ была обязана два раза выставлять общество для (обязательнаго всегда для всей волости) суда. Гораздо чаще еще, обыкновенно каждыя двѣ недѣли, происходило старостскій судъ (gebotene Ding). При обѣихъ повинностяхъ должны были присутствовать всѣ полноправныя свободныя сотни, при «настоящемъ судѣ» даже три дня подрядъ. Кто отсутствовалъ безъ серьезной нужды или же уклонялся, подпадалъ тяжелому штрафу. Настоящій судъ собирался на старо-заведенныхъ мѣстахъ подъ предсѣдательствомъ графа, который со времени Хлодвига вытѣснилъ стараго, свободно-избиравшагося народнаго чиновника, тунгина (тіуна), и судилъ во всѣхъ процессахъ, въ которыхъ дѣло шло о жизни, свободѣ и земельной собственности. Старостскій судъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ сотеннаго представителя, центенарія или сельскаго старосты, который былъ назначаемъ гра-

фомъ при содѣйствіи общины. Онъ не былъ связанъ мѣстомъ и временемъ и занимался болѣе мелкими спорными вещами, которыми не могъ или не имѣлъ права заниматься графскій судъ.

Штрафы этихъ судовъ были необыкновенно высоки. Которая изъ сторонъ пропускала срокъ, должна была заплатить 15 солидовъ, или 15 коровъ, или 5 быковъ и одну корову. Кто убивалъ франка, платилъ 200 коровъ или 100 быковъ, каждое сильное пораненіе глаза, носа, ушей или ногъ вознаграждалось 100 коровъ, а каждый ударъ—одной коровой. Бранное слово «ты заяцъ»! стоило 6 коровъ, а ложное обвиненіе, что бросилъ свой щитъ, 3 коровъ. Кто не могъ платить, брался въ залогъ и считался должникомъ. Если взвѣсить высоту этихъ и подобныхъ имъ штрафовъ, которые легко могли поглотить среднее состояніе, далѣе частое повтореніе судебныхъ засѣданій, которыя отнимали у каждаго рабочее время тридцати и болѣе дней въ году, и, наконецъ, опасность самого процесса, гдѣ простая оплошность въ выраженіи и жестѣ вела къ потерѣ даже самаго справедливаго дѣла, то нужно будетъ сказать, что, благодаря всему этому, свободные, въ особенности, мелкіе собственники были отягощены въ высшей степени.

Еще тяжелѣе сдѣлалась эта тягость благодаря злоупотребленіямъ, которыя, обыкновенно, графы допускали при своей военной и судебной власти. Громко и часто жаловались, что эта послѣдняя для нихъ лишь средство, чтобы повергнуть ничтожнаго крестьянина штрафами и придирками всякого рода въ долги и отчаяніе, чтобы присвоить себѣ его рухлядишку и землишку. Несомнѣнно, самая сущность этого военнаго и судебнаго порядка сильно обусловила исчезновеніе мелкаго крестьянскаго землевладѣнія и тревожный наплывъ крупныхъ помѣстій, но не это было главной причиной тказанныхъ превосходящихъ все остальное по значенію, явленія того времени, они были обусловлены скорѣе общимъ положеніемъ хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ обстоятельствъ съ шестого до десятаго вѣка.

Франкскіе короли при завоеваніи Галліи разбили значительное количество римскихъ латифундій на маленькія сошныя помѣстья для своихъ свободныхъ. Вездѣ, гдѣ эти послѣдніе сидѣли достаточно плотно, они придерживались родного учрежденія—марковой общины и, несомнѣнно, первыя поколѣнія нашли въ немъ поддержку для сохраненія ихъ хозяйственной самостоятельности. Но въ прогрессирующей странѣ общинное землѣдѣліе по способу предковъ не было болѣе возможнымъ: каждая отдѣльная личность должна была хозяйничать сама и видѣть, какъ она справлялась съ новыми обстоятельствами. Къ этому присоединилось и то, что владѣлецъ сохи съ шестого вѣка пріобрѣлъ гораздо большое право распоряженія своимъ имуществомъ, чѣмъ прежде. Соха была наслѣдственна не только сыну, но и внуку и брату; она дробилась, становилась больше или меньше, не оставалась тѣмъ, чѣмъ была и должна была быть—полной, недѣлимой наслѣдственной собственностью правоспособнаго человѣка, которая давала ему возможность исполнять свои общественныя обязанности. Между когда-то равностоящими въ хозяйственномъ отношеніи земляками возникла противоположность богатаго и бѣднаго. Если одни обладали значительными крестьянскими имуществами, то другіе должны были

удовлетворяться малымъ имуществомъ и изнемогали отъ требованій государства. А тѣ, кто не имѣлъ ничего, не могли уже, какъ прежде, отправляться въ лѣсъ и расчищать новыя пашни: такихъ лѣсовъ давно уже болѣе не было въ староримской культурной странѣ. Имъ не оставалось другого убѣжища, какъ служба у вельможъ.

У франковъ, ко времени ихъ переселенія, не было дворянства; оно возникло лишь вслѣдствіе и втеченіи завоеванія изъ многочисленныхъ слугъ и помощниковъ королей, услугами которыхъ эти послѣдніе не могли не пользоваться при своихъ широкозадуманныхъ предпріятіяхъ. Сюда принадлежала, прежде всего, свита, а потомъ политическія и частныя должностныя лица короля. Къ этому чиновному дворянству присоединились впослѣдствіи потомки старыхъ римскихъ сенаторскихъ фамилій, которые, принадлежа, собственно, къ покореннымъ и полусвободнымъ, все же выдвигались впередъ, благодаря богатству и образованію, а обладая епископскими и высшими священническими мѣстами, по этой самой причинѣ были отличены тройной вирой свободныхъ людей, истиннымъ признакомъ дворянства. Въ рукахъ всѣхъ ихъ и находилось крупное землевладѣніе.

Имѣнія этихъ вельможъ, обыкновенно, не лежали плотно одно подлѣ другого, а въ пестрой черезполосицѣ съ чужими владѣніями; это совпадало съ тѣмъ способомъ, какъ эти имѣнія соединялись подъ одною рукою. Такая разбросанность положенія препятствовала, счастливымъ образомъ, возникновенію латифундіальнаго хозяйства римскаго образца. Можетъ-быть, все владѣніе разбивалось на рядъ отдѣльныхъ дворовъ и деревень, которыя управлялись не изъ одного, а изъ многихъ центральныхъ пунктовъ.

На этихъ имѣніяхъ сидѣла масса несвободныхъ людей, которые обработывали поля и занимались мало еще развитыми ремеслами. Рядомъ съ ними стояли полусвободные, которые хозяйничали на свой собственный счетъ за процентную и рабочую плату. Въ подобное же отношеніе вступилъ и обѣднѣвшій свободный, въ качествѣ-ли арендатора господской земли, или съ отдачей господину верховной собственности надъ своимъ участкомъ и принятія его обратно для дальнѣйшаго хозяйствованія за процентную плату. За это господинъ поддерживалъ его при исполненіи военныхъ и судебныхъ обязанностей и во время хозяйственной нужды. Свободный, становясь такимъ образомъ зависимымъ отъ господина, сохранялъ, однако, свою свободу. По закону онъ и теперь еще долженъ былъ исполнять военныя и судебныя обязанности, на самомъ-же дѣлѣ и въ тѣхъ и другихъ поддерживалъ или даже заступалъ его господинъ. И если онъ, такимъ образомъ, высвобождался отъ своихъ гражданскихъ обязанностей, не было вовсе дивомъ, что онъ, или его потомки потеряли наконецъ также и гражданскія права, т. е. свободу, что они спустились на ступень «менѣе свободныхъ» людей земельнаго собственника. Этотъ послѣдній обладалъ издревле правомъ защиты и наказанія надъ своими крѣпостными; онъ отвѣчалъ за поврежденія, которыя они производили, и мстилъ за тѣ, которыя они получали, онъ наказывалъ ихъ по свободному желанію. Въ этихъ правахъ лежалъ уже зародышъ будущаго вотчиннаго суда. Развился онъ вполнѣ лишь въ десятомъ вѣкѣ, но зачатки его тянутся далеко назадъ вплоть до седьмого и шестого столѣтія. Вотчинному суду подчинился въ

концѣ концовъ первоначально свободный человѣкъ, и съ вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ступевывается въ классѣ несвободнаго населенія.

Это развитіе начинается ранѣе всего въ германо-романскихъ частяхъ страны и продолжается, медленно двигаясь на востокъ—въ нынѣшнюю Германію, вплоть до десятаго вѣка. Напрасно Карлъ Великій пытался остановить его своимъ законодательствомъ, онъ также не могъ уже болѣе сообщить обратный ходъ послѣдствіямъ его, разрушительнымъ для государства,—возникновенію леннаго порядка. Въ феодальномъ государствѣ договоръ заступилъ мѣсто закона. Вассалъ обѣщаетъ, какъ частное лицо, рукобитіемъ вѣрность, т. е. помощь въ войнѣ и во всякой нуждѣ. Но дѣлая это, онъ уже впередъ получаетъ награду за услуги, которыя онъ еще имѣетъ оказать, награду, въ видѣ земли съ правами относительно ея и съ людьми на ней, на судьбу которыхъ государство уже потеряло свое вліяніе. Если вассалъ нарушалъ вѣрность,—нарушалъ договоръ, государство не имѣло никакого другого средства обуздать его, какъ войну. Но вассалъ совершенно независимъ, если ему удалось провести наслѣдственность своихъ леновъ. Это совершенный крахъ общественной власти государства передъ частными властями вельможъ. Таковъ былъ конечный результатъ политическаго развитія франкскаго государства.

Какъ ни было разрушительно для государства изчезновеніе большинства свободныхъ, для нихъ самихъ поступленіе подъ охрану вельможъ было все же неизмѣримымъ благодѣяніемъ: они спасли этимъ свое хозяйственное иоложеніе. Одновременно поднялось значеніе несвободныхъ людей, къ которымъ они приблизились. Каждое изъ земельныхъ владѣній было въ тоже время для себя культурнымъ центромъ. Земледѣліе, садоводство, лѣсоводство и луговодство стали богаче и разнообразнѣе, ремесла начали разнообразиться и раздѣляться. Земельные владѣльцы держали для увеличенія своего могущества большія толпы хорошо вооруженныхъ и искусныхъ воиновъ. Такимъ образомъ была нужда въ дѣятельныхъ силахъ всякаго рода, и вездѣ ихъ находили и брали изъ числа несвободныхъ; черезъ это же возрастало ихъ значеніе и соціальное положеніе. Этотъ ростъ нашелъ свое выраженіе въ возникновеніи вотчиннаго суда. Этотъ судъ охранялъ несвободныхъ не только другъ отъ друга, но и прежде всего противъ самого господина. Если этотъ послѣдній могъ раньше наказывать своихъ людей по личному произволу, то теперь онъ увидѣлъ себя передъ рамками, перешагнуть которыя не смѣлъ. Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что большія массы населенія государства, многочисленные классы несвободныхъ, полусвободныхъ и свободныхъ поселенцевъ, при послѣднихъ Каролингахъ были гораздо лучше обставлены въ соціальномъ хозяйственномъ и правомъ отношеніи, чѣмъ во время Меровинговъ. Въ этомъ лежитъ великій культурный прогрессъ этого періода.

Англія.

Составилъ профессоръ д—ръ *E. Mogk.*

По ту сторону канала простирается могучее островное государство восточную часть котораго Цезарь называлъ Британніей, а западную—Гиберніей. Кельты, которые отдѣлились отъ своихъ южныхъ сородичей, населяли здѣшнія страны; на югѣ сидѣли бритты, область которыхъ достигала обоихъ великихъ Феордовъ (Firde), гдѣ позже нашло свой конецъ римское господство. Ихъ культура была, насколько можно заключить изъ скудныхъ извѣстій, тою же, какъ и ихъ южныхъ сородичей, галловъ, съ которыми они остались въ постоянныхъ сношеніяхъ. Они занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, стояли подъ господствомъ могущественнаго дворянства и всесильнаго духовенства—друидовъ, и привыкло враждовать другъ съ другомъ. Позднѣе, когда свобода ихъ была уничтожена римлянами и англосаксами, ихъ языкъ жилъ еще въ видѣ трехъ діалектовъ: кимрійскаго въ Уэльсѣ, корнійскаго въ Корнуэльсѣ и бретонскго въ нынѣшней Бретани, куда скрылись въ 5 и 6-мъ столѣтіи кельты Южной Британіи.

Въ то время, какъ эти народы въ первые вѣка нашей эры два раза перемѣнили своихъ господъ,—въ то время, какъ въ ихъ страну вторглась римская и англосаксонская культура,—кельтскія племена на высотахъ Шотландіи и Ирландіи передъ введеніемъ христіанства остались нетронутыми чуждой культурой. Тамъ сидѣли каледонцы, или пикты, какъ ихъ называли позднѣйшіе писатели, здѣсь гиберны, позднѣйшіе скотты и иры. Языкъ ихъ былъ гэльскій, который развѣтвлялся на ирландско-гэльскій и шотландско-гэльскій. Характерно для него, что онъ сохранилъ древній индогерманскій заднеязычный звукъ тамъ, гдѣ другія кельтскія нарѣчія имѣютъ губной звукъ; они знаютъ cean верхушка, глава, у бриттовъ pen, какъ это ясно изъ mons Peninus. Шотландскіе кельты были сильнымъ, грубымъ народомъ съ рыжеватыми волосами,—воинственное племя передъ которымъ современемъ не устоялъ даже римскій валъ. Ирландскіе кельты также раздѣляютъ свойства характера своихъ сородичей: они храбры, какъ и эти послѣдніе, и легко возбуждаемы, но быстро теряютъ энергію, коль скоро имъ не удаются ихъ планы. Со своего острова протѣснились они на востокъ и здѣсь соединились съ пиктами. Однако на ихъ родинѣ, прекрасномъ зеленомъ островѣ, рано уже развилась высокая культура, которая была оплодотворена раннимъ введеніемъ христіанства и достигла высокаго процвѣтанія.

Эта ирландская культура существенно отличается отъ римской, которая тогда господствоавла въ большей части западныхъ странъ. Вслѣдствіе своей легко возбудимой фантазіи ирландецъ болѣе идеалистъ, чѣмъ реалистъ; его стремленія направлены болѣе на духовныя вещи, чѣмъ на предметы практической жизни. Уже въ первые вѣка нашей эры мы находимъ у ирландцевъ своеобразную письменность, похожую на германскія руны, и употребляемую, какъ и эти послѣднія, главнымъ образомъ для могильныхъ надписей на камняхъ. Она состоитъ изъ точекъ и маленькихъ горизонтальныхъ штриховъ, которые прислоняются то справа, то слѣва, къ длинному вертикальному штриху, или «канту» (шнуру) камня. Это—Ogham, согласно съ сагой — изобрѣтеніе Огмы, имя котораго напоминаетъ галльскаго бога краснорѣчія, Огмія. Когда позднѣе, благодаря христіанству, латинскій алфавитъ нашелъ себѣ пріемъ и распространеніе, то и онъ былъ значительно измѣненъ ирами. Буквы въ новомъ видѣ перешли къ англосаксамъ, по которымъ онѣ, обыкновенно, называются англосаксонскими. У ирландцевъ, въ особенности, процвѣтала поэзія. Ихъ барды пѣли свои пѣсни подъ аккомпаниментъ арфы передъ королями, князьями или же передъ дворянствомъ. Это были частью лирическія произведенія, частью хвалебныя пѣсни, частью отрывки изъ ирландской героической саги. Послѣдніе большею частью разсказывались въ прозѣ; только тамъ и здѣсь проскальзывали строфы. Прежде всѣхъ пѣснь возвеличивала героевъ, которые дѣйствовали при короляхъ Ульстера. Въ центрѣ этого ульстеровскаго цикла преданій стоялъ Кухулинъ, который, по позднѣйшей передачѣ, долженъ быть жить около времени рожденія Христа. Съ его единственнымъ единокровнымъ братомъ и позднѣйшимъ соперникомъ Феръ-Діакъ-макъ-Домайномъ связались въ 7 вѣкѣ черты, которыя перешли въ Ирландію съ германскимъ Зигфридомъ.

Въ исходѣ 4-го вѣка было проповѣдано ирландцамъ святымъ Патрикомъ Евангеліе. Теперь вмѣстѣ съ христіанствомъ вступила и римская культура, многочисленные ирландскіе монастыри были ея обычными мѣстами. Семь свободныхъ искусствъ ревностно здѣсь изучались, въ особенности астрономія и математика. Отцы церкви переводились и комментировались, священное писаніе должно было быть прочитано каждымъ монахомъ, который хотѣлъ принять посвященіе. Такимъ образомъ Ирландія ко времени великаго переселенія оказалась страною, которая должна была сохранить на западѣ греко-римскую культуру. Здѣсь занимались греческимъ,—даже короли понимали этотъ языкъ, — читали стихотворенія Горація, Овидія, Виргилія, произведенія Ливія, Присціана и другихъ римскихъ писателей. Наряду съ наукой и искусство находило особенныя попеченія. Съ зари до ночи развлекались пѣніемъ и игрою на арфѣ. Особенно процвѣтало церковное пѣніе. Поэтому въ западныхъ странахъ учителя пѣнія вызывались изъ Ирландіи. Другими искусствами, нашедшими здѣсь распространеніе, были живопись и скульптура. Ирландскія рукописи содержали прелестныя миніатюры. Въ этомъ также ирландцы стали учителями остальной Европы, такъ-какъ ихъ проповѣдники и странствующіе монахи переносили съ собой развитое ими искусство на материкъ. Новая

орнаментика образовалась въ Ирландіи, которая не была навѣяна ни Римомъ, ни Византіей, ни какимъ бы то ни было германскимъ народомъ. Переплеты книгъ содержали головки животныхъ, рыбы и хвостъ, откуда развилась совершенно своеобразная животная орнаментика, которая лишь въ X вѣкѣ уступила болѣе природному изображенію живыхъ существъ.— Поэзія также пользовалась у ирландцевъ большимъ почетомъ. Нигдѣ въ Европѣ поэзія въ VII и слѣдующихъ вѣкахъ не была такъ дома, какъ въ Ирландіи. Ирландскихъ поэтовъ находимъ мы поэтому при дворѣ франкскихъ королей; одинъ Hibernus exul воспѣлъ при дворѣ Карла Великаго побѣду франкскаго короля надъ Тассилономъ Баварскимъ, Sedulus Scotus возвеличилъ одного за другимъ Карла Лысаго, Лотаря и Людвига Нѣмецкаго. Подобный родъ поэзіи культивировали ирландцы уже у себя на родинѣ. Большая часть этихъ стихотвореній построены очень художественно: они состояли обыкновенно изъ длинныхъ стиховъ, которые попарно риѳмовали другъ съ другомъ. Наряду съ ними жила еще и героическая пѣснь.

Обладая, такимъ образомъ, массой идеальныхъ сокровищъ, ирландецъ имѣлъ мало смысла и дара находчивости въ практическихъ вопросахъ жизни. Совмѣстное житье въ обширныхъ мѣстностяхъ было неизвѣстно ирландцамъ, къ торговлѣ у нихъ не было никакого интереса, лишь норвежцы выучили ихъ основывать города и воздвигать порты. Ихъ жилища состояли большею частью изъ маленькихъ круглыхъ башенъ, лишенныхъ всякаго блеска, и равнымъ образомъ не знали они монетъ. Искусство ковать оружіе является у нихъ также незначительнымъ: они получили боевой топоръ лишь чрезъ норвежцевъ. Ихъ челны, такъ называемые Currachs, были малы и приспособлены собственно лишь для берегового плаванія. Они, однако, отваживались выходить на нихъ далеко въ море, такъ какъ болѣе чѣмъ другому народу, ирландцамъ было свойственно стремленіе къ одиночеству и на чужбину. Въ этомъ стремленіе оказались они тѣми, кто прежде другихъ открыли и заселили Фарэрскіе острова и Исландію, такъ-какъ, когда въ IX вѣкѣ на эти острова пришли норвежцы, они нашли здѣсь христіанъ и узнали по книгамъ, колоколамъ и искривленнымъ палочкамъ, что это были ирландцы. Въ рѣзкой противоположности съ этими кельтами европейскаго Сѣвера стоятъ германскія народности тѣхъ странъ, которыя многообразно приходили въ соприкосновеніе съ кельтами: англосаксы и скандинавы.

Англосаксы въ Британніи.

Потокъ великаго переселенія народовъ захлеснулъ свои волны вплоть до Кимврійскаго полуострова. Здѣсь сидѣли, подлѣ датчанъ, юты, англы, саксы. Они также снялись въ исходѣ IV и въ V столѣтіи со своихъ мѣстъ, предпринимали разбойничьи и разрушительные походы на западъ, на фризійскій и галльскій берегъ, доходя до Британніи. Вначалѣ римскіе легіоны въ союзѣ съ бриттами отбрасывали ихъ назадъ; когда же римляне покинули островъ, и пикты и скотты сѣвера возобновили съ удвоенной энергіей свои старые набѣги, бритты сами призвали въ свою

страну незначительныхъ германскихъ королей, чтобы съ ихъ помощью отразить болѣе искусныхъ въ военномъ дѣлѣ сородичей. Но помощники въ нуждѣ скоро сдѣлались господами страны. Послѣ того, какъ ихъ первые королишки утвердились въ Кентѣ, начинается англосаксское вторженіе. Около середины V столѣтія слѣдуетъ одна германская толпа за другой; всѣ онѣ стремятся на новую родину, на новыя поселенія. На югѣ и востокѣ осѣдаютъ преимущественно саксы и юты, въ то время какъ на сѣверѣ англы основываютъ свое новое мѣстожительство. Разгорѣлась упорная борьба съ бриттами, германцы тѣснились все дальше на западъ, пока, наконецъ, за исключеніемъ гористаго запада, не сдѣлались господами всего острова. По старогерманскому обычаю эти толпы стоятъ подъ властью мелкихъ королей. Такимъ-то образомъ возникаетъ здѣсь большое количество маленькихъ, независимыхъ королевствъ, властители которыхъ стремятся расширить свою область въ борьбѣ съ бриттами или собственными сородичами. Между этими незначительными королями въ VI вѣкѣ возвышаются нѣкоторые надъ своими родственниками и соединяютъ подъ своимъ скипетромъ многія маленькія королевства. Историки позднѣйшихъ столѣтій называютъ этихъ возвысившихся мелкихъ королей Bretwalda, шесть или семь изъ которыхъ приводятся Бэдой и поздними лѣтописцами. Въ болѣе раннее время подъ ихъ властью выступаютъ на первый планъ особенно ютскій Кентъ и англійская Нортумбрія, которая возникла изъ королевствъ Берниціи и Дейры. Когда они сыграли свою роль, ихъ смѣнили въ VII и VIII столѣтіяхъ англійская Мерсія и саксонскій Вессексъ, королевство, расположенное далѣе всего на западъ. Между этими обоими послѣдними царствами дошло до продолжительной сильной борьбы за гегемонію, которая окончилась въ 825 году битвой при Эллюндунѣ, въ которой Беорнвульфъ изъ Мерсіи былъ разбитъ Эгбертомъ Вессекскимъ. Вскорѣ послѣ этого мы находимъ Эгберта Вессекскаго въ качествѣ властителя, передъ которымъ склоняются другіе короли, даже если они, какъ напримѣръ короли Нортумбріи и Восточной Англіи, еще продолжаютъ носить королевскій титулъ и сохраняютъ господство надъ своимъ царствомъ.

Ко времени, когда Эгбертъ достигъ верховной власти надъ англійскими и саксонскими царствами [1]), въ странѣ повсемѣстно процвѣтала не незначительныя культура, которая развилась именно послѣ введенія христіанства и благодаря сношеніямъ съ Западомъ и кельтами Сѣвера.

Но она скоро должна была померкнуть, такъ-какъ уже при Эгбертѣ начались вторженія датчанъ, которыя, увеличиваясь при слѣдующихъ властителяхъ, повели за собой время упадка въ новомъ государствѣ, пока Альфредъ Великій не поставилъ, во второй половинѣ VIII вѣка, препятствіе дальнѣйшему упадку.

Религія англосаксовъ.

Когда германскія племена разселились въ Британіи, они были еще язычниками. Они почитали, какъ и другіе нѣмецкіе и сѣверогерманскіе

---

1) Названіе „англосаксы" (Anglisaxones) относится къ Павлу Діакону, который впервые употребляетъ его въ своемъ Origo gent. Langob. IV, 22. VI. 15.

народы, массу боговъ, изображенія которыхъ они себѣ дѣлали и которымъ воздвигали храмы. Во главѣ ихъ находился Воданъ, который уже на родинѣ стоялъ въ центрѣ культа. Сначала богъ вѣтра, сдѣлался онъ въ Сѣверной Германіи высшимъ божествомъ и въ особенности богомъ войны. Отъ него короли различныхъ царствъ ведутъ свой родъ. Ему посвященъ четвертый день недѣли, ему приписывалось изобрѣтеніе магическихъ знаковъ, рунъ, онъ—богъ лукавства и хитрости. Повсюду находятся города, которые названы по его имени.—Рядомъ съ нимъ почитали старогерманскаго бога неба *Tiw* подъ различными наименованіями. Въ Tiwesdaeg, четвергъ, продолжаетъ онъ жить подъ первоначальнымъ названіемъ; рядомъ съ этимъ онъ является, какъ Ear и Saxneat (Schwertgenosse—товарищъ по оружію). Вѣроятно, и богъ грома Thunor почитался англами и саксами, какъ показываетъ названіе пятаго дня недѣли, который ему посвященъ. Наряду съ этими божествами можно бы назвать еще нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ не упоминаютъ скудные источники изъ древнѣйшаго христіанскаго времени. — Наряду съ вѣрой въ высшія личныя существа продолжалась также по старому и вѣра въ демоновъ и духовъ, которые представлялись, какъ чудовища, Eoten (великаны), эльфы и т. д.

Они жили въ лѣсахъ, ручьяхъ и потокахъ, въ горахъ и камняхъ, священныхъ деревьяхъ, и здѣсь принимали возліянія и жертвы. — Надъ судьбой людей висѣла сила судьбы, Vyrdh, которая связывала и разрывала жизненныя нити людей.—Какъ у всѣхъ другихъ германскихъ народовъ, такъ и у англосаксовъ колдовство играло выдающуюся роль. Оно примѣнялось при всѣхъ болѣзняхъ, улучшало или ухудшало погоду, изгоняло и прогоняло демоновъ, оплодотворяло поля и помогало находить вора, который завладѣлъ чужой собственностью.—Жизнь послѣ смерти для англосаксовъ походила на жизнь на этой землѣ. Душа, которая достигала при посредствѣ сожженія труповъ заоблачнаго міра, продолжала тамъ свою жизнь подобнымъ же образомъ, какъ и на землѣ. Поэтому умершему давали съ нимъ вмѣстѣ въ могилу его оружіе, украшенія, сосуды, короче, все, чѣмъ онъ здѣсь пользовался, что ему здѣсь было дорого.

Съ этой древнеязыческой вѣрой и этими представленіями легко могли смѣшаться, уже рано послѣ завоеванія Британіи, и христіанскія представленія. Сношенія съ христіанскими бриттами, торговыя и политическія сношенія съ франками, брачные союзы англосаксонскихъ королей съ христіанками не могли остаться безъ всякаго вліянія на религіозныя представленія англосаксонскаго народа. Поэтому также и среди него образовалась довольно скоро христіанская партія, когда въ исходѣ VI вѣка Григорій I послалъ въ Британію своихъ миссіонеровъ, которымъ короли не воспретили проповѣдывать. Отсюда начинается время религіозныхъ споровъ. Что христіане не имѣли успѣха, какъ можно было бы ожидать по первымъ шагамъ, имѣло, главнымъ образомъ, свое основаніе въ упорствѣ древнѣйшихъ проповѣдниковъ, которые прежде всего защищали установленное Римомъ время пасхальной вечери, въ то время какъ бритты и ихъ многочисленные приверженцы въ Нортумбріи придерживались старой пасхальной жертвы. Такимъ образомъ дѣло дошло до недоразумѣній между самими христіанами, которыя могли только усилить языческую

народность. Въ общемъ англосаксы стояли больше на сторонѣ бриттовъ, которыхъ мы находимъ даже почти вездѣ въ качествѣ ихъ учителей. Даже Освальдъ изъ Нортумбріи, который позднѣе былъ возведенъ римскою церковью въ національнаго святого англосаксонскаго народа, придерживался кельтскаго, а не римскаго христіанства. Но эти различные взгляды на пасхальную вечерю отошли все же на задній планъ, пока Мерсія, главная опора язычества, играла вслѣдствіе своего могущества значительную роль. Только, когда Пенда изъ Мерсіи въ 655 году потерялъ въ сраженіи при Лидсѣ противъ Освина изъ Берниціи побѣду и жизнь, и этимъ доставилъ сразу господство христіанскому дѣлу и партіи, вспыхнулъ повсюду пасхальный споръ, пока въ 664 году соборъ въ Стринесхалькѣ не помогъ побѣдѣ римской пасхальной вечери.

Литература англосаксовъ.

Хотя христіанство въ болѣе древнее время вызвало мало перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ, правахъ, во всѣхъ жизненныхъ воззрѣніяхъ, литература приняла при немъ могучее развитіе. Уже введеніе латинскаго шрифта, которому англосаксы преимущественно учились у ирландцевъ, существеннымъ образомъ помогло этому. Они имѣли изъ своей родины таинственные знаки, руны, но эти послѣднія примѣнялись лишь при чародѣйствѣ и предсказаніяхъ. Теперь, съ исхода VI вѣка, они стали пользоваться новыми знаками для начертанія продуктовъ своего духа, своей поэзіи. А любителями поэзіи англосаксы были уже на своей родинѣ, гдѣ пѣвецъ, scôp, выступалъ въ хижинѣ князей и вельможъ и подъ аккомпаниментъ арфы прославлялъ могучія дѣянія ихъ. Эти старыя пѣсни, однако, наслѣдовались лишь изъ устъ въ уста. Теперь онѣ были записаны и (чему нельзя удивляться при продолжительной устной передачѣ) интерполированы всевозможными вставками изъ древняго и поздняго времени, какъ языческаго, такъ и христіанскаго. Правда, только немного записано отъ древняго времени, но и отъ него сохранилось произведеніе, которое занимаетъ высокое мѣсто въ древне-германской литературѣ: это—эпосъ о гаутскомъ князѣ *Беовульфѣ*, который приходитъ на помощь датскому королю Хродгару и освобождаетъ его царственное жилище отъ людоѣда-чудовища Гренделя, пѣсня о героѣ, который находитъ свою смерть даже въ преклонномъ возрастѣ въ славной битвѣ съ дракономъ. Англы или юты, вѣроятно, узнали эту сагу о Беовульфѣ отъ гаутовъ въ нынѣшней Швеціи; на ихъ новой родинѣ она продолжала жить въ пѣснѣ. Это стихотвореніе пріобрѣтаетъ для насъ значеніе особенно тѣмъ, что оно даетъ намъ возможность заглянуть въ жизнь и бытъ англосаксонскаго народа.

На ряду съ этими немногими произведеніями древненаціональнаго творчества большая часть поэзіи англосаксонскаго времени—христіанско-церковнаго содержанія. Англосаксы вступали къ ирландцамъ въ школы и обученіе, они сдѣлались также и наслѣдниками ирландской науки и литературы. Въ англійскихъ монастыряхъ занимались не только теологіей и церковными предметами, но изучали также поэтовъ древняго Рима и

переписывали ихъ. Различныя школы ученыхъ въ странѣ принимали быстрое развитіе, какъ напр., кентерберійская, мальмсберійская, уермутская, іоркская и др. Здѣсь учились и жили люди, какъ *Алдьгельмъ*, который, какъ поэтъ и музыкантъ, далъ не мало великаго, или *Бэда*, которому мы обязаны не только древнѣйшей церковной исторіей его народа, но и натурфилософскими, метрическими и грамматическими трудами, книгами по времясчисленію и многимъ другимъ. Ихъ труды писались большею частью по-латыни, но наряду съ этимъ развивалась богатая поэзія и на родномъ языкѣ. Такъ *Кэдмонъ*, по древней сагѣ призванный самимъ богомъ во снѣ на путь стихотворства, пѣлъ о началѣ міра и человѣка, о воплощеніи Христа и его небесномъ царствѣ. Другіе передавали изящными стихами Книги Ветхаго Завѣта, Бытія, Исходъ, книгу Юдиѳь, Псалмы и др. под., или же поэтизировали проповѣди и молитвы. Между поэтами VIII вѣка выдается особенно нортумбріецъ *Кинсвульфъ*, сначала странствующій пѣвецъ, который развлекалъ при дворахъ всѣхъ своей задорною поэзіей, впослѣдствіи духовное лицо, которое возвеличило въ своемъ *Христѣ* рожденіе, вознесеніе и второе пришествіе Спасителя и прославило пѣсней различныхъ святыхъ.

Въ исходѣ VIII и началѣ IX вѣка начинается упадокъ англосаксонской поэзіи. Англы Нортумбріи были раньше народомъ, гдѣ поэзія особенно процвѣтала. Но начались датскія вторженія, и, благодаря имъ, дальнѣйшее процвѣтаніе поэзіи сдѣлалось почти невозможнымъ. Въ самой странѣ, послѣ долголѣтней борьбы, предводительство перешло къ Вессексу: также и въ культурномъ отношеніи Вессексъ скоро долженъ былъ сдѣлаться путеводителемъ. Альфредъ Великій доставилъ это мѣсто родной провинціи. Когда онъ побѣдой надъ датчанами добился мира, его вниманіе направилось на то, чтобы снова поднять одичалые нравы и развитіе своего народа. Чужеземные ученые были призваны въ страну, а туземные поддержаны и укрѣплены въ ихъ стремленіяхъ. Большое количество латинскихъ трудовъ переводилось на англосаксонскій языкъ, вслѣдствіе чего расцвѣла англосаксонская проза, которая вскорѣ очень пригодилась для законодательной и исторической литературы. Самъ Альфредъ выступаетъ переводчикомъ: онъ перевелъ историческій трудъ Орозія, трудъ Historia ecclesiastica Бэды, сочиненіе Боэція «Объ утѣшеніи философіи» и др. Другіе слѣдуютъ его примѣру. Еще разъ оживляется поэзія: но это издается лишь старый матеріалъ въ разжиженной формѣ. Духовные морщились; лошади, собаки, охота и бражничанье доставляли имъ больше удовольствія, чѣмъ духовная работа. Поворотъ къ лучшему наступилъ лишь тогда, когда около половины X вѣка *Дунстанъ* выступилъ съ своими реформаторскими идеями и добился возвращенія духовенства къ старой умѣренности и простотѣ. Опять были основаны школы, въ которыхъ наряду съ латынью усердно изучался также и родной языкъ; король Эдгаръ (958—975) поддерживалъ эти стремленія. Въ особенности дѣятельнымъ былъ Этельвульфъ въ Винчестерѣ. Изъ его школы вышелъ *Эльфрикъ*, тотъ высокообразованный священникъ, который составлялъ грамматическія сочиненія, писалъ гомиліи, перевелъ большіе отрывки изъ Библіи, описалъ жизнь своего учителя Этельвольда и написалъ еще много другого. Побуждаемый Эльфрикомъ, принимается еще разъ англосаксонскій монахъ за писательскую работу и притомъ въ національномъ смыслѣ. Но уже выказываются слѣды новаго духа: вѣтеръ дуетъ черезъ каналъ и приноситъ около 1000 года сѣмена, изъ которыхъ выроститъ рыцарская романтика среднихъ вѣковъ.

Страна и народъ.

Когда германскія народности материка овладѣли Британіей, они принесли съ собой на новую родину свое родное устройство и удержали его здѣсь втеченіи столѣтій. По древнегерманскому обычаю сперва при завоеваніи господствовали еще патріархальныя отношенія. Отецъ имѣлъ высшую власть надъ семьею, жена, дѣти и рабы стояли подъ его господствомъ. Женщина, однако, занимала важное, во всѣхъ отношеніяхъ достойное положеніе. Родственники держались самымъ тѣснымъ образомъ вмѣстѣ, образуя родъ (англ. maegdh), члены котораго селились другъ подлѣ друга въ hâm (сравн. мѣстности, какъ Birmingham). Родъ охранялъ личность и собственность каждаго изъ своихъ членовъ, а въ древнее время бралъ на себя и кровавую месть, если какому-нибудь сочлену была причинена обида. Въ своей совокупности родъ образовывалъ деревенскую общину, которая называлась у англовъ *by*, у Саксовъ—tûnscipe. Жизненными условіями разселяющагося народа были земледѣліе и скотоводство. Земля и почва, необходимыя для этого, дѣлились совокупностью общины между отдѣльными членами. Для этой цѣли сходились на собранія, на которыхъ обсуждались также и другія внутреннія дѣла и на которыхъ предсѣдатель общины выбирался ею самой (tûngerêfa). Владѣнія отдѣльныхъ семей состояли изъ фамильныхъ и участія въ общинной землѣ. Нѣсколько общинъ вмѣстѣ образовывали волость или сотню, которая по берегамъ была невелика, въ глубь же страны довольно объемиста. Сотня также сходилась въ опредѣленные сроки и на установленныхъ мѣстахъ (подъ священными деревьями, на горахъ, у ручьевъ) для общаго совѣщанія (hundredsgemôt). Но въ то время какъ дѣятельность общиннаго собранія—соціально-хозяйственная, дѣятельность сотни больше судебная. Она должна судить о всѣхъ правовыхъ обстоятельствахъ волости и даже рѣшать въ послѣдней инстанціи споры внутри общины. Въ болѣе старое время *вся* сотня объявляла окончательное рѣшеніе, въ болѣе позднее—эту задачу имѣли 12 свѣдущихъ въ правѣ людей (Schöffen). Какъ деревенская община, такъ и волостная выбирала своихъ чиновниковъ: hundredsealdor'а, который предсѣдательствуетъ, и hundredsman'а, который, съ помощью деревенской общины, долженъ приводить въ исполненіе принятое рѣшеніе.

Рядомъ съ деревенскими общинами свободной страны являются также уже рано городскія общины (burh), т. е. поселенія переселившихся германцевъ на уже имѣвшихся укрѣпленныхъ мѣстахъ, въ старыхъ британскихъ или римскихъ городахъ или лагерцахъ, позднѣе вблизи монастырей. Управленіе городской общины тоже самое, что и деревенской; также и здѣсь собраніе направлялось gerêfa. Но такъ какъ города раньше, чѣмъ вольныя села, вступаютъ въ зависимыя отношенія къ

мелкимъ королямъ, то предсѣдатель этихъ общинъ большею частью назначался королемъ.

Съ VIII-го вѣка мы находимъ въ Англіи зачастую названіе scîr (shire), которое примѣняется къ епископскимъ епархіямъ или къ большимъ округамъ. Съ Альфреда все государство было подраздѣлено на «ширы». Свободные «ширы» сходились на сходки, которыя направлялись ealdorman'омъ. Эти послѣднія совѣщались о войнѣ и мирѣ, объ измѣненіяхъ въ народныхъ законахъ, о дорогахъ и защитѣ округа. Предсѣдатель, который наблюдалъ за рѣшеніями, имѣлъ также предводительство на войнѣ.

Какъ и на родинѣ, переселявшіяся германскія племена Британіи распадались на благородныхъ, свободныхъ, полусвободныхъ (литовъ или лацовъ) и рабовъ. Всѣ эти сословія приняли участіе въ переселеніи. Свободные переселялись подъ предводительствомъ дворянства, поэтому и на новой родинѣ находимъ мы дворянъ-предводителей мелкими князьями. Бóльшую массу составляли свободные, главною цѣлью которыхъ было землевладѣніе. Литы были, главнымъ образомъ, вольноотпущенными рабами или полусвободными, которые отдавались подъ руку кого-нибудь сильнаго. Рабы, наконецъ, были или привезенными со старой родины или же покоренными на новой. Съ теченіемъ времени наступило, какъ и въ Германіи, измѣненіе этихъ прагерманскихъ отношеній: свободный пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ больше онъ имѣетъ владѣній, а рядомъ съ нимъ возвышается до высокаго значенія королевскій «человѣкъ» (Königsmanne, thegn).

Благодаря спеціальнымъ условіямъ, которыя влечетъ за собою завоеваніе новыхъ странъ, возникла англосаксонская королевская власть, которой на родинѣ не знали. Она развилась изъ древняго дворянства, такъ какъ англосаксонскіе короли непремѣнно происходили изъ старыхъ родовъ, которые вели свое происхожденіе большею частью отъ боговъ. Эта королевская власть была наслѣдственна въ родѣ, но вельможи страны (witan) все же не всегда назначали преемникомъ — старшаго сына умершаго короля, но иногда брата, или какого-нибудь другого родственника. Задачей короля было защищать государство и церковь и ограждать право. Это онъ могъ тѣмъ легче, что, обыкновенно, онъ былъ богатѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ. Онъ не только обладалъ большими родовыми помѣстьями, но получалъ также завоеванную землю и конфискованное имущество осужденныхъ преступниковъ. Кромѣ этого, ему принадлежало право пользованія нераздѣленной государственной землей; онъ получалъ часть штрафныхъ денегъ (королевская пеня) доходовъ съ каменоломенъ, съ пошлинъ, портовыхъ налоговъ, приморскихъ помѣстій и др. Изъ этого имущества король награждалъ и содержалъ свиту (gesidh), содержать которую онъ одинъ имѣлъ право и на которую король, именно, и опирался. Отважные юноши и мужи, большею частью благородные, отказываются отчасти отъ своей личной свободы и поступаютъ на королевскую службу, давая королю клятву въ вѣрности, чѣмъ они обѣщаютъ находиться при немъ въ счастливые и бѣдственные дни. Это—thegn. Такъ какъ король—лицо, высшее въ государствѣ, они сами получаютъ повышенное значеніе, что выражается уже въ величинѣ виры, имъ опредѣленной. Скоро добились они отъ короля также и земель: чрезъ это сдѣлались они земельными собственниками, но остались и впослѣдствіи, также какъ и раньше, въ тѣхъ же зависимыхъ отношеніяхъ къ своему господину. Изъ этихъ королевскихъ людей, съ теченіемъ времени, развилось, какъ и на германскомъ материкѣ, новое дворянство, служебное, которое вытѣснило старое—родовое. Изъ этой же свиты выросли также королевскіе чиновники, между которыми высшее мѣсто занимаетъ scîrgerêfa.

Король не былъ неограниченнымъ властителемъ. Около него стоялъ совѣтъ вельможъ (witenagemôt), съ которыми глава государства обо всемъ совѣщался и которые должны были также выбирать новаго короля. Этотъ совѣтъ вельможъ составлялся изъ епископовъ страны, древнихъ народныхъ главарей, ealdormen, и опредѣленнаго числа королевскихъ мужей (cynigesthegn). Этотъ витенагемотъ обыкновенно собирался по большимъ церковнымъ праздникамъ и одинъ разъ осенью и совѣщался о законахъ, о раздѣлѣ земель, о войнѣ и мирѣ. Онъ же выбиралъ новаго короля по смерти стараго. И вотъ, благодаря этому, онъ получилъ значительную силу, которую стремился расширить съ теченіемъ времени. Такимъ образомъ, англосаксонское королевство рано уже было олигархическимъ королевствомъ.

Нравы и обычаи.

Лучшее проникновеніе въ нравы и обычаи англійскаго и саксонскаго народа въ Британіи дастъ намъ стихотвореніе о Беовульфѣ. Находки, найденныя въ землѣ и находящіяся въ англійскихъ музеяхъ, расширяютъ общую картину. При этомъ оказывается, что римское вліяніе уже очень рано дало себя почувствовать этимъ германскимъ племенамъ, и что, съ другой стороны, благодаря сношеніямъ съ ирландскими кельтами, культура кельтовъ частью перешла къ англосаксамъ. Такъ культурное состояніе этого народа являетъ смѣсь германскихъ, римскихъ и кельтскихъ элементовъ, которые не всегда можно рѣзко разграничить. Во всякомъ случаѣ, англосаксы—народъ, достигшій уже высокой степени культуры, которая развивается постоянно все дальше.

Жилища англосаксовъ были похожи на жилища сѣверныхъ германцевъ. Онѣ строились почти сплошь изъ дерева. Отдѣльныя балки скрѣплялись желѣзными скобами. Каждое жилище состояло изъ большой пространной залы, въ которой находились могучія колонны. На нихъ покоилась крыша, которая снаружи нерѣдко была снабжена украшеніями. Къ большой залѣ примыкали маленькія горницы (bûr). У болѣе знатныхъ—каменная дорожка вела ко входу въ залу. Самый входъ замыкали большія двери, которыя поворачивались на петляхъ и вечеромъ запирались. Внутри находился, прежде всего, каминъ, обложенный камнями, въ которомъ горѣлъ огонь. По обѣ стороны его находилось досчатое возвышеніе, на которымъ устраивались сидѣнья. Въ серединѣ возвышалось высокое сѣдалище для хозяина дома, противъ него—для почетнаго гостя. Здѣсь мужчины проводили часто цѣлые дни за пирами, въ шуткахъ и играхъ; при веселыхъ и серьезныхъ разговорахъ. Вечеромъ та же зала

превращалась въ спальную: доски покрывались подушками и настилками, на которыя и ложились мужчины. Съ ними лежали ихъ щиты, шлемы, копья. Скамейки бывали украшаемы рѣзной работой и золотомъ. На стропилахъ обыкновенно вѣшали побѣдные трофеи. Во время особенныхъ празднествъ стѣны зали увѣшивались пестрыми коврами.

Между тѣмъ какъ всѣ остальные мужчины проводили цѣлый день въ залѣ и здѣсь же вечеромъ ложились на покой, хозяинъ дома съ женой уходили въ особую горницу. Таковая же предлагалась гостю, который своими подвигами заслуживалъ этого по мнѣнію хозяина. Всѣ комнаты были на голой землѣ. Отверстія въ крышѣ выпускали дымъ огня, который непрерывно горѣлъ въ залѣ. Кровля, большею частью, какъ кажется, состояла изъ дерева, но все же отъ римлянъ узнали и подобіе черепичной кровли. Огонь въ каминѣ, который давалъ одновременно и теплоту, и свѣтъ, поддерживался дровами, которыя имѣлись въ изобиліи.

Такъ, въ общемъ, устраивались жилища знати. Жилища просто свободныхъ, вѣроятно, отличались не сильно; развѣ только въ убранствѣ сказывалась большая или меньшая зажиточность. Въ главной комнатѣ всего строенія, залѣ, происходили пиры и попойки. Иногда цѣлый день ѣли и пили. Главныя трапезы бывали утромъ около 9 часовъ и послѣ полудня около 3. Вечеромъ время было неопредѣленнымъ. Обыкновенно сидѣли при этомъ за большимъ столомъ. Мужчины и женщины сидѣли вперемежку. Блюда, которыя ѣли, были уже тогда различными у различныхъ племенъ; съ теченіемъ времени онѣ неоднократно мѣнялись. Въ болѣе древнее время преимущественно ѣли мясо, которое жарилось на вертелѣ. Кромѣ того, ѣли ячменный хлѣбъ, масло, сыръ. Эти послѣдніе предметы были, повидимому, пищей слугъ, мясо—пищей свободныхъ людей. Напиткомъ служило молоко. Не рѣдка была рыба въ мѣстностяхъ, богатыхъ водою. Особенно излюбленной сдѣлалась позже свинина. Она часто солилась и потомъ просто варилась въ какомъ-нибудь сосудѣ. Встрѣчаются также упоминанія о курахъ и гусяхъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, также подавали на столъ. Изъ овощей много разъ называются бобы.

Для разрѣзыванія пищи употребляли ножъ, который обыкновенно носили постоянно при себѣ. Вилокъ не знали. Подавались блюда въ большихъ сосудахъ, вродѣ мисокъ, изъ которыхъ ѣли всѣ вмѣстѣ.—Такъ какъ при нѣкоторыхъ блюдахъ, вслѣдствіе отсутствія вилокъ, пачкались пальцы, то, обыкновенно, послѣ стола мыли руки. Тоже часто бывало и передъ обѣдомъ.

Большое удовольствіе находили въ попойкахъ, которыя начинались непосредственно за пирами. Часто начинались онѣ уже рано и продолжались до ночи. И послѣ введенія христіанства духовенство тоже отнюдь не отстало отъ этой старой привычки, какъ ни возставали противъ нея болѣе серьезныя личности въ его средѣ. Главнымъ употреблявшимся напиткомъ были медъ и пиво. Первый добывался изъ сотъ, тогда какъ пиво (ealo, англ. ale) перегонялось изъ хлѣба (ячменя). Потомъ пили его болѣе крѣпкимъ или болѣе слабымъ, по желанію. Рано присоединилось сюда вельское пиво, напитокъ, заимствовнный англосаксами отъ бриттовъ. Въ особенныхъ случаяхъ пили также и вино, съ которымъ познакомились черезъ римлянъ и которое, вѣроятно, ими и ввозилось въ болѣе раннія эпохи.

Сосудами, которыми пользовались при этихъ пирушкахъ, были рогъ и кубки. Они зачастую художественно разукрашивались и дѣлались изъ глины или металла. Особые слуги разливали во время празднествъ напитки. Во время пирушекъ пили за здоровье другъ друга со взаимнымъ пожеланіемъ счатья. Очень нерѣдко первый кубокъ посвящался любви, памяти какого-нибудь усопшаго или какому-нибудь божеству. Въ общемъ, въ героическій періодъ принимали участіе въ пирахъ только мужчины, но, всетаки (особенно при особыхъ празднествахъ), присутствовала и хозяйка дома, или дочь. Тогда она предлагала героямъ кубокъ, переходила отъ одного къ другому, всѣхъ привѣтствовала и восхваляла тамъ, гдѣ это было у мѣста, или же возбуждала юношей къ геройскимъ подвигамъ. Во время пировъ велись самые разнообразные разговоры. Почти всегда выступалъ пѣвецъ (scôp) и восхвалялъ при звукахъ арфы дѣянія усопшихъ героевъ или чужеземныхъ мужей. Внимательно слушали его герои. Звуки арфы будили воиновъ уже по утру, читаемъ въ Беовульфѣ. Между тѣмъ кто-нибудь принимался разсказывать о своихъ собственныхъ приключеніяхъ и извлекалъ изъ превратностей, которыя претерпѣлъ, нравоученія на благо своихъ сотоварищей. Нерѣдко забавлялись разгадываніемъ загадокъ. Иногда мы слышимъ и споръ между героями, въ которомъ одинъ старается возвыситься надъ другимъ своими подвигами. Время между тѣмъ шло, и питье начинало оказывать свое дѣйствіе; тогда нерѣдко давались обѣты: торжественно обѣщали совершить тотъ или иной подвигъ.

Особенно торжественными были тѣ пиры, на которыхъ присутствовалъ какой-нибудь чужестранецъ, такъ какъ у англосаксовъ, какъ и у другихъ германцевъ, гостепріимство свято чтилось. Лишь только чужеземецъ переступалъ порогъ, онъ привѣтствовался хозяиномъ, послѣ чего этотъ послѣдній тщательно заботился объ устроеніи прибывшаго. Во время пира онъ занималъ почетное мѣсто и сидѣлъ противъ короля. Ему назначались особые прислужники, которые должны были позаботиться о покояхъ для гостя. Когда этотъ послѣдній уѣзжалъ, онъ богато одаривался. Оружіе и платье, а также и коней давали пришельцу съ собою—особенно, если онъ оказалъ услуги своему дарителю и его дому.

Но обратимся ко внутреннему устройству дома англосаксовъ. Кромѣ залы, гдѣ былъ собственно настоящій жизненный пульсъ, безъ сомнѣнія въ домѣ было еще много комнатъ: такъ,—конечно, спальня для хозяина дома и его жены, покой для гостей, безъ сомнѣнія также и комнаты для женщинъ. Всѣ эти комнаты были, въ общемъ, также просты. Сидѣли, обыкновенно, на стулѣ, болѣе похожемъ на скамейку; въ покоѣ для женщинъ находимъ наряду съ нимъ родъ скамейки. Столы въ этихъ комнатахъ въ древнее время были большею частью круглыми и покоились на трехъ или четырехъ ножкахъ; только изрѣдка находятъ столы, покоящіеся на одной колонкѣ. Уже рано въ англосаксонскихъ источникахъ можно найти упоминаніе объ очагѣ. Позже—удѣлялось особое мѣсто для приготовленія пищи. Было-ли это отдѣльной постройкой или только мѣстомъ, которое примыкало къ залѣ, нельзя точно установить; вѣроятнѣе—первое. Между нимъ и главнымъ пространствомъ лежалъ bellhûs, гдѣ, обыкновенно, содержалась прислуга.

Тогда какъ въ древнее время главный покой и освѣщался и нагрѣвался огнемъ очага, позднѣе, подъ вліяніемъ западной культуры, стали употреблять свѣчи для освѣщенія комнатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ познакомились и съ подсвѣчникомъ, который ихъ поддерживалъ. Для приготовленія этихъ свѣчей, кажется, пользовались по преимуществу саломъ и воскомъ. Послѣдній очень легко добывался, благодаря множеству пчелъ въ тѣхъ странахъ. Подсвѣчники часто художественно украшались; дѣлались они большей частью изъ металла, иногда изъ серебра. Отъ римлянъ англосаксы выучились также употребленію лампъ.

Относительно устройства постели источники не даютъ желаемой точности. Вѣроятно, она состояла изъ соломенныхъ плетенокъ, на которыя накладывались покрывала. Эти плетенки и покрывала втеченіи дня сохранялись въ постельныхъ ларяхъ. Покрывалами обыкновенно и закрывались. Излюбленными были мѣховыя покрывала, которыя получались въ торговлѣ съ сѣверными германцами. Если въ болѣе древнее время постель дѣлалась тамъ, гдѣ сидѣли днемъ, то позднѣе появляются особыя скамейки для постели, болѣе низкія поставки, которыя сохранялись въ отдаленныхъ углахъ комнаты. Собственно кровати—рѣдки и встрѣчаются, большею частью, у людей съ положеніемъ.

Семья.

Семейныя узы для англосаксовъ, также, какъ и для всѣхъ германцевъ, были священны. Правда, женщина была безправна, но она была вѣрной, любвеобильной подругой своего мужа во всѣхъ положеніяхъ жизни и высоко имъ почиталась. Она принимала участіе во всемъ, что касалось мужа, помогала ему, когда нужно было обдумать что-нибудь новое или важное, сидѣла рядомъ съ нимъ на пиру, привѣтствовала гостей и прославляла ихъ, если они совершили какой-нибудь подвигъ на службѣ ея супруга. Жена пріобрѣталась покупкой. Обрученіе было настоящей торговой сдѣлкой, которая заключалась между родственниками невѣсты и жениха. Послѣ того, какъ покупка невѣсты была завершена, между обѣими сторонами опредѣлялся размѣръ утренняго подарка и вѣно, т. е. состояніе, которое женщина должна получить, если бы она овдовѣла. Самой дѣвушкѣ бракъ не навязывался, но ей позволялось рѣшать по собственному желанію. Въ бракѣ женщина совершенно покорялась волѣ мужа, но, все же, послѣ, какъ и раньше, она оставалась въ юридической связи со своими родственниками. Разводъ не былъ труденъ въ доисторическое время, онъ зависѣлъ отъ соглашенія обоихъ супруговъ, но, все же, случался рѣдко. Рядомъ съ законной женой были, конечно, въ языческое время не рѣдки любовницы, незаконныя жены.

Важнѣйшей задачей жены было рожать своему супругу наслѣдниковъ. О самихъ дѣтяхъ послѣ ихъ рожденія не всегда заботилась женщина. Они передавались потомъ, особенно въ высшихъ сословіяхъ, кормилицамъ, которыя ихъ кормили и воспитывали. Уже рано у англосаксовъ находимъ мы обычай пеленанія дѣтей. Они лежали въ люлькѣ, которая зачастую была изящно разукрашена и богато убрана. Когда они могли

уже бѣгать, топтались они на земельномъ полу залы или на свѣжемъ воздухѣ передъ домомъ. Дѣти знатныхъ часто ходили къ воспитателю, который обучалъ ихъ владѣть оружіемъ. Дѣти рано становились совершеннолѣтними: по законамъ Кента и Вессекса, въ древнѣйшее время—уже съ 10-ти лѣтъ, позже съ 12-ти, и еще позже съ 15-ти. По объявленіи совершеннолѣтія, дѣти становились правоспособными, вступали въ общину и сотню, получали право на полную виру, сами могли управлять своимъ имуществомъ и приносить присягу передъ судьей.

Погребеніе у англосаксонскаго народа также было чисто германскимъ. Въ поэмѣ Беовульфъ мы находимъ одинаковые обряды, какъ и у сѣверныхъ германцевъ. Трупъ или сожигался на кострѣ или доставлялся на корабль, который потомъ отдавался морскимъ волнамъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, усопшему сбоку клались богатые дары: золото, кольца, оружіе, короче—все, что ему было дорого при жизни. Все это онъ долженъ былъ употреблять, по воззрѣнію народа, и за гробомъ. Если мертвый сожигался, надъ его пепломъ набрасывался холмикъ. Родственники же объѣзжаютъ или обходятъ могилу и поютъ хвалебныя пѣсни въ честь усопшаго. Дома пирушкой справляютъ поминки по немъ, пирушкой, въ которой невидимо принимаетъ участіе и усопшій. Сожженіе тѣлъ, конечно, прекратилось, лишь только появились начатки христіанства. Уже рано въ Британіи стало на его мѣсто погребеніе несожженнаго трупа, но, все же, и дары усопшему и поминки продолжались еще цѣлыя столѣтія; христіанство не было въ состояніи уничтожить ихъ.

Кромѣ сочленовъ семьи, почти у всѣхъ свободныхъ находимъ мы въ древнее время *рабовъ*, которые лишь по введеніи христіанства получили достойное человѣка бытіе. Они были лично несвободными, считались вещью и находились совершенно подъ властью своего господина, который могъ по желанію наказывать ихъ, и даже убить. Что обращеніе съ ними не всегда было наилучшимъ, показываетъ то обстоятельство, что зачастую слуги убѣгали отъ своего господина изъ-за страха наказанія. Однако, подобные случаи обусловливались личнымъ характеромъ господина; въ общемъ же, обращеніе со слугами не было дурнымъ. Пользовались ими для всевозможныхъ услугъ, больше же всего для пастьбы стадъ. Такъ мы находимъ рабовъ-конюховъ, свинопасовъ, или дѣвушекъ, которыя на ручной мельницѣ мололи хлѣбъ, смотрѣли за дѣтьми и т. п. Особенно часто упоминаются въ качествѣ рабовъ покоренные кельты (валлійцы). Но и изъ другихъ странъ рабы доставлялись въ Британію: они были хорошимъ предметомъ торговли. Если слуга оказывался виновнымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, то ему назначались другія наказанія, чѣмъ свободному. Если онъ покусился на чью-нибудь жизнь, его вѣшали или побивали камнями, въ то время, какъ свободнаго обезглавливали или сбрасывали со скалы. Клеймленіе и бичеваніе, которыя зачастую практиковались надъ несвободными, не случались никогда со свободнымъ. Что касается наказанія свободныхъ, то оно различно въ различныя эпохи. Древне-германская месть рано уже,—вѣроятно, подъ вліяніемъ христіанства, была замѣнена вирою. Противъ большихъ и повторныхъ преступленій—законы опредѣляютъ или тѣлесныя наказанія (отрѣзаніе отдѣльныхъ членовъ, сдираніе кожи) или потерю личной свободы, изгнаніе, тюрьму, смерть. Соб-

ственно тюремное заключеніе—рѣдко, и упоминается лишь позднѣе, хотя и тогда темница есть только средство обезпеченія, если кто-либо не находитъ поручительства для явки въ судъ, или если должно быть оставлено время для родственника виновнаго, чтобы его выкупить.

Подъ наблюденіемъ несвободныхъ стоялъ, какъ уже упомянуто, скотъ. Въ богатствѣ стадами состояло отчасти состояніе англосаксовъ. Между пастбищными животными мы находимъ рогатый скотъ, овецъ и, прежде всего, свиней. Изъ птицъ упоминаются гуси и павлины. Нѣкоторые богачи, кажется, имѣли также цѣлые табуны. Скотъ пасся на свободѣ, на тучныхъ лугахъ или же въ дубовыхъ лѣсахъ. Вблизи пастбища находился огороженный водоемъ, къ которому животныхъ водили на водопой.

Занятія англосаксовъ были различны въ отдѣльныхъ сословіяхъ. Дворянство, конечно, находило самое большое удовольствіе въ войнѣ, охотѣ, и попойкѣ, которая сопровождала и то, и другое. На войнѣ предводитель ѣхалъ верхомъ впереди войска, которое слѣдовало за нимъ пѣшимъ. Вооруженіемъ служили кольчуги, липовый, обитый мѣдью щитъ, мѣдный шлемъ, на которомъ нерѣдко изображался кабанъ. Между наступательнымъ оружіемъ самое важное—мечъ и копье. Первый, большею частью обоюдоострый, часто снабженъ на рукояти художественными украшеніями. На клинкѣ—иногда написано рунами имя перваго обладателя. Мечи носятъ особыя имена; согласно легендамъ, они—работы великановъ или же карликовъ и часто колдовствомъ дѣлаются неотразимыми. Кромѣ нихъ знали также въ качествѣ наступательнаго оружія—стрѣлы и лукъ. Передъ сражающимися развѣвалось знамя, которое никогда не исчезало изъ боя. Въ мирное время главнымъ развлеченіемъ была охота, для которой давали просторъ обширные дѣвственные лѣса страны. Почти каждый свободный имѣлъ свой охотничій округъ; округъ королей былъ самымъ обширнымъ. Даже духовенство въ христіанское время не могло отвыкнуть отъ этого унаслѣдованнаго развлеченія. Охота производилась въ лѣсахъ и на поляхъ, какъ съ собаками, такъ и съ соколами. Дрессировкѣ этихъ охотничьихъ собакъ удѣлялось большое вниманіе. Для собакъ зачастую назначался особый слуга. Особенно излюбленными были борзыя собаки. Между животными, за которыми охотились, особенно выдѣляются кабанъ, олени, серны, зайцы. Охотились и за пернатыми, причемъ соколъ исполнялъ свое дѣло. Четвероногихъ животныхъ убивали копьемъ или стрѣлой изъ лука; иногда завязывался поединокъ; тогда вынимался и мечъ. Изъ дальнѣйшихъ увеселеній, которымъ предавалось особенно дворянство, слѣдуетъ упомянуть верховую ѣзду и плаваніе.

Занятія просто свободныхъ были разнообразными. Они также, какъ и дворянство, принимали участіе въ войнѣ и въ вѣчахъ и охотились на своихъ выгонахъ. Наряду съ этимъ имъ же принадлежалъ надзоръ за своими землями, своими лѣсами, своими выгонами, ибо въ нихъ состояло ихъ богатство. Каждое владѣніе было ограничено и такимъ образомъ отдѣлено отъ сосѣдей. Пашня обработывалась уже раціонально, чему выучились, вѣроятно, отъ римлянъ. Въ болѣе поздній періодъ—англосаксонскихъ королей—не разъ упоминается плугъ, изготовлявшійся, какъ и много другихъ предметовъ, кузнецомъ, работникомъ по дереву и металлу. Изъ злаковъ сѣялся преимущественно ячмень, изъ котораго дѣлалось не только пиво, но и хлѣбъ. Скотоводствомъ тоже уже рано стали заниматься съ особенной заботливостью. Обязанность приготовленія масла и сыра лежала на женщинахъ. Обращали вниманіе и на пчеловодство. Были особые насѣчники, а воровство пчелъ уже въ древнее время сурово каралось. Вѣдь пчеламъ были обязаны сотами, которые были необходимы для приготовленія меда, и воскомъ, составлявшимъ хорошую отрасль торговли. Наряду съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, свободный англосаксъ занимался преимущественно торговлей. Какъ норманскіе, такъ и англосаксонскіе корабли бороздили сѣверное море. Повсемѣстно мы находимъ торговыя мѣста (ceapstôw), между которыми Лондонъ занимаетъ первое мѣсто. Въ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣтала торговля, царствовалъ миръ. Почти сплошь были это укрѣпленныя мѣста, лишь торговля скотомъ производилась иногда на ровныхъ мѣстахъ. Въ важнѣйшихъ торговыхъ центрахъ мы находимъ portgerêfa, надсмотрщика надъ торговлей, который назначался королемъ и слѣдилъ за торговлей. Никакая торговая сдѣлка не могла по законамъ состояться безъ свидѣтелей. Торговать можно было во всѣ дни; только въ воскресенье было это строго запрещено послѣ введенія христіанства. Предметы торговли необыкновенно разнообразны: рабы, скотъ, медъ, масло, короче—все, что производила страна, являлось на рынкѣ. Англы вели торговлю особенно съ фризами и франками. Въ древнѣйшее время торговля была мѣновой, но уже очень рано выступаетъ платежнымъ средствомъ металлъ. Только пользовались имъ не въ монетномъ видѣ, а по вѣсу. Чеканная монета является лишь позднѣе и возникаетъ подъ вліяніемъ римской. Но и чеканъ-то получали лишь болѣе мелкія счетныя единицы: пфенниги. Счетнымъ металломъ было, главнымъ образомъ, золото и серебро. Единицу составлялъ взвѣшенный фунтъ,—подраздѣленіями были—шиллингъ и пфеннигъ. На одинъ фунтъ приходилось 240 пфенниговъ, на 1 шиллингъ въ Мерсіи—4, въ Вессексѣ—5 пфенниговъ. Въ Кентѣ подраздѣленіемъ шиллинга является скоетъ (Skoet), который приблизительно имѣетъ цѣнность пфеннига. Равную цѣнность имѣютъ нортумбрійскія ѳримзы. Къ этимъ англосаксонскимъ счетнымъ цѣнностямъ прибавились, благодаря сношеніямъ съ датчанами, позднѣе—новыя, а именно, марка, цѣнность которой = $^1/_2$ фунта = 120 пфенниговъ, манкусъ (Mancus) = $^1/_8$ ф. = 30 пфенниговъ и ёръ (Ör) = 20 пфеннигамъ.

Путешествіе изъ страны въ страну происходило на лодкахъ, на сушѣ ѣздили на телѣгахъ. Иногда купецъ ѣхалъ верхомъ. Тогда его лошадь имѣла сѣдло, узду и недоуздокъ, онъ самъ стремена и шпоры. Рѣдко купецъ выѣзжалъ одинъ, обыкновенно многіе соединялись для совмѣстнаго путешествія. Прообразомъ для повозокъ, которыми пользовались для перевозки товаровъ, была римская двухколесная biga, такъ какъ лошади, которыхъ погоняли кнутомъ, припрягались не къ дышлу, но прямо передъ повозкой. Люди ходили большею частью пѣшкомъ. Старыя римскія дороги, по образцу которыхъ позднѣе возводились подобныя же, были хорошими путями сообщенія. Постоянно при такихъ странствіяхъ носили оружіе, большею частью, копье, которое было несомо горизонтально на плечѣ. Путешествіе затруднялось недостаткомъ гостиницъ, но все же на высотахъ саксонской Англіи имѣлись постройки, подобныя восточнымъ караванъ-сараямъ, гдѣ можно было останавливаться на ночь. Римскія постройки,

какъ кажется, служили именно для этого. Недостатокъ гостиницъ, между прочимъ, выкупало широкоразвитое гостепріимство, къ которому каждый обязывался какъ по свѣтскимъ, такъ и церковнымъ законамъ. Прежде всего надо было принимать странствующихъ священниковъ. Первый долгъ гостепріимства требовалъ омыть руки и ноги чужеземцу, затѣмъ предложить ему освѣжиться. Втеченіи трехъ ночей можно было принимать чужеземца, но нужно было предоставить его правосудію, если онъ совершалъ что-нибудь противозаконное, или, наоборотъ, защитить его права. Если пришлецъ былъ иностранцемъ, онъ пользовался покровительствомъ короля, почему король также имѣлъ право на виру за чужеземца.

Королевство и имперія Каролинговъ.

Составилъ О. Генне-амъ-Ринъ. (Пер. подъ ред. проф. **Трачевскаго**).

Съ тѣхъ поръ, какъ храбрый побѣдитель арабскихъ полчищъ, вторгнувшихся во Францію, знаменитый майордомъ *Карлъ Мартелъ*, сталъ управлять государствомъ (714—741), отъ королевства Меровинговъ осталась одна блѣдная тѣнь; власть уже перешла въ руки Каролинговъ, и обладаніе этими послѣдними наслѣдственною короной было лишь вопросомъ времени. Обезопасивъ государство съ юга и сохранивъ такимъ образомъ Европу для европейцевъ, Карлъ и не подозрѣвалъ всей важности своей побѣды. Онъ гораздо болѣе заботился о томъ, чтобы распространить господство франковъ къ сѣверу и востоку. Первымъ его шагомъ къ этому было подчиненіе въ 734 г. *фризовъ* послѣ мужественнаго сопротивленія съ ихъ стороны. Будто настоящій король, онъ раздѣлилъ передъ своей смертью государство между своими сыновьями *Карломаномъ* и *Пипиномъ* (собственно Карльманъ и Пиппинъ). Но такъ какъ первый вскорѣ удалился въ монастырь, то послѣдній, третій изъ Пипиновъ и потому названный Младшимъ (не Малымъ, и не Короткимъ), остался единодержавнымъ и не замедлилъ присоединить къ своей власти и королевскій титулъ (751), а также надѣть себѣ корону, хотя и не безъ согласія папы—на основаніи «Do ut des». Римскій епископъ сдѣлался свѣтскимъ княземъ и первосвященникомъ христіанства; Каролинги сдѣлались королями, а затѣмъ императорами.

При Пипинѣ господство франковъ распространилось еще дальше; Вестфалія сдѣлалась ихъ данницей; алеманы были вполнѣ покорены; Баварія лишилась многихъ земель и стала зависимой отъ имперіи. На югѣ была присоединена Септиманія—остатокъ арабскихъ владѣній въ сѣверныхъ Пиренеяхъ, и съ окончательнымъ завоеваніемъ Аквитаніи, незадолго до смерти Пипина, вся Галлія была соединена подъ скипетромъ Каролинговъ. Наконецъ, призванный папой, Пипинъ подготовилъ завоеваніе Италіи побѣдами надъ лангобардами, которое долженъ былъ докончить его болѣе великій сынъ.

Карлъ Великій сначала управлялъ, подобно отцу, совмѣстно съ братомъ Карломаномъ; но послѣ его смерти (771), оставшись единодержавнымъ, продолжалъ всѣ начинанія Пипина и далъ имъ дальнѣйшее развитіе. Покореніе саксовъ заняло не менѣе трети столѣтія. Въ послѣднее

время при Пипинѣ они проникли на западъ до Рейна и угрожали господству франковъ въ Вестфаліи. Прежде всего была отвоевана эта земля. Средніе и восточные саксы подпали подъ довольно легкую зависимость отъ франковъ. На самомъ дѣлѣ они жили еще свободно и совсѣмъ, какъ древніе германцы,—независимыми округами, слабо связанными между собою. Власть дворянства была такъ значительна, что Карлъ поступилъ мудро, привлекши знать на свою сторону. Видукиндъ и другіе не поддались его приманкамъ и должны были бѣжать. Франкскіе законы, очень строгіе, даже кровавые, вводились при помощи духовенства, которое разсылало свои миссіи по странѣ. Но церковь имѣла право отмѣнять смертную казнь, если виновный подчинялся ея власти и, благодаря этому, она усиливалась. Возвратившійся Видукиндъ снова поднялъ возстаніе и подготовилъ пораженіе франковъ; но Карлъ отомстилъ не только побѣдой, но и (при Верденѣ въ 782 г.) жестокой казнью 4500 саксовъ, выданныхъ ему вождями, конечно, на законномъ основаніи. Возмущеніе противъ этого кроваваго дѣла было также подавлено. Видукиндъ и Аббіо сдались и крестились. Но этимъ дѣло не кончилось; третье возстаніе эпигоновъ продолжалось цѣлыя десять лѣтъ и завершилось прочной побѣдой франковъ, а также принудительнымъ разселеніемъ строптивыхъ саксовъ, во франкскихъ областяхъ.

Совершенно другой характеръ носило покореніе *Баваріи*. Здѣсь дѣло обошлось безъ дикихъ боевыхъ сценъ и кровопролитій. Герцогъ *Тассило* своевольно провозгласилъ себя независимымъ, привлекши на свою сторону знать и церковь, и распространилъ свое господство на славянъ, которые, освободившись отъ азіатскихъ аваровъ, проникли въ Крайну и дальше. Но за этимъ возвеличеніемъ герцога быстро послѣдовало его паденіе. Его измѣна франкамъ принудила Карла къ походамъ, и Тассило искупилъ свое короткое могущество заключеніемъ въ монастырѣ. Баварія подчинилась франкамъ, авары были совершенно разбиты, и царство Карла расширилось до предѣловъ современной Венгріи и Адріатическаго моря. Успѣхи славянъ были остановлены; ихъ земля покрылась нѣмецкими городами, монастырями и селами.

Завоеваніе Саксоніи и Баваріи положило основаніе возникшей позднѣе восточно-франкской, и затѣмъ нѣмецкой имперіи. Безъ этихъ подвиговъ Карла Великаго не было бы Германіи, и вся ея восточная половина и даже больше осталась бы въ рукахъ славянъ.

Также, какъ съ востока, должна была обезпечить себя имперія Карла и съ юго-запада. Здѣсь дѣло было въ томъ, чтобы разъ навсегда воздвигнуть могущественную преграду вторженію ислама въ среднюю Европу. Съ этой цѣлью, благодаря раздорамъ между арабами и берберами въ Испаніи, Карлу удалось захватить испанскую марку между Эбро и Пиренеями (778 г.).

Что касается до распространенія господства франковъ въ *Италіи*, то здѣсь дѣло шло не объ одномъ огражденіи границъ, но именно объ установленіи отношеній между папской и королевской властью, между церковью и государствомъ, а также объ отношеніяхъ къ лангобардамъ. Карлъ предпочелъ заключить союзъ съ нарождающейся свѣтской властью церкви, а не съ непрочнымъ господствомъ лангобардовъ, которое онъ и

сломилъ совершенно въ 774 году. Отсюда произошла личная унія между франкской и лангобардской, позднѣе итальянской, короной. По этому поводу папа не преминулъ изъявить притязаніе на раздѣлъ Италіи между нимъ и королемъ; возникла оживленная переписка; но въ концѣ концовъ побѣдилъ сильнѣйшій, продиктовавъ миръ и даровавъ церкви лишь ограниченную область.

Теперь Франкское королевство, если примѣнить нынѣшнія названія земель, обнимало всю Францію, Бельгію, Нидерланды, Германію къ западу отъ Дравы, Эльбы и Заалы, Австрію по сію сторону Лейты, а также Каталонію и Лангобардское королевство при Карлѣ, верхнюю и среднюю Италію, а съ нею и герцогство Беневентъ, т. е. большую часть позднѣйшаго Неаполитанскаго королевства. Но внѣшнія границы этого міроваго царства, соперничавшаго по величинѣ съ Византійской имперіей и владѣніями калифовъ, были еще слабы и постоянно колебались.

Тѣмъ не менѣе, могущество Карла Великаго въ его вѣкѣ было громадно. Испанско-арабскіе эмиры, аварскіе ханы, посланники восточнаго императора и багдадскаго калифа перебивали другъ у друга его милость. Славянскіе князья и христіанскіе короли Астуріи просили его о защитѣ. Іерусалимскій патріархъ прислалъ ему ключи отъ Святого гроба. Онъ уже былъ на дѣлѣ императоръ, прежде чѣмъ получилъ этотъ титулъ и корону. А получилъ онъ ихъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ папству.

Карлъ Великій былъ не такой человѣкъ, чтобы подчиняться папскому жезлу, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлали позднѣйшіе императоры; хотя въ религіозномъ отношеніи онъ былъ преданнымъ сыномъ церкви. Уже со временъ Пипина франкскіе епископы были независимы отъ Рима, и всѣми своими интересами они были связаны съ государствомъ. Мало того! Когда повелительница восточнаго христіанства, аѳинскій выродокъ, *Ирина*, женщина, лишенная добродѣтели и совѣсти, возстановила посредствомъ Никейскаго собора въ 787 году иконопочитаніе, отвергнутое ея предшественниками, иконоборцами, то Карлъ, несмотря на одобреніе папы Адріана I, созвалъ соборъ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 794 г. и повелѣлъ предать проклятію постановленія Никейскаго собора; а отъ папы потребовалъ признанія франкфуртскаго постановленія и даже обвинилъ его въ симоніи. Тщетно возставалъ Адріанъ противъ такого мнѣнія короля. Еще слабѣе былъ его преемникъ, Левъ III. Изгнанный римлянами, онъ бѣжалъ къ Карлу, который водворилъ его снова. Въ благодарность за это папа возложилъ на голову короля въ 799 г. въ Римѣ императорскую корону; но это скорѣе удивило, нежели обрадовало Карла, который лучше желалъ бы завоевать ее. Папа сдѣлалъ это не столько по собственному побужденію, сколько вынужденный обстоятельствами. Онъ хотѣлъ предупредить Карла—и это придало новой «Римской имперіи» ея полуантичный, полухристіанскій характеръ на многіе вѣка.

Карлъ Великій и его дворъ.

Могучая личность Карла Великаго осталась образцомъ для всѣхъ среднихъ вѣковъ и для позднѣйшихъ временъ. Недаромъ многіе послѣдующіе императоры и короли всѣхъ христіанскихъ странъ носили его имя;

у славянъ и мадьяръ оно даже обозначало королевское достоинство (русское слово—король, чешское и сербское краль, венгерское кирали); хотя оно собственно не было сродно православнымъ христіанамъ. Подвиги и приключенія Карла стали предметомъ безчисленныхъ былинъ, сказаній и сказокъ. Его любимый городъ, Ахенъ, сталъ мѣстомъ коронованія позднѣйшихъ нѣмецкихъ королей; его времени приписываютъ происхожденіе знаковъ королевской власти. Папы основывали всѣ свои притязанія на его дѣйствительныхъ или мнимыхъ дарахъ.

Внѣшность Карла оставалась загадкой до послѣдняго времени; тѣмъ болѣе представлялось простора для фантазіи въ ея воспроизведеніи. Альбрехтъ Дюреръ создалъ его идеализованный образъ, представивъ его въ спокойномъ величіи, съ императорской короной на головѣ, въ императорской мантіи, съ скипетромъ и державой въ рукѣ. Но это не полководецъ, не неутомимый собиратель земли. Только въ послѣдніе годы открыли бронзовую статуэтку императора съ тѣми же царскими знаками, но верхомъ, въ воинственной позѣ. Это не голова Дюрера, съ красивыми кудрями и волнистой бородой, но чисто франкское смѣлое лицо съ узкой бородой и большимъ подбородкомъ, живо напоминающимъ новѣйшаго собирателя земли, князя Бисмарка. Эта статуэтка, хранившаяся прежде въ Мецѣ, а теперь находящаяся въ Парижѣ, признана, по произведеннымъ изслѣдованіямъ, подлинной и похожей.

Карлъ носилъ самый простой франкскій костюмъ. Онъ питалъ отвращеніе къ чужеземной и восточной суетности и мишурѣ. Сверхъ простого кафтана былъ накинутъ плащъ; ноги были перевиты крестообразно тесьмою, поддерживавшею простые башмаки. И лишь въ торжественныхъ случаяхъ обувь была украшена драгоцѣнными камнями. Хотя онъ, подобно всѣмъ въ его время, и былъ проникнутъ не національными, а общегосударственными стремленіями, тѣмъ не менѣе всѣмъ своимъ существомъ онъ былъ нѣмецъ и именно нѣмецъ древнихъ временъ. Правда, пресловутое цѣломудріе германцевъ отошло въ область преданій, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ потомки жили среди римлянъ и кельтовъ. Меровинги, даже крестившись, допускали многоженство, а также до извѣстной степени и предки Карла, не исключая и его отца. Онъ унаслѣдовалъ ихъ натуру и не отличался ни вѣрностью, ни воздержаніемъ относительно женщинъ. Онъ часто мѣнялъ своихъ законныхъ женъ на красивыхъ наложницъ. Первую изъ своихъ женъ, дочь послѣдняго лангобардскаго короля, онъ прогналъ; вторую свою законную жену, *Гильдегарду*, онъ любилъ и жалѣлъ больше всѣхъ. У него было множество дѣтей, которыхъ онъ воспитывалъ въ принципахъ свободы. Даже дочерей онъ воспитывалъ такъ свободно, что двѣ изъ нихъ, *Груодтруда* и *Берта* жили внѣ брака со своими возлюбленными. Берта родила своему юному другу, *Ангильберту*, двухъ сыновей, *Гартнита* и историка *Нитгардта*. Неудивительно, что эта соблазнительная жизнь породила множество романическихъ сказаній, вродѣ сказанія объ *Эйнгардѣ*, біографѣ Карла, и Эммѣ, которая не была дочерью императора. Какъ единственная чистая дѣвушка при дворѣ прославилась внучка Карла, *Гундрада*.

Несмотря на отсутствіе строгой нравственности, Карлъ былъ въ высшей степени искрененъ и нѣженъ въ семейной жизни. Каждый день,

когда онъ возвращался отъ обѣдни, жена и дѣти радостно встрѣчали его. Сыновья снимали съ него мечъ и плащъ, дочери подносили ему цвѣты и плоды. Потомъ вокругъ него собирались чиновники и совѣтники для обсужденія государственныхъ дѣлъ. За обѣдомъ присутствовали его ученые друзья, и придворный священникъ, Гильдебальдъ, читалъ молитву; затѣмъ читали стихи и играла музыка. Карлу служили князья, имъ—графы; графамъ—дворяне и т. д. до прислуги, такъ что обѣдъ продолжался отъ полудня до полуночи.

Любимымъ удовольствіемъ Карла и его близкихъ была *охота*. Въ ней принимали участіе даже его жены и дочери, причемъ онѣ надѣвали діадемы, украшенныя драгоцѣнными каменьями, дорогія одежды и драгоцѣнности. Но тѣ же женщины не брезгали прясть собственными руками ленъ и шерсть, необходимыя для домашней одежды. Эти охоты особенно оживляли окрестности Ахена, гдѣ по большей части жилъ Карлъ. Это еще не былъ городъ; это было большоепо мѣстье съ дворцомъ и многими другими зданіями, домами для чиновниковъ, гостиницами и банями. Послѣднія Карлъ возстановилъ, найдя ихъ разрушенными, и посѣщалъ вмѣстѣ съ сыновьями, друзьями и свитой. Къ этому присоединилась церковь Маріи, или соборъ, и новый, болѣе обширный дворецъ. Придворные праздники привлекали туда большія толпы народа; устраивалась ярмарка и различныя удовольствія.

Ахенъ послужилъ образцомъ для устройства другихъ *коронныхъ имѣній* (виллъ) императора, для чего онъ издавалъ подробные указы. Они касались доходовъ съ земледѣлія, скотоводства, птицеводства, пчеловодства, охоты, рыбной ловли, лѣсоводства, разведенія травъ и цвѣтовъ, приготовленія масла, мельницъ и т. п., затѣмъ обязанностей управляющихъ, ремесленниковъ и рабочихъ, наконецъ, наказаній за упущенія. Въ «женскихъ училищахъ» занимались кустарными женскими рукодѣліями и устраивались склады для произведеній промышленности.

Но и семью Карла посѣщало горе. Незадолго до его смерти умеръ его второй сынъ, *Пипинъ;* еще тяжеле была для него утрата старшаго, любимаго сына, дѣльнаго Карла, избраннаго имъ въ наслѣдники. Въ силу рокового стеченія обстоятельствъ, въ живыхъ остался самый неспособный изъ братьевъ, ханжа Людвигъ. Правда, это разстроило планъ Карла:—раздѣлить имперію между его тремя законными сыновьями, но, къ сожалѣнію, лишь на время, до кончины слабаго преемника. Великій императоръ умеръ въ глубокомъ горѣ 28-го января 814 года.

Могучій образъ Карла Великаго выдвигается, какъ пограничный столбъ въ культурной исторіи среднихъ вѣковъ. Съ нимъ кончается раздробленіе Европы на безчисленные народы, по большей части лишенные всякой связи между собою. Созданная имъ колоссальная имперія соединила среднюю, южную и отчасти сѣверную Европу въ одно культурное общество съ однообразными общественными, нравственными, религіозными, литературными и художественными интересами на много вѣковъ. Собственно только со времени Карла средніе вѣка принимаютъ своеобразный характеръ; до него это былъ лишь неясный, смутный, грубый переходъ отъ разлагавшейся древней гражданственности къ едва нарождавшейся германо-романской культурѣ, изъ которой развилась втеченіи семи вѣковъ общеевропейская цивилизація съ задатками общечеловѣческой.

*

Народъ и государство Каролинговъ.

Вѣкъ Каролинговъ представляетъ переходъ отъ неустановившихся еще порядковъ эпохи переселенія народовъ къ прочнымъ, хотя и своеобразно расчлененнымъ, собственно средневѣковымъ, государственнымъ учрежденіямъ, которыя уже стали непонятны современному чиновничеству.

При основаніи франкскаго государства господствовало римское воззрѣніе, что всѣ земли государства принадлежатъ королю [1]), какъ въ Римской имперіи—императору. Но все-таки требовалось, чтобы король раздѣлилъ свое государство между всѣми свободными «по возможности на равныя части». Однако это воззрѣніе исчезло съ паденіемъ франкской монархіи. Земельные надѣлы становились все неравномѣрнѣе; помѣстья знатныхъ росли по мѣрѣ того, какъ вельможи все болѣе и болѣе посягали на непосредственныя владѣнія короны, а также на участки мелкихъ землевладѣльцевъ. Зависимость собственности отъ надѣла, связанная съ правами сельской общины, рода и семьи владѣльца, постепенно слабѣла. Собственникъ могъ завѣщать уже не только сыновьямъ (за отсутствіемъ которыхъ прежде надѣлъ переходилъ къ общинѣ), но и внукамъ, а затѣмъ и братьямъ своимъ. Права общинниковъ, рода и семьи были забыты. Мѣсто этихъ корпорацій во многихъ случаяхъ заступала церковь. Владѣнія свободныхъ становились не только самостоятельнѣе, но, благодаря завѣщаніямъ, и раздробленнѣе. Расчищая общинный лѣсъ подъ пашню, отдѣльныя лица пріобрѣтали части этой прежде общей земли. Эти новины разростались въ ущербъ надѣламъ. Такимъ образомъ постоянно увеличивавшееся крупное землевладѣніе становилось все опаснѣе для мелкопомѣстныхъ свободныхъ людей. Церковныя земли также сильно росли. Церковь и знать получали отъ короля въ подарокъ множество земель за службу престолу; а затраченный на нихъ трудъ уничтожилъ мало по малу ихъ отчуждаемость. Крупныя помѣстья дворянъ и церкви обнимали при Каролингахъ уже сотни деревень. Владѣльцы уже не могли съ ними справиться и отдавали надѣлы слугамъ, которые назывались мызниками. Эти владѣнія были зародышами возникшихъ впослѣдствіи мелкихъ государствъ.

Рядомъ съ этимъ развивалось и *монетное* дѣло. Знать оспаривала у государства право чеканить монету, и вмѣсто прочныхъ золотыхъ денегъ, она пустила въ оборотъ безпорядочныя серебряныя. Карлъ Великій упорядочилъ и это дѣло. Онъ постановилъ, что фунтъ золота равенъ 20 солидамъ, или 240 серебрянымъ денаріямъ. Въ тѣ времена за полденарія можно было купить курицу или 4,8 кил. пшеничнаго или 6 кил. ржаного хлѣба. Корова стоила 6 денаріевъ, лошадь отъ 10—30 ден. Теперь, по Дану, курица стоитъ отъ 4—8 разъ, рожь въ 6 разъ, а пшеница въ 9 разъ дороже, нежели при Карлѣ Великомъ [2]).

Чѣмъ больше росла крупная земельная собственность, тѣмъ больше увеличивалось число *несвободныхъ*; но ихъ положеніе улучшилось, потому что господинъ нуждался въ работникахъ. Принадлежавшіе коронѣ могли занимать различныя должности и получать санъ. Подъ властью церкви

[1]) Karl Lamprecht, Deutsche Geschichte. Berlin 1892. II. Bd. S. 83 ff.
[2]) Dahn, Deutsche Geschichte. Gotha 1888. I. Bd. 2 Hälfte. S. 708—713.

имъ тоже представлялась возможность обогатиться, да и тяжестей они несли немного. Но *свободные* обѣднѣли; отчасти, благодаря большимъ судебнымъ штрафамъ, они попали въ рабство за долги, отчасти имъ вредили безпрестанныя войны, въ которыхъ они должны были принимать участіе. Угнетаемые крупными землевладѣльцами, они принуждены были продать имъ свои помѣстьица и отдаваться подъ ихъ защиту сперва на правахъ свободныхъ подзащитныхъ людей, потомъ какъ оброчные крестьяне, наконецъ какъ несвободные и подчиненные; послѣдніе слились въ *одинъ* классъ крѣпостныхъ.

Крупные помѣщики становились все болѣе и болѣе независимыми отъ государства; они добились освобожденія отъ налоговъ, воинской повинности и штрафовъ, они стали *привилегированными*. Они назначали чиновниковъ, которые пользовались одинаковыми правами съ королевскими; сами налагали подати на своихъ подчиненныхъ и были ихъ судьями и предводителями. Короли тщетно противодѣйствовали этому возвышенію; имъ удалось только ограничить его, но не подавить. Въ концѣ 9 вѣка привилегированные имѣли уже свои собственные низшіе суды. Точно также они образовали мелкія воюющія державы.

Какъ въ старыя времена мелкіе короли окружали себя дружиной, а Меровинги антрустіонами, такъ и крупные помѣщики собирали вокругъ себя отряды всадниковъ, въ которые стекались во множествѣ обѣднѣвшіе свободные. Эти *вассы* присягали господину въ вѣрности, отдаваясь подъ его защиту, и обѣщали поддерживать его въ борьбѣ и нуждѣ. Господа не замедлили присоединить къ этому маленькому конному войску пѣхоту, составленную изъ ихъ подчиненныхъ—свободныхъ, несвободныхъ и крѣпостныхъ. Съ этими войсками помѣщики присоединялись къ болѣе многочисленнымъ отрядамъ, которые графы собирали во имя короля въ своихъ областяхъ. И Каролинги всею своей властью поддержали это учрежденіе, которое готово было уже распасться при ихъ предшественникахъ. Карлъ Великій неутомимо стремился привлечь какъ можно больше свободныхъ къ военной службѣ. Но это не удавалось: ихъ число все уменьшалось и еще до смерти императора они уступили отрядамъ землевладѣльцевъ и впослѣдствіи войска состояли уже изъ однихъ вассаловъ. Эти послѣдніе составляли и общинный судъ своего господина (senior, seigneur). Такимъ образомъ помѣщики совершенно ослабили государство и способствовали его распаденію.

Такъ произошла *феодальная* или *ленная* система. Теперь король повелѣвалъ только знатью, а она своими вассалами, и это не только на войнѣ, но и въ мирное время. Правда, Карлъ Великій отмѣнилъ, подобно своимъ предкамъ, наслѣдственность должностей, которая прокралась при позднѣйшихъ Меровингахъ. Но она была въ духѣ времени, и ее нельзя было уничтожить. Чиновники, въ особенности графы, получали помѣстья, и ихъ жалованье состояло въ доходахъ съ сельскаго хозяйства. Это-то и вело къ ихъ самостоятельности и наслѣдственности: вѣдь они обладали источникомъ, изъ котораго исходила ихъ плата [1]). Позднѣйшіе Каролинги утвердили этотъ принципъ, чтобы привязать къ себѣ чиновниковъ, въ качествѣ своихъ вассаловъ, которые теряли свою должность при нарушеніи вѣрности. Такимъ обра-

[1]) Lamprecht, назв. соч. стр. 105 и слѣд.

зомъ они сдѣлались неограниченными господами своихъ бенефицій, и еще до конца Каролинговъ послѣднія стали уже наслѣдственными. Государство потеряло всякое вліяніе; чиновники были связаны только клятвой въ вѣрности, но не законными обязательствами.

Сеймы обратились въ собранія крупныхъ вассаловъ; уже не король спрашивалъ у нихъ совѣта, а они подавали ему совѣты, предостерегали его, даже угрожали отпаденіемъ. На народъ государство тоже не имѣло вліянія; оно исходило только отъ знати и церкви.

Чѣмъ болѣе падало могущество короля, подрываемое знатью, тѣмъ большимъ блескомъ онъ окружалъ себя. Меровинги ѣздили по государству на сеймъ по старинному, въ повозкѣ, запряженной быками: у нихъ не было ни короны, ни скипетра, а только копье [1]). Каролинги, пользовавшіеся большимъ внѣшнимъ значеніемъ, присоединили мечъ и щитъ, Карлъ Великій—скипетръ и, вѣроятно, крестъ. Пипинъ учредилъ помазаніе, Карлъ Великій—коронованіе. Каролинги уже не разъѣзжали по государству, чтобы чинить судъ. Но все-таки они не жили въ городахъ, какъ Меровинги, но въ загородныхъ дворцахъ. Если они предпринимали путешествія, то подданные должны были доставлять придворному штату помѣщеніе и средства для дальнѣйшаго слѣдованія; точно также иностраннымъ посланникамъ и свѣтскимъ или духовнымъ сановникамъ, если они путешествовали. Епископъ, отлучавшійся изъ своей епархіи, получалъ ежедневно 10 хлѣбовъ, 3 поросенка, 1 свинью, 3 курицы, 15 яицъ, 3 бочки напитковъ и 4 четверика овса.

Во внѣшнихъ сношеніяхъ король одинъ представлялъ государство; внутри онъ стоялъ во главѣ общиннаго быта, въ которомъ онъ имѣлъ мало власти, а былъ просто блюститель государственнаго порядка. Онъ заключалъ союзы и миръ и предводительствовалъ войскомъ. Но отъ воли послѣдняго зависѣло вести или окончить войну: ей долженъ былъ подчиняться король.

Выше стояла власть короля въ *судопроизводствѣ*. Надъ нимъ не было судьи. Его судъ считался высшей инстанціей. Законы франковъ, *Lex Salica*, не были для него строго обязательны, лишь бы были соблюдены судебныя формальности при участіи коллегіи присяжныхъ.

Важнѣйшемъ правомъ короля было *коронное право* (*Bannrechte*), въ силу котораго онъ могъ издавать постановленія и запрещенія; они имѣли силу по салическимъ законамъ, но лишь въ области королевскаго суда; обыкновенные же суды руководились народнымъ правомъ. Точно также его постановленія не были обязательны и для его преемниковъ.

При Каролингахъ *карательные законы* стали мягче, нежели они были при Меровингахъ [2]). Пипинъ и Карлъ Великій примѣняли смертную казнь лишь въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ, а въ остальныхъ они замѣнили ее для свободныхъ денежнымъ штрафомъ и тюрьмою, для вольноотпущенниковъ и слугъ—тѣлеснымъ наказаніемъ. Если виновнаго представляли въ королевскій судъ для назначенія ему наказанія, то онъ всецѣло зависѣлъ отъ милости короля.

---

[1]) Richard *Schröder*. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, Leipzig. 1889. Стр. 109 и слѣд.

[2]) Schröder, то-же соч. S. 339 f.

Уже со временъ Карла Мартелла, Каролинги упразднили *герцогства*, усилившіяся въ ущербъ королю при Меровингахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ областей; Карлъ Великій назначилъ туда пограничныхъ герцоговъ, или *маркграфовъ*, съ военнымъ назначеніемъ, чтобы защищать границы отъ внѣшнихъ враговъ. Зато при Меровингахъ совершенно пало учрежденіе *королевскихъ посланцевъ*, которые облегчали сношенія короля съ государствомъ; Карлъ Великій возстановилъ и расширилъ ихъ значеніе. Онъ раздѣлилъ всю имперію на округи, куда назначалъ ежегодно двухъ посланцевъ: одного свѣтскаго, другого духовнаго; но на самомъ дѣлѣ утверждалъ ихъ постоянно. Они вполнѣ замѣняли короля въ округѣ, были отвѣтственны только передъ нимъ, получали отъ него приказанія и отдавали ему отчеты. Они объѣзжали свою область и знакомились съ ея положеніемъ, а также съ положеніемъ ея жителей [1]).

При выборѣ чиновниковъ король отдавалъ предпочтеніе *двору*. Этотъ послѣдній самъ раздѣлялся на четыре придворныя должности: сенешала, маршала, камерарія и шенка. Во главѣ канцеляріи стоялъ референдарій, во главѣ королевскаго суда (послѣ короля) одинъ или нѣсколько пфальцграфовъ. Майордомы, которые при Меровингахъ стояли во главѣ всего двора, были естественно упразднены при Каролингахъ, достигшихъ съ этой должности королевскаго титула.

При Каролингахъ собранія свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ происходили на «майскомъ полѣ» т. е. во время смотра войскъ, такъ что оно получило характеръ сеймовъ. Это ввелъ Пипинъ, перенеся старое мартовское поле, на которое собирались народные представители и когда производился смотръ войскамъ, на май мѣсяцъ. Карлъ Великій часто созывалъ собраніе только лѣтомъ; Людовикъ благочестивый не соблюдалъ никакого опредѣленнаго срока собраній. Мѣсто ихъ вообще никогда не было строго установлено. Король обсуждалъ съ избранными людьми доклады сейму. Эти собранія не имѣли строго ограниченныхъ полномочій; ихъ рѣшенія касались всевозможныхъ вопросовъ и назывались «капитуляріями» [2]), вслѣдствіе раздѣленія на главы (kapitel).

Доходы государства состояли изъ военной добычи, податей съ вассаловъ и покоренныхъ народовъ, подарковъ иностранныхъ государей, папы и отечественныхъ вельможъ, изъ доходовъ съ королевскаго суда, съ коронныхъ имѣній, съ церквей и монастырей (мужскіе монастыри должны были доставлять лошадей, женскіе — одежды), изъ поземельныхъ и подушныхъ податей, десятины съ лѣсовъ и луговъ, таможенныхъ и торговыхъ сборовъ, двухъ третей штрафовъ (изъ которыхъ графы удерживали одну треть) и т. д. Королю принадлежали также всѣ вымороченныя имѣнія, необработанныя земли и завоеванныя области [3]).

Церковь, религія и суевѣрія.

Важной и даже главнѣйшей задачей политики Пипиновъ, особенно Карла Великаго, было дружественное отношеніе къ *церкви*; потому что въ

---

[1]) Schröder, то-же соч. 131 и слѣд.

[2]) Schröder, то-же соч. 181 и слѣд.

[3]) Schröder, 181 и слѣд.

ней они находили не только союзницу против строптивыхъ вельможъ, но и орудіе вліянія на народъ, въ смыслѣ порядка, спокойствія и преданности царствующему дому. Поэтому всѣ власти и служебныя мѣста были распредѣлены поровну между духовными и свѣтскими лицами; всѣ законы охраняли самымъ тщательнымъ образомъ—интересы церкви и религіи вообще. Падерборнскій капитулярій (785 г.) предписывалъ, главнымъ образомъ, чтобы христіанскія церкви въ Саксоніи пользовались большимъ почетомъ, нежели прежнія языческія святыни. Церкви имѣли право убѣжища; кто укрывался тамъ, тотъ избавлялся отъ преслѣдованія, покуда его не требовали въ судъ; и даже тогда его жизнь была въ безопасности, и его могли приговорить только къ штрафу или изгнанію. Отъ милости короля зависѣло отмѣнить изгнаніе. О могуществѣ и вліяніи церкви свидѣтельствуетъ и то, что смертная казнь присуждалась во всѣхъ случаяхъ церковныхъ кражъ и поджоговъ, и также убійства духовнаго лица, заговора язычниковъ противъ христіанъ; убійство же свѣтскихъ лицъ, даже графовъ, наказывалось только денежнымъ штрафомъ. Смертная казнь грозила даже нарушителямъ постовъ и крещенія. Далѣе, она назначалась тѣмъ, которые предавались распространенному тогда гнусному суевѣрію, напр. считали себя «одержимыми дьяволомъ», или вѣрили въ колдуновъ и колдуній, ѣвшихъ человѣческое мясо,— и сжигали ихъ, а мясо ихъ ѣли или давали ѣсть другимъ; или же приносили человѣка въ жертву дьяволу, т. е. старымъ богамъ, или злымъ духамъ [1]). Это наказаніе распространялось также и на національный языческій обычай сжиганія труповъ. Но рядомъ съ этимъ, — что опять-таки свидѣтельствуетъ о могуществѣ церквей, существовало постановленіе, смягчавшее суровый законъ, по которому совершившіе преступленіе, заслуживающее смертной казни, могли спасти свою жизнь искренней исповѣдью и покаяніемъ.

Значеніе церкви поддерживали и многія другія учрежденія. Каждая приходская церковь получала доходъ съ каждыхъ 120 душъ по двору и по два гуфа земли, а также одного парня и одну дѣвушку; кромѣ того, десятину съ дохода и заработка своихъ прихожанъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ запрещались народныя сборища и предписывалось посѣщеніе церкви. За упущеніе крестить ребенка въ первый годъ жизни дворяне платили 120, свободные 60, а крѣпостные 30 шиллинговъ; за заключеніе незаконнаго брака и соблюденіе языческихъ обрядовъ платили половинный штрафъ. Погребеніе внѣ кладбища строго запрещалось.

При такой сильной поддержкѣ, какую Карлъ Великій оказывалъ церкви, нечего удивляться, что именно въ его правленіе *христіанство* одержало окончательную побѣду въ средней Европѣ. Обращеніе язычниковъ началось съ 7-го вѣка на сѣверѣ государства, благодаря англосаксонскимъ миссіонерамъ, на югѣ — благодаря англо-ирландскимъ. Въ концѣ 7 вѣка произошло обращеніе Баваріи, благодаря Рупрехту и Эммерану; въ 8 в. прирейнскія земли были обращены англосаксонцемъ Винфредомъ или *Бонифаціемъ* (род. 680 г.), который скрѣпилъ связь нѣмецкой церкви съ Римомъ. Онъ срубилъ дубъ Донара въ Гессенѣ, сдѣлался майнцскимъ архіепископомъ и былъ убитъ въ 754 г.

[1]) Какую при крещеніи употребляли формулу отреченія отъ языческаго вѣрованія, которое считалось служеніемъ дьяволу, показано выше.

во Франсландіи. Тѣмъ не менѣе, новое исповѣданіе сдѣлало старому нѣкоторыя уступки, именно, почитаніе святыхъ, которымъ приписывали такое же покровительство въ различныхъ обстоятельствахъ, какъ прежде языческимъ богамъ. За то церковь нашла утѣшеніе въ томъ, что съ распространеніемъ христіанства не только улучшались нравы населенія, но и усиливалось просвѣщеніе.

При Карлѣ Великомъ христіанство такъ сильно распространилось въ Германіи, что вскорѣ послѣ майнцскаго были учреждены архіепископства трирское, кельнское и зальцбургское, а также многія епископства.

Рядомъ съ епископствами важной поддержкой новаго исповѣданія были *монастыри*. Самый старинный и значительный въ Германіи на правомъ берегу Рейна былъ *Фульдскій*, устроенный въ 744 г. баварскимъ апостоломъ, пустынникомъ Штурмомъ. Пипинъ и Карлъ Великій защищали и почитали его. Онъ умеръ тамъ въ 779 г. первымъ игуменомъ. Мецскій епископъ Хродегангъ, который самъ жилъ монахомъ, учредилъ два монастыря, Горце подъ Мецомъ и Лоршъ близъ Вормса. Еще при жизни Бонифація вся Германія была усѣяна монастырями, которые имѣли сильное вліяніе на населеніе. Если заключались браки, недозволенные Римомъ по причинѣ близкаго родства, то ихъ расторгали, не смотря на любовь и дѣтей. Церковное покаяніе налагалось за дѣла, о преступности которыхъ виновные не имѣли никакого понятія. Церковь строго карала несоблюденіе церковныхъ службъ, исповѣди и постовъ: сперва налагались молитва, постъ и милостыня, позднѣе бичеваніе и другія кары. Уже тогда пытались ввести безбрачіе духовенства, но безуспѣшно. Впрочемъ церковь отмѣняла свои наказанія за плату, охотно брала подарки «во спасеніе души» и не только не запрещала крѣпостничества, но сама владѣла тысячами несвободныхъ, покупала и продавала ихъ.

Государство широко пользовалось могуществомъ церкви. Благодаря ей, оно достигало болѣе строгаго исполненія собственныхъ законовъ и наказывало черезъ нее многіе проступки, которые оно не могло преслѣдовать по собственнымъ законамъ. Каролинги предоставили *духовному суду* преступленія противъ нравственности и убійство родственниковъ и признавали церковныя наказанія наравнѣ со свѣтскими; они даже побуждали епископовъ приводить ихъ въ исполненіе и признавали отлученіе отъ церкви и гражданской смертью. Но какъ ни поощрялъ Карлъ Великій эти уступки, тѣмъ не менѣе, онъ заботился о томъ, чтобы духовенство не слишкомъ усиливалось. Онъ запретилъ ему поощрять волшебство и суевѣріе, носить оружіе, злоупотреблять правомъ церкви давать убѣжище преступникамъ, принимать клятву отъ несовершеннолѣтнихъ, покидать монастыри и т. д. Онъ рѣшалъ даже вопросы вѣры и былъ названъ однимъ соборомъ въ Майнцѣ «владыкой церкви». Онъ вообще стремился къ сближенію между мірянами и духовенствомъ; и если первые были достаточно подготовлены (какъ напр. Ангильбертъ и Эдингардъ, которые впослѣдствіи сдѣлались тоже духовными), то онъ назначалъ ихъ игуменами, а епископамъ и игуменамъ давалъ свѣтскія должности.

Распространеніе христіанства не положило конецъ *суевѣрію*. Недостатокъ научнаго образованія, который сильно сказывался даже у духов-

ныхъ, поддерживалъ въ народѣ страсть къ чудесному, тѣмъ болѣе, что онъ еще не освободился отъ языческой вѣры въ колдовство. Отъ нея не были свободны даже ученые и писатели того времени. Лангобардскій историкъ *Павелъ Діаконъ* считалъ солнечныя и лунныя затменія предвѣстниками чумы и вѣрилъ, что ангелы опредѣляютъ, сколько жертвъ требовала эта зараза; онъ вѣрилъ также во временное превращеніе людей въ звѣрей. Историкъ *Эйнгардъ* сообщаетъ объ ангельскихъ видѣніяхъ, предотвратившихъ церковный пожаръ. Рейнскій архіепископъ *Гинкмаръ*, тоже историкъ, разсказываетъ, будто епископъ орлеанскій Евхерій видѣлъ, въ состояніи экстаза, Карла Мартелла въ аду за церковную кражу; онъ не сообразилъ, что Евхерій умеръ раньше Карла Мартелла! Одинъ лѣтописецъ, извѣстный лишь подъ именемъ монаха изъ Сенъ-Галлена, разсказывалъ о явленіи дьявола въ образѣ мула.

Уже тогда (въ 799 г. на одномъ соборѣ въ Риспахѣ, близъ Регенсбурга) стали угрожать наказаніемъ такъ называемымъ *колдуньямъ*, накликавшимъ непогоду или несчастіе. Но еще «не дошли» до ихъ сожженія.

Мощи святыхъ пользовались большимъ поклоненіемъ. Ихъ крали или поручали украсть въ Римѣ, чтобы имѣть въ собственной церкви. Это дѣлалъ даже Эйнгардъ, а монахи, какъ напримѣръ, Руодольфъ Фульдскій, писали книги о перенесеніи мощей и происшедшихъ при этомъ чудесныхъ исцѣленіяхъ больныхъ и калѣкъ.

Святой Анскаръ, проповѣдникъ Сѣвера, видѣлъ въ *видѣніи* чистилищный огонь и небо, даже Христа и Бога. Его біографъ разсказываетъ, что дьяволъ хотѣлъ помѣшать его прибытію въ Швецію и послалъ туда человѣка, который по порученію боговъ отговаривалъ людей отъ принятія христіанства.

Наука, литература и искусство.

До Карла Великаго у франковъ совершенно отсутствовало высшее, идеальное стремленіе,—любовь къ искусству, литературѣ и наукѣ. Завоеваніе Лангобардскаго государства, гдѣ соприкосновеніе съ остатками римской культуры сообщило господствующей народности значительную степень образованія, подало Карлу поводъ устроить то же самое для своего франкскаго королевства. Онъ привезъ изъ Италіи двухъ замѣчательныхъ для того времени ученыхъ—итальянца *Петра* Пизанскаго и лангобарда *Павла* Діакона. Къ нимъ присоединился англосаксъ *Алькуинъ*; его отечество уже давно, первое изъ всѣхъ германскихъ народностей, [1]) начало усердно развивать умственные интересы по образцу древнихъ. Съ тѣхъ поръ при дворѣ Карла Великаго пробудилась кипучая литературная жизнь, въ которой вскорѣ приняли участіе и франки, какъ напримѣръ, дѣльные *Эйнгардъ* и *Ангильбертъ*, вестготъ *Теодульфъ*, епископъ *Орлеанскій*, баварцы *Арно*, епископъ зальцбургскій и *Лейдратъ*, архіепископъ ліонскій, а также ирландцы Дунгалъ и Дикуилъ. Но главнымъ двигателемъ былъ Алькуинъ. Въ его отечествѣ уже было много школъ, которыя примѣняли методъ взаимнаго обученія, вновь возникающій въ послѣднее время. Онъ состоитъ въ томъ, что старшій ученикъ бесѣдуетъ о научныхъ предметахъ съ младшимъ; когда разговоръ не клеится, учитель помогаетъ и наставляетъ ихъ. Алькуинъ ввелъ этотъ методъ при франкскомъ дворѣ и написалъ о немъ учебникъ, которымъ пользовались сыновья короля. Дочери короля тоже не отставали въ ученіи. Возникла школа, куда франкскіе вельможи посылали своихъ сыновей и которою управлялъ Алькуинъ. Онъ основалъ и другую, большую школу въ монастырѣ св. Мартина въ Турѣ. Подобныя же школы возникли въ важнѣйшихъ монастыряхъ епископствахъ въ Кельнѣ, Фульдѣ, Мецѣ, Сенъ-Галленѣ, Зальцбургѣ и др. Самъ Карлъ составлялъ съ названными учеными родъ академіи; члены ея запросто прозвали другъ друга различными древними и библейскими именами, особенно подходившими къ ихъ литературнымъ и художественнымъ стремленіямъ и способностямъ. Если члены отправлялись внутрь государства, чтобы распространять образованіе, то они переписывались между собою и съ монархомъ, который учился неутомимо. Карлъ любилъ астрономію, съ живымъ участіемъ занимался времясчисленіемъ и содѣйствовалъ исправленію календаря. Онъ принималъ живое участіе въ разработкѣ родного языка, написалъ самъ нѣмецкую грамматику и далъ мѣсяцамъ и странамъ свѣта нѣмецкія названія, которыя и теперь еще употребляютъ (имена мѣсяцевъ не вполнѣ). Сѣверъ, югъ, востокъ и западъ и производныя отъ нихъ названія, употребляемыя во всей Европѣ, введены имъ. Онъ собиралъ также нѣмецкія былины и саги, которыя, къ сожалѣнію, уничтожилъ его слабоумный наслѣдникъ.

Правда, въ кругу академіи господствовалъ языкъ Рима; но при Карлѣ очистился отъ жестокой порчи, печальнымъ свидѣтельствомъ которой служатъ документы отъ VI—VIII вѣка, и достигъ снова благородства и чистоты, хотя и не цицероновской; но все-таки онъ отличался грамматическою правильностью. Самъ Карлъ уже въ пожилыхъ годахъ учился читать и писать по латыни. Такъ что его время по справедливости можно назвать раннимъ Возрожденіемъ. Это-то античное направленіе и дало первый толчокъ мысли о возстановленіи Римской Имперіи, зародившейся, по всей вѣроятности, первоначально въ головѣ Алькуина [1]).

Но, какъ обыкновенно бываетъ, успѣхъ этого стремленія не соотвѣтствовалъ великодушному намѣренію. Друзья Карла хотѣли быть поэтами, но не были ими. Правда, была поэзія придворная и школьная; она процвѣтала, но не имѣла никакой связи съ народомъ и жизнью. Она имѣла исключительно церковный и христіанскій характеръ; да иначе и быть не могло. Могущество германскихъ государствъ, унаслѣдованное отъ христіанскаго Рима, развилось и пало съ христіанствомъ, а новая имперія соединила Франкское государство еще тѣснѣе съ Римомъ. *Ангильбертъ* назывался при дворѣ «Гомеромъ»; ему приписываютъ эпическое стихотвореніе о Карлѣ Великомъ и папѣ Львѣ III.

Позднѣе въ области поэзіи стали появляться болѣе удачныя произведенія. Въ концѣ IX вѣка, латинскій языкъ въ поэзіи сталъ уступать понемногу мѣсто нѣмецкому.

Первой попыткой на этомъ языкѣ было упомянутое выше стихотвореніе «Беовульфъ»; затѣмъ въ Германіи появилась «*Пѣснь Гильдебранда*», отъ которой, къ сожалѣнію, остался лишь одинъ отрывокъ.

[1]) Lamprecht, Deutsche Geschichte II, 58. и слѣд.

[1]) Dahn. Deutsche Geschichte. 1. Bd. 2. Hälfte. Стр. 355 и слѣд.

Къ первобытнымъ временамъ Германіи относится также «*Вессобрунская молитва*», напоминающая пѣсни Эдды. Она воспѣваетъ сотвореніе міра; тогда какъ *Муспилли*, заимствовавшая имя изъ германскихъ миѳовъ, но содержащая христіанскія понятія, воспѣваетъ погибель міра. Оба произведенія возникли при Карлѣ. При Людовикѣ Благочестивомъ преобладала христіанская партія, но она пользовалась нѣмецкимъ языкомъ; замѣчательнымъ примѣромъ служитъ нижнегерманскій «*Геліандъ*», изображающій Спасителя въ видѣ нѣмецкаго принца. Слабое и сухое воспроизведеніе Священной Исторіи представляетъ, Евангельская гармонія монаха *Отфрида* изъ Вейссенбурга, оконченная въ 868 г. На нѣмецкихъ сагахъ основана также *Пѣснь Вальтаріуса*, написанная по латыни санктгомлерскимъ монахомъ Эккегардомъ (930—940) и проникнутая языческимъ духомъ. Ко временамъ Каролинговъ (881) относится также *Пѣснь Людвига*, прославляющая на древнемъ верхнегерманскомъ нарѣчіи одну изъ современныхъ ей побѣдъ короля Людовика III. Съ конца царствованія Каролинговъ нѣмецкая поэзія изсякла на столѣтія, и возобновилось господство латинскаго языка почти исключительно въ прозѣ и гораздо худшей латыни, чѣмъ при Карлѣ Великомъ.

Наука ограничивалась въ эпоху Каролинговъ главнымъ образомъ исторіографіей; да и та была до того лишена критики, что почти не заслуживаетъ названія науки. Прямо вымышленныя исторіи совершенно серьезно выдавались за факты. Такъ разсказывали, будто въ 588 г. одинъ «персидскій императоръ», по имени Арнульфъ (!) слѣдуя примѣру своей супруги Цезары (!) крестился въ Антіохіи съ 60.000 своихъ подданныхъ; а затѣмъ и весь его народъ обратился въ христіанство. Разсказывали даже объ одномъ крестовомъ походѣ Карла Великаго на югъ, гдѣ онъ встрѣтился съ императоромъ Аарономъ (Гарунъ). Но зато современная исторіографія оказала большія услуги. Съ одной стороны *Эйнгардъ* (умершій въ 844 г. въ монастырѣ Зелигенштадтскомъ; его жена Иммат оже поступила въ монастырь) написалъ исторію своего великаго покровителя, съ другой— внукъ императора, *Нитгартъ*, почетный аббатъ и вмѣстѣ храбрый воинъ, написалъ исторію борьбы между сыновьями Людовика до своей смерти (843).

Въ слѣдующія эпохи исторіографія и поэзія процвѣтали только въ монастыряхъ. Епископъ *Фрехульфъ* въ Лизье написалъ всемірную хронику, шотландецъ *Дикуилъ* составилъ учебникъ землевѣдѣнія; *Валафридъ*, прозванный Страбономъ, рейхенахскій аббатъ (842 — 849), написалъ дидактическое стихотвореніе «Гортулусъ», изобличающее ботаническія познанія; *Грабанусъ* Маврусъ, ученикъ Алькуина, аббатъ фульдскаго монастыря (822) и архіепископъ майнцскій (847 — 856) возобновилъ энциклопедію Исидора севильскаго. Эрмольдъ *Нигеллюсъ* воспѣвали въ льстивыхъ стихотвореніяхъ Людовика Благочестиваго. Многіе монахи писали хроники своихъ монастырей.

Изящныя искусства при Карлѣ Великомъ не отставали отъ литературы; но и они не пошли дальше первыхъ шаговъ [1]). Дворцы Карла представляютъ смѣсь архитектуръ римской и германской; одинъ походилъ на военный лагерь, другой на сельскохозяйственную усадьбу; посреди возвышалась часовня; все строеніе было окружено зеленью. Церковная архитектура придерживалась готическаго стиля; онъ былъ возвышенъ, но тяжеловѣсенъ. Въ ваяніи любимой отраслью въ теченіе столѣтій были издѣлія изъ слоновой кости; въ живописи—миніатюры на рукописныхъ пергаментахъ. Каролингское письмо отличалось болѣе твердымъ и четкимъ почеркомъ, нежели меровингское и лангобардское; но оно было не такъ красиво, какъ ирландское. Миніатюрная живопись развивалась все болѣе и болѣе въ послѣдніе годы жизни Карла Великаго, отчасти подъ вліяніемъ древнихъ; и въ различныхъ мѣстахъ, въ монастыряхъ и епископствахъ возникло множество школъ этого искусства. Предметомъ его были ландшафты съ разукрашенными горами, деревьями, цвѣтами, животными. О вѣрности природѣ въ краскахъ, освѣщеніи и перспективѣ не было и рѣчи. Вѣдь главная цѣль искусства была *аллегорія*, стремленіе передать мысль въ образахъ. Такъ напр., вѣру изображали въ видѣ источника, безсмертіе въ видѣ феникса, бодрствованіе въ видѣ пѣтуха и т. д. Человѣческія фигуры представляли всегда германскій типъ. Но животныя все болѣе и болѣе уступали мѣсто растительнымъ формамъ.

Музыка также процвѣтала. Карлъ Великій ввелъ въ имперіи грегоріанское церковное пѣніе. Рядомъ съ существующими романскими школами пѣнія возникли отчасти при немъ, отчасти послѣ нѣмецкія, въ Фульдѣ, Майнцѣ, Корвеѣ, Трирѣ, Рейхенау, Эйнтеттѣ, Регенсбургѣ и Вюрцбургѣ. Повидимому, при Карлѣ былъ введенъ въ западной церкви и органъ.

Распаденіе имперіи.

Имперія Карла Великаго еще при жизни его хранила въ себѣ зародышъ распаденія. Она походила на древне-римское государство, благодаря соединенію различныхъ національностей, сплоченныхъ лишь одной могучей волей и распавшихся, какъ только ея не стало. Конечно, тогда еще не было національнаго сознанія; и поэтому оно не могло вызвать распаденіе имперіи. Сильный преемникъ точно также задержалъ бы его еще надолго. Но *Людовикъ Благочестивый* былъ не таковъ. Онъ вполнѣ подчинялся вліянію духовенства и вездѣ покровительствовалъ монашеству, такъ что духовенство могло завладѣть законодательствомъ. Но ему недоставало нравственной выдержки, и государство располагалось во всѣхъ направленіяхъ. Напрасно взывалъ народъ объ улучшеніяхъ въ государствѣ и церкви. Тогда внезапно сцена перемѣнилась. Духовное вліяніе при благочестивомъ императорѣ смѣнилось при чувственномъ—женскимъ. Вторая жена императора, вельфка-*Юдиѳь*, данная ему духовенствомъ, не знавшимъ ея нрава (823), родила ему сына Карла, прозваннаго впослѣдствіи Лысымъ. Единственной мыслью властолюбивой женщины было доставить ему престолъ посредствомъ фамильнаго закона, какъ это было (817) сдѣлано для трехъ сыновей Лотаря, Пипина и Людовика подъ главенствомъ ихъ отца. Она добилась въ 829 г. упраздненія этого закона въ пользу Карла: онъ получилъ Аламанію. Возгорѣлась семейная война между сыновьями отъ перваго брака съ одной стороны и императоромъ, императрицей и сыномъ отъ второго брака съ другой. Въ теченіе этого времени умеръ Людовикъ (840), а война между братьями продолжалась, покуда по *Верденскому* договору (843) имперія не была раздѣлена между тремя брать

[1]) Lamprecht S. 71 ff.

ями, оставшимися въ живыхъ—(Пипинъ умеръ). Карлъ получилъ Западъ (Францію), Лотарь императорскую корону и промежуточныя земли (область Рейна и Роны и Италію), которыя не могли представлять прочнаго владѣнія, Людовикъ, прозванный съ тѣхъ поръ Нѣмецкимъ (Germanicus) получилъ Востокъ. Таково было политическое рожденіе *Германіи*,—правда, еще только вчернѣ. Она состояла изъ провинцій: Саксоніи, Тюрингіи, Франконіи, Аламаніи, Баваріи и Каринтіи. Людовикъ Нѣмецкій, лучшій изъ сыновей Людовика Благочестиваго, былъ мудрый король. Онъ поднялъ свою страну, развивалъ нѣмецкій языкъ и искусства.

Съ нѣмецкимъ, а также съ романскимъ языкомъ того времени можно познакомиться изъ *клятвенныхъ формулъ*, которыя были произнесены въ 842 г. въ Страсбургѣ королями Карломъ и Людовикомъ, соединившимися противъ Лотаря, на обоихъ языкахъ.

Уже Людовикъ Нѣмецкій расширилъ свое государство присоединеніемъ Лотарингіи послѣ смерти ея государя Лотаря II; по договору въ *Мерзенѣ* (870) промежуточныя владѣнія, не принадлежавшія ни къ Бургундіи, ни къ Италіи, онъ раздѣлилъ между восточными и западными франками, между Германіей и Франціей. Увеличенная такимъ образомъ восточная имперія обнимала нынѣшнюю Германію по лѣвому берегу Эльбы, нѣмецкую Австрію безъ Богеміи и Моравіи, сѣверную и среднюю Швейцарію, французскую Лотарингію, Франшъ-Конте, Голландію и восточную Бельгію. Къ этому Людовикъ Молодой присоединилъ въ 890 г. послѣ войны съ западнымъ королевствомъ, остальную, не вошедшую въ Мерзенскій договоръ западно-франкскую часть Лотарингіи. Съ этого времени Германія доходила на западѣ до Мааса и Шельды и сохранила эти границы втеченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; но затѣмъ, благодаря французской алчности и нѣмецкой разрозненности, Эльзасъ и Лотарингія отошли къ Франціи и оставались у нея до 1870 г.

Когда умерли всѣ сыновья Людовика Благочестиваго, Каролинги прекратились, подобно Меровингамъ. Во всѣхъ государствахъ возникла анархія. Съ востока вторгнулись славяне, съ сѣвера норманны, съ юга сарацины. Правда, *Карлъ III* Толстый, соединилъ еще разъ, при обстоятельствахъ, отъ него независѣвшихъ, имперію Карла Великаго на нѣсколько лѣтъ. Послѣдній сильный, хотя и не настоящій Каролингъ, *Арнульфъ* (887) вырвалъ Германію изъ его слабыхъ рукъ и завладѣлъ императорской короной (895). При немъ Германія была единственнымъ благоустроеннымъ государствомъ въ бывшей Франкской имперіи. Франція, Бургундія и Италія были разрознены.

Но въ концѣ 9 вѣка, со смертью Арнульфа, разбились всѣ возложенныя на него надежды. Его сынъ, Людовикъ Дитя, былъ свидѣтелемъ перваго вторженія дикихъ *мадьяръ* въ Германію, которая впала, въ свою очередь, въ анархію. *Герцоги* отдѣльныхъ племенъ, франконцевъ, швабовъ, баварцевъ, саксонцевъ и лотарингцевъ стали на дѣлѣ независимыми и выбрали въ 911 г., дѣльнаго франконскаго герцога, Конрада, въ короли. Такъ на развалинахъ франкскаго государства возникло нѣмецкое избирательное королевство, и вѣкъ Каролинговъ (которые, подобно Меровингамъ, влачили во Франціи призрачное существованіе еще до 987 г.) окончился.

Характеръ средневѣковой культуры.

«Какъ въ умственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи европейское человѣчество въ эпоху Карла Великаго является юношески незрѣлымъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ естественному ходу развитія. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не станетъ искать въ этой эпохѣ, ни въ позднѣйшихъ блеска идеальнаго просвѣщенія, какъ это нѣкогда сдѣлала романтическая школа. Никто не захочетъ вернуть настоящее на эту ступень развитія, даже если-бы это было возможно и не противорѣчило вѣчнымъ законамъ природы. Но никто не долженъ также забывать, что это положеніе вещей характеризуетъ тѣ фазы развитія, которыя народы должны были пережить также неизбѣжно, какъ отдѣльный человѣкъ свое дѣтство. Современная наука возвела въ аксіому, что каждый органъ тѣла, даже высшій, начиная съ незримаго зародыша, проходитъ множество ступеней развитія, и что исторія физическаго развитія особы есть не что иное, какъ краткое повтореніе исторіи его родословной. Къ тому же мы знаемъ, что этотъ біологическій законъ прилагается также и къ умственному ходу развитія, т. е. духовное развитіе человѣка есть также *не что иное, какъ краткое воспроизведеніе всей исторіи культуры*. Исторія культуры есть результатъ борьбы за существованіе, посредствомъ которой единичныя особи, въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ и въ цѣломъ, а также родъ, т. е. семейство, государство, народъ, становятся тѣмъ, чѣмъ они есть».

Присоединяясь къ этимъ словамъ Фридриха Гелльвальда, мы не раздѣляемъ мнѣнія, что вѣка, обыкновенно называемые «средними», оправдываютъ свое названіе. Эта эпоха представляетъ «средній періодъ» между «древностью» и «новымъ временемъ», т. е. между прекращеніемъ классической культуры и ея возрожденіемъ съ 15 столѣтія лишь по отношенію къ годамъ, но не къ дѣйствовавшему человѣчеству и умственнымъ силамъ. Съ нимъ начинается скорѣе новый міръ, новый отдѣлъ въ исторіи культуры человѣчества; на историческое поприще вступаютъ народы сѣверной и средней Европы, полные свѣжихъ силъ. Такъ называемые средніе вѣка представляютъ на самомъ дѣлѣ лишь юношескій возрастъ этихъ народовъ, которые, смѣнивъ такъ-называемый классическій міръ, берутъ судьбы человѣчества въ свои руки. Отсюда начинается непре-

рывное культурное развитіе, и такъ-называемое новое время есть не больше, какъ его продолженіе.

Конечно, далекое будущее будетъ причислять и нашу эпоху еще къ «среднимъ вѣкамъ», которые протянутся и за 20 столѣтіе. Наше время представляетъ просто зрѣлый возрастъ тѣхъ народовъ, юность которыхъ мы называемъ «средними вѣками». Поэтому на эту эпоху нужно смотрѣть лишь какъ на время, когда *новые народы* начали пробовать свои силы— народы, еще не получившіе «воспитанія», и къ дѣяніямъ которыхъ мы можемъ приложить лишь мѣрку «юношеской незрѣлости», какъ справедливо говоритъ Гелльвальдъ. Стыдиться этой «незрѣлости», какъ это долгое время было въ модѣ, также нелѣпо, какъ если-бы мужчина сталъ стыдиться того, что когда-то онъ былъ несвѣдущимъ и необразованнымъ ребенкомъ. Съ другой стороны взглядъ «романтической школы» также несправедливъ, такъ какъ человѣкъ не можетъ допустить, чтобы ребенкомъ онъ сдѣлалъ больше, нежели въ зрѣломъ возрастѣ. Но еще большее заблужденіе думать, что европейское человѣчество не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ такъ-называемые средніе вѣка; что оно, такъ сказать, остановилось на одной и той же ступени развитія. Напротивъ, въ области земледѣлія, промышленности, торговли, искусства, литературы и даже науки того времени, можно указать на значительныя произведенія, и слѣдуетъ признать, что они не мало содѣйствовали развитію справедливо восхваляемаго новаго времени.

Да и странно было-бы, если-бы это было иначе. Исторія культуры состоитъ изъ постепеннаго *развитія*, которое не прекращается, несмотря на временныя и часто только кажущіяся остановки или движенія назадъ, которыя, напротивъ, скорѣе побуждаютъ элементы движенія къ новымъ успѣхамъ. Мы находимъ съ древнѣйшихъ временъ и на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія успѣхи, которые, какъ полагаетъ Фр. фонъ-Гелльвальдъ представляютъ не только улучшенія жизненныхъ условій, но и настоящій прогрессъ въ смыслѣ совершенствованія человѣка, хотя это послѣднее положеніе онъ и оспариваетъ. Такъ человѣкъ не только перешелъ отъ сырой пищи къ вареной, отъ наготы къ одеждѣ, отъ пещерныхъ жилищъ къ домамъ, отъ каменной посуды къ металлической, отъ кочевой жизни къ осѣдлой, что, конечно, относится лишь къ улучшенію жизненныхъ условій, но шелъ и по пути нравственнаго улучшенія отъ умыканія женъ къ браку, отъ полигаміи къ моногаміи, отъ произвола къ законности, отъ суевѣрія къ религіи, отъ невѣжества къ наукѣ.

Народы и государства въ средніе вѣка.

Борьба за существованіе въ средніе вѣка обнаружилась прежде всего среди выступившихъ въ этотъ періодъ народовъ. Народъ, игравшій главную роль въ Европѣ, именно въ началѣ среднихъ вѣковъ, были *германцы*. Они отличаются своей внѣшностью отъ всѣхъ другихъ народовъ не только нашей части свѣта, но и всей земли. Ихъ высокій, могучій станъ, бѣлокурые волосы и голубые глаза рѣзко выдѣляются среди остальнаго человѣчества, по большей части невысокаго роста, черноволосаго и черноглазаго. Даже народы, родственные имъ по языку, въ южной Европѣ и юго-западной Азіи, приняли отличительныя черты націй, съ которыми они смѣшались. Конечно, и они сами съ теченіемъ времени смѣшались съ сосѣдями; но во времена проявленія ихъ необузданной силы они представляли еще довольно чистый типъ. Какъ сильно они развились къ своей выгодѣ во время борьбы за существованіе, именно вслѣдствіе этой чистоты, показываетъ огромная разница между германцами временъ Тацита и нѣмцами въ періодъ главнаго развитія ихъ могущества въ 10 и 11 вѣкахъ.

До христіанства и въ ближайшія времена послѣ Христа война была главной жизненной задачей германцевъ, а вѣрность друзьямъ была ихъ выдающейся добродѣтелью. Въ эту эпоху нѣмцы еще не играли никакой роли во всемірной исторіи. Но въ 10 вѣкѣ они уже стояли во главѣ Европы и хорошо сознавали свое призваніе ко всемірному господству.

Какъ же это случилось? Это было слѣдствіемъ вліянія двухъ культурныхъ моментовъ, но которые въ теченіе вѣковъ слились въ одно культурное явленіе,—именно *латинства* и *христіанства*: съ тѣмъ и съ другимъ германцы познакомились во время своихъ походовъ по всѣмъ провинціямъ Западно-римской имперіи. Но это было уже не классическое латинство и не назаретское христіанство, но та смѣшанная римско-христіанская культура, которая получила господство со временъ Константина прозваннаго Великимъ, и которая была почти лишена нравственнаго содержанія ученія Христа, а изъ догматическаго ученія христіанской общины послѣ апостоловъ удержала лишь то, что̀ особенно было полезно для властвованія надъ умами. Это направленіе, которое вѣрнѣе всего назвать *римской государственной церковностью*, создало ту цивилизацію, которая отшлифовала германцевъ и подчиненные имъ народы; проникнуться ею они не могли, потому что она была слишкомъ пуста и безсодержательна. Вслѣдствіе этого, они остались въ душѣ *язычниками*, т. е. они только наружно исполняли христіанскіе обряды, а въ глубинѣ души сохраняли неприкосновенно языческія саги и суевѣрія и открыто

совершали языческіе обряды своихъ предковъ; это продолжалось, разумѣется, постепенно ослабляясь, и до позднѣйшаго времени.

Христіанство съ римской окраской и было причиной того, что германцы, поселившіеся среди подданныхъ бывшей Римской имперіи, говорившихъ по-латыни, смѣшались съ ними и переняли тамошній латинскій языкъ съ мѣстными искаженіями, а также романскіе нравы и воззрѣнія, между тѣмъ, какъ среди германцевъ, не жившихъ въ романскихъ земляхъ, выработалось христіанство съ германскимъ оттѣнкомъ. Эти послѣдніе остались, конечно, чище и сильнѣе и, благодаря этому, основавъ свою имперію, восточно-франкскую, впослѣдствіи нѣмецкую, они въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій играли первую роль въ Европѣ.

Стремленіе къ могуществу и достиженіе господства, само собою разумѣется, не способствовали дружелюбному отношенію къ нѣмцамъ сосѣднихъ народовъ Европы. Хотя они защищали Европу отъ монгольскихъ ордъ аваровъ и мадьяръ, но никто не былъ имъ за это благодаренъ. Греки, итальянцы и французы считали ихъ варварами; но самую жгучую ненависть къ нимъ поддерживала многовѣковая борьба *со славянами*, которые, во время движенія нѣмцевъ отъ 4 до 6 вѣка къ югу и западу, населили восточную часть старой Германіи и даже проникли далеко въ западную, до Заалы, Майна и Дуная, и основали государства въ Моравіи и Чехіи. Съ 10 вѣка это движеніе приняло обратное направленіе. Нѣмцы двинулись на востокъ, сначала неудачно, потомъ все съ большимъ и съ большимъ успѣхомъ. Они обратили военноплѣнныхъ славянъ въ рабовъ и дали этимъ послѣднимъ даже имя враждебнаго племени (sklaven) [1]).

Столь же пламенную вражду питали къ нѣмцамъ *итальянцы;* а нѣмцы, въ свою очередь, глубоко презирали «вельшевъ». Лангобардскій епископъ, Ліудбрандъ Кремонскій, сказалъ византійскому императору, Никифору Фокѣ: «Мы такъ глубоко презираемъ римлянъ, что, разсердившись на врага, не употребляемъ другого браннаго слова, какъ: ахъ, ты римлянинъ». Съ другой стороны «вельши» отчасти страшились, отчасти удивлялись храбрости нѣмцевъ, которые «въ битвѣ стояли, какъ желѣзные», говоритъ лѣтописецъ Бенедиктъ. Эта ненависть разжигалась «римскими походами», которые предпринимались, чтобы поддержать мнимую «Римскую Имперію», которая на самомъ дѣлѣ была нѣмецкою: въ составъ ея входили покоренныя, хотя по большей части отпавшія итальянскія провинціи. Но сознаніе этой истины чрезвычайно медленно проникало въ души нѣмцевъ. Съ одной стороны, этому мѣшало неизгладимое воспоминаніе о блескѣ имперіи Карла Великаго, раздѣла которой они еще не могли сразу взять въ толкъ, съ другой — взаимные раздоры племенъ. Долгое время германцы знали только имена племенъ—саксонцевъ, баварцевъ, швабовъ, а для обозначенія всѣхъ въ совокупности знали развѣ имя франковъ, покуда не вступилъ на престолъ саксонскій домъ. Съ тѣхъ поръ два имени оспаривали другъ у друга господство: ученое «тевтоны» и противоположное латинскому, lingua diutica, «народный языкъ», которое въ концѣ концовъ и стало господствующимъ въ формѣ «deutsch»

[1]) *Gerdes,* Gesch. d. deutschen Volkes und seine Kultur, I, S. 354 ff.

(нѣмцы). Южные нѣмцы смотрѣли на саксонскихъ королей, какъ на иностранцевъ и даже на враговъ, а саксонцы находились въ постоянномъ возстаніи противъ салическихъ и гогенштауфенскихъ императоровъ. Лишь немногіе сильные короли, которые, впрочемъ, только послѣ коронованія въ Римѣ назывались императорами, пользовались дѣйствительною властью. При слабыхъ правителяхъ все шло вверхъ дномъ, и они пропали бы, если-бы коронѣ не было присуще мистическое сіяніе, приковывавшее къ ней преданныхъ, подкупленныхъ ея милостями, и угрожавшее непокорнымъ «королевскимъ изгнаніемъ». Королевскія династіи могли упрочиться почти исключительно только у своего племени. Отсюда постоянныя колебанія королевской власти, которыя, въ заключеніе, и повели къ ея распаденію и раздробленію имперіи на безчисленныя свѣтскія и духовныя княжества, государства и рыцарскія владѣнія; но ихъ описаніе относится къ политической исторіи. Такимъ образомъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нѣмецкаго партикуляризма была потеря Нѣмецкой имперіей владычества въ Европѣ.

Покуда слабѣла личная связь, соединявшая Бургундію и Италію съ Нѣмецкой имперіей, покуда Данія, Польша и Венгрія, временно признававшія ленную зависимость отъ императора, освобождались отъ нея, а нѣмецкіе князья становились независимыми монархами, на западѣ развилось государство, которое сумѣло лучше воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ, нежели нѣмецкіе императоры въ 10 и 11 в.: это—западно-франкское государство, или *Франція.* Эта страна, происшедшая точно также, какъ и Нѣмецкая имперія, изъ раздѣла державъ Карла Великаго, развивалась обратнымъ путемъ: она переходила отъ самой сильной раздробленности къ самому сильному единству. Тамъ не было обособленныхъ племенъ, проникнутыхъ рѣзкой племенной гордостью, жившихъ въ замкнутыхъ областяхъ, подобно швабамъ, баварцамъ, франкамъ и саксамъ. Напротивъ, тамъ вездѣ, за исключеніемъ позже присоединенныхъ къ государству пограничныхъ земель (какъ напр. Бретань), жило населеніе, довольно равномѣрно смѣшанное изъ римлянъ и германцевъ. Правда, знатные ленники грозили стать выше каролингскихъ князей и раздробить страну на мелкія государства; но умнымъ и разсудительнымъ Капетингамъ, хотя и уступавшимъ многимъ нѣмецкимъ императорамъ, удалось провести наслѣдственность короны и захватить главенство надъ знатью. Это было тѣмъ болѣе удобно, что французскіе короли не находились въ такихъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ папамъ, какъ нѣмецкіе императоры, благодаря коронованію; и имъ также нечего было опасаться, что папы войдутъ въ сношенія съ ихъ недовольными подданными.

Англійскіе короли достигли той же цѣли, какъ и французскіе. Опасность захвата со стороны датчанъ сплотила чисто германскія мелкія государства англосаксовъ. Норманское завоеваніе положило основаніе государственному единству по французскому образцу; а германское своеобразіе послужило противовѣсомъ, создавшимъ свободную конституцію. Она развилась здѣсь раньше, нежели во всѣхъ другихъ странахъ, благодаря могущественному простору моря. Чѣмъ дальше отъ него лежитъ страна, тѣмъ медленнѣе подвигается на дѣлѣ ея развитіе по пути къ свободному состоянію.

Покуда не завершилось развитіе власти нѣмецкихъ князей, французской наслѣдственной монархіи и англійской конституціи, что происходило медленно и не можетъ быть отнесено къ какому-нибудь опредѣленному времени, хотя въ сущности длилось еще и въ 15 вѣкѣ, политическій строй европейскихъ государствъ представлялъ лишь *анархію*; да иначе и быть не могло. Вѣдь держава Карла Великаго, какъ она ни старалась походить на Римскую имперію, не представляла государства ни въ древнемъ, ни въ современномъ смыслѣ слова. Какъ и при Меровингахъ, это было владѣніе королевской фамиліи, и Карлъ оставилъ его въ неоконченномъ видѣ. Естественно, что при его слабомъ сынѣ, Людовикѣ Благочестивомъ, и вслѣдствіе братоубійственныхъ войнъ, которыя вели его внуки, оно должно было распататься.

Государства, образовавшіяся изъ распавшихся частей, почти не знали мира и порядка: междоусобная война и возстаніе были ихъ обычнымъ состояніемъ. Эта анархія всего яснѣе выступаетъ въ порядкахъ *Нѣмецкой имперіи*, которая можетъ служить миніатюрнымъ изображеніемъ христіанскаго Запада. Отдѣльные князья все болѣе и болѣе захватывали власть въ государствѣ, покуда въ 13 вѣкѣ 6—7 могущественнѣйшихъ князей не стали во главѣ и не взяли въ свои руки избранія королей. Высшее стремленіе королей было направлено не на благо собственной страны, но на коронованіе въ Римѣ императорской короной. Правильнаго управленія финансами не было. Свободные не хотѣли, а крѣпостные не могли платить податей. Государственные доходы смѣшивались съ королевскими; они состояли изъ доходовъ съ коронныхъ имѣній, пошлинъ и дорожныхъ денегъ, прибыли съ права охоты, рыбной ловли, чеканки монеты и ярмарокъ, изъ почетныхъ подарковъ иностранныхъ принцевъ и дани съ покоренныхъ земель. Но большую часть этихъ доходовъ поглощали военные походы и мирныя поѣздки королей, не имѣвшихъ еще прочной резиденціи. Имѣнія также быстро падали, благодаря дурному управленію.

Государство не имѣло настоящихъ чиновниковъ. Короли и отдѣльные князья управляли всѣмъ сами или черезъ своихъ придворныхъ. Указы писало духовенство. Пренія на сеймахъ, состоявшихъ изъ однихъ свѣтскихъ и духовныхъ князей да ихъ дружинниковъ, не заносились въ протоколы, и присутствующіе могли выражать свое согласіе или порицаніе принятому рѣшенію. Законы рѣдко обсуждались и принимались, въ особенности со временъ Карла Великаго и до Фридриха Барбароссы. Самую яркую картину господствовавшей анархіи представляли безконечные *раздоры*. За исключеніемъ царствованія Оттона Великаго, они почти не прерывались съ конца IX вѣка до періода безкоролевья въ XIII вѣкѣ. Именно въ началѣ XI вѣка «проклинали жизнь и молили только о смерти». Духовные князья—епископы, игумены и даже игуменьи—соперничали въ этомъ со свѣтскими властями. Свирѣпствовали убійства и пожары; за ними слѣдовали голодъ и моръ. Только съ 1040 года во Франціи и Германіи появились усилія положить конецъ этимъ кровавымъ подвигамъ; но попытка учредить «Божій миръ» (Treuga Dei) въ лучшемъ случаѣ повела лишь къ прекращенію раздоровъ въ извѣстные дни недѣли; надолго это никогда не удавалось. Описывать подробнѣе раздоры въ большомъ

размѣрѣ, т. е. *войны* не позволяютъ ни размѣры этой исторіи культуры, ни цѣль этой науки [1]).

Феодальный бытъ и его развитіе.

«Послѣ христіанства главнѣйшимъ явленіемъ, проникавшимъ жизнь среднихъ вѣковъ, былъ *феодализмъ* или *ленная система*. Общественный строй каждаго столѣтія, каждаго народа вытекаетъ непосредственно изъ потребностей того времени; онѣ создаютъ или низвергаютъ правительства. Онѣ породили также и феодализмъ. Общераспространенное мнѣніе производитъ начало средневѣковой ленной системы въ Европѣ изъ дружиннаго быта древнихъ германцевъ».

Однако лучшія изслѣдованія отрицаютъ столь одностороннее происхожденіе феодализма. Нѣмецкій историкъ права, Рихардъ Шрёдеръ [2]) выводитъ его изъ двухъ источниковъ: *вассальныхъ* отношеній, т. е. службы и вѣрности одного человѣка своему господину и изъ системы *бенефицій*, т. е. раздачи имѣній въ жизненное пользованіе.

Вассальное положеніе состояло въ томъ, что, во-первыхъ, человѣкъ отдавался подъ защиту господина; во вторыхъ, онъ обязывался договоромъ служить ему, и въ третьихъ, приносилъ ему присягу въ вѣрности. Это было продолженіемъ древнегерманскаго trustis regis или regia, т. е. вышеупомянутой дружины короля или какого-нибудь князя, къ которой могли принадлежать также крѣпостные и рабы, и члены которой, называвшіеся во французскомъ государствѣ антрустіонами, получали тройную виру, смотря по своему происхожденію. Наоборотъ, вассалъ могъ также поступить подъ защиту и въ услуженіе къ обыкновенному свободному человѣку; и эти отношенія, возникшія въ Галліи, становились пожизненными. Покровитель обязанъ былъ мстить за всякую обиду своихъ подзащитныхъ людей, приносить за нихъ жалобы, мстить за ихъ убійство и взыскивать за нихъ виру. Но онъ былъ также отвѣтственъ передъ постороннимъ лицомъ за ихъ проступки. Служба вассаловъ состояла въ уплатѣ податей, доли прибыли съ работъ, особенно же въ войнѣ.

Вассальная система представляла родъ пирамиды, съуживаясь къ верху до короля, который считался верховнымъ покровителемъ всѣхъ остальныхъ покровителей.

Второй источникъ ленныхъ отношеній, система бенефицій, развилась благодаря тому, что майордомы Карломанъ и Пипинъ, сыновья Карла Мартелла, возвратили часть церковныхъ имуществъ, захваченныхъ ихъ отцомъ, а остальное предоставили королю, который награждалъ землями воиновъ; эти, въ свою очередь, платили церкви оброкъ, и къ ней переходило ихъ имущество послѣ смерти, но король могъ отдать его снова во временное владѣніе. Эти церковные лены, precaria, отдавались королемъ во владѣніе посредствомъ грамоты, или лично, и притомъ особамъ различныхъ, даже высшихъ сословій. Но вскорѣ та же форма рас-

[1]) Отсылаемъ читателя къ *Henne am Rhyn*: Kulturgeschichte des deutschen Volkes 2 Aufl. I S. 188 ff. Его же Geschichte des Rittertums. s. 140 ff.

[2]) Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Leipzig 1889. S. 152 ff. 381 ff.

пространилась и на королевскія имущества и на имѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ; владѣнія стали пожизненными и даже наслѣдственными.

Вассальная и бенефиціальная системы были связаны между собой обычаемъ награждать вассаловъ бенефиціями, и вассалы обыкновенно стремились получить ихъ. Это особенно вѣрно относительно введенной Карломъ Мартелломъ конной службы для болѣе успѣшной борьбы съ арабами; съ нею, шагъ за шагомъ, развивалась и *ленная* или *феодальная* система, сначала въ южной Франціи и Италіи, а при позднѣйшихъ Каролингахъ въ Лотарингіи и Бургундіи. Въ Германіи феодальная система расцвѣла лишь при Гогенштауфенахъ, а именно вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, но никогда она не достигала здѣсь такого развитія, какъ во Франціи. Здѣсь ленъ имѣлъ значеніе лишь тогда, когда онъ былъ связанъ съ военной службой; тогда онъ былъ *настоящій*, рыцарскій ленъ, которому былъ равенъ лишь ленъ оруженосца.

Несвободные служки, или министеріалы, могли получить лишь ленъ за службу отъ своего господина, но не могли получить настоящаго лена отъ посторонняго лица. Но когда при Фридрихѣ Барбароссѣ въ сословіе министеріаловъ вступило множество дворянъ, сохранившихъ свои лены, то и прирожденные служки потребовали себѣ ленныхъ правъ. Остальные лишались ленныхъ правъ; тогда какъ тѣ, которые не принадлежали къ военному сословію, именно мѣщане, крестьяне, духовенство, женщины и корпораціи, могли получать лены, которые не раздавались за воинскую повинность, какъ напр. мѣщанскіе, церковные, волостные, крестьянскіе и т. п. Настоящіе же лены они могли получить лишь по представительству вассала, уже владѣвшаго леномъ. Это ограниченіе не касалось духовныхъ князей, хотя бы то были женщины, какъ напр. имперскія аббатиссы; они стояли по чину даже выше свѣтскихъ князей, которымъ раздавали лены, но не наоборотъ.

Всѣ лица, имѣвшія право владѣть ленами, подраздѣлялись первоначально на три ступени: король, князья и свободные помѣщики. Въ XII вѣкѣ въ Германіи явился четвертый классъ, служекъ; а въ южной Германіи даже пятый — несвободныхъ рыцарей. Этимъ послѣднимъ классамъ въ Италіи соотвѣтствовали вальвасоры и вальвазини. Лены могли раздавать только высшіе; а кто принадлежалъ къ низшему классу, тотъ, конечно, не могъ давать лены.

Ленныя владѣнія образовались изъ помѣстій, десятинъ, рентъ, пошлинъ, церквей, монастырей, должностей и т. п. Заключеніе феодальныхъ отношеній состояло въ протягиваніи руки и клятвѣ со стороны вассала, а со стороны господина въ передачѣ ему какого нибудь символа: меча, копья, перчатки, шляпы, палки, вѣтки, знамени у князей, пастушьяго посоха у епископовъ и аббатовъ.

Лены стали наслѣдственными по обычаю въ XI в., а по праву въ XII в. Впрочемъ, люди, неспособные къ военной службѣ, не имѣли правъ на наслѣдственные лены. Въ такомъ случаѣ, какъ и при отсутствіи наслѣдниковъ, ленъ возвращался къ господину, если онъ не умеръ, не вступилъ въ духовное сословіе, не отказался отъ договора, или не нарушилъ вѣрности, не совершилъ «фелоніи» (Felonie). Наоборотъ, ленъ становился свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ и собственностью вассала,

если господинъ насиліемъ, невѣрностью или отказомъ отъ своихъ правъ нарушалъ договоръ.

Къ этому описанію мы присоединимъ еще выводы Гелльвальда, заимствованные имъ у французскаго историка Фюстель де-Куланжа изъ его изложенія римскаго патроната, въ главныхъ чертахъ напоминающаго сказанное выше.

«Римскій патронатъ продолжается непрерывной цѣпью вплоть до эпохи феодализма; это не было преимуществомъ ни породы, ни сословія: каждый могъ быть кліентомъ или патрономъ. Договоръ, посредствомъ котораго одинъ человѣкъ становился подъ защиту другого, назывался *коммендаціо* (commendatio) и сопровождался слѣдующими выраженіями: «такъ какъ несомнѣнно, что у меня нѣтъ ни пропитанія, ни одежды, то я обращаюсь къ вашему милосердію и по побужденію моей доброй воли, рѣшаюсь отдаться подъ вашу защиту (*Mundeburd*), рекомендуя себя вамъ, чтобы вы оказали мнѣ помощь пищей и одеждой; я же обязуюсь служить вамъ и заслужить ваши дары. Покуда я живу, я обязуюсь вамъ служить и васъ слушаться, оставаясь свободнымъ; я не имѣю права не признавать вашего господства и обязанъ жить постоянно подъ вашей защитой и подъ вашей властью». Отсюда вытекаетъ обязанность патрона защищать своего кліента совершенно такъ, какъ это описываетъ намъ Галеви у керависовъ въ южно-арабскомъ Джауфѣ; какъ тамъ и до сихъ поръ патронъ былъ обязанъ мстить за смерть своего кліента и получать за него виру. Кліентъ платилъ за это безусловнымъ повиновеніемъ, и законъ говорилъ опредѣленно, что тотъ невиновенъ, кто исполнилъ повелѣніе своего патрона».

«Патронатъ представляло начало іерархическое и дисциплинарное. Сначала онъ однако не былъ наслѣдственнымъ, а только пожизненнымъ. Въ интересахъ царской власти было не давать развиваться столь враждебному по своему существу учрежденію».

«Поэтому бургундскіе и вестготскіе короли запретили патронатъ, какъ это дѣлали и римскіе императоры. Только франкскіе государи держались другой политики и попытались извлечь изъ него пользу для собственной власти. Можно сказать, что уже во времена Меровинговъ существовала ленная система со всѣми ея характеристическими чертами; но не одна. Рядомъ съ нею жилъ, въ формѣ монархіи, многорасчлененный государственный организмъ. Феодализмъ стоялъ еще внѣ правильнаго порядка; законы не преслѣдовали его болѣе, какъ во времена римскихъ императоровъ, но и не утверждали его. Двѣ соціальныя системы существовали рядомъ: монархія и феодализмъ. Первая была сильнѣе, въ отношеніи законовъ, вторая—въ отношеніи нравовъ. Цѣлыхъ четыре столѣтія оба вели борьбу за существованіе на одной и той же почвѣ въ Галисіи, у испанскихъ вестготовъ и у англосаксовъ. Наконецъ феодализмъ одолѣлъ».

«Такимъ образомъ, эта побѣда не есть внезапно возникшее соціальное явленіе; это—естественное развитіе первобытныхъ учрежденій патроната и вѣрности. Причины этой побѣды Фюстель, подобно намъ, видитъ въ чрезвычайной смутѣ той эпохи».

«Правда, вторженіе германцевъ въ Галлію не было собственно завое-

ваніемъ, но произвело страшное смятеніе; все увеличивавшаяся непрочность положенія породила нужду, а нужда принудила многихъ добровольно продать свою свободу. При Меровингахъ число рабовъ не уменьшилось, а, напротивъ, замѣтно увеличилось. Тѣ времена представляютъ больше примѣровъ трусости, чѣмъ храбрости; въ борьбѣ больше пускали въ ходъ хитрость и обманъ, нежели мужество; франки и галлы равны въ этомъ. Можно смѣло сослаться на пѣснь Нибелунговъ, чтобы подтвердить это и относительно германцевъ. Такъ какъ подобное явленіе наблюдается у всѣхъ современныхъ дикарей, храбрость которыхъ далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ болѣе строгимъ понятіямъ, то и это обстоятельство должно подтвердить нашъ взглядъ на древнихъ германцевъ».

«Было бы ошибочно думать, что иго патроната было насильственно навязано народамъ. Наоборотъ, каждый человѣкъ могъ свободно выбирать между независимостью и зависимостью. Еслибы съ 6 до 11 столѣтія былъ хотя одинъ моментъ, когда большинство людей нашло бы выгоднымъ освободиться, то оно могло бы это сдѣлать: вѣдь состояніе зависимости прекращалось со смертью, и каждому поколѣнію предоставляется снова выборъ. *Но самое пламенное желаніе тогдашняго человѣчества состояло не въ томъ, чтобы быть свободнымъ, а въ томъ, чтобы жить въ безопасности*».

«Въ послѣдующія эпохи послѣ Карла Великаго, который въ своихъ капитуляріяхъ возвелъ патронатъ въ законное учрежденіе, все было направлено къ тому, чтобы усилить потребность въ безопасности. Развивавшійся феодализмъ, естественно, мѣшалъ усиленію монархіи Каролинговъ; а слабость,—это такой порокъ, который народы менѣе всего прощаютъ своимъ государямъ. Отъ вялыхъ, слабыхъ Каролинговъ, не умѣвшихъ защитить себя самихъ, они обратились за покровительствомъ къ вельможамъ и дворянамъ. Въ это время почти во всѣхъ странахъ Европы возникли рыцарскіе замки. Спустя 6 вѣковъ, человѣчество прониклось ненавистью къ владѣльческимъ замкамъ, тогда какъ въ моментъ ихъ постройки оно чувствовало только любовь и благодарность. Эти замки воздвигались не противъ, а въ пользу народа. Феодализмъ объясняется очень просто: онъ развился естественно въ такую эпоху, когда слабый болѣе нуждался въ защитѣ, нежели сильный во власти. Поэтому легко было сговориться въ цѣнѣ за эту защиту. Позднѣе, когда въ теченіе вѣковъ народная жизнь измѣнилась, такой стѣснительный договоръ показался несправедливымъ, да онъ и не соотвѣтствовалъ болѣе политическимъ и экономическимъ отношеніямъ новаго общества. Но во всякомъ случаѣ, историкъ культуры обязанъ засвидѣтельствовать, что было время, когда этотъ договоръ отвѣчалъ потребностямъ».

Во всякомъ случаѣ эти объясненія настолько вѣрны и глубоки, что ихъ нельзя опровергать пустыми фразами. И покуда нѣтъ другихъ опроверженій, мы считаемъ себя въ правѣ настаивать на своемъ взглядѣ, тѣмъ болѣе, что можетъ привести и другія вѣскія доказательства, лишающія всякой почвы предполагаемое германское происхожденіе ленной системы и доказывающія, что она существовала у различныхъ народовъ всѣхъ поясовъ земного шара и во всѣ времена.

Если Галеви, какъ было сказано выше, нашелъ феодальныя отношенія чистѣйшей пробы въ современномъ Джауфѣ, то не мѣшаетъ знать, что, по его изслѣдованіямъ, этотъ феодализмъ явленіе не новое, а ведетъ свое происхожденіе съ древняго царствованія Себеевъ. Это уноситъ насъ въ глубокую древность; Галеви склоненъ даже думать, что подобная же система лежала въ основаніи общественнаго порядка у всѣхъ семитскихъ народовъ. Наконецъ, превосходныя изслѣдованія Альфреда Кремера доказали самымъ очевиднымъ образомъ существованіе феодальныхъ отношеній и кліентовъ въ царствѣ халифовъ, особенно въ Савадѣ [1]).

Мы знаемъ далѣе, что уже въ персидскомъ царствѣ Сассанидовъ была въ обычаѣ раздача земель въ ленное владѣніе. Наконецъ, въ Малой Азіи процвѣтала настоящая феодальная аристократія — деребеговъ и тимарли еще въ первыя десятилѣтія нашего вѣка, покуда реформы Магомета II не положили ей конецъ, и вмѣстѣ съ нею и благосостоянію странъ [2]). Японія, далекое морское царство Востока, была настоящимъ феодальнымъ государствомъ до достопамятной революціи 1868 года, а вассальная система африканской Бамбарры есть вѣрная копія средневѣковаго феодализма. Мы находимъ феодальныя отношенія даже у ирландскихъ кельтовъ. Всѣ эти факты и примѣры заставляютъ насъ отвергнуть происхожденіе средневѣковой ленной системы изъ древне-германскаго дружиннаго быта, покуда не будетъ доказано самымъ неопровержимымъ образомъ, что иного пониманія этого явленія не можетъ быть. А до тѣхъ поръ въ вышеизложенномъ объясненіи феодализма мы вполнѣ сходимся со взглядомъ Альфреда Кремера, изложеннымъ имъ на основаніи добытыхъ фактовъ; и мы должны безусловно согласиться съ нимъ съ точки зрѣнія естественнаго развитія человѣческой культуры: «Ленная система есть учрежденіе, которое развивается само собою у самыхъ различныхъ народовъ. Мы находимъ его у персовъ, также какъ у германцевъ, и у многихъ народовъ, не одного арійскаго племени, и всетаки нельзя думать о заимствованіи другъ у друга. Это есть именно явленіе въ ходѣ соціальнаго развитія государствъ, которое возникаетъ само собою при данныхъ обстоятельствахъ» [3]).

Наконецъ на происхожденіе феодальной или ленной системы бросаютъ многосторонній и яркій свѣтъ древніе ирландскіе законы Брегона. Въ Ирландіи этотъ могучій переворотъ, которому соотвѣтствовали аристократія и политическое королевство, произошелъ точно такъ же, какъ въ Германіи и въ остальной Европѣ. Такимъ образомъ главныя черты и общіе результаты этого важнаго преобразованія соціальнаго порядка были вездѣ одинаковы. Насъ не мало утѣшаетъ то, что такой крупный юридическій авторитетъ, какъ Генри Мэнъ, не только вполнѣ подтверждаетъ, но и дополняетъ выводы Фюстель де-Куланжа. *Законы Брегона* указываютъ, по мнѣнію Мэна, на третью причину вассальныхъ отношеній, которыя простираются въ гораздо болѣе древній періодъ гражданственности, нежели бенефиціи и патронатъ. А именно послѣдніе могли быть основаны лишь на вполнѣ развитомъ частномъ землевладѣніи; но у ирландскихъ кельтовъ феодальныя отношенія возникли изъ передачи скота въ то время, когда

---

[1]) Bull. de la Soc. de géogr. de Paris, 1873. S. 594, и Ausland 1874, S. 911.

[2]) Henry J. van Lennep: Travels in little known parts of Asia Minor. London. 1840. 8° 2 Bde.

[3]) Кремеръ, Kulturgeschichte des Orients. I, S. 109. f.

земля почти не имѣла никакой цѣны. Гдѣ населеніе рѣдко, тамъ земля представляетъ ничтожную цѣнность, такъ какъ у каждаго ея довольно. Какъ учитъ этнографія, у такихъ народовъ главное богатство, собственно капиталъ въ первоначальномъ смыслѣ этого слова (отъ caput, голова, штука скота), составляетъ скотъ, который замѣняетъ наши деньги. *Pecunia* отъ *pecus*. Когда появилось земледѣліе, то скотъ не только не палъ въ цѣнѣ, но, напротивъ, скорѣе поднялся, такъ какъ теперь онъ нашелъ двойное примѣненіе. Древне-ирландскіе законы постоянно указываютъ намъ на то, что вожди раздавали скотъ членамъ своего клана, и что отсюда возникали самыя разнообразныя формы подчиненности. На войнѣ вождь получалъ въ собственность, какъ предводитель, главную часть добычи, которая, конечно, могла состоять только изъ скота; у него всегда былъ избытокъ его; зато другимъ не хватало. Онъ и отдавалъ излишекъ скота на извѣстныхъ условіяхъ; такимъ образомъ свободный человѣкъ превращался въ вассала (*ceile* или *kyle*) своего вождя, которому обязанъ былъ служить и быть вѣрнымъ. Это — не что иное, какъ отношеніе *commendatio*. Чѣмъ больше онъ получалъ головъ скота, тѣмъ тѣснѣе становилась его зависимость. Это повело къ образованію двухъ классовъ вассаловъ: *saer tenants* и *daer tenants*. Первый, который получалъ немного, оставался свободнымъ и сохранялъ всѣ свои права. Черезъ семь лѣтъ онъ становился собственникомъ ввѣреннаго ему скота, которымъ онъ втеченіи этого времени могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ. Господинъ имѣлъ право только на молоко и на приростъ; это была, дѣйствительно, лишь временная связь, причемъ *saer tenant* обязывался оказывать господину преданность и извѣстную помощь; такъ, онъ обязанъ былъ помогать во время жатвы, а также при постройкѣ и починкѣ господскаго жилища, и нести воинскую повинность. Наоборотъ, *daer tenants* несли гораздо болѣе тяжелое бремя и, повидимому, отчасти лишались своей свободы. Ввѣренный имъ «капиталъ» состоялъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ частей: одна представляла такъ-называемую «цѣну его чести», т. е. штрафъ, который платили за какую бы то ни было обиду *daer tenant*'а; это зависѣло отъ знатности его особы; другая часть находилась въ связи съ натуральной повинностью, которую долженъ былъ платить вассалъ. Эта повинность опредѣлена самымъ точнымъ образомъ въ законахъ Брегона. Если господинъ хотѣлъ получить теленка, трехдневныя харчи лѣтомъ и трехдневную работу зимой, то онъ долженъ былъ дать вассалу трехъ молодыхъ коровъ: чтобы получить молодую корову, онъ долженъ былъ представить въ распоряженіе вассала шесть молодыхъ коровъ или двѣнадцать старыхъ. Право на извѣстныя харчи позволяло вождю проживать нѣсколько дней со своею свитой въ домѣ вассала, что доказываетъ, что вожди жили не лучше своихъ подданныхъ. Этотъ обычай — брать натуральныя повинности ѣдой, встрѣчается вездѣ, гдѣ существовала феодальная система. Въ Ирландіи онъ подалъ впослѣдствіи поводъ къ жестокимъ угнетеніямъ».

«Тамъ, какъ и на материкѣ, мы можемъ наблюдать развитіе ленной системы; свободный человѣкъ беретъ у другого скотъ въ ленное владѣніе и такимъ образомъ становится его вассаломъ. Разбогатѣвшій вассалъ самъ отдаетъ скотъ третьему лицу въ ленное владѣніе и т. д., точь въ точь

какъ это происходило на материкѣ — съ землею. Это совершенно ясно и неопровержимо доказываетъ, что ленная система могла развиться вездѣ на національныхъ и мѣстныхъ основаніяхъ».

«Феодальную власть вождей усиливало еще одно обстоятельство. Законы Брегона свидѣтельствуютъ, что въ Ирландіи было много *fuidhirs*, бѣглецовъ, изгнанниковъ, безправныхъ и безродныхъ. Для общины, отвѣчавшей за поступки своихъ членовъ, конечно, было важно исключать всѣхъ преступниковъ; и законы точно опредѣляли эти случаи. Этихъ нищихъ бѣглецовъ охотно принимали вожди чужихъ общинъ и отдавали имъ земли, которыя хотя и составляли собственность вождей, но на которыя ихъ права не были строго опредѣлены; а совершенно безправныхъ они держали въ полной зависимости. Этимъ они увеличивали свою власть и доходы. Во времена средневѣковыхъ смутъ число *fuidhirs* значительно возросло, и они вытѣснили постепенно свободныхъ въ общинѣ, занявъ всѣ раздаваемыя земли. Эти послѣдніе обѣднѣли, такъ какъ не могли содержать прежнее количество скота. Такимъ образомъ, съ одной стороны, феодалы становились все могущественнѣе; съ другой — все болѣе падали тѣ, которые когда-то были имъ равны. Слѣдовательно, пропасть между ними становилась все больше».

«Итакъ оказывается, что ни аллоды, ни бенефиціи не были чисто германскаго происхожденія; такъ же несправедливо было бы назвать ихъ исключительно римскими. Обѣ формы владѣнія навѣрное встрѣчаются у самыхъ различныхъ народовъ, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена: онѣ представляютъ общечеловѣческое явленіе».

«То, что ленная система возникла гораздо раньше начала среднихъ вѣковъ, доказываетъ, что это не было явленіе новое, изобрѣтеніе новыхъ властелиновъ, или же чудовищная неестественность. Въ своихъ основныхъ чертахъ она оставалась неизмѣнною съ начала и до позднѣйшихъ временъ, за немногими позднѣйшими, немаловажными отступленіями [1])».

Рабство, крѣпостничество и сословія.

«Къ культурнымъ заслугамъ христіанства причисляютъ и *отмѣну рабства*, на которомъ покоилось все зданіе древней гражданственности. Сдѣлавъ людей равными передъ Богомъ, христіанство подорвало рабство въ корнѣ. Ученіе о всеобщемъ братствѣ отразилось прежде всего въ болѣе мягкомъ примѣненіи законовъ о рабствѣ; и, наконецъ, въ мѣрахъ Юстиніана, которыя устранили, такъ сказать, *сущность* рабства. Прежнія ограниченія при освобожденіи рабовъ пали; освобожденный рабъ получалъ всѣ права гражданства, могъ жениться съ согласія своего господина на свободной, и дѣти, рожденныя въ рабствѣ, были полноправными наслѣдниками своего освобожденнаго отца. Но если-бы въ обществѣ, всецѣло основанномъ на рабствѣ, христіанство вступило на путь открытой борьбы, абсолютнаго отрицанія, то оно сразу сдѣлалось бы невозможнымъ, и будущее его погибло бы. Его великая сила, его великая заслуга состояла

---

[1]) Сравн. еще W. Roscher: Nationalökonomik des Ackerbaues, S. 285—289.

въ томъ, что оно умѣло примѣняться къ обстоятельствамъ и измѣняло ихъ кротко, постепенно. Поэтому церковь открыто и формально признала рабство; на дѣлѣ же старалась его уничтожить. Она ревностно охраняла цѣломудріе рабынь, о защитѣ которыхъ мало пеклись гражданскіе законы; она принимала рабовъ въ духовное сословіе и санъ; и часто освобожденный рабъ, какъ духовное лицо, видѣлъ у своихъ ногъ колѣнопреклоненныхъ вельможъ и богачей, просившихъ его благословенія или отпущенія ихъ грѣховъ. Сообщивъ извѣстное нравственное достоинство служебному классу, церковь сломила презрѣніе, съ какимъ въ древней цивилизаціи господинъ смотрѣлъ на раба; но въ то же время она не переставала стремиться къ *освобожденію* рабовъ [1]). Уже вскорѣ послѣ Константина рабовъ стали освобождать по простому удостовѣренію епископа. Улучшенію положенія низшихъ классовъ способствовало особенно въ первыя времена обстоятельство, выродившееся впослѣдствіи въ злоупотребленіе: это—вліяніе священника на исповѣдь у смертнаго одра. Этимъ путемъ достигались многочисленныя освобожденія рабовъ и большія пожертвованія монастырямъ и духовнымъ учрежденіямъ. Многіе отпускали своихъ рабовъ на волю изъ набожныхъ побужденій; и многіе документы и могильныя надписи свидѣтельствуютъ о томъ, что завѣщатель или почившій «ради спасенія души» даровалъ рабамъ свободу».

Такъ какъ церковь еще не была такъ сильна, какъ впослѣдствіи, то папы предпочли лучше выкупать рабовъ, нежели освобождать ихъ силою. Епископы продавали церковную золотую или серебряную утварь, чтобы выкупать рабовъ. Постановленіе Бенедикта обязывало монастыри освобождать рабовъ, полученныхъ при пожертвованіи земель. Такъ какъ евреи торговали какъ дѣтьми, такъ и взрослыми, то соборъ въ Маконѣ (581 г.) постановилъ, что если они не хотятъ уступить раба за предлагаемую имъ цѣну, то должны его освободить. Архіепископъ ліонскій, Агобардъ, въ 9 вѣкѣ выступилъ противъ торговли евреевъ рабами, хотя они покупали свой «товаръ» у *христіанъ*. Рабовъ, которые не могли получить свободу, утѣшали страданіями Христа и загробной жизнью. Торговавшихъ рабами не допускали въ церковь, покуда они не отказывались отъ своего ремесла, и исключали, если они вновь принимались за него [2]).

Позднѣе, однако, замѣтенъ сильный шагъ назадъ во взглядѣ на рабство. Еще въ вѣкѣ Агобарда и въ слѣдующемъ, какъ свидѣтельствуетъ итальянскій историкъ Муратори (889 г. въ Салерно), дарили церкви рабовъ, и епископы и священники даже обмѣнивались рабами и рабынями; иные добровольно (напр., въ Феррарѣ) отдавались въ рабство церкви. Уже въ 675 г. соборъ въ Толедо запретилъ калѣчить церковныхъ рабовъ. Въ декреталіяхъ папы Григорія IX въ 1230 г. рабы формально причислены къ *вещамъ*, которыя церковь можетъ отчуждать или нѣтъ. Итакъ церковь превратилась изъ защитницы угнетенныхъ въ господствующую силу. Рабство стало пугаломъ и наказаніемъ. Бенедиктъ VIII объявилъ рабами

---

[1]) Lecky: Geschichte der Aufklärung II Bd. S. 188 ff.

[2]) Buchmann. Die unfreie und die freie Kirche in ihren Beziehungen zur Sklaverei u. s. w. 2 Aufl. Breslau. 1885. S. 12 ff. 26 ff.

церкви всѣхъ дѣтей духовныхъ лицъ, Бонифацій VIII подданныхъ знатнаго рода Колонна; Климентъ V венеціанцевъ; Григорій IX и Сикстъ IV флорентинцевъ, Юлій II болонцевъ и венеціанцевъ, Павелъ III англичанъ, Пій V евреевъ.

Вблизи Рима еще въ 13 вѣкѣ были невольничьи рынки. Но, хотя церковь не издала ни одного постановленія противъ этого обычая, хотя Муратори не говоритъ ни слова объ освобожденіи рабовъ церквами или монастырями, тѣмъ не менѣе рабство прекратилось въ Италіи въ началѣ 15 вѣка. Но въ 1548 г. Павелъ III снова разрѣшилъ его римлянамъ. Эти рабы были въ сущности плѣнные турки; изъ христіанъ попадались лишь тѣ, которые уже были рабами у турокъ. Однако Пій V строго запретилъ это. Эти турецкіе рабы жили, какъ преступники, на галерахъ въ Чивитавеккіи, Генуѣ, Мальтѣ и др.; и отдѣльныя итальянскія правительства, не исключая и папы, продавали и обмѣнивали ихъ даже и послѣ того, какъ они крестились! Такое положеніе вещей длилось даже до конца 18 вѣка [1]).

«Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на средневѣковую *торговлю невольниками*, то увидимъ, что она главнымъ образомъ процвѣтала въ языческія времена въ сѣверной и восточной Европѣ; но и у христіанскихъ народовъ она была распространена довольно сильно. Главными рынками были Римъ и Ліонъ, главными торговцами, какъ уже сказано выше, евреи. Сначала среди духовенства господствовало мнѣніе, что невольничество противно божественному закону, и оно распространяло его далѣе; но когда папа Александръ III запретилъ обращать христіанъ въ рабство на третьемъ Латеранскомъ соборѣ, то власть церкви, которая тогда достигла высшаго могущества, оказалась столь безсильной противъ глубоко укоренившихся воззрѣній, что народы всюду сопротивлялись отлученіямъ [2]). Еще въ 12 вѣкѣ англичанъ часто продавали въ Ирландію [3]), и очень близкія къ рабству крѣпостническія отношенія господствовали въ шотландскихъ угольныхъ копяхъ и въ западныхъ областяхъ у скаллаговъ. Лишь въ 13 вѣкѣ торговля черкесскими и русскими рабами, благодаря вольному городу Генуѣ, проникла въ Египетъ. Съ 14 вѣка уроженцы Канарскихъ островов, гуанчи, продавались въ рабство, а съ 15 вѣка португальцы начали производить кражу людей на западномъ берегу Африки и началась *торговля неграми*».

Это печальное обыкновеніе распространилось скоро и въ Испаніи, а лѣтъ десять спустя послѣ открытія Америки, испанское правительство разрѣшило ввозъ туда черныхъ невольниковъ, даже крещеныхъ. Когда Колумбъ прислалъ въ Европу индѣйскихъ рабовъ, то королева Изабелла повелѣла отправить ихъ обратно и хорошо съ ними обращаться. Но когда Варѳоломей *Лясъ-Казасъ*, епископъ чіапскій, увидѣлъ, что, несмотря на

---

[1]) *Buchmann*: Die unfreie und die freie Kirche in ihren Beziehungen zur Sklaverei u. s. w. 2 Aufl. Breslau 1875, S. 30 ff. 40 ff. Brecht: Kirche und Sklaverei. Barmen 1889. S. 155 ff. 184 ff. (Съ документами)

[2]) *Eduard Kattner*. Sklaverei und Sklavenhandel in Mittelalter (Ausland 1867. S. 301—305).

[3]) *Stephan*. The Slavery of the British West-India Colonies. London 1828. I, 5. Примѣч.

это, съ ними обращались очень жестоко, онъ выпросилъ у Карла V въ 1517 г. разрѣшеніе снова привезти рабовъ негровъ и слишкомъ поздно раскаялся въ этой мѣрѣ. Онъ тщетно старался смягчить ея послѣдствія, которыя становились все отвратительнѣе и распространялись также въ Англіи и ея сѣверо-американскихъ колоніяхъ [1]). Но рабство индѣйцевъ не прекратилось, хотя папа Павелъ VI проклялъ его, а іезуиты боролись съ нимъ. Наоборотъ, противъ порабощенія негровъ церковь не возставала, хотя позднѣе и одобрила его прекращеніе и не переставала объ этомъ заботиться. Геллльвальдъ все-таки напоминаетъ о томъ «что торговля неграми началась прежде всего въ Испаніи и Португаліи. Въ Лиссабонъ ввозилось отъ 10—12000 рабовъ негровъ, не считая мавровъ. Что это имѣло огромное вліяніе на народъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Изъ одного описанія [2]) состоянія Лиссабона въ 1535 г. видно, что тамъ до того кишѣли всюду рабы-негры, что чуть-ли не больше было черныхъ рабовъ и рабынь, нежели свободныхъ людей. Исторія доказала также неоспоримо, что въ жилахъ португальцевъ столько-же семитской (карѳагеняне, арабы), сколько и негрской крови. Этимъ объясняется, почему этотъ народъ, проживающій и безъ того въ теплыхъ странахъ Европы, и смѣшавшійся къ тому же съ народами, происходящими изъ еще болѣе теплыхъ странъ, лучше всѣхъ европейскихъ націй переноситъ осѣдлость въ тропическомъ климатѣ [3])».

«Относительно положенія рабовъ между германцами и римлянами не дѣлалось различія. Они раздѣлялись, по количеству земельной собственности, по степени правъ и свободы, на свободныхъ и несвободныхъ. Послѣдніе подраздѣлялись на два класса: на покоренныхъ на войнѣ оброчныхъ—литовъ, или лацовъ, и холоповъ, или скальковъ. Послѣдніе, которыхъ называли еще рабами (*servi*), жили на полномъ содержаніи господина. Ихъ хотя рѣдко били и наказывали кандалами или принудительной работой, но господинъ могъ безнаказанно убить ихъ въ порывѣ гнѣва, потому что на нихъ смотрѣли, какъ на *враговъ*, такъ какъ они набирались большею частью изъ военноплѣнныхъ. Но продавали и собственныхъ людей, и во многихъ мѣстностяхъ Германіи торговля рабами велась въ обширныхъ размѣрахъ. Германцы также обращались съ рабами, какъ съ вещами, продавали ихъ, какъ скотъ, и лишали ихъ доступа въ Валгаллу. Лишь съ введеніемъ христіанства у нихъ прекратилось рабство (за исключеніемъ военноплѣнныхъ славянъ), такъ что осталось только *крѣпостничество* или еще болѣе мягкая форма—колонатъ».

«Не слѣдуетъ смѣшивать крѣпостничества съ рабствомъ; его нельзя также считать продолженіемъ послѣдняго или какимъ-нибудь совершенно новымъ учрежденіемъ. Его происхожденіе очень древне; оно древнѣе среднихъ вѣковъ, и существовало у римлянъ и германцевъ *рядомъ* съ рабствомъ. Еще до Тацита у германцевъ были крѣпостные (liti), прикрѣпленные

[1]) *Ingram*, John Kells: Geschichte der Sklaverei, bearb. von Leop. Katscher. Dresden 1895, S. 102 ff. Есть также русскій перев. Ингремъ исторія рабства.

[2]) *Nikolaus Cleynaert*, Peregrinatinuum ac de rebus Machometicis epistolae elegantissimae Lovani 1550.

[3]) *Robidé von der Aa* въ засѣданіи Indisch Genootschap im Haag vom 11. Februar 1873.

къ землѣ, т. е. занимавшіе надѣлъ, клочекъ земли съ домомъ, за пользованіе которымъ они платили работой, хлѣбомъ, скотомъ и тканями [1]). Съ другой стороны, кліентство римлянъ было не что иное, какъ крѣпостное право; это доказываетъ и слово, произведенное отъ *cluere* (слушать, повиноваться); и по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало кліентство подъ вліяніемъ времени, другія обстоятельства выдвигали крѣпостничество. Въ послѣдніе дни Западной Имперіи арендаторы, колоны и владѣльцы бенефицій перешли на дѣлѣ въ крѣпостное состояніе, хотя оно и не было опредѣлено никакимъ параграфомъ закона».

Во Франкской имперіи и въ современныхъ германскихъ государствахъ классъ *несвободныхъ* составляли романцы, лишенные свободы еще до завоеванія, и военноплѣнные. Они получали отъ своего господина землю для пользованія или маленькій капиталъ (peculium), которые послѣдній могъ всегда взять обратно по смерти ихъ временнаго владѣльца. Крѣпостныхъ всегда могли продавать и обмѣнивать съ землей или безъ земли. Обращеніе съ ними зависѣло отъ характера господина; если онъ былъ злобнаго нрава, то рабы часто убѣгали, и случалось, что они убивали своего мучителя. Церковь, сама владѣвшая значительнымъ числомъ рабовъ, обращалась съ ними болѣе кротко, признавала ихъ браки, запрещала продажу христіанъ, а также евреевъ и язычниковъ, часто хлопотала о дарованіи свободы рабамъ и запрещала разлучать членовъ семьи. Если рабовъ отпускали на волю, то они становились *полусвободными*, лацами, литами, или оброчными; ихъ не могли продавать съ землей; они платили господину оброкъ и несли воинскую повинность. Но ихъ число пополнялось не столько вольноотпущенными, сколько обѣднѣвшими *свободными* людьми, которые такимъ образомъ отдавались подъ защиту богатыхъ господъ и, благодаря этому, жили лучше, нежели бѣдные свободные крестьяне. Эти послѣдніе все болѣе уступали мѣсто *дворянамъ*, къ которымъ присоединились несвободные слуги двора и имперскихъ вельможъ; такъ произошло *служилое дворянство*, вытѣснившее старинное дворянство; изъ него вытекло низшее дворянство нашего времени.

Послѣ распаденія Франкской монархіи всѣ сословія перемѣстились. Низшій классъ несвободныхъ, которые теперь всѣ назывались крѣпостными, состоялъ изъ холоповъ, называемыхъ также рабами; они произошли по большей части изъ плѣнныхъ славянъ. Немного выше стояли литы и колоны. Различіе этихъ послѣднихъ неясно: они имѣли маленькое хозяйство, платили оброкъ и несли воинскую повинность. Впослѣдствіи всѣ три класса слились въ одинъ, подъ именемъ *крѣпостныхъ;* онъ появился впервые въ 1289 году. Болѣе высокую ступень занимали остальные оброчные, подраздѣлявшіеся, въ свою очередь, на два класса: низшій—министеріалы или служки и высшій—оброчные крестьяне. До перваго могли возвыситься холопы, до второго—литы и колоны; первые несли дворовую и военную службу; вторые платили только оброкъ; зато первые могли подняться выше, до рыцарскаго сословія. Высшая ступень этого сословія—*свободные*, занимали середину между свободными земледѣльцами

[1]) Prof. dr. *Georg Weber*: Germanien in den ersten Jahrhunderten seines geschichtlichen Lebens. Berlin S. 140 f.

и дворянами, которые образовались изъ сліянія стариннаго и служилаго дворянства. Свободные земледѣльцы, число которыхъ все уменьшалось (въ деревняхъ), не имѣли другихъ обязательствъ, кромѣ церковной десятины; и изъ нихъ, по большей части, выходило высшее духовенство. Къ нимъ принадлежали также крестьяне свободныхъ земель и мѣщане [1]).

Въ XV вѣкѣ произошло новое перемѣщеніе сословій. Теперь ихъ было три: *крестьяне*, къ которымъ принадлежали, какъ крѣпостные, такъ и свободные земледѣльцы; *мѣщане* и *дворяне*: послѣднее сословіе состояло изъ низшаго дворянства, такъ-называемыхъ полусвободныхъ и высшаго— вполнѣ свободныхъ, бароновъ, графовъ и князей. Всѣ три сословія питали взаимную ненависть и, насколько позволяли средства, изводили другъ друга кровавой враждой. Тщетно старалось духовенство смягчить эти нехристіанскіе поступки. Лишь по прошествіи вѣковъ прекратилась борьба за существованіе этихъ группъ средневѣковаго христіанства, исполненныхъ зависти и ревности другъ къ другу.

Земледѣліе и сельское хозяйство.

«Хотя законъ *раздѣленія труда*, это неизбѣжное условіе всякаго культурнаго развитія, уже встрѣчается у первобытныхъ народовъ, но это раздѣленіе у нихъ чрезвычайно просто; съ развитіемъ цивилизаціи оно становится сложнѣе. Въ концѣ перваго вѣка нашего лѣтосчисленія это раздѣленіе было еще очень первобытнымъ; но въ общихъ чертахъ оно уже было намѣчено; земледѣліе, промышленность и торговля уже начали развиваться. Въ земледѣліи господствовало сначала, конечно, сильно распространенное, «дикое» выгонное хозяйство, которое предшествовало трехпольной системѣ, и съ разными измѣненіями сохранилось въ горахъ Германіи, благодаря условіямъ почвы и климата. Теперь, конечно, болѣе распространена трехпольная система, но ее нельзя считать первоначальной формой сельскаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ ее ввели въ Германіи, по всей вѣроятности, римляне задолго до Карла Великаго. Карлъ Великій ввелъ извѣстный порядокъ и правила въ управленіе многочисленными императорскими имѣніями на Рейнѣ и Дунаѣ, и этотъ примѣръ благотворно подѣйствовалъ на сосѣдей. Въ Саксонскихъ земляхъ на земледѣліе обратили вниманіе лишь послѣ завоеванія и введенія христіанства. Владѣнія духовенства служили убѣжищемъ не только для искусствъ и промышленности: и земледѣліе стояло у нихъ на болѣе высокой ступени развитія».

Развитіе сельскаго хозяйства шло постоянно рука объ руку съ основаніемъ усадебъ, происхожденіе которыхъ по большей части проглядываетъ въ составѣ ихъ именъ. Самыя древнія изъ нихъ, конечно, тѣ, которыя указываютъ на разчистку лѣса (Ausrodung), какъ, напримѣръ,—rat,—roda, — reute (въ Швейцаріи rüti); а также тѣ, которыя къ личному имени присоединяютъ окончаніе:—berg,—bach,—born,—hofen,—heim,—hausen или окончаніе, означающее принадлежность основателю: — ing,—

[1]) *Gerdes*: Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur, I. S. 404 ff. *Schröder*: Deutsche Rechtsgeschichte S. 418 ff.

ingen. Съ IX вѣка поселенія съ деревнями основывались вокругъ монастырей; отсюда имена, въ составъ которыхъ вошли слова: Kirche, —Pfaffen,—Kloster,—Bischofs,—Abt—и т. д.

Со смертью Карла Великаго сельское хозяйство опять пришло въ упадокъ, вслѣдствіе опустошительныхъ набѣговъ аваровъ, норманновъ и славянъ, за которыми послѣдовали мадьяры. Эта необезпеченность положенія заставила дворянъ построить замки, вокругъ которыхъ собирались ихъ крѣпостные и оброчные; отсюда возникшіе такимъ образомъ деревни и города, получили окончаніе—burg или—stadt. Многіе изъ этихъ замковъ служили дворцами королямъ и были разсѣяны по всей странѣ.

Земледѣліе, въ первыя времена среднихъ вѣковъ, при такой непрочности положенія, развивалось очень медленно. Плуги долго не имѣли желѣза. Лишь постепенно пшеница проникла съ запада на востокъ, гдѣ сѣяли преимущественно рожь и овесъ. Фрукты и овощи разводились главнымъ образомъ монастырями. На Рейнѣ рано развилось винодѣліе, а затѣмъ и во всей Германіи, даже тамъ, гдѣ оно теперь исчезло. Изъ животныхъ разводили больше всего лошадей, овецъ, свиней и птицъ; рогатый скотъ цѣнился менѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Строгое соблюденіе постовъ сильно содѣйствовало *рыбной ловлѣ*.

«Послѣ завоеванія славянскихъ земель значительная часть сельскаго населенія переселилась туда; такимъ образомъ населеніе деревень стало рѣже. Чтобы пополнить убытокъ въ юго-западной Германіи, призвали голландскихъ и фламандскихъ колонистовъ; ихъ трудолюбіе содѣйствовало новому процвѣтанію сельскаго хозяйства. Оно развилось еще болѣе послѣ крестовыхъ походовъ. Благодѣтельныя послѣдствія этихъ народныхъ войнъ, вызванныхъ фанатизмомъ, для всеобщаго культурнаго развитія неоцѣненны; они уступаютъ развѣ послѣдствіямъ открытія Америки. Крестовые походы утвердили власть папы—и христіанство распространялось все болѣе и болѣе; гдѣ являлись христіанскіе миссіонеры, тамъ возникали новыя поселенія; явилось множество новыхъ городовъ, соприкосновеніе съ дальнимъ Востокомъ расширило торговлю и международныя сношенія.

Увеличеніе числа городовъ, этого разсадника промышленности, мануфактуры и искусствъ, возвысило, въ свою очередь, производительность земли, благодаря большему потребленію сельско-хозяйственныхъ предметовъ.

«Увеличеніе потребленія продуктовъ заставило сельскаго хозяина прилежнѣе обрабатывать землю; въ особенности въ Пруссіи, Маркахъ, Помераніи, Мекленбургѣ, Гольштиніи, Вестфаліи и Баваріи, земледѣліе такъ сильно поднялось, что уже въ концѣ XIII вѣка Пруссія могла снабжать зерномъ нѣкоторыя страны западной Европы, а Вестфалія часть Нидерландовъ. Скотоводство также стало обширнѣе. Распространеніе въ городахъ ткацкаго мастерства, вызвавшаго усиленный спросъ на шерсть, повело не только къ расширенію овцеводства, но и къ заботѣ объ улучшеніи породы. Точно также стали больше прежняго заботиться о разведеніи рогатаго скота лошадей. Эти улучшенія исходили по большей части отъ фламандскихъ колонистовъ, которые привезли съ собою деньги, скотъ и сельско-хозяйственныя орудія. Они выхлопотали себѣ извѣстныя права и образовали особое крестьянское сословіе, стоявшее между дворянами и крѣпостными. Постепенно и жители городовъ пошли по слѣдамъ

этихъ свободныхъ крестьянъ. Они пріобрѣли въ собственность окрестныя поля; и такъ какъ горожане вообще болѣе развили свой умъ искусствами и ремеслами, нежели крестьяне, то это отразилось и на земледѣліи. Они въ особенности разводили виноградъ и растенія, составлявшія отрасль торговли. Тѣмъ не менѣе земля не производила достаточно, чтобы удовлетворять вполнѣ потребностямъ. Если даже въ урожайные годы чувствовался недостатокъ, то въ неурожайные онъ превращался въ голодную нужду и моръ людей. А такъ какъ неурожайные годы бывали нерѣдко, то это имѣло неблагопріятное вліяніе не только на количество населенія, но и на земледѣліе [1]). Но это не были единственныя страданія, тяготѣвшія на крестьянинѣ.

Въ XII и XIII вѣкахъ, вслѣдствіе обѣдненія господъ, благодаря раздорамъ и войнамъ, а также переселенія оброчныхъ въ города и упомянутаго выселенія въ славянскія земли, положеніе крестьянъ улучшилось, но въ XIV вѣкѣ произошелъ переворотъ къ худшему. Такъ какъ почти вся земля принадлежала дворянамъ и церкви, то крестьянскіе надѣлы съ теченіемъ времени становились все меньше. Семьи росли, участки дробились, помѣщики опять поправились и угнетали крестьянъ имъ однимъ принадлежавшимъ правомъ охоты и рыбной ловли, налогами на хлѣбъ, скотъ, птицъ, пиво, сыръ и т. п., наказаніями за недоимки, затѣмъ разными службами—сторожевой, выѣздной, охотничьей, и другими барщинами. Они отнимали у крестьянъ скотъ и одежду (лучшую шапку и лучшее платье), распоряжались похоронами. Такимъ образомъ свободныхъ крестьянъ стало еще меньше, чѣмъ прежде.

Цѣлыя области стояли, опустошенныя раздорами; множество деревень совершенно исчезло или сдѣлалось жертвой увеличенія свѣтскихъ и духовныхъ владѣній. Когда помѣщики замѣтили эти бѣдствія, они старались отвратить ихъ, смягчали налоги, отпускали крестьянъ на волю. Такъ какъ крестьяне не умѣли писать то все, что ихъ враги—дворяне и горожане—писали о нихъ, было не въ ихъ пользу. Ихъ изображали невѣжественными, грубыми, лживыми, злыми; а если у нихъ было какое-нибудь имѣніе, то ихъ представляли заносчивыми и расточительными владѣльцами. Они искали забвенія своихъ страданій въ дикихъ пляскахъ и страшномъ пьянствѣ на свадьбахъ. Но они сообщили своему сословію и серьезную сторону, устроивъ *покровительственныя гильдіи*, которыя поддерживали бѣдныхъ и пострадавшихъ отъ пожара или наводненія; при этомъ всѣ члены гильдіи должны были дѣлать взносы, также какъ и по случаю крестинъ, свадебъ и похоронъ.

Развитіе промышленности.

«Въ первыя времена своего существованія германскіе народы не знали раздѣленія труда въ промыслахъ. Такъ какъ въ первобытныя времена больше всего требовалось *оружіе*, то само собою разумѣется, что первой и единственной отраслью промышленности было кузнечное ремесло; ибо для изготовленія оружія требуется особая ловкость, которая

[1]) *Löbe*: Die Landwirtschaft. S. 2—6.

пріобрѣтается лишь тогда, когда занимаются исключительно однимъ предметомъ. Всѣ другіе предметы ежедневнаго обихода изготовлялись членами семьи. Еще во времена Карла Великаго не было собственно ремесленнаго сословія; ремеслами занимались женщины и холопы; даже дочери короля должны были прясть, ткать, вышивать и смотрѣть за хозяйствомъ. Тогда существовала еще *домашняя пряжа*, которою занимаются и теперь мало развитые народы. Ремесла составляютъ позднѣйшую ступень въ развитіи промысловой дѣятельности и замѣняютъ домашнія издѣлія на такомъ же законномъ основаніи, на какомъ впослѣдствіи ихъ самихъ вытѣсняютъ крупная промышленность и фабрики [1]). Но уже и въ тѣ времена раздѣленіе труда достигло такой степени, что, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя отрасли сосредоточивались въ рукахъ извѣстныхъ людей и слѣдовали особымъ предписаніямъ. Превосходно сотканныя и вязанныя одежды, разноцвѣтныя платья и знамена, красивая мебель, золотые и серебряные сосуды, украшенные рѣзьбою, оконныя стекла и узорчатыя панели служили украшеніемъ домашней и общественной жизни. Толчекъ къ этому исходилъ по большей части отъ цивилизованнаго народа, а не изъ среды самихъ грубыхъ сѣверныхъ европейцевъ. Сравнительная этнографія доказываетъ, что ни одинъ первобытный народъ не возвышается надъ извѣстной свойственной ему степенью развитія въ усовершенствованіи своихъ произведеній безъ посторонняго толчка. Такъ было и въ сѣверной Европѣ. Усовершенствованіе ремеслъ произошло подъ вліяніемъ Италіи, именно, прежде всего *путемъ войнъ*. Пріобрѣтенная военная добыча вызвала желаніе имѣть такія же прекрасныя вещи, какія были у просвѣщеннаго врага. Военноплѣнные были отданы въ рабство и распредѣлены такъ, чтобы каждый изъ нихъ зналъ какое-нибудь ремесло; словомъ, *первые ремесленники*, за исключеніемъ кузнецовъ, были *рабы*. И теперь еще у мало развитыхъ народовъ усовершенствованіе отдѣльныхъ отраслей промышленности часто исходитъ отъ искусныхъ рабовъ. По всей вѣроятности, уже въ первобытныя времена ремесло было связано съ рабами; въ древности ремесла находились исключительно въ ихъ рукахъ, что способствовало развитію греческой и римской цивилизаціи. Взглядъ, господствовавшій въ древности, что *трудъ недостоинъ свободнаго человѣка*, свойственъ всѣмъ народамъ, стоящимъ на низкой ступени развитія. Онъ встрѣчается теперь исключительно у дикихъ племенъ, гдѣ всѣ работы исполняютъ *слабѣйшіе*, а именно, женщины, немощные и военноплѣнные рабы; свободные же люди, *по праву сильнаго*, оставляютъ за собою лишь охоту да войну. Такое же понятіе существовало и у германскихъ племенъ, и тѣмъ дольше, что они нигдѣ въ завоеванныхъ странахъ не встрѣчались съ противоположными воззрѣніями. Несомнѣнно, что предразсудки, воспрещающіе отчасти и до сихъ поръ дворянамъ работу, какъ вещь унизительную, суть пережитки этихъ первобытныхъ воззрѣній. Древность не созрѣла еще до *свободнаго* ремесла.

«Первые зародыши свободнаго труда развились въ *монастыряхъ*. Тѣ же причины, которыя побудили монастыри устроить, хотя и очень

[1]) Закономѣрность этого доказана Нейманомъ. См. Prof. Dr. F. X. *Neumann* Ausland 1875 № 9. (Die Weltaustellung IV. Gewerbe und Industrie).

*

первобытное, народное обученіе, ввести первыя улучшенія въ земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ, заставили монаховъ усовершенствовать тѣ промыслы, которые существовали въ грубомъ видѣ въ помѣстьяхъ свободныхъ. Какъ ни было невѣжественно тогдашнее монашество, но масса народа была еще невѣжественнѣе; къ тому же благосостояніе монастырей позволяло ихъ обитателямъ устраняться отъ добыванія средствъ къ существованію. Поэтому до 11 вѣка почти всѣ открытія и улучшенія въ промышленности исходили отъ монастырей; научная и художественная техника еще втеченіи многихъ вѣковъ процвѣтала тамъ исключительно. Монахи изобрѣли также усовершенствованный способъ варки пива съ хмѣлемъ, перегонку; и вообще вся промышленная и даже художественная дѣятельность въ своемъ направленіи и формѣ носитъ религіозный отпечатокъ—очевидное вліяніе монастырей». На извѣстномъ планѣ Сенъ-Галленскаго монастыря 820 года, рядомъ съ мельницами, булочными и пивоварнями, изображены мастерскія для валяльщиковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, токарей, мечниковъ, рѣзчиковъ, ваятелей, литейщиковъ и т. п., которые, впрочемъ, были по большей части крѣпостные.

«Слѣдовательно въ монастыряхъ промыслы могли развиваться лучше всего, такъ какъ здѣсь къ ихъ услугамъ была и вся наука того времени. Здѣсь изучались практическая химія, физика и техника, которыя вскорѣ оказали свое вліяніе на промыслы. Отсюда вышелъ *свободный* трудъ, который потомъ развился въ городахъ подъ защитой асоціацій и породилъ крупную промышленность. Монастыри служили убѣжищемъ для бѣглыхъ крѣпостныхъ, противъ которыхъ уже были приняты мѣры самыми древними законодательствами. Монахи полтора тысячелѣтія проводили на практикѣ идею братства и общей собственности, которую современные коммунисты хотятъ выставить, какъ нѣчто совершенно новое».

«Тѣмъ не менѣе лишь въ *городахъ* промыслы пріобрѣли истинное значеніе». Только здѣсь ими занимались вполнѣ свободные, хотя и изъ низшаго сословія. Съ X вѣка появился, какъ въ городахъ, такъ и въ монастыряхъ, родъ фабричной дѣятельности, какъ напр., приготовленіе соли, стекла, пива и т. д. Но это не отодвинуло назадъ домашнюю промышленность, именно женскія работы, которыя процвѣтали даже при дворахъ королей и въ рыцарскихъ замкахъ. «Даже въ наше высокоразвитое время довольно бросить бѣглый взглядъ, чтобы замѣтить разницу между сельской и городской промышленностью. Множество причинъ ставятъ непреодолимыя препятствія развитію сельской промышленности. Во-первыхъ, множество вещей остаются безъ *спроса* и улучшеній, которыя могутъ возникнуть только при густотѣ населенія на небольшомъ пространствѣ, что и составляетъ необходимое условіе всякаго культурнаго развитія». Безполезно указывать «на выдающееся преобладаніе нынѣшнихъ большихъ городовъ во *всякомъ*, какъ хорошемъ, такъ и дурномъ направленіи цивилизаціи; и среди этихъ большихъ городовъ, конечно, первое мѣсто занимаютъ наиболѣе населенные. Земледѣліе есть первая ступень гражданственности, потому что, сравнительно съ кочевымъ бытомъ, оно обусловливаетъ уже болѣе густое населеніе; но по той же причинѣ земледѣлецъ стоитъ ниже горожанина, и земледѣльческія государства уже по своей природѣ не могутъ равняться съ другими. Земледѣльческая ступень

развитія, сама по себѣ представляющая уже огромный шагъ впередъ, должна, однако, смѣниться образованіемъ городовъ; иначе она будетъ служить препятствіемъ къ дальнѣйшему культурному развитію. Обѣ ступени столь же законны, какъ и необходимы».

Города германской Европы отчасти ведутъ свое происхожденіе еще отъ римлянъ, которые основали ихъ съ военными цѣлями на Рейнѣ, Дунаѣ и вообще вдоль границъ своей имперіи. Они пришли въ упадокъ во времена великаго переселенія народовъ, но снова процвѣли, когда цѣлаго резиденціей епископовъ, монастырей, королей и принцевъ. Города, возникшіе вновь въ X вѣкѣ, какъ уже сказано, обязаны своимъ происхожденіемъ отчасти небезопасности имущества и жизни, отчасти распространенію христіанства. Съ одной стороны, грубая власть сильнаго и могущественнаго, заставлявшая слабыхъ и бѣдныхъ искать въ сплоченіи спасенія отъ насилій, съ другой—церковь, во вновь обращенныхъ земляхъ, старалась всегда выбирать для божественной службы уже извѣстныя мѣста, къ посѣщенію которыхъ давно привыкло окрестное населеніе.

Вблизи церквей и монастырей вскорѣ собирались жители; монастырь даже въ лѣсной глуши уже самъ по себѣ представлялъ скопленіе людей, и живущая въ немъ община монаховъ прибѣгала для удовлетворенія своихъ нуждъ къ помощи другихъ. Такимъ образомъ, города возникали по преимуществу по близости монастырей и замковъ; съ ними явились и потребности; а гдѣ есть потребность, тамъ являются и попытки ее удовлетворить. Явились лавки со съѣстными припасами, напитками, орудіями, украшеніями. *Изъ этихъ торговыхъ отношеній возникли ярмарки;* право открытія ихъ принадлежало королю, и отъ него получали разрѣшеніе герцоги, графы, епископы, аббаты. Необходимость защиты побудила укрѣпить рыночныя площади, или окружить ихъ оградой. Такимъ образомъ часовни обратились въ церкви, лавки въ дома, рынки въ города. Благодаря отдѣленію площади для рынка при церкви, ярмарки и получили свое названіе [1]). Поразительный примѣръ подобнаго явленія представляетъ развивающійся такъ-сказать на нашихъ глазахъ процессъ—ярмарка Санъ-Хуана-де-Лос-Лагоса въ Мексикѣ [2]); а какую огромную матеріальную пользу приносятъ святыя мѣста торговлѣ, общественнымъ сношеніямъ и благосостоянію, мы можемъ судить по совершавшимся въ послѣдніе годы съ такимъ увлеченіемъ богомольямъ во Франціи и Бельгіи [3]). Чудеса привле-

---

[1]) Ярмарки еще называются по нѣмецки „Messen", что значитъ мѣрить. То же слово означаетъ и церковную службу. *Примѣч. переводчика.*

[2]) См. *John Lewis Geiger.* A peep at Mexico; a narrative of a journey across the Republic from the Pacific to the Gulf in December 1873 and January 1874. London 1874. Стр. 178.

[3]) По поводу одного описанія богомолья въ Ахенѣ, „Швабскій Меркурій" пишетъ отъ 16 августа 1874 г.: „Что касается богомолій и святыхъ мѣстъ, то невозможно исчислить всю выгоду, которую они приносятъ не только посѣщаемымъ церквамъ и духовенству, но и вообще окрестнымъ мѣстностямъ. Не бездѣлицу Ахенъ зарабатываетъ, благодаря 50,000 богомольцевъ, ежедневно его посѣщающихъ. Чудесные источники, которые въ модѣ во Франціи, оказались источниками богатства для страны и ея окрестностей. Оттого всѣ сосѣднія мѣстности заботьтся о своихъ святыхъ, святыняхъ и гротахъ. „Это оживляетъ торговлю", говорятъ здѣсь. „Я прибавлю, что въ другой статьѣ той же газеты отъ 20 окт. 1874 г. сказано, что въ 1873 г. число богомольцевъ во Франціи простиралось до 3.059,708 человѣкъ.

каютъ вѣрующихъ изъ чужихъ странъ, а за ними слѣдуютъ и всѣ перечисленныя выше явленія».

Города назвали бургами, а жителей, причастныхъ къ ярмаркѣ, горожанами, бюргерами. Ихъ границы обозначались крестами; одинъ крестъ ставился въ серединѣ; онъ назывался знакомъ городского округа и на него вѣшали перчатку, мечъ, шляпу, щитъ и т. п., въ знакъ того, что право на ярмарки раздаетъ рука короля; тоже означала и воинственная фигура, такъ называемый Роландъ, которая иногда замѣняла эти предметы. Это означало, что «бургъ» принадлежалъ королю. На этомъ преимуществѣ было основано *городовое право*, которое составляло отличіе города отъ загородныхъ поселеній и деревень; оно дѣлало это мѣсто «освобожденнымъ», давало ему «свободу» и защиту отъ всякаго насилія. Городской судъ всегда производился первоначально на рыночной площади [1]).

«Дальнѣйшее развитіе промысловъ было такимъ образомъ связано съ основаніемъ и развитіемъ городовъ, другими словами, промыслы не могли развиться прежде, нежели развился городской бытъ». Но это совершалось очень медленно; въ началѣ среднихъ вѣковъ нѣмцы именно не любили жить въ городахъ, и деревни были въ то время все еще главнымъ мѣстомъ жительства. Но любовь къ городской жизни возрастала все болѣе и болѣе. «Этому содѣйствовали прежде всего дарованныя городамъ привилегіи, которыя давали гражданамъ новыхъ городовъ право носить оружіе и освобождали ихъ отъ подсудности землевладѣльцамъ».

«Между тѣмъ городъ могъ быть основанъ лишь во владѣніяхъ какого-нибудь помѣщика; съ другой стороны, всѣ, не принадлежавшіе къ этому классу, могли добыть себѣ свободу или какія-нибудь права только отъ землевладѣльца или короля. Само собою разумѣется, что этой милости удостоивались лишь тѣ, отъ которыхъ можно было ожидать за это какой-нибудь выгоды или поддержки; а такъ какъ собраніе многихъ людей могло доставить гораздо больше выгодъ и поддержки, нежели отдѣльное лицо, то такія права и свободы давались, по большей части, товариществамъ, корпораціямъ, общинамъ, монастырямъ и городамъ. Но изъ всѣхъ общинъ города были самыми большими и поэтому могли приносить наибольшую выгоду; поэтому князья особенно поощряли ихъ развитіе; къ тому же они имѣли передъ глазами примѣръ тѣхъ городовъ, которые въ бывшихъ римскихъ владѣніяхъ сохранили свое существованіе и права. Здѣсь жители никогда не были *крѣпостными*, хотя имъ и приходилось подчиняться побѣдителямъ; обращать въ крѣпостную зависимость всегда было легче разбросанное сельское поселеніе, нежели сплоченное городское, болѣе способное къ сопротивленію. Оно составляло между крѣпостными крестьянами и господствующимъ землевладѣльческимъ чужестраннымъ дворянствомъ среднюю касту, изъ которой справедливо выводятъ происхожденіе *мѣщанства*. Тѣмъ не менѣе, во вновь основанныхъ городахъ, гдѣ подобнаго мѣщанства еще не было, его нужно было создать, и этому содѣйствовали вышеупомянутыя причины».

«Это-то мѣщанство и повело борьбу съ большими и малыми тиранами, не разбирая, были-ли они свѣтскіе, или духовные. И возгорѣлась та жестокая борьба князей и дворянства съ городами, которая въ половинѣ XV вѣка раздѣлила почти всю Германію на два враждебные лагеря. Не одинъ воинственный епископъ испыталъ храбрость горожанъ, не одинъ задорный рыцарь долженъ былъ отступить отъ городскихъ валовъ, мужественно защищаемыхъ жителями. Въ стѣнахъ города прежде всего развилось стремленіе къ свободѣ, правда, выражавшееся лишь въ *требованіи правъ*, какъ и высшая политическая свобода состоитъ въ сущности въ теоретическомъ, на дѣлѣ неисполнимомъ стремленіи ко всеобщему равенству. Итакъ, города мужественно защищали свободу, «какъ они ее понимали», т. е. обладаніе извѣстными правами. Это одинаково относится, и къ такъ называемымъ имперскимъ городамъ, и къ дѣйствительно свободнымъ. Я только прибавлю еще, что мѣщанство, обреченное на тѣсное сожительство, стало передовымъ борцомъ за свободу и очагомъ просвѣщенія, и настало время, когда оно смѣнило монастыри, которые были до сихъ поръ единственными средоточіями знанія. Изъ городовъ просвѣщеніе, какъ въ «хорошемъ», такъ и въ «дурномъ» смыслѣ, лишь постепенно распространялось по деревнямъ. Возникавшая въ городахъ промышленность научала изящному устройству домашней обстановки и одежды; расцвѣтавшая торговля доставляла иностранные товары для удовлетворенія потребностей».

[1]) *Schröder:* Deutsche Rechtsgeschichte S. 588 ff. *Sohne:* Entstehung d. deutschen Städtewesen S. 18 ff.

Чѣмъ больше процвѣтали города, тѣмъ болѣе развивались *ремесла*, которыми раньше занимались въ семьяхъ. Въ 1387 году во Франкфуртѣ на Майнѣ было уже 99 булочниковъ. Въ XV вѣкѣ въ Италіи нѣмецкій хлѣбъ предпочитали всякому другому. Мясной промыселъ упоминается лишь въ 1248 году въ Базелѣ, а въ 1387 г. во Франкфуртѣ было 86 мясниковъ. Красильное ремесло перешло изъ Нидерландовъ въ Вѣну въ 1208 году, а въ 1390 въ Аугсбургъ. Портные были въ Гамбургѣ уже въ 1152 году. Въ XIV столѣтіи въ Нюренбергѣ и Аугсбургѣ были мѣдники и пушечные и колокольные мастера.

Отъ промысловъ произошла и большая часть *фамильныхъ именъ*. Кромѣ дворянства, получившаго ихъ отъ своихъ замковъ, у свободныхъ они явились лишь съ XI вѣка, и то, какъ прозвища, которыя часто мѣнялись и нерѣдко были не только смѣшны, но даже и неприличны. Постепенно они утвердились и стали наслѣдственными; вообще же лишь съ XVI вѣка. Рядомъ съ промысломъ и личныя качества, какъ большой, малый (Гроссъ, Клейнъ) и т. п., мѣсто жительства, крестныя имена и т. д. служили поводомъ къ образованію фамильныхъ именъ. Но значеніе многихъ уже забыто. Имена вродѣ Кайзеръ, Кенигъ, Бишофъ, Абтъ и т. п. произошли отъ ролей въ народныхъ представленіяхъ или отъ святочныхъ маскарадовъ. Крестьяне получили фамильныя имена позже горожанъ, а евреи еще позднѣе.

Цеховой бытъ въ средніе вѣка.

«Та же потребность сплоченія, которая породила города, побудила и отдѣльныхъ городскихъ ремесленниковъ къ тѣсному соединенію. Увеличивающіяся потребности городской жизни вызвали болѣе сильное раздѣле-

ніе труда, а оно, въ свою очередь, посредствомъ оцѣнки собственныхъ интересовъ, заставило всѣхъ мастеровыхъ одного промысла сплотиться между собою. Возникли *сословія* и *цехи*. Подобно всѣмъ союзамъ среднихъ вѣковъ, это были товарищества, связанныя клятвой. У нихъ были собственные дома, иногда очень роскошные, въ которыхъ помѣщались питейныя залы (гдѣ происходили общественные танцы, игры и пирушки) и товарные склады; были свои гербы и знамена, даже свои праздники, святые и своя церковная служба».

Въ Германіи они появляются съ XII вѣка; но вполнѣ развились лишь съ XIII вѣка. Они не вполнѣ соотвѣтствовали раздѣленію по ремесламъ.

Иногда нѣсколько близкихъ промысловъ, какъ, напр., кожевенники и скорняки, соединялись въ одинъ цехъ; иногда, наоборотъ, раздѣлялись на нѣсколько цеховъ ремесленники одного промысла, если они были очень многочисленны. Число цеховъ все росло. Въ XIII вѣкѣ въ Мюнхенѣ ихъ было 6, а въ XV в.—34. Во главѣ всѣхъ стояли цеховые старшины. Надъ цехами, а позднѣе рядомъ съ ними, стояли общества дворянъ и купцовъ. Каждый цехъ составлялъ замкнутую корпорацію, которая, смотря по свойству своего ремесла, хранила болѣе или менѣе тайно различныя, болѣе или менѣе сложныя тайны искусства, церемоніи вступленія и различные другіе обряды. Каждый цехъ охранялъ свое ремесло, какъ преимущество, на которое не смѣли посягать другіе цехи.

«Цеховой бытъ, происшедшій вслѣдствіе естественныхъ причинъ, есть величайшій успѣхъ среднихъ вѣковъ. Съ цехами быстрѣе пошло развитіе ремеслъ; возникли, благодаря раздѣленію труда въ цехѣ, ученики, странствующіе подмастерья и мастерскія произведенія. Даже предубѣжденные должны согласиться, что безъ этого учрежденія было бы невозможно появленіе многочисленнаго свободнаго мѣщанства и связаннаго съ нимъ культурнаго развитія, а также процвѣтаніе свободныхъ городовъ на большомъ пространствѣ. Напр., безъ обязательнаго странствованія, сыновья ремесленниковъ, привязанныхъ къ мѣсту и поэтому съ трудомъ отрывавшихся отъ своей родины, при первобытномъ состояніи путей сообщенія, никогда не рѣшились бы познакомиться съ нравами, образомъ жизни, одеждой и орудіями искусства и промышленности чужихъ народовъ, чтобы, обогатившись этими знаніями, поставить родную промышленность на высшую ступень развитія. Само собою разумѣется, что этотъ порядокъ вещей не удовлетворялъ всѣмъ сторонамъ общественной жизни, потому что всякое формальное, утвердившееся правило нравственности и закона составлено по одной мѣркѣ, годной для массы, но часто стѣснительной и тягостной для отдѣльной личности; но для XV и начала XVI вѣка установленный этими учрежденіями порядокъ вещей былъ наибольшимъ прогрессомъ».

Главное воспитательное значеніе имѣла общественная сторона цехового быта, съ ея ученіемъ, товариществомъ, съ выдѣлкой пробныхъ произведеній. Въ домѣ мастера ученикъ рядомъ съ ремесломъ обучался и хорошему поведенію, среди товарищей вырабатывался товарищъ, въ цехѣ и въ цеховой залѣ начинающій мастеръ учился хорошему обращенію и вѣжливости; онъ пріучался къ умѣренности въ ѣдѣ и питьѣ, къ молча-

нію и повиновенію, когда слѣдовало; онъ научался сознавать, что даже радости общественной жизни:—танцы, пиры, попойки, свадьба могутъ совершаться спокойно, безпрепятственно и съ полнымъ удовольствіемъ лишь при соблюденіи извѣстныхъ формъ и обрядовъ. Онъ проникался убѣжденіемъ, что также горе жизни, смерть жены или ребенка, легче переносится, когда товарищи съ участіемъ и подобающими почестями сопутствуютъ понесшимъ утрату со всею погребальной обстановкой цеха. Пользуясь политическими правилами цеха, онъ сознавалъ себя членомъ болѣе обширной общины и пріучался уважать право и законъ, даже если они въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствовали иногда жестоко и неумолимо, какъ слѣпое орудіе. Товарищеская честь возвышала въ немъ сознаніе собственнаго достоинства, просвѣщала и облагораживала его промышленный духъ, который безъ этой нравственной узды проявилъ бы слишкомъ много грубости и насилія. Учрежденіе цеховъ благопріятствовало рабочему среднему сословію и было неблагопріятно капиталу и крупной собственности; это была мирная станція въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ, и именно наиболѣе благопріятствовавшая мелкимъ собственникамъ».

«До тѣхъ поръ, покуда ремесленникъ дорожилъ честью труда, покуда его побуждали уваженіе и соревнованіе цеха, цеховой бытъ процвѣталъ. Но, по мѣрѣ того, какъ связь мелкой собственности съ трудомъ все болѣе порывалась, какъ другія промышленныя предпріятія стали производить издѣлія, болѣе совершенныя въ техническомъ отношеніи, а цехъ, враждуя съ ними, болѣе разсчитывалъ на букву закона, нежели на хорошее производство, тогда благія послѣдствія «учрежденія» стали ослабѣвать. Торговля, торговыя сношенія, раздѣленіе труда и техника все неудержимѣе развивались по одиночкѣ уже въ 16 и 17 вѣкахъ, а въ 18 и 19 явились новыя формы промышленныхъ предпріятій, вызвавшія новое распредѣленіе классовъ общества, несовмѣстимое съ цеховымъ бытомъ. За форму крѣпко держались, не смотря на то, что дѣйствительныя отношенія уже спутались и измѣнились: отсюда большинство цеховыхъ процессовъ въ 17 столѣтіи, въ особенности оттого, что мелочный духъ цеховыхъ юристовъ смотрѣлъ на цеховыя учрежденія, какъ на привилегію и благопріобрѣтенныя частныя права, а не какъ на частицу общественнаго права, естественно подвижнаго».

«Конечно, и цеховой бытъ, какъ и всякое человѣческое учрежденіе, имѣлъ темныя стороны: это былъ истинный деспотизмъ въ узкомъ кругу. Положеніе ученика напоминало крѣпостную зависимость; мастеръ былъ тираномъ; далѣе, это было господство монополіи, разнузданнаго кастового эгоизма, систематическое подавленіе генія. Все это вѣрно; но все это, вмѣстѣ взятое, и многіе другіе недостатки были необходимы, чтобы цехи стали тѣмъ, чѣмъ они были, и благодаря чему они могли оказать извѣстныя услуги просвѣщенію. Такъ какъ нѣтъ учрежденія, которое не имѣло бы недостатковъ, то вопросъ только въ томъ, перевѣшиваетъ-ли оказанная польза принесенный вредъ. Изслѣдованіе отвѣчаетъ вполнѣ утвердительно. Цехи съ ихъ недостатками не были «естественнымъ продуктомъ» феодализма, который «въ то время тяготѣлъ на всемъ». Въ этомъ отношеніи поучителенъ взглядъ на современную Персію, которую не затронула позд-

нѣйшая европейская культура; тамъ еще совершается переходъ отъ домашняго промысла къ первымъ ступенямъ ремесленнаго быта. Тамъ существуютъ лишь маленькія мастерскія, гдѣ сохранились средневѣковыя отношенія мастера къ ученикамъ и товарищамъ со всею обстановкой гильдій и цехового управленія. Тамъ, какъ прежде въ Европѣ, извѣстныя ремесла и художества сосредоточиваются въ теченіе столѣтій почти исключительно въ отдѣльныхъ городахъ, смотря по тому, гдѣ удобнѣе доставать необходимый матеріалъ, притомъ лучшаго качества, или гдѣ сохранились лучшія преданія для изученія мастерства. Этотъ порядокъ вещей нельзя объяснить феодализмомъ; но, конечно, цехи были «естественнымъ продуктомъ» времени, которое породило какъ ихъ, такъ и феодализмъ. Подобно тому, какъ послѣдній пріучалъ народныя массы къ повиновенію, цеховой бытъ пріучилъ своихъ членовъ къ *образованію*. Если впослѣдствіи онъ сталъ играть обратную роль, то это потому, что, какъ случилось и съ дворянствомъ, новыя учрежденія сдѣлали услуги, оказываемыя цехами мѣщанству, излишними; но они, въ силу закона самосохраненія, хотѣли удержать свои права помимо соотвѣтствующихъ обязанностей, отъ которыхъ ихъ освободило время. Это есть неизбѣжный ходъ всякаго развитія, что все, что не умираетъ вò-время, становится помѣхой. Всѣ такъ-называемыя культурныя препятствія были въ свое время важными двигателями культуры; только что они не умерли вò-время добровольно, а убиваются насильно позднѣйшими временами послѣ долгой, тяжелой борьбы. Что они не умерли добровольно—это объясняется непреложными законами борьбы за существованіе и самосохраненія».

«Взглядъ на исторію цехового быта поучителенъ въ этомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Цѣлый рядъ учрежденій, которыя ставятъ въ вину цеховому устройству, были именно не слѣдствіемъ самой системы, но слѣдствіемъ упадка, когда цеховыхъ стала занимать, подъ вліяніемъ страха, лишь мысль объ ограниченіи конкуренціи. Въ древнемъ цеховомъ быту не существовало исключенія женщинъ. Подобно тому, какъ въ Парижѣ были даже женскіе цехи, такъ и въ Германіи рядъ ремеслъ былъ порученъ женщинамъ, между прочимъ пивовареніе. Переходъ изъ одного цеха въ другой разрѣшался въ теченіе всего 14 столѣтія. Строгаго разграниченія отраслей труда почти не было; оно явилось лишь въ 15 и 16 вѣкахъ. При дальнѣйшемъ развитіи ремесленнаго быта выступили, главнымъ образомъ, двѣ особенности: странствованіе и товарищество. Первоначально странствованіе, какъ и въ другихъ отрасляхъ труда, вошло въ обычай вслѣдствіе стремленія ввести единство въ промыселъ и доставить будущему мастеру, послѣ годовъ ученія, знаніе свѣта; но потомъ обязательное странствованіе и его непомѣрная продолжительность служили средствомъ оттянуть возможно дольше соперничество молодыхъ силъ. Существеннымъ послѣдствіемъ такого стремленія было постепенное возникновеніе вражды между мастеромъ и подмастерьями, образованіе послѣдними собственныхъ союзовъ; и здѣсь-то выказались явленія, которыя обыкновенно считаются самымъ современнымъ зломъ общества. Уже въ 13 вѣкѣ появляются первыя попытки *стачекъ*, а въ 1475 году была одержана первая важная побѣда подмастерьевъ надъ мастерами, вслѣдствіе которой жестяное мастерство въ короткое время исчезло изъ Нюренберга. И тогда уже, какъ и теперь, стремились къ двумъ

цѣлямъ: къ повышенію заработной платы, и къ сокращенію рабочаго дня. Если мы думаемъ, что живемъ теперь въ худшія времена соціальной борьбы, когда все представляетъ враждебную противоположность, то именно 14 столѣтіе поучаетъ насъ, что эта противоположность уже и тогда такъ обострилась, что далеко превзошла настоящее время. Читая хроники того времени, постоянно наталкиваешься на рѣзкія противоположности: богатство и бѣдность. Враждебное столкновеніе классовъ было и тогда, и при этомъ особенно ярко выступило *военное значеніе цеховъ*. Пришло время, когда рыцарь долженъ былъ уступить алебардѣ крестьянина и самострѣлу городского мѣщанина. «Принципъ всеобщей воинской повинности, пишетъ Шмоллеръ, былъ снова строго введенъ въ цехахъ и принесъ большую пользу защитѣ великихъ народныхъ интересовъ. Цеховые союзы были въ то же время прочными военными союзами, завѣдывавшими продовольствіемъ и военными дѣйствіями. У каждаго осматривали, въ порядкѣ-ли его оружіе, и часто жаловались, что цеховые слишкомъ проникнуты воинственнымъ духомъ и постоянно готовы броситься въ походъ». Вообще оказывается, что древнѣйшіе цеховые полки являются въ лучшемъ (?) свѣтѣ, нежели позднѣйшіе, которые *все болѣе демократизовались* и стали ареной эгоистическихъ интересовъ партій». Именно въ 14 вѣкѣ цехи возстали вездѣ противъ господствующихъ дворянскихъ фамилій и вырвали у нихъ если не равенство правъ, то, по крайней мѣрѣ, господство въ сеймахъ (въ духовныхъ городахъ они изгнали духовнаго князя), частью посредствомъ кровавыхъ войнъ, частью при помощи добровольнаго соглашенія. Такъ было особенно на югѣ; на сѣверѣ же во главѣ управленія остались по большей части «патриціи». Въ этой борьбѣ «мы можемъ точно наблюдать вредъ частой періодической перемѣны лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, какъ этого требуютъ современныя государственныя формы республики. Уже въ 1349 году въ Страсбургѣ было введено, чтобы староста и оба городскія головы смѣнялись ежегодно».

«Борьба партій росла, такъ какъ подвижная масса цеховыхъ стояла въ болѣе прямой связи съ высшими городскими властями. Страсти дня могли теперь ежечасно проникать съ улицы черезъ цеховую питейную залу въ городскую думу и даже въ кабинетъ городского старшины. Эта высшая власть обновлялась ежегодно; въ дѣлахъ не могло образоваться никакой преемственности; такимъ образомъ не было недостатка въ удобныхъ случаяхъ для интригъ съ партійными цѣлями: о какой-нибудь отвѣтственности не могло быть и рѣчи». Эти неурядицы нѣсколько улеглись съ введеніемъ новаго городового положенія въ Страсбургѣ въ 1405 году, которое ограничило автономію цеховъ. Это ограниченіе помогло развитію ихъ внутренней организаціи, которое продолжалось въ теченіе всего 15 и 16 столѣтія. Возрастающее благосостояніе, вызванное грандіозными открытіями и изобрѣтеніями 15 столѣтія, было признакомъ этого времени вплоть до 16 столѣтія. *Цехи содѣйствовали главнымъ образомъ развитію здороваго средняго сословія*. Къ этому времени относится образованіе множества цеховъ, а также почти всѣхъ цеховыхъ уставовъ. Этотъ переворотъ Шмоллеръ описываетъ слѣдующими словами: «Вслѣдъ за смѣной господства классовъ, то дворянства, то цеховъ, является эпоха гармоническаго примиренія: цехи не угнетаются и не ли-

шаются политическихъ правъ; но за то они отказались отъ попытки посредствомъ широкаго самоуправленія возвести въ санъ государственныхъ людей куманька портного и перчаточника... Изъ крушенія преувеличеннаго самоуправленія возникло въ Страсбургѣ въ 15 вѣкѣ еще окутанное туманомъ, но все болѣе прояснявшееся и укрѣплявшееся современное управленіе съ его долголѣтіемъ, подготовкой къ призванію, раздѣленіемъ труда и власти» [1]).

Внутреннее развитіе городовъ.

«Нѣмецкіе предки жили и ходили на *мостовыхъ* (Gassen). Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій народный языкъ дѣлалъ строгое различіе между улицей (Strasse) и мостовой (Gasse). Первое есть римское слово и римское произведеніе; это была обнесенная *стѣною* (gemauerte) дорога, устланная *плитами* (gepflasterte), скрѣпленными *известью* (Kalk) и *цементомъ* (Mörtel): всѣ эти слова и дороги пришли изъ Рима и «*вели къ нему*». Улица [2]) относилась къ германской бревенчатой мостовой, какъ теперь желѣзная дорога относится къ шоссе (т. е. via calcata). Вообще нѣмецкій языкъ точно раздѣляетъ и указываетъ все, что въ нѣмецкомъ зодчествѣ есть родного и чужого, нѣмецкаго и римскаго. Всѣ нѣмецкія слова указываютъ на деревянныя постройки, всѣ римскія—на каменныя [3]). Народы Средиземнаго моря были каменщики, сѣверные народы—плотники. И этотъ процессъ заимствованія повторялся дважды; древнѣйшія нѣмецкія каменныя постройки (*stênwerk*, какъ говоритъ Геліандъ) заимствованы изъ Рима, а позднѣйшіе расцвѣтавшіе города взяли ихъ изъ Италіи». Поэтому-то, подражая югу, не только города и монастыри, но и королевскіе дворцы, рыцарскіе замки и даже отдѣльные дома обносились *стѣнами*. Въ серединѣ обыкновенно стоялъ укрѣпленный замокъ, куда жители спасались во время войны. Вокругъ него располагался верхній городъ; у подошвы

[1]) Gustav Schmoller: Strasburg zur Zeit der Zunftkämpfe und die Reform seiner Verfassung und Verwaltung im 15 Jahrhundert. Strasburg 1875,8°. (Обращаемъ вниманіе на далеко не демократическую точку зрѣнія Шмоллера. *Ред*).

[2]) У насъ есть историческое свидѣтельство относительно времени, когда римское strâta превратилось въ верхнегерманское *strâssa*. Городъ Страсбургъ, т. е. замокъ, лежащій на римской военной дорогѣ (Heerstrasse), называется у Григорія Турскаго († 594) Стратабургумъ (Strataburgum); такъ называемый равеннскій географъ въ VII столѣтіи также пишетъ еще Stratispurgo; напротивъ, весенбруннерскія глоссы VIII вѣка уже пишутъ Strasspuruc. Слѣдовательно это слово тогда уже вполнѣ онѣмечилось; но, какъ сказано, оно относилось лишь къ открытой, столбовой дорогѣ, вымощенной и отдѣланной „большой дорогѣ", highway. Отсюда „разбойники большихъ дорогъ" (Stassenräuber), вѣрные коллеги highway-man.

[3]) Къ вышеупомянутымъ иностраннымъ словамъ: Mauer (стѣна), Kalk (известь), Mörtel (цементъ), Pflaster (плита) относится и Ziegel (кирпичъ—tegula). Готическое же его названіе, skalja, совсѣмъ исчезло; оно, безъ сомнѣнія, означало „расколотый брусъ" (Schindel); оттуда и теперешнее „Verschalung" (обшиваніе тесомъ). Но даже и Schindel, повидимому, происходитъ тоже отъ римскаго scandula. Погребъ со сводами (Keller), вымощенное гумно (Ähren) и глиняный полъ (Estrich) также латинскаго происхожденія. О каминѣ и камерѣ нечего и говорить. Кирпичныя постройки, повидимому, также заимствованы у римлянъ.

замка возникъ позднѣе нижній городъ, также обнесенный стѣною. Стѣны могли воздвигаться лишь съ разрѣшенія короля [1]).

«Нумеровъ на домахъ не было; ихъ замѣняли имена (иногда очень смѣшныя), и это еще болѣе, чѣмъ названіе улицъ, придаетъ старымъ городамъ особый отпечатокъ. Подобныя черты въ отдѣльности сохранились, какъ извѣстно, вездѣ, особенно въ Швейцаріи, а также въ Прагѣ. Совсѣмъ иное значеніе имѣли имена домовъ въ прежнія времена; и часто трудно рѣшить—получалъ-ли домовладѣлецъ свое имя отъ дома, или наоборотъ. Такъ наши трактирныя вывѣски, отчасти также недавніе аптекарскіе знаки, представляютъ лишь пережитки прежняго общераспространеннаго обычая. Средневѣковыя постройки отличались пестрой, смѣлой, нѣсколько грязной импровизаціей. Каждый ставилъ свой домъ, гдѣ и какъ ему нравилось; рядомъ съ нимъ строился другой, затѣмъ третій, четвертый; и такъ въ концѣ концовъ явилась до - нельзя узкая, темная, кривая улица. Каменныя строенія были рѣдкой роскошью. Жилища были нѣмецкія, т. е. деревянныя, изрѣдка глиняныя, часто покрытыя соломой или тростникомъ; они были окружены навѣсами, которые происходили отъ того, что каждый верхній этажъ выставлялся надъ нижнимъ; навѣсы надъ дверьми («Fürsätze, Überthüren, Wetterdächer») и входы въ погреба («Kellerhälse») еще болѣе суживали и затемняли улицы. Къ этому нужно прибавить тѣ болѣе необходимыя, нежели изящныя, пристройки, которыя страсбуржецъ называлъ «Löublin» и «Sprochhus», и наконецъ, обильное разведеніе свиней, какъ въ домахъ, такъ и на улицахъ; не ищите ни нынѣшнихъ мостовыхъ, ни троттуаровъ, ни освѣщенія, ничего того, безъ чего не можетъ обойтись современный человѣкъ. Впрочемъ, ошибочно было бы представлять себѣ цѣлый городъ какимъ-то хаосомъ улицъ, лишеннымъ свѣта и воздуха. Усадьбы (curiae) у дворянъ и патриціевъ, а также многочисленные монастыри и заведенія были лучше построены, часто изъ камня, съ башенками, балконами и галлереями. При нихъ были также обширные дворы и сады съ фруктовыми деревьями, тополями, буками, можжевельниками. При питейныхъ домахъ дворянъ и мѣщанъ имѣлись также по большей части сады [2]); а иногда и какая-нибудь площадь, церковная или рыночная, не говоря уже о кладбищахъ, прерывала путаницу домовъ. Прибавьте къ этому проточную воду и многочисленные фонтаны (Röhrkästen).

«Вообще въ средневѣковыхъ городахъ жить всетаки было дурно, грязно и поэтому нездорово. Понятіе о тогдашней архитектурѣ даетъ прогулка по Нюренбергу или Генуѣ. Тогда еще не знали ни оконныхъ стеколъ, ни печей. Также неудовлетворительно были устроены и рыцарскіе замки [3]). Но нужно постоянно прибѣгать къ сравненію съ древнѣйшимъ, а не съ новѣйшимъ порядкомъ вещей. Древніе также не знали ни стеколъ, ни печей; и ихъ домашній комфортъ, сравнительно съ теперешнимъ, былъ очень жалокъ. Устройство римскихъ домовъ хорошо извѣстно; въ

[1]) *Gerdes*: Geschichte des deutschen Volkes. I S. 364 ff.

[2]) Къ нѣмецкому дому принадлежитъ садъ. Это опять-таки доказываетъ языкъ: готическое gards, garda означаетъ именно домъ, т. е. домъ и все къ нему принадлежащее—„домъ и дворъ".

[3]) См. объ этомъ главу „die Wohnung" въ Jakob Folke:Die ritterliche Gesellschaft im Zeitalter des Frauenkultus. Berlin S. 115--129.

нихъ не видно особенныхъ удобствъ. Римъ былъ, послѣ нероновскаго пожара, безъ сомнѣнія, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ древности, и всетаки какое сильное разочарованіе постигаетъ того, кто странствуетъ теперь среди развалинъ этого великолѣпія! Какъ малъ былъ этотъ могущественный форумъ, какъ узки тріумфальныя арки, какъ тѣсны улицы, какъ мраченъ Clivus victoriae! А Via Sacra, ведущая съ форума въ Капитолій, по которой возвращались побѣдоносныя войска, какъ она мала и узка [1])! Если не считать отдѣльныхъ памятниковъ, въ древности жизнь была не лучше и не здоровѣе. Не только въ средніе вѣка, но и въ императорскомъ, какъ и въ республиканскомъ Римѣ, сильныя эпидеміи слѣдовали иногда съ ужасающей быстротою одна за другою, унося многочисленныя жертвы.

Во главѣ управленія каждаго города стояла городская дума, власть которой первоначально, покуда сельское хозяйство составляло главное занятіе городскихъ жителей, ограничивалась дѣлами городского рынка. Сюда относилось сохраненіе эксплуатаціи общинныхъ лѣсовъ и полей, устройство и поддержаніе улицъ и общественныхъ площадей, дорогъ, мостиковъ и мостовъ, пользованіе общественной водой съ цѣлью рыбной ловли, судоходства, сплавки лѣса, устройства мельницъ и т. д.,—вообще все, что относится къ вѣдѣнію лѣсной, полевой и водяной полиціи. Такимъ образомъ городской совѣтъ нисколько не отличался отъ старинныхъ деревенскихъ рыночныхъ старостъ. Лишь когда земледѣліе и скотоводство мало по малу отошли отъ городовъ и вмѣсто нихъ главнымъ источникомъ городского пропитанія сдѣлались ремесла и торговля, обстоятельства измѣнились. Рыночныя дѣла отошли на задній планъ и выступили новыя отношенія. Они вызвали цѣлый рядъ учрежденій и постановленій, которыя могли исходить только отъ самой общины, наиболѣе заинтересованной въ дѣлѣ. Правда, не вездѣ городская дума сразу овладѣла рыночной полицейской властью; нерѣдко ей приходилось посредствомъ жестокой борьбы вырывать ее изъ рукъ крупныхъ землевладѣльцевъ—королей, князей, духовныхъ владыкъ. Но всегда достиженіе этихъ болѣе административныхъ полномочій было главнымъ условіемъ, первымъ шагомъ къ конечной цѣли жизни нѣмецкихъ средневѣковыхъ городовъ—образованію ряда маленькихъ общинъ, ограниченныхъ извѣстнымъ округомъ, иногда не выходившимъ за стѣны города. При полной свободѣ самоуправленія онѣ едва-ли вполнѣ точно опредѣляются названіемъ «имперскихъ городовъ».

Городская дума, обыкновенно избираемая господствующими фамиліями, усилилась, когда сношенія расширились. Меньшій комитетъ, называемый *малымъ* совѣтомъ, завѣдывалъ, съ ежегодно избираемыми *бургомистрами*, важнѣйшими дѣлами и докладывалъ о нихъ *большому* совѣту, состоявшему изъ 100, 200 или 300 членовъ. Послѣдній представлялъ правительство и высшій судъ. Но духовнымъ главою города былъ *городской секретарь,* обладавшій обыкновенно ученымъ образованіемъ.

Среди отдѣльныхъ отраслей городского управленія дѣятельность послѣдняго была главнымъ образомъ направлена на промыслы и торговлю.

---

[1]) О римскомъ зодчествѣ: Friedländer Sittengesch. Roms. I. Bd. S. 4—7. Bender: Rom und röm. Leben im Altertum. 2. Aufl. S. 185 ff.

Правда, надзоръ надъ промыслами находился въ рукахъ цеховъ; но такъ какъ они состояли подъ вѣдѣніемъ городской думы, то не могли принимать безъ нея никакихъ важныхъ рѣшеній. Главное вниманіе городской думы было обращено именно на производство доброкачественнаго и прочнаго товара. Отсюда повсемѣстные правительственные осмотры товара. Въ иныхъ мѣстахъ — каждый долженъ былъ имѣть знакъ цеха или самого мастера, а также клеймо и знакъ города. Въ то время, какъ эти мѣры охраняли внѣшнее значеніе и честь города, строгая продовольственная полиція слѣдила за дешевизной и свѣжестью жизненныхъ припасовъ. Уже съ 12 вѣка (по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ нѣмецкомъ городовомъ положеніи, именно въ аугсбургскомъ, отъ 1104 г.) находятся постановленія думы относительно надзора надъ булочниками, мясниками, трактирщиками т. д. Нарушенія установленныхъ правилъ строго наказывались. При этомъ цѣны почти всѣхъ жизненныхъ припасовъ были опредѣлены таксою. Городская дума простирала свою власть также и на городскую торговлю, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю; особенно она старалась оградить небогатаго покупателя отъ злоупотребленій перекупки и скупки товаровъ. Интересны также мѣры строительной полиціи. Первоначально, покуда города были ничего больше, какъ деревни, окруженныя стѣнами, эти мѣры были очень просты; но по мѣрѣ ихъ расширенія съ развитіемъ торговли, когда усилившіяся сношенія вызвали множество новыхъ общественныхъ и частныхъ построекъ, должны были явиться правила, которыя опредѣляли способъ пользованія первыми и способъ постройки вторыхъ».

«Узкія улицы нашихъ прадѣдовъ были особенно опасны во время пожаровъ. Съ опустошительной быстротою разливалось пламя среди ихъ путаницы, и не унималось до тѣхъ поръ, покуда половина города, а часто и весь городъ не превращался въ пепелъ. Наши современныя пожарныя команды, извѣстныя уже древнему Риму подъ видомъ vigiles, а также средневѣковой Японіи въ довольно опредѣленномъ видѣ, совсѣмъ не составляютъ новѣйшаго учрежденія. Уже въ 14 вѣкѣ всѣ подлежащіе цехи обязаны были участвовать въ пожарной командѣ».

Съ 13 столѣтія каменныя постройки въ городахъ все чаще стали смѣнять деревянныя, и въ половинѣ 14 вѣка ихъ уже было большинство. Дворы между домами превратились въ переулки и улицы, правда, кривыя и расположенныя безъ всякаго плана. Появилось мощеніе и освѣщеніе улицъ. «Съ 15 вѣка городское управленіе стало заботиться о бо́льшей чистотѣ города». Ученый Эней Сильвій Пикколомини, позднѣе папа *Пій II*, хвалилъ въ 15 вѣкѣ красивый видъ нѣмецкихъ городовъ, ихъ богатство, ихъ прелестныя окрестности; въ особенности онъ восхищался Вѣной и Нюренбергомъ, а Кельнъ и другіе города ставилъ выше итальянскихъ. «Заботы городской общины съ раннихъ поръ были направлены также на страждущее человѣчество. Первоначально эти заботы лежали всецѣло на церкви. Первый поводъ къ устройству *больницъ* подала столь распространенная въ средніе вѣка, а теперь почти исчезнувшая, проказа; ея такъ боялись, что пораженныхъ этой болѣзнью изгоняли изъ общества. Лишь съ 12 и 13 вѣковъ съ прокаженными стали обращаться гуманнѣе. Для

нихъ устраивались особыя больницы; но все еще вдали за городомъ, вдали отъ человѣческихъ жилищъ. Туда вела узкая тропинка, вдоль которой сидѣли несчастные въ своихъ сѣрыхъ плащахъ и предупреждали прохожихъ звономъ колокольчиковъ. Такъ называемые *душеспасительные дома и дома бегинокъ* были тоже больницами; женщины этихъ домовъ, или бегинки, должны были не только ухаживать за больными, но и заботиться о ихъ душевномъ спасеніи и молиться объ умершихъ».

Происхожденіе научнаго міросозерцанія новаго времени.

Д-ра **Бельше**. Переводъ **Б-мъ.**

Вмѣстѣ съ паденіемъ Римской имперіи подъ напоромъ германско-азіатскихъ племенъ, пало единство культуры, не мало приводившее къ тому, что въ міросозерцаніи, относящемся къ явленіямъ природы, взоръ обращался постоянно къ единству явленій. Давно уже прошло то время, когда, напримѣръ, бюстъ Демокрита могъ находиться въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ, начиная съ какой-нибудь, находившейся на границѣ Римской имперіи, виллы, окутанной зимой снѣгомъ и отапливаемой искусственно посредствомъ трубъ, наполняемыхъ паромъ, а съ другой стороны, гдѣ-либо на границѣ африканской пустыни.

Новое единство, установившееся послѣ побѣды христіанства, на первый разъ не послужило замѣной стараго,—по крайней мѣрѣ, для научнаго міросозерцанія. Сущность этого новаго единства была обращена противъ научнаго изслѣдованія. Если иногда и утверждаютъ, что христіанство все же дало могущественный толчекъ космическому міросозерцанію уже потому, что пропагандировало единобожіе, стало быть и единство силы, то не слѣдуетъ забывать, что идея монотеизма далеко не была чужда и античному міру наканунѣ его упадка. Сверхъ того, значительная доля мистицизма, включенная въ раннемъ христіанствѣ, а также аскетизма, удалявшаго людей отъ міра, все это было скорѣе враждебно, чѣмъ дружественно наукѣ, въ особенности естествознанію. Чисто соціальное движеніе христіанства, хотя не по своей винѣ, на первый разъ также не могло благопріятствовать наукѣ; въ античномъ мірѣ мы видимъ, на одной сторонѣ, меньшинство, кучку людей съ философскимъ образованіемъ, на другой сторонѣ огромныя, невѣжественныя массы, погрязшія въ самое дикое суевѣріе. Но именно эта широкая народная масса и выступила, вмѣстѣ съ христіанствомъ, на первый планъ. Изъяны сибаритизма, враждебнаго народу, при этомъ не замедлили обнаружиться: голосъ философа раздавался, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Посреди соціальной бури, на мѣсто науки Лукреція и Эратосѳена, внезапно выплыли на передній планъ древнѣйшія космогоническія сказки Востока, державшіяся въ народѣ путемъ непрерывнаго устнаго преданія. Стоило только новой религіи дать этимъ преданіямъ освященіе и онѣ должны были укрѣпиться еще на тысячелѣтія.

Послѣ того, какъ карты и глобусы древней александрійской школы были сожжены или заброшены, въ христіанской географіи александрійскаго монаха Козьмы Индикоплова (около 550 г. по Р. X.) снова вынырнули изъ потаенныхъ уголковъ древнія вавилонскія воззрѣнія, утвердившіяся также въ Индіи. Земля, о которой еще древніе греки знали, что она шаръ (это было очень ясно доказано Аристотелемъ, а въ особенности Птолемеемъ) вновь описывается Козьмою Индикопловомъ (т. е. путешественникомъ, плававшимъ въ Индію), какъ огромная, поднимающаяся на четыреугольномъ основаніи, гора, съ вершины которой, на плотно замкнутомъ небесномъ сводѣ, солнце восходитъ и заходитъ. Движеніемъ свѣтилъ управляли ангелы—варіантъ древней халдейской легенды объ астральныхъ духахъ. Жалкія христіанскія карты начала среднихъ вѣковъ поспѣшили, въ свою очередь, возстановить древнія семитическія представленія о колесообразной формѣ земли, при чемъ предполагалось, что это колесо раздѣлено на три математически-точно равныя части. Въ центрѣ ея находился Іерусалимъ. Тогдашнее положеніе народнаго образованія можетъ служить грознымъ предостереженіемъ и для нашихъ временъ: оно указываетъ на послѣдствія того, къ чему приводитъ позорное равнодушіе къ истинному народному просвѣщенію и къ сообщенію массамъ результатовъ научнаго знанія.

Если романско-германскіе народы, подъ давленіемъ историческихъ условій, въ теченіе долгаго времени были обречены на научное безплодіе, то истинными носителями космической идеи явились на этотъ разъ семиты, а именно арабы.

Странная игра случая! Въ тѣ времена, когда въ Европѣ народы, окружавшіе Средиземно море, усваивали наименѣе научныя мистическія основы созерцанія семитическихъ народовъ, мы видимъ новую важную вѣтвь семитовъ, которая спасаетъ классическую культуру. Какъ-бы по волшебству возрастаетъ царство арабовъ, являясь преемникомъ распавшагося царства Цезарей: отъ отдаленнаго Востока простирается арабское владычество до Испаніи исключительно. Наконецъ завершается періодъ странствій и завоеваній, устанавливаются прочные культурные центры и возникаетъ продолжительная эпоха мирной умственной работы, приводящая къ установленію цѣлостнаго космиескаго міросозерцанія.

Къ первымъ періодамъ арабской культуры, т. е. къ фанатическому завоеванію, примыкаетъ легенда, будто Амру, полководецъ халифа Омара, при завоеваніи Александріи (641 г. по Р. X.) въ продолженіе 6 мѣсяцевъ топилъ городскія бани книгами знаменитой Александрійской библіотеки. Легента эта лишь на половину справедлива. О настоящей Александрійской библіотекѣ въ то время уже не было и рѣчи, такъ какъ значительная часть ея была сожжена еще раньше христіанами; возможно однако, что арабы сожгли не мало позднѣйшихъ христіанскихъ рукописей. Но уже въ эпоху Карла Великаго, около 800 г. по. Р. X., въ Багдадѣ подъ скипетромъ Гарунъ-аль-Рашида процвѣтала культура, совмѣстившая въ себѣ всѣ плоды греческихъ познаній со всѣми научными матеріалами Востока, даже до Индіи и Китая. Нѣкогда, на Ефесскомъ соборѣ 431 г., константинопольскій патріархъ былъ опозоренъ и осужденъ за то, что имѣлъ особое сужденіе о божественной и человѣческой природѣ Христа.

Его послѣдователи, несторіане, были принуждены бѣжать и поселились въ Персіи, Месопотаміи и Аравіи. Отличаясь болѣе свободными воззрѣніями, нежели оффиціальная церковь, они перенесли произведенія до-христіанской греческой литературы въ переднюю Азію—и это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда на Западѣ самыя имена эллинскихъ ученыхъ философовъ начали приходить въ забвеніе. При посредствѣ Сиріи остатки античнаго міросозерцанія проникли въ Багдадъ и утвердились подъ покровомъ халифовъ. Аристотель, и въ особенности Евклидъ и Птолемей,—греческіе астрономы и географы ожили вновь и доставили фундаментъ для собственной работы арабскаго духа, который органически включалъ наблюденія и размышленія въ свою систему. Когда затѣмъ греческіе классики, при посредствѣ арабовъ, проникли черезъ Испанію и частью черезъ Италію въ романо-германскій міръ, они явились въ арабской переработкѣ, порою искаженные, но за то въ свѣжемъ, живомъ видѣ съ комментаріями и дополненіями.

Это не были простые полусгнившіе пергаментные свитки. Въ ту эпоху, когда на Западѣ происходитъ борьба между различными средневѣковыми династіями, когда мало по малу устанавливается феодализмъ и укрѣпляется власть духовенства,—въ эту самую эпоху преемникъ Гарунъ-аль-Рашида, Аль-Мамунъ, велитъ перевести на арабскій языкъ главный астрономическій трудъ Птолемея, названный арабами Альмагестомъ, что составляетъ передѣлку греческаго слова, обозначающаго «величайшее». Вмѣстѣ съ сохраненіемъ этого сочиненія было спасено и почти искорененное въ христіанскихъ странахъ ученіе о шарообразной формѣ земли.

Тотъ же халифъ возобновилъ старинныя попытки Эратосѳена, т. е. пытался установить истинную величину земного шара посредствомъ точнаго измѣренія меридіана. Результаты были не вполнѣ удовлетворительны, но значеніе этихъ попытокъ не столько въ результатѣ, сколько въ методѣ. Возникаютъ также обсерваторіи, правда безъ современныхъ телескоповъ; въ нихъ, какъ и въ античномъ мірѣ, наблюдали простымъ глазомъ; но къ наблюденіямъ, какъ и у грековъ, присоединяется у арабовъ математическое умозрѣніе. Въ эпоху своего процвѣтанія, арабы были прежде всего народомъ вычислителей. Даже до сихъ поръ наше названіе алгебры (аль-джебръ уаль мокабала, т. е. соединеніе и сравненіе) это слово напоминаетъ о томъ, что основателями алгебры были арабскіе математики. Мистическій элементъ, нерѣдко переходящій въ пылкую фантазію, проявляется въ астрологическихъ умствованіяхъ о вліяніи свѣтилъ на событія человѣческой жизни. Однако, у арабовъ астрологія была сравнительно невинной и безвредной наукой. Тамъ же, гдѣ арабская философія являлась наиболѣе свободной, она представляла соединеніе пантеизма съ внѣшнею формою магометанства и, въ концѣ концовъ, утверждала лишь идею причинной связи явленій.

Весьма велика также заслуга арабовъ въ дѣлѣ расширенія общей картины земного шара. У арабовъ была страсть къ странствованіямъ; вѣдь ихъ культура возникла среди народа, обладавшаго въ массѣ кочевыми привычками; какъ путешественники, арабы являются настоящими преемниками древнихъ финикіянъ. Этотъ народъ пустыни проникъ глубоко внутрь Африки; онъ предпринималъ и болѣе отважныя путешествія и проникъ дальше Мадагаскара, который въ арабской космографіи

является родиной исполинской птицы Рокъ или Рукъ. Арабскіе космографы утверждали, что яйца этой птицы достигаютъ сказочной величины.

Надъ ихъ разсказами долго смѣялись, какъ надъ глупой средневѣковой сказкой; новѣйшая наука отчасти подтвердила ихъ. Въ послѣднія десятилѣтія какъ разъ на Мадагаскарѣ стали находить колоссальныя яйца ископаемыхъ страусоподобныхъ птицъ—эпіорнисовъ. Эти птицы, принадлежащія къ новѣйшей геологической эпохѣ и, быть можетъ, еще существовавшія въ арабскую эпоху, несли яйца въ 6 разъ превышающія яйца страуса и по объему равныя 150 куринымъ яйцамъ. Отсюда ясно, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ показаніямъ древнихъ писателей, при чемъ осторожность должна быть одинаковою, какъ въ подтвержденіи, такъ и въ отрицаніи ихъ.

Въ Индійскій океанъ арабы проникли до Зондскихъ островов, гдѣ и теперь можно ихъ встрѣтить тысячами въ видѣ колонистовъ. Китай былъ страной, очень знакомой арабамъ. Такимъ образомъ арабы одновременно расширяли наши познанія о небѣ и о землѣ. Картина неба была, между прочимъ, расширена арабами уже въ томъ отношеніи, что они были первыми, открывшими совершенно новый родъ небесныхъ тѣлъ. Они сообщили міру о чудеснѣйшемъ и величайшемъ изъ всѣхъ туманныхъ пятенъ, такъ называемомъ Магеллановомъ облакѣ, одиноко движущемся вокругъ южнаго полюса неба. Постепенный переходъ арабской культуры въ Испанію дѣлаетъ, съ другой стороны, возможнымъ сохраненіе познаній о сѣверныхъ странахъ,—познаній, которыя, казалось, должны были погибнуть вмѣстѣ съ римскимъ владычествомъ; арабскій географъ Эдризи около 1000 года самъ посѣщаетъ Шотландію и отмѣчаетъ различныя названія, включая даже острова Фарреръ, а если вѣрить нѣкоторымъ комментаторамъ, то даже и Исладію и Винландію; подъ послѣдней подразумѣвается нѣкоторая часть сѣверной Америки, задолго до Колумба открытая норманнами.

Сохранившееся до сихъ поръ описаніе путешествія Эдризи и составленная на основаніи этого труда карта указываютъ, однако, и на предѣлы арабской мудрости. Арабы спасли географію Птолемея и въ частностяхъ расширили ее, но въ то же время они усвоили основныя ошибки Птолемея. Такъ напр. Птолемей признавалъ Индійскій океанъ родомъ второго Средиземнаго моря, замнутаго кругомъ сушею. По мнѣнію Птолемея, восточный берегъ Африки дѣлаетъ крутой поворотъ подъ прямымъ угломъ, затѣмъ идетъ дугообразно и, наконецъ, замыкаясь, примыкаетъ къ Азіи. Арабы сами овладѣли восточнымъ берегомъ Африки до самаго Занзибара; несмотря на это, они раздѣляли соображенія Птолемея. По мнѣнію Эдризи, Мадагаскаръ сливается съ Суматрой и Явой въ одинъ островъ; подъ именемъ Квамары Эдризи подразумѣвалъ нѣчто, подобное тому континенту Лемуріи, который допускается нѣкоторыми дарвинистическими гипотезами, какъ существовавшій въ концѣ третичнаго періода, впослѣдствіи почти затопленный моремъ и бывшій, по мнѣнію нѣкоторыхъ дарвинистовъ, первоначальной родиной человѣчества. Точно также сбивчивы и понятія Эдризи о внутреннихъ африканскихъ рѣкахъ; такъ, по его мнѣнію, Нилъ выходитъ изъ одного и того же источника съ Нигеромъ. Нигеръ по Эдризи называется Кхана.

Какъ въ астрономіи, такъ и въ области химіи, этой колыбели глубочайшихъ космическихъ откровеній, мистическія мысли арабовъ приносятъ далеко болѣе обильные плоды, нежели современный ей христіанскій мистицизмъ. Въ то время, какъ христіанская мистика изгоняла науку, у арабовъ она примыкала къ алхиміи и приводила къ научнымъ открытіямъ. Правда, ни превращенія металловъ, ни волшебный философскій камень не были найдены, но, стремясь къ недостижимымъ цѣлямъ, алхимики достигли несравненно большаго, а именно пріобрѣли ловкость въ экспериментальномъ методѣ, великомъ средствѣ вопрошать природу, узнавать ея тайны и воспроизводить ихъ. Съ самаго начала арабы стали на ту точку зрѣнія, что природа не лжива, что въ ней господствуютъ извѣстные законы, и что, при извѣстныхъ условіяхъ, всегда наступаетъ соотвѣтствующее явленіе. Когда напр. алхимикъ погружалъ кусокъ желѣза въ голубой растворъ мѣднаго купороса и наблюдалъ, по истеченіи нѣкотораго времени, что желѣзо исчезаетъ, а на мѣсто его является кусокъ мѣди, то онъ мечталъ, что имѣетъ предъ собой превращеніе металловъ и поэтому, естественно, предполагалъ, что такимъ образомъ превратитъ и мѣдь въ золото. Заключеніе было совершенно ошибочно: мѣдь и раньше находилась въ растворѣ, именно въ составѣ мѣднаго купороса она попросту отложилась на томъ мѣстѣ, гдѣ было желѣзо, а желѣзо перешло въ растворъ образовавшагося желѣзнаго купороса, т. е. явилась желѣзная соль сѣрной кислоты, вмѣсто прежней мѣдной; но, если выводъ былъ ложенъ, зато опытъ остался и возникло смутное предчувствіе о природѣ химическаго сродства, явилась мысль, что и само мистическое достигаетъ своихъ цѣлей естественными путями. Экспертименты арабской алхиміи были первымъ шагомъ къ химіи, тогда какъ мистическое философское умозрѣніе, чуждавшееся міра аскетовъ, представляло лишь шагъ назадъ по сравненію съ античнымъ міросозерцаніемъ.

Также и въ области біологіи мы видимъ существенный контрастъ между некультурными воззрѣніями ранней средневѣковой христіанской эпохи и тѣми, хотя несовершенными, но во всякомъ случаѣ научными воззрѣніями, какія мы встрѣчаемъ у арабовъ почти въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія до XIV вѣка по Р. Х. Въ христіанскихъ школахъ господствовалъ такъ называемый *Физіологусъ*, родъ зоологическаго руководства, а въ сущности комментарій, относящійся къ библейскимъ животнымъ, т. е. къ тѣмъ, имена которыхъ случайно встрѣчались въ Библіи. Наоборотъ, арабы уже въ X вѣкѣ обладали переводомъ зоологическихъ произведеній Аристотеля; правда, дальше Аристотеля они здѣсь не пошли. Плиній, хотя и стоящій гораздо ниже Аристотеля, но во всякомъ случаѣ собравшій массу свѣдѣній, былъ имъ, по всей вѣроятности, очень мало извѣстенъ. Путешествія арабовъ ознакомили ихъ съ многими новыми видами животныхъ, о которыхъ не зналъ Аристотель; они знали, напр. хорошо дюгонь, млекопитающее (изъ сиреновыхъ) Краснаго моря, летучую собаку (видъ летучей мыши) Индіи и даже, какъ полагаютъ, орангъ-утанга Зондскихъ острововъ, а также нѣкоторыхъ сумчатыхъ животныхъ съ пограничныхъ островов австралійскаго міра. Подобно римлянамъ, арабы не мало работали и въ области практической ботаники, особенно какъ садоводы, украшавшіе средиземноморскія страны флорой Востока. Халифъ Абдуррахманъ I посадилъ первую финиковую пальму въ Испаніи. Въ общемъ, однако, ихъ заслуги въ этой области все же незначительны,

если ихъ измѣрить не относительно, а абсолютно Часъ біологіи еще не пробилъ. Чудеса органическаго міра еще не представляли цѣлостной картины. На ряду съ наблюденіемъ небеснаго міра и изслѣдованіемъ химическихъ явленій, у арабовъ не было никакой ясной системы физіологіи, они не знали даже, какъ придти къ ея установленію. Внѣшнія приспособленія, конечно, бросались въ глаза; приспособленія птицъ къ воздуху, морскихъ животныхъ къ водѣ дали первую грубую основу для классификаціи; но мусульманскій страхъ передъ анатомическимъ изслѣдованіемъ человѣческаго тѣла слишкомъ былъ глубоко затаенъ въ арабской крови и препятствовалъ истинному прогрессу въ біологіи.

Свою міровую роль арабы увѣнчали тѣмъ, что они, въ полной противоположности къ замкнутой культурѣ китайцевъ, умѣли самымъ счастливымъ образомъ распространять свое просвѣщеніе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда ихъ политическая сила была сокрушена. Въ то же время и у христіанской націи наступилъ родъ кризиса, приведшаго къ умственному возрожденію. Часть арабской культуры возвращается обратно въ европейскія страны при посредствѣ крестоносцевъ. Въ самой Италіи, во время великаго Гогенштауфена Фридриха II, наступаетъ смѣшеніе культуръ, которымъ пользуется лучшая часть просвѣщеннаго христіанскаго общества. Наконецъ, въ Испаніи расцвѣтаетъ своеобразная испанско-арабская культура; въ особенности развилась здѣсь медицина. Въ то время, когда въ 1492 г. палъ послѣдній оплотъ арабовъ на испанской почвѣ—Гранада, наступилъ моментъ совершенно новаго развитія европейской культуры, явилось открытіе Христофора Колумба. Слѣдуетъ помнить, что и самый проектъ Колумба сталъ выполнимымъ лишь въ томъ европейскомъ мірѣ, который, забросивъ карту земли, изображающую ее въ видѣ колеса и отказавшись отъ наивной космографіи Козьмы Индикоплова, возвратился къ правильному ученію Птолемея къ теоріи шарообразной формы земли. Этому снова много помогло сліяніе европейскихъ знаній съ арабской наукой.

Но прежде, чѣмъ перейти къ эпохѣ Колумба, бросимъ еще бѣглый взглядъ на предшествующее развитіе картины космоса на христіанскихъ и, прежде всего, на германскихъ земляхъ. Эпоха Колумба и Коперника (и это слѣдуетъ подчеркнуть) возникла не внезапно въ готовомъ видѣ. Она стоитъ на прочной почвѣ арабско - греческаго наслѣдія. Правда и другая, весьма значительная волна пришла также непосредственно отъ христіанскаго средневѣковаго міра. Мы только-что оставили его, съ его колесовидными картами, съ его полнымъ географическимъ банкротствомъ; но такъ было лишь въ первую половину средневѣковой эпохи. Приблизительно въ эпоху поворота, какъ разъ съ того тысячелѣтія, въ продолженіи котораго христіанскій міръ съ трепетомъ ожидалъ кончины міра, и германскій императоръ Оттонъ III, при свѣтѣ факеловъ, созерцалъ въ Аахенскомъ склепѣ гробницу Карла Великаго, ожидая отъ нея отвѣта на сомнѣнія, въ эту самую эпоху норманны, задолго до Колумба, открыли уже Сѣверную Америку, добравшись туда черезъ Исландію и Гренландію Подобно сказкѣ звучатъ преданія объ ихъ странствованіяхъ; рѣчь идетъ о какомъ то зеленомъ берегѣ, гдѣ растетъ дикій американскій виноградъ. Это сказочный Винландъ, страна винограда. Происходитъ столкновеніе съ дикими туземцами, посѣщенія повторяются, страна населяется колонистами, туда плаваютъ карабли, и все это потомъ исчезаетъ, какъ миражъ: колоніи погибаютъ и самое преданіе о нихъ не становится общимъ достояніемъ христіанской культуры. Лишь въ нѣсколькихъ сѣверныхъ хроникахъ мы находимъ отрывочныя свѣдѣнія. Колумбъ ровно ничего не знаетъ о своихъ норманнскихъ предшественникахъ; онъ строитъ совсѣмъ иные планы; онъ руководствуется картой, опирающейся на античные источники, спасенные арабами.

Тѣмъ не менѣе, медленное развитіе, происшедшее съ 1000 по 1492 г. не должно быть оцѣнено черезчуръ низко; на мѣсто хищныхъ норманнскихъ авантюристовъ выступаютъ теперь торговцы, проникающіе, главнымъ образомъ, изъ Венеціи въ Азію, даже до середины Китая. Путь пролагаютъ здѣсь странствованія Маркополо, который, своимъ восторженнымъ описаніемъ восточно-азіатскихъ, богатыхъ золотомъ и пряностями странъ, возбуждаетъ стремленіе въ душахъ европейцевъ. Это идеалъ, основанный, повидимому, на весьма узкомъ, экономическомъ, даже чисто коммерческомъ базисѣ; но, въ концѣ концовъ, онъ приводитъ къ богатѣйшему расширенію картины міра. Съ другой стороны, узкая церковная мудрость сокрушаетъ сама себя. Античная наука, мало по малу, подтачиваетъ китайскую стѣну, которая окружила себя теологическимъ догматизмомъ. Преслѣдуемая, какъ дьявольское наважденіе, естественная наука тѣмъ не менѣе удерживается; какъ разъ величайшіе умы среди христіанскаго духовенства, Альбертъ Великій и Роджеръ Бэконъ (оба около 1250 г.) передаются занятію научнымъ «волшебствомъ». Память этихъ смѣлыхъ борцовъ не должна быть забываема, когда рѣчь идетъ о коренномъ измѣненіи міросозерцанія. Болѣе поздняя исторія страданій Галилея чаще привлекала вниманіе, нежели печальная біографія Роджера Бэкона, смѣлаго оксфордскаго францисканскаго монаха, который былъ признанъ еретикомъ за свои взгляды на географію и физику и много лѣтъ томился въ темницѣ. И тѣмъ не менѣе вся эпоха Галилея была бы невозможна безъ этой тяжелой предварительной работы.

Если же мы оглянемся еще разъ на средневѣковую эпоху во всей ея совокупности, то, во всякомъ случаѣ, нельзя отказать ей въ одномъ: если арабы были народомъ, спасшимъ то, что уже было сдѣлано въ античномъ мірѣ, то ранняя, совершенно не научная эпоха христіанскаго средневѣковья доставила, по крайней мѣрѣ, непочатую почву для той эпохи, когда наступило возрожденіе науки. Прошло много вѣковъ, въ теченіе которыхъ Птолемей со своей системой міра совсѣмъ оставался неизвѣстнымъ, теперь онъ возвратился и нашелъ почву настолько подготовленной, что сравнительно въ короткое время отъ Птолемея могли перейти къ Копернику. Это уже доказываетъ, что средневѣковая эпоха не осталась совершенно безплодной. Вспомнимъ, прежде всего, эпоху Коперника. Птолемей и его предшественники придумали самыя удивительныя конструкціи для объясненія планетныхъ движеній. По системѣ Птолемея, каждая планета обращается не вокругъ солнца и даже не прямо вокругъ земли, но описываетъ малые круги, такъ называемые эпициклы, центры которыхъ, въ свою очередь, движутся по главной круговой обритѣ; при вычисленіи этихъ эпицикловъ оказывалось слѣдующее: центры эпицикловъ Меркурія и Венеры, обѣихъ планетъ, находящихся между Солнцемъ и Землей, дви-

жутся по большому кругу какъ разъ съ такой же скоростью, какъ и само Солнце. Эпициклы прочихъ планетъ, по системѣ Птолемея, движутся такъ, что скорость движенія ихъ центровъ по большому кругу становится все менѣе значительною. Сумма главнаго движенія и движенія по эпициклу, во всякомъ случаѣ, должна была точно соотвѣтствовать скорости видимаго движенія солнца.

Въ теченіе тысячелѣтій это странное соотношеніе чиселъ оставалось непонятнымъ. У нѣкоторыхъ, правда смутно, мелькалъ въ высшей степени простой выводъ: да вѣдь это потому, что солнце и есть центръ движенія; однѣ планеты находятся между нами и солнцемъ, а другія по ту сторону земли, и самый земной шаръ есть обращающаяся вокругъ солнца планета. Потребовалось, однако, много смѣлости для того, чтобы выставить это необычайно простое предположеніе и, такимъ образомъ, выступить противъ обманчивой очевидности, а главное противъ библейскаго, не всегда понятаго классическаго авторитета. Коперникъ былъ этимъ смѣльчакомъ, Галилей пострадалъ за это, но, въ концѣ концовъ, истина должна была побѣдить.

Нѣчто подобное мы видимъ въ исторіи открытія Америки Колумбомъ, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что здѣсь яснѣе обнаруживается зависимость эпохи мірового открытія отъ экономическихъ причинъ. Колоніальныя страны, богатыя пряностями и золотомъ, стали болѣе, чѣмъ когда либо, необходимыми для развивавшейся торговли, утратившей рынки на Востокѣ, благодаря турецкому завоеванію Константинополя. Мореплаваніе все болѣе развивалось, былъ изобрѣтенъ компасъ, служившій путеводителемъ по океанической пустынѣ. Какъ разъ на границѣ Атлантическаго океана, въ Португаліи и Испаніи, были еще живы преданія арабской науки. Ближайшія группы острововъ были уже давно изслѣдованы. Самъ Колумбъ обладалъ имѣніемъ на Порто Санто подлѣ Мадейры. Сюда присоединилось еще преданіе древнихъ о далекой западной странѣ; ученіе о шарообразной формѣ все болѣе утверждалось въ умахъ. Мартынъ Бегайнъ построилъ свой знаменитый глобусъ. Такимъ образомъ все было подготовлено.

Великія техническія изобрѣтенія, если не считать важнѣйшее изъ нихъ—книгопечатаніе, правда, явившіяся нѣсколько позднѣе, но давшія еще болѣе мощный толчекъ расширенію міросозерцанія, а именно телескопъ и микроскопъ, также имѣютъ свою продолжительную исторію. То, что было добыто Галилеемъ, уже смутно сознавалось Роджеромъ Бэкономъ; чисто практическія потребности привели къ изобрѣтенію оптическихъ стеколъ для очковъ. Это послужило основою телескопа.

Въ эпоху Возрожденія все было подготовлено; культура, такъ долго подраздѣленная между арабами и христіанами, вновь сомкнулась; античный міръ, такъ долго погребенный, вновь проявилъ свои силы. Онѣ обнаружились и въ развитіи искусства. Здѣсь мы видимъ возвращеніе одновременно къ природѣ и къ античнымъ образцамъ; но въ то же время видимъ и совершенно новую, свѣжую струю.

Отъ Коперника до Ньютона.

Поворотнымъ пунктомъ въ исторіи новаго міросозерцанія смѣло можно считать дѣло Колумба, хотя, какъ мы видѣли, оно было ужъ давно подготовлено.

Христофоръ Колумбъ не былъ научнымъ изслѣдователемъ въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ выросъ въ религіозной обстановкѣ, которая склоняла къ чему угодно, но только не къ изслѣдованію природы, и когда онъ рѣшилъ отправиться изъ Испаніи на западъ искать таинственную страну, то главная идея, имъ руководившая, была по-просту мысль найти кратчайшій путь къ золотоноснымъ странамъ восточной Азіи. Само собой разумѣется, что въ немъ двигательнымъ импульсомъ было не столько корыстолюбіе, сколько честолюбіе, но онъ долженъ былъ опереться на чисто матеріальную почву, безъ которой ни одно правительство не приняло бы участія въ его экспедиціи. Шаровидная форма земли была для Колумба вполнѣ установленной истиной. Правда, онъ вмѣстѣ со своимъ авторитетомъ, флорентійскимъ астрономомъ Тосканелли, имѣлъ совершенно невѣрное представленіе о дѣйствительномъ разстояніи между Испаніей и золотоносной страной,—собственно Японіей, которая и была цѣлью его исканій. Онъ вовсе не представлялъ себѣ, что вмѣсто одного океана пришлось бы переплыть два и что по пути встрѣтился бы ему обширный американскій материкъ [1]).

Какъ бы по волѣ случая, смѣлое путешествіе Колумба, т. е. розысканіе пути въ Индію и въ Японію, дѣйствительно привело къ открытію золотоносныхъ странъ, хотя совсѣмъ не тѣхъ, которыхъ искали. Самъ Колумбъ впрочемъ до самой своей смерти остался въ заблужденіи, будто

---

[1]) Флорентійскій астрономъ Тосканелли (1397—1492 г.) одинъ изъ знаменитѣйшихъ изслѣдователей своего времени, по желанію португальскаго правительства высказалъ въ 1474 г. мнѣніе относительно длины пути въ Японію. Уже античные источники признавали разстояніе между Испаніей и восточной Азіей необычайно короткимъ. Тосканелли съузилъ его до такой степени, что Японія оказалась примѣрно верстъ на сто отъ Санъ-Франциско въ Калифорніи (если принять нынѣшнія географическія обозначенія); сверхъ того въ Атлантическомъ океанѣ помѣстили легендарный островъ Антилья, на самомъ дѣлѣ несуществующій, имя котораго, однако, было впослѣдствіи придано Антильскимъ островамъ. Эту карту Тосканелли имѣлъ Колумбъ во время своего путешествія и какъ разъ это заблужденіе подкрѣпляло его мужественное рѣшеніе.

онъ открылъ восточный берегъ Азіи, и не ему, а мирному географу Америго Веспуччи выпала на долю честь назвать своимъ именемъ континентъ, когда природа открытія была уже въ значительной мѣрѣ установлена. Во всю послѣдующую эпоху испанскихъ завоевателей, такъ-называемыхъ конквистадоровъ, обогатившихъ міръ цѣлымъ рядомъ географическихъ открытій, руководящей звѣздой была исключительно жажда золота и приходится, къ сожалѣнію, подписаться подъ словами географа Пешеля, что ходомъ открытій въ испанской Америкѣ руководили мѣстныя распредѣленія благородныхъ металловъ. Общеизвѣстно, что эти открытія и исторія колонизаціи Америки представляютъ потрясающую трагедію, что культура и туземное населеніе по-просту истреблялись и что географическія открытія того времени, такъ сказать, плывутъ въ потокахъ крови. И тѣмъ не менѣе эти путешествія въ поискахъ за золотомъ, совершенно не имѣвшія въ виду научныхъ цѣлей, расширили научное міросозерцаніе въ необычайной степени и открыли новую эпоху въ исторіи.

По справедливому замѣчанію Гумбольдта, раньше открытія Америки до двухъ третей земного шара представляли для тогдашнихъ европейцевъ новый не изслѣдованный міръ; но вотъ мало-по-малу открываются острова за островами, затѣмъ исполинскій материкъ съ ихъ колоссальными, покрытыми горнымъ снѣгомъ цѣпями, съ ихъ рѣками, болѣе многоводными, чѣмъ Нилъ, съ грозными вулканами; сказочнымъ, не похожимъ на нашъ, животнымъ и растительнымъ міромъ. Объ этомъ мірѣ Библія не сказала намъ ни слова; прославленный классическій міръ едва подозрѣвалъ его существованіе. Уже въ первое путешествіе Колумбъ открылъ міръ чудесъ, новое звѣздное небо съ яркимъ созвѣздіемъ Южнаго Креста и съ большимъ туманнымъ пятномъ, движущимся вокругъ южнаго полюса и открывшимся глазамъ путешественниковъ 13 сентября 1492 г. Колумбъ впервые открылъ, что горизонтальное склоненіе магнитной стрѣлки въ опредѣленномъ мѣстѣ посреди Атлантическаго океана превратилось изъ сѣверовосточнаго въ сѣверозападное; то былъ великій поворотный моментъ въ исторіи магнетизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ развитіи истиннаго понятія о силахъ, дѣйствующихъ въ земномъ шарѣ. Спустя нѣсколько тысячелѣтій памятная экспедиція Фернанда Магеллана (по португальски Махальянсъ) окончательно утвердила теорію шарообразной формы земли, такъ какъ фактически удалось объѣхать этотъ шаръ кругомъ.

Въ то самое время, когда великій Колумбъ умиралъ жертвою несправедливости и огорченія (1506 г.) въ Краковѣ будущій каноникъ Николай Коперникъ (1473—1543 г.) началъ писать свое великое сочиненіе объ обращеніяхъ небесныхъ тѣлъ. Можно сказать, что самъ онъ въ такой-же степени мирный человѣкъ, въ какой степени революціоннымъ является его сочиненіе о движеніи земли; въ то время, какъ міръ былъ потрясенъ тезисами Мартына Лютера, направленными противъ папства, скромный астрономъ, уклонившись отъ самаго мірскаго шума, спокойно работалъ надъ своимъ сочиненіемъ. Не изъ робости онъ такъ долго не обнародовалъ своего труда, который пролежалъ неопубликованнымъ 33 года и былъ извлеченъ изъ бумагъ скромнаго астронома. Это былъ, по словамъ его ближайшаго преемника, Кеплера, не только человѣкъ высокаго ума, но и вполнѣ свободный умъ. Несомнѣнно, Копернику были извѣстны нѣкоторыя отдѣльныя выраженія

классическихъ писателей, высказывавшихся относительно возможности движенія земли вокругъ солнца; но для Коперника рѣчь шла не о возможности, а о точномъ доказательствѣ, о попыткѣ включить всѣ существовавшія до тѣхъ поръ наблюденія въ систему, способную совершенно измѣнить и вытѣснить систему Птолемея. Много трудностей предстояло на пути: въ этомъ убѣждаютъ какъ великіе успѣхи Коперника, такъ и еще въ большей степени его ошибки. Его сочиненіе остановило существованіе трояк аго движенія небесныхъ свѣтилъ: 1) годичнаго движенія земли вокругъ солнца съ запада на востокъ; 2) соотвѣтствующаго движенія всѣхъ планетъ вокругъ солнца; 3) суточнаго движенія земли вокругъ ея собственной оси съ запада на востокъ. Всѣ эти три движенія соотвѣтствуютъ дѣйствительности; они очистили астрономію отъ сложной системы планетныхъ эпицикловъ и сдѣлали, въ сущности, совершенно излишними всѣ сложныя соображенія относительно вращенія какихъ то небесныхъ сферъ, увлекающихъ за собой солнце и планеты; но Коперникъ ничего не подозрѣвалъ относительно эллиптической формы планетныхъ орбитъ; его попытка привести все къ точнымъ круговымъ орбитамъ привела его даже къ отдѣльнымъ ошибкамъ, сходнымъ съ тѣми, въ которыхъ были повинны Гиппархъ и Птолемей; собственно говоря, и онъ не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ эпицикловъ: даже мысль о твердыхъ кругахъ или цѣлыхъ сферахъ, на которыхъ движутся свѣтила, лично ему не была вполнѣ чужда. Мысль о равновѣсіи небесныхъ тѣлъ, движущихся въ пустомъ пространствѣ, смущала Коперника, какъ и античныхъ писателей. Пока земной шаръ разсматривали, какъ центръ вселенной, еще можно было не обращать вниманія на положеніе ея оси: иное дѣло, когда пришлось допустить, что земля вращается вокругъ солнца. Какимъ образомъ ея ось сохраняетъ постоянно одинъ и тотъ же наклонъ къ орбитѣ? Что касается Коперника, онъ былъ того мнѣнія, что для этого будто-бы существуютъ особыя движенія оси, составляющія четвертый классъ движеній небесныхъ свѣтилъ,—существенная ошибка, противъ которой высказался уже Галилей.

Доказательства, выставленныя Коперникомъ въ частностяхъ для подтвержденія своей системы съ современной точки зрѣнія—это не точные аргументы, но лишь вѣроятное допущеніе, тѣмъ не менѣе его собственная увѣренность относительно истины его системы была прочна, какъ скала. Предисловіе, написанное къ его печатному сочиненію, въ изданіи котораго умирающій Коперникъ не могъ уже принять участія, написано чужой рукой и имѣетъ характеръ извиненія передъ церковнымъ авторитетомъ, чего никогда бы не подписала рука Коперника. Книга была издана въ 1853 г. въ Нюрнбергѣ, въ годъ смерти автора. Коперникъ назвалъ ее просто «Объ обращеніяхъ»; издатель, лютеранскій проповѣдникъ, Озіандръ, прибавилъ слова: «небесныхъ тѣлъ», выбросилъ подлинное предисловіе Коперника и вставилъ свое, написанное въ весьма смиренномъ тонѣ. Здѣсь сказано, что авторъ выставляетъ скорѣе игру своей фантазіи, чѣмъ доказанную гипотезу. Сочиненіе Коперника, какъ чисто научный, нелегко доступный пониманію, трудъ, само по себѣ не могло имѣть быстраго распространенія; оно испытало бы судьбу научныхъ трудовъ Леонардо-да-Винчи, великаго художника, во многихъ случаяхъ предупредившаго новѣйшую науку,—т. е. могло бы быть придано забвенію. Самая

книга Коперника содержитъ даже посвященіе папѣ Павлу III; тѣмъ не менѣе не трудно было видѣть, что миръ между теологіей и наукой въ такомъ вопросѣ не будетъ сохраненъ.

Въ 1616 г. ученіе Коперника было формально объявлено еретическимъ, и это запрещеніе снято папской властью не болѣе и не менѣе, какъ только въ 1812 г.; спустя 50 лѣтъ послѣ обнародованія главнаго труда Коперника, 17 февраля 1600 г. на Кампо-ди-Фіерро въ Римѣ загорѣлось пламя костра, на которомъ былъ сожженъ философъ-пантеистъ Джіордано Бруно, однимъ изъ главныхъ грѣховъ котораго было заступничество за Коперника; на этомъ самомъ мѣстѣ теперь поставленъ прекрасный памятникъ философу. Съ другой стороны, Мартынъ Лютеръ, несмотря на свою борьбу съ папствомъ, даже на то, что его другъ Меланхтонъ обнаруживалъ теплое участіе, по крайней мѣрѣ, къ личности Коперника,—Лютеръ произноситъ слѣдующее сужденіе о новомъ ученіи: «этотъ дуракъ хочетъ перевернуть все искусство астрономіи, но священное писаніе говоритъ намъ, что Іисусъ Навинъ остановилъ солнце, а не землю». На этомъ основаніи и протестантская церковь въ концѣ XVI вѣка со всею силою обрушилась на Коперника.

Впрочемъ, даже въ кругу компетентныхъ ученыхъ существовало мощное противоположное теченіе, грозившее новому ученію. На одинокомъ островѣ Веенѣ, въ Зундѣ, между Зеландомъ и Шоненомъ, жилъ, окруженный отличными помощниками, знаменитый ученый Тихо Браге, личность весьма характеристичная. Фридрихъ II Датскій, побужденный къ этому любителемъ астрономіи ландграфомъ Вильгельмомъ Гессенскимъ, подарилъ Тихо весь островъ пожизненно и доставилъ ему средства для изслѣдованія небесныхъ пространствъ. Тихо Браге (1546—1601 г.), безспорно крупнѣйшій астрономъ своей эпохи, ставилъ Коперника достаточно высокое; но онъ былъ упорный практикъ, чистый вычислитель. Умозрѣніе интересовало его лишь по стольку, по скольку облегчало вычисленіе. Какъ нѣкогда Гиппархъ возвратился къ гипотезѣ неподвижной земли, потому что нашелъ, что такое предположеніе годится для вычисленія, такъ точно и Тихо предполагалъ, что важнѣйшая часть ученія Коперника не имѣетъ цѣны. Тихо допустилъ, что планеты Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ обращаются вокругъ солнца, но затѣмъ рѣшилъ, что солнце, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ эти планеты могутъ отлично вращаться вокругъ земли, принятой за центръ міроздания. Система Тихо была, такимъ образомъ, настоящимъ компромиссомъ между старымъ и новымъ: но именно такія половинчатыя системы очень часто становятся опаснѣйшими преградами для новыхъ теченій.

Но вотъ неожиданное новое техническое средство наблюденія, открытіе телескопа, съ каждымъ годомъ стало расширять пространственныя границы, полагаемыя для наблюденія простымъ глазомъ,—сковывавшаго зрѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мысли древнихъ ученыхъ и философовъ. Астрономы пріобрѣли какъ бы новый органъ чувства, и моментъ открытія почти совпалъ съ тѣмъ, который былъ необходимъ для дальнѣйшаго развитія ученія Коперника. Два имени стоятъ здѣсь на первомъ планѣ; оба они соединяютъ геній Коперника съ наблюдательными способностями Тихо: то были Кеплеръ и Галилей.

Надъ жизнью Галилея еще блещетъ лучъ заката великаго итальянскаго Возрожденія. Венеція, Падуя, Флоренція предлагали Галилею свои, знаменитыя во всей тогдашней Европѣ, каѳедры. Галилей достигъ высшаго блеска, но эта титаническая натура была слишкомъ враждебна всякому авторитету, чтобъ не вступить въ борьбу съ авторитетомъ теологіи. По сравненію съ Галилеемъ, Кеплеръ не болѣе, какъ бѣдный придворный ученый, живущій въ сумятицахъ религіозныхъ войнъ, правда пощаженный инквизиціей, но не рѣдко впадавшій въ крайнюю нужду. Оба этихъ ученыхъ были связаны дружбой, оба проникнуты яркимъ свѣтомъ научнаго міросозерцанія, которое у Галилея имѣетъ болѣе ясную, очищенную форму, а у Кеплера иногда не чуждо примѣси мистицизма, на зато носитъ печать геніальной интуиціи.

Галилео Галилеи (1564—1642 г.) былъ семью годами старше Кеплера и пережилъ его на 12 лѣтъ. Зрѣлый возрастъ его жизни относится къ періоду раньше 1600 г., стало быть на 100 лѣтъ позднѣе Колумба и еще на столько же лѣтъ позднѣе Коперника. Ходъ развитія Галилея приходится въ ту самую эпоху, когда жилъ Уильямъ Шекспиръ, родившійся въ одномъ и томъ же году съ Галилеемъ. Какая богатая эпоха, въ которой мы встрѣчаемъ подобныя хронологическія данныя!

Въ 1592 г., когда Галилей становится профессоромъ математики въ венеціанскомъ университетѣ, основанномъ въ городѣ Падуѣ, онъ совершенствуетъ основные законы физики или, собственно говоря, механики, устанавливаетъ законъ паденія тѣлъ, т. е. изучаетъ скорость и ея приращеніе или ускореніе при свободномъ паденіи тѣлъ на землю. Около 1609 г. изъ Голландіи въ Венецію приходитъ вѣсть, что посредствомъ соединенія двухъ, опредѣленнымъ образомъ отшлифованныхъ, стеколъ, вставленныхъ въ трубку, можно получать замѣчательныя увеличенія или приближенія отдаленныхъ предметовъ. Кто первый открылъ телескопъ, въ точности неизвѣстно; уже около конца XII столѣтія въ Италіи употреблялись очки и именно двояковыпуклые, т. е. увеличительные.

Въ 1590 г., какъ полагаютъ, Захарія Янсенъ, оптикъ въ Миддельсбургѣ, открылъ принципъ сложнаго микроскопа, состоящаго изъ соединенія нѣсколькихъ двояковыпуклыхъ стеколъ. Существуетъ преданіе, что, нѣсколько позднѣе, онъ же изобрѣлъ первый телескопъ; но по другимъ свѣдѣніямъ телескопъ былъ изобрѣтенъ другимъ миддельсбургскимъ шлифовальщикомъ стеколъ, а именно Гансомъ или Иваномъ Липерсгеймомъ около 1608 г. Какъ ни значительно это открытіе, имя настоящаго изобрѣтателя остается такимъ образомъ сомнительнымъ. Впрочемъ, разъ уже существовали очки и существовала лупа или простой телескопъ, то соединеніе простыхъ стеколъ съ сложными рано или поздно должно было быть кѣмъ-либо открыто. Что касается Галилея, за нимъ, во всякомъ случаѣ, остается та слава, что онъ по простому слуху, не имѣя подробныхъ свѣдѣній, исключая одного письма, самъ собственноручно построилъ подзорную трубу. Несомнѣнно одно, а именно, что въ 1609 г. онъ собственноручно построилъ инструментъ, далеко превосходившій своими качествами всѣ прежніе голландскіе приборы. Это, разумѣется, еще не былъ идеалъ астрономической трубы въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы теперь употребляемъ такое названіе.

Наша нынѣшняя астрономическая труба обладаетъ двумя двояковыпуклыми стеклами и даетъ очень сильное увеличеніе, представляя

неудобство лишь для земныхъ предметовъ, такъ какъ изображаетъ предметы вверхъ ногами. Галилей изобрѣлъ подзорную трубу вродѣ бинокля, представляющую предметы въ прямомъ видѣ и состоящую изъ двояковыпуклаго объектива и двояковогнутаго окуляра. Что касается нынѣшней формы подзорной трубы, она была лишь два года спустя теоретически предложена Кеплеромъ, затѣмъ въ 1613 г. практически выполнена Шеномъ и позднѣе испытала множество улучшеній. Что, однако, придаетъ подзорной трубѣ Галилея ея міровое значеніе—это то, что онъ былъ первымъ, обратившимъ такую трубу къ небеснымъ свѣтиламъ. Въ теченіе многихъ тысячелѣтій народы наблюдали небо. Были астрономы отъ временъ Хеопсовой пирамиды и сумерійско-аккадійской культуры до временъ александрійскаго музея и затѣмъ до итальянскаго Возрожденія, но цѣлый рядъ свѣтилъ оставался все же неизвѣстнымъ людямъ.

Марсъ, эта кровавая звѣзда или планета, которую съ упорствомъ наблюдалъ Тихо Браге и которая послужила Кеплеру для установленія эллиптическихъ орбитъ планетъ, этотъ Марсъ, какъ и другія планеты, оставался для астрономовъ лишь точкою на небесномъ сводѣ; и вотъ, съ перваго же дня, когда Галилей направилъ свою трубу на небесный сводъ, открылся цѣлый новый міръ чудесъ. Сбылось то, что предчувствовалъ Плутархъ: на лунѣ оказались горы, отбрасывающія вполнѣ ясно замѣтную тѣнь. Галилей пытался даже установить приблизительную высоту этихъ горъ: онъ сравнивалъ ихъ своеобразную форму съ формою нѣкоторыхъ горныхъ цѣпей въ Богеміи. Сбылось и то, что древній философъ Демокритъ предчувствовалъ для Млечнаго Пути: этотъ путь оказался состоящимъ изъ многихъ милліоновъ звѣздъ; созвѣздіе Плеядъ, уже въ древности обращавшее на себя вниманіе, свѣтившее героямъ Гомера, теперь расчленилось на 40 отдѣльныхъ звѣздъ, вмѣсто прежнихъ 7. Въ новѣйшіе телескопы можно видѣть даже 500 звѣздъ въ этомъ созвѣздіи; но въ особенности замѣчательное открытіе было сдѣлано помощью телескопа при изслѣдованіи планеты Юпитера. Галилей замѣтилъ четыре маленькія, свѣтлыя точки, движущіяся вокругъ ослѣпительно бѣлаго диска планеты. Галилей и Маріусъ почти одновременно открыли эти планеты въ концѣ 1609 или въ началѣ 1610 г. Это открытіе было особенно замѣчательно, потому что здѣсь впервые астрономы воочію увидѣли такую систему, какую призналъ Коперникъ для солнца съ его планетами; это была система изъ одной большой планеты со спутниками, свободно обращающимися вокругъ центральнаго тѣла. Аналогія съ тѣмъ отношеніемъ, которое существуетъ между солнцемъ и планетами, была несомнѣнна. Другое открытіе Галилея имѣло не меньшее значеніе въ утвержденіи системы Коперника. Если Коперникъ правъ, если планеты относятся къ солнцу такъ, какъ луна къ землѣ, то ясно, что всѣ планеты или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе близкія къ землѣ, наиболѣе доступныя наблюденію, должны обнаружить фазы, подобныя фазамъ луны, т. е. должны являться сначала въ видѣ серпа и затѣмъ быть видимыми, какъ полные диски. Однако, до Галилея этого никто не видѣлъ; въ декабрѣ 1610 г. при помощи своей подзорной трубы Галилей впервые увидѣлъ совершенно ясно серповидную фазу Венеры. Правда, этотъ серпъ, по причинѣ близости планеты къ землѣ, свѣтилъ такимъ яркимъ свѣтомъ, что для простого глаза казался полнымъ дискомъ, но въ трубу получилось совсѣмъ иное; явилось полное подтвержденіе системы Коперника. Система Птолемея была разбита окончательна: можно сказать, что само небо доставило иллюстраціи къ тексту книги Коперника. Вслѣдъ за фазами Венеры были открыты и еще менѣе явственныя фазы Меркурія, затѣмъ на солнцѣ были открыты темныя пятна. Періодическое возвращеніе однихъ и тѣхъ же пятенъ позволило доказать, что этотъ колоссальный огненный шаръ вращается подобно землѣ вокругъ своей оси; постоянныя полосы и пятна, наблюдаемыя на Юпитерѣ и Марсѣ, въ свою очередь позволили обнаружить вращеніе этихъ планетъ вокругъ оси. Правда, при помощи телескопа было открыто и много такого, что съ трудомъ умѣщалось въ ученіи Коперника или было Копернику совершенно неизвѣстно; такъ были открыты кольца Сатурна. Галилей въ теченіе многихъ лѣтъ мучился съ этими кольцами; онъ видѣлъ въ свой довольно слабый телескопъ не то отростки, не то маленькіе шарики по обѣ стороны планеты, порой совсѣмъ терялъ ихъ изъ виду и такимъ образомъ думалъ, что, по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о какомъ нибудь обманѣ зрѣнія; лишь Гюйгенсъ, много лѣтъ спустя, сообщилъ изумленному міру, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ настоящими кольцами—первоначально думали, что есть только одно кольцо. Лишь Кассини впервые указалъ на раздѣленіе колецъ; тотъ же Кассини, уже значительно послѣ Галилея, открылъ замѣчательное сжатіе Юпитера въ полюсахъ, т. е. отступленіе отъ строгой шаровой формы; въ то время еще не знали, что и самая земля такимъ образомъ сплюснута.

Казалось, что самое небо благопріятствовало астрономическимъ открытіямъ: кометы съ необычайно огромнымъ хвостомъ какъ-разъ въ то время посѣтили небосклонъ; первая вскорѣ послѣ изобрѣтенія телескопа въ 1618 г., затѣмъ въ 1654 г. и наконецъ въ 1680—чудовищная комета, хвостъ которой простирался на половину небосклона; хвосты этихъ кометъ, по вычисленію, имѣли свыше 20 милліоновъ миль длины.

Новыя звѣзды зажглись на небосклонѣ, величайшая и наиболѣе замѣчательная изъ нихъ какъ разъ на поворотѣ эпохи между Коперникомъ и Галилеемъ. Тихо Браге, сомнѣвавшійся въ справедливости ученія Коперника, сообщилъ этому послѣднему 11 ноября 1572 г., что въ то время, когда онъ шелъ изъ своей обсерваторіи домой, почти въ зенитѣ созвѣздія Кассіопеи зажглась новая звѣзда. Сиріусъ и Юпитеръ были не такъ ярки, какъ эта снѣжнобѣлая звѣзда. Тихо Браге былъ увѣренъ въ томъ, что въ прошлый вечеръ онъ не наблюдалъ ея. Тихо тотчасъ позвалъ рабочихъ, чтобъ при помощи этихъ простыхъ людей провѣрить, не страдаетъ-ли его собственный глазъ галлюцинацией; но звѣзда дѣйствительно блестѣла; она была до того ярка, что ее можно было наблюдать сквозь облачную дымку, а хорошій глазъ могъ видѣть ее днемъ, но къ концу того же года яркость звѣзды все болѣе стала убывать, звѣзда приняла желтокрасный цвѣтъ, затѣмъ потемнѣла, приняла свинцовый цвѣтъ, ставъ похожею на отдаленный Сатурнъ, и наконецъ въ мартѣ 1574 г. окончательно исчезла для невооруженнаго глаза. Въ 1604 г., стало быть незадолго до изобрѣтенія Галилеемъ телескопа, произошло подобное же событіе въ созвѣздіи Змѣеносца. Между этими двумя событіями находится родственное явленіе, повидимому еще болѣе таинственное; на этотъ разъ

рѣчь идетъ не о новой звѣздѣ, но о такой, которая періодически измѣняетъ яркость своего свѣта; это удивительная звѣзда въ созвѣздіи Кита, такъ называемая Mira Ceti; красная, ярко свѣтящаяся звѣзда эта въ 1596 г., между августомъ и октябремъ, какъ замѣтилъ терпѣливый наблюдатель Фабрицій, совершенно исчезла для глаза, но въ февралѣ вновь появилась. Въ настоящее время телескопъ убѣдилъ насъ въ томъ, что эта звѣзда дѣйствительно обладаетъ періодомъ нѣсколько менѣе года, въ теченіе котораго проходитъ различныя степени яркости, являясь то звѣздой первой величины, то шестой величины, порой совсѣмъ исчезая для глаза.

Если мы примемъ во вниманіе, что изобрѣтеніе телескопа, хотя оно и основано на случаѣ, пришлось въ поразительно подходящій моментъ, когда всѣ мыслящіе умы вообще стремились къ расширенію міросозерцанія, то убѣдимся въ томъ, что судьба Галилея, какъ лучшаго выразителя той эпохи, была въ общемъ завидною. Но именно ему пришлось узнать и всю обратную сторону медали; въ 1610 г. онъ возымѣлъ злополучную мысль оставить Падую, гдѣ ему покровительствовали венеціанцы и переселиться во Флоренцію, а между тѣмъ въ когдашнихъ кружкахъ набожныхъ людей господствовала уже настоящая паника по поводу открытія Галилея.

Вѣрные сторонники Рима инстиктивно чувствовали, что въ исторіи науки начинается своего рода реформація, быть можетъ болѣе опасная, чѣмъ реформація Лютера: въ 1614 г. доминиканецъ Кассини (не смѣшивать съ астрономомъ Кассини) выступилъ публично во Флоренціи и громилъ послѣдователей Галилея, опираясь на текстъ Дѣяній апостоловъ, гдѣ говорится о галилеянахъ, разумѣется, въ совершенно иномъ смыслѣ этого словѣ: «Вы мужи галиляне, зачѣмъ вы стоите и взираете на небо». Текстъ этотъ былъ примѣненъ къ астрономіи. Галилей отвѣтилъ—въ полной увѣренности, что папская власть будетъ за него, но Кассини и его приверженцы обвинили его передъ самимъ папой. Павелъ V потребовалъ заключенія коммиссіи; 24 февраля 1616 г. коммиссія духовныхъ лицъ объявила, что на самомъ дѣлѣ нелѣпо, философски ложно и свойственно еретикамъ помѣщать солнце въ центръ міросозданія и что прямо противно Писанію утверждать движеніе земли. Затѣмъ послѣдовалъ оффиціальный декретъ, потребовавшій изъятія изъ обращенія труда Коперника до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ исправленъ. Галилея предупредили лично; на время казалось, что столкновеніе улажено, но это было затишье передъ бурей. Новый папа Урбанъ VIII въ 1623 г. вступилъ на папскій престолъ. Галилей, находившійся съ нимъ раньше въ дружественныхъ отношеніяхъ, ничего не опасался. Въ 1632 г. появилась даже его новая книга, содержащая діалогъ о системѣ Птолемея и Коперника. При посредствѣ добрыхъ друзей, правда, цѣной весьма смиреннаго предисловія, приписаннаго чужой рукой, какъ и къ труду Коперника, Галилей получилъ разрѣшеніе напечатать книгу въ самомъ Римѣ. Для противниковъ Галилея это былъ давно желанный предлогъ вновь возбудить отложенныя распри. Папу увѣрили въ томъ, что будто бы Галилей изобразилъ его самого въ одномъ простакѣ, фигурирующемъ въ діалогѣ. Тотчасъ же выставили на видъ одинъ документъ, въ которомъ

Галилей, по поводу прежняго личнаго увѣщанія, якобы формально обязался отказаться отъ ученія Коперника и съ тѣхъ поръ болѣе не преподавать его; еслибы этотъ документъ былъ подлиннымъ, то такимъ образомъ представлялся предлогъ для формальнаго обвиненія, для нарушенія клятвы, и инквизиція могла вступить въ дѣло, а Галилею угрожала участь, постигшая Джіордано Бруно.

Галилей тотчасъ же объявилъ, что документъ подложенъ и что нѣтъ ни тѣни доказательства въ пользу того, чтобы утвержденіе было неправильнымъ. Правда, инквизиціонный трибуналъ отвергъ его протестъ: въ 1633 г. Галилей былъ призванъ въ Римъ и подвергнутъ допросу, какъ сказано въ актахъ, «мучительному». Спорили о томъ, дѣйствительно-ли онъ былъ подвергнутъ пыткѣ или же ему только угрожали пытками. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобъ съ нимъ, хотя болѣзненнымъ почти 70-лѣтнимъ старцемъ, обращались съ особой нѣжностью; такъ или иначе, извѣстно, что Галилея въ концѣ концовъ заставили дать формальное отреченіе отъ своего ученія. 22 іюня 1633 г. величайшій ученый своего времени былъ вынужденъ стать на колѣни въ Римѣ во дворцѣ инквизиціи и съ Евангеліемъ въ рукахъ отречься отъ ученія Коперника. Въ приговорѣ было сказано, что Галилея подозрѣваютъ въ ереси, такъ какъ онъ повѣрилъ ученію, очевидно ложному и противному священному писанію, а именно, то земля есть центръ земного круга и что не солнце движется съ востока на западъ, а земля, и что земля не есть центръ міра. Послѣ того, какъ Галилей долженъ былъ признать свои «заблужденія» ересью, его помиловали, т. е. присудили на неопредѣленное время къ тюремному заключенію съ той оговоркой, что въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ онъ еженедѣльно долженъ произносить семь покаянныхъ псалмовъ.

Легенда прибавляетъ, что по окончаніи чтенія приговора, Галилей топнулъ ногой и воскликнулъ: «а все-таки она движется». Документальныхъ доказательствъ въ пользу этого нѣтъ, но достовѣрно одно, что движеніе земли нельзя уже было остановить инквизиціонными средствами. Конецъ жизни Галилей провелъ подъ строгимъ надзоромъ: онъ и не требовалъ свободы. Насколько позволялъ надзоръ, онъ продолжалъ наблюденія и изслѣдованія, но вскорѣ послѣ процесса совершенно ослѣпъ. Въ 1642 г. по смерти Галилея, тѣло подозрительнаго человѣка не допустили опустить въ фамильный склепъ. Часть оставшихся послѣ Галилея рукописей съ трудомъ была спасена спрятавшимъ ихъ ученикомъ Вивіани. По смерти Вивіани эти манускрипты были открыты невѣждами и лишь случайно не проданы на макулатуру. Такова въ немногихъ чертахъ трагедія жизни Галилея, не требующая особыхъ комментаріевъ. Нѣкоторыя историческія подробности процесса и до сихъ поръ не вполнѣ извѣстны, хотя многое уже обнародовано. Процессъ Галилея былъ, такъ сказать, рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ для новаго міросозерцанія.

Какъ разъ въ моментъ рѣшительнаго поворота въ судьбѣ Галилея, въ ноябрѣ 1630 г. въ Регенсбургѣ умеръ человѣкъ, по величію почти равный Галилею, а именно Іоганнъ Кеплеръ (родился въ 1571 г. въ Швабіи). Жизнь Кеплера представляетъ родъ романа; здѣсь, однако, будетъ лишь отмѣчено то, что имѣетъ прямое соотношеніе къ расширенію космоса. Въ

то время, какъ Галилей въ началѣ своей дѣятельности обнаружилъ уже особенную склонность къ чисто фактическимъ познаніямъ, созерцанію и истолкованію дѣйствительности, Кеплеръ пробилъ себѣ путь черезъ дебри мистическихъ умозрѣній. На вершинѣ своей славы онъ, однако, стоитъ уже совершенно въ кругу тѣхъ же воззрѣній, которыя свойственны Галилею. Единственнымъ надежнымъ путемъ для проникновенія въ тайны природы онъ признаетъ строгое методичное наблюденіе. Врожденный полетъ его фантазіи мало-по-малу преобразуется въ настоящій научный геній, т. е. способность охватывать обширные ряды наблюденій такимъ образомъ, что изъ нихъ извлекается общее, вѣчное, возвращающееся, т. е. законъ природы. Находясь въ трудныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, но не столько благодаря имъ, сколько по причинѣ своего мистическаго стремленія постичь тайны природы, Кеплеръ занимался въ Грацѣ и въ Прагѣ астрологіей. Однако, онъ во время сумѣлъ отнестись иронически къ грубой и ненаучной сторонѣ тогдашней ремесленной астрологіи. Не такъ легко было отдѣлаться отъ болѣе тонкаго мистическаго тумана, внесеннаго пиѳагорейскими понятіями о мистикѣ чиселъ. Ученіе Коперника было усвоено Кеплеромъ съ необычайномъ жаромъ; однако, его первое сочиненіе Mysterium Cosmographicum еще не подвинуло сколько нибудь впередъ ученіе Коперника.

Никакая пиѳагорейская или платоновская мистика чиселъ, даже при самомъ остроумномъ ея примѣненіи, не могла привести Кеплера къ тѣмъ идеямъ, которыя могли быть даны лишь упорнымъ наблюденіемъ и тщательнымъ вычисленіемъ; наоборотъ, ученіе пиѳагорейцевъ и послѣдователей Платона скорѣе можно было привесть въ согласіе съ ученіемъ Коперника, по которому движеніе планетъ совершается по точнымъ круговымъ линіямъ. По счастью, мистику Кеплеру пришлось пройти суровую школу великаго практика-вычислителя Тихо Браге. Это былъ рѣшительный поворотъ, который сдѣлалъ Кеплера настоящимъ ученымъ. Тихо Браге какъ разъ въ это время находился на своемъ островѣ въ Зундѣ, гдѣ занимался наблюденіями подъ покровительствомъ императора Рудольфа II. Здѣсь ему потребовался терпѣливый и знающій ученикъ, который могъ бы продолжить и обработать многолѣтнія наблюденія, произведенныя Тихо Браге надъ планетой Марсомъ; счастливый случай свелъ тихо съ Кеплеромъ. Совмѣстной работѣ, правда, быстро положила конецъ смерть Тихо въ 1601 г.; но богатый, собранный Тихо матеріалъ остался въ рукахъ Кеплера и онъ обработалъ его въ новомъ, совершенно отличномъ отъ Тихо, направленіи. Какъ нарочно, орбита Марса, послѣ орбиты Меркурія, есть наиболѣе удлиненная или, какъ говорятъ астрономы, наиболѣе эксцентричная изъ орбитъ всѣхъ большихъ планетъ. Марсъ то приближается къ солнцу на 27 милліоновъ географическихъ миль, то удаляется отъ него на 33 милліона. Точное наблюденіе должно было рано или поздно обнаружить, что путь этой планеты имѣетъ форму не круга, но эллипса.

Долгое время Кеплеръ со своими пиѳагорейскими понятіями о совершенствѣ круга боролся съ результатами своихъ собственныхъ наблюденій; наконецъ онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Послѣдняя ложная традиція древности, еще удержанная Коперникомъ и смѣшанная со всей

мистикой чиселъ, должна была уступить давленію фактовъ и наблюденій. Послѣ цѣлаго ряда попытокъ примирить факты съ круговымъ движеніемъ, Кеплеръ установилъ свой, такъ называемый, первый законъ: пути планетъ—эллипсы и солнце находится въ одномъ изъ фокусовъ этихъ эллипсовъ. Въ 1609 г., въ томъ самомъ году, когда Галилей проникъ своимъ телескопомъ въ небесныя глубины первый законъ Кеплера былъ обнародованъ въ его знаменитой книгѣ: «Новая астрономія о движеніяхъ звѣзды Марса». Въ то же время былъ обнародованъ и второй законъ, высказывающій ту мысль, что линія, проведенная отъ планеты къ солнцу (причемъ планета и солнце разумѣются, какъ матеріальныя точки)—эта линія описываетъ въ равныя времена равныя поверхности. Такъ какъ длина этой линіи, благодаря эллиптической фигурѣ орбиты, бываетъ то меньше, то больше, то этотъ законъ, очевидно, выражаетъ не что иное, какъ увеличеніе скорости движенія планеты по мѣрѣ приближенія ея къ солнцу.

Послѣ появленія этого труда, Кеплеру пришлось провести девять трудныхъ лѣтъ въ борьбѣ съ матеріальными обстоятельствами. Это испытаніе не остановило полета его мысли. 15 мая 1618 г. онъ обнародовалъ третій изъ названныхъ его именемъ законовъ. Кеплеръ показалъ, что квадраты временъ обращенія планетъ относятся между собой, какъ кубы среднихъ разстояній этихъ планетъ отъ солнца; такимъ образомъ, зная времена обращеній двухъ планетъ и среднее разстояніе одной изъ нихъ отъ солнца, мы можемъ прямо вычислить среднее разстояніе другой. Здѣсь было такимъ образомъ открыто весьма важное соотношеніе между различными планетами. Впервые закономъ Кеплера воспользовались Кассини и Рише въ концѣ XVII вѣка для вычисленія разстоянія между землей и Марсомъ. Почти въ то же время Галлей, англійскій астрономъ, предложилъ точное наблюденіе прохожденія Венеры передъ солнечнымъ дискомъ для возможно точнаго измѣренія непосредственнаго разстоянія между солнцемъ и землей. Зная среднее разстояніе земли отъ солнца, мы можемъ уже, путемъ вычисленія, опредѣлить другія планетныя разстоянія. Этотъ третій законъ Кеплера былъ обнародованъ въ книгѣ «Гармонія міра». («Harmonices Mundi» въ 1619 г. въ Минцѣ). Къ этой книгѣ Кеплеръ написалъ предисловіе, въ которомъ звучитъ справедливая гордость. Здѣсь сказано: «послѣ долгихъ напрасныхъ усилій, наконецъ снизошелъ на меня свѣтъ изумительнаго познанія; здѣсь передъ вами результатъ моихъ изслѣдованій; будетъ ли мой трудъ прочтенъ современниками или же позднѣйшимъ поколѣніемъ, это мнѣ все равно; во всякомъ случаѣ, спустя сто лѣтъ я найду читателей». Не прошло и половины назначеннаго срока, когда нашелся читатель, не только прочитавшій книгу Кеплера, но вычитавшій изъ нея основной законъ, управляющій всѣми извѣстными свѣтилами. Этимъ читателемъ былъ Исаакъ Ньютонъ. Горькой ироніей звучитъ послѣ этого предисловія тотъ фактъ, что Кеплеру пришлось употребить цѣлый годъ для защиты своей престарѣлой матери, которая на ея швабской родинѣ была обвинена, какъ вѣдьма, и лишь благодаря необычайнымъ усиліямъ спаслась отъ пытки и костра. Такъ мрачны были еще тѣни средневѣковыхъ суевѣрій въ ту эпоху, которая уже застала Кеплера и Галилея. Десятилѣтіе спустя великій наблюдатель погибъ жерт-

вой чрезмѣрныхъ трудовъ и переутомленія, какъ разъ въ то время, когда въ 1630 г. въ Регенсбургѣ онъ велъ дѣло противъ своего послѣдняго господина—обанкротившагося Валленштейна.

Мы не задаемся цѣлью писать исторію астрономіи; здѣсь отмѣчаются лишь тѣ астрономическія открытія, которыя существенно расширили общее міросозерцаніе. Поэтому мы вынуждены сдѣлать нѣкоторый скачекъ и, пропустивъ второстепенныя связующія звенья, мы прямо перейдемъ къ Ньютону.

Жизнь Ньютона съ внѣшней точки зрѣнія была такою же мирной, какъ и жизнь Коперника; если Ньютону приходилось выдерживать борьбу, то развѣ чисто внутреннюю борьбу мыслей. Во многихъ отношеніяхъ онъ шелъ путемъ совершенно противоположнымъ Кеплеру. Кеплеръ, благодаря своей желѣзной волѣ, пробился, начавъ съ мистическихъ умозрѣній и кончивъ строго индуктивнымъ методомъ. Ньютонъ (родился 5 января 1643 г.) еще съ самаго начала своихъ научныхъ трудовъ стоялъ на почвѣ, обработанной предшествуемымъ индуктивнымъ изслѣдованіемъ. Достаточно напомнить о Бэконѣ Веруламскомъ (1561—1626) г., который былъ современникомъ Кеплера. Бэконъ провозгласилъ верховенство индуктивнаго метода. Къ концу жизни и очевидно подъ вліяніемъ временно постигшаго его душевнаго разстройства, Ньютонъ предался мистическимъ умозрѣніямъ и сталъ писать примѣчанія къ апокалиптическимъ пророчествамъ.

Чисто эмпирическій путь Ньютона обнаружился даже въ его величайшемъ открытіи закона всемірнаго тяготѣнія. Существуетъ анекдотъ, что въ 1665 г., когда свирѣпствовавшая всюду чума заставила Ньютона уѣхать изъ Кембриджа на родину, случайное паденіе спѣлаго яблока навело Ньютона на мысль, что одна и та же сила, направляющая движеніе яблока, падающаго на землю, направляетъ и движеніе луны, удерживающейся въ своей орбитѣ. Справедливъ ли этотъ анекдотъ или нѣтъ, но несомнѣнно одно, что если даже случай ускорилъ мысль Ньютона, то раньше требовалась громадная подготовительная работа; рѣчь шла притомъ не только объ одномъ умозрѣніи, но и о согласованіи закона съ огромнымъ количествомъ накопившихся уже наблюденій Если дѣйствительно луна движется вокругъ солнца по тому же закону, который заставляетъ камень падать на землю, если она удерживается въ орбитѣ, благодаря соединенію первоначальной скорости, направленной по касательной къ орбитѣ, и силы тяготѣнія, то вычисленіе должно предсказать орбиту согласно съ наблюденіями. Ньютонъ сдѣлалъ опытъ вычисленія и согласованіе не получилось; на первый разъ онъ рѣшилъ, что его мысль невѣрна, хотя быть можетъ требовались лучшія наблюденія. Онъ долженъ былъ ждать. Ошибка была не на его сторонѣ, для согласованія наблюденій съ вычисленіемъ требовалось точное опредѣленіе разстоянія луны отъ земли, затѣмъ—такъ называемаго сидерическаго, т. е. звѣзднаго обращенія луны (того времени, которое необходимо лунѣ для возвращенія къ той же неподвижной звѣздѣ) и, наконецъ, требовалось знать точную длину градуса земного экватора. Ньютонъ воспользовался тѣми числами, какія были извѣстны въ его эпоху; изъ этихъ чиселъ послѣднее было совершенно невѣрно, такъ какъ тогдашнія измѣренія меридіана были еще неточны. Слѣдствіемъ было то, что вычисленное ускореніе силы земной

тяжести значительно отличалось отъ того, которое найдено Галилеемъ для земныхъ тѣлъ, напримѣръ, для падающаго яблока; это было въ 1666 г. Не прошло однако и 5 лѣтъ, какъ французскій ученый Жанъ Пикаръ, при измѣреніи земного меридіана, установилъ другія, гораздо болѣе точныя, числа. Въ 1682 г. находясь въ засѣданіи Лондонскаго Королевскаго Общества, Ньютонъ случайно узналъ о результатахъ Пикара. Извѣстіе это привело его въ необычайное волненіе; онъ хотѣлъ провѣрить свои прежнія вычисленія, но отъ сильнаго волненія не могъ этого сдѣлать; онъ попросилъ одного изъ своихъ друзей провѣрить прежнія вычисленія, положивъ въ основаніе новыя фактическія данныя; на этотъ разъ получилось удивительное согласованіе съ результатомъ Галилея. Другими словами, обнаружилось, что луна падаетъ на землю какъ разъ по тому же закону, какъ и яблоко. Такимъ образомъ Ньютонъ, воспользовавшись формулой паденія тѣлъ, могъ вычислить свой общій законъ тяготѣнія: всякія два тѣла или, точнѣе, всякія двѣ матеріальныя точки притягиваются другъ къ другу съ силой, прямо пропорціональной массѣ точки и обратно пропорціональной квадратамъ разстоянія, другими словами, на вдвое большемъ разстояніи притяженіе становится вчетверо меньше, на втрое большемъ—вдевятеро меньше, и такъ далѣе. Это великое открытіе было, вмѣстѣ съ многими другими важными результатами, обнародовано въ 1687 г. въ вѣчно памятной книгѣ, извѣстной подъ именемъ «Основаній» (полное заглавіе: «Philosophiae naturalis principia mathematica»). Самъ Ньютонъ еще на 40 лѣтъ пережилъ первое обнародованіе этого труда. Дѣйствительное значеніе закона тяготѣнія состоитъ въ той великой космической связи, которая соединяетъ между собой не только всѣ извѣстныя до сихъ поръ свѣтила, но и всѣ вообще частицы матеріальныхъ массъ: паденіе пылинки, яблока и луны, имѣющей діаметръ въ 468 миль, при среднемъ разстояніи луны отъ центра солнца на 51,800 миль—всѣ эти явленія подчинены одному общему закону. И наша земля движется такимъ образомъ вокругъ солнца и даже отдаленныя двойныя звѣзды—эти системы чудовищныхъ солнцъ, движущихся одно вокругъ другого,—подчиняются тому же закону.

Здѣсь впервые была дана одна общая точка зрѣнія, связывающая безчисленные ряды явленій. Правда, уже третій законъ Кеплера позволилъ вычислять безъ помощи прямого наблюденія неизвѣстныя еще разстоянія планетъ: но законъ тяготѣнія далъ больше этого, онъ позволилъ открывать путемъ вычисленій новыя небесныя тѣла. Такъ путемъ вычисленій былъ открытъ Нептунъ, единственно на основаніи возмущеній, испытываемыхъ другой планетой, Ураномъ. Въ мартѣ 1781 г. Уильямъ Гершель открылъ съ помощью телескопа новую планету, Уранъ. Изслѣдуя движенія Урана, пришли къ убѣжденію, что ихъ нельзя объяснить однимъ солнечнымъ притяженіемъ, что здѣсь вліяетъ нѣкоторая чуждая причина. Въ 1740 г. Бессель поставилъ задачу весьма ясно: необходимо вычислить нѣкоторое тѣло, нарушающее правильность движеній Урана. Рѣшеніе этой задачи принадлежитъ французскому математику Леверье. 31 авг. 1846 г. онъ вычислилъ положеніе еще неизвѣстной планеты. 23 сентября Галле въ Берлинѣ впервые усмотрѣлъ въ телескопъ эту планету (Нептунъ) почти точно на томъ мѣстѣ, которое было указано французскимъ астрономомъ.

Этотъ примѣръ въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, что Ньютонъ постигъ истинный механизмъ вселенной.

Однимъ изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи мысли новаго времени слѣдуетъ назвать то, что зародыши почти всѣхъ отраслей естествознанія возникаютъ въ промежутокъ между 1500 и 1700 г. Съ одной стороны открытія, сдѣланныя при посредствѣ телескопа, раскрываютъ совершенно новый, можно сказать, неожиданный міръ; съ другой стороны является способность овладѣть самымъ мелочнымъ, самымъ обыденнымъ. Оказывается, что даже то, что казалось совсѣмъ очевиднымъ, на самомъ дѣлѣ требуетъ объясненія. Коперникъ впервые показалъ, что наука собственно начинается тамъ, гдѣ кончается очевидность. На самомъ дѣлѣ, что̀ могло казаться болѣе очевиднымъ и болѣе неизмѣннымъ, нежели неподвижность земли и движеніе солнца, извѣстное уже каждому сколько-нибудь наблюдательному ребенку; а между тѣмъ именно эта очевидность оказалась обманчивою.

Перенесемся на мгновеніе въ полумракъ стариннаго Пизанскаго собора. Былъ важный церковный праздникъ, съ хоровъ раздавалось чудное пѣніе, огромная масса народа стояла колѣнопреклоненная; сквозь расписанныя окна едва проникалъ солнечный лучъ и среди этой толпы, опираясь объ одну изъ колоннъ, стоялъ 19-й лѣтній юноша; внимательно присматривался онъ не къ подробностямъ богослуженія, а къ медленнымъ колебаніямъ висѣвшаго паникадила. Мысленно сосчитывалъ онъ эти колебанія и обратилъ вниманіе на то, что и другія паникадила движутся повидимому, совершенно правильно, но каждое тѣмъ скорѣе, чѣмъ короче его длина. Изслѣдуя этотъ вопросъ, Галилей пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь существуетъ нѣкоторый правильный законъ; что скорость колебательнаго движенія наибольшая въ самой низшей точкѣ колебанія, наименьшая при приближеніи къ началу и къ концу; онъ замѣтилъ также, что продолжительность колебанія не зависитъ отъ величины размаха, но существенно зависитъ отъ длины качающагося тѣла. Такимъ образомъ были открыты законы движенія маятника. Маятникъ этотъ, повидимому, простѣйшій, ничтожнѣйшій изъ всѣхъ физическихъ приборовъ, на самомъ дѣлѣ играетъ огромную роль въ наукѣ. Еще Галилей, убѣдившись въ томъ, что колебанія маятника происходятъ въ одинаковыя времена, если только длина его остается неизмѣнною, предложилъ маятникъ въ качествѣ измѣрителя времени, что было въ 1657 г. практически выполнено Гюйгенсомъ. Въ позднѣйшее же время этимъ приборомъ воспользовались для самыхъ удивительныхъ опредѣленій. Такъ, пользуясь тѣмъ, что качаніе маятника въ своей продолжительности зависитъ также отъ напряженія силы тяжести, а стало быть и ускоренія, сообщаемаго ею, этимъ приборомъ измѣрили плотность и вѣсъ земного шара: опредѣлили также степень сжатія земного шара у полюсовъ. Наконецъ, пользуясь тѣмъ, что колебанія маятника постоянно остаются въ одной и той же плоскости и, слѣдовательно, происходя надъ движущейся поверхностью, должны обладать относительнымъ движеніемъ къ этой поверхности,—пользуясь этимъ, придумали совершенно наглядное доказательство вращенія земного шара. Устроивъ маятникъ колоссальныхъ размѣровъ, Фуко съ очевидностью показалъ, что земной шаръ дѣйствительно вращается такъ, что точки его поверхности отступаютъ отъ плоскости колебанія маятника.

Тотъ самый XVII вѣкъ, когда Галилей направилъ свой телескопъ на свѣтила, былъ также эпохою другого великаго открытія, позволившаго раскрыть тайны міроваго дѣятеля, съ помощью котораго мы способны расширить наши представленія объ отдаленныхъ пространствахъ вселенной. Рѣчь идетъ о теоріи свѣта, а именно о такъ называемой теоріи волненій или «волновой» теоріи свѣта, обоснованной Христіаномъ Гюйгенсомъ (1629—95 г.) Самъ Ньютонъ заблуждался въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ предполагалъ, что явленія свѣта происходятъ вслѣдствіе истеченія дѣйствительной свѣтовой матеріи изъ свѣтящейся точки. Оказалось, что явленіе свѣта имѣетъ совсѣмъ иное происхожденіе, что оно зависитъ отъ волнообразнаго колебанія частицъ среды, промежуточной между источникомъ свѣта и нашимъ глазомъ. Уже Ньютонъ открылъ то замѣчательное явленіе, что при пропусканіи свѣта черезъ трехгранный кусокъ отшлифованнаго стекла, т. е. черезъ стеклянную призму, каждый свѣтовой лучъ разлагается на пучекъ различно окрашенныхъ, т. е. цвѣтныхъ лучей. Около того же времени, въ 1675 г., Кассини въ Парижѣ, посредствомъ наблюденія періодическихъ наступленій затменій перваго изъ вновь открытыхъ спутниковъ Юпитера, пришелъ къ убѣжденію, что эти затменія даютъ способъ измѣрить скорость распространенія свѣта, а датчанинъ Олафъ Ремеръ дѣйствительно измѣрилъ такимъ образомъ скорость свѣта и нашелъ ее равною круглымъ числомъ 40000 миль въ секунду (это приближается къ новѣйшимъ даннымъ, по которымъ скорость свѣта въ пустомъ пространствѣ приблизительно равна 300000 километрамъ въ секунду.) Въ Магдебургѣ бургомистръ города Отто фонъ Герике, тотъ самый, который впервые изобрѣлъ простѣйшую электрическую машину, открылъ также воздушный насосъ. Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ поставить и замѣчательное открытіе итальянскаго ученаго Торичелли во Флоренціи, который показалъ, что ртутный столбъ не можетъ подняться при нормальныхъ условіяхъ погоды выше 760 миллиметровъ. Этотъ ученикъ Галилея показалъ, такимъ образомъ, что высота поднятія ртутнаго столба зависитъ отъ нѣкоторой опредѣленной силы, которою оказалось ничто иное, какъ давленіе земной атмосферы. Такимъ образомъ почти одновременно было показано, что свѣтъ доступенъ измѣренію, а воздухъ взвѣшиванію. Еще въ 1644 г. тотъ же Торичелли показалъ, что при передвиженіи изъ долинъ въ горы барометрическая высота постепенно понижается такъ, что при помощи барометра оказалось возможнымъ измѣрять, въ свою очередь, высоту горъ. Слѣдуетъ замѣтить, что значительное участіе въ этомъ открытіи принадлежитъ Паскалю, по указаніямъ котораго впервые французъ Перье взошелъ на гору Пюи де Домъ въ Оверни, имѣющую 1400 метровъ высоты, причемъ обнаружилось значительное пониженіе барометра.

Въ первой половинѣ XVII столѣтія входитъ во всеобщее употребленіе также термометръ. Какъ уже замѣчено, изобрѣтатель электрической машины, Герике, былъ также изобрѣтателемъ перваго воздушнаго насоса въ 1564 г. Каждый такой новый приборъ является великимъ завоеваніемъ науки. Даже тѣ науки, на которыхъ лежала печать старинныхъ, освященныхъ вѣками традицій, каковы прежняя алхимія и медицина

мало-по-малу преобразуются и получаютъ новое научное основаніе. Какъ разъ въ области химіи возникаетъ рядъ новыхъ теорій. Одна изъ нихъ, правда, служила долгимъ препятствіемъ для правильнаго міросозерцанія: это знаменитая теорія флогистона; она основывалась, можно сказать, на чисто научномъ заблужденіи, которое раздѣлялось весьма сильными умами, каковы Бойль, Кункель, Бехеръ, Шталь. Рѣчь шла объ объясненіи природы пламени и горѣнія. Въ то время, правда, еще ровно ничего не знали объ истинныхъ химическихъ соединеніяхъ и разложеніяхъ. Вѣсы, этотъ важнѣйшій приборъ въ рукахъ новѣйшаго химика, былъ еще грубымъ и мало примѣнявшимся инструментомъ. Еще не было извѣстно, что воздухъ состоитъ изъ смѣси разныхъ газообразныхъ веществъ; столь знакомый всѣмъ намъ кислородъ еще не былъ открытъ. Теплота, которую въ настоящее время никто не считаетъ веществомъ, а разсматриваютъ лишь какъ родъ движенія, признавалась своеобразнымъ элементомъ, которому придали особенное названіе теплорода. Если мы примемъ во вниманіе все это, то намъ станетъ понятнымъ, почему тогдашніе ученые должны были придти къ мысли, что при каждомъ горѣніи изъ горючаго вещества нѣчто выдѣляется и эти, якобы выдѣляющіяся при горѣніи вещества, называли флогистономъ, полагая, что оно примѣшано ко всѣмъ горючимъ тѣламъ въ различной пропорціи. Для того, чтобы убѣдиться, что здѣсь заключается заблужденіе, надо было, прежде всего, путемъ опыта, доказать, что при горѣніи вѣсъ веществъ не уменьшается а, наоборотъ, увеличивается вслѣдствіе присоединенія новаго вещества, по большей части кислорода. Провѣрить это можно было лишь тщательнымъ взвѣшиваніемъ какъ остатковъ, такъ и продуктовъ горѣнія, а это было слишкомъ трудно для тогдашней науки.

Если мы теперь сдѣлаемъ общій обзоръ того, что было найдено въ теченіе двухъ столѣтій, т. е. XVI и XVII вѣковъ, то придется сказать, что, каковы бы ни были тогдашнія заблужденія, въ общемъ расширеніе картины космоса далеко превосходитъ все, что было сдѣлано въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій—можно сказать съ вавилонско-египетскихъ временъ, и расширеніе это получилось не только въ смыслѣ накопленія ряда новыхъ фактовъ, но главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что каждый вновь открытый фактъ въ эти вѣка включался въ цѣлую систему понятій, образуя новое звено новаго научнаго міросозерцанія. Не удивительно, что и темныя силы, всегда возстающія противъ прогресса, стали дѣйствовать съ особеннымъ ожесточеніемъ. Первый мученикъ ученія Коперника, Джіордано Бруно, былъ обязанъ своей смертью столько же этому ученію, сколько философскому возстановленію древнихъ космическихъ идей, по которымъ природа представляла нѣчто единое, связанное общимъ взаимодѣйствіемъ. Лучшіе философскіе умы этихъ двухъ столѣтій стоятъ болѣе или менѣе близко къ этому научному движенію,—даже впавшій въ мистицизмъ Паскаль, а тѣмъ болѣе умы свободомыслящіе. Къ концу XVII столѣтія въ Голландіи мы видимъ мощный философскій умъ, играющій важную роль въ исторіи человѣческой мысли, несмотря на всю его скромность и миролюбіе. Это Бенедиктъ Спиноза (1632—77 г.), голландскій еврей, основавшій этику, которая во многихъ отношеніяхъ чище и выше тогдашнихъ христіанскихъ ученій. Этотъ самый Спиноза, отличавшійся

необычайной силой логики, выступилъ особенно энергично въ пользу всеобщей примѣнимости закона причинной связи, которую онъ распространялъ даже на всѣ дѣйствія человѣческой воли. Спиноза доказывалъ, что если бы камень могъ сознавать свои собственныя движенія, то и онъ считалъ бы себя одареннымъ волей, подобно тому, какъ мы это считаемъ. Этотъ одинокій философъ, занимавшійся шлифовкой стеколъ, подобныхъ тѣмъ, посредствомъ которыхъ Галилей и Кеплеръ расширили познаніе вселенной, сдѣлалъ въ свою очередь нѣчто равное. Онъ положилъ самую прочную основу независимой, свободной отъ всякихъ предразсудковъ, мысли.

Мы видѣли, такимъ образомъ, какъ были положены основы научнаго міросозерцанія. Однако, оставалась еще одна обширная, можно сказать необозримая область, которая въ то время едва была почата. Эта та область, которую называютъ въ узкомъ смыслѣ естествознаніемъ, т.-е. вся область минералогическихъ, геологическихъ и біологическихъ (ботаническихъ и зоологическихъ) фактовъ. Въ этой сферѣ даже къ концу XVII столѣтія было сдѣлано, сравнительно, весьма и весьма немногое. Такимъ образомъ безъ преувеличенія можно сказать, что небо было познано раньше земли и механизмъ отдаленнѣйшихъ свѣтилъ сталъ раньше понятнымъ человѣческому уму, нежели механизмъ ближайшихъ къ нему существъ и его собственнаго организма. Здѣсь мы однако должны остановиться, такъ какъ развитіе указанныхъ наукъ принадлежитъ уже выходящей изъ нашихъ рамокъ новѣйшей эпохѣ.

Прибавленіе къ первому отдѣлу.

Бытъ древнихъ скандинавовъ.

Семья.

У скандинавовъ, какъ и у всѣхъ германскихъ народовъ, семейныя связи были самыми прочными. Кругъ дѣятельности мужчины и женщины опредѣлялся старымъ обычаемъ: мужчина принадлежитъ государству, женщина—семьѣ. Отсюда вытекаетъ различное положеніе, которое занимали оба. Мужчина являлся господиномъ женщины, она повиновалась ему; но на обязанности его лежало содержать, беречь и охранять ее. Женщина не могла владѣть земельнымъ надѣломъ, но дома она управляла и распоряжалась довольно свободно. Мужчина долженъ былъ заботиться о томъ, чтобъ послѣ его смерти она, въ качествѣ вдовы, имѣла достаточно средствъ къ жизни. Женщина находилась подъ опекой мужчины, но какъ мать и хозяйка она пользовалась уваженіемъ и почтеніемъ.

Даже въ домашней жизни различается кругъ дѣятельности мужчины и женщины: «мужчинѣ плугъ, женщинѣ—веретено»: сфера дѣятельности перваго лежитъ внѣ дома, второй—въ четырехъ стѣнахъ.

Въ общемъ женщина во всемъ подчиняется волѣ мужчины, хотя исландскія саги разсказываютъ о женщинахъ, отличавшихся энергіей и твердостью характера и которыя во всѣхъ отношеніяхъ имѣли вліяніе на мужчину. Плохое обращеніе съ женщиной встрѣчается въ единичныхъ случаяхъ, рѣдко можно прочесть и о наказаніи женщинъ. Только въ одномъ случаѣ мужчина являлся неумолимымъ по отношенію къ женщинѣ: когда послѣдняя измѣняла ему. Тогда онъ имѣлъ право убить или продать ее. Но это лишь единичные случаи; въ общемъ же отношенія между супругами были хорошія. Привязанность женъ къ мужу проявлялась нерѣдко и послѣ смерти: если смерть послѣдовала отъ руки убійцы, то она первая требовала мести. Отношенія, которыя основывались на взаимномъ уваженіи, очевидно очень рѣдко могли вести къ разводу, несмотря на то, что это не представляло трудностей, если обѣ стороны изъявляли желаніе. Семья скандинавскихъ племенъ въ общемъ основывалась на моногаміи. Только въ единичныхъ случаяхъ встрѣчается многоженство и то лишь у высокопоставленныхъ особъ, въ особенности у королей. Напротивъ, случаи незаконнаго сожительства мужчины рядомъ съ законной связью являются очень частыми: избранницею часто бываетъ прислуга. Даже во времена христіанства не было этому препятствій и по словамъ многихъ священниковъ, они знали очень много такихъ связей. Эти побочныя жены часто предпочитались мужчи-

ной, что влекло за собой столкновеніе съ женой, такъ что хозяину приходилось устраивать любовницу въ отдѣльномъ домѣ. Незаконныя дѣти часто узаконялись отцами и тогда они имѣли право на его наслѣдство, если же этого не случалось, то они принадлежали сословію матери.

Бракъ у скандинавскихъ народовъ вовсе не покоился на склонности или любви, но имѣлъ въ основаніи юридическій актъ, заключенный между мужчиной и родственниками невѣсты. Поэтому на сватовство глядѣли такъ же, какъ и на каждый юридическій процессъ. Любовныя отношенія передъ первымъ сватаньемъ встрѣчаются очень рѣдко; въ такихъ случаяхъ они больше вредили, чѣмъ приносили пользу. И если даже юноша или взрослый мужчина пробовали любовными пѣснями (mansongvisur) привлечь вниманіе дѣвушки, то по исландскимъ законамъ поэтъ терялъ уваженіе, такъ какъ, по распространенному мнѣнію, эти пѣсни бросаютъ тѣнь на честь дѣвушки. Когда юноша входилъ въ лѣта, его ближайшіе родственники или же онъ самъ высматривали подходящую партію и если останавливались на комъ нибудь, то начиналось сватовство у отца или опекуна дѣвушки, который давалъ положительный или отрицательный отвѣтъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ спрашивали дѣвушку, согласна-ли она выйти замужъ. Положительный отвѣтъ опекуна зависѣлъ часто отъ общественнаго положенія сватающаго. Если оно удовлетворяло, то опекунъ дѣвушки и женихъ совершали при свидѣтеляхъ помолвку (festning). При этомъ женихъ долженъ былъ за установленную сумму выкупить дѣвушку изъ подъ опеки отца или опекуна, между тѣмъ какъ со стороны отца или опекуна устанавливался размѣръ приданаго, которое получала невѣста послѣ брака. Тутъ же назначался день свадьбы, которая не должна была быть позже годичнаго срока. Обыкновенно свадьбу устраивалъ отецъ невѣсты, но нерѣдко женихъ бралъ хлопоты на себя; въ Швеціи имѣло мѣсто послѣднее. Само празднество называлось бѣгствомъ невѣсты (brudhlaup): слово это напоминаетъ прежній хищническій бракъ, когда женихъ похищалъ свою невѣсту. Центромъ празднества являлась пирушка, которая продолжалась цѣлыми днями. Заключеніемъ юридическаго процесса былъ тотъ моментъ, когда молодые, при свидѣтеляхъ, должны были ложиться на брачное ложе. Какъ свадебный даръ молодой дарилъ на утро женѣ подарокъ, утренній даръ, который впослѣдствіи въ Норвегіи состоялъ изъ вуаля для дѣвушекъ и изъ скамейки для вдовъ. Только дѣти отъ законнаго брака считались закономъ наслѣдниками отца. Прежде всего ребенокъ послѣ своего рожденія еще не обладалъ никакимй правами; отецъ могъ его подкинуть, если ребенокъ былъ слабъ, или семья терпѣла нужду. Потому то ребенка приносили къ отцу сейчасъ послѣ рожденія и онъ рѣшалъ его участь. Если онъ принималъ новорожденнаго, то дитя обливали водой и давали первую пищу. Съ того момента отецъ уже не имѣлъ права на жизнь ребенка. Съ обливаніемъ водой обыкновенно стояло въ связи нареченіе именемъ; кто давалъ имя, тотъ долженъ былъ дать ребенку подарокъ.

Во время родовъ помогали другія женщины въ домѣ; иногда въ этомъ случаѣ примѣнялись магическія формулы. Обливаніе водой и нареченіе именемъ обыкновенно кончалось попойкой, которую устраивалъ отецъ ребенка. Первые годы своей жизни ребенокъ проводилъ въ родительскомъ

домѣ подъ присмотромъ женской прислуги. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ онъ былъ выкармливаетъ грудью матери; его пеленали и клали въ люльку. Затѣмъ онъ часто переходилъ на воспитаніе къ брату матери, или же къ одному изъ друзей отца. Этотъ пріемный отецъ обучалъ малютку всѣмъ наукамъ, берегъ его пуще своего глаза и между ними часто проявлялись самыя дружественныя отношенія. Иногда мы находимъ у одного пріемнаго отца много пріемныхъ дѣтей и между ними возникала тогда самая искренняя дружба, которая позднѣе проявлялась въ «кровномъ побратимствѣ». Если нѣсколько товарищей заключали такой союзъ, то они отрывали кусокъ дерна, смѣшивали свою кровь на обнаженной землѣ и торжественно клялись въ продолженіе всей своей жизни оставаться вѣрными друзьями. Если одного изъ поклявшихся убивали, то оставшійся долженъ былъ мстить за него; онъ также имѣлъ право на долю наслѣдства своего кровнаго брата. Дѣти обоего пола свободно растутъ вмѣстѣ; они бѣгаютъ другъ за другомъ, безъ различія въ происхожденіи.

Мальчикъ рано пріобрѣтаетъ привычки мужчины, онъ учится ѣздить верхомъ, плавать, владѣть оружіемъ, изучаетъ основныя черты законовъ, всевозможныя свѣдѣнія, которыя ему пригодятся въ жизни и подражаетъ старшимъ въ играхъ. Онъ иногда, какъ повѣствуютъ исландскія саги, упражняется также и въ поэтическомъ искусствѣ. Изъ этой области не исключается и дѣвушка, которая, впрочемъ, свои молодые годы посвящаетъ изученію домашнихъ работъ. Въ прежнее время мальчикъ становился совершеннолѣтнимъ по достиженіи 12 лѣтъ; съ XI-го же вѣка этотъ срокъ отодвинулся къ 15 годамъ. Теперь онъ принимаетъ участіе въ дѣлахъ мужчинъ. Онъ отправляется путешествовать для изученія свѣта и обычаевъ и въ то же время для пріобрѣтенія славы и богатства. Онъ поступаетъ на службу къ королю или къ предводителю, принимаетъ участіе въ походахъ викинговъ или отправляется на торговомъ суднѣ, пріобрѣтенномъ для него отцомъ, въ различныя торговыя страны сѣвера. Еще и теперь отецъ помогаетъ юношѣ совѣтомъ и этотъ охотно позволяетъ руководить собой. Очень рѣдко случается, что сынъ противится отцу изъ упрямства и самоувѣренности. Если сынъ оказывается дѣльнымъ, то нерѣдко отецъ поручаетъ ему управленіе дворомъ, который по смерти переходитъ ему, какъ фамильная собственность. Отецъ дѣлится съ нимъ даже своею властью, какъ, напримѣръ, въ Исландіи. Вѣдь сынъ долженъ продолжать родъ, справлять по умершемъ отцѣ поминки, мстить, если тотъ преждевременно умеръ отъ руки врага. Этимъ объясняется та жестокая боль, которая поражаетъ исландскаго скальда Эгилля изъ за потери сына.

Отношенія между матерью и сыновьями, по исландскимъ сагамъ, являются самыми лучшими. Мать ведетъ сыновьямъ домашнее хозяйство до тѣхъ поръ, пока они не женаты и даже послѣ женитьбы она помогаетъ имъ дѣломъ и совѣтомъ.

Незавидна была участь старыхъ людей сѣвера, физическая и духовная сила которыхъ начинала ослабѣвать. Почитаніе старости было неизвѣстно скандинавамъ.

Во время голода полагалось даже убивать старыхъ. По этому ничего нѣтъ удивительнаго, если старики прибѣгали къ самоубійству. Старческіе годы отцы проводили у дочерей, матери — у сыновей. Въ этотъ періодъ жизни женщина занимаетъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ мужчина. Это происходитъ отъ того, что старухамъ приписывали способности заниматься волшебствомъ и пророчествомъ.

Впослѣдствіи ихъ ревностно преслѣдуютъ законы, возникшіе подъ вліяніемъ христіанства, чуждающагося чародѣйства. Но въ той самой степени, какъ изчезаетъ, подъ вліяніемъ христіанства взглядъ, на старую пророчицу, напротивъ онъ возвышается относительно старца и не старыхъ женщинъ: въ этомъ направленіи новая религія вызвала перемѣну.

Къ семьѣ принадлежала также и прислуга. Въ древнее время они были рабами (praelar) и лишь впослѣдствіи являлись наемными. Въ большинствѣ случаевъ это военноплѣнные или дѣти несвободныхъ. Рабство процвѣтало, въ особенности во время викингскихъ войнъ, когда цѣлыя массы плѣнниковъ отправлялись на сѣверъ. Эти рабы считались собственностью хозяина и могли быть проданы или убиты имъ. Ихъ продажная цѣна колебалась между 1-й—3-мя марками сер. Обращеніе зависѣло отъ характера господина, но въ общемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, оно не носило тираническаго характера. Такъ какъ рабъ происходилъ изъ чужого рода, то вслѣдствіе этого съ нимъ обращались презрительно. Принудительная работа подавила многихъ физически и духовно, что можно было наблюдать даже по виду. Этимъ объясняются пѣсни, которыя издѣваются надъ видомъ раба.

Внѣшнимъ образомъ ихъ можно отличить по грубой одеждѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по коротко остриженнымъ волосамъ. Люди эти употребляются на всѣ тяжелыя работы: мужчины—для постройки домовъ, обрабатыванія земли, воздѣлыванія полей, для пастьбы скота и т. п.; женщины для ухода за скотомъ и на первомъ планѣ, для верченія ручныхъ мельницъ. Кромѣ того рабы употреблялись часто для очень опасныхъ дѣйствій; въ особенности для подкидыванія дѣтей. Вмѣстѣ съ тѣмъ рабы пріобрѣтали иногда довѣріе господина или госпожи и тогда имъ поручали нѣкоторыя отвѣтственныя должности. Эти рабы не рѣдко освобождаются. Встрѣчается это освобожденіе въ Исландіи, гдѣ нужно было обработать много земли. Одна часть является совершенно свободной, тогда какъ другая становится арендаторами по отношенію къ прежнему хозяину и исполняетъ ему работы, если онъ этого требуетъ.

И среди сѣверныхъ рабовъ проявляется иногда ропотъ и движеніе противъ господъ. Случаи, когда рабы убиваютъ своихъ хозяевъ, вовсе не являются единичными: этимъ объясняется та строгость, съ которою подавляется каждое возстаніе рабовъ.

По окончаніи земной жизни, человѣкъ, по вѣрованіямъ старыхъ скандинавовъ, продолжаетъ жить жизнью, подобной земной.

На этомъ вѣрованіи основывается масса обрядовъ, изъ которыхъ составляется похоронное торжество. Древнее историческое время сѣвера стоитъ на границѣ періода сожиганія и закапыванія труповъ. Въ пѣсняхъ Эдды встрѣчается первое: мертвыхъ кладутъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ на костеръ и сожигаютъ.

Рабы при этомъ слѣдовали добровольно за господиномъ. Еще въ X-мъ столѣтіи арабскіе писатели наблюдали сожиганіе труповъ у викин-

говъ Чернаго моря. Но въ это же время оно все болѣе уступаетъ способу закапыванія мертвыхъ и исландскія саги знакомы только съ этимъ.— Какъ только умиралъ человѣкъ, ему спѣшили закрыть глаза, ротъ и ноздри и убрать подальше отъ пережившихъ его. Существовало мнѣніе, что душа находится вблизи тѣла и можетъ причинить много несчастій.

Поэтому погребеніе старались совершить какъ можно скорѣе. Трупъ выносили изъ дома черезъ окно или черезъ отверстіе, нарочно для этого сдѣланное, чтобъ душа при возвращеніи не нашла настоящаго входа. Бодрствованіе у трупа было распространеннымъ обычаемъ. Въ большинствѣ случаевъ тѣло помѣщали подъ холмомъ, куда клали все, что любилъ покойный: оружіе, домашній скарбъ, украшенія, животныхъ, даже людей.

Большія раскопки въ болотахъ въ Даніи и Норвегіи показали, что предводители иногда закапывались вмѣстѣ съ тѣмъ кораблемъ, на котоoемъ они плавали по морю. Обычай отдавать мертвому то, что онъ люрилъ при жизни, продолжался и въ христіанскія времена, когда правиломъ считалось хоронить человѣка въ освященной землѣ; въ нѣкоторыхъ скандинавскихъ мѣстностяхъ этотъ обычай удержался и до нашего времени. Безусловной обязанностью ближайшаго наслѣдника считалось устройство поминокъ (erfiol) по покойникѣ. Поминки эти состояли изъ пирушки, продолжавшейся цѣлый день, въ которой принимали участіе иногда сотни человѣкъ. Чѣмъ больше при этомъ ѣли и пили, чѣмъ больше лицъ участвовало, тѣмъ болѣе, по мнѣнію народа, оказывалось уваженія мертвецу. Онъ самъ, по ихъ мнѣнію, присутствовалъ здѣсь: поэтому главное мѣсто оставлялось пустымъ, а передъ нимъ ставили пищу и питье такъ-же, какъ и передъ остальными. Послѣдней высшей обязанностью наслѣдника являлось угощеніе по поводу наслѣдства; послѣ этого онъ вступалъ въ тѣ права, какими пользовался покойникъ.

Домъ и дворъ.

Скандинавскій дворъ—результатъ самыхъ простыхъ общественныхъ отношеній. Въ то время, когда исторія и сага совпадаютъ, жилище человѣка состояло изъ одного строенія, которое одновременно служило для сна и для работы, при чемъ хозяинъ жилъ вмѣстѣ съ челядью. Въ срединѣ этого большого помѣщенія на каменномъ полу горѣлъ домашній очагъ, одновременно грѣвшій и освѣщавшій домъ. Трубы не было, ее замѣняла дыра въ потолкѣ, черезъ которую проникалъ свѣтъ и выходилъ дымъ. Объ этомъ домѣ древняго времени источники говорятъ очень мало. Они больше указываютъ на рядъ домовъ, которые обстоятельно рисуются въ исландскихъ сагахъ. Здѣсь дворъ состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, изъ которыхъ каждый стоитъ подъ отдѣльной крышей, но соединяется съ другими дворами. Второстепенныя постройки нѣсколько отдалены отъ главныхъ. По большей части это одноэтажные дома, покрытые разукрашенной двухскатной или мансардной крышей. Она подпирается поперечными балками и столбами и имѣетъ отверстіе для прохожденія свѣта вовнутрь дома и для выхожденія дыма. Во время непогоды отверстіе закрывается тонкой кожей, натянутой на раму. Матеріаломъ для постройки служило то, что доставляла страна. Въ Скандинавіи—почти вездѣ дерево. въ Исландіи и Гренландіи дернъ или обломки скалы. Но и здѣсь стѣны и крыши изнутри обкладывались досками.

Положеніе одной постройки по отношенію къ другой было очень различно.

Онѣ помѣщались въ одномъ ряду, одна рядомъ съ другой или же попарно, другъ за другомъ. Въ послѣднемъ случаѣ между отдѣльными парами былъ сдѣланъ крытый ходъ. Самымъ большимъ помѣщеніемъ была горница, гдѣ семья вмѣстѣ съ прислугой проводила день, гдѣ производилась работа, гдѣ ѣли и устраивали пиры. Одна или нѣсколько дверей вели въ него изъ прохода или же изъ другого зданія. Двойнымъ рядомъ столбовъ помѣщеніе дѣлилось, подобно кораблю, на 3 части. По серединѣ горѣлъ домашній очагъ, по сторонамъ котораго по продольной стѣнѣ возвышались двѣ выстланныя скамьи.

У фронтонной стѣны находилась поперечная скамейка, которая во время празднествъ предназначалась для женщинъ и дѣтей, мужчины же помѣщались на продольныхъ. Между двумя средними столбами возвышались два главныхъ мѣста (ondvegi); одно изъ нихъ предназначалось для хозяина, другое для почетнаго гостя.

Рядомъ стоящіе столбы были особенно разукрашены; не рѣдко здѣсь висѣло изображеніе того божества, котораго хозяинъ особенно чтилъ. Это внутреннее устройство нѣсколько измѣнялось въ Норвегіи и отчасти въ Швеціи. Причиной этому служило то обстоятельство, что высокое мѣсто у королей переносилось къ фронтонной стѣнѣ, отчего поперечная скамья совершенно уничтожалась.

Къ горницѣ примыкала спальная постройка. И здѣсь выстилалось пространство между внутренними и наружными столбами; тутъ семья проводила ночь. Въ этомъ случаѣ, между нѣкоторыми частями Скандинавіи замѣчалось различіе: въ Исландіи вся семья и прислуга спали въ одномъ помѣщеніи, между тѣмъ какъ въ сѣверной части континента хозяинъ и хозяйка помѣщались въ отдѣльной. Кровати были вообще не извѣстны; для спанья на полу настилались доски такъ, что двое могли помѣщаться рядомъ. На настилки клали солому или сѣно и сверху покрывало. Одѣяломъ служила верхняя одежда, мѣхъ или настоящая перина, набитая сѣномъ или перьями.

Въ головахъ мужчины клали оружіе.

Третье помѣщеніе составляло кухню, гдѣ приготовлялась пища и гдѣ собирались вечеромъ. Къ ней иногда примыкала ванная комната, которая играетъ на сѣверѣ очень большую роль.

Здѣсь стояла большая каменная печь; на нее лили воду, такъ какъ на сѣверѣ имѣютъ обыкновеніе употреблять паровыя ванны. Такая ванна принимается всѣми членами семьи по субботамъ, почему этотъ день и называется купальнымъ днемъ (laugardagr). Оба пола моются вмѣстѣ, при чемъ бьютъ другъ друга вѣниками. Всѣ эти строенія были соединены другъ съ другемъ.

Ко двору принадлежали не только эти помѣщенія, но и тѣ, которыя отдѣлялись свободнымъ пространствомъ: запасные склады, конюшни и

кузницы. Наконецъ къ нимъ присоединялось еще отдѣльное строеніе съ домашнимъ скарбомъ и земледѣльческими орудіями, сѣдельными сбруями, съ предметами торговли и многимъ другимъ. Это же строеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служило комнатой для пріѣзжихъ. Оно обыкновенно было одноэтажное; снаружи во второй этажъ вела лѣстница. У многихъ дворовъ были отхожія мѣста, но устройство ихъ было очень примитивно.

Одежда.

Шведскіе и датскіе источники даютъ намъ очень мало свѣдѣній, какъ объ одеждѣ, такъ и жилищѣ; за то исландскія саги раскрываютъ предъ нами богатый матеріалъ. Въ общемъ одежда является практичной. При этомъ украшеніе не пренебрегается. Мужчина носилъ на тѣлѣ шерстяную или полотняную бѣлую рубаху и полотняные же штаны. Сверху онъ одѣвалъ кафтанъ изъ фриза, бумажной матеріи или сукна. Кромѣ того была въ ходу короткая, но просторная верхняя одежда, родъ блузы, доходившая только до бедръ. У князей и высокихъ особъ мы находимъ эту одежду болѣе длинной, достигающей до ногъ и поддерживаемую застежкой; у бѣдняковъ камзолъ служилъ одновременно кафтаномъ и верхней одеждой. Онъ часто былъ снабженъ капюшономъ и подвязывался ремнемъ на бедрѣ.

Кромѣ того надѣвался поясъ, на которомъ должны были висѣть оружія. Поясъ же поддерживалъ штаны изъ чернаго фриза. Они доходили до колѣнъ или же снимались съ чулками. Въ первомъ случаѣ нога отъ колѣни до щиколотки завертывалась въ полоску матеріи. На ногахъ мужчина носилъ кожаные сапоги, сдѣланные изъ кожи животныхъ. Они походили больше на сандаліи и прикрѣплялись къ ногѣ ремнями. На головѣ сѣверо-германецъ носилъ обыкновенно касторовую или шерстяную шапку сѣверныхъ рыбаковъ, иногда же мѣховой чепецъ, покрывавшій затылокъ и уши. Но надѣвать его не любили, такъ какъ онъ закрывалъ волоса, красотой которыхъ очень гордился свободный мужчина. Волосы не стриглись и часто спускались до плечъ. Насколько цѣнились волосы, въ особенности, если они были русые, показываетъ заботливость, съ какой относились къ нимъ: они не только причесывались, но и мылись ежедневно. Подобнымъ образомъ ухаживали и за бородой, которая часто спускалась на грудь. Сѣверо-германецъ почти никогда не обходился безъ плаща. Въ особенности же онъ въ немъ нуждался въ дорогѣ, гдѣ онъ употреблялъ его, не только для защиты отъ непогоды и стужи, но и укрывался имъ ночью, подобно тому, какъ онъ дѣлалъ это дома. Плащъ былъ очень длиненъ и просторенъ и застегивался спереди пряжками, иногда же подшивался мѣхомъ, а сверху разукрашивался по краямъ. Обыкновенно онъ былъ сдѣланъ изъ краснаго сукна или фриза; это былъ излюбленный подарокъ, которымъ короли дарили поэтовъ.

Плащъ иногда замѣнялся четырехугольными кусками бараньяго мѣха, который употреблялся подобно нашему пледу.

Вмѣсто безрукаваго плаща въ дальнее путешествіе верхомъ употреблялось длинное удобное пальто. Его тоже дѣлали изъ фриза или ярко-краснаго сукна. Вся эта одежда предохраняла тѣло отъ стужи, а перчатки согрѣвали руки. Онѣ дѣлались или изъ матеріи, или изъ мѣха.

Украшеніемъ мужчинѣ служило оружіе. Съ нимъ онъ путешествовалъ, съ нимъ онъ появлялся на народныхъ собраніяхъ. У пояса висѣлъ мечъ, въ правой рукѣ воинъ носилъ копье или сѣкиру, въ лѣвой—щитъ. На головѣ сіялъ шлемъ, часто позолоченный. Онъ носилъ также кольца на рукахъ или въ кожаномъ карманѣ. Они служили ему иногда украшеніемъ, иногда платежнымъ средствомъ.

Бо̀льшее значеніе одеждѣ придавали женщины. На тѣло онѣ надѣвали бѣлую вырѣзанную рубашку съ короткими рукавами. Сверхъ этой рубашки онѣ носили длинное вырѣзанное верхнее платье, достигавшее до пятокъ; оно приготовлялось изъ того же матеріала и цвѣта, какъ мужской кафтанъ. О нижнихъ юбкахъ источники не упоминаютъ, зато они указываютъ на панталоны у женщинъ. Платье женщины также перетягивалось въ поясѣ. На немъ хозяйка привязывала, такъ же, какъ и въ Германіи, связку ключей и платокъ. Помимо этой одежды существовала еще и другая: юбка и корсетъ (mieder). Сѣверныя женщины знали и передники. Чулки женщинъ были длиннѣе мужскихъ, а сапоги болѣе разукрашены. Особенное значеніе придавалось волосамъ и головному убору. Длинные, красивые волосы были настоящей гордостью женщины. Еще чаще, чѣмъ мужчина, она причесывала ихъ и мыла. Употреблялась даже и помада. Болѣе другихъ цѣнились золотисто-русые волосы. Незамужнія дѣвушки распускали волосы; онѣ не носили головного убора, простая лента обтягивала голову и лобъ. Напротивъ, замужняя женщина заботливо завязывала волосы въ платокъ, такъ что они высоко поднимались на подобіе мѣшка или воронки. Головной уборъ былъ полотняный, а у знатныхъ женщинъ былъ обшитъ.

Какъ о платьѣ, такъ и о верхней одеждѣ женщинъ у насъ имѣются скудныя свѣдѣнія. Достовѣрно лишь то, что она сильно напоминала мужскую и была часто украшена бортами.

Особенное значеніе сѣверныя женщины придавали украшеніямъ. Ихъ одежда обшивалась часто золотыми бортами, на плечахъ и на груди онѣ носили красивыя пряжки, на рукахъ— круглые и спиральные браслеты. На шеи и груди лежало украшеніе: цѣпь золотыхъ или серебряныхъ брактеатъ, т. е. жемчуговъ. На пальцахъ носили кольца, подобныя браслетамъ, но нигдѣ не упоминается о серьгахъ.

Жизнь внутри и внѣ дома.

Повседневная жизнь сѣверо-германскихъ племенъ, безспорно, не была одинакова во всѣхъ мѣстностяхъ. Въ особенности жизнь и дѣятельность мужчинъ находилась въ зависимости отъ той почвы, гдѣ онъ построилъ свое жилище, и отъ тѣхъ условій, какія его окружали. Несмотря на это, до извѣстной степени, у всѣхъ сѣверо-германскихъ племенъ проявляется сходное пониманіе жизни и одинаковое времяпровожденіе. Въ особенности семейная жизнь, жизнь въ домѣ, у домашняго очага—почти всюду одинакова. Въ общемъ это жизнь по разсудку; чувство рѣдко принимается въ разсчетъ. Старый сѣверный годъ дѣлится на двѣ части— зиму и лѣто. Первая начиналась въ октябрѣ, вторая—въ серединѣ апрѣля. Время разсчитывалось зимами, а не годами. Когда солнце начинало за-

мѣтно согрѣвать человѣка, обыкновенно въ срединѣ апрѣля, тогда начиналось лѣто; если вліяніе лучей уменьшалось, около средины октября— лѣто приходило къ концу. Во всякомъ случаѣ большой вопросъ, германскаго-ли происхожденія дѣленіе года на мѣсяцы, если даже названія отдѣльныхъ мѣсяцевъ созданы на сѣверѣ и происходятъ изъ той дѣятельности, которая создавала центръ хозяйственной жизни въ различныхъ мѣсяцахъ. Безспорно рмоанскаго происхожденія семь дней недѣли, изъ которыхъ только Laugardagr, суббота, отличается отъ южно-германскихъ названій.

День начинался у сѣверо-германца, по обыкновенію, въ 6 часовъ: въ это время всѣ вставали. Однако лѣтомъ это дѣлали раньше. День продолжался до 9—10 ч., когда всѣ ложились на покой. Въ продолженіе дня семья проводила время не только въ горницѣ, но и съ особеннымъ предпочтеніемъ, въ спальнѣ. Здѣсь обыкновенно сидѣли на нѣсколько возвышавшихся скамьяхъ. Если женщина не была занята гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ, то она здѣсь приготовляла шерстяную ткань и полотно, пряла, шила и вышивала. Около нея часто играли между собой дѣти. Даже слуги часто находились въ той же комнатѣ. Въ особенности вечеромъ собиралась вся семья, хозяева и прислуга около очага и проводила время въ веселомъ разговорѣ, разсказахъ, спорахъ и импровизированномъ сочиненіи стиховъ. Помѣщеніе нагрѣвалось и освѣщалось пламенемъ очага; свѣчей тогда не знали; онѣ вошли въ употребленіе позже въ Швеціи и въ Норвегіи (со 2-й половины XI ст.). Огонь тлѣлъ до самаго утра, такъ какъ было очень затруднительно добыть его черезъ треніе или посредствомъ кремня.

Обитатель сѣвера только два раза въ день плотно ѣлъ:—одинъ разъ утромъ, другой—вечеромъ, такъ что цѣлый день оставался у него для работы. Часъ, въ которомъ происходила ѣда, не былъ точно опредѣленъ, но, кажется, что лѣтомъ онъ былъ раньше, чѣмъ зимой. Слуги ѣли вмѣстѣ съ хозяевами, какъ до сихъ поръ еще удержалось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ норвежскій крестьянинъ садится за столъ съ работникомъ. Хозяинъ сидѣлъ на возвышеніи. Никогда никто не садился ѣсть прежде, чѣмъ не совершитъ омовенія. Кушанье подавалось каждому на отдѣльномъ столикѣ, который вносился только передъ обѣдомъ, а затѣмъ снова выносился. Эти одиночные столики, кажется, имѣли когда то углубленіе для пищи, что объясняетъ происхожденіе слова блюдо (skutill).

Но вскорѣ столъ пріобрѣлъ гладкую поверхность и тогда на него стали ставить настоящіе сосуды, изъ которыхъ болѣе глубокій носитъ названіе блюда, плоскій же зовется тарелкой (diskr). Оба дѣлались изъ дерева, рѣдко изъ металла. Изъ принадлежностей стола, вилка была неизвѣстна въ Скандинавіи. Мясо разрѣзывалось ножемъ, висѣвшимъ постоянно у пояса, а къ овощамъ употребляли деревянную или костяную ложку. Жидкая пища, какъ каша или молоко, приносилась въ болѣе или менѣе большихъ мискахъ. Пища приготовлялась надъ очагомъ или согрѣвалась на горячихъ камняхъ.

Сырымъ матеріаломъ служило царство животныхъ и растеній. Изъ мясныхъ кушаній предпочитались баранина, конина, свинина и бычачье мясо; рѣдко его ѣли сырымъ, почти всегда вареннымъ. Сушеное мясо не

было рѣдкостью. Изъ птицъ гусь и куры служили пищей, а въ приморскихъ мѣстностяхъ рыбу приготовляли всевозможнымъ способомъ. Изъ растеній разводили въ особенности ячмень; рожь и пшеница, въ древнія времена на сѣверѣ, не были туземными плодами, а были привезены лишь впослѣдствіи. Изъ ячменя приготовляли кашу, извѣстную почти каждому семейству. Прежде всего, однако, онъ употреблялся для хлѣба, изъ него дѣлали маленькіе, тонкіе хлѣбцы, очень похожіе на шведскіе Flatbröd. Горохъ, бобы и рѣпа разводились тоже въ Скандинавіи для употребленія въ пищу. Вездѣ на сѣверѣ былъ распространенъ обычай приготовлять изъ молока масло и сыръ и у отдѣльныхъ хозяйствъ образовывались даже склады. Кромѣ того изъ молока готовили особенное блюдо, удержавшееся и до сихъ поръ въ Исландіи и Норвегіи; оно носитъ названіе skyr. Это простокваша, употреблявшаяся вмѣстѣ съ простымъ молокомъ утромъ и вечеромъ; не было хозяйства, гдѣ бы это отсутствовало. Питьемъ служили молоко, пиво и медъ. Ежедневнымъ напиткомъ было молоко и сыворотка. Въ торжественные дни у знатныхъ особъ почти никогда не обходилось безъ пива (ol). Оно изготовлялось изъ ячменя и наливалось въ большой котелъ, который во время обѣда или пира помѣщался на отдѣльномъ столѣ. Пили пиво изъ бокаловъ, сдѣланныхъ изъ дерева и часто роскошно разукрашенныхъ, или же изъ большихъ роговъ для питья. Послѣдніе были окаймлены серебромъ и разукрашены металломъ. Извѣстны только найденные въ Ютландіи золотые рога со старинными рунными надписями, которые по всѣмъ вѣроятіямъ употреблялись во время жертвеннаго пира. Медъ добывался изъ сотоваго меда. Это былъ самый дорогой напитокъ и употреблялся только въ торжественныхъ случаяхъ. Иногда упоминается и о винѣ, которое, конечно, привозилось изъ южныхъ странъ. Напитокъ этотъ не рѣдко употреблялся за ужиномъ. На обязанности женщины лежало тогда подавать напитокъ мужчинѣ. Нерѣдко послѣ такого пира расходились на-веселѣ. Занятія мужчины были черезвычайно разнообразны. Они состояли изъ услугъ семьѣ, общинѣ или государству. При большой отдаленности мѣстъ другъ отъ друга, каждый мужчина долженъ былъ быть ремесленникомъ для самого себя. Правда, онъ поручалъ своимъ слугамъ пасти скотъ, обработывать землю и ловить рыбу, но часто самъ принималъ участіе и въ этихъ занятіяхъ и былъ особенно дѣятеленъ, если нужно было привести въ порядокъ домъ и земледѣльческія орудія. Поэтому каждый дворъ имѣетъ своихъ кузнецовъ и большинство свободныхъ людей являются опытными въ дѣлѣ обработыванія металла и дерева. Особеннымъ уваженіемъ пользовались мужчины, выковывавшіе оружіе. За постройку мужчина брался также энергично. Онъ не только руководилъ планомъ, но и помогалъ работой. Если наступало время народнаго собранія, то обязанностью свободнаго мужчины было присутствовать здѣсь, принимая участіе въ совѣщаніяхъ. Онъ присутствовалъ также на божественныхъ торжествахъ. Уже ради одного этого онъ принужденъ былъ на нѣкоторое время года разставаться съ семьей, чему еще способствовали торговля и войны.

Благодаря положенію своей страны, сѣверо-германецъ долженъ былъ заняться мореплаваніемъ и торговлей. Съ древнѣйшихъ временъ корабли были извѣстны на сѣверѣ. Топи Ютландіи и Норвегіи оставили намъ пре-

красные экземпляры изъ перваго тысячелѣтія нашей эры, которые намъ показываютъ, насколько развито было кораблестроеніе въ первыя 3 столѣтія. Уже съ древняго времени народы сѣвера состояли въ торговыхъ отношеніяхъ съ южными сородичами и римлянами. Музеи Стокгольма, Копенгагена, Христіаніи богаты золотыми и серебряными монетами, найденными въ Скандинавіи и въ особенности на островахъ Балтійскаго моря. До временъ Августа монета эта возвращалась обратно и только послѣ этого сношенія были прерваны наступившимъ переселеніемъ народа. Но по окончаніи его торговля становится еще интереснѣе. Торговые города выростаютъ всюду. Въ южной Норвегіи процвѣталъ старый Скирингсальръ на рѣкѣ Викъ, который былъ разрушенъ Тунсбергомъ при Гаральдѣ Кудрявомъ. Это послѣдній городъ достигъ своего процвѣтанія при сынѣ Геральда Бьернѣ (Bjërn) изъ Вестфольда (Vestfold), имѣвшемъ много торговыхъ судовъ на морѣ. Въ его время гавань Тунсбергъ была всегда занята датскими и нѣмецкими судами. У западнаго берега Норвегіи въ X столѣтіи имѣлъ большое торговое значеніе Бергенъ (Bergen), на сѣверѣ Нидоросъ (Nidoros), нынѣшній Трондгеймъ (Trondheim). Въ Швеціи городъ Бирка (Birka) былъ центральнымъ торговымъ пунктомъ озера Меларъ (Mälarsee), гдѣ сталкивались датчане, шведы и славяне. Въ Даніи корабли отправляются изъ Бибы къ Фризскому или фрисландскому берегу изъ Ааруса (Aaruss) въ Норвегію, изъ Шлезвига въ нѣмецкія и славянскія земли на Балтійскомъ морѣ. Ихъ торговля распространялась очень далеко: ежегодно шведы привозили въ Константинополь мѣха своихъ животныхъ; съ греками они заключали торговые договоры, съ болгарами они торговали на Волгѣ; они проникаютъ даже въ Аравію и Багдадъ. Сѣверные музеи содержатъ до 20,000 арабскихъ и греческихъ монетъ, которыя въ то время попадали на сѣверъ. Особенно дѣятельнымъ было сношеніе сѣверныхъ государствъ съ землями фризовъ, саксовъ и славянъ.

И на британскихъ островахъ они добились у англосаксовъ и кельтовъ права производить тамъ торговлю. Даже по ту сторону Атлантическаго океана, въ Новой Шотландіи, исландцы предлагали индѣйцамъ свои товары и вели съ ними мѣновую торговлю. Со времени заселенія Исландіи, оживилась торговля между этимъ островомъ и Норвегіей. Почти неисчислимое количество торговыхъ кораблей отходятъ изъ Исландіи ежегодно; каждая сага упоминаетъ объ этомъ. Когда юноша становится совершеннолѣтнимъ, онъ проситъ отца отправить его въ заграничное плаваніе, гдѣ онъ будетъ продавать и покупать товары и изучать нравы и обычаи чужихъ народовъ. Отецъ, обыкновенно, уплачиваетъ сыну половину покупной цѣны корабля и снабжаетъ его всѣмъ необходимымъ для дороги. Предметами вывоза служатъ рыбья кожа, мѣха; предметами ввоза—ткани, хлѣбъ и медъ. Заграницей часто остаются цѣлыми годами, особенно же по зимамъ. Такимъ образомъ торговля является для многихъ мѣстностей сѣвера центральнымъ пунктомъ хозяйственной жизни, и богатство, которое въ средніе вѣка у скандинавскихъ народовъ было больше, чѣмъ теперь, покоилось въ большинствѣ случаевъ на торговлѣ. Чаще торговля была мѣновой, но рано уже выступаетъ металлъ, какъ измѣритель цѣнностей; стоимость его опредѣлялась вѣсомъ. Чеканныя монеты встрѣчаются только

съ X столѣтія у сѣверо-германцевъ. Цѣнить ихъ они научились въ западныхъ и южныхъ странахъ, у англосаксовъ и нѣмцевъ.

Монеты изъ временъ Рима цѣнились не какъ платежное средство, а какъ украшеніе. Кромѣ торговли, средствомъ обогащенія служили военные набѣги. Война, сама по себѣ, являлась любимымъ занятіемъ германца. Онъ воинъ по натурѣ и нигдѣ онъ не можетъ отрицать этого. Но совершенно особенно процвѣтало военное ремесло во времена викингскихъ войнъ, начиная съ VIII и до XI столѣтія.

Для борьбы, юноша и мужчина покидаютъ родину и возвращаются со славой и добычей. На славянскихъ земляхъ Балтійскаго моря, на саксонскомъ, фризскомъ, западно-франкскомъ берегу Сѣвернаго океана, на британскихъ островахъ въ Испаніи, Италіи, въ Восточной Европѣ, всюду появляется викингъ на своихъ длинныхъ быстрыхъ судахъ, чтобъ грабить и похищать. Рѣки ведутъ его во внутрь страны, но гдѣ быстрота теченія не позволяетъ двигаться впередъ, тамъ корабли перетаскиваются на нѣкоторое разстояніе по сушѣ. Юноша охотно служитъ у чужеземнаго князя и тогда выступаетъ въ его свитѣ. Мы находимъ норманновъ при англійскомъ дворѣ, на службѣ у папы, тѣлохранителями восточно-римскихъ царей. Это такъ называемые варяги (voeringjar, т. е. союзники).

Они были превосходные воины: примѣняя всѣ правила осторожности и увѣренности, они бурно надвигаются на врага съ громкимъ ревомъ и боевыми кликами. Иногда они нападаютъ на противника, строясь въ клинообразный боевой порядокъ. Нерѣдко въ древнѣйшихъ войнахъ принимали участіе женщины, переодѣтыя въ мужское платье. Во время битвы всѣ стоятъ за одного, одинъ за всѣхъ. Бѣгство считалось позоромъ. Всѣ борются не только мужественно и смѣло, но пускаютъ въ ходъ и хитрость. Врагъ не щадитъ никого, ни храбраго противника, ни женщины, ни ребенка.

Плѣнные обращаются въ рабство и составляютъ прекрасный предметъ торговли. Оружія, которыя служатъ сѣверо-германцу, очень разнообразны. Рядомъ со стрѣлой, лукомъ и сѣкирой, которые мы встрѣчаемъ въ самыхъ древнія времена, рано появились мечъ и копье. Мечъ длинный и обоюдоострый, часто съ красиво разукрашенной рукояткой и именемъ на клинкѣ. Въ болѣе древнее время онъ дѣлался изъ бронзы, а затѣмъ изъ желѣза. Чаще однако мечи привозились изъ далеко ушедшаго впередъ Франкскаго государства, такъ какъ большія желѣзныя залежи сѣвера еще не были найдены. Добыча мечей являлась поэтому главной цѣлью воиновъ. Оружіемъ обороны служилъ щитъ, который въ древнее время дѣлался изъ дерева или изъ металла (бронзы и желѣза).

Такіе щиты были часто искусно сработаны: края украшались фигурами и орнаментами, въ серединѣ возвышался разукрашенный бугоръ. Въ позднѣйшее время на тѣло одѣвали кольчугу, а на голову шлемъ изъ кожи или металла, который въ нѣсколькихъ мѣстахъ былъ украшенъ изображеніемъ кабана.

Мужчина одѣвался въ доспѣхи не только когда отправлялся на войну, но и когда путешествовалъ. Путешествіе являлось у сѣверянъ распространеннымъ обычаемъ и если не было основанія бояться разбойниковъ, то

все же надо было всегда разсчитывать на встрѣчу съ личнымъ или политическимъ врагомъ или съ кровожаднымъ искателемъ борьбы. Во время такихъ путешествій ярко проявлялось старо-германское гостепріимство.

Въ мѣстности, гдѣ не было заѣзжаго дома, путешественники должны были надѣяться на гостепріимство ближняго, а на сѣверѣ оно было уже испытано. Каждый чужанинъ являлся гостемъ; его подкрѣпляли пищей и питьемъ, часто во время ѣды садили на почетное мѣсто и почти никогда не отпускали безъ подарка. Но обычай не позволялъ оставаться дольше трехъ дней у одного хозяина. Высшій расцвѣтъ гостепріимства выражаютъ большія угощенія гостей, которыя происходятъ при особенныхъ обстоятельствахъ или случаются въ опредѣленное время. Большею частью это имѣло мѣсто въ зимнее время года, именно во время праздника *вейзла* или *бодхъ* или при особыхъ обстоятельствахъ, свадьбѣ, поминкахъ. Торжественныя приглашенія предшествовали пиру. Гости радостно привѣтствовались иногда поцѣлуями. Дорожныя вещи у нихъ отбирались и прятались. Тогда гости вводились въ большую горницу, гдѣ вокругъ очага происходилъ пиръ. Здѣсь привѣтствовалъ гостей хозяинъ дома, который и отводилъ имъ мѣста сообразно ихъ положенію.

Первый тостъ посвящался богамъ. Тогда начиналась общая попойка, причемъ каждый старался перещеголять другого въ этомъ искусствѣ. Иногда, въ особенности во времена викинговъ, на такомъ пиру давали клятвенные обѣты исполнить въ продолженіе года то или другое дѣло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ время проводили въ разсказахъ о похожденіяхъ, въ слушаньи скальдовъ, въ разрѣшеніи загадокъ, въ импровизированномъ сочиненіи стиховъ. Бились объ закладъ относительно превосходства извѣстныхъ лицъ. Иногда приглашали гадалку, которая предсказывала присутствовавшимъ, что принесетъ имъ будущее. Такъ проходили дни торжества, послѣ чего гости надѣленные подарками возвращались на родину.

Кромѣ торжественныхъ пировъ существовало на родинѣ еще различное времяпровожденіе. Такъ вездѣ, а въ особенности въ сагахъ, упоминается объ *играхъ*, прежде всего о тѣхъ, гдѣ можно было показать свою силу и ловкость. Особенную роль играли эти пробы силъ въ Исландіи, гдѣ принимали участіе и старъ и младъ. Здѣсь мы находимъ игру въ мячъ, которая происходила или на равнинѣ или на льду большой рѣки. Участники раздѣлялись на двѣ партіи, изъ которыхъ только двое играли между собою; надо было поймать мячъ, подброшенный лаптой противника. Не рѣдко случались во время игры драки и пораненія. Эти игры въ мячѣ происходили въ присутствіи многихъ зрителей, жежду которыми были и женщины. Кромѣ игры въ мячъ, гдѣ упражнялась сила, существовало еще много и другихъ состязаній: борьба, фехтованіе оружіемъ, стрѣльба изъ лука, метаніе копья, состязаніе въ бѣгствѣ, плаваніи и катаніи на конькахъ

Сѣверо-германцевъ знаетъ пляску съ мечами и огнемъ, гдѣ требуется большая гибкость и быстрота: она состояла въ первомъ случаѣ въ скаканьи черезъ обручъ съ мечемъ, во второмъ въ прыганьи черезъ огонь. Къ этимъ древнегерманскимъ увеселеніемъ присоединились впослѣдствіи рыцарскія упражненія сѣверной части континента, вмѣстѣ съ которыми на сѣверѣ появились и танцы. Изъ всѣхъ игръ древногерманскаго періода особенно предпочитались игра въ шашки и въ кости. Мы можемъ прослѣдить ихъ до самаго древняго періода, но изъ источниковъ нельзя ясно себѣ представить происхожденіе игры въ шашки. Къ нимъ присоединяются еще и другія, пришедшія съ юга, какъ напр. шахматная игра. Но сѣверогерманцу не было свойственно пѣніе. Только впослѣдствіи оно появляется тамъ, сначала при дворахъ. Правда, еще въ древнія времена было извѣстно пѣніе въ формѣ речитатива, не сопровождаемаго аккомпаниментомъ какого либо инструмента. Этимъ объясняется, почему источники не упоминаютъ объ такихъ инструментахъ; только арфа (harpa) упоминается чаще, но раскопки не дали никакихъ указаній. Единственный инструментъ, существованіе котораго достовѣрно по раскопкамъ, это боевые рога, музыкальный тонъ которыхъ немногимъ отличался отъ современныхъ.

Религія и культъ.

Между различными божественными, на которыя намъ указываетъ Эдда, только три, какъ и у южногерманцевъ, занимаютъ выдающіяся мѣста: это Одинъ. Торъ и Фрейръ. Но и они не вездѣ пользовались одинаковымъ почетомъ. Мы находимъ много амфиктіоній, въ которыхъ мѣсто высшаго почитанія занимаетъ то одно, то другое божество. Божество не ограничивается въ своемъ вліяніи тѣмъ явленіемъ природы, изъ котораго оно произошло: напротивъ, оно почитается и призывается во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Развитіе божества шло рука объ руку съ хозяйственными и соціальными интересами области, на которой стоялъ храмъ. Рядомъ съ главнымъ божествомъ нерѣдко встрѣчаютъ второстепенныя, пользующіяся также почитаніемъ. Высшимъ божествомъ на сѣверѣ, безъ сомнѣнія, являлся Торъ: онъ, этотъ старый богъ грома, помогалъ человѣку въ работѣ, побѣждалъ своимъ молотомъ (Mjölnir) демоническую силу замерзшей земли, дѣлалъ плодородными пастбища и невидимо присутствовалъ на народныхъ собраніяхъ. Во всей Норвегіи онъ пользуется почетомъ, въ исландскихъ сагахъ разсказывается объ его храмѣ и изображеніи. Изъ Норвегіи культъ его перешелъ въ Исландію. Даже на плодородныхъ поляхъ Упсалы, гдѣ возвышался храмъ Фрейера, по указаніямъ Адама Бременскаго, изображеніе Тора стояло выше, чѣмъ Фрейера и Одина. Рядомъ съ этимъ Фрейеръ пользовался особымъ почтеніемъ въ Упсалѣ, какъ богъ плодородія. Его изображеніе во время большихъ жертвоприношеній, обвозилось жрицею по странѣ и всюду, куда бы оно ни прибывало, устраивали радостныя торжества и пиры. Культъ Фрейера переходитъ затѣмъ въ трондгеймскую амфиктіонію, гдѣ мы его и встрѣчаемъ; отсюда его перенесли негоціанты въ Исландію. Совсѣмъ особенную роль играетъ на сѣверѣ Одинъ. Культъ его очень мало распространенъ, но въ норвежско-исландскомъ миѳѣ онъ прославляется больше, чѣмъ всѣ остальные боги. Почитаніе его, кажется, перешло изъ сѣверной Германіи, черезъ Данію, въ южную Скандинавію, гдѣ оно сосредоточилось въ особенности въ западномъ и восточномъ Gautland'ѣ, въ области озеръ Венеръ и Веттеръ.

Отсюда распространяютъ предки Гаральда Кудряваго свою власть на западъ и сѣверъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они же перенесли въ Норвегію почитаніе Одина. И когда Гаральдъ соединилъ различныя мелкія государства, тогда, вмѣстѣ съ его могуществомъ и взглядами, возвысился и Одинъ въ Норвегіи: при королевскомъ дворѣ у скальдовъ, которые здѣсь удержались, онъ становится первымъ божествомъ, къ которому остальныя становятся въ болѣе или менѣе зависимыя отношенія, образуется даже особое сочиненіе стиховъ Одину: онъ становится богомъ поэтовъ, которые обязаны ему своимъ дарованіемъ, онъ дѣлается отцомъ боговъ, онъ руководитель боя, ему служатъ божественныя валькиріи, черезъ которыхъ богъ зоветъ своихъ избранниковъ съ поля битвы въ Валгаллу, Valhöll. Цари ведутъ отъ него свое происхожденіе и приносятъ ему жертвы и дары. Объ Одинѣ однако ничего не хочетъ знать обыкновенный свободный человѣкъ изъ народа, онъ всегда остается вѣренъ Тору. До самаго паденія язычества почитаніе Одина и Тора въ Норвегіи слѣдуютъ параллельно.

Кромѣ этихъ главныхъ божествъ въ стихахъ Эдды упоминаются еще и другія, культъ которыхъ отступаетъ на задній планъ. Между ними мы находимъ Njordh'a, аналогичнаго Тацитову Nerthus'у, бога теплаго воздуха и покровителя мореплавателей, Baldr'a, бога согрѣвающаго солнца, который умерщвляется слѣпымъ ходомъ (Hod), Тира, бога войны, который въ борьбѣ съ волкомъ (Fenriswolf) лишился своей правой руки; Heimdall'a сторожа боговъ, Ull'a, бога зимы, молчаливаго Vidhar'a, Bragi, молодого бога поэзіи, Loki, смѣсь красоты и порока, который своими проказами часто вводитъ боговъ въ замѣшательство и опасность, но своей хитростью скоро освобождаетъ ихъ отъ непріятнаго положенія. Между богинями первое мѣсто занимаетъ Frigg, супруга Одина, богиня брака. Къ ней примыкаетъ Фрейя, сестра Фрейера и дочь Njordhs'a; богиня любви, Idhun, супруга Bragif, которая сторожитъ вѣчную молодость боговъ и дающія молодость яблоки, молодая дѣва Gefjon, мудрая Saga, у которой Одинъ пользуется знаніемъ пѣсенъ. Къ нимъ присоединяются злая Hel, дочь Loki, властительница подземнаго царства, куда являются мертвые и въ параллель ей Ran, всепоглощающая богиня морей, супруга морского демона Aegir'a, къ которой попадаютъ всѣ погибшіе въ морѣ. Эти боги дѣлятся на два различныхъ класса: на азовъ т. е. божественныхъ, на вановъ, т. е. блистающихъ. Къ первымъ принадлежитъ Одинъ, Торъ и ихъ родня. Къ послѣднимъ Фрейеръ, Njordhr, Фрейя. Изъ одного древняго миѳа видно, что эти два круга боговъ когда то боролись между собой: договоръ послужилъ для ихъ примиренія и съ тѣхъ поръ они царствуютъ согласно.

Кромѣ этихъ боговъ въ народныхъ вѣрованіяхъ живетъ еще много миѳическихъ фигуръ. Отчасти это демоническія силы, которыя воплощаются въ великановъ, отчасти дружественныя эльфы, которыя играютъ въ воздухѣ, или карлики, исполняющіе подъ землей искусныя работы и здѣсь являющіеся царями золота, серебра и желѣза. Море и рѣки, лѣса и горы скрываютъ также подобныя демоническія фигуры и всюду души умершихъ продолжаютъ существованіе. Между злыми духами первое мѣсто занимаетъ Midhgardhsormr, сильное чудовище, которое въ видѣ змѣи окружаетъ землю, миѳическое изображеніе океана, затѣмъ Fenriswolf,

который поглотитъ солнце во время свѣтопреставленія. Водянымъ духомъ является мудрый Mimir, къ источнику котораго ходитъ ежедневно Одинъ, чтобъ заимствовать мудрость.

Собственно для вѣрованій, для религіи народа, имѣютъ значеніе только божествъ, которымъ община оказываетъ почести въ храмахъ черезъ жрецовъ. Сѣверогерманецъ почиталъ всюду своихъ боговъ въ храмахъ, которые ставились или въ честь мужского (hof) или въ честь женскаго божества (horgr). Эти храмы состояли изъ двухъ отдѣленныхъ другъ отъ друга строеній, куда вела только одна дверь. Большее строеніе предназначалось для жертвенной пирушки, въ меньшемъ находились изображенія боговъ и приносились жертвы священнослужителемъ. Изображенія въ большинствѣ случаевъ были деревянныя, но иногда дѣлались изъ благородныхъ металловъ. Они стояли на возвышеніи, причемъ предпочитаемое божество стояло въ центрѣ и возвышалось надъ остальными. На этомъ возвышеніи (stallr), составлявшемъ нѣчто вродѣ алтаря, находилось также кольцо, передъ которымъ давали клятву и которое надѣвалось на руку священникамъ во время жертвоприношеній. На другомъ возвышеніи стоялъ жертвенный сосудъ, куда сливалась кровь принесеннаго въ жертву животнаго. Жертвенной вѣткой, находящейся въ сосудѣ, священнослужитель окроплялъ изображенія боговъ и стѣны.

Почести богамъ отдавались молитвой, жертвой и жертвеннымъ пиромъ. Во время молитвы, молящіеся бросались на землю передъ изображеніемъ божества или закрывали лицо руками. Жертва могла быть отъ частнаго лица, отъ общины и государства. Каждый имѣлъ на нее право. Это дѣлалось не только по отношенію къ богамъ, но и къ духамъ умершихъ, щедрымъ помощникамъ-альфамъ, водянымъ и горнымъ духамъ. Жертвоприношеніе не было связано съ какимъ нибудь опредѣленнымъ временемъ, но производилось постоянно, когда находили нужнымъ. Даже жертвы общины и государства являются иногда въ неопредѣленное время, именно, если страну посѣщаетъ болѣзнь и голодъ. Между тѣмъ для жертвъ государства и общины существовало опредѣленное жертвенное время. По указанію Снорриса это было три раза въ году: осенью происходили благодарственныя жертвы, въ серединѣ зимы жертва и моленіе о ниспосланіи плодородія и въ началѣ лѣта просительная жертва о побѣдѣ на войнѣ. Къ этимъ жертвамъ, происходящимъ въ разныхъ мѣстностяхъ не одновременно, присоединяются иногда и другія. Жертву производятъ священнослужители (godhi или hofgodhi) или служительницы (gydhja, hofgydhja), которые не составляли особаго сословія, но часто являлись предводителями округа. Участіе въ жертвоприношеніи принимали свободные люди даннаго религіознаго союза.

Предметами жертвы были люди или животныя; послѣднее являлось почти общимъ правиломъ. Животныя убивались священнослужителями, а ихъ кровью окроплялись изображенія боговъ и стѣны съ наружной и внутренней стороны. Затѣмъ мясо варилось въ большомъ котлѣ надъ огнемъ по серединѣ жилаго храмоваго зданія и сообща съѣдалось. Тогда начинался большой жертвенный пиръ (blötveizla), но уже въ большомъ помѣщеніи. На высокомъ мѣстѣ, украшенномъ изображеніемъ бога, сидѣлъ жертвоприноситель.

При этомъ изрядно кутили: первый рогъ посвящался священнослужителемъ богамъ. Иногда такіе пиры сопровождались пѣніемъ, или разсказами о похожденіяхъ героевъ, и тѣ духовныя пѣсни, которыя мы поемъ теперь, обязаны, отчасти, своимъ происхожденіемъ этимъ жертвеннымъ пирамъ. Жертвы приносились нѣсколько дней. На это время прекращались всѣ раздоры, такъ какъ думали, что божество находится между праздновавшими. Чѣмъ больше пили, ѣли, тѣмъ болѣе почтенія оказывалось этимъ богу. Къ жертвоприношенію часто присоединялось задаваніе вопросовъ божеству, пророчество. Такъ ярлъ Гаконъ изъ Норвегіи, предпринявъ походъ черезъ Готландію, обратился во время жертвоприношенія съ просьбой къ Одину послать ему знаменіе и когда вслѣдъ затѣмъ пролетѣли двѣ, громко каркавшія вороны, онъ истолковалъ это благопріятно. Другой способъ обращенія къ богамъ съ вопросами упоминается чаще, но источники ничего не говорятъ, предшествовалъ-ли онъ или слѣдовалъ за первымъ. Онъ состоитъ въ метаньи «жертвенныхъ щепокъ» (feldr blötspann).

Названіе показываетъ уже, что и это пророчество стоитъ въ связи съ жертвой. По всей вѣроятности имѣлись палочки съ извѣстными знаками, которыя во время жертвоприношенія бросались на платокъ, и по знакамъ читали волю божества. Это тотъ же случай, который приводилъ Тацитъ, разсказывая о древнихъ германцахъ. Кромѣ этого существовалъ еще третій родъ пророчествъ. Нѣкоторые мужчины, но въ особенности женщины обладали даромъ предвидѣнія и предсказанія будущаго людямъ. Мужчины, которые этимъ занимались, пользовались дурной славой; женщины, напротивъ, высоко цѣнились и дѣятельность ихъ почиталась.

Въ зимнее время волшебницы ходили со двора во дворъ, предсказывая отдѣльнымъ членамъ хозяйства то, что принесетъ имъ будущее. Этотъ родъ предсказаній коренится въ древне-германскомъ представленіи души и въ убѣжденіи, что нѣкоторые люди обладаютъ способностью вызывать духовъ, говорить съ ними и узнавать отъ нихъ будущее, такъ какъ они только могутъ знать его. Въ этой дѣятельности они употребляютъ волшебство, которое проявляется пѣніемъ волшебныхъ пѣсенъ и въ волшебныхъ дѣйствіяхъ. Лицо, занимающееся волшебствомъ, садится съ волшебной палочкой на волшебное кресло (seidhjallr) и начинаетъ пѣть волшебныя пѣсни (ljódh или galdr), сама или ея спутницы (обыкновенно молодыя дѣвушки); эти пѣсни привлекаютъ духовъ. Когда они появляются, волшебница различными манипуляціями заклинаетъ ихъ говорить. Волшебница Thorbjörg въ Гренландіи радостно восклицаетъ, когда поющая Gudridh кончаетъ свою волшебную пѣсню: «вотъ духи появились и то, чего я раньше не знала, стало мнѣ ясно». Безъ духовъ предсказаніе волшебницъ невозможно.

Факты насъ убѣждаютъ, что этотъ способъ предсказаній является древнѣйшимъ изъ всѣхъ остальныхъ видовъ, такъ какъ прорицаніе духовъ мы находимъ почти у всѣхъ дикихъ народовъ. Къ волшебнику обращались, однако, не только за пророчествомъ, но и для принесенія пользы или вреда людямъ. Подобно тому, какъ тамъ играла главную роль волшебная пѣснь, такъ здѣсь ее замѣняетъ магическое изрѣченіе. Для этой цѣли служили магическіе знаки на рунныхъ письменахъ, когда эти послѣднія появились на сѣверѣ. Имъ приписывалась чудодѣйственная сила, которая можетъ навлечь бѣду и избавить отъ нея. Этимъ волшебствомъ пользовались для излѣченія отъ болѣзни, отъ ранъ, для облегченія родовыхъ мукъ; съ его помощью пріобрѣтали любовь дѣвушки, дѣлали тѣло неуязвимымъ и невоспріимчивымъ къ ядамъ, не допускали перемѣну погоды, запруживали воду, укрощали бури на морѣ и т. п. Съ другой стороны колдуны навлекали бѣды на людей: они поднимали бури, чтобъ въ волнахъ потопить корабль; насылали болѣзни, помѣшательство и смерть, причиняли вредъ скоту, пашнѣ и хозяйству. Счастливъ тотъ, кто знаетъ такія слова, которыя причиняютъ все это; онъ обязанъ этимъ, по вѣрованію народа, Одину, отцу волшебства. Одинъ уже забытъ, но волшебство, которому онъ научилъ, пережило столѣтія. Не смотря на всѣ старанія духовныхъ лицъ, оно еще до сихъ поръ не вполнѣ искоренено у сѣверныхъ народовъ.

Литература и наука.

Самый ранній періодъ духовной жизни древней Скандинавіи скрытъ во тьмѣ временъ, такъ какъ народъ не зналъ письменъ, чтобы изобразить свои духовныя проявленія. Сохраненіе словъ заставляетъ однако заключить, что волшебная пѣсня должна была быть извѣстной въ древнѣйшее время, такъ какъ сѣверо-германцы, какъ и южно-германцы употребляютъ въ ней одинаковыя выраженія. Но, когда письмена проникли изъ болѣе развитаго юга на сѣверъ, то они употреблялись здѣсь не для записыванія пѣсенъ и сагъ, а для волшебства и короткихъ записей. Самыми древними письменами являются рунныя съ 24 знаками, выработанными въ Германіи, въ области Рейна и Дуная, по образцу римскихъ буквъ древнихъ временъ имперіи; въ III-мъ и IV стол. они отсюда перешли въ Данію и Скандинавію. Какъ и въ Германіи, мы находимъ здѣсь эти рунныя письмена на предметахъ украшенія, въ особенности на ожерельяхъ и оружіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они иногда—сначала въ Норвегіи и Швеціи, употреблялись для надписей на камнѣ, чего мы не находили въ Германіи. Эти рунные камни замѣняютъ старые могильные камни; они часто представляютъ изъ себя крѣпкіе обломки камня, положенные, какъ памятникъ мертвецу. Этотъ обычай распространяется съ IX ст. и въ Даніи. Въ продолженіе этого времени рунные знаки потерпѣли не мало измѣненій, 24 знака сократились до 16; изъ германскаго руннаго алфавита произошелъ сѣверный, который впослѣдствіи, когда обозначенія перестали удовлетворять звукамъ, снова былъ расширенъ пунктирными рунами. Такъ напр. въ X ст. Y передавала и *k* и *g* (г), или | *i* и *e*; теперь было создано Y съ точкой рядомъ съ Y, ┼ рядомъ съ | , первые знаки для *g* и *k*, вторые для *e* и *i*. Это новое расширеніе началось въ 1000 году. Это было время, когда сѣверо-германцы, черезъ христіанское духовенство, познакомились съ алфавитомъ, употребляемымъ на западѣ и ввели его впослѣдствіи во всеобщее употребленіе. Только съ этихъ поръ начинается одинаковое записываніе духовныхъ проявленій на сѣверѣ и на югѣ. Рядомъ съ этимъ рунныя письмена держались еще цѣлыя столѣтія въ примѣненіи къ надписямъ на камнѣ, на деревянныхъ палкахъ, на вырѣзанныхъ

рунныхъ календаряхъ. Этотъ послѣдній удержался и до нашего времени у крестьянина скандинавскаго полуострова. Не смотря на то, что мы не имѣемъ до начала XII ст. никакихъ записей произведеній ума, все же не можетъ быть сомнѣнія, что еще за долго до этого времени на сѣверѣ процвѣтала поэзія. Особенно она развивалась у норвежцевъ, а въ ихъ самой южной колоніи, въ Исландіи, поэзія достигла такой высоты, какой не достигала она ни у какого германскаго языческаго племени. Не малое вліяніе на это развитіе оказали сношенія ихъ съ кельтами британскихъ острововъ. Сѣверные короли покровительствовали поэтамъ и скальдамъ, находившимъ при дворѣ ласковой пріемъ и расположеніе. Форма стихосложенія была различна: то она связывалась извѣстными правилами счета слоговъ, то представляла изъ себя нѣчто совершенно свободное. Но въ обоихъ случаяхъ строфа состояла изъ восьми строкъ, а въ стихахъ Эдды—изъ шести. Эти стихи воспѣвали дѣянія боговъ и древне-германскихъ героевъ или превозносили житейскую мудрость, или объясняли миѳическія явленія. При дворѣ процвѣтали хвалебные стихи въ честь короля и князей. Поэты, писавшіе ихъ, извѣстны намъ по имени и саги знаютъ о нихъ довольно много.

Впереди всѣхъ стоитъ старый Браги (Bragi), норвежецъ; самымъ знаменитымъ, однако, были исландецъ Эгиллъ (Egill), Гальфредръ (Hallfredhr), Сигфатръ (Sighvatr), которые оставили большое количество стиховъ. Стихи, написанные въ свободной формѣ, авторъ которыхъ не извѣстенъ, мы называемъ пѣснями Эдды. Только въ XIII столѣтіи они были записаны со всѣми измѣненіями, какія внесла устная передача. Но и въ такомъ видѣ они представляютъ для насъ обильный источникъ сѣверныхъ вѣрованій и германскихъ героическихъ сагъ. Въ нихъ разсказываются дѣянія Тора и Одина, указывается на представленія норвежско-исландскихъ племенъ о происхожденіи, устройствѣ, паденіи и обновленіи міра. Они говорятъ также про нѣмецкія саги о Зигфридѣ, Бургундахъ и ихъ паденіи, объ Атиллѣ; объ Остготскомъ королѣ Эрманрихѣ (Ermanrich) объ искуссномъ кузнецѣ Виландѣ (Viland). Къ нимъ присоединяются еще фигуры сѣверныхъ героевъ, какъ напр. норвежскаго Хельги (Helgi) и т. п. Изъ Германіи очень рано саги перешли на сѣверъ; по существу онѣ соотвѣтствуютъ указаніямъ нѣмецкихъ историковъ VI и слѣдующихъ столѣтій. Такимъ образомъ исландскія поэтическія сочиненія Эдды являются главнымъ источникомъ нѣмецкихъ сказаній о герояхъ. Но не одна поэзія процвѣтала въ Исландіи, рядомъ съ ней развивалась проза. Рядомъ со скальдами высоко ставился и разсказчикъ сказаній (sagnamadhr).

Ровнымъ изложеніемъ, понятнымъ каждому, они передавали о дѣяніяхъ выдающихся личностей или родовъ, о норвежскихъ короляхъ, или о полномъ событіи путешествій за-границу. Такъ возникла исландская сага, т. е. прозаическій разсказъ историческаго содержанія, незнакомый ни одному другому германскому племени.

До насъ дошли эти произведенія не въ первоначальной своей формѣ, но въ томъ видѣ, въ какомъ они были записаны въ XIII столѣтіи, со всѣми прибавленіями и пропусками, какіе въ нихъ внесла устная передача. Но всюду бросается въ глаза свѣжесть, жизненность и объективность, а тѣ нравы и обычаи, которые рисуются тамъ, переносятъ насъ

въ старое языческое время. Только существованіемъ долгой устной передачи разсказовъ можно объяснить тотъ фактъ, что въ XII столѣтіи записывается на пергаментъ такая обширная исландско-норвежская литература.

Отцомъ этой литературы является Ари (1068—1148). Онъ записывалъ по существу не объемистое произведеніе Islendingabok, книгу о заселеніи и древней исторіи Исландіи. Но эта книжка была волшебнымъ жезломъ, будившимъ духовъ.

Въ первоначальномъ изложеніи, которое до насъ не дошло, онъ выставлялъ предковъ главнѣйшихъ исландскихъ родовъ и норвежскихъ королей и изъ этого сухого матеріала выросъ стройный рядъ Islendingasögus и норвежскихъ сказаній о царяхъ. Знаменитые исландскіе мужи, какъ напр., Скальдъ Эгиллъ, благоразумный и твердый характеромъ Гьяллъ (Hjall), поэты Галльфредъ (Hallfredhs), Гисли (Gisli), Греттиръ (Grettir) и т. д. являются предметами біографій, жизнь Годдена (Godden), Снорри (Snorri) и его предшественниковъ описывается въ Эйрбиггія (Eyrbyggia), жизнь Олафа (Olaf) въ сагѣ Лакдола (Lakdola). Исторія острова расширяется въ Ландnámaбокъ (Landnamabok) и Стурлунга (Sturlunga); обращеніе исландцевъ въ христіанство подробно описывается въ сказаніи Kristni.

Не забываются также епископы, о которыхъ мы имѣемъ подробныя жизнеописанія; ихъ родина Норвегія. Исторія норвежскихъ королей встрѣчается нѣсколько разъ въ болѣе или менѣе подробной формѣ.

Особенно подробно исландскіе историки изслѣдуютъ жизнь двухъ Олафовъ (Olaf)—Олафа Тригфазонъ (Tryggvason) († 1000 г.) и Олафа Святого. Изъ этихъ историческихъ произведеній выше всѣхъ стоитъ Хеймскрингла (Heimskringla) Снорри Стурлюсона (Snorri Sturluson) (1179—1241), гдѣ исторія Норвегіи изображается съ древнѣйшихъ временъ до 1177 г. Это тотъ самый Снорри (Snorri), которому мы обязаны существованіемъ Эдды, настольной книги поэтовъ, содержащей въ первой части обзоръ исландско-норвежскихъ вѣрованій, во второй—собраніе перефразированныхъ стиховъ и поэтическихъ рѣчей, въ третьей—восхваленіе норвежскаго короля Гакона и его герцога Скули (Skuli); отдѣльныя строки этихъ стиховъ написаны всевозможнымъ стихосложеніемъ. Названіе Эдды происходитъ, по всей вѣроятности, отъ двора Одди въ юго-западной Исландіи, гдѣ Снорри провелъ свою юность, гдѣ долгое время процвѣтала поэзія и наука, такъ какъ Эдда означаетъ книга Одди. Снорри является выдающимся изслѣдователемъ и историкомъ Его историческое произведеніе—не сухая лѣтопись и не скучный перечень событій; лица говорятъ и дѣйствуютъ и этотъ способъ изложенія и пониманія ставитъ его даже выше Ѳукидида. Притомъ онъ пишетъ благороднымъ, чистымъ языкомъ, безъ сокращенныхъ фразъ и шероховатыхъ оборотовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является критикомъ. Современные поэты служатъ ему предметами критики. Событія онъ изучалъ прямо на мѣстѣ ихъ происхожденія въ Норвегіи. Исландская литература XIII столѣтія обязана всецѣло ему своимъ превращеніемъ въ классическую; не только онъ самъ являлся дѣятельнымъ, но онъ учредилъ еще въ мѣстѣ своего пребыванія, Beykjalolt, школу, въ которой продолжалъ жить его духъ.—Къ изложенію норвежской исторіи примыкали историческія произведенія, въ которыхъ описы-

вались событія въ другихъ сѣверныхъ странахъ: исторію датскихъ королей до Вольдемара рисуетъ Kutling'ская сага, исторію ярловъ на Orknegs— сага Orknej, исторію Taeroer—сага Taereying; о битвахъ, которыя велись сѣверными викингами въ Іомсбургѣ (Iomsburg) у вендскаго берега, разсказываетъ сага Iomsvikinga, рядомъ съ историческими разсказами выступаютъ въ XIII столѣтіи и мифическія. Сага Völsung и Bagnar въ первой части даютъ исторію Зигфрида и его рода, во второй—легендарную исторію датскаго короля ярловъ Рагнара Лодброка (Lodhbrok). Сага Hervara романтически описываетъ, частью въ формѣ пѣсенъ, смѣлыя войны въ Швеціи и у низовьевъ Дуная. Сага Фритьофа (Fridthjof), бывшая главнымъ источникомъ романтическихъ стиховъ Тегнера говоритъ о Фритьофѣ (Fridthjof) неустрашимомъ. Многія другія саги, частью вновь открытыя или же романтически разукрашенные разсказы, примыкаютъ къ этимъ. Средневѣковыя романтическія стихотворенія юга были также перенесены въ Исландію и здѣсь передавались въ прозѣ; существуютъ саги Парсевальская (Parcevalsage) Фристанская (Fristansage) Александровская (Aleksandersage) и сказаніе о заколдованномъ плащѣ и т. д. Но не только беллетристическія произведенія переводились и записывались исландцами, они то же дѣлали съ духовными и научными. Послѣ введенія христіанства началось болѣе живое сношеніе между Исландіей и южными культурными странами, въ особенности съ Германіей. Исландцы ѣздятъ въ эти мѣстности, остаются болѣе или менѣе долгое время въ нѣмецкихъ монастыряхъ или въ Парижѣ, проѣзжаютъ черезъ Германію подорогѣ въ Римъ; что-же удивительнаго, если большая часть литературы южныхъ странъ переходитъ на далекій островъ. Извѣстно, что исландцы доходили даже до Палестины, на что указываетъ путеводитель, написанный въ 1160 г. аббатомъ Николаемъ для своихъ поселянъ. Такимъ образомъ въ Исландію были перенесены части Библіи, различныя собранія гамилій, жизнеописаніе святыхъ и апостоловъ, легенды о Маріи и т. п.

Даже средневѣковые учебники физіологіи и Elucidarius можно встрѣтить въ Исландіи. Тамъ занимались даже астрономіей и ариѳметикой, писали о драгоцѣнныхъ камняхъ и привлекали уже чужія страны въ кругъ научнаго изслѣдованія. И все это писалось исключительно на родномъ языкѣ, который для исландца былъ дороже всего. Потому-то онъ иногда подробно имъ занимается; мы имѣемъ сочиненія объ исландскомъ языкѣ, именно объ гласныхъ буквахъ, принадлежащихъ еще XII-ому вѣку. Это процвѣтаніе исландской литературы вліяло и на Норвегію, но здѣсь литературная дѣятельность не достигла такого распространенія, какъ въ Исландіи.

Исторія въ общемъ отстала и только романтическая сага процвѣтала, благодаря покровительству короля Хакона Стараго: самъ онъ переводилъ Варлаамскую сагу (Barlaamsage) и по его побужденію возникли саги Элисъ (Elis), прозаическая парафраза 19 сѣверныхъ французскихъ пѣсенъ, и вѣроятно, Тидрекская сага (Thidreksage), сборникъ разсказовъ о Дитрихѣ Бернскомъ и о другихъ нѣмецкихъ сказочныхъ фигурахъ, которыя, по выраженію автора, возвращаются къ нижне-саксонскимъ стихотвореніямъ. Въ одной области, именно въ области юридической литературы, Норвегія и Исландія сдѣлали одинаковые шаги. Мы здѣсь не подразумѣ-

ваемъ законы, но записываніе частными лицами старыхъ обычныхъ правъ которыя можно сравнивать съ Weisthümern. Даже крестьянское право являлось только начертаніемъ того, чему учило время. Настоящее законодательство возникло въ Норвегіи только во времена Магнуса Хаконарсона (1263—81), который издалъ законъ всему своему государству, включавшему въ началѣ его царствованія и Исландію; но прежде всего даровалъ христіанское право, составленное архіепископомъ Іономъ.

Эти старые мѣстные законы, написанные въ отличіе отъ южно-германскихъ роднымъ языкомъ, встрѣчаются въ Швеціи и Даніи. Это единственная оригинальная литература. Въ началѣ XIV столѣтія въ этихъ странахъ царила литературная пустота и то, что писалось здѣсь въ средніе вѣка, является переводнымъ съ нѣмецкихъ произведеній.

Отдѣлъ второй.

Возрожденіе и реформація.

Послѣдствія открытія Америки.

Расширеніе нашего знакомства съ земной поверхностью всегда предшествовало временамъ высшаго умственнаго оживленія. За открытіемъ монгольскаго царства слѣдовалъ блестящій вѣкъ Данте; за открытіемъ Америки—нѣмецкая реформація; за открытіями Кука въ Южномъ океанѣ—великое потрясеніе, очагомъ котораго была Франція [1]). Но церковная реформація явилась не одна: она была слѣдствіемъ и причиною цѣлаго ряда соціальныхъ явленій, которыя всѣ болѣе или менѣе связаны съ открытіемъ Новаго Свѣта. Вскорѣ послѣ открытія Америки поняли, что это не Азія, а совершенно новая, особая часть свѣта. Постепенное ознакомленіе съ этой частью земной поверхности привлекло массу европейцевъ, особенно испанцевъ, португальцевъ, итальянцевъ въ заатлантическіе края; многіе изъ нихъ вернулись домой, развивъ свой умъ богатымъ опытомъ путешествія, но также закаливъ свое сердце противъ чужихъ страданій—вслѣдствіе привычки жестоко обращаться съ индѣйцами. Огрубѣніе испанскаго національнаго характера есть, несомнѣнно, слѣдствіе завоеванія новыхъ земель. За переселенцами безмолвно слѣдовалъ по пятамъ обмѣнъ богатствъ, и тогда впервые возникло *всемірное международное сообщеніе*. Направленіемъ, которому оно должно было неизбѣжно слѣдовать, и объясняется почти все культурное развитіе Европы до нашихъ дней. *Открытіе Америки дало именно перевѣсъ Сѣверу надъ Югомъ;* оно повело къ неизбѣжному паденію тѣхъ странъ, которымъ принадлежитъ слава этого драгоцѣннаго пріобрѣтенія. Италія перестала быть центромъ международныхъ сношеній; и даже Венеція въ своемъ укромномъ уголкѣ моря потеряла свое великое значеніе, а Англія и Нидерланды, благопріятно расположенные на морскомъ пути, развѣнчали гордую королеву Адріатики. Уже въ половинѣ XVI вѣка Антверпенъ совершенно перегналъ Венецію и развилъ до громадныхъ размѣровъ свою торговлю, въ которой приняли участіе по мѣрѣ силъ и сосѣдніе города.

Испаніи былъ нанесенъ еще болѣе тяжелый ударъ. Почти одновременно съ открытіемъ Америки пало послѣднее мавританское королевство, Гранада; испанскій народъ соединился въ одну націю, и были сломлены остатки чужестраннаго господства ислама. Испанія достигла высокаго благо-

[1]) Peschel, Geschichte der Erdkunde. S. 157.

состоянія истинно промышленнаго государства; она отправляла за-границу множество своихъ произведеній. Такъ какъ всякій прогрессъ покупается лишь цѣною заблужденій, которыя даже какъ бы вытекаютъ изъ него, то и благословенное открытіе Новаго Свѣта породило жестокое экономическое заблужденіе—меркантильную систему, которая подорвала величіе Испаніи. Эта система вытекла изъ общераспространеннаго убѣжденія, что богатство состоитъ въ деньгахъ, т. е. въ золотѣ и серебрѣ; это убѣжденіе было вызвано, главнымъ образомъ, предшествующимъ порядкомъ вещей, такъ какъ толпа была еще лишена глубокаго научнаго взгляда. Вѣдь итальянскіе города процвѣли, благодаря восточной торговлѣ, и блистали богатствомъ золота и благороднаго металла. А теперь Америка и морской путь въ Индію еще болѣе засыпали золотомъ Испанію и Португалію. Столь же быстро развились Англія и Голландія, благодаря новымъ торговымъ путямъ. Такимъ образомъ укоренилось мнѣніе, будто деньги составляютъ народное богатство, а онѣ являются въ странѣ, благодаря заграничной торговлѣ. Когда Америка наводнила метрополію небывалымъ количествомъ золота и серебра, то что было естественнѣе желанія удержать въ странѣ это постоянно возраставшее богатство путемъ строжайшаго запрещенія вывозить за-границу благородный металлъ? И въ данномъ случаѣ Карлъ V, начавшій свое управленіе изданіемъ законовъ, соотвѣтствовавшихъ этой цѣли, былъ воплощеніемъ взглядовъ, господствовавшихъ въ его время.

Послѣдствія этого заблужденія обнаружилось лишь позднѣе, въ 1550 г., послѣ открытія потозскихъ рудниковъ (1545) и послѣ первой разработки мексиканскихъ рудниковъ въ Гуанахуато (1558). Такъ какъ продолжавшійся ввозъ благородныхъ металловъ далеко превысилъ потребности, то они естественно должны были упасть въ цѣнѣ; это значитъ, что цѣна на всѣ другіе товары и на трудъ поднялась въ такой же мѣрѣ. Въ періодъ времени отъ 1550—1650 г. деньги въ Европѣ пали такъ быстро, что всѣ товары стали дороже прежняго въ $2\frac{1}{2}$ раза. При этомъ всеобщемъ вздорожаніи Испанія не могла уже производить такъ дешево; а это вызвало иностранную конкуренцію, въ особенности со стороны Нидерландовъ, которые стали производить дешево то, что они до сихъ поръ выписывали изъ Испаніи; они даже скупили, или скорѣе вымานили, у Испаніи большую часть благородныхъ металловъ посредствомъ контрабандной торговли. Затѣмъ *колоніальная система*, сродная съ меркантильной и мѣтившая на выгоды монополіи, толкнула Голландію и Англію на новые торговые пути.

Обиліе благородныхъ металловъ вызвало естественно усиленное *потребленіе*, а оно, въ свою очередь, вызвало усиленное *производство*, для котораго потребовался опять-таки усиленный *трудъ*. Преобладаніе же трудового элемента въ производствѣ постоянно содѣйствуетъ высшему экономическому и культурному развитію, дѣлаетъ человѣка независимѣе отъ косныхъ законовъ матеріи. Трудъ создаетъ и цѣнность, часть которой составляетъ избытокъ, *сбереженіе*, такъ какъ всякій трудъ не мыслимъ безъ излишка, безъ выгоды. Эти сбереженія составляютъ *капиталъ*, т. е. совокупность остатковъ отъ предшествовавшаго труда; обладаніе имъ даетъ человѣку возможность усилить и замѣнить современный трудъ плодами трудовъ прежнихъ поколѣній. Отсюда вытекаетъ новое увеличеніе произ-

водства и возрастаніе *власти*. Таковъ былъ процессъ, медленно развивавшійся въ Европѣ послѣ открытія Америки. Слѣдствіемъ этого процесса было увеличеніе богатства, или, что то же, власти производителя. Это усиленіе власти производящихъ, работающихъ классовъ, повлекло за собою соотвѣтственный упадокъ власти не работающихъ, высшихъ сословій, которыя, конечно, еще располагали богатствомъ, т. е. капиталомъ, но не въ такой степени, какъ раньше. Это постепенно возраставшее перемѣщеніе имущественнаго сословія привело неизбѣжно къ соперничеству; соперничество вызвало желаніе помѣриться наличными силами, борьбу, и наконецъ, гибель слабѣйшаго. Такова была соціальная революція, вызванная открытіемъ Америки и проявившаяся съ неудержимой силой и строгостью естественнаго закона. Поэтому можно съ полнымъ правомъ сказать, что паденіе феодализма есть слѣдствіе изобилія благородныхъ металловъ, которое, въ свою очередь, было вызвано завоеваніями.

Съ той поры образовались новыя, могущественныя денежныя державы; были основаны всемірныя биржи, а съ ними появились въ Европѣ и ихъ печальные спутники, финансовые кризисы.

Вѣкъ Фуггеровъ былъ названъ вѣкомъ зарожденія этихъ новыхъ денежныхъ державъ. Онѣ прежде всего были необходимы для великихъ войнъ (излюбленное изреченіе флорентинцевъ XV вѣка—«pecunia nervus belli» пріобрѣтало все болѣе и болѣе сильное и общее значеніе), а затѣмъ для толпы чиновниковъ—этого порожденія новѣйшаго времени. Государи старались добыть эти деньги частью накопленіемъ военной казны, частью, когда ея не хватало, особыми военными контрибуціями, частью правомъ чеканки монеты, которую они часто сильно портили, частью посредствомъ продажи должностей и коронныхъ земель. Но вскорѣ всѣ эти источники доходовъ оказались недостаточными для удовлетворенія постоянно возраставшихъ потребностей. Поэтому государи стали прибѣгать къ займамъ. Уже въ XIII вѣкѣ случались принудительные займы, но лишь въ моменты сильной личной нужды или всеобщаго патріотическаго возбужденія, такъ что ихъ едва ли можно назвать займами, потому что по нимъ никогда не платили процентовъ и ихъ рѣдко возвращали. Наоборотъ, всеобщее явленіе новѣйшаго времени—это обезпеченные займы, которые государи дѣлаютъ у большихъ финансовыхъ домовъ, частью подъ свой личный кредитъ, частью съ согласія и за поручительствомъ своихъ чиновъ.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ главной денежной силой, находившейся въ связи со свѣтскими и духовными князьями, были Медичи во Флоренціи. Въ 1470 году одинъ историкъ сказалъ про нихъ, намекая на Англію и Нидерланды: «управляя этими землями, они забрали въ руки откупа по торговлѣ шерстью и квасцами, а также всѣ другіе государственные доходы; банкирствуютъ оттуда со всѣми странами міра, въ особенности съ Римомъ, и много на этомъ зарабатываютъ». Въ началѣ XVI вѣка Медичи и другіе отдѣльные флорентинскіе дома уступили мѣсто Фуггерамъ. Фуггеры поселились въ Аугсбургѣ съ 1367 года; первый основалъ славу дома и превратилъ благосостояніе въ богатство (Яковъ II Фуггеръ (1459—1526), за которымъ слѣдовали племянники и внуки. Онъ постоянно ссужалъ деньгами короля Максимиліана I подъ залогъ помѣстій, мѣдныхъ и серебряныхъ рудниковъ, и пускался на многія рискованныя предпріятія;

однако онъ не согласился поддержать суммою въ 300.000 дукатовъ сумасбродный планъ императора сдѣлаться папой, хотя тотъ и предлагалъ ему за это огромные проценты. Онъ поддерживалъ связи и съ нѣмецкими князьями, наприм., съ майнцскимъ архіепископомъ, Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, который выплачивалъ ему долгъ изъ денегъ, собираемыхъ за разрѣшительныя проповѣди Тетцеля. Карлъ V не мало былъ обязанъ его золоту своимъ избраніемъ въ императоры, потому что Фуггеры, въ качествѣ патріотовъ, не хотѣли служить королю Франциску, хотя онъ и искалъ ихъ услугъ. Фуггеры вели дѣла съ Испаніей и Италіей. Тамъ они взяли на откупъ, который сохраняли втеченіе 100 лѣтъ, доходы испанской короны съ трехъ рыцарскихъ орденовъ, местрасгосовъ: проценты съ папскаго откупа постепенно возросли съ 57 до $110^1/_2$ милліоновъ мараведовъ (300,000 дукатовъ). Въ Неаполѣ они завѣдывали дѣлами короля Фердинанда. Самое важное значеніе они имѣли въ 1525 году; когда умиралъ основатель дома, то его состояніе достигало 2 милліоновъ гульденовъ, вмѣсто 200,000, которыми онъ обладалъ въ 1511 году. Шмалькальденская война нанесла тяжелый ударъ этому могущественному дому, несмотря на его большія дѣла, именно въ то время, и положила начало его паденію. Хотя его состояніе достигло почти 5 милліоновъ гульденовъ, но они «едва» приносили 19% годоваго дохода Но постоянно возраставшія требованія Испаніи, которыя въ 1560 году достигли 4 милліоновъ гульденовъ—извѣстіе, появившееся лишь въ XVII вѣкѣ, будто Антонъ Фуггеръ сжегъ векселя Карла V, очевидно, вымышлено—подрывали благосостояніе дома. Въ 1562 году дѣло дошло до невыгодной полюбовной сдѣлки, разложенной на многіе года; раздоры между новыми товарищами, вступившими послѣ смерти Антона Фуггера, появленіе новыхъ конкуррентовъ на всемірной биржѣ увеличивали затрудненія; обстоятельства Фуггеровъ становились все затруднительнѣе, и отсрочки платежа приносили лишь временное облегченіе. Убытокъ, который они потерпѣли на Габсбургахъ до половины XVII вѣка, простирался до 8 милліоновъ гульденовъ.

Ни одинъ нѣмецкій торговый домъ не можетъ равняться съ Фуггерами, хотя имена Вельзера и Тухера и пріобрѣли громкую извѣстность, а многіе нѣмецкіе выходцы въ Ліонѣ достигли вліянія и богатства. Наоборотъ нѣкоторые флорентинцы, въ особенности Филиппо Строцци, пользовались, кромѣ огромнаго богатства, и политическимъ вліяніемъ, которое имъ доставляли крупныя финансовыя предпріятія. Онъ и другіе богатые флорентинцы (одинъ венеціанецъ насчитываетъ въ то время до 80 флорентійскихъ семействъ, обладавшихъ капиталомъ въ 50—100,000 дукатовъ) поддерживали финансовыя связи преимущественно съ Франціей, и нѣкоторые изъ нихъ имѣли торговыя факторіи или по крайней мѣрѣ отдѣленія въ Ліонѣ; генуэзцы же держались императора и короля Испаніи и постепенно стали первыми финансовыми людьми Италіи. Сначала они дѣйствовали за одно съ Фуггерами, потомъ противъ нихъ, съ цѣлью по возможности совсѣмъ вытѣснить ихъ и замѣнить. Одинъ почти современный историкъ пишетъ, что съ 1528 года генуэзскія благородныя фамиліи съ Гримальди во главѣ, «которыя прежде занимались торговлей товарами, набросились на вексельныя дѣла и контракты съ князьями, въ особенности съ испанскимъ дворомъ». Въ одинъ годъ (1573) король Филиппъ Испан-

*

скій занялъ у генуэзскихъ банкировъ—ихъ уже тогда называли и купцами, и банкирами—болѣе милліона дукатовъ. Благодаря такой близкой связи, генуэзцы потерпѣли тяжелый ударъ при прекращеніи испанцами платежей въ 1575 году; въ 1617 году они снова понесли большія потери, благодаря новой остановкѣ; но, несмотря на этотъ горькій опытъ, сношенія не стали менѣе дѣятельными вслѣдствіе громадныхъ выгодъ, которыя они приносили отдѣльнымъ лицамъ. Но тѣмъ не менѣе эти сношенія, продолжавшіяся до конца 17 вѣка, подготовили сильный подрывъ торговыхъ домовъ и государства.

Испанія, всегда нуждавшаяся въ деньгахъ, имѣла и въ своей средѣ капиталистовъ; но они дѣйствовали лишь при помощи генуэзцевъ. Нидерландцы были не столько заимодавцы, сколько посредники, такъ какъ Антверпенъ былъ однимъ изъ главныхъ международныхъ денежныхъ рынковъ.

Денежныя дѣла, которыя находились въ рукахъ Фуггеровъ и другихъ большихъ домовъ 16 вѣка, сосредоточились на биржахъ. Послѣднія въ международныхъ сношеніяхъ замѣнили рыночныя площади и ярмарки. Биржи появились лишь тогда, когда международныя сношенія такъ расширились, что немногочисленныхъ ярмарокъ стало недостаточно; для ихъ развитія понадобилась также свобода торговли и такая соразмѣрность товаровъ, что ихъ осмотръ становился излишнимъ. Средневѣковыя биржи, существовавшія главнымъ образомъ въ Италіи и завѣдывавшія исключительно вексельными дѣлами, уступили мѣсто двумъ новымъ «всемірнымъ биржамъ», Антверпену и Ліону. Брюгге сначала совершенно затмевалъ Антверпенъ, но въ послѣднія десятилѣтія 15 вѣка онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ. Одинъ современникъ такъ объясняетъ причину этого процвѣтанія: «никто не можетъ оспаривать того, что данная купцамъ свобода была причиною благосостоянія этого города, равно какъ и прекращеніе господствовавщихъ кое-гдѣ монополій, которыми пользовались различныя сословія и корпораціи, а также дарованныя иностранцамъ льготы». Изъ двухъ, а впослѣдствіи четырехъ ярмарокъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, производилась торговля сукномъ и которыя посѣщались преимущественно англійскими купцами, и еще долго процвѣтали, развились съ 1460 года биржи; онѣ не довольствовались нѣсколькими собраніями въ годъ, но собирались ежедневно, или по крайней мѣрѣ въ очень короткіе промежутки, и ихъ посѣщали не только мѣстные купцы, но и иностранные со всего свѣта. Товарныя и денежныя сдѣлки, сначала приправленныя всевозможнымъ астрологическимъ вздоромъ, также исходили изъ Антверпена, равно какъ и дѣла съ биржевыми преміями, появившіяся съ 1541 года. Между тѣмъ какъ Антверпенъ служилъ поприщемъ для международныхъ сношеній, и дѣлами заправляли стекавшіеся отовсюду купцы, Ліонъ, начавшій свою дѣятельность тоже во второй половинѣ 15 вѣка, сдѣлался центромъ французскихъ предпріятій и пользовался особенной благосклонностью короны, прибѣгавшей къ его финансамъ. Но именно это международное сотрудничество, носящее въ себѣ благословенный залогъ культурнаго развитія, представляло то неудобство, что несчастіе въ одной странѣ подрывало весь международный рынокъ. Такіе финансовые кризисы поступили въ 1557 г. вслѣдствіе государственнаго

банкротства Франціи и Испаніи и въ 1575 году вслѣдствіе вторичнаго банкротства Испаніи. Выше было указано, какъ сильно пострадали отъ этого Фуггеры; но и обѣ большія биржи понесли значительныя потери. Но еще болѣе подорвали цвѣтущую торговлю въ Антверпенѣ религіозный фанатизмъ, а въ Ліонѣ притѣсненія фискаловъ той же короны, которая сначала сама создала величіе города всевозможными привилегіями.

На смѣну Ліону и Антверпену возвышалась Генуя, выдвинутая, какъ раньше было сказано, Испаніей. Ея не коснулись религіозныя смуты, господствовавшія во Франціи и Нидерландахъ, и тамъ развилась богатая торговля: съ 6 или 7 вѣка генуэзскія ярмарки занимали первое мѣсто въ теченіе почти полстолѣтія. «Вексельные рынки», говоритъ одинъ изъ современниковъ, сердце, дающее пищу, движеніе и жизнь таинственному организму политики». Въ то время, какъ верхне - нѣмецкая торговля (Аугсбургъ, Нюрнбергъ) все болѣе падала въ противоположность Генуѣ, началъ возвышаться Франкфуртъ на Майнѣ, какъ ярмарка и мѣсто платежей (здѣсь производилась торговля товарами, а не деньгами, какъ въ Генуѣ); и послѣ паденія Генуи онъ оставался важнымъ торговымъ и вексельнымъ рынкомъ.

Нѣмецкая торговля также сильно развилась въ 16 столѣтіи; между тѣмъ какъ южнонѣмецкіе города продолжали свои сношенія съ Италіей, сѣверо-германскіе пріобрѣли господство надъ сѣверо-восточнымъ рынкомъ. Внутренняя торговля также расширилась: ея оживленію сильно способствовало введеніе монетнаго устава въ имперіи и въ отдѣльныхъ областяхъ. Къ этому времени относится также введеніе ломбардовъ, совпадавшее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ изгнаніемъ евреевъ, которые были оттѣснены изъ денежныхъ дѣлъ даже тамъ, гдѣ они оставались. Тогда же образовались торговыя общества съ ихъ отдѣленіями, которыя, объединяя кредитъ и капиталъ, дѣлали возможными такія предпріятія, которыя были не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ. Какъ въ торговлѣ, такъ и въ ремеслѣ капиталъ произвелъ сильный переворотъ: болѣе богатые мастера ввели купеческіе порядки и превратились по отношенію къ многочисленнымъ подмастерьямъ и ученикамъ изъ заботливыхъ отцовъ въ хозяевъ. Зависимые классы составили болѣе свободные и прочные союзы, которые, не смотря на различіе своихъ отдѣльныхъ стремленій, сплочивались, чтобы представить отпоръ могуществу капитала. Внутри городовъ возникла борьба, которая служила той же цѣли: она вела, какъ мы недавно сказали, къ демократизаціи и независимости общины.

Положеніе крестьянъ тоже измѣнилось. Ихъ участіе въ судѣ и войнѣ почти вездѣ сократилось или совершенно исчезло; вмѣсто свободы, которою они до сихъ поръ пользовались, они подверглись угнетенію со стороны князей, рыцарей и городовъ. Къ безправію присоединилась еще и матеріальная нужда: барщина и натуральныя повинности, которыхъ требовали господа, все увеличивались. Дѣло дошло до того, что города потребовали, чтобы въ извѣстной мѣстности крестьяне не смѣли ни заниматься ремеслами, ни варить пива, ни печь хлѣба. Ихъ еще не такъ трогало всеобщее презрѣніе, съ какимъ относились къ нимъ писатели и памфлетисты, какъ эксплоатація ихъ богачами, въ руки которыхъ отдавала ихъ или неизбѣжная нужда, или собственное легкомысліе и расточительность

Всѣ эти обстоятельства въ совокупности вызвали страшные взрывы среди крестьянъ, которые выразились, съ начала столѣтія, въ 1514 году въ «бѣдномъ Конрадѣ», а въ 1525 г. въ великой крестьянской войнѣ въ Германіи; и хотя послѣдняя была вызвана также и религіозными мотивами, но главная ея причина коренилась въ соціальныхъ условіяхъ.

Несмотря на этотъ антагонизмъ между крестьянами и цѣлымъ свѣтомъ, между рыцарями и городами, между этими послѣдними, вмѣстѣ взятыми, и князьями, возникло нѣкоторое примиреніе между сословіями, благодаря новому образованію. Оно затронуло мѣщанъ, а потомъ постепенно и дворянъ. За то женщина, которая въ Италіи занимала такое видное положеніе, въ Германіи не играла никакой роли, за немногими исключеніями.

Возрожденіе.

Византійская имперія угасла почти незамѣченной и не оказавъ, повидимому, никакого вліянія на европейскую культуру. Палеологи не могли спасти отъ смерти одряхлѣвшій народъ: онъ долженъ былъ погибнуть отъ руки мощно надвигавшихся молодыхъ, полныхъ жизненныхъ силъ *турокъ*. Въ половинѣ XIV столѣтія они утвердились въ Европѣ, распространяя ужасъ и горе. Вѣкъ спустя, они вступили побѣдителями въ Византію, гдѣ и остались до нашихъ дней. Но, какъ бы ни презирали византійцевъ, которые погибли въ силу естественныхъ законовъ, все-таки нельзя не признать, что здѣсь были сосредоточены самые богатые образовательные элементы среднихъ вѣковъ. Византія все еще блистала красотою замѣчательныхъ памятниковъ, въ ней все еще таилась поразительная глубина знаній, обогащенныхъ, благодаря близости Востока, духовными сокровищами арабовъ и персовъ. Еще въ XIV вѣкѣ страхъ передъ приближеніемъ турокъ заставилъ многихъ византійцевъ бѣжать въ Италію и даже основаться тамъ надолго; съ Востока также являлись переселенцы въ нижнюю Италію. При такомъ сильномъ наплывѣ греческаго элемента неминуемо должны были явиться въ странѣ и духовныя силы, которыя занесли въ Италію греческую науку; а это сильно содѣйствовало уже начинавшемуся возврату къ языческимъ классикамъ. Вскорѣ платонизмъ восторжествовалъ. Этотъ свободомыслящій гуманизмъ, нахлынувшій на Италію изъ медицейской Флоренціи, пріобрѣлъ сильное вліяніе, несмотря на многія языческія черты, а подчасъ и языческія воззрѣнія, вызвавшія впослѣдствіи реакцію. Ученыя занятія не служили болѣе однимъ богословскимъ цѣлямъ; теперь они сами стали основою обще-человѣческаго образованія. Въ особенности въ Германіи они принесли много пользы церкви и наукѣ, будучи приспособлены самымъ разумнымъ образомъ: съ этимъ связана дѣятельность итальянскихъ и нѣмецкихъ гуманистовъ. Это древнѣйшее теченіе греческаго образованія разлилось такимъ образомъ по Западу и Сѣверу Европы и стало источникомъ западно-европейской духовной жизни.

Въ этомъ движеніи эллинизма приняли участіе рядъ мужей Италіи и во главѣ всѣхъ знаменитый *Альдусъ Мануціусъ*. Его заслуга состояла не только въ томъ, что онъ устроилъ въ 1488 году первую типографію въ Венеціи, усовершенствовалъ книгопечатаніе и ввелъ латинскій шрифтъ, но, главнымъ образомъ, въ его вліяніи на умственную жизнь его современниковъ, благодаря изданнымъ имъ въ первый разъ 28 классикамъ.

Названіе «Возрожденія», которымъ обыкновенно характеризуютъ сущность этого великаго періода, вызвавшаго *переворотъ во всемірной исторіи*, неправильно. Вѣдь здѣсь собственно дѣло идетъ не о возрожденіи древняго міра, но о совсѣмъ *новомъ* умственномъ направленіи, которое только опиралось на болѣе точное изученіе древнихъ классиковъ. Конечно, теперь усерднѣе отыскивали и изучали произведенія древняго искусства, и классическая древность предстала передъ современниками въ идеальномъ свѣтѣ. Но сущность возрожденія не заключается ни въ частномъ, ни въ полномъ подражаніи древнимъ, ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ. Правда, *гуманисты* черпали изъ источника древности, но они пошли гораздо дальше нея. Такъ, Возрожденіе захватило вѣдь и соціальную и политическую жизнь XV и XVI столѣтія; его значеніе состоитъ въ расторженіи узъ между образованнымъ человѣчествомъ той эпохи и средними вѣками, въ освобожденіи его отъ оковъ средневѣковаго духа, задачи котораго были выполнены, идеалы отжили, державы пришли въ упадокъ. Словомъ, это была эпоха, когда человѣчество, въ силу естественнаго закона развитія должно было *покинуть*, *побороть* ту *ступень культуры среднихъ вѣковъ*, которой оно достигло съ такимъ трудомъ. «Возрожденіе» обогатило насъ многими новыми истинами, на которыя опирается современное зданіе науки. На смѣну рабскаго чувства зависимости отъ высшей, таинственной власти, которое руководило народами и отдѣльными личностями, выступило сознаніе собственной силы, а у многихъ понятіе о свободѣ. Это новое, идеальное направленіе проявилось съ особенной силой въ области искусства; его произведенія далеко превосходятъ данныя науки, хотя именно на нихъ всецѣло отразилось вліяніе стремленій и духа гуманистовъ. Подобно тому, какъ эти послѣдніе замѣнили узкую науку среднихъ вѣковъ широкимъ образованіемъ, такъ и художники не довольствовались исключительнымъ изученіемъ той или другой отрасли искусства,—это считалось признакомъ бездарности,—но стремились овладѣть техникой всѣхъ отраслей искусства. Леонъ Батистъ *Альберти* соединилъ въ своемъ лицѣ архитектора, живописца, музыканта и поэта; *Леонардо да Винчи*—архитектора, скульптора, инженера, военнаго техника, музыканта и импровизатора.—*Микель-Анжело*, его современникъ, былъ въ одно и то же время архитекторъ, скульпторъ, живописецъ, и поэтъ. Законъ о раздѣленіи труда не признавался. При этомъ весь вѣкъ проникнутъ свѣжимъ вѣяніемъ любви къ природѣ, проявлявшимся одновременно въ наукѣ и искусствѣ. Но *объективной* истины нельзя искать ни въ художественныхъ произведеніяхъ «Возрожденія», ни въ другихъ проявленіяхъ его духа. Стремились передать главнымъ образомъ красоту внѣшняго образа, подобно тому, какъ сочиненія гуманистовъ проникнуты горячей струей идеальнаго стремленія къ добру. Обыденная польза и истина были тогда еще непонятны. Весь вѣкъ дышалъ такой поэзіей, что ея цвѣты скрасили бы сухую прозу истины, если бы тогда уже поняли ея сущность. Прелестная игра фантазіи проявилась въ развитіи литературъ почти

всѣхъ культурныхъ народовъ; но она облекла въ искусствѣ прошедшее въ одежду современности. Наконецъ чувство прекраснаго проявилось въ вдохновенномъ изображеніи наготы, въ пониманіи драпировки и въ томъ значеніи, которое придавалось изгибу линій и пластикѣ формъ. Самый глубокій почитатель классической древности «не можетъ не сознавать, что скульптура Возрожденія, проникнутая средневѣковой задушевностью, шагнула дальше древней. Внѣшней красоты образа, въ такой мѣрѣ, какъ умѣлъ передавать ее рѣзецъ греческихъ художниковъ, Возрожденіе не достигло, да врядъ-ли она достигнута и нами; но вдохнуть мертвому камню не только живую, но и чувствующую душу, эту задачу, неразрѣшенную древними, пластика и живопись вновь возродившихся искусствъ разрѣшили съ поразительнымъ успѣхомъ» [1]).

Переходъ къ «Возрожденію», говоритъ Яковъ Фальке, есть не только переходъ изъ одного стиля въ другой, но также изъ одной страны въ другую, съ сѣвера на югъ. Подъ вліяніемъ готическаго искусства Сѣвера, которое почти возвело въ принципъ неправильность внѣшняго плана и совершило великую ошибку, примѣнивъ архитектурныя правила ко внутреннему убранству, вслѣдствіе чего мебель стала груба и неподвижна, вошла въ обычай извѣстная неправильность и во внутреннемъ расположеніи. Возрожденіе возстало противъ этого; оно превратило фасадъ въ законченное цѣлое и расположило рядъ комнатъ, въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что явилась гармонія между внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ.

Прежде всего исчезла главная характеристическая черта прежняго періода—палата, и гдѣ она еще оставалась, какъ, напр., въ лихтенштейнскомъ дворцѣ и въ вѣнскомъ бельведерѣ, тамъ она служила постороннимъ цѣлямъ: во дворцѣ Морозини въ Венеціи въ нее складывали оружіе, иногда въ ней помѣщались слуги, наконецъ, она превратилась въ переднюю или просто въ сѣни. Все стараніе сосредоточилось на обыкновенной отдѣлкѣ домашнихъ комнатъ. Здѣсь мы замѣчаемъ прежде всего превращеніе средневѣковаго бревенчатаго потолка въ античный граненый потолокъ, сдѣланный изъ дерева, либо сохранявшаго свой природный цвѣтъ, либо выкрашеннаго великолѣпною голубою краской и расписаннаго золотомъ. Иногда потолки украшали лѣпной работой, лучшимъ образцомъ которой служитъ потолокъ въ виллѣ «Мадома» (бѣлая лѣпка на голубомъ фонѣ). Стѣны украшали либо деревянной обшивкой, либо гобеленами, либо кожаными тиснеными и раскрашенными обоями; въ 15 в. послѣдніе отличались особенной красотой отдѣлки въ Андалузіи, въ 16 вошли во всеобщее употребленіе, а въ 17 мало-по-малу исчезли совершенно. Только въ Швеціи они до такой степени привились, что еще и до сихъ поръ ихъ можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ избахъ. Гобелены были очень распространены всюду, до самаго обыкновеннаго мѣщанскаго жилища. Но слѣдуетъ замѣтить, что они служили лишь для оклейки стѣнъ; только въ началѣ 18 в. во Франціи вошло въ моду обивать ими мебель. Въ большомъ употребленіи были вышитые ковры, которые особенно искусно изготовлялись въ Генуѣ и Миланѣ; но все-таки они не могли вполнѣ

[1]) Dr. Karl Freiherr du Prel, Unter Tannen und Pinien. Wanderungen inden Alpen, Italien und Montenegro. Berlin 1875. 8° S. 197.

вытѣснить великолѣпныя матеріи, привозившіяся съ Востока. Жилища стремились также къ удобству и уютности. Впервые появились кресла и стулья съ мягкой обивкой, причемъ, однако, подушки не вышли изъ употребленія; но количество мягкой мебели все увеличивалось, и она все болѣе и болѣе вытѣсняла скамейки, которыя въ средніе вѣка непрерывно тянулись вдоль стѣнъ. Но онѣ не совсѣмъ исчезли. Напротивъ, въ періодъ «Возрожденія» онѣ пріобрѣтаютъ двоякое значеніе, именно, какъ сидѣнье и ящикъ. Въ качествѣ послѣдняго скамейка украшалась съ трехъ сторонъ искусной рѣзьбой. «Возрожденіе» освободило отъ стѣны и стѣнной шкапъ и такъ изукрасило его, что съ той поры эта мебель пріобрѣла, можно сказать, разъ навсегда соотвѣтственную художественную форму. Устройство его архитектурное, какъ этого требуетъ его назначеніе. Много старанія было употреблено на украшеніе кровати. Ея ноги обыкновенно имѣютъ форму какого-нибудь животнаго; бока покрыты рѣзьбою; по угламъ возвышаются въ видѣ каріатидъ 4 колонны, поддерживающія на своихъ капителяхъ балдахинъ; тяжелыя занавѣсы изъ роскошной матеріи, обшитыя серебряной бахромой съ кистями ниспадаютъ складками и закрываютъ бока. Внутри кровать покрыта дорогимъ кружевнымъ одѣяломъ въ венеціанскомъ вкусѣ. Вотъ въ главныхъ чертахъ изображеніе итальянскаго жилища временъ «Возрожденія», которое вполнѣ соотвѣтствуетъ величію этой художественной эпохи. Къ Сѣверу отъ Альпъ мы, конечно, находимъ то же самое, точка въ точку, только въ меньшихъ размѣрахъ; блескъ наполовину слабѣе, свѣтъ и краски блѣднѣе. Вообще благосостояніе было еще такъ невелико, что роскошь не скоро еще стала потребностью жизни, и лишь французскіе короли да самые богатые патриціи Германіи, вродѣ Фуггеровъ, могли украшать свои дворцы, подобно итальянскимъ князьямъ и дворянамъ.

Весьма знаменательно, что «Возрожденіе» обозначаетъ переходъ изъ одной страны въ другую, съ сѣвера на югъ, ибо съ начала среднихъ вѣковъ національный элементъ никогда не выражался въ самыхъ формахъ, но лишь въ способѣ ихъ употребленія и отдѣлки. Причину этого явленія мы можемъ искать прежде всего въ родствѣ происхожденія новыхъ культурныхъ народовъ Европы, которое сдѣлало возможнымъ распространеніе общей религіозной системы. Такъ съ самаго начала возникла общая, формальная система, сначала въ архитектурѣ; и ей подчинились всѣ національности, измѣняя ее лишь въ извѣстныхъ границахъ, на основаніи своихъ особенныхъ свойствъ. То же самое происходило и въ развитіи *языковъ*, которые распались на романскіе и германскіе; но въ этомъ кругу видоизмѣнялись лишь сообразно особымъ свойствамъ, въ данномъ случаѣ особымъ этическимъ примѣсямъ древнѣйшихъ расъ. Разница въ стилѣ Среднихъ Вѣковъ и Возрожденія вытекаетъ не изъ національныхъ причинъ; она связана вообще съ новымъ развитіемъ, хотя все-таки и здѣсь ясно сказалось вліяніе отдѣльныхъ національностей.

Такъ какъ набѣги монголовъ подорвали славянскую культуру, то европейскіе культурные народы можно раздѣлить вообще на двѣ группы: германскую и романскую. До «Возрожденія», т. е. до тѣхъ поръ, покуда средневѣковой церковный духъ охватывалъ все европейское человѣчество въ равной мѣрѣ, подавляя его и такимъ образомъ побуждая его къ

борьбѣ съ нею, противоположность между романцами и германцами была дѣйствительно незамѣтна. Но когда дѣло пошло о сверженіи всеобщаго ига, то тѣ и другіе пошли особыми, собственными путями, которые разошлись совершенно въ разныя стороны. Мы приблизительно вѣрно поймемъ ихъ, если примемъ итальянцевъ за представителей романскихъ народовъ, а нѣмцевъ за представителей германцевъ и прослѣдимъ ходъ развитія у обѣихъ этихъ націй. Преимущество нужно отдать, конечно, южанамъ.

Гуманизмъ въ Италіи.

Данте еще не кончилъ своего великаго творенія, когда родились *Петрарка* и *Боккачіо*, которыхъ можно считать основателями итальянскаго образованія въ эпоху Возрожденія. Подъ вліяніемъ занесенной византійцами логики и благодаря развитію самостоятельнаго мышленія, *гуманизмъ* уже давно началъ въ Италіи борьбу со схоластикой. Итальянцы восприняли и развили восторженную любовь къ изслѣдованію истины, они отвергли средневѣковыя монашескія воззрѣнія и, благодаря усердному изученію классиковъ, пріобрѣли не только многостороннія познанія, но и такую высокую любовь къ свободѣ, что случаи убійства тирановъ были нерѣдки въ ту эпоху и притомъ въ духѣ древнихъ и прямо подъ вліяніемъ примѣровъ изъ древней исторіи. Гуманистическія воззрѣнія быстро распространялись повсюду; женщины, оживлявшія теперь общество, изъ котораго еще были исключены молодыя дѣвушки, присягнули имъ, также какъ и мужчины, духовенство и міряне. Довольно пройтись по улицамъ Рима, чтобы убѣдиться, чѣмъ онъ обязанъ дѣятельности папъ. Что сами папы выступили поборниками науки и литературы (напр. Николай V), а одинъ изъ нихъ (Эней Сильвій—Пій II) былъ даже многостороннимъ писателемъ, это служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что папство и церковь также не могли устоять противъ теченія своего вѣка. Прелаты тогдашняго папскаго двора были изящными, образованными кавалерами, и самъ *Родриго Борджіа*, вступившій на престолъ подъ именемъ Александра VI, блисталъ какъ благородствомъ своего происхожденія, такъ и изощренностью своего богато одареннаго ума. Тщательное образованіе, которое онъ далъ своей дочери Лукреціи, показываетъ, какъ высоко онъ ставилъ изученіе гуманистическихъ наукъ. Но необузданное вольнодумство и тяжелая борьба за свободу мысли повели за собою разнузданность страстей, которая, по нѣмецкимъ понятіямъ, превратила «нравственность» вѣчнаго города и лучшихъ сословій Италіи въ безнравственность. И эта безнравственность господствовала не только среди мірянъ, но и среди церкви; церковь была не хуже, но и не лучше мірянъ; не было такого преступленія, такого безнравственнаго поступка, въ которыхъ можно было бы обвинять одно духовенство. Развратъ, убійство, непотизмъ, ложь царили какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ обществѣ; пороки церкви столько же пороки ея приверженцевъ. Легкомысліе и безнравственность идутъ иногда рука объ руку со смѣлостью, геніальностью и величіемъ души въ томъ вѣкѣ и у того народа, у котораго эгоистическія стремленія, неподчиненныя никакому высшему закону, служили мѣркой всѣхъ вещей. Это одно

объясняетъ совершенно естественно грубыя убійства и насилія какого нибудь *Цезаря Борджіи*, великолѣпныя произведенія какого-нибудь Браманте и многозначительныя изреченія Маккіавелли.

Характеръ «Возрожденія» становится понятенъ, если вспомнить, что борьба за свободу мысли повела къ тому ученію, которое выработалось въ Парижѣ и по которому существовало двѣ истины: философская и богословская; онѣ якобы могли существовать рядомъ, хотя содержаніе ихъ совершенно противоположно. *Аверроизмъ* также пустилъ корни въ Италіи, въ особенности въ высшей школѣ въ Падуѣ и повелъ, подобно арабской философіи, къ сильному вольнодумству въ самый разгаръ схоластики. Такъ, сомнѣніе въ безсмертіи души было въ Италіи общераспространеннымъ вопросомъ, на который отвѣчали далеко не въ духѣ церкви, хотя ея глава, Левъ X (1513 г.), и издалъ постановленіе въ защиту ученія. Помпанаццо въ своей книгѣ (1516 г.) скорѣе выставилъ невозможность философскаго доказательства безсмертія души. Представленія о загробной жизни, которыя выставляли высокопросвѣщенные, не имѣли ничего общаго съ христіанскими воззрѣніями и допускали языческій рай. Точно также были противоположны христіанству два направленія, въ особенности господствовавшія въ высшихъ кругахъ. Одно было—чистый деизмъ, который, отвергая всѣ собственно христіанскія воззрѣнія и догматы, состоялъ въ возвышенномъ поклоненіи божественному существу и выражался въ истинно просвѣщенныхъ гимнахъ. Другое, наоборотъ, было грубое невѣріе, которое отстаивали философы и преступники. Одни отрицали высшее начало на основаніи здраваго размышленія; другіе по грубости сердца хотѣли стряхнуть съ себя всякую невидимую, карающую силу. Къ такому невѣрію, проистекавшему скорѣе изъ второго, чѣмъ изъ перваго источника, присоединилось сильное суевѣріе, поддерживаемое болѣе вліяніемъ древности, нежели среднихъ вѣковъ.

Астрологія, эта ложная вѣра во вліяніе звѣздъ на судьбу людей, была широко распространена. Князья и города имѣли своихъ придворныхъ астрологовъ, безъ совѣта которыхъ они ничего не предпринимали. Они должны были опредѣлять наиболѣе благопріятную минуту для важныхъ и неважныхъ дѣлъ. Даже опроверженіе астрологіи великаго Пико делла Мирандула не могло уничтожить господства этого безумія; оно едва поколебало его. Рука объ руку съ вѣрой въ звѣзды шла вѣра въ демоновъ и въ привидѣнія. Само собою разумѣется, что колдовство считалось возможнымъ и дѣйствительнымъ. Обладательницей волшебными силами была съ древнихъ временъ колдунья. Въ эпоху возрожденія вѣра въ нее усилилась; къ ней стали чаще прибѣгать, вѣроятно, потому, что въ эпоху сильно пробудившейся чувственности ея мнимая власть вызывать или доставлять любовь особенно привлекала людей. Вѣрили въ вѣдьмъ, которыя злымъ колдовствомъ могли лишить человѣка здоровья и жизни. Описанія подобныхъ вѣдьмъ и ихъ дѣяній можно встрѣтить не только въ сенсаціонныхъ романахъ, но и у высокообразованныхъ людей. Съ буллы папы Иннокентія VIII въ 1484 г. началось преслѣдованіе вѣдьмъ; въ особенности оно развилось, благодаря нѣмецкимъ доминиканцамъ, съ ихъ «Молотомъ вѣдьмъ» въ великую и ужасную систему, погубившую тысячи невинныхъ или лишь заблуждавшихся жертвъ.

При такомъ порядкѣ вещей и при такихъ воззрѣніяхъ просвѣщеніе въ Италіи приняло совершенно особое направленіе. Такъ какъ вся система средневѣковаго міровоззрѣнія основывалась на религіи, то борьба новыхъ идей со старыми должна была неизбѣжно привести къ разладу съ церковью, какъ это, дѣйствительно, и случилось въ Германіи. Но въ Италіи, гдѣ скептицизмъ пробудился гораздо раньше въ лицѣ *Петра Абеляра* и *Арнольда Брешіанскаго*, не появилось никакой реформаціи. Кто будетъ это отрицать, указывая на то, что въ XVI вѣкѣ въ Италіи было много реформаціонныхъ *попытокъ*, но ихъ подавила инквизиція — тотъ не замѣчаетъ противорѣчія, заключающагося въ этихъ словахъ. Въ томъ-то и дѣло, что инквизиція *могла* подавить эти попытки; тогда какъ въ Германіи, никакая инквизиція въ мірѣ не могла бы подавить реформацію. Насколько нѣмцы не терпѣли инквизицію, настолько же она нравилась итальянцамъ; и ей легко было справиться съ итальянскими реформаціонными попытками, *потому что онѣ выходили всегда не отъ народа, а отъ отдѣльныхъ личностей.* Конечно, Италія, подобно другимъ европейскимъ народамъ, страдала въ средніе вѣка нравственной проказой, имѣла своихъ бичующихся и покаянниковъ; однако изъ этихъ религіозныхъ изувѣрствъ не вышло реформаціи, вышли лишь—*нищенствующіе монахи.* Если и нельзя прямо отнести къ этому движенію происхожденіе доминиканскаго и францисканскаго орденовъ, то все-таки необыкновенное вліяніе и быстрое развитіе нищенствующихъ монашескихъ орденовъ слѣдуетъ приписать въ значительной степени чувствительной и пылкой фантазіи итальянцевъ. Здѣсь народныя массы вдохновляла и увлекала за собой постоянно одна опредѣленная личность, вродѣ какого-нибудь проповѣдника покаянія; каковы фра Джіованни да Виченца, фра Джакопо дель Буссоларо въ Павіи, Санъ-Бернардино да Масса, фра Жасопо делля Марка, фра Роберто да Лечче, Джіовании делля Марка, фра Джіованни да Капистрано; и то покуда они его видѣли передъ глазами. Едва они сходили со сцены, и онъ, и его рѣчи забывались. Такимъ образомъ это не больше, какъ временные, переходящіе припадки религіозной горячки, по временамъ потрясавшей Италію; и намъ понятно послѣ вышесказаннаго, что *Савонарола* не былъ единичнымъ явленіемъ и не даетъ намъ право говорить о серьезныхъ реформаціонныхъ попыткахъ. Къ такимъ принадлежитъ несомнѣнно дѣятельное участіе народа, а именно его то и не доставало, иначе инквизиція никогда не могла бы ихъ подавить. Цѣпь мнимыхъ итальянскихъ реформаторовъ замыкаетъ вышеупомянутый доминиканецъ *Джироламо Савонарола* (1452—1498); но и тутъ возникаетъ вопросъ, можно ли считать его непосредственнымъ предшественникомъ реформаціи [1]).

[1]) Представители той и другой церкви присвоивали его себѣ, и его статуя стоитъ въ числѣ фигуръ памятника Лютера въ Вормсѣ рядомъ съ Гусомъ. Самъ Лютеръ провозгласилъ ему хвалу. И хотя онъ былъ сожженъ на кострѣ, Левъ X возстановилъ его память; а при его преемникѣ, Юліи II, Рафаэль помѣстилъ его, конечно, не безъ согласія папы, въ числѣ великихъ богослововъ Диспута. Его признали и другіе папы, но въ глазахъ Бэйля и Вольтера онъ остался лишь сумасшедшимъ фанатикомъ. Во всякомъ случаѣ его враждебное отношеніе къ умственной культурной силѣ того времени никакъ не позволяетъ видѣть въ немъ представителя культуры Возрожденія.

Подобно своимъ предшественникамъ, онъ стремился къ исправленію церкви. Его жизнеописаніе являетъ примѣръ необыкновеннаго человѣка, котораго народъ сначала боготворилъ, потомъ покинулъ и выдалъ врагамъ, участь, на которую народъ обыкновенно обрекаетъ своихъ кумировъ. Правда, въ его судьбѣ играли также роль политическія и литературныя разногласія его съ толпой и знатью. Итакъ, всѣ реформаціонныя попытки у романцевъ не удались, *потому что онѣ не нашли поддержки въ народѣ.* Послѣдній вездѣ выказывалъ либо слѣпую, безсмысленную вѣру, или скептическое отрицаніе всякой вѣры; *и то и другое было, вѣроятно, наслѣдіемъ* предковъ отъ классическаго язычества.

Слѣдовательно мы можемъ смѣло утверждать, что въ Италіи церковная власть не подвергалась нападенію. Здѣсь повторилось то же явленіе, которое наблюдалось въ исламѣ, а именно: позволялось сомнѣваться въ самой системѣ исповѣдываемой вѣры, лишь бы не вѣрили ни во что другое и въ особенности не принадлежали ни къ какой сектѣ, враждебной церкви. Образованные насмѣхались надъ попами и презирали ихъ, и въ глубинѣ души не вѣрили въ религіозные догматы; но они считали, что для массы нужна какая нибудь вѣра, и не бѣда, если она заключала въ себѣ болѣе или менѣе нелѣпостей. Возможно, что удобство, сила привычки и собственная выгода—они, а также ихъ близкіе получали множество церковныхъ бенефицій—скорѣе, нежели недостатокъ въ рѣшимости и нравственномъ сознаніи были причиною такого поведенія просвѣщенныхъ мыслителей. Но главной причиной былъ, несомнѣнно, реализмъ, основанный на научномъ убѣжденіи, который вообще не мирится съ сущностью религіи: могло-ли ему придти въ голову, исправлять и улучшать то, что онъ считалъ совершенно неспособнымъ къ улучшенію, къ преобразованію? Поэтому романцы получали взглядъ на высшія вещи не отъ церкви, а извнѣ; и въ своемъ научномъ образѣ мыслей нашли замѣну того, чего никогда не могла дать имъ ни одна церковь въ мірѣ, ни романская, ни реформатская. Въ Италіи не было реформаціи, потому что *тамъ слишкомъ велика была сумма знаній*, мышленіе романцевъ было слишкомъ просвѣщенное; оно подошло слишкомъ близко къ научной истинѣ. Въ XIV вѣкѣ въ Парижѣ господствовало ученіе, что всѣ явленія природы основаны на движеніи, происходящемъ отъ соединенія и раздѣленія атомовъ; а испанскій психологъ, *Людовикъ Вивесъ*, настаивалъ на прямомъ изслѣдованіи путемъ опыта. Это сознаніе, конечно, еще не было свободно отъ нѣкоторыхъ заблужденій, но оно уже давно господствовало среди романцевъ, прежде чѣмъ проникло къ германцамъ. Такимъ образомъ религіозный индифферентизмъ итальянскихъ мыслителей, а также въ извѣстныхъ отношеніяхъ и церкви менѣе препятствовалъ распространенію истины и науки, нежели религіозный духъ германскихъ народовъ. Католическая церковь, хотя и поощряла борьбу съ ученіями, грозившими ея правамъ на существованіе, но вообще довольствовалась исполненіемъ внѣшнихъ формъ, а это такъ подходитъ къ южнымъ народностямъ, что и теперь еще у низшихъ классовъ, религія заключается только въ обрядахъ.

Тоже самое происходило и въ Италіи въ эпоху Возрожденія. Насильственное преслѣдованіе свободныхъ ученій началось лишь подъ вліяніемъ

нѣмецкой реформаціи. До тѣхъ поръ церковь мало стѣсняла кругъ итальянскихъ мыслителей. Поэтому величественное открытіе обращенія земли вокругъ солнца распространилось въ Италіи скорѣе, нежели въ Германіи. Замѣчательно, что этотъ громадный шагъ впередъ былъ сдѣланъ не на югѣ. Подъ вліяніемъ классическихъ преданій польскій священникъ, *Николай Коперникъ* изъ Торна, получившій тѣмъ не менѣе свое образованіе въ Италіи и даже съ успѣхомъ занимавшій въ Римѣ каѳедру математики, написалъ сочиненіе De orbium coelestium revolutionibus. Но еще до него два нѣмца, *кардиналъ* Николай *Куза* и многосторонній ученый *Іог. Видманштатъ* доказывали двоякое движеніе земли. Коперникъ посвятилъ свою книгу строгому папѣ Павлу III, а его опредѣленія временъ обращенія луны помогли папѣ Григорію XIII исправить календарь. Важная реформа календаря и геліоцентрическое ученіе были дѣломъ папы и священника. Лишь спустя болѣе полвѣка, это ученіе вызвало сильнѣйшій протестъ церкви, когда возобладалъ орденъ іезуитовъ, великая реакція реформаціи. Въ Германіи самый важный и по своей примирительной натурѣ самый удачный сотрудникъ Лютера, *Филиппъ Меланхтонъ* былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ системы Коперника. Напротивъ, въ Италіи она нашла самыхъ вдохновенныхъ приверженцевъ въ лицѣ *Джіордано Бруно изъ Нолы и Галилео Галилея.* Бруно былъ самымъ выдающимся представителемъ перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Бывшій доминиканскій монахъ долженъ считаться основателемъ пантеистической философіи, которая ближе всякой другой подходитъ къ монотеистическому міровоззрѣнію. Дѣйствительно, Бруно считалъ матерію не только возможной, но существующей и дѣйствующей; онъ считалъ ее истинной сущностью вещей, которая производитъ изъ себя всѣ формы. Германскій сѣверъ былъ еще очень далекъ отъ такихъ величественныхъ положеній. Позднѣе оцѣнятъ то, что защита геліоцентрическаго ученія привела въ концѣ концовъ классическаго философа реформаціи, по преимуществу итальянскаго философа на костеръ, а его послѣдователя Галилея довела до отреченія.

Развитіе Италіи въ эпоху Возрожденія выразилось не только въ преобразованіи религіозной жизни. Гораздо больше перемѣнъ произошло, по словамъ неподражаемаго Якова Буркгарта, въ политикѣ. Основались новыя государства, которыми управляли не наслѣдственные по праву князья, а могущественные узурпаторы, въ особенности кондотьеры. Иногда въ этихъ малыхъ и большихъ государствахъ происходили ужасныя дѣла, но не рѣдко правители и подданные выказывали выдающіяся способности. Развились внѣшняя и внутренняя политика, а также военное искусство. Введено было правильное управленіе и основана статистика. Внѣшняя политика утвердилась, благодаря искусной дипломатіи и объективному отношенію къ политикѣ, замѣнившей узкія понятія о національности космополитическими идеями, не увлекаясь однако идеальными стремленіями, а соблюдая только реальную выгоду. Наконецъ военное искусство двинулось впередъ, благодаря изобрѣтенію огнестрѣльнаго оружія, которое требовало не столько храбрости отдѣльныхъ борцовъ, сколько дисциплины массъ и ловкости полководцевъ.

Индивидуализмъ, о которомъ мы говорили выше при описаніи госу-

дарственной жизни, сильно развивался также и въ частной жизни. Многосторонность, даже всесторонность, на которую мы указывали выше по поводу искусства, проявлялась у многихъ отдѣльныхъ личностей: большинство стремилось къ гармоническому, всеобщему развитію личности. Рука объ руку съ этой потребностью шла жажда славы: подобно тому, какъ въ древности чествовали людей и мѣстечки, такъ и теперь стремились къ пріобрѣтенію славы среди современниковъ и потомства. Гуманисты считали себя истинными распредѣлителями славы. Въ отпоръ этому преувеличенному честолюбію развились сатира и шутка. Она не щадила ни знаменитыхъ, ни обыкновенныхъ людей; она нападала на виновныхъ и невиновныхъ и доводила свое дѣло иногда до художественнаго совершенства.

Итальянцы же, обогатившіе свѣтъ, открыли міръ, въ которомъ они жили, и человѣка. Они, изучали естественныя науки, разводили сады и начали перевозить въ Европу чужеземныхъ животныхъ. Они, какъ первые, *новые* люди, стали любоваться красотою видовъ, и это удовольствіе вызывало столько же охоту къ путешествіямъ, сколько къ живописи и наблюденію. Они пытались также изобразить себя и ближняго, своихъ друзей и возлюбленныхъ: любовныя стихотворенія, драмы, біографическія сочиненія, народныя характеристики, описанія внѣшняго человѣка и его духовной жизни вытекали изъ этой потребности дать живой образъ самого себя и другихъ. Всѣ они были свободны отъ всего общепринятаго и стремились набросать рѣзко очерченное изображеніе лишь дѣйствительно видѣннаго.

Изъ этого новаго міровоззрѣнія вытекли радость и способность, наслаждаться жизнью. Возникло новое общество, законодателемъ котораго выступилъ Бальдассаре Кастильоне со своимъ «Царедворцемъ»; въ немъ перевѣсъ принадлежалъ не рожденію, а образованію и хорошему тону; нѣкоторые теоретики доходили даже до того, что совсѣмъ отрицали дворянство. Главное стараніе было сосредоточено на томъ, чтобы выработать точкость манеръ, улучшить внѣшность, изящество костюма и рѣчи. Каждый могъ выдвинуться въ обществѣ своимъ умомъ и ловкостью. Но первую роль играла въ немъ все-таки женщина,—какъ нравственная хозяйка дома, такъ и любовница, которая часто стояла выше первой по красотѣ и умственному развитію и потому господствовала въ общественныхъ собраніяхъ. Кромѣ собраній, устраивались празднества на водѣ и на сушѣ, торжественныя и другія шествія по поводу важныхъ событій; наука и поэзія были къ услугамъ этихъ радостныхъ празднествъ.

Если Возрожденіе, какъ это указывалось раньше и теперь, и не было исключительно возрожденіемъ древности, то все-таки главную роль играло изученіе древнихъ языковъ и возобновленіе прежнихъ любимыхъ вещей. Всюду раздавалась латинская рѣчь: мужчины и женщины вели переписку на латинскомъ языкѣ и зачитывались латинскими стихами. Содержаніе ихъ было свѣтское и духовное, лирическое и эпическое. Помимо красоты формы, наслажденія блестящимъ латинскимъ слогомъ, позднѣе къ латинскому языку присоединились греческій, а затѣмъ еврейскій и другіе восточные языки; заботились и о содержаніи: изучали древнюю исторію и географію, почитали древности, хотя часто и употребляли древній мраморъ на новыя постройки; такъ что развилось даже своего рода обожаніе

развалинъ. Филологи, подобные Анджело Полиціано, съ остроуміемъ и критикой возобновили изученіе авторовъ золотой и серебряной латыни. Христіанскій эпосъ и пастушеская поэзія представляли странную смѣсь съ древними элементами въ произведеніяхъ Джакопо Саннацаро. Были писатели писемъ и историки, обладавшіе въ совершенствѣ классическимъ слогомъ; какъ, напр., Піетро Бембо, высокій духовный вельможа съ весьма свѣтскими наклонностями. Понтано искусно влагалъ въ древній діалогъ новое содержаніе, взятое изъ событій собственной страны и собственнаго времени. Свободные педагоги, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ Витторино да Фельтре, довели воспитаніе до высокаго искусства, духовное и физическое развитіе шло наряду съ сообщеніемъ знаній. Въ университетахъ и въ школахъ возгорѣлась борьба новаго, т. е. освященнаго классической древностью, со средневѣковымъ, у котораго еще было много закоренѣлыхъ, энергичныхъ приверженцевъ; и эта борьба не всегда, покрайней мѣрѣ не легко оставалась за новымъ. Князья и свободные города соперничали между собою въ любви къ умственному труду, въ поддержкѣ тружениковъ науки. Нѣкоторые князья, каковы князья Флоренціи и Урбино, меценаты литературы и искусства, сами были ученые. Тамъ, также какъ въ Феррарѣ и Неаполѣ, были дворы литераторовъ. При такомъ порядкѣ вещей рядомъ со свѣтомъ были, конечно, и тѣни: съ одной стороны явились лесть и попрошайничество, съ другой — высокомѣріе и издѣвательство, а именно у всемірнаго поэта Филельфо и въ особенности у знаменитаго разсказчика анекдотовъ, Поджіо. Тѣмъ не менѣе было бы совершенно несправедливо осуждать жизнерадостное поколѣніе, полное идеальныхъ стремленій, хотя и не чуждое матеріальныхъ наслажденій, на основаніи пошлой придворной поэзіи или грубыхъ памфлетовъ.

Нѣмецкіе гуманисты.

Тѣ, которые были охвачены новой идеей въ Германіи, и здѣсь, по большей части, не составляютъ отпрысковъ среднихъ вѣковъ, но вполнѣ и всецѣло принадлежатъ эпохѣ Возрожденія. И у нихъ вѣетъ новый духъ, развитіе идетъ иначе; оно *приноравливается къ народному характеру*. «Гуманизмъ проникъ въ нѣмецкій духъ и былъ перенесенъ въ жизнь, съ рѣдкимъ, своеобразнымъ и благодѣтельнымъ для нѣмцевъ, искусствомъ. Въ противоположность романскимъ понятіямъ, скорѣе археологическимъ и реакціоннымъ, относящимся поверхностно къ религіознымъ и нравственнымъ вопросамъ, нѣмецкій гуманизмъ съ самаго начала выказалъ себя критически-реформаторскимъ; онъ очень серьезно и вдохновенно относился къ самымъ высокимъ вопросамъ—къ религіи и къ отечеству. Уже самый процессъ развитія нѣмецкихъ гуманистовъ совершенно различенъ отъ итальянскихъ. Не только Тритеміусъ, Вимпфелингъ, Рейхлинъ и Эразмъ но и Цельтесъ, Гуттенъ, Брантъ и др. вышли изъ совершенно другой среды и другихъ условій, чѣмъ Филельфо, Поджіо, Эней Сильвій и др. Послѣдніе часто болѣе талантливы, но первые несомнѣнно болѣе нравственны; у итальянцевъ больше формы, у нѣмцевъ—больше содержанія» [1]).

Содержательность составляетъ выдающуюся типическую черту германскаго народнаго характера, въ полной противоположности съ внѣшностью, поверхностностью романистовъ, подобно серьезности сѣвера и веселости юга.

И въ Германіи эпоха Возрожденія отличалась жестокостью, распущенностью, грубостью, буйной и падкой къ наслажденію чувственностью; но все это въ другомъ родѣ; нѣмцамъ недостаетъ той подкупающей прелести, той культурной полировки и гибкаго нрава, которыми окружали порокъ южане; тутъ грубость дѣйствительно являлась грубостью, невѣжество—невѣжествомъ, порокъ—порокомъ; и безнравственность духовенства, безобразія церкви выступали страшнымъ образомъ. То, надъ чѣмъ итальянецъ смѣялся, приводило въ ужасъ нѣмца: испорченность времени разрушала его идеалы, а его идеалы были преимущественно религіознаго характера. Но онъ возстаетъ противъ этого; и вотъ почему возрожденіе у него во всемъ начинается съ церкви. Раньше всего въ искусствѣ. Въ

[1]) *Adalbert Horawitz:* Ueber nationale Geschichtschreibung im sechzehnten Jahrhundert.

то время какъ оно въ Италіи стояло уже на порогѣ совершенства, въ Германіи оно не подымалось еще надъ первобытнымъ понятіемъ. Произведенія искусства указываютъ на продолжающуюся борьбу между формой и воззрѣніями среднихъ вѣковъ, изъ которыхъ итальянцы давно вышли; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти произведенія указываютъ на слѣды вѣрующаго настроенія умовъ, рѣзко отличающагося отъ свѣтской веселости юга. Въ новомъ развитіи германскихъ странъ, архитектура не играетъ никакой роли—тамъ остались вѣрны религіозному готическому стилю. Художники, въ представленіи библейскихъ сценъ и образовъ, выражаютъ, на ряду съ глубокими религіозными убѣжденіями, отвращеніе къ исковерканію ихъ религіозныхъ идеаловъ.

Творенія художниковъ до Лютера доказываютъ, насколько въ Германіи оппозиція противъ церкви исходила изъ религіознаго чувства, и какъ никому изъ нихъ не была чужда религіозная борьба. Эти творенія своимъ характернымъ реализмомъ и здоровой естественностью, въ связи съ веселымъ и сильнымъ юморомъ, вводятъ насъ во всю жизнь ихъ времена и ихъ народа. Но эта жизнь проникнута *вѣрой*. Вотъ почему ихъ конечная цѣль—представить величіе Божества, даже когда они раскрываютъ его въ его твореніи. Никому не закрадывалась мысль, что пѣтъ Бога. И въ Италіи ни одинъ художникъ не терпѣлъ атеизма; однако проповѣдь сомнѣвающихся значительно подточила вѣру въ церковь и дала мѣсто болѣе свободному, безпристрастному взгляду. Вотъ почему, при всей своей непосредственности и самостоятельности, нѣмецкое искусство достигло высшей формальной красоты, только благодаря тому, что восприняло и переработало возбужденіе, полученное изъ Италіи. Германія была приведена къ роднику античнаго искусства и образованія лишь окольными путями, подъ вліяніемъ Италіи; но оставалась во всемъ вѣрною нѣмецкому духу. Кто, подобно Пейтингеру и другимъ, не могъ усовершенствоваться въ своемъ образованіи въ Италіи, тотъ ѣздилъ въ Парижъ, такъ какъ въ Германіи еще было мало ученыхъ. Парижъ тогда славился первымъ университетомъ латинскаго христіанства; и вотъ какими словами, Эразмъ, глава тогдашнихъ нѣмецкихъ ученыхъ, рисуетъ свое впечатлѣніе о Парижѣ: «Этотъ городъ отличается преимуществами, которыя очень трудно найти въ другихъ городахъ; отличное духовенство, несравненныя учебныя заведенія, тутъ же сенатъ столь же почетный, какъ ареопагъ, столь же прославленный, какъ амфиктіоновъ союзъ, и также извѣстный, какъ и сенатъ въ древнемъ Римѣ. Въ этомъ городѣ соединены всѣ блага—просвѣщенная религіозность, глубокая ученость и господство справедливости. Духовенство учено, а ученые набожны, сенаторы же отличаются и набожностью, и ученостью». Въ Парижѣ преподавали такіе учителя, какъ свободномыслящій теологъ Яковъ Фаберъ; тамъ мы находимъ такія имена, какъ Эразмъ, Генрихъ Лорити изъ Гларуса, Беатусъ Ренанусъ и многіе другіе. Въ Парижѣ, подобно тому, какъ и въ нѣмецкихъ университетахъ, основаніе которыхъ частью относится къ эпохѣ гуманизма (Ростокъ, Фрейбургъ, Базель—еще въ 15 столѣтіи; Виттенбергъ въ 1502; Франкфуртъ на Одерѣ—1506, Марбургъ—въ эпоху реформаціи), обнаруживался сильный духъ противорѣчія. Онъ отчасти былъ связанъ противорѣчіемъ между двумя философскими школами—номиналистовъ и реалистовъ, между старыми, отсталыми схоластическими теологами и молодыми гуманистами, которые кочевали съ мѣста на мѣсто, бѣдные кошелькомъ, мыслями, иногда и знаніями, но сильные вдохновеннымъ рвеніемъ къ классическому ученію. Нелегко и не вездѣ давалась побѣда этому ученію, которое называли Studia humanitatis; но постепенно варварская латынь средневѣковаго монаха уступила мѣсто языку Цицерона; были учреждены профессорскія каѳедры для греческаго и еврейскаго языковъ; Платонъ и настоящій Аристотель заняли мѣсто тѣхъ комментаторовъ послѣдняго, которые почти исключительно читались въ средніе вѣка. И въ школы проникло все новое, отчасти въ ущербъ здравымъ нѣмецкимъ началамъ; испорченные словари и грамматики были замѣнены систематическими; произвольныя хрестоматіи отступали передъ все чаще издававшимися латинскими и греческими классиками.

И въ Германіи тѣ, которые провозглашали новое ученіе, не всегда были любезный и почтенный народъ. Среди учителей попадались довольно вѣтреные, безнравственные люди, надругавшіеся надъ самымъ священнымъ, вродѣ Петруса Людера; и между учениками, странствующими партіями, попадались довольно часто такіе, которые содержали себя воровствомъ и своимъ безпутнымъ поведеніемъ портили себя и другихъ. Но наряду съ ними, бывали и такіе, которые трогали своей ревностью, какъ преподаватели и какъ учащіеся, жизнь которыхъ состояла только изъ работы и самоотреченія.

Самыя главныя школы въ Германіи, въ которыхъ прорывался гуманистическій духъ, были: девентерская, въ которой преподавалъ Александръ Гегіусъ, и шлетштадтская въ Эльзасѣ, въ которой сначала преподавалъ Людвигъ Дрингенбергъ; отсюда выходилъ цѣлый рядъ важныхъ ученыхъ, состоять въ этихъ школахъ учениками было вожделѣнной и завидной славой.

Въ Мюнстерѣ (Рудольфъ Лангенскій) и другіе города завели важныя школы, ставшія разсадникомъ новаго духа. Среди университетовъ базельскій съ самаго начала занялъ важное мѣсто. Этому способствовали, среди другихъ, двое знаменитѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, отличавшихся и сильнымъ характеромъ. 1471—1476 Гейлеръ фонъ Кайзерсбергъ. 1484—1488 Рейхлинъ, позже Себастіанъ Брантъ, извѣстный уже своимъ сочиненіемъ Корабль дураковъ («Narrenschiff») появившимся 1495 г.

Но и въ другихъ университетахъ шла та же борьба между старымъ и новымъ, то же живое развитіе силъ. Это особенно ясно выражалось въ Тюбингенѣ, Кельнѣ и Эрфуртѣ. Въ *Тюбингенѣ* Конрадъ Зуммен-гартъ, политикъ экономъ, физикъ, философъ, представлялъ собою старое направленіе; хотя онъ и не вполнѣ защищалъ отжившія средневѣковыя идеи, но его выраженія вполнѣ отличались отсутствіемъ формы. Другой Генрихъ Бебель, веселый, шутливый разсказчикъ, ревностный сатирикъ, изображавшій побѣду Венеры, полемистъ противъ другихъ націй, защитникъ всего нѣмецкаго, панегиристъ классическихъ языковъ, въ противоположность первому, былъ самый вдохновенный проповѣдникъ культа прекрасной формы. Въ *Кельнѣ*: Ортуинъ Граціусъ и его друзья, хотя и примыкали на половину къ филологическимъ стремленіямъ времени, однако находились еще въ оковахъ теологическихъ взглядовъ; напротивъ, Гер-

манъ фомъ-Буше защищалъ, въ стихахъ и въ большомъ теоретическомъ сочиненіи, полное господство свѣтской образованности надъ духовными стремленіями и требовалъ свободы мнѣній. Но настоящимъ центромъ дѣятельности гуманистовъ былъ *Эрфуртъ*. Уже такой вѣрующій человѣкъ и поклонникъ схоластики, и въ ея формахъ, и въ мысляхъ, какъ Іодокусъ Трутфеттеръ, съ трудомъ могъ собрать вокругъ себя нѣсколько приверженцевъ. Вся молодежь стекалась вокругъ Конрада Мутіана, который хотя и не былъ профессоромъ университета и не жилъ въ самомъ Эрфуртѣ, пользовался, однако, самымъ могущественнымъ вліяніемъ. Только въ разговорахъ и письмахъ изливалъ онъ свою пылкую ненависть противъ враговъ знанія и свою неразрушимую любовь къ новымъ ученіямъ. Неутомимый боецъ, самъ великій, онъ охотно становился въ ряды пособниковъ болѣе великихъ людей (Рейхлинъ); его взгляды на религіозные вопросы были весьма еретичны; но онъ ихъ довѣрялъ только самымъ близкимъ людямъ. Кромѣ университетовъ, были еще и другіе извѣстные центры и именно нѣкоторые свободные города и дворы князей, изъ которыхъ исходила гуманистическая образованность. Наряду съ Максимиліаномъ I, который самъ писательствовалъ въ стихахъ и въ прозѣ и особенно покровительствовалъ исторіи, были такіе правители, какъ Фридрихъ Мудрый Саксонскій и Эбергартъ Вюртембергскій, эти особенные покровители новаго направленія; изъ городовъ особенно выдавались Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Страсбургъ. Главой нюрнбергскаго кружка былъ Виллибальдъ Пиркгеймеръ, меценатъ въ большомъ стилѣ, историкъ и географъ, поэтъ и прозаикъ, тонкій и грубый, смотря по обстоятельствамъ, иногда рыцарь въ тяжелыхъ доспѣхахъ, а чаще—легко вооруженный. Болѣе слабое подобіе его представлялъ Конрадъ Пейтингеръ въ Аугсбургѣ, дѣятельный болѣе, какъ собиратель, чѣмъ какъ оригинальный писатель, высоко почитаемый государственный человѣкъ и ревностный меценатъ въ маленькомъ кругу. Какъ вокругъ этихъ двухъ главъ группировалась куча нюрнбергскихъ и аугсбургскихъ гуманистовъ, такъ вокругъ Якова Вимпфелинга въ Страсбургѣ групировалась большая эльзаская община. Существовала, однако, извѣстная противоположность между эльзасцами и такъ называемыми «внутренними» нѣмцами. Въ то время какъ эти проповѣдывали нѣмецкій патріотизмъ вообще, тѣ возвѣщали спеціально эльзаскій, анти-французскій патріотизмъ; въ то время какъ эти проповѣдывали чисто свѣтскій, иногда противорелигіозный гуманизмъ, тѣ придерживались середины, но съ сильно теологической окраской. Противъ исключительно теоретическаго вліянія «внутреннихъ» нѣмцевъ выступала чисто практическая дѣятельность эльзасцевъ, хотя и у Вимпфелинга главнымъ дѣломъ была педагогія, какъ теоретическая, такъ и практическая.

Въ университетахъ и въ вольныхъ городахъ было много членовъ литературныхъ обществъ (Рейнское, Дунайское и друг.), имѣвшихъ цѣлью заботы о поэзіи, о распространеніи учености, а нерѣдко и о взаимномъ восхваленіи. Ихъ главнымъ жрецомъ былъ Конрадъ Цельтисъ,—любезный, иногда легкомысленный, настоящій поэтъ дружбы, любви и патріотизма, неутомимый путешественникъ и мужественный провозвѣстникъ мыслей новаго времени.

Трое мужей были, наконецъ, блестящимъ воплощеніемъ нѣмецкаго гуманизма—Рейхлинъ, Эразмъ и Гуттенъ. *Рейхлинъ* былъ юристъ, высокопоставленный чиновникъ; но онъ отдавалъ свою жизнь наукѣ. Онъ писалъ латинскія комедіи и греческія письма, переводилъ съ греческаго, писалъ капитальныя сочиненія объ изученіи еврейскаго языка. Онъ углублялся въ тайное еврейское ученіе и въ двухъ фоліантахъ возвѣстилъ его мнимо-мудрыя изреченія. Изъ-за этихъ занятій еврейскими книгами онъ былъ вовлеченъ въ опасную борьбу съ кельнскими доминиканцами, которая превратилась въ борьбу между наукой и теологіей. На сторонѣ Рейхлина стояла вся толпа гуманистовъ, прославлявшихъ своего учителя въ письмахъ и стихахъ и освистывавшихъ его враговъ въ сатирахъ, изъ которыхъ особенно извѣстны «Письма обскурантовъ». Насколько Рейхлинъ раскрывалъ правду еврейства, настолько-же *Эразмъ* выставлялъ «греческую истину». Онъ издалъ Новый Завѣтъ и сочиненія отцовъ церкви, комментировалъ ихъ и перевелъ многія сочиненія языческой древности. Блестящій и изящный стилистъ, онъ излагалъ свои мнѣнія о самыхъ высокихъ вопросахъ науки, равно какъ и о самыхъ будничныхъ, житейскихъ вопросахъ въ своихъ «Семейныхъ Бесѣдахъ» и въ объясненіяхъ къ своему сборнику пословицъ. Онъ обращался, въ своихъ письмахъ, какъ апостолъ новаго духа, къ ученымъ всѣхъ странъ и сохранилъ свой свободный и умѣренный образъ мыслей во времена и угнетенія, и крайняго возбужденія. Вслѣдствіе этого, этотъ миролюбецъ приходилъ въ столкновеніе съ разными партіями, между прочимъ и съ пылкимъ *Гуттеномъ*. Послѣдній не издавалъ ученыхъ сочиненій, подобно своимъ двумъ предшественникамъ: онъ писалъ краткіе трактаты, стихи, діалоги, рѣчи сначала по латыни, потомъ по нѣмецки. Онъ боролся за политическую свободу своего сословія, рыцарства, и Германіи со всѣми врагами—съ Франціей, Италіей, Турціей, въ особенности-же съ Римомъ. Онъ старался защищать свободу науки отъ ея противниковъ и умѣлъ вносить въ свои личныя дѣла кое-что изъ общаго интереса. Онъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ гуманистовъ, которые всецѣло примкнули къ реформаціи.

А по отношенію къ реформаціи гуманисты держали себя разно. Можно различить однако троякое теченіе. Одни, и среди нихъ Гуттенъ, вдохновлялись съ самаго начала Лютеромъ и его ученіемъ и слѣдовали ему смѣло до самыхъ послѣднихъ выводовъ. Вторую группу составляли вначалѣ храбрые передовые бойцы въ религіозной борьбѣ, но вскорѣ, оттолкнутые ограниченностью и холодностью новаго ученія, они вернулись къ той самой старой церкви, которую раньше такъ строго осуждали. Это—точка зрѣнія Эразма, Цазіуса и другихъ. Третья группа занимаетъ средину между ними: она дольше держится Лютера и все надѣется на примиреніе и на спокойную развязку; но, наконецъ, ужасы крестьянской войны и безумія Мюнцера и его соучастниковъ заставили и ихъ отступиться. Къ этой послѣдней группѣ принадлежали Ренанусъ, Пиркгеймеръ, Пейтингеръ и др. Рѣзкость, строгость, жестокость и страстность новаго движенія заставили ихъ и другихъ задумываться и впослѣдствіи совсѣмъ отшатнуться: они предвидѣли, что слѣдствіемъ такого бурнаго движенія долженъ быть бунтъ и разладъ.—Къ тому же присоединились менѣе чистые элементы, примкнувшіе къ реформаціи, а также грозныя соціаль-

ныя возстанія, которыя представляли большую опасность для «основъ» общества. Это настроеніе особенно выразилось у Эразма. Эразмъ желалъ преобразованія церкви *внутри* церкви и чтобы оно изъ церкви же исходило. Онъ предполагалъ преобразованіе формы, епископства, духовенства, прихода, преобразованіе самихъ доктринъ. Вотъ почему Лютеръ и онъ не могли другъ друга понять. Эразмъ писалъ кардиналу Вольсею, что онъ прочелъ только двѣ или три страницы изъ сочиненій Лютера «и боится, что они внушатъ odium (ненависть) къ литературѣ, которая и безъ того въ дурной славѣ». Лютеръ же, съ своей стороны, увѣрялъ, что чѣмъ больше онъ читаетъ Эразма, тѣмъ онъ ему менѣе нравится, что у него совершенно ложные взгляды на «оправданіе» (Rechtfertigung) и что человѣкъ еще не становится добрымъ христіаниномъ оттого, что понимаетъ греческій и еврейскій языки. Наконецъ, послѣ мольбы Бога просвѣтить Эразма, онъ проситъ послѣдняго держаться по крайней мѣрѣ нейтрально и не писать противъ реформаціи. На это Эразмъ характерно возразилъ, что онъ по крайней мѣрѣ сомнѣвается въ истинѣ ученія Лютера и «поэтому опасается за гибель литературы». Позже страстность реформатора и взрывъ крестьянской войны увеличили его отвращеніе къ тому, что онъ называлъ безнравственной и парадоксальной доктриной; и онъ жаловался, что изъ-за этихъ волненій всякія обсужденія внутри церкви, всякія преобразованія стали менѣе возможны чѣмъ раньше. Послѣ этого только тотъ, кто считалъ Эразма героемъ протестантизма, могъ удивляться тому, что онъ находился въ такой короткой дружбѣ съ «Антихристомъ» Лютера,—съ папою.

Когда Эразмъ посѣтилъ въ 1509 г. Римъ. въ 1509 г., его прекрасно принялъ царствовавшій тогда папа Юлій II и онъ былъ представленъ кардиналу Медичи (впослѣдствіи папа Левъ X). Сочиненіе Эразма «Encomium moriae» (Похвала глупости), эта рѣзкая сатира на недостатки священниковъ и монаховъ, было прочитано Львомъ X, который не нашелъ въ немъ ничего дурного. Это была книга въ любимомъ тогдашнемъ духѣ—восхваленіе недостойныхъ предметовъ или качествъ (подагра, пьянство); и, въ противоположность легко забываемымъ сочиненіямъ того же рода, она пользовалась продолжительной славой и всюду распространялась. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ папѣ, Эразмъ говорилъ о немъ какъ о «человѣкѣ, отличающемся большой набожностью и тонкой ученостью» и получилъ очень вѣжливый отвѣтъ. Второе изданіе Новаго Завѣта было посвящено Льву X, и потому послѣдній призналъ его. Строгій Павелъ III, впослѣдствіи, желалъ принять Эразма въ кругъ преобразователей-кардиналовъ и, когда тотъ отказался отъ этой чести, назначилъ его представителемъ соборнаго капитула въ Девентерѣ. Въ одномъ очень лестномъ посланіи папа выставлялъ его набожность, краснорѣчіе, ученость и вмѣстѣ съ тѣмъ отличныя услуги, оказанныя имъ святому престолу.

Изъ всего сказаннаго видно, что время нѣмецкаго возрожденія было глубоко вспахано религіозными вопросами, и споры о нихъ вытѣснили всякіе другіе вопросы. При этомъ, какъ въ первые вѣка христіанства, когда падала греческая образованность, обращались къ тайнамъ Востока и подъ именемъ Орфея, египетскаго Гермеса и друг. распространяли тайную мудрость, такъ и тутъ, у порога средневѣковья и новаго времени, отыскивали разныя тайныя ученія, неоплатоническую мистику и еврейскую каббалу. Къ

тому времени, когда смотрѣли на естественныя науки, какъ на магію, относится и *Корнелій Генрихъ Агриппа изъ Неттесгейма*, который далъ самое ясное и обширное изложеніе каббалистическаго ученія.

Если потрясающее свѣтъ ученіе Коперника встрѣтило въ Германіи больше сопротивленія, чѣмъ въ Италіи, то это является необходимымъ слѣдствіемъ такого хода развитія. Сопротивленіе Меланхтона этому ученію имѣло такое вліяніе на Германію, что она вернулась къ схоластикѣ на довольно долгое время. Что весь германскій духъ былъ противъ системы Коперника, это доказываетъ тотъ фактъ, что и британецъ Францискъ Бэконъ лордъ Веруламскій, этотъ вовсе не научный «возстановитель естественныхъ наукъ» (1561—1626), и Тихо де Браге (1546—1601), основатель новой измѣрительной астрономіи, выступили противъ этого ученія. Когда іезуиты осудили Джіордано Бруно на сожженіе и принудили Галилея къ самоотреченію, они могли опираться на авторитетъ великаго Тихо, который, въ 1577 г. говорилъ въ своей системѣ, что земля—центръ міра, и на Бэкона, осудившаго взглядъ Коперника: благодаря такимъ свидѣтелямъ, они могли доказать, что борются съ ложнымъ ученіемъ.

Развитіе народныхъ литературъ.

И литература тогда росла. Хотя она не знала такого процвѣтанія, какъ искусство, однако и она одно время своеобразно и богато развивалась. Тутъ замѣчается особенно три момента: сильное вліяніе волнующихся идей времени, возрожденія и реформаціи, сильное вліяніе одной страны на другую, наконецъ, предпочтеніе народнаго духа и народнаго національнаго языка. Что касается вліянія новыхъ идей, то Италія, эта классическая страна возрожденія, способствовала этому почти такъ же сильно, какъ и Германія, эта колыбель реформаціи. Италія имѣла литературное вліяніе на Францію не только въ лирикѣ и въ драмѣ, но и въ языкѣ; въ концѣ столѣтія Франція имѣла вліяніе на Германію спеціально въ шуточной литературѣ; немного въ сторонѣ отъ взаимодѣйствія одного народа на другой стояли Англія и Испанія, великіе геніи которыхъ, хотя и не совсѣмъ были чужды вліянія времени, все же, въ силу своей индивидуальности, обогащали и перерабатывали его и шли себѣ своимъ путемъ, какъ подобаетъ геніямъ.

Въ народной литературѣ *Германія* выдавалась. Страна, которая тогда, да, пожалуй, и теперь насчитываетъ больше всѣхъ ученыхъ и меньше всего образованныхъ людей, дала тогда далеко развѣтвляющуюся народную литературу.

Тутъ выступили народная книга, народная пѣсня, поговорка, забавная повѣсть, сатиро-дидактическая поэзія, басня и пѣсня мейстерзенгеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ возникли уже въ прежнія времена, другіе, какъ дидактика, были, непонятнымъ для насъ теперь образомъ, выдвинуты въ эпоху возрожденія. Все это такъ быстро распространялось, благодаря книгопечатанію, изобрѣтенному въ Германіи. Въ другихъ странахъ, напр., въ Италіи оно достигло художественнаго совершенства; но въ Германіи

оно какъ разъ способствовало болѣе всего просвѣщенію народа, благодаря какъ количеству, такъ и содержанію печатныхъ книгъ.

Народныя книги были больше всего занятны, но не поучительны. Онѣ состояли изъ французскихъ и итальянскихъ народныхъ романовъ въ нѣмецкомъ изложеніи (Гугъ Шаплеръ, т. е. Гуго Капетъ и др.) или изъ общихъ легендъ, которыя, какъ кажется, не относятся ни къ одной націи въ отдѣльности (Фортунатусъ). Онѣ отдавали преимущество всему отважному, чудному, разсказывали про походы въ чужія страны, про таинственныя завязки, про великіе походы и про счастливую любовь. Нѣмецкія темы обрабатывались рѣже (герцогъ Эрнстъ, Барбаросса); въ нихъ, при случаѣ, выражалось неудовольствіе по поводу недоразумѣній времени, а также тоска по блестящему прошлому. Для поученія служили разсужденія о болѣзняхъ, календари; но въ нихъ полезное и разумное было покрыто вредными предразсудками и астрономическими бреднями; точно такъ-же газеты, которыя издавались не періодически, но вызывались отдѣльными событіями, охотно извѣщали о чудесныхъ рожденіяхъ и «страшныхъ» знакахъ, а рядомъ—объ открытіяхъ чужихъ странъ и о важныхъ битвахъ.

Народная пѣсня была отчасти историческая, отчасти лирическая. Историческая народная пѣсня началась рано, но достигла процвѣтанія со времени великихъ битвъ нѣмецкихъ швейцарцевъ за независимость. Ея главный расцвѣтъ относится къ 15 и 16 столѣтіямъ. Въ ней говорилось о борьбѣ нѣмцевъ съ чужеземцами (напр., битва при Павіи), съ французами и турками, но также и о ссорахъ между самими нѣмцами, о городскихъ, рыцарскихъ, религіозныхъ и крестьянскихъ войнахъ; въ этой поэзіи порицаются побѣжденные, особенно крестьяне, а ландскнехты прославляются. Двое повелителей, не разъ водившихъ ландскнехтовъ къ побѣдѣ, стали прославленными героями и любимцами народной пѣсни, а потомъ и шуточной повѣсти—императоръ Максимиліанъ I и герцогъ Ульрихъ Вюртембергскій; и, при всей страсти тѣхъ поэтовъ воспѣвать только успѣхъ, эти двое остались таковыми даже тогда, когда ихъ посѣтило несчастье. Лирическая народная пѣсня воспѣвала любовь, восторгалась природой, прославляла и позорила отдѣльныя сословія, превозносила музыку и воспѣвала вино.

Мудрость народа была собрана въ поговоркахъ, въ маленькихъ книгахъ и въ большихъ фоліантахъ, въ нѣмецкомъ изложеніи, приноровленномъ къ латинскому, или въ переложеніи съ перваго на второе, чтобы и ученымъ она была доступна; при этомъ, изъ-за страсти къ учености, къ народной мудрости прибавлялось много поговорокъ подобнаго же содержанія изъ римскихъ и греческихъ классиковъ. Все это сопровождалось безконечными комментаріями, согласно съ назидательнымъ направленіемъ эпохи.

Шуточная повѣсть составлялась по итальянскому образцу. «Фацетіи» Поджіо, имя котораго встрѣчается и въ нѣмецкихъ сборникахъ, опредѣляли мѣсто разсказа и направленіе мысли, такъ что нѣмцы вступили въ соревнованіе съ итальянцами въ нравственно-свободныхъ и противосвященническихъ исторіяхъ. Нѣкоторые, напр., Мих. Линднеръ въ своемъ «Катципори», совсѣмъ не знали никакой мѣры; другіе, хотя и болѣе приличные, напр., Г. В. Кирхгофъ въ «Вендунмутѣ», грѣшили отступленіями и нравоучительными замѣчаніями. Немногіе достигали классическаго совершенства: таковъ, несправедливо ославленный, какъ яко-бы крещеный еврей, Іог. Паули въ «Schimpf und Ernst», который тѣснѣе всего примыкалъ къ латинскимъ Фацетіямъ Генриха Бебеля, къ этимъ непосредственнымъ отголоскамъ латинскаго образца; таковъ и Іергъ Викрамъ въ своемъ «Rollwagenbüchlein». Послѣдній былъ также основателемъ прозаическаго романа въ Германіи, который, впрочемъ, не пошелъ дальше. Какъ особый низкій родъ забавной повѣсти, явились Книги Дураковъ и Лжи. Въ первыхъ изъ нихъ видимъ приключенія и выходки настоящихъ придворныхъ шутовъ, иногда остроумныхъ, но чаще грубыхъ болвановъ, или же грубые отвѣты, перемѣшанные съ неостроумными разсказами. Книги Лжи—собранія всякихъ небылицъ, преувеличеній, описаній невозможныхъ странъ: онѣ свидѣтельствовали о через-чуръ пылкой фантазіи и о неутоленной жаждѣ знать далекое и чуждое.

Нравоучительная тенденція, выступавшая во многихъ забавныхъ повѣстяхъ, была слѣдовательно главнымъ качествомъ сатиро-дидактической поэзіи, а главнымъ ея сочиненіемъ былъ «Narrenschiff», «Корабль дураковъ» Себастіана Бранта. Это сочиненіе—вполнѣ ошибочное въ своемъ построеніи (о самомъ кораблѣ и о его Дурацкой Странѣ—цѣль его путешествія,—мало рѣчи) и бѣдно вымысломъ: вмѣсто самостоятельнаго описанія, тамъ компиляціи изъ Библіи и писателей древнихъ временъ. Оно имѣло очень большое вліяніе какъ своимъ текстомъ, этими простыми стихами, легко запечатлѣвающимися въ памяти и соотвѣтствующими народному духу, такъ и своими политипажами, которые объясняли дѣло и безграмотному, а также забавляли и поучали читателя. Оно грубо говорило правду всѣмъ, высокимъ и низкимъ, но не пугало: оно приводило къ добродѣтели тѣмъ, что выдавало злодѣевъ не за преступниковъ, а за дураковъ, не исключало исправленія и возбуждало во всякомъ злорадство при видѣ товарищей и даже лучшихъ соперниковъ въ своихъ грѣшкахъ. Какъ первый въ этомъ родѣ, Брантъ удостоился уваженія и славы; но, по проницательности, остроумію, ловкому употребленію языка, его превзошли Гейлеръ фонъ-Кайзерспергъ и Томасъ Мурнеръ. Отъ перваго изъ нихъ уцѣлѣло мало подлинныхъ проповѣдей: сохранились больше записи слушателей, въ которыхъ встрѣчаются и свѣтскіе тексты, напримѣръ, изъ «Корабля Дураковъ». Гейлеръ ф. Кайзерспергъ умѣлъ и подавлять, и подымать своихъ слушателей: онъ указывалъ на мелкіе непорядки и на крупные пороки, казнилъ нравственную распущенность, религіозныя распри, политическое недомысліе. Онъ умѣлъ также смягчать свои громы юморомъ, скрашивать свои безотрадныя описанія глубиною вѣры. Мурнеръ отличался болѣе грубой рукой, касался ли онъ твореній своего учителя, Бранта, которому подражалъ немного смѣло, или затрогивалъ жизнь, которую онъ рисовалъ безъ прикрасъ, грубо и насмѣшливо, но мастерски владѣя языкомъ и изложеніемъ. Онъ не былъ педантомъ, стражемъ нравственности, великимъ характеромъ, законченнымъ художникомъ: то былъ трезвый наблюдатель и реалистическій живописецъ.

И басня старалась изображать дѣйствительность. Если шутки подражали «Совиному зеркалу»,—то ей послужила образцомъ «Рейнеке-Лисъ». Басня говорила о звѣряхъ; а думала про людей. Она любила обобщать и тѣсно

примыкала къ Эзопу и къ его средневѣковымъ переводчикамъ и подражателямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывала на литературныя, религіозныя, политическія отношенія своего времени. Бургардтъ Вальдисъ, вовлеченный своей бурной жизнью во владѣнія разныхъ господъ и познакомившійся съ разными сословіями, намекалъ на экономическія условія. Георгъ Ролленгагенъ въ своемъ подражаніи древнимъ—въ «Froschmeuseler'ѣ», далъ, въ общихъ чертахъ, картину ужасныхъ религіозныхъ распрей; а Эразмъ Альберусъ шуточно и сильно, остроумно и въ совершенной формѣ, указалъ, какъ немногіе, на умственное состояніе того времени.

Матеріаломъ, скопленнымъ въ баснѣ и забавной повѣсти, въ лирикѣ и сатирѣ, воспользовались и мейстерзенгеры. У нихъ нова только форма, очень искусная и искусственная: своими мудреными риѳмами и трудно построенными строфами она отличалась отъ свѣжихъ ладовъ народной пѣсни. Многими правилами закрѣпили эти особенности, и ихъ нарушеніе подвергалось строгой карѣ. Мейстерзенгеры замкнулись въ школахъ, въ настоящія корпораціи, которыя вскорѣ закоснѣли во внѣшностяхъ и уничтожили здоровую жизнь. Здоровье во всемъ этомъ заключалось лишь въ реакціи противъ рыцарства. На мѣсто шляющихся бездѣльниковъ выступили осѣдлые прилежные ремесленники; стали прославлять заработокъ вмѣсто расточительности, честную любовь къ дѣвушкѣ вмѣсто обоготвореннаго безсмысленно-чувственнаго воспѣванія чужихъ женъ; доморощенная мораль вытѣсняла шаткое понятіе о чести; культъ Маріи и сильно населенное святыми небо уступали мѣсто трезвому протестантизму. Народу мейстерзенгеровъ нравились вѣковыя прославленія его искусства; и онъ наполнялъ тома разсказами разнаго рода. Самый плодовитый изъ этихъ поэтовъ былъ нюрнбержецъ—*Гансъ Саксъ*, который въ тысячахъ пѣсней мейстерзенгеровъ, забавныхъ повѣстей и поговорокъ и больше чѣмъ въ 200 драмахъ обработалъ матеріалъ Библіи и сочиненія древнихъ и новыхъ временъ. Онъ обладалъ талантомъ и живостью, хотя множество его работъ не представляютъ художественнаго совершенства, что было и невозможно при ихъ многочисленности. Гансъ Саксъ былъ набоженъ и юмористиченъ, честенъ и патріотиченъ, не боялся говорить правду священникамъ и князьямъ и прославлялъ родной городъ и родную страну.

Народный духъ, національность были выдвинуты реформаціей, которая обращалась къ народу и встряхивала весь его внутренній міръ. Только Лютеръ былъ настоящій сильный народный мужъ, который такъ умѣлъ съ нимъ говорить, какъ, быть можетъ, никто до него. Онъ сталъ творцомъ новаго, верхне-нѣмецкаго языка, который возвѣщалъ всяческую премудрость въ басняхъ и застольныхъ рѣчахъ, сталъ оракуломъ всего міра—въ письмахъ, говорилъ со знатью, съ князьями, съ ратманами и тиранами—въ трактатахъ, объявлялъ войну папѣ и многимъ личнымъ врагамъ—въ полемическихъ сочиненіяхъ и побѣждалъ ихъ, какъ своей основательностью, такъ и грубостью; а въ своихъ дивныхъ проповѣдяхъ, онъ подымалъ вѣрующихъ, сокрушалъ сомнѣвающихся. Но больше всего дѣйствовалъ Лютеръ своимъ переводомъ Библіи, которымъ онъ, несмотря на многихъ предшественниковъ, завоевалъ для Германіи эту книгу изъ книгъ, а также своими церковными пѣснями, которыя стали главной

частью богослуженія, неисчерпаемымъ источникомъ назиданія. Оба творенія нашли безчисленныхъ подражателей, часто непризванныхъ, еще чаще неумѣлыхъ: «конечно, не было такого пономаря, такого сапожника, который не мнилъ бы себя способнымъ сочинить пѣсенку». Но эти труды свидѣтельствуютъ о невиданной силѣ вѣры. Даже народная пѣсня поступила на службу къ реформаторскому движенію: она прославляла, какъ мучениковъ, «дорогихъ людей Божіихъ»—героевъ протестантизма, принявшихъ смерть за него. Во многихъ повѣствовательныхъ и сатирическихъ листкахъ, которые любили разговорную форму, по примѣру благороднаго рыцаря Ульриха фонъ-Гуттена, описывались и истолковывались событія реформаціонной эпохи, начиная съ прибитія тезисовъ къ дверямъ, кончая смертью Лютера, интеримомъ и соборами. Проза и поэзія получили больше развитія, чѣмъ въ народной церковной пѣснѣ и въ листкахъ, въ историческихъ и географическихъ сочиненіяхъ и въ драмѣ. Въ исторіи много занимались автобіографіей (Гецъ фонъ-Берлихингенъ), а также старой лѣтописью и культурными описаніями (Циммернская Лѣтопись, полная анекдотовъ и народныхъ пѣсенъ). Но больше всего интересовались мѣстной и реформаціонной исторіей. Тутъ выдавались швейцарцы: въ первомъ родѣ—Эттерлинъ и Чуди, къ которымъ присоединяется баварецъ Авентинъ, во второмъ—Кесслеръ, Вадіанъ, Вал. Ансгельмъ. Первымъ, быть можетъ, дѣлаютъ слишкомъ много чести, утверждая, вмѣстѣ съ Гете, будто только съ ихъ помощью можно воспитать порядочнаго человѣка; вторые же представляютъ иногда драгоцѣнныя картины и обнаруживаютъ преданность и дѣльный образъ мыслей, что встрѣчается также и въ католическихъ сочиненіяхъ. Себастіанъ Мюнстеръ и Себастіанъ Франкъ представляютъ собой два самостоятельныхъ и противоположныхъ ума: первый—неутомимый ученый, собравшій въ своей толстой дѣльной космографіи всѣ тогдашнія географическія знанія; второй—свободный мыслитель, описавшій прошлое и настоящее въ большихъ историческихъ трудахъ и въ своей «Книгѣ міра»—сочиненіяхъ остроумныхъ, но несвободныхъ отъ тенденцій. *Драма*, нѣмецкая и латинская, примыкала къ древности и по формѣ, и по содержанію: изъ нея да изъ Библіи она черпаетъ свой матеріалъ; ихъ она употребляетъ для укрѣпленія вѣры и возмѣщенія реформаторскаго ученія; она обрабатывала ихъ шутки и рисовала веселое студенчество. Въ весьма немногихъ драмахъ встрѣчаются крупное сценическое искусство и драматическое развитіе: но обыкновенно въ нихъ дышетъ наивное увлеченіе только-что пріобрѣтеннымъ даромъ поэзіи. Иностранныя вліянія—итальянское, англійское—обнаруживались болѣе ясно лишь къ концу вѣка, да и то больше въ ловкой постановкѣ и въ выборѣ предмета, чѣмъ въ возбужденіи истинно поэтическаго настроенія.

Дѣло въ томъ, что послѣднія десятилѣтія 16-го в., этотъ переходъ къ 17-му в., періодъ противореформаціи, былъ порой упадка, когда возроставшее иностранное вліяніе мѣшало подъему самобытной нѣмецкой силы. На мѣсто могучаго полета богословія выступили мелкія теологическія препирательства; свѣжій тонъ народной пѣсни замолкъ и уступилъ мѣсто искусственнымъ печалованіямъ; нѣмецкій языкъ нерѣдко вытѣснялся латинскимъ. Могущественно подымался католицизмъ, глашатаями котораго выступали уже при Лютерѣ, кромѣ Мурнера, Эмзеръ и Кохлеусъ. Въ

этомъ періодѣ замѣтна только одна могучая личность: это—страсбуржецъ Іоганнъ *Фишартъ*. Онъ дѣйствовалъ не только какъ истолкователь и подражатель Раблэ, но и какъ многосторонній поэтъ: онъ воспѣвалъ религію и отечество, родной городъ и свободу; онъ сатирически, весьма рѣшительно и замѣчательно разносторонне изображалъ нравственное, политическое и религіозное положеніе своего отечества и сосѣднихъ странъ. Ревностный протестантъ, заклятый врагъ Франціи и Испаніи, онъ былъ въ то же время набожный и свободолюбивый человѣкъ. Рѣдко, а въ 16-омъ вѣкѣ никогда, нѣмецкій языкъ употреблялся такъ искусно и такъ искусственно, какъ у него: это—инструментъ, на которомъ онъ умѣлъ играть могущественно и ловко. Ему недоставало только мѣры, чтобы быть несравненнымъ поэтомъ.

Французская литература представляетъ совсѣмъ другой видъ. Правда, есть извѣстное сходство между нею и нѣмецкою литературой. И во Франціи новыя формы государства вызывали новую письменность; Францискъ I занималъ такое же мѣсто среди своихъ поэтовъ и прозаиковъ, какъ Максимиліанъ въ Германіи. И тамъ не было умственнаго центра: Парижъ, хотя и былъ столицей, далеко не игралъ такой роли. Но главная разница между обѣими странами заключалась въ томъ, что во Франціи почти не было народной литературы: большая рѣдкость—такой фактъ, какъ упоминаніе о народной пѣснѣ у Монтеня. Затѣмъ важно, что реформація проникала во Францію сравнительно слабо: оттого литература носила рѣзкій католическій отпечатокъ; и вообще религіозное возбужденіе преодолѣвалось политическимъ, какъ видно, напримѣръ, изъ сатирической и дидактической письменности, которою много занимались и во Франціи. Другое существенное различіе, о которомъ иностранецъ, конечно, не можетъ дать рѣшающаго приговора, состоитъ въ томъ, что памятники французскаго языка гораздо болѣе отличаются новымъ характеромъ, чѣмъ нѣмецкіе. Между тѣмъ какъ Монтень, Маргарита Наваррская, отчасти даже Раблэ легко читаются нынѣшними французами и пользуются какъ бы правами классиковъ, въ Германіи сочиненія писателей 16-го вѣка знакомы, въ оригиналахъ, лишь ученымъ; образованные же люди могутъ читать ихъ только въ переложеніяхъ на нынѣшніе языки. Это относится даже къ Бранту, Мурнеру и Гансу Саксу, не говоря уже о Фишартѣ.

Индивидуализмъ, эта черта всей новой литературы, ясенъ и во Франціи при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ. Франсуа Виллонъ и Филиппъ де-Коминъ, оба—15-го вѣка (Коминъ умеръ, правда, въ 1509 г.), уже новые люди. Виллонъ, сильный, своеобразный поэтъ, разбойникъ большихъ дорогъ и пьяница, развратникъ и бѣглый священникъ, безъ стыда разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ, покровителяхъ и товарищахъ. Коминъ, политикъ и историкъ, сообщавшій о дѣяніяхъ своихъ господъ—Карла Смѣлаго бургундскаго, Людовика XI французскаго и его наслѣдника—умѣлъ проявить свое пониманіе политики, свои взгляды на людей и на вещи, а также выставить принципомъ субъективность, въ особенности же личный интересъ.

Этотъ индивидуализмъ обнаружился и въ лирикѣ, которою во Франціи больше занимались, чѣмъ въ Германіи. Тутъ видимъ три поколѣнія—три школы, если угодно прилагать это неблагозвучное слово къ исторіи поэзіи.

Первое изъ нихъ служило главнымъ образомъ любви, въ лицѣ своего вождя, Клемана Маро (Marot), въ которомъ были и народная жилка, и религіозный оттѣнокъ, хотя его протестантизмъ не очень глубокъ, а его переводъ псалмовъ—неудачная вещь, несмотря на то, что онъ имѣлъ большое вліяніе, сказавшееся за предѣлами Франціи и ея языка. Даже въ стихахъ женщины, Луизы Любэ (Lubé), истинная склонность, настоящая страсть, сокрушительный пылъ чувственности достигаютъ изящнаго, поэтическаго выраженія. Во второмъ періодѣ, во главѣ котораго стоятъ Пьеръ-де-Ронсаръ (Ronsard) и Іоахимъ дю-Беллэ (Bellay), вожди цѣлой «плеяды» поэтовъ, передъ нами уже вмѣсто любви—любезничанье, вмѣсто сердечныхъ тоновъ—подражаніе иноземцамъ, въ особенности итальянцамъ, вмѣсто веселыхъ, естественныхъ народныхъ ладовъ—искусственное стихосложеніе; и платонизмъ смѣшивается съ половой распущенностью. Впрочемъ вообще служеніе дружбѣ стоитъ наряду съ прославленіемъ любви. Друзей соединяли поклоненіе общественности, сознательное, хотя нерѣдко внѣшнее подражаніе древнимъ (Пиндару, Анакреону, Горацію), политико-религіозная реакція, восхваленіе сильной королевской власти съ ея представителями, восторженность предъ католичествомъ и его подвигами. Третій періодъ лирики, съ Малербомъ (Malherbe) и Ренье (Régnier) во главѣ, отличается дидактическо-литературнымъ характеромъ. Поэтическія и язычныя правила, въ которыхъ не было недостатка и прежде, растутъ; картины общества и сатиры на личности занимаютъ первое мѣсто въ стихотвореніяхъ.

И другіе занимались сатирой и дидактикой. Появлялись нравственные кодексы, предписанія мудрости. Всѣ они, прямо или косвенно, примыкали къ Мишелю де-*Монтеню* (Montaigne). Его «Опыты»—остроумная и, благодаря научнымъ свѣдѣніямъ, глубокомысленная болтовня о Богѣ и мірѣ, о древности и современности, о политикѣ и литературѣ: она была вовсе не методична; и это-то придавало еще больше силы сочиненію, милый скептицизмъ котораго соотвѣтствовалъ свойствамъ его соотечественниковъ. У Монтеня и его преемниковъ господствовало довольство существующимъ; во всякомъ случаѣ, страхъ передъ новшествами вызывалъ совѣтъ—лучше переносить тягости, чѣмъ учинять волненія. Другіе-же—Лангэ (Languet), Готоманъ и проч. проповѣдовали именно переворотъ, борьбу съ королевской властью (отсюда названіе этихъ писателей—монархомахи); они защищали право народа выбирать себѣ короля и союзниковъ среди другихъ націй. Подлѣ этой политической сатиры, развивалась сатира литературная и религіозная. Ея самымъ блестящимъ представителемъ былъ *Раблэ* (Rabelais) и его «Гаргантюа и Пантагрюэль». Это былъ столько же юмористъ, сколько сатирикъ; онъ потѣшался надъ положеніемъ вещей и надъ ученіями, погрѣшалъ и утомлялъ чрезмѣрностью въ своихъ шуткахъ и намекахъ; этому питомцу и защитнику. Возрожденія недоставало его главнаго качества—соразмѣрности и изящества. Но его выходки противъ поповъ и папскихъ прихвостней, противъ плохихъ педагоговъ и ученыхъ посредственностей долго оставались могучимъ оружіемъ.

Мягче была сатира въ разсказахъ и въ комедіи. Въ разсказахъ (напримѣръ, въ мастерскихъ картинахъ Бонавентуры де-Перье) замѣтны

свѣжесть, трогательность наряду съ сатирой. Онѣ особенно ясны въ «Гептамеронѣ» *Маргариты Наваррской*, которая, при своихъ трогательныхъ любовныхъ разсказахъ, при своихъ благочестивыхъ, почти мистическихъ сценическихъ произведеніяхъ и трактатахъ, сумѣла измышлять или брать у другихъ легкія исторійки, въ которыхъ живо выражалась сатира на положеніе нравственности и религіи.

Маргарита и ея кружокъ были преданы протестантизму. Но никто изъ ея единомышленниковъ не былъ такъ близокъ къ народу, какъ Лютеръ. Какъ ни могущественно было вліяніе Кальвина, онъ былъ чуждъ широкой публикѣ, не любезенъ народу и, какъ житель Швейцаріи, былъ далекъ отъ родной земли. Но реформаціонныя сочиненія Фареля и другихъ и церковная исторія Безы проникали и во Францію. Судьба и труды многихъ мучениковъ, вродѣ Этьена Долэ (Dolet) не вредили, а способствовали дѣлу протестантизма. Обвѣянные свѣжестью молодости псалмы придавали оживленіе кальвинизму и содѣйствовали его распространенію, хотя они и были далеко не такъ горячи и глубоки, какъ нѣмецкая церковная пѣсня.

Богословы ведутъ насъ своими трудами изъ области изящнаго въ научную литературу. Въ этой послѣдней ревностно работали запоздалые ученики гуманизма—филологи, историки, юристы. Чтобы назвать хоть по одному въ каждой области, упомянемъ объ Анри Этьенѣ, де-Ту (Thou), Кюжасѣ: эти люди, какъ показываютъ уже весьма часто употребляемыя ими латинскія имена (Stephanus, Thuanus, Cujacius), употребляли, въ своихъ главныхъ трудахъ, латинскій языкъ. Но они не забывали связи съ своимъ временемъ: такъ Этьенъ издалъ порицаніе Катерины Медичи, которое было чрезмѣрно восхвалено католиками и было осуждено протестантами, какъ причина всѣхъ бѣдствій; онъ же написалъ большой трактатъ противъ вторженія итальянскихъ выраженій во французскій языкъ.

Древность была для ученыхъ предметомъ занятій и осталась богатымъ источникомъ поученій; а для драматурговъ она часто служила цѣлымъ рудникомъ матеріала. Конечно, комедія, дававшая скромныя описанія современности, сохранилась за итальянцами и приближалась къ тамошнимъ образцамъ, какъ по содержанію, такъ и по исполненію. Трагедія совершенно находилась въ зависимости отъ древности, несмотря на то, что нерѣдко пользовалась библейскимъ матеріаломъ, и иногда съ полемической цѣлью; а случалось, что она затрагивала и національную, современную исторію. Эта зависимость сказывалась, съ одной стороны, въ выборѣ матеріала, при чемъ предпочитались баснословныя греческія личности и герои римской исторіи, съ другой—въ обработкѣ, при чемъ хоръ, вѣстникъ и другія особенности древней трагедіи часто воспроизводились рабски. Да, драматургія того вѣка не была цвѣтущей; но Этьенъ Жодель (Jodelle) и Р. Гарнье (Garnier), а также многосторонній Ал. Гарди (Hardy) и значительный поэтъ А. де-Монкретіенъ (Montchrestien) заслуживаютъ упоминанія, какъ предтечи великихъ драматурговъ временъ Людовика XIV.

Между тѣмъ какъ въ Германіи и Франціи мѣстныя нарѣчія боролись съ латынью и вскорѣ были побѣждены классическою рѣчью, въ Италіи кипѣла борьба въ переходное время между 15 и 16 вѣками, и она кончилась въ пользу итальянскаго языка. И между тѣмъ, какъ ученый изу-

часть нѣмецкія сочиненія того времени, изъ которыхъ иныя читаются рѣдкими любителями старомодныхъ книгъ, между тѣмъ какъ немногія французскія стихотворенія и нравственные трактаты охотно перелистываются и теперь, два итальянскихъ произведенія остаются любимцами націи, какъ и тогда: это—«Неистовый Роландъ» Аріоста и «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса. *Аріосто* и *Тассо* были великими поэтами и писателями. Сонеты перваго—живые свидѣтели страстной, счастливой и несчастной любви; его сатиры—правдивыя описанія общества и государства, съ откровеннымъ выраженіемъ симпатій и антипатій автора; его комедіи—полу-забавныя, полу-карательныя изображенія безобразій и распутства эпохи. Сладко-печальная лирика Тасса возвышалась надъ ликованіемъ и плачемъ современниковъ; его прозаическіе философскіе трактаты—важные памятники языка. Но у обоихъ классическими остались только эпическія произведенія. Это до сихъ поръ—образцы языка и формы; нынѣшній итальянецъ не хуже итальянца 16-го вѣка упивается построеніемъ стиха и благозвучіемъ языка. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что содержаніе этого эпоса вовсе не національное и не современное; и воспѣтое тамъ рыцарство не было, какъ, напримѣръ, въ Германіи, ни грознымъ, ни завиднымъ сословіемъ. Оба эпоса, а также близкія къ первому, по содержанію, стихотворенія Боярдо и другихъ, воспѣвавшихъ также Роланда и другихъ паладиновъ императора Карла Великаго, обязаны своимъ необычайнымъ успѣхомъ не только прелести стиха и мастерскому владѣнію языкомъ, но и слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ твореніяхъ Аріоста привлекала пестрая масса приключеній, которыя, хотя и отдаленнымъ образомъ, напоминали современную борьбу массъ и отдѣльныхъ лицъ, а также любовныя исторіи, полныя любезностей рыцарскаго обожанія и истинно великой страсти, которая помутила умъ главнаго героя. У Тасса главною приманкою было стремленіе къ чужимъ странамъ, вообще свойственное итальянцамъ, какъ дѣтямъ 16-го вѣка, а также религіозное томленіе, находившее себѣ удовлетвореніе въ описаніи борьбы съ невѣрными и въ картинахъ завоеванія святой земли.

Кромѣ этого предпочтенія эпоса, стоявшаго на заднемъ планѣ въ Германіи и Франціи, итальянская литература представляла и другія особенности сравнительно съ этими странами. У Франціи была своя столица; въ Германіи не было политическаго и литературнаго центра; зато такіе вольные города, какъ Нюрнбергъ и Страсбургъ, привлекали къ себѣ значительные литературные кружки. Среди нѣмецкой знати встрѣчались такіе препрославленные любители, какъ Ульрихъ вюртембергскій, и такіе друзья литературы среди князей, и сами бравшіеся за перо, какъ императоръ Максимиліанъ и герцогъ Генрихъ Юлій брауншвейгскій; но меценатство нашло себѣ классическаго представителя лишь въ Людовикѣ XIV французскомъ; и оно перешло въ Германію вмѣстѣ со многимъ другимъ, хорошимъ и дурнымъ. Въ Италіи же и въ реформацію, какъ при Возрожденіи, сохранялись такіе литературные центры, какъ Римъ и Флоренція, и такіе меценаты, какъ Медичи, Эстэ феррарскіе, Арагонезе неаполитанскіе. Далѣе. Правда въ Германіи и Франціи обращали вниманіе на языкъ: не мало выходило граматикъ и словарей, метрикъ и піитикъ; но ни здѣсь, ни гдѣ-либо еще въ то время такъ не цѣнился языкъ, въ смыслѣ драгоцѣн-

нѣйшаго сокровища, какъ въ Италіи. Тамъ забота о немъ, его выработка, его утонченность считались жизненною задачей. Множество академій, въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, занимались только усовершенствованіемъ языка, тогда какъ нѣмецкія филологическія общества начали развиваться лишь со второго десятилѣтія XVII-го вѣка, а французская академія, едва зарождавшаяся при Генрихѣ III (такъ называемая придворная академія), была произведеніемъ и памятникомъ эпохи Людовика XIV.

При дворахъ и въ академіяхъ Италіи кипѣла богатая литературная жизнь. Помимо эпоса, особенно занимались лирикой и драмой. Для первой образцомъ служилъ Петрарка, для второй—поэты греческой древности по части трагедіи и римскіе поэты—по части комедіи. Петраркисты встрѣчались во всякомъ, большомъ и маломъ, городѣ Италіи, даже въ Венеціи, которая сначала была враждебна новому литературному движенію. Сонеты, духовные и свѣтскіе, страстные и аскетическіе, распѣвались мужчинами и женщинами, и даже такими, какъ Микель Анджело и Витторія Колонна: ихъ было почти столько же, сколько церковныхъ пѣсенъ въ Германіи. Комедія изображала вѣрныя, нерѣдко страшно наглыя картины жизни, побѣду лукавства, торжество чистой, а часто и нечистой любви. Трагедія, заимствовавшая свое содержаніе и формы изъ древности, выставляла на показъ печальную судьбу королей и богачей, смертоубійства и кровосмѣшенія; лишь изрѣдка встрѣчаются исключенія, которыя можно принять за слабые зародыши мѣщанской драмы, но тамъ сладострастно захлебывались во всякаго рода ужасахъ.

Ниже лирики и драмы стояли дидактика и повѣствованіе. По примѣру Джіованни Ручеллаи и Луиджи Аламанни, описывавшихъ пчелъ и земледѣліе, талантливые поэты расписывали, въ длиннѣйшихъ стихахъ, всевозможные предметы, вродѣ шахматной игры и половыхъ болѣзней. Пышно зацвѣла повѣсть, слѣдовавшая великому образцу Боккаччіо и спутниковъ XIV-го и XV-го вв. Приключенія эпоса, ужасы драмы, эротизмъ лирики смѣшивались здѣсь съ длинными разсужденіями дидактики. Это своеобразный родъ—новелла, вождями которой были Маттео Банделло и Джиральди Чинціо. Ихъ разсказы, то взятые изъ дѣйствительности, то заимствованные изъ литературныхъ источниковъ, и всего рѣже порождаемые свободной фантазіей, были любимымъ чтеніемъ современниковъ и давали хорошую, но не всегда отрадную и зачастую безстыдную картину тогдашней культуры; они послужили рудникомъ для позднѣйшихъ драматурговъ.

Указанными родами письменности и именами вовсе не исчерпывается итальянская литература того времени. Такіе писатели, какъ Бембо и Кастильоне, Понтано и Саннацаро, бывшіе также гуманистами, упоминались уже въ литературѣ Возрожденія. Каждое изъ этихъ именъ означаетъ программу, особый литературный родъ—эпистолографію, изображеніе утонченной жизни, культурную исторію, пастушескія стихотворенія. А подлѣ великихъ художниковъ сколько ремесленниковъ, подлѣ главнаго искусства сколько мелкихъ промысловъ! Но заслуживаютъ упоминанія два человѣка, два типическихъ явленія, два творца новыхъ родовъ—*Макіавелли* и *Пьетро Аретино*. Оба—фигуры несимпатичныя, какъ часто бываетъ съ геніями; и оба—чудаки, какіе могли водиться только въ Италіи. Правда, большая разница между ними: съ одной стороны, серьезный нравственно чистый, преданный строгой наукѣ и государственной службѣ флорентинецъ; съ другой—легкомысленный, падкій на наслажденія космополитъ,—то лѣнивый, то хватающійся за легкое борзописаніе, какъ журналистъ, политикъ, поэтъ, нашедшій пристанище въ Венеціи. Но было нѣчто общее между авторомъ «Флорентинской Исторіи» и того «Государя», котораго больше бранили и называли, чѣмъ читали, съ одной стороны, и Аретиномъ—съ другой, этимъ писакой безстыдныхъ писемъ, рѣзкихъ сатиръ, приторныхъ новеллъ и комедій, который называлъ себя «бичемъ государей», ибо онъ дѣйствительно могъ стать бичемъ, благодаря умѣнью расточать похвалы, а еще больше—осыпать бранью. Именно оба они отличались трезвымъ взглядомъ на міръ, безпощаднымъ изложеніемъ своихъ наблюденій и сильнымъ индивидуализмомъ.

Не случайно оба эти итальянскіе прозаика остались своеобразными явленіями, между тѣмъ какъ итальянскіе лирики направляли французскихъ, драматурги вызывали подражанія, новеллисты давали матеріалъ драматургамъ, великіе эпики нарождали цѣлое войско переводчиковъ, а всѣ мыслители имѣли своихъ апостоловъ и учениковъ въ чужихъ странахъ и въ отдаленныхъ вѣкахъ,—какъ философы Возрожденія, зависѣвшіе отъ міровоззрѣнія и даже отъ формъ язычества, такъ и философы позднѣйшіе, вродѣ глубокомысленнаго, преданнаго пантеизму Джіордано Бруно.

Сосѣдки, Италія и Испанія, сильно воздѣйствовали другъ на друга. Между ихъ языками было много общаго. Въ Южной Италіи царствовалъ испанскій домъ, Арагонезе, которые распространяли испанскій языкъ и обычаи въ подчиненныхъ имъ земляхъ. Ихъ соединяла одна и та же вѣра, такъ что протестантизмъ не могъ побѣдить тамъ и ограничивался горстью мучениковъ. Въ обѣихъ странахъ господствовало одинаковое пристрастіе къ чужимъ землямъ, при горячей привязанности къ родинѣ: обѣ онѣ предпринимали путешествіе, слѣдуя самому великому и сильному примѣру, данному генуэзцемъ Колумбомъ, служившимъ испанскимъ королямъ.

Подражаніе итальянцамъ сказалось особенно въ испанской лирикѣ, которая находилась прямо подъ вліяніемъ извѣстныхъ итальянцевъ, въ особенности венеціанца А. Наваджеро. Но содержаніемъ этой лирики служила не исключительно любовь, чувственная или аскетическая, какъ обыкновенно въ Италіи, а благочестіе, какъ и подобало вѣрующимъ испанцамъ, въ противоположность скептическимъ итальянцамъ. Впрочемъ, какъ обыкновенно у южныхъ народовъ, это благочестіе часто принимало тонъ почти свѣтской страстности, пылкаго увлеченія; по большей части удаленіе изъ міра и жажда Неба проистекали изъ земныхъ страданій. Такъ, въ лирикѣ обнаруживалась внутренняя связь между обоими романскими народами; но эпосъ, а именно рыцарскій, въ которомъ, повидимому, отражался національный характеръ итальянцевъ, не находилъ себѣ подражателей.

Зато въ Испаніи возникъ рядъ самобытныхъ новыхъ родовъ письменности. Прежде всего Лацарильо де Тормесъ, Діего Гуртадо де *Мендоза* открылъ весьма успѣшный родъ литературы, именуемый шельмовскимъ романомъ. Здѣсь сдѣлана попытка прославленія нищихъ и плутовъ въ разсказахъ объ ихъ воровствахъ и мошенничествахъ, объ ихъ безбожіи и наглости. Это дѣлалось не ради восхваленія порока, а чтобы обѣлить эти отбросы общества, какъ простыхъ дѣтей природы, свободныхъ отъ не-

естественности и принужденій. Это доказывается тѣмъ, что, при всемъ ихъ плутовствѣ, за героями остаются граціозность, шутливость, проблески чести. Съ этой стороны, къ шельмовскому роману подходитъ пастушескій романъ, не лишенный зависимости отъ Италіи. Его классическимъ примѣромъ служитъ «Діана» Монтемайора, законченная Перецомъ и Джилемъ Поло. Между тѣмъ какъ шельмовскій романъ пытался изобразить дѣйствительную жизнь, хотя и лишь одинъ уголочекъ ея, пастушескій романъ былъ враждебенъ ей, подобно рыцарству, идеализованному въ поэзіи. Онъ расписывалъ самый вымышленный міръ: здѣсь даже просвѣтленная природа была не снимкомъ съ настоящей, а придуманной, условной обстановкой. Поэтъ оживлялъ свой міръ лицами, жившими только въ его воображеніи. Но измышленіе такого міра и такого человѣка было не плодомъ каприза поэта: это бѣгство отъ закоснѣлой военщины того времени въ утопію фантазіи было результатомъ страха предъ грозной инквизиціей, не допускавшей свободнаго слова.

Противоположность между дѣйствительнымъ и фантастичнымъ мірами, отразившаяся въ этихъ двухъ родахъ поэзіи, замѣчается и въ другихъ двухъ родахъ литературы, достигнувшихъ тогда процвѣтанія,—въ исторіографіи и рыцарской повѣсти: одна описывала дѣйствительность, другая вела въ вымышленный міръ. Исторія, описывающая даже прошлое, всегда имѣетъ дѣло съ дѣйствительностью, а по большей части и съ современностью: ни одинъ историкъ не можетъ освободиться отъ вліянія своего времени, отъ впечатлѣній пережитаго. Рыцарская же повѣсть, даже исходя изъ дѣйствительныхъ или возможныхъ событій, должна была вдаваться въ преувеличенія, хвататься за баснословіе, если только она желала вызвать чувство чудовищнаго. Главными среди историковъ были Джеронимо Цурита, съ его «Арагонской исторіей» и «Исторіей Фердинанда Католика», о которой Ранке сказалъ, что она доставила ему больше поученія, чѣмъ всѣ другія книги по новой исторіи, и Хуанъ де Маріана, съ его «Всеобщею Исторіей Испаніи». На подобіе своихъ итальянскихъ образцовъ, они даютъ не военную исторію, не лѣтописныя замѣтки, а умное, не лишенное критики изображеніе внутренней исторіи, государства, съ свободнымъ взглядомъ на политику и королевскую власть: встрѣчается даже оправданіе цареубійства, напоминающее выходки французскихъ сатириковъ той эпохи. У нихъ видимъ также мужественныя замѣчанія насчетъ религіи, которыя сильно смущали не однихъ іезуитовъ.

Но главная слава принадлежитъ *Мигэлю Сервантесу де Сааведра* (1547—1619). То былъ поистинѣ геніальный писатель и великій человѣкъ, который не дождался полнаго признанія при жизни, но зато выпилъ чашу страданій, какъ прилично дѣйствительному величію. Это былъ мужественный солдатъ; но, при всемъ своемъ мужествѣ и храбрости, онъ долго томился въ плѣну, причемъ обнаружилъ, въ ужасныхъ страданіяхъ, изумительное величіе души. И по возвращеніи домой онъ не получилъ награды за свою службу: онъ мучился на низкихъ мѣстахъ, терпѣлъ нужду и если не погибъ отъ нея, то только благодаря поддержкѣ двухъ знатныхъ покровителей. Во многихъ своихъ произведеніяхъ—пастушескихъ романахъ, разсказахъ и драмахъ—Сервантесъ только слѣдовалъ своимъ товарищамъ; только «Донъ Кихотъ», гдѣ онъ пошелъ своею

дорогой, пріобрѣлъ безсмертіе. Всѣмъ даже не читавшимъ этого сочиненія извѣстны обѣ фигуры, наиболѣе отдѣланныя и самыя своеобразныя—заглавный герой и Санхо Панса. Донъ Кихотъ, бѣдный рыцарь, помѣшавшійся отъ чтенія нелѣпыхъ рыцарскихъ книгъ, странствуетъ по міру, безъ власти и безъ силъ, безъ уваженія и поддержки, но представляетъ собой благородство души, какъ защитникъ невинности и справедливости; Санхо Панса, прожорливый, своекорыстный крестьянинъ, изображаетъ собой здравый смыслъ и природное остроуміе. Тотъ, больной тѣломъ и душой, служитъ образцомъ идеальности, этотъ, крѣпкій членами и разсудкомъ, но скорѣе неотесанный, чѣмъ мощный, представляетъ собой дѣйствительность. Сначала поэтъ хотѣлъ написать только назидательную книгу, чтобы подавить страсть къ рыцарскимъ книгамъ; но мало по малу, какъ часто случается съ поэтами, онъ влюбился въ созданіе своей фантазіи,—и рыцарь, предназначенный служить каррикатурой идеальности, сталъ добрымъ, чистымъ, дѣйствительно идеальнымъ человѣкомъ, снискавшимъ сочувствіе поэта и его читателей. Творецъ этого сочиненія облекъ свой разсказъ въ драгоцѣнныя, полныя юмора картины, въ классически законченный языкъ. Желая поставить подлѣ добра и простоты противоположныя картины, оттѣнить кажущійся міръ дѣйствительнымъ, онъ изобразилъ представителей зла и утонченности въ лицѣ чиновниковъ и духовенства.

Лопе-де-Вега равнялся Сервантесу по славѣ, но превосходилъ его по плодовитости. Этотъ драматургъ отличался невиданной производительностью: онъ написалъ болѣе 2,000 драмъ, изъ которыхъ, правда, сохранилось немного болѣе 300, на три четверти свѣтскаго содержанія, сверхъ того до 50 томовъ прозы и лирики. Историкъ и поэтъ, онъ былъ питомцемъ дѣйствительности и владыкой въ мірѣ фантазіи. Его серьезныя свѣтскія драмы посвящены испанской исторіи отъ древнѣйшихъ временъ до его дней. Содержаніемъ его духовныхъ драмъ служитъ сверхчувственный, мечтательный міръ: здѣсь выводятся аллегоріи, святые, самъ Богъ. Только въ его комедіяхъ отражается дѣйствительная естественная жизнь Испаніи. Лопе былъ націоналенъ до мозга костей: какъ истый испанецъ, онъ безъ конца прославлялъ любовь, вѣру и честь. По словамъ Шакка «онъ обладалъ въ высшей степени всѣми свойствами драматурга—глубокимъ значеніемъ человѣка и характеровъ, тонкимъ чутьемъ страстей, ихъ причинъ и послѣдствій, неистощимой фантазіей и изобрѣтательностью, а также сильной разсудочностью и тѣмъ спокойнымъ охватывающимъ взглядомъ, который такъ необходимъ для распланировки и живости драмы. Въ произведеніяхъ Лопе соединялись прозрачная ясность и веселое изложеніе эпоса съ потрясающими сердца изліяніями лирики: и то, и другое выступало на сценѣ въ живомъ безпрерывномъ дѣйствіи, въ пластически законченныхъ образахъ».

Громадно было вліяніе Лопе въ Испаніи. XVII вѣкъ переполненъ его учениками, во главѣ которыхъ стоитъ Кальдеронъ. Это вліяніе замѣтно и внѣ Испаніи, особенно относительно матеріала и его обработки; только оно было сильнѣе въ романскихъ земляхъ. Въ Германіи онъ никогда не былъ руководящимъ и выдающимся классикомъ; здѣсь только романтики придали ему значеніе на короткое время.

И Англія не была устранена отъ общенія съ европейскими народами,

*

несмотря на свое островное положеніе. Напротивъ, на нее сильно вліяли германскіе родственники—нѣмцы, отъ которыхъ она получила и реформаціонное направленіе, впрочемъ, развитое ею вполнѣ самобытно. Германія дѣйствовала на нее сильно и многосторонне, также и въ другихъ отношеніяхъ. Діалогъ и драма, легенда о Фаустѣ и ему подобныхъ, «Совиное зеркало», «Корабль дураковъ» и «грубьянская» литература—этотъ столь любимый въ Германіи типъ, осмѣивавшій тонкость нравовъ и воспитаніе,—все находило сочувствіе и подражаніе въ родственной Англіи; все это было для германскихъ народовъ то же, что рыцарство для романскихъ. Но и итальянское возрожденіе имѣло тамъ своихъ представителей. Оно дѣйствовало частью прямо, такъ какъ Италія была любимою цѣлью любознательныхъ англійскихъ путешественниковъ, частью косвенно, такъ какъ древніе классики распространялись въ Англіи изъ Италіи. Но еще больше, чѣмъ англійскіе путешественники и кочующія книги, дѣйствовалъ и разумъ: настоящій странствующій апостолъ гуманизма, онъ распространялъ свою религію духа и въ Англіи, гдѣ, какъ и вездѣ, онъ находилъ высокихъ покровителей и дѣятельныхъ друзей. Университеты, какъ ни много сохранилось въ нихъ средневѣковщины, а отчасти сохраняется и теперь, по крайней мѣрѣ во внѣшнихъ формахъ, поддавались его живой личности: можно назвать его прямыми учениками такихъ высокопоставленныхъ іерарховъ и государственныхъ людей, какъ Колетъ, Линэкръ, Латимеръ, Томасъ Моръ. Конечно, это вліяніе разума не могло опредѣлить всего англійскаго возрожденія. Въ послѣднемъ замѣчается строго національная черта, которая нашла себѣ живое выраженіе въ латинскихъ стихахъ въ эпоху англо-французскихъ морскихъ битвъ, а потомъ по поводу борьбы изъ-за Калэ. И Томасъ Моръ былъ достаточно самостоятеленъ, чтобы, несмотря на все эразміанство, обратиться къ родному языку, которому онъ придалъ современный отпечатокъ съ помощью своего противника Уильяма Тиндаля, переводчика Новаго Завѣта. Правда на латинскомъ языкѣ написана его «Утопія»—государственный романъ, въ которомъ изображена сущность государства «Нигдѣ»: здѣсь, несмотря на сатирическія выходки, напоминающія остроту Эразма, обнаруживается политическая проницательность и идеальный образъ мыслей.

Вліяніе возрожденія и Италіи сказалось также во многихъ переводахъ съ греческаго и латинскаго на англійскій и въ заимствованіи итальянскихъ формъ, напримѣръ, сонета, при которомъ, впрочемъ, не забывали десятисложнаго бѣлаго стиха. Этимъ стихомъ писались особенно любовныя, философскія и дидактическія произведенія, главными авторами которыхъ были Ѳ. Уайэттъ (Wyatt) и графъ Сэррей (Surrey).

Собственно новая литература началась въ Англіи очень поздно. Если не считать Италіи, гдѣ XVI-й вѣкъ былъ лишь послѣднимъ цвѣтомъ предшествовавшей эпохи, то началомъ ея въ Германіи должно признать 1517-й годъ, во Франціи—не позже 1540; а въ Англіи новая эра открылась лишь съ воцаренія Елизаветы (1559). Да и въ ту пору, которая напоминаетъ вѣкъ Людовика XIV для Франціи и вѣкъ Фридриха II для Пруссіи (и Германіи), выходили сочиненія не первокласснаго достоинства. Множество переводовъ древнихъ авторовъ были лишь упражненіями въ англійскомъ языкѣ и доказательствами познанія древности. Историческія произведенія объясняли современникамъ прошлыя времена и далекія страны; путешествія удовлетворяли стремленію къ чужимъ землямъ, которое, казалось, охватило тогда людей во всѣхъ частяхъ Европы. Выдавались только два своеобразные труда. Одинъ изъ нихъ—«Эвфюсъ» (Euphues) С. Лили (Lily), откуда произошло слово эвфюизмъ—образно разукрашенный языкъ и искусственныя шуточки. Это—очень распространенный романъ, въ которомъ плохо построенный разсказъ теряется среди утомительныхъ, услащенныхъ сравненіями и картинами разглагольствованій о любви, дружбѣ, воспитаніи и религіи. Второй трудъ—«Аркадія» Ф. Сиднея, это подражаніе итальянскимъ пастушескимъ романамъ и буколикамъ, съ длинными описаніями и неестественными картинами. Здѣсь много поэтическаго вдохновенія, но языкъ изысканъ. Этой книгѣ суждено было позже имѣть прямое, хотя и недоброе вліяніе на родственную нѣмецкую литературу. Наконецъ, упомянемъ Эдмонда Спенсера. Въ своемъ пастушескомъ романѣ и въ «Fairy Queen», этомъ нравственномъ стихотвореніи, воспѣвающемъ 12 добродѣтелей, онъ наполнялъ старыя формы новымъ содержаніемъ и проповѣдывалъ любовь къ классической древности, къ королевской вѣрности и къ рыцарскому достоинству.

Настоящее процвѣтаніе англійской литературы начинается съ драмы. Она кишитъ именами: тутъ люди, которые были препрославлены въ свое время, но теперь берутся въ разсчетъ, только какъ современники Шекспира. Особеннаго упоминанія заслуживаетъ лишь *Марлоу* (Marlowe), у котораго было больше таланта, чѣмъ у другихъ, но, къ сожалѣнію, и больше легкомыслія; онъ погибъ рано, отчасти вслѣдствіе своей безпутной жизни. Многія его драмы забыты, хотя по большей части въ нихъ блещутъ задатки прекраснаго таланта. Но всегда съ уваженіемъ будетъ вспоминаться его драма «Фаустъ», по крайней мѣрѣ, какъ первый предтеча того поэтическаго Фауста, который трогаетъ сердца всего человѣчества.

Припоминая непосредственнаго современника великаго британца, скажемъ, что хотя Сервантесъ и принадлежитъ міровой литературѣ, однако онъ далеко ниже *Шекспира* по геніальности и по вліянію. Англійскій поэтъ производилъ болѣе сильное впечатлѣніе уже потому, что сценическое произведеніе всегда говоритъ сильнѣе и болѣе обширной публикѣ, чѣмъ писаный романъ. Но, сверхъ того, онъ имѣлъ многостороннѣе, могущественнѣе возбуждать наши чувства, заинтересовывать насъ своимъ содержаніемъ и его обработкой, просвѣтлять наши страсти, возвышать наши радости. Безспорно величайшимъ поэтомъ XVI-го вѣка былъ этотъ Уильямъ Шекспиръ, существованіе котораго напрасно отрицаютъ тысячи черезчуръ остроумныхъ толкователей и критиковъ: твореніями поэта всегда останутся его драмы, несмотря на якобы таинственные знаки, приписывающіе ихъ философу Фрэнсису Бэкону. Можно было бы сказать даже, что это—самый мощный писатель той эпохи, если бы къ ней не принадлежалъ Лютеръ. Но какъ ни могущественно было вліяніе Лютера, какъ творца языка и основателя религіи, какъ ни близка сердцу даже позднѣйшихъ поколѣній его борьба, все-таки онъ извѣстенъ больше всего богословамъ, а затѣмъ—нѣмецкому народу: Шекспиръ же принадлежитъ всему міру. То былъ авторъ, знавшій сцену, и человѣкъ, знавшій тайны чело-

вѣческой жизни. Онъ не былъ царедворцемъ, ученымъ, какъ многіе ученые той поры; но онъ былъ посвященъ въ нравы знати и зналъ духовныя стремленія времени. Его принадлежность къ возрожденію обнаруживалась во многомъ: онъ порой затрогивалъ древность, пользовался итальянскими источниками, чуялъ, если не зналъ, обѣтованную землю дѣтей XVI-го вѣка; онъ сомнѣвался въ дѣлахъ вѣры или по крайней мѣрѣ былъ равнодушенъ къ нимъ, питалъ свободные взгляды на нравственность, боготворилъ красоту. Конечно, это былъ англичанинъ, со многими ограниченными взглядами островитянина, особенно любовно описывавшій баснословное и историческое прошлое своей страны; но его геніальность проявлялась именно въ томъ, что онъ умѣлъ живо изображать для всѣхъ поколѣній отдаленныя времена и чужихъ людей. Это былъ новый человѣкъ, со многими его недостатками и со всѣми добродѣтелями: онъ выражалъ въ своей поэзіи его стремленія и чувства, его любовь и ненависть; онъ обрамлялъ милую шутку суровою трагичностью, глубоко вдумывался въ великіе вопросы человѣческой жизни; онъ съ великимъ мастерствомъ, съ высокой правдой изображалъ религіозный фанатизмъ; ярость соперничества и пламя любви, самоотверженную добродѣтель и чрезмѣрныя злодѣйства.

Его драмы выдержали испытаніе вѣковъ и вышли побѣдительницами изъ пучины переводовъ, нерѣдко опасныхъ. Онѣ сдѣлались свѣтскою Библіей для всѣхъ эпохъ и націй, которыя черпаютъ отсюда назиданіе и поученіе, утѣшеніе и наслажденіе.

Предтечи реформаціи.

Какъ мы видѣли, первые признаки сомнѣнія, этотъ благодѣтельный для культурнаго развитія скептицизмъ, проявились у *романскихъ* народовъ, какъ наиболѣе ушедшихъ впередъ. И мы видимъ ихъ исключительно среди монаховъ или духовенства — знакъ, что тогда великіе умственные элементы сосредоточивались въ церкви. За французскимъ схоластикомъ, Петромъ *Абелярomъ* (Abailard, 1079—1142), слѣдовалъ его еще болѣе великій ученикъ *Арнольдъ* брешіанскій (сожженъ въ 1155)—то же монахъ. Уже направленіе этихъ самыхъ раннихъ реформаторовъ совершенно совпадаетъ съ направленіемъ ихъ послѣдователей. Они не желали ничего больше, какъ возстановленія первоначальной чистоты христіанства, возвращенія къ его зачаткамъ, очищенія отъ наростовъ времени,—словомъ, имъ хотѣлось бывшее сдѣлать небывавшимъ, *завинтить время назадъ*. Но никогда не должно ограничиваться такимъ противоестественнымъ дѣломъ: или оно рухнетъ при самомъ своемъ рожденіи, или реформа приведетъ къ созданію новаго ученія. Такъ Будда, Христосъ, Магометъ думали только реформировать существующее, а кончили упорною оппозиціей ему и возвѣщеніемъ *новаго* ученія. Отсюда смертельная вражда между буддизмомъ и брахманизмомъ, между христіанствомъ и іудействомъ, между исламомъ и арабскимъ язычествомъ: во всѣхъ трехъ случаяхъ новое ученіе стремилось къ *безусловному уничтоженію* стараго, и наоборотъ. Но лишь жизнеспособныя идеи развиваются до степени новой религіозной системы;

что не соотвѣтствуетъ времени и его потребностямъ, то неизбѣжно погибаетъ. Оттого-то насильственное подавленіе церковью зачатковъ реформаціи и сектъ не было потерей для культуры: у нея не хватало силъ на заглушеніе истинно животворныхъ началъ.

Много времени спустя, послѣ сожженія Арнольда брешіанскаго, духъ сомнѣнія овладѣлъ позже выступившими германскими народами. Лишь въ XIV-мъ вѣкѣ появился въ Англіи первый реформаторъ, *Уиклифъ* (Wycliffe), опять священникъ (1324—1387), ученіе котораго, замѣчательно, наиболѣе отразилось въ *Богеміи*. Здѣсь поднялся *Іоаннъ Гусъ* (1373—1415), опять духовное лицо, какъ ревностный поборникъ ученія Уиклифа, и тотчасъ пріобрѣлъ могучее вліяніе на своихъ земляковъ. Но успѣхи гуситства какъ и катарризма, покоились на чисто *національныхъ* основахъ: они ограничивались чешскимъ населеніемъ. Уже издавна нѣмцы заняли окраины богемскаго бассейна—и начались столкновенія съ жившими внутри чехами: нѣмцамъ удалось захватить нѣкоторыя привилегіи. Какъ вездѣ въ Германіи, нѣмцы стремились подавить славянъ, которые представлялись имъ низшею породой, хотя они были тогда почти равносильны имъ по образованію. Вся нѣмецкая интеллигенція выступила замкнутою фалангой, въ союзѣ съ римскою церковью и нѣмецкою имперіей. То была открытая борьба между двумя національными идеями, причемъ, конечно, побѣдила болѣе сильная нація.

Съ обѣихъ сторонъ, религія служила лишь прикрытіемъ національныхъ интересовъ. И императоръ, а не папа, созвалъ великій церковный соборъ—право, которое признавалось тогда за нимъ: то былъ достопамятный Констанцскій соборъ, который сжегъ Гуса и его товарища, *Іеронима*, какъ еретиковъ, но не уничтожилъ гуситства. Напротивъ, именно по смерти своего любимаго вождя, гуситство вспыхнуло полнымъ пламенемъ. Кровавыя гуситскія войны были войнами религіозными и національными между германствомъ и славянствомъ.

Состояніе церкви.

Вторая великая задача реформаторовъ—остановить *обмірщеніе церкви* ведетъ насъ къ расмотрѣнію положенія церкви вообще. Глубокое растлѣніе духовенства въ эпоху альбигойскихъ войнъ ничѣмъ не отличалось отъ растлѣнія *всего* феодальнаго общества, которому содѣйствовала грубость нравовъ. Затѣмъ подъ вліяніемъ возраставшей утонченности нравовъ, невоспитанность и невѣжество уступали мѣсто менѣе грубому, хотя нравственно врядъ-ли болѣе чистому образу жизни. Наконецъ, въ эпоху Возрожденія, по крайней мѣрѣ въ Италіи, образованность достигла высшей ступени развитія, а безнравственность дошла до крайнихъ предѣловъ. Та и другая распространялись равно среди свѣтскихъ людей и духовенства, принимая лишь разные оттѣнки въ остальной Европѣ, смотря по культурнымъ условіямъ каждаго народа. Въ концѣ среднихъ вѣковъ церковь испортилась и въ Испаніи не меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. «И здѣсь—говоритъ Мауренбрехеръ—у духовенства, въ большинствѣ случаевъ, не было ничего духовнаго; среди безбрачнаго

духовенства открыто процвѣтало наложничество; не разъ законодательство пыталось установить положеніе дѣтей клира; народъ даже оправдывалъ наложничество; радовались, когда духовникъ довольствовался одною женщиной. И здѣсь церковь все хуже и лѣнивѣе исполняла свои благотворительныя задачи; ея члены вели праздную, недостойную жизнь, и чѣмъ выше по іерархической лѣстницѣ, тѣмъ хуже. «Хорошій епископъ—такая же рѣдкость, какъ хорошая погода въ апрѣлѣ», гласила испанская поговорка XV-го вѣка. Съ другой стороны, испанская и другія мѣстныя церкви превратились въ машины для высасыванія и выжиманія соковъ народа въ пользу итальянскихъ и французскихъ лѣнтяевъ. Словомъ, въ этомъ растлѣнномъ клирѣ не оставалось и слѣдовъ богословскаго образованія, церковнаго достоинства, религіознаго духа. А навстрѣчу такому житью-бытью клира шли *собственные* пороки народа. Властолюбіе, роскошничанье, легкая мораль, жажда утонченныхъ наслажденій, сластолюбіе, наконецъ религіозное сомнѣніе—вотъ отличія не только папскаго двора, кардиналовъ и духовенства, но и всего общества временъ Возрожденія. Все это напоминало больше всего эпоху аббасидскихъ халифовъ и нѣкоторыхъ дворовъ исламской Испаніи, когда магометанскій міръ былъ охваченъ, въ одно и то же время, и религіознымъ равнодушіемъ и высокимъ умственнымъ полетомъ, и неслыханной безнравственностью. Конечно, дурно дѣйствовало на нравственность духовенства введеніе безбрачія у католиковъ—мѣра, поразительно ловкая въ смыслѣ политики, такъ какъ исключительно ей церковь была обязана тѣмъ могуществомъ, которое давало ей возможность исполнять описанное культурное призваніе.

Взгляните на судьбу церкви съ той минуты, какъ она создала папское первенство и стала государственнымъ учрежденіемъ въ европейскихъ странахъ, что доставило ей прочную организацію и сильную внѣшнюю опору. Васъ поразитъ замѣчательное явленіе: въ извѣстные періоды церковной жизни, особенно ея внѣшнимъ носителямъ, недоставало идеальнаго, религіозно-нравственнаго содержанія. Но каждый разъ въ какомъ-нибудь углу вдругъ оживлялось религіозное чувство, гдѣ-нибудь снова закипалъ родникъ истинной набожности, теплой религіозности. Онъ охватывалъ окоченѣлые члены и учрежденія церкви, и эта свѣжая, первобытная религіозность обновляла церковь изъ ея собственныхъ началъ, на ея собственной почвѣ, въ глубинѣ ея жизни. Таково было воскрешеніе строгой церковной дисциплины въ XI-мъ вѣкѣ. исходившее изъ монастыря Клюни, въ разрѣзъ съ обмірщеніемъ церкви; таково учрежденіе орденовъ доминиканцевъ и францисканцевъ въ XIII-мъ столѣтіи. Сюда же относится одновременное появленіе вальденсовъ, хотя они пошли совсѣмъ другою дорогой. Но во второй половинѣ XV-го вѣка, казалось, заснула всякая оппозиція господствующему духу церкви; какъ вдругъ, словно по данному знаку, во всѣхъ частяхъ Европы одновременно зародился новый полетъ религіознаго чувства. «Это настроеніе охватило Испанію, Италію, Францію, Германію, Швейцарію, Сѣверъ, Англію: одинъ за однимъ, но въ теченіе немногихъ годовъ, эти народы, одинъ за другимъ, примкнули къ нему. Такъ какъ забвеніе Христа и безвѣріе церкви были повсемѣстны, то и реакція религіознаго чувства противъ состоянія

церкви оказалась повсюду; и въ главныхъ мѣстахъ вожди движенія работали самостоятельно, безъ взаимодѣйствія.

«Нигдѣ стремленіе къ религіознымъ реформамъ не проявлялось такъ своеобразно, какъ въ *Испаніи*. Испанскій народъ одинъ, безъ чужой помощи, освободилъ свою землю отъ ига ислама; и, въ силу этой побѣды, результаты которой превосходили подвиги крестоносцевъ ва Востокѣ, онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на другіе народы—такъ же, какъ на евреевъ и магометанъ. Правда, въ XIV—XVI вѣкахъ, многіе, особенно духовные писатели бичевали церковные порядки и безнравственность духовенства; но мѣры противъ этого зла принимались лишь государственной властью, которая имѣла въ виду при этомъ только собственное усиленіе. Королевская чета, *Фердинандъ и Изабелла*, соединили оба королевства, на которыя распадалась Испанія, смирили непокорное дворянство, подчинили себѣ рыцарскіе ордена; наконецъ, они стали не только господами церкви, но и руководили папой по своему произволу. По желанію «королей», Сикстъ IV довольно охотно согласился (1478) на введеніе испанской *инквизиціи*, которая направила свое орудіе, прежде всего, противъ крещеныхъ, но вновь отпавшихъ евреевъ и мавровъ.

«На учрежденіе испанской инквизиціи смотрѣли, какъ на существенное орудіе возрожденія церковно-религіознаго духа, которое было подготовлено католическими королями и двинуто великимъ прелатомъ своего времени, архіепископомъ толедскимъ, кардиналомъ *Хименесомъ*, съ полной силой богато одаренной личности. Но объ испанской реформаціи можно говорить лишь въ томъ смыслѣ, что здѣсь нашелъ себѣ вѣрное убѣжище средневѣковой католицизмъ, съ его монашескимъ идеализмомъ, съ его отрицаніемъ всякой свободы совѣсти: въ испанской атмосферѣ онъ сохранился въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ въ обмірщенной, итальянизованной куріи, и собралъ лучшія силы для предстоящей борьбы съ *настоящей* реформаціей. Религіозно-настроенные люди въ Испаніи не шли тогда дальше такихъ же попытокъ улучшенія, какія появлялись въ Германіи; и здѣсь видимъ преобразованіе монастырей, усиленный надзоръ за образованіемъ и нравственностью свѣтскаго духовенства, переводъ Библіи на мѣстный языкъ, заботы о церковной наукѣ, наряду съ осторожнымъ покровительствомъ мирному гуманизму—словомъ, передъ нами не реформація, а реставрація далекой старины [1])».

Реформація у германцевъ.

Очевидна разница въ реформаторской дѣятельности романскихъ и германскихъ націй. Нѣмцы издавна были народомъ мыслителей, т. е. они много думали. Ихъ мысль была занята глубокою вѣрой, при которой положеніе церкви, ихъ вожделѣннаго идеала, становилось для нихъ ужаснымъ, тогда какъ южанинъ, благодаря своему скептицизму, смотрѣлъ на это легкомысленно. И вотъ, изъ глубины нѣмецкаго чувства и мысли, подымается словно сила природы, величавый образъ нѣмецкаго монаха, *Мар-*

[1]) Fr. v. *Bezold*. Geschichte der deutschen Reformation. Berlin, 1890, p. 165 и слѣд.

тина Лютера. И, конечно, не случайно то обстоятельство, что колыбель великаго реформатора находилась на сѣверѣ Европы и его ученіе ограничивалось преимущественно высокими широтами. Жизненный обликъ рѣдкаго человѣка у всѣхъ предъ глазами. Онъ не уступалъ Гусу въ мужествѣ, когда поставилъ къ позорному столбу Тецеля, съ его торгомъ отпущеніями грѣховъ. Теперь тысячи людей дерзали высказывать то, о чемъ думали втайнѣ, ибо одинъ изъ нихъ проговорился. Борьба противъ внѣшнихъ злоупотребленій вела, шагъ за шагомъ, къ отверженію дальнѣйшихъ положеній, а наконецъ и къ возстанію противъ церковной власти. Мечтатели и невѣжды хотѣли пойти дальше Лютера—не преобразовать, а искоренить католицизмъ, и *распространить церковную свободу на область политики.* Вскорѣ отъ католицизма не осталось ничего, кромѣ лохмотьевъ, кромѣ пары правилъ, такъ же мало выносившихъ критику, какъ и все отвергнутое. Самъ Лютеръ отрекся отъ католической церкви, которую хотѣлъ реформировать: и возникло *новое* ученіе. Какъ и прежнія ученія, оно коренилось въ старинѣ, называя себя лишь очищеніемъ ея. Задача реформатора, который не былъ ни государственнымъ мужемъ, ни законодателемъ, ни полководцемъ, состояла въ проложеніи новаго пути, по которому слѣдовало идти впредь. Но его замыселъ не былъ понятъ нѣмецкимъ народомъ и его естественными вождями, которые покинули его. Къ тому же прелестная весна реформаціи скоро миновала: ее скосила буря крестьянской войны, которая принесла тяжкое горе и нѣмецкому народу, и реформаціи. Жалкій споръ о причащеніи началъ покрывать новое ученіе своею тѣнью; силы евангеликовъ распались; религіозный расколъ Германіи превратился въ политическій; на сторону Лютера стали князья и города, какъ владѣльцы и носители реформаціи; по городамъ и селамъ пришлось возводить зданіе новой церкви.

Когда умеръ Лютеръ, у всемогущества римской церкви былъ оторванъ большой кусокъ: гдѣ мысль рождалась за мыслью, тамъ лозунгомъ было освобожденіе отъ папскаго ига. Въ Англіи самъ король отрекся отъ папы; въ Нидерландахъ развивалось мистическое сектантство; среди южныхъ славянъ появились лютеранскіе «подпольные проповѣдники». Въ Богеміи, на этомъ старомъ поприщѣ гуситства, чехи ревностно обращались къ новому ученію.

Совсѣмъ особенный видъ приняла реформація въ *Швейцаріи*, гдѣ во главѣ ея стали люди, которые, конечно, могли поспорить съ нѣмецкими реформаторами по значенію; если они не пріобрѣли равносильнаго имени, то лишь потому, что ихъ область была мала и отдѣлена отъ нѣмецкой имперіи съ конца 15-го в. Главный изъ нихъ, Ульрихъ (Гульдрейхъ) *Цвингли* (род. 1484 въ Вильдгаузѣ, палъ подъ Каппелемъ 1531), былъ не такъ горячо вдохновененъ, какъ Лютеръ; человѣкъ болѣе холоднаго разсудка, онъ былъ умнѣе его и свободнѣе отъ предразсудковъ. Призванный въ священники большой соборной церкви въ Цюрихѣ, началъ онъ (1519) проповѣдывать чисто по Евангелію, и въ такомъ свободномъ духѣ, котораго не знали потомъ цѣлыя столѣтія. Онъ нашелъ много приверженцевъ въ остальной Швейцаріи. Но свободное направленіе Цвингли было стѣснено съ трехъ сторонъ—со стороны католиковъ, крайнихъ сектъ, скоплявшихся вокругъ перекрещенцевъ, и окоченѣвшаго «православія» Лютера. Послѣ его смерти, боролись лишь обѣ крайности—радикалы и реакціонеры. Наконецъ, протестантская церковь такъ уподобилась католической, что обѣ онѣ, при всей ихъ враждѣ, соединились для подавленія перекрещенцевъ, которые носили въ себѣ доброе зерно, но впали въ сумасбродства въ *Мюнстерѣ*, въ Вестфаліи. Съ меньшимъ правомъ, но съ изысканной жестокостью были сожигаемы, потопляемы, казнимы въ Швабіи, Баваріи и Австріи, люди, которые осмѣливались отвергать крещеніе дѣтей, по образцу первыхъ христіанъ.

При оцѣнкѣ культурнаго значенія реформаціи, прежде всего, выходитъ, что она была неизбѣжнымъ плодомъ нѣмецкаго народнаго духа и оставалась вѣрна ему въ своей сущности и по своему вліянію. Благочестивый, склонный къ идеальной мечтательности характеръ нѣмцевъ предначерталъ путь церковному преобразованію въ Германіи. Это настроеніе повело къ освобожденію отъ оковъ Рима, но *не отъ узъ вѣры.* Послѣ Цвингли и его друзей, вожди реформаторскаго движенія впадали въ мистицизмъ. Лютеръ твердо вѣровалъ въ чорта; Кальвинъ впрочемъ, онъ не ввелъ реформацію въ Женевѣ: онъ сталъ только во главѣ той церкви, когда она уже была основана Фарелемъ и Виретомъ омрачилъ даже протестантское ученіе страшною системой. Въ первомъ очевидно отражался монархическій, во второмъ—республиканскій духъ родины, причемъ послѣдній, при видимой свободѣ, сковываетъ человѣка самыми тѣсными духовными узами. По своимъ поступкамъ и образу мыслей, реформаторы вовсе не возвышались надъ уровнемъ римской церкви. Подобно ей, они считали различіе мнѣній достойнымъ смерти; подобно ей, они прибѣгали къ пыткамъ и къ инквизиціи. Даже терпимость Лютера въ теоріи и практикѣ не шла дальше правила, что церковь и ея служители должны только раскрывать заблужденія, а ужъ дѣло свѣтской власти наказывать изобличенныхъ еретиковъ. По замѣчанію Мауренбрехера, не велика разница между такимъ ученіемъ и modus procedendi испанской инквизиціи: и то и другое основывалось на аксіомѣ о необходимости церковнаго единства, которую безусловно признавали и средніе вѣка и реформаціонное время. Въ Швейцаріи за исключеніемъ пастуховъ въ первобытныхъ кантонахъ и нѣкоторыхъ городовъ, понынѣ придерживающихся старой вѣры, мрачные принципы Кальвина побѣдили свѣтлыя воззрѣнія Цвингли и многія пали ихъ жертвой. Въ Женевѣ господство Кальвина тотчасъ перешло въ настоящую диктатуру съ всепроникающимъ, хорошо устроеннымъ шпіонствомъ: ему хотѣлось знать всѣ рѣчи и поступки своихъ противниковъ. За оскорбленіе диктатора наказывали, какъ за богохульство; противорѣчіе его ученію вело къ эшафоту или костру. На костеръ взошелъ и человѣкъ, который, по свидѣтельству даже своихъ открытыхъ враговъ, равнялся по уму величайшимъ людямъ своего времени: то былъ испанецъ, *Михаилъ Серветъ*, открывшій кровообращеніе, медикъ и богословъ, юристъ и философъ, математикъ и астрономъ, филологъ и географъ; его работа и положительныя научныя открытія принесли культурѣ больше пользы, чѣмъ всѣ реформаторы вмѣстѣ взятые. Владычество Кальвина ознаменовалось такъ же процвѣтаніемъ колдовскихъ судовъ и нерѣдко ханжескимъ свирѣпствованіемъ излишней морали противъ невинныхъ вещей и развлеченій; при такомъ управленіи нечего и говорить о какомъ либо улучшеніи нравовъ. Каль-

винъ перенесъ и духъ монашества въ новую церковь, которая должна была вполнѣ подчиниться ему. Вообще всѣ мрачныя краски, въ которыхъ выступаютъ ужасы папизма, должны быть перенесены и на реформаціонное движеніе. Послѣднее время историческія изслѣдованія доказали это и относительно времени Елизаветы англійской. Масса новыхъ документовъ, хотя и не оправдываетъ англійскихъ католиковъ, то во всякомъ случаѣ показываетъ ясно, что сильный противникъ обращался съ ними гораздо болѣе жестоко, чѣмъ думали до сихъ поръ. Вновь найденныя бумаги вскрываютъ цѣлую систему самаго утонченнаго шпіонства, дикой, невообразимой жестоки (пытка играла тутъ не малую роль), а также хорошо организованныя гоненія, болѣе продолжительныя, болѣе истребительныя и инквизиторскія, чѣмъ страшное преслѣдованіе протестантовъ при «кровавой» королевѣ Маріи. Впрочемъ, мы должны признаться, что реформаторы были все *честныя* люди, слѣдовавшіе своему внутреннему убѣжденію. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: это заставляетъ только насъ быть осторожными при оцѣнкѣ такихъ же поступковъ римскаго духовенства.

Многочисленность сектъ, порожденныхъ и порождаемыхъ до сихъ поръ протестантизмомъ, показываетъ, какъ мало существующій порядокъ удовлетворяетъ религіозную потребность, какъ жадно человѣкъ ищетъ новаго, при чемъ, понятно, попадаетъ на самые страшные пути. Строгая дисциплина, которую поддерживалъ католицизмъ среди своихъ приверженцевъ, благодаря своей умной организаціи и талантамъ папъ, была благодѣтельна въ томъ смыслѣ, что она избавляла его отъ заблужденій сектанства. На этомъ типѣ умственныхъ смутъ католицизмъ выставилъ только два замѣтныя явленія—*янсенизмъ* въ 17-мъ вѣкѣ и *старо-католицизмъ* въ послѣднее время. И любопытно: тотъ и другой—германскаго происхожденія. Янсенизмъ еще распространяется во Франціи, въ этой наименѣе романской изъ романскихъ земель; но старо-католицизмъ долженъ былъ ограничиться Германіей и тамъ покончиться, какъ случилось и съ его предшественникомъ, задремавшимъ нѣмецкимъ католицизмомъ. Заблужденіе протестантскаго сектанства чаще всего проявлялось въ земляхъ, гдѣ наиболѣе торжествовалъ германскій духъ, гдѣ наиболѣе развились германскія учрежденія, германскія добродѣтели, германская свобода, образованность и наука, именно въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, гдѣ выдвинулись методисты, квакеры, маршалы и армія спасенія. Историку культуры приходится задаться вопросомъ—не имѣютъ ли выродки протестантизма такого же значенія, какъ и совершенно иное вырожденіе католицизма?

Послѣдствія реформаціи.

Всякое сопротивленіе церковной власти влекло за собой сопротивленіе и свѣтской власти, помогающей первой. Такъ необходимымъ слѣдствіемъ ученія Лютера было, противъ всякихъ его намѣреній, презираемое даже имъ, подрываніе императорской власти въ Германіи; и въ Швейцаріи пользовались реформаціей для проведенія политическихъ перемѣнъ; и крестьяне, слушавшіе Лютера, говорящаго о христіанской свободѣ, понимали не одну только свободу религіи, но и свободу политическую. Положеніе низшихъ

классовъ въ то время было очень тяжелое; феодализмъ потерялъ въ XVI столѣтіи свое первоначальное значеніе; въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи онъ сдѣлался обузой. Ходъ этого развитія былъ слѣдующій. Политическій элементъ вліялъ такимъ образомъ, что повсюду, гдѣ только политическая власть подымалась, она выдвигала ленный договоръ. Подобно тому, какъ позже старались деньгами навербовать солдатъ, такъ въ эпоху натуральнаго хозяйства старались привлекать отряды, давать имъ земли на ленныхъ условіяхъ. Вскорѣ появилось много маленькихъ властителей, которые, стремясь добиться государственныхъ правъ, отдавали другимъ часть своихъ владѣній, чтобы такимъ образомъ обезпечить за собой власть надъ маленькой, спеціально имъ преданной, толпой. Такъ различно складывались и перекрещивались ленные союзы. Тянулась длинная цѣпь ленныхъ отношеній отъ короля до массы простыхъ свободныхъ людей; такъ случалось, что вассалъ одного бывалъ въ одно и то же время леннымъ хозяиномъ другого, иной вассалъ бывалъ ленникомъ разныхъ ленныхъ господъ, такъ что въ XII столѣтіи свободный дворянинъ былъ уже большою рѣдкостью. Скоро дошли до того, что отдавали въ ленъ не только недвижимое имущество, но и должности, доходъ съ которыхъ шелъ ленннику; ленный контрактъ проникалъ даже въ кругъ частныхъ имущественныхъ отношеній. Съ открытіемъ пороха рыцарскія услуги, для которыхъ лены и были въ началѣ устроены, сдѣлались непрактичными и ненужными. Возростающая цивилизація дѣлала вассаловъ XVI-го столѣтія такими миролюбивыми, что они не только не находили интереса въ личной военной службѣ, но даже выказывали сильное сопротивленіе ей. Съ возникшими въ то время перемѣнами въ военномъ искусствѣ, начинается такъ-называемая *адэрація* (Adäration) ленной службы, т. е. плата деньгами леннымъ хозяевамъ вмѣсто военной службы рыцарей. Но рыцарскія службы исполнялись самыми ленниками, въ то время какъ замѣняющія ихъ денежныя суммы должны были доставляться изъ дохода имуществъ,—дохода, который раньше шелъ только на удовлетвореніе жизненныхъ потребностей; другими словами, расходы вассаловъ вдругъ увеличились на цѣлый взносъ «леннаго канона»; и этотъ излишекъ приходилось выплачивать изъ доходовъ имѣній. Отсюда необходимость увеличить послѣдніе; а это увеличеніе доходовъ требовало большей интенсивности рабочей силы, именно крестьянской. Стало быть въ концѣ концовъ на крестьянина-то падало бремя новаго порядка вещей, порожденнаго возрастающимъ развитіемъ нравовъ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ развитія культуры была возрастающая дороговизна, а также распространеніе потребностей роскоши, жажды наслажденій внизу и наверху общества. Все это должны были оплачивать крестьяне, у которыхъ въ то-же время поднялись требованія отъ жизни. Отсюда, естественно, мысль у угнетенныхъ—*что за паденіемъ іерархіи должно послѣдовать и паденіе феодальной системы.* Папа Адріанъ VI высказалъ предостереженіе, годное для всѣхъ временъ: «Начнутъ съ духовной власти, кончатъ свѣтской».

Положеніе крестьянъ было крайне тяжело. Съ конца XV-го вѣка во многихъ мѣстахъ южной Германіи показались бунты; тамъ и сямъ слышались пѣсни, пропитанныя ненавистью. Но настоящій *соціальный вопросъ* выступилъ лишь въ великой нѣмецкой крестьянской войнѣ. Требо-

ванія крестьянъ были вообще справедливы; справедливо было и то, что они стремились добиться силой того, чего не могли получить добромъ. *Интересы* сталкивались между собою; а побѣду одержалъ могущественнѣйшій *по праву сильнаго*. Но крестьяне еще не были болѣе могущественной стороной. Къ тому же вполнѣ *абсолютистскія* воззрѣнія Лютера и его реформаціи тяжело легли на чашку вѣсовъ въ пользу господствующаго класса.

На положеніе имперіи реформація, естественно, должна была дѣйствовать разрушительно. Императоры и не думали, какъ надѣялся Лютеръ, стать во главѣ реформаторскаго движенія: идея имперіи была тѣсно связана съ идеей папства. Средневѣковая теорія строила государство по образцу церкви. Оба требовали повиновенія на одномъ и томъ же основаніи, а именно, что есть только *одна* истина и что гдѣ *одна* вѣра, тамъ должна быть и *одна* власть. Уже такое положеніе дѣлало императора по необходимости союзникомъ папы. Реформація же именно разрушила начало формальнаго единства, а потому она была возстаніемъ противъ всякаго деспотизма.

Столь же разрушительны были послѣдствія реформаціи для нѣмецкихъ городовъ. Одной изъ главныхъ чертъ этого процесса міроваго разложенія было именно возникновеніе индивидуализма, этого врага ремесленнаго принципа средневѣковья. Реформація, тѣсно связанная съ возрожденіемъ гуманистическихъ знаній, съ ихъ принципомъ личной свободы, стояла въ противорѣчіи съ принудительнымъ ремесленнымъ духомъ прежнихъ столѣтій. А вмѣсто того, чтобы реформировать старый строй, оставили устарѣлыя формы: отсюда то безсердечіе, которое развивается всюду, гдѣ цѣпляются за внѣшность и формы, отъ которыхъ отлетѣлъ духъ. Обыкновенно въ цехахъ видятъ лишь опоры тщеславнаго мелкаго мѣщанства. Это было не такъ во время процвѣтанія ремесленности: только когда рухнуло благосостояніе городовъ, цехи превратились въ тѣ каррикатурныя явленія, которыя вызываютъ въ изслѣдователѣ улыбку состраданія. Въ исходѣ XVI-го вѣка ремесла падаютъ.

Началось безсмысленное принужденіе въ промышленности во всѣхъ городахъ, и всякая попытка прогресса терпѣла неудачи. Но реформація и прямымъ путемъ способствовала уничтоженію стараго блеска городовъ. Въ городахъ она нашла именно самую приготовленную для себя почву, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она какъ разъ возбуждала тутъ людей и вела къ возстановленію партій, поѣдавшихъ другъ друга. Эти партіи, смотря по политическому движенію, распадались и быстро переходили въ городское управленіе. Аугсбургъ, напр., во время тридцатилѣтней войны не менѣе семи разъ мѣнялъ свою программу. Стало ясно, что подобная неувѣренность во всякихъ общественныхъ отношеніяхъ, поведетъ за собой самыя дурныя послѣдствія для городовъ. Такъ большія религіозныя войны, имѣвшія цѣлью уничтоженіе стараго могущества городовъ, нашли не болѣе какъ обрывки и жалкіе остатки. Но самое рѣшительное вліяніе на разрушеніе старой городской программы имѣло усиленіе княжеской власти. И тутъ реформація оказалась опасной опорой для городовъ. Протестантскіе владѣтельные князья, благодаря пріобрѣтенію богатыхъ церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, и подчиненію новыхъ церковныхъ органовъ,

пріобрѣли самыя сильныя опоры для своихъ стремленій. И католическіе князья умно и выдержанно подражали данному примѣру.

Съ другой стороны, реформація имѣла необыкновенное, и большею частью очень благопріятное, вліяніе на экономическое движеніе. Уничтоженіе многихъ ненужныхъ праздниковъ способствовало поднятію производства. Секуляризація тысячей церковныхъ и монастырскихъ имѣній пустила въ оборотъ земли на огромную сумму; а отчасти имущество отобранныхъ церквей и монастырей перешло къ бѣднымъ, къ больницамъ; и плохо стоявшее преподаваніе улучшилось. И въ этомъ отношеніи реформація составляетъ силу. Самъ Лютеръ обращалъ вниманіе другихъ на существующіе недостатки и подъ конецъ обращался преимущественно къ бургомистрамъ и думскимъ гласнымъ. Старанія великаго реформатора увѣнчались самымъ благословеннымъ успѣхомъ. Во всѣхъ городахъ стали думать о народномъ и особенно о научномъ преподаваніи. Существующія школы были улучшены; тамъ и сямъ расширяли гимназіи, основывали новыя заведенія и увеличивали жалованье учителямъ. Эти гуманныя стремленія должны были еще, однако, выдержать тяжелую борьбу съ грубостью вѣка. Родители не хотѣли понимать важности преподаванія и не посылали своихъ дѣтей въ школу [1]). И матеріальное положеніе учителей только постепенно улучшалось. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ школъ шло и основаніе городскихъ библіотекъ и книжныхъ магазиновъ. Съ уничтоженіемъ многихъ монастырей и церковныхъ учрежденій, книги перешли къ городамъ, которые помѣщали ихъ въ собственныя зданія, нанимали смотрителей, которымъ часто платили щедро. Объявленная свобода изслѣдованія направляла умъ на изученіе природы; и наука должна была скоро открыть ея законы и силы, пустить ихъ въ ходъ для свободной работы, расчистить путь тому времени, когда машины должны были избавить человѣка отъ тяжелыхъ работъ.

Какъ по колдовству, вдругъ, въ серединѣ XVI-го столѣтія, реформація остановилась. Римъ опять добился части потеряннаго, и не по сверхъестественнымъ причинамъ, а просто насильственными мѣрами, благодаря преданнымъ папству властелинамъ, особенно въ Баваріи и Австріи, а также духовнымъ государямъ во Франконіи и на Рейнѣ. Послѣ Германіи, реформація пустила сильные корни особенно во *Франціи*. Тамъ и здѣсь для подавленія ея потребовались долгія, кровавыя войны—шмалькальденская и тридцатилѣтняя въ Германіи, гугенотская во Франціи. Благодаря парижской кровавой свадьбѣ и драгонадамъ, успѣхъ былъ полный во Франціи: она осталась католическою, послѣ многихъ превратностей. Правда, въ этой странѣ церковь была могущественнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Англіи, и потому сначала нельзя было ожидать терпимости; но здѣсь,

---

[1]) Уже Лютеръ жаловался: „Да, теперь чувственная толпа видитъ, что она уже не должна и не можетъ разсовать своихъ сыновей, дочерей и друзей по монастырямъ и церквамъ, выгнать ихъ изъ дома и имѣнія и посадить на чужую шею: оттого никто не хочетъ обучать своихъ дѣтей. Говорятъ: „Чего намъ учить ихъ, когда они не могутъ сдѣлаться попами, монахами, черничками! „Нужно учиться, чтобы прокормиться“. Въ Эсслингенѣ проповѣдники жаловались еще въ 1547 г., что родители рѣдко посылаютъ дѣтей въ школу, говоря: „Мой парнишка, вѣдь, уже не станетъ попомъ и не получитъ хорошаго прихода; зачѣмъ же я стану посылать его въ школу? Онъ долженъ разбогатѣть, долженъ видѣть, какъ одинъ грошъ добываетъ три“.

какъ и въ Германіи, подавленіе протестантизма входило въ интересы королевской власти. Корыстолюбіе королей, могущество которыхъ росло вмѣстѣ съ величіемъ подчинявшагося имъ народа, было вѣрнымъ стражемъ единства французской націи. Благодатная въ культурномъ отношеніи тиранія Людовика XI, конечно, не разбиравшая средствъ, сломила могущество знатныхъ вассаловъ, создала единую, упорядоченную Францію, задушила свободныя движенія и покровительствовала наукамъ. Его преемники развивали ту подавляющую централизацію, которая отчасти и теперь составляетъ какъ силу, такъ и слабость Франціи. Они понимали, что протестантизмъ долженъ потрясти эту систему: въ самомъ дѣлѣ, у французскихъ кальвинистовъ республиканскія идеи шли рука объ руку съ религіозной свободой. А республиканецъ естественно шелъ противъ господствующей системы, стремившейся къ единству.

Въ Германіи было не то. Правда, императоръ также отстаивалъ дѣло Рима; но здѣсь не было Людовика XI для усмиренія вассаловъ. Напротивъ, новое ученіе доставляло послѣднимъ средство слѣдовать свободнымъ движеніямъ, какъ имъ хотѣлось; волненія даже усиливались съ ослабленіемъ имперіи и императора. Но тутъ оказалось, что лишь общая вѣра связывала нѣмецкія племена въ теченіе семи столѣтій: народныя различія между сѣверомъ и югомъ привели къ цѣлой религіозной бездне, не закрывшейся до сихъ поръ. Впрочемъ, эту противоположность должно понимать не буквально. Въ сѣверной Германіи сохранилось столько же католиковъ (напр., въ Вестфаліи), сколько въ южной протестантовъ (напр., въ Вюртембергѣ). Но въ большинствѣ населенія югъ принадлежалъ съ тѣхъ поръ старой, сѣверъ—новой вѣрѣ. И разница между обѣими религіозными партіями зависѣла не отъ степени культурнаго развитія; по большей части тутъ дѣло было въ томъ, насколько благопріятствовали той или другой вѣрѣ правящіе князья въ земляхъ и патриціи въ большихъ имперскихъ городахъ.

Такъ называемой противо-реформаціи въ пользу римской церкви способствовало улучшеніе богослуженія, которое лучше всего намъ способствовало и разцвѣту искусствъ. 16-й вѣкъ былъ расцвѣтомъ итальянской живописи, которая никогда не измѣняла церкви (а въ Германіи Дюреръ, Гольбейнъ и Кранахъ примыкали къ реформаціи) и находили въ ней главную поддержку. Тогда-то *Микель-Анджело* окончилъ свой «Страшный Судъ» въ Сикстинской капеллѣ Ватикана (1541), а *Палестрина* сочинилъ свою обѣдню Марцелла (1560). Наконецъ, возросшій гнетъ инквизиціи легко подавитъ зачатки реформаторскаго движенія въ Италіи и Испаніи. Но самымъ острымъ оружіемъ папства оказалось основаніе *ордена іезуитовъ*.

Орденъ іезуитовъ.

Сознавалъ ли *Игнатій Лойола*—основатель ордена—цѣль своего созданія или нѣтъ, для насъ рѣшительно все равно: дѣло въ томъ, что этотъ орденъ вскорѣ достигъ поразительнаго могущества, котораго боятся и теперь. Такой успѣхъ объясняется лишь организаціей ордена, которой нѣтъ ничего равнаго по ловкости, остроумію и обдуманности: она показываетъ, что съ помощью деспотической, центральной власти и самоот-

верженнаго послушанія можно достигнуть всего. Высшая власть покоится въ рукахъ «генерала»; повиновеніе—необходимое условіе подчиненныхъ ему членовъ ордена. Нужно думать, что организація іезуитскаго ордена всѣмъ извѣстна. Подъ мнимыми правами, которыя называютъ «человѣческими правами» обыкновенно разумѣютъ прежде всего право самоопредѣленія: вѣдь рѣдко кто подозрѣваетъ, что дѣйствительнымъ опредѣлителемъ служитъ не онъ, а всегда внѣшнее вліяніе или же внутреннія настроенія, независимыя отъ сознанія. Орденъ же требовалъ отъ іезуита, чтобы онъ отказался и отъ этой сладкой мечты. Онъ никогда не принималъ никого, кромѣ добровольцевъ; онъ даже вообще съ трудомъ увеличивалъ число членовъ; да ему и не нужны были подневольные братья. У него была масса членовъ, что и доказываетъ что сказанное отреченіе, это пожертвованіе разсудкомъ, легче достается умницамъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Орденъ старался залучить къ себѣ выдающихся людей во всѣхъ отрасляхъ науки. Своимъ многостороннимъ образованіемъ іезуиты выгодно отличались отъ протестантскаго духовенства, падкаго до богословскихъ препирательствъ! И дѣйствительно, рѣдкая область знанія не была обработана ими; исторія, точныя науки, астрономія, въ особенности же географія обязаны имъ драгоцѣнными трудами. Іезуиты разбирали латинскія надписи и наблюдали за движеніями спутниковъ Юпитера. Они издавали цѣлыя библіотеки и предпринимали путешествія въ страны, куда не проникалъ никто ни по торговымъ дѣламъ, ни изъ любознательности; въ одеждѣ мандариновъ, заправляли они обсерваторіями въ Пекинѣ. Ихъ встрѣчали, съ лопатами въ рукахъ, среди дикарей Парагвая, обучающими туземцевъ основамъ земледѣлія. До сихъ поръ имъ однимъ удалось привлечь американскихъ индійцевъ къ нѣкотораго рода цивилизаціи: они образовали изъ нихъ общины и показали имъ, какія благодѣянія для обѣихъ сторонъ проистекаютъ изъ труда. Іезуиты подчинили ихъ военному строю, раздѣливъ всѣхъ на европейскіе роды оружія, снабдили ихъ военными запасами; но въ то же время они ввели среди нихъ желѣзную деспотію, проникавшую въ самыя ничтожныя мелочи жизни. *Добрицгоферъ, Азара и Шарльвуа* до сихъ поръ служатъ драгоцѣнными источниками свѣдѣній о тѣхъ странахъ. Этнографы единогласно признаютъ значеніе за работами патеровъ среди индійцевъ Бразиліи, среди моховъ и чикитовъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ сосѣднемъ Парагваѣ, іезуиты развивали изумительную миссіонерскую дѣятельность и достигли внушительныхъ результатовъ. Тайна поистинѣ крупныхъ успѣховъ іезуитовъ лежитъ, быть можетъ, въ томъ, что они всегда заботились не столько объ обращеніи туземцевъ въ христіанство, сколько о развитіи среди нихъ цивилизаціи. Только и здѣсь высшему успѣху мѣшала страсть іезуитовъ держать своихъ питомцевъ въ вѣчномъ дѣтствѣ. Но, во всякомъ случаѣ, для исторіи культуры важно, что есть бразильскій языкъ, съ которымъ можно путешествовать почти среди всѣхъ племенъ: *лингоа джераль*, всеобщій языкъ, возникъ изъ гваранскаго нарѣчія или, вѣрнѣе, изъ языка ордъ тупи. А сознательными творцами этого языка, доставляющаго разношерстнымъ племенамъ Бразиліи общее средство сообщенія мыслей, были іезуиты, которые проявили и здѣсь свое глубокое знаніе человѣческой природы [1]). Въ Калифорніи іезуиты

[1]) *Peschel* въ „Ausland", 1867, № 38, p. 899.

насадили виноградъ и плодовыя деревья, сохранившіяся до нашихъ дней [1]). Самые смѣлые подвиги при смѣломъ первомъ изслѣдованіи Канады совершены священниками изъ ордена іезуитовъ. По-двое, по-трое искрестили они еще нетронутые ногой бѣлаго земли, населенныя враждебными племенами. И даже когда иное племя выказывало дружелюбіе, они хорошо знали, что малѣйшее невольное оскорбленіе его суевѣрій, малѣйшее безсознательное возбужденіе его страстей или капризовъ каждую минуту могло привести ихъ къ мученической смерти. Но на дикарей, повидимому, дѣйствовало ихъ нравственное мужество, незапятнанное никакою жестокостью, то довѣріе, съ которыми они принимали нерѣдко коварное гостепріимство, наконецъ, чрезвычайная простота ихъ обращенія. Первымъ апостоломъ ирокезовъ былъ іезуитъ *Исаакъ Хогесъ*; іезуитамъ *Даблону*, *Аллуезу и Маркетту* мы обязаны весьма важными географическими открытіями въ сѣверной Америкѣ [2]). Такую же роль играли патеры въ Азіи. Іезуитъ Жербильонъ былъ политическимъ агентомъ въ свитѣ китайскаго уполномоченнаго, при заключеніи пограничнаго договора въ Нерчинскѣ, въ 1649 г. Отличные астрономы, іезуиты *Феликсъ д'Ароха*, *Эспинга и Галлерштейнъ*, сдѣлали, въ 1759 году, первыя опредѣленія мѣстъ въ Тянь-Шань-Нань-Лю. Патеры *Фиделли, Бонжуръ и Режисъ*, въ 1714—1715 гг., такъ точно нанесли на карту мало извѣстную и теперь южную страну южно-китайскаго Юннана, что съ ними вполнѣ согласуются и нынѣшнія изслѣдованія [3]). Іезуитъ *Марини* въ XVII-мъ в. написалъ прежнюю исторію Лаоса; и Лаосъ тѣхъ временъ извѣстенъ намъ только изъ сочиненій іезуита *Іоанна Маріи Леріи* [4]). Другой іезуитъ *Камелли*, первый привезъ съ Филиппинскихъ острововъ бобы Игнатія (*Strychnos Ignatii* Berg.), въ 1699. До сихъ поръ восхваляются труды іезуитовъ на Габутъ, въ западной Африкѣ [5]). И даже политическіе журналы признаютъ, что въ аргентинской колоніи Санта-Фе между іезуитами встрѣчаются люди, которые съ достойнымъ рвеніемъ берутся за весьма запущенное тамъ школьное обученіе [6]). Такіе примѣры можно приводить безъ конца.

Чувство справедливости заставляетъ насъ признать, что орденъ іезуитовъ оказалъ значительныя и важныя услуги наукѣ. Іосифъ Акоста, авторъ прекраснаго труда «*De natura novi orbis*» (Кельнъ 1596), по признанію Пешеля, очень умный писатель, а значеніе Аѳанасія Кирхера станетъ яснымъ каждому, кто основательно познакомится съ «Кирхеріанскимъ музеемъ» въ Римѣ. Онъ именно впервые изобразилъ на картѣ въ 1665 г. главныя теченія океана, извѣстныя уже въ XVI столѣтіи. Это *первый чертежъ по физической географіи*, которымъ мы обладаемъ, такъ какъ онъ опередилъ на 20 лѣтъ карту вѣтровъ Галлея (Halley). Совершенно безпристрастный критикъ справедливо говоритъ: «Кирхеръ достигъ высшей точки образованія своего времени, и универсальностью своихъ знаній можетъ считаться *предтечею нѣмца совершенно другого пошиба*, а именно *Лейбница*. Въ тѣ времена іезуиты серьезно стремились овладѣть всѣми науками. Въ это самое время волненія Тридцатилѣтней войны грозили погасить совершенно свѣточъ науки, по крайней мѣрѣ въ Германіи». Еще и въ новѣйшія времена орденъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ первостепеннаго астронома Секки. Наблюденія его надъ солнцемъ признаются замѣчательными всѣми компетентными лицами, а его сочиненіе «Единство физическихъ силъ» (есть рус. пер. Павленкова) отличается широтою обобщеній.

[1]) *Max von Versen*: Transatlantische Streifzüge. Leipzig, 1876, p. 116.
[2]) *Bulletin de la Société de géographie de Paris*. 1875. II. B., p. 3—11.
[3]) *Journal of the R. geografical. Society*. 1870 p. 298.
[4]) *Bulletin de la Société de géographie*. 1871, II B., p. 349.
[5]) *Petermanns* Geographische Mittleiungen. 1875, p. 128.
[6]) *Schwäb. Merkur*, отъ 20 августа 1873.

Орденъ, обладавшій такимъ запасомъ знаній, былъ могущественъ уже въ силу одного этого обстоятельства; но могущество его еще усиливалось безустанной корпоративной дѣятельностью, ради общаго дѣла, и неограниченнымъ повиновеніемъ іезуитовъ своей центральной власти.

Вопросъ о томъ, жить ли іезуиту близъ полюсовъ или на экваторѣ, посвятить-ли свою жизнь приведенію въ порядокъ геммъ и коллекціонированію рукописей или-же объясненію всего ужаса людоѣдства голымъ варварамъ южнаго полушарія,—этотъ вопросъ іезуитъ съ величайшею покорностью предоставлялъ рѣшать другимъ. Героическій духъ іезуитизма не угасъ и нынѣ. Когда въ наши времена ужасная эпидемія постепенно распространялась по всему земному шару, когда въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ паническій страхъ разорвалъ всѣ общественныя узы, когда духовенство покидало свою паству, когда невозможно было купить врачебную помощь и за груды золота, когда самыя сильныя природныя влеченія уничтожились чувствомъ самосохраненія: даже тогда іезуитъ не покидалъ и бѣднѣйшаго ложа, покинутаго епископомъ и священникомъ, врачемъ и сидѣлкой, отцомъ и матерью, и, наклоняясь къ зачумленнымъ устамъ, выслушивалъ слабые звуки исповѣди и простиралъ къ умирающему образъ распятаго Спасителя.

Цѣлью ордена было распространеніе католической церкви, а средствами къ достиженію этой цѣли должны были служить: миссіонерства, школы, проповѣди, исповѣдальни и основанія конгрегацій. Въ Европѣ іезуитамъ очень скоро удалось захватить въ свои руки общественное воспитаніе или, по крайней мѣрѣ, высшее научное образованіе юношества, которое они сумѣли вести необыкновенно искусно. Въ школахъ преподавался исключительно латинскій языкъ, причемъ обращалось преимущественное вниманіе на діалектику и декламацію, вытѣснялись мѣстные языки, изучалась лишь форма, а не содержаніе древняго міра, и все, что было несогласно съ строгой нравственностью, выключалось изъ классиковъ. Изученіе греческаго и латинскаго языковъ служило только подспорьемъ къ изученію латинской Библіи: всякая критика исключалась. Ужасающая однородность характеризовала обученіе іезуитовъ, всюду придерживались одной и той же системы преподаванія, возникшей изъ дома *al Gesu*. Книга, не приходящаяся по вкусу генералу іезуитовъ, не попадала въ руки кого-бы то ни было изъ юношества всѣхъ націй западно-европейскаго континента; философская доктрина, противорѣчащая конституціи ордена, не могла быть объясняема ни съ какой каѳедры—однимъ словомъ, нѣчто вродѣ всеобщей цензуры, дѣйствовавшей одновременно и повсемѣстно, дѣлало невозможнымъ какое-бы то ни было развитіе школы. Кромѣ того примѣнялась къ дѣлу весьма усердно и съ большимъ успѣхомъ и проповѣдь.

Въ исповѣдальнѣ іезуиты вымогали у женщинъ всѣ тайны ихъ жизни; они становились духовниками королей; имъ были извѣстны интриги кабинетовъ и къ нимъ обращались за совѣтомъ. Іезуитъ скрывался подъ всевозможными масками; всюду, гдѣ жили благочестивые люди, онъ подавалъ примѣръ набожности, и онъ-же первенствовалъ въ высшемъ изысканнѣйшемъ обществѣ. Кромѣ того, іезуиты замѣтно убѣдились въ той пользѣ, какую можетъ принести распространенію и укрѣпленію вѣры торговля, и въ силу этого соображенія они стали одновременно великими миссіонерами и значительными купцами. Въ качествѣ послѣднихъ они накопляли несмѣтныя богатства, что давало имъ возможность безъ всякаго опасенія преслѣдовать свои цѣли.

Но ихъ единственною цѣлью было достиженіе неограниченнаго единодержавія. И дѣйствительно, они сумѣли подчинить своей волѣ какъ могущественнѣйшихъ монарховъ, такъ равно и всѣ ступени церковной іерархіи; они умѣли либо обращать ихъ въ орудія для достиженія своихъ стремленій, либо, въ случаѣ сопротивленія,—устранять ихъ. Такимъ образомъ, ни свѣтскій правитель, ни высшее, ни низшее духовенство, ни даже самъ папа не были въ состояніи долгое время противиться имъ. Іезуитъ, конечно, произносилъ самую точную присягу подчиненія папѣ; но, какъ доказала намъ исторія, орденъ іезуитовъ лишь настолько интересовался блескомъ папства, насколько онъ пріобрѣталъ черезъ его посредство вліяніе и независимость. Это безграничное властолюбіе совершенно естественно вызвало справедливое враждебное чувство не только къ ордену, но и ко всей католической церкви. Протестантскіе и свободомыслящіе писатели никогда не высказывали іезуитамъ такихъ горькихъ истинъ какія имъ пришлось выслушивать отъ истинныхъ католиковъ. Полемическія письма августинцевъ и доминиканцевъ, произведенія Климента Скотуса (Clemens Scotus) и того епископа М. Кано (M. Cano), который называлъ ихъ «набожными льстецами, высокомѣрными нищими, предательскими учителями, тщеславными скромниками, сладкорѣчивыми клеветниками, корыстолюбивыми исповѣдниками, отцами погибели, чадами несправедливости»—еще и нынѣ не забыты. Но орденъ умѣлъ всегда повести дѣло такъ, чтобы заглушить отголосокъ этихъ рѣчей, при помощи римскихъ буллъ.

Изъ такой странной смѣси хорошаго и дурного состоялъ характеръ этихъ знаменитыхъ братьевъ іезуитскаго ордена, но *въ этой-то смѣси и таилась причина ихъ исполинскаго могущества.*

Будь они только обыкновенными лицемѣрами—они не могли-бы достичь такой власти; строгіе моралисты—тоже не могли-бы этого добиться. Лишь мужи, стремящіеся къ достиженію великой цѣли съ полнымъ энтузіазмомъ и при томъ не останавливающіеся ни передъ какими средствами, могли достичь такого могущества. Вотъ почему мы находимъ въ числѣ членовъ ордена искуснѣйшихъ исказителей исторіи церкви, каковъ, напр., Бароніусъ (Baronius) и отвратительнѣйшихъ моралистовъ. Такъ, напр., Ѳома Санхецъ (Thomas Sanchez) говоритъ: «позволительно при извѣстныхъ обстоятельствахъ не только выходить на дуэль, но и убить тайно своего врага до дуэли, для того, чтобы избавить его отъ необходимости совершить убійство». Пренебрегая всѣми правилами обыкновенной морали,

іезуиты, конечно, поступали такъ, какъ поступали многіе и до нихъ съ самаго начала; но у нихъ однихъ хватило смѣлости открыто сознаваться въ этомъ въ своихъ сочиненіяхъ и даже защищать это положеніе. Будучи глубокими знатоками человѣческаго сердца и ловко умѣя пользоваться человѣческими слабостями, іезуиты поняли, что нравственность и право— понятія не абсолютныя и колеблющіяся сообразно съ возрастомъ и національностью человѣка; они были настолько смѣлы, что не только признавались въ этомъ, но и поступали сообразно съ этимъ. *Такимъ образомъ іезуитство воспользовалось такъ называемой мрачной стороной человѣческой природы*, и легко понять, насколько они выигрывали по сравненію съ тѣми системами, которыя принимаютъ въ разсчетъ лишь благородныя свойства человѣка. *Именно то обстоятельство, что іезуитство насквозь «человѣчно»* и служитъ источникомъ его могущества и неразрушимости. Они принимали исходной точкой тотъ неопровержимый фактъ, что въ свѣтѣ побѣждаетъ не *добрый* человѣкъ, а *умный*. А потому, по мнѣнію іезуитовъ, все, что дѣлалось ради церкви, было хорошо; его дѣломъ было обдумать, какъ вѣрнѣе воспользоваться представляющимися обстоятельствами, — какъ прибѣгнуть къ средствамъ, которыя возможно оправдать, и если это окажется невозможнымъ, то избрать неоправдаемыя средства, придерживаясь древняго правила: *«цѣль оправдываетъ средства»*. Іезуиты и ихъ приверженцы хотя и утверждаютъ, что нигдѣ въ твореніяхъ членовъ ихъ общинъ нельзя указать на подобное изреченіе, но тѣмъ не менѣе, начиная съ Бузенбаума (Busenbaum), котораго по справедливости можно считать отцомъ этого ученія, и кончая новѣйшими произведеніями отцовъ Гури и Либераторе (Gury и Liberatore) проглядываетъ въ непрерывной цѣпи ученіе о томъ, что «когда позволена цѣль, то дозволяются и средства».

Но при этомъ надо сознаться, что и противники іезуитовъ поступали по тому же правилу.

Поученія, въ томъ видѣ какъ ихъ истолковывали іезуиты, какъ, напр., ученіе о вѣроятности (пробабилизмъ), о направленіи намѣренія и о мысленной оговоркѣ (reservatio mentalis) были такого рода, что легко привлекали къ себѣ массу людей, которые хотя настолько религіозны, что тревожатся о содѣянномъ проступкѣ, но не настолько религіозны, чтобы воздерживаться отъ подобныхъ проступковъ.

Въ числѣ членовъ ордена было много религіозныхъ мечтателей и фанатиковъ, но самъ орденъ былъ всегда свободенъ отъ мечтаній и отъ какихъ бы то ни было предразсудковъ, хотя бы религіозныхъ.

Доказательствомъ этого служитъ его поведеніе, особенно среди чужеземныхъ народовъ. Гдѣ бы ни появлялись іезуиты, всюду мы замѣчаемъ, что имъ мало дѣла до чистаго ученія Христа, и что напротивъ они способствовали тому, что католицизмъ получалъ языческую окраску; примѣровъ подобнаго ихъ поведенія мы можемъ указать множество, даже въ Европѣ.

Они-то ввели богослуженіе въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи и Сердца Іисуса Христа, чѣмъ непосредственно связали католичество съ язычествомъ, а это послѣднее по сію пору держится въ средѣ культурныхъ народовъ, именно въ низшихъ слояхъ. Само собой понятно, что, распространяя

христіанскую религію среди дикарей и полу-дикихъ племенъ, они тѣмъ болѣе избирали этотъ путь введенія языческихъ вѣрованій въ католицизмъ, который они совершенно исказили, допустивъ для новообращенныхъ поклоненіе идоламъ, оставивъ имъ ихъ представленія и обычаи.

Еще съ раннихъ поръ іезуиты защищали ученіе о державности народа, т. е. они основали свою систему на демократической почвѣ. Изъ всѣхъ ихъ письменныхъ произведеній явствуетъ, что они предугадывали истину, считая формы правленія дѣломъ рукъ народовъ.

Ранке говоритъ что, хотя Готманнъ (Hotmann) да и вообще всѣ французскіе протестанты въ моментъ борьбы защищали идею о державности народа въ оправданіе своихъ поступковъ, но тѣмъ не менѣе эта теорія никогда не была вполнѣ разработана ими. Лишь іезуиты того времени разработали ее, а именно они въ то время весьма усердно проводили принципъ о подчиненіи государства церкви. Власть церкви основалась, по ихъ мнѣнію, на непосредственномъ повелѣніи Бога, считалась божественнымъ правомъ. Папство, обязанное своимъ происхожденіемъ единственно непосредственному Божьему велѣнію, противоставлялось свѣтской власти, вытекающей изъ державности народа, и изъ этого сопоставленія выводились съ неутомимой логикой непосредственныя послѣдствія. На соборѣ, бывшемъ въ Тріентѣ въ 1562 году, генералъ іезуитовъ Лэне (Lainez) привелъ слѣдующее разъясненіе:

«Между Церковью Божіею и человѣческими государствами полная противоположность. Церковь возникла не сама собой, не сама собой и приняла извѣстное направленіе, а Христосъ, ея Монархъ и Правитель, первый далъ ей законы. Государства-же избираютъ свободно свои правленія. Въ началѣ вся власть въ рукахъ общинъ, эти-же послѣднія передаютъ ее правителямъ, не лишая и себя власти».

Эти принципы ближе обосновываются іезуитомъ Беллярминомъ (Bellarmin) въ различныхъ произведеніяхъ, а особенно въ его книгѣ *de Romano Pontifice*. Хотя по поводу извѣстнаго мѣста посланія къ римлянамъ и говорится, что власть вообще божественнаго происхожденія, но при этомъ прибавляется, что божественное право не даровало власти отдѣльной личности. Власть дарована всему обществу, а это послѣднее можетъ передать ее отдѣльной личности или нѣсколькимъ лицамъ. Массѣ народной предоставлено назначить властителемъ надъ собой короля, консула или другихъ правителей. Если встрѣчается законный поводъ, то народъ можетъ во всякое время замѣнить монархію, аристократическое или демократическое правленіе—другимъ образомъ правленія. Но такъ какъ духовная власть непосредственно передана была Богомъ одному человѣку, то изъ этого слѣдуетъ, что духовная власть безспорно обладаетъ главенствомъ надъ свѣтской властью. Беллярминъ сравниваетъ обѣ власти съ плотью и духомъ. Духъ вообще не долженъ вмѣшиваться въ дѣятельность плоти, но лишь только плоть противоборствуетъ духу, то этотъ послѣдній обязанъ повелѣвать плоти и карать ее. Итакъ, когда свѣтская власть противоборствуетъ духовной, то «первая можетъ и должна караться духовной властью всякимъ способомъ, въ извѣстномъ случаѣ наиболѣе подходящимъ». Испанскій историкъ Хуанъ Марьяна, котораго Ранке называетъ остроумнѣйшимъ изъ членовъ іезуитскаго ордена объясняетъ эти принципы весьма обстоятельно и подробно. Марьяна рисуетъ предполагаемое естественное состояніе, когда сильнѣйшій, подобно дикому звѣрю, обижалъ слабѣйшаго, когда міръ былъ наполненъ убійствомъ и грабежомъ. Тогда притѣсняемые заключили союзъ между собой и соединились въ общество. Такимъ образомъ возникли города и королевская власть. Послѣдняя пріобрѣталась путемъ умѣренности и добродѣтели, свѣтская община возникла изъ сознанія погрѣшимости. «Но невѣроятно, чтобы граждане пожелали лишить себя власти и передать ее цѣликомъ въ другія руки», говоритъ Марьяна. Хотя, при извѣстныхъ, весьма строгихъ ограниченіяхъ, монархія и предпочтительна по сравненію съ другими образами правленія, и хотя, говоря вообще, наслѣдственность власти цѣлесообразна, но въ случаѣ надобности народъ можетъ и здѣсь кое-что измѣнить.

Безпристрастная оцѣнка ордена іезуитовъ, выведенная изъ исторіи культуры, заключается приблизительно въ слѣдующемъ положеніи: орденъ этотъ принесъ и безконечный вредъ, и безконечную пользу. Онъ оказывался и оказывается вреднымъ среди небольшой кучки цивилизованныхъ народовъ, полезнымъ среди огромнаго большинства варварскихъ и нецивилизованныхъ людей. Орденъ іезуитовъ—учрежденіе, которое понижаетъ уровень развитія людей, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи и, напротивъ, возвышаетъ уровень развитія людей, стоящихъ на низшихъ степеняхъ развитія: въ первомъ случаѣ онъ заслуживаетъ противоборства, во второмъ—полнѣйшаго одобренія. Если кто-либо умѣетъ привлечь варваровъ къ нашей цивилизаціи, то это навѣрное іезуитъ, и въ этомъ отношеніи культурная задача ордена еще далеко не вполнѣ рѣшена. Напротивъ, въ средѣ высоко стоящихъ по развитію своему народовъ іезуитъ играетъ роль тормаза, и это служитъ новымъ блестящимъ подтвержденіемъ того положенія, что то, что служитъ культурнымъ факторомъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, препятствуетъ развитію людей, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ ея.

Европа до революціи 1789 г.

Составилъ проф. М. Филиппсонъ.

Развитіе абсолютизма.

Исполинская борьба тридцатилѣтней войны окончилась въ 1648 году. Несмотря на упорную войну, жертвой которой была Германія, ни древняя, ни новая церковь не одержали побѣды. Европейскіе народы, утомленные, отказались продолжать споръ о вѣроисповѣданіяхъ. Времена реформаціи приходили къ концу и наступала новая эра.

Самая характерная черта, придавшая этому періоду особенную окраску до французской революціи, это устраненіе средневѣковаго сословнаго порядка и постепенное развитіе абсолютизма. Феодальныя государства съ ихъ сословными представителями заключали власть государя въ тѣсныя границы, что, конечно, служило на пользу не всего народа, а лишь меньшинства привилегированныхъ классовъ: духовенства, дворянства и городского патриціата. Въ теченіе семнадцатаго и восемнадцатаго вѣка эти границы падаютъ, а государи европейскаго континента укрѣпляютъ свою власть какъ «*бронзовую скалу*». Но каковы были причины этого всюду совершающагося процесса?

Сословное правленіе имѣло слабыя стороны, которыя обезоруживались при столкновеніи съ сильнымъ и недобросовѣстнымъ соперникомъ. Города и дворянство постоянно враждовали, и интересы ихъ были вполнѣ противоположны. При этомъ городской патриціатъ отличался мелочностью и ограниченностью міровоззрѣнія, землевладѣльцы-дворяне были грубы, склонны къ насилію и не обладали духовнымъ, нравственнымъ и матеріальнымъ могуществомъ. Цѣли сословныхъ собраній никогда и нигдѣ не были общими, стремящимися къ достиженію блага всего государства и каждаго изъ его членовъ, но каждый изъ привилегированныхъ классовъ дѣйствовалъ только сообразно узкому эгоизму въ свою пользу, въ ущербъ другимъ. Достаточно будетъ привести лишь нѣсколько примѣровъ. Датское дворянство, которое держало въ своихъ рукахъ государство болѣе чѣмъ въ теченіе столѣтія (съ 1523—1660) измѣнническимъ образомъ стремилось лишь къ тому, чтобы погубить могущество и боевую силу Даніи съ цѣлью ослабить власть короны. Кромѣ того оно присвоило себѣ впослѣдствіи девять десятыхъ всей земли, поработило всѣхъ крестьянъ, обративъ

ихъ въ крѣпостныхъ, освободилось отъ всякихъ общественныхъ обязанностей.

Точно такимъ же далеко не патріотическимъ образомъ дворянство Швеціи въ исходѣ среднихъ вѣковъ благопріятствовало датскому владычеству; національная партія, напротивъ того, искала опору въ крестьянахъ и въ низшемъ городскомъ сословіи.

Въ Германіи дворянство окончательно лишило самостоятельности деревенскихъ жителей, послѣ великой крестьянской войны 1525 года, и въ особенности послѣ ужасающихъ опустошеній тридцатилѣтней войны, которая вполнѣ лишила сельское народонаселеніе всякой матеріальной и моральной силы.

Тогда-то крестьяне лишились послѣдней тѣни свободы: вмѣсто прежнихъ опредѣленныхъ услугъ ихъ принуждали къ тягостной работѣ и тяжелымъ налогамъ въ пользу землевладѣльца, судебная власть которыхъ хотя и подчинялась государственнымъ трибуналамъ, но безъ особеннаго успѣха. Выборъ занятій и женитьба зависѣли отъ согласія помѣщика; во многихъ мѣстностяхъ Германіи крестьянъ продавали, какъ рабочій скотъ. Тяжесть государственныхъ податей всецѣло падала на крестьянъ. Если такова была добрая воля помѣщика, то онъ могъ ихъ «*снять*», т. е. безъ вознагражденія согнать изъ дома и со двора, а то и другое отнять для собственнаго пользованія.

Высшіе классы цѣнили дичь выше человѣческой жизни; за простую защиту со стороны крестьянъ своихъ собственныхъ полевыхъ плодовъ отъ прожорливой дичи они подвергались жестокимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. До самой французской революціи во многихъ мѣстахъ Германіи лѣсничіе вознаграждались деньгами «за убитыхъ браконьеровъ». Въ городахъ же масса горожанъ была лишена не только права занимать должности, но и выборнаго права, и все это въ пользу нѣсколькихъ семействъ патриціевъ.

Не удивительно послѣ этого, что остальное большинство народа, насколько оно не чуждалось вообще общественныхъ интересовъ, благодаря полному отупѣнію, чувствовало глубокую ненависть къ привилегированнымъ сословіямъ. Кромѣ того эти послѣдніе и между собой вели распри, что давало государямъ удобный случай, натравливая одно сословіе на другое, побѣждать одно сословіе посредствомъ другого. Собранія чиновъ происходили не регулярно, и между ними нерѣдко проходилъ промежутокъ времени въ нѣсколько лѣтъ; такимъ образомъ у нихъ не могло быть и рѣчи ни о цѣлесообразныхъ настойчивыхъ дѣйствіяхъ, ни о привычкѣ къ веденію общественныхъ дѣлъ—въ то время какъ государь, окруженный цѣлымъ штабомъ искусныхъ и преданныхъ чиновниковъ, былъ въ состояніи, съ полнымъ сознаніемъ цѣли, стремиться къ достиженію ея, и такимъ образомъ пріобрѣлъ значительный перевѣсъ надъ городскими корпораціями. Въ протестантскихъ странахъ кромѣ того недоставало самаго могущественнаго сословія, а именно духовнаго, а въ католическихъ оно во время религіозной борьбы до того нуждалось въ защитѣ правителей, что ему не легко было отказывать имъ въ повиновеніи и въ подчиненіи ихъ власти.

Эгоистическія дѣйствія и недостатокъ въ общемъ согласіи феодальныхъ сословій тѣмъ менѣе дѣлали ихъ способными къ управленію госу-

дарствомъ, что задачи послѣдняго, при возростающей культурѣ, при быстромъ усиленіи торговыхъ сношеній, ремеслъ, благосостоянія и образованія, становились все обширнѣе и затруднительнѣе. Благодаря всему этому для управленія требовалось раздѣленіе труда, техническая подготовка, цѣлесообразныя дѣйствія, которыхъ нельзя было ожидать отъ временныхъ собраній, въ которыхъ преобладали простые, деревенскіе землевладѣльцы. [1]). Чувствовалась необходимость въ однородной, цѣлесообразно раздѣленной и направляемой свыше администраціи, съ чиновниками пожизненно назначенными и хорошо подготовленными въ спеціальныхъ познаніяхъ. Низменныя побужденія и грубая торопливая работа средневѣковыхъ сословій стали непримѣнимы въ обществѣ, которому приходилось заботиться о церкви и школѣ, объ интересахъ торговыхъ и промышленныхъ, при чемъ приходилось вникать во всѣ мелочи, которому надо было устраивать пути сообщенія на водѣ и сушѣ, поднять науки, искусства, нравственность, создать могущественную военную силу. При такихъ обстоятельствахъ неминуемо должна была возрасти сила центральной власти государства. Она еще увеличилась, благодаря усиливающемуся изученію римскаго права, которое распространило взгляды на власть монарха и обязанности подданныхъ, діаметрально противоположные взглядамъ, господствующимъ въ средніе вѣка. Юристы, которыхъ монархи преимущественно избирали для своего услуженія, были безусловными защитниками государственной власти противъ всякихъ притязаній на особыя права и особыя требованія.

Кромѣ того въ большей части европейскихъ государствъ власть монарха усиливалась теченіемъ, бывшимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ продолжительныхъ и тяжелыхъ междуусобицъ. Такъ, въ Испаніи въ теченіе 1520 и 1521 годовъ возстаніе сословій, comuneros, наполнило все государство борьбой и убійствами. Возстаніе было подавлено, такъ какъ дворянство, руководимое мелочною завистью къ гражданамъ, присоединилось къ королю. Но зато и оно съ тѣхъ поръ потеряло всякое значеніе въ королевствѣ, и всѣ классы народонаселенія старались перещеголять другъ друга въ самоуничиженіи и покорности относительно монарха. Послѣдніе остатки свободы на Иберійскомъ полуостровѣ—во владѣніяхъ престола Арагонскаго—были уничтожены во время неудачнаго сопротивленія этихъ провинцій новой Бурбонской династіи, въ 1714 г.

Еще сильнѣйшему и жесточайшему опустошенію подверглась Франція, благодаря религіознымъ войнамъ, свирѣпствовавшимъ съ фанатическою жестокостью въ теченіе сорока лѣтъ. Сотни тысячъ людей пали жертвою войны, или же были хладнокровнѣйшимъ образомъ умерщвляемы; всѣ провинціи были переполнены развалинами блестящихъ замковъ, а нѣкогда цвѣтущія мѣстности были опустошены; никто не могъ быть увѣренъ въ неприкосновенности своего имущества или своей жизни, а нѣкогда такое

[1]) О рабскомъ состояніи крестьянъ, отъ 1650 г. до Наполеонскихъ войнъ см.: G. J. Knapp. Освобожденіе крестьянъ въ старинныхъ частяхъ Пруссіи (2 тома Лейпцигъ, 1887). Fr. Grossmann Правовыя отношенія землевладѣльцевъ и крестьянъ въ Бранденбургѣ. (Schmoller, Государственныя и соціальныя изслѣдованія IX, IV). K. Grünberg, Освобожденіе крестьянъ въ Богеміи, Моравіи и Силезіи (2 г. Лейпцигъ, 1894).

значительное преобладаніе Франціи по отношенію къ другимъ державамъ исчезло совершенно. Это безграничное несчастіе вызвало во всѣхъ классахъ французскаго народа почти что страстное стремленіе къ покою. Всѣ желали одного: мира, порядка, безопасности и возсоединенія и могущества Франціи. А какимъ образомъ легче было рѣшить эту задачу, какъ не посредствомъ неограниченной монархической власти? Въ Генрихѣ IV Франція нашла короля, умѣвшаго воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами для основанія славнаго и всѣмъ полезнаго абсолютизма. До какой степени всѣ сердца были преданы Генриху IV, стало ясно послѣ смерти великаго короля, во время несовершеннолѣтія его сына, Людовика XIII. Несмотря на всѣ громкія обѣщанія, попытки возстанія со стороны высшаго дворянства не встрѣтили сочувствія у народа. Безусловная потребность покоя, котораго требовало большинство французовъ, дала возможность кардиналамъ Ришелье и Мазарини окончательно укрѣпить королевское всемогущество.

Въ Германіи по преимуществу тридцатилѣтняя война была причиной упадка хозяйственной и нравственной силы сословій, а, слѣдовательно, она же и подготовила почву для монархическаго самодержавія. И здѣсь страшное кровопролитіе, пытки и ужасы войны вызвали потребность въ мирѣ, въ охранѣ, въ порядкѣ; народъ согласенъ былъ повиноваться въ томъ случаѣ, если сильная власть возстановитъ уничтоженныя права собственности и сдѣлаетъ вообще жизнь возможною. И дворянство, и города слишкомъ ослабѣли и обѣднѣли, чтобы быть въ состояніи серьезно сопротивляться планомѣрнымъ захватамъ власти со стороны правительства. Во избѣжаніе частыхъ собраній, влекущихъ за собой потерю времени и денегъ, они избирали депутаціи, а монархи легко приходили въ соглашеніе съ незначительнымъ числомъ членовъ этихъ депутацій. Благодаря постоянному вращенію въ кругу общества и приближенныхъ монарха, благодаря страсти къ чинамъ и титуламъ, благодаря угрозамъ лишеніемъ высочайшей милости, любовь къ свободѣ была подавлена у многихъ. Въ постоянной борьбѣ за существованіе монархи могли не обращать вниманія на мнѣнія сословій, тѣмъ болѣе, что денежныя субсидіи, выпрашиваемыя ими у другихъ монарховъ, давали имъ возможность обходиться безъ сословій. Германскій абсолютизмъ отличался отъ абсолютизма другихъ странъ лишь тѣмъ, что усиленіе власти послужило на пользу не главному монарху т. е., нѣмецко-римскому императору, а мелкимъ владѣтельнымъ князьямъ. Причиной этого явленія было то обстоятельство, что государство давно потеряло характеръ единства, такъ что всѣ вопросы управленія почти цѣликомъ рѣшались отдѣльными правительствами. Такимъ образомъ мелкіе владѣтельные правители могли, наперекоръ праву, отказывать въ повиновеніи императору и одновременно нарушать права отдѣльныхъ сословій. Послѣ тридцатилѣтней войны Мошерошъ (Moscherosch) приписывалъ государю слѣдующія слова: «Я господинъ, вопреки всякому, право здѣсь, право тамъ, пусть всякій поступаетъ по моему желанію. Кто-же этого не сдѣлаетъ, тотъ лишится чести и имущества. Я—право, горе тому, кто мнѣ сопротивляется». («Ich bin der Herr, Trotz der sich sperr. Recht hin, Recht her, ein jeder thue, was ich begehr. Wer das nicht thut, dem kostet's Ehre und Gut; Ich bin das Recht, Trotz der mir wi-

derfecht»). Курфюрстъ баварскій, Максимиліанъ, столь извѣстный въ исторіи тридцатилѣтней войны, совѣтовалъ въ предсмертныхъ своихъ распоряженіяхъ своему преемнику по возможности обезсиливать сословія и, если бы они причиняли напрасныя затрудненія, «unnötige Diffikultäten», то пустить въ дѣло свою власть и свое право, тѣмъ болѣе, что «государь не нуждается въ ихъ согласіи, а долженъ пользоваться своимъ преимуществомъ какъ властитель страны». Очевидно, здѣсь проповѣдывается полная власть, теорія абсолютизма со стороны монархіи. Эта теорія была фактически приведена въ исполненіе преемникомъ Максимиліана, курфюрстомъ Фердинандомъ Марія. Представители сословій не приносятъ монарху ни чести, ни пользы, отъ нихъ «становящихся возлѣ монарха, присваивающихъ себѣ равенство или consortium imperii, монархъ извлекъ бы лишь плохую честь и репутацію и мало пользы. Законный государь имѣетъ право, въ силу своего положенія монарха и своего главенства, возлагать подати на государственныя сословія и на своихъ подданныхъ». Но еще рѣзче обрисовываетъ новое положеніе германскаго монархизма изреченіе герцога Іоанна Ганноверскаго въ (1676 г.): «въ своей странѣ я—императоръ».

Послѣ достиженія неограниченной власти нѣмецкіе княжескіе роды впервые въ исторіи начали играть значительную роль и въ европейской политикѣ: такъ, напр., Гогенцоллерны Бранденбургскіе, Гвельфы Брауншвейгскіе и Ганноверскіе, Виттельсбахеры Баварскіе. Въ столѣтіи, слѣдовавшемъ за великою войною, три изъ этихъ княжескихъ домовъ достигаютъ королевской короны: польской, прусской, англійской; одинъ изъ Виттельсбахеровъ удостоился благороднѣйшей во всемъ мірѣ діадемы—а именно діадемы римской имперіи. И такъ изъ вассальныхъ фамилій произошли такія могущественныя европейскія династіи.

Но еще гораздо больше чиновничества служило опорой новоокрѣпшей власти постоянное войско, замѣнившее повсюду недостаточныя и нецѣлесообразныя войска, поставляемыя дворянствомъ. Преимущества наемныхъ войскъ, оплачиваемыхъ правительствомъ, а потому вполнѣ отъ него зависимыхъ и служащихъ ему своимъ оружіемъ безразлично противъ внѣшняго и внутренняго врага, были настолько значительны, что правительства перестали пользоваться ленными арміями. Дворяне были рады освобожденію отъ этой стѣснительной и опасной обязанности и во время ландтаговъ и рейхстаговъ съ готовностью давали согласіе на значительныя суммы для наемныхъ войскъ—причемъ они эти суммы черпали, конечно, не изъ своего кармана, а изъ кошельковъ крестьянъ и горожанъ. Но они при этомъ упустили изъ виду то обстоятельство, что давая монархамъ въ руки постоянно наостренный мечъ, они тѣмъ самымъ разоружались, и что, слагая съ себя обязанность защиты страны, они тѣмъ самымъ отказывались отъ своихъ прерогативъ, такъ какъ имъ грозила опасность потерять ихъ навсегда. Постоянное наемное войско оказало абсолютизму величайшія услуги. Благодаря ему Ришелье и Мазарини подавляли повторяющіяся возстанія—дворянства, парламента, демократіи большихъ городовъ, гугенотовъ, церкви. Съ его помощью испанскимъ королямъ удалось удержать въ повиновеніи возставшія провинціи Арагонскую, Неаполь, Португалію и Бельгію. Съ его помощью Венеція подавила

недовольное дворянство и стремящіеся къ свободѣ города своихъ сухопутныхъ владѣній «terra ferma». Съ его помощью нѣмецкіе монархи проводили свои измѣнчивыя «реформаціи» въ дѣлахъ вѣры. Съ помощью властителя, вродѣ великаго курфюрста Бранденбургскаго, уничтожили могущество сословій, налагая безъ согласія представителей сословій подати при помощи оружія и такимъ образомъ доказали «господамъ сословіямъ» ихъ безпомощность и незначительность. Наконецъ съ его-же помощью Габсбурги разрушили до основанія политическую и религіозную свободу своихъ королевствъ, Богеміи и Венгріи. Главной причиной паденія Карла I Стюарта, короля англійскаго, было то, что онъ не обладалъ постояннымъ хорошо обученнымъ войскомъ.

Но европейскіе народы привыкали лишь постепенно и медленно къ понятію о монархическомъ самодержавіи. Теорія государственнаго права слѣдовала по стопамъ развивающихся фактовъ. Еще въ послѣдней четверти шестнадцатаго столѣтія въ литературѣ преобладало антимонархическое революціонное направленіе, которое, будучи основано церковными публицистами среднихъ вѣковъ, усилилось благодаря борьбѣ реформаціоннаго времени и возникшей въ это время теоріи о правѣ, болѣе того—объ обязанности убійства тирановъ, что проповѣдывали въ Испаніи Марьяна, въ Шотландіи Ноксъ (Knox) и Бухананъ (Buchanan), во Франціи Готманъ, Ланге, Россе, Буше. Протестанты и католики — единогласно защищали теорію права каждаго народа лишать престола, заключать въ темницу, даже, въ случаѣ надобности, убивать несправедливаго, клятвопреступнаго или еретика-монарха [1]). Но постепенно другія мнѣнія стали одерживать верхъ,—мнѣнія совершенно противоположныя. Уже въ первыхъ десятилѣтіяхъ семнадцатаго столѣтія нѣмецкая публицистика объявляла о наступленіи монархическаго абсолютизма. Въ это время Арнизэусъ (Arnisäus) приписывалъ монархамъ право собственности надъ всѣми земельными угодіями, находящимися въ его государствѣ; Эренбергъ (Ehrenberg) изъ всѣхъ средствъ охраненія противъ злыхъ монарховъ допускаетъ лишь изгнаніе. Ипполитъ съ холмовъ (Hippolyt de Collibus) требуетъ отъ правителя весьма обширнаго вліянія на поднятіе и охрану благосостоянія народнаго на всѣхъ возможныхъ поприщахъ.

Но истиннымъ основателемъ абсолютистической теоріи былъ англичанинъ Ѳома Гоббсъ (Thomas Hobbes) въ своихъ произведеніяхъ «Elementa philosophica de cive (1642) и «Leviathan» (1651). Гоббсъ бралъ исходной точкой естественное состояніе человѣка, когда каждый отдѣльный индивидуумъ, нисколько не думая о другихъ, ищетъ исключительно своей выгоды. Изъ этого вытекаетъ всеобщая междоусобная война всѣхъ противъ каждаго, что влечетъ за собой всеобщій страхъ и всеобщія бѣдствія.

Чтобы избавиться отъ этого невыносимаго положенія, люди, въ силу государственнаго договора, вручаютъ власть охраны мира одному лицу—королю. Такимъ образомъ на этого послѣдняго падаетъ обязанность сохранять миръ и порядокъ посредствомъ военной силы, законовъ и конституціонныхъ правилъ, заставляя людей уважать обоюдныя права. Другой

---

[1]) Hume Brown, Buchanan (Эдинбургъ, 1890) стр. 266 ff. Treumann, die Monarchomachen (Лейпцигъ, 1895).

цѣли правительство не имѣетъ: его единственная задача—общественное благо, и никто не имѣетъ права противоборствовать его стремленіямъ. Оно даже вправѣ назначать государственную религію.

Ученикомъ Гоббса, но не обладающимъ его политической рѣзкостью, вызванной у Гоббса революціей, свирѣпствовавшей въ его отечествѣ, можетъ считаться нѣмецъ Самуилъ фонъ-Пуфендорфъ. Въ своемъ «Jus naturae de gentium» онъ приписываетъ правительству высочайшую власть, выражающуюся на судебномъ, законодательномъ, военномъ и конституціонномъ поприщѣ, а также признаетъ за нимъ неограниченное право взиманія податей, а также право опеки надъ подданными въ соціальномъ и экономическомъ отношеніи. Подобныя задачи предписывались въ прежніе вѣка развѣ только церкви, но никоимъ образомъ не свѣтскимъ правителямъ. На практикѣ абсолютизмъ монархическій семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій развивался тремя послѣдовательными фазисами [1]). Сначала мы встрѣчаемся съ *конфессіональнымъ* абсолютизмомъ до Тридцатилѣтней войны, стремящимся управлять по собственному произволу совѣстью подданныхъ. Главный догматъ здѣсь гласитъ: «Cujus regio, ejus religio». Такъ мы видимъ, что въ Германіи нѣкоторыя княжескія семьи—какъ, напр., князья Пфальца,—мѣняютъ по нѣсколько разъ свое вѣроисповѣданіе и всякій разъ къ тому же принуждаютъ и своихъ подданныхъ. Государство пестритъ конфессіональными районами, смотря по рѣшеніямъ государей, правителей и городского управленія. Генрихъ VIII англійскій преобразовываетъ религіозныя отношенія въ своемъ государствѣ сообразно съ различнымъ настроеніемъ духа, вытекающимъ изъ его брачныхъ дѣлъ и подъ вліяніемъ своихъ, вѣчно мѣняющихся, любимцевъ, а послѣ смерти тирана Англія вынуждена сообразоваться то съ строго протестантскимъ взглядомъ Эдуарда VI, то съ фанатически католическими воззрѣніями Маріи Тюдоръ, то съ умѣреннымъ протестантизмомъ Елизаветы. Новое ученіе жестоко преслѣдуется монархами Италіи, а также королями Испаніи и Польши, старое—скандинавскими монархами.

Послѣ окончанія великой религіозной войны, не принесшей никакихъ положительныхъ результатовъ, наступаетъ эпоха абсолютизма характера *придворнаго*, а именно сосредоточеніе всего понятія о государствѣ въ лицѣ монарха. Самый блестящій представитель этого фазиса—Людовикъ XIV французскій, которому тотчасъ же стали подражать всѣ монархи—великіе, средніе и мелкіе. Всѣ живыя силы народа, даже дѣйствующія въ искусствѣ, наукѣ, литературѣ должны собираться вокругъ властителя. Если допустить даже, что пресловутое изреченіе «L'état, c'est moi!» никогда не было произнесено, то все же оно обратилось въ дѣйствительность. Для Франціи было гибельно то обстоятельство, что она удерживала еще эту форму абсолютизма въ такое время, когда она всюду въ другихъ государствахъ была вытѣснена успѣхами культуры и просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. Когда Людовикъ XVI попытался провести просвѣщенный абсолютизмъ въ Парижѣ, онъ потерпѣлъ пораженіе, отчасти вслѣдствіе слабости характера и недостатка въ способностяхъ, отчасти потому, что антимонархиче-

[1]) Это подраздѣленіе введено сначала W. Roscher'омъ въ Allgem. Zeitschrift издававшейся Ranke (1847), затѣмъ много разъ повторялось; оно совершенно правильно.—Сравн. Roscher, Politik. (Stuttgart).

скіе элементы были въ то время ужъ слишкомъ сильны.—Творцомъ *просвѣщеннаго* абсолютизма былъ несомнѣнно Фридрихъ Великій, король прусскій, съ его излюбленнымъ изреченіемъ: «Правитель—первый слуга государства». Значительнѣйшимъ ученикомъ и послѣдователемъ Фридриха былъ Іосифъ II, императоръ австрійскій. Теперь ужъ не приписывалось главнаго значенія праву и пользованію королевской властью. Монархъ усматриваетъ въ обладаніи этой властью тяжелую, отвѣтственную обязанность. «Не нація существуетъ для правителя, а правитель для націи»—изрекаетъ въ Россіи законодательная коммиссія, созванная Екатериной II. А Леопольдъ Тосканскій пишетъ своей сестрѣ: «Я полагаю, что монархъ, хотя бы и наслѣдственный, лишь уполномоченный представитель народа». Этотъ монархъ посвящаетъ всю свою жизнь государству, которое онъ желаетъ сдѣлать по возможности великимъ, могущественнымъ и богатымъ, онъ воплощаетъ древнее понятіе о государствѣ во всей его полнотѣ. Но именно поэтому онъ уничтожаетъ всякую самостоятельность помимо королевской, которая должна была управлять всѣми нитями жизни государства ко благу этого послѣдняго. Ни церковь, ни община, ни отдѣльные индивидуумы, ни вся нація не имѣютъ права на самостоятельную дѣятельность—лишь монархъ, въ качествѣ представителя цѣлаго, имѣетъ право требовать подчиненія. Это была система строжайшей централизаціи, система, приводящая къ великимъ результатамъ до тѣхъ поръ, пока во главѣ правленія находится геніальный, но сдержанный и творческій монархъ, но которая оказывается вполнѣ несостоятельной, лишь только правителю не достаетъ хоть одного изъ вышеперечисленныхъ качествъ. Такъ случилось въ Австріи даже во время правленія самого Іосифа II, то же произошло и въ Пруссіи въ 1806 году.

Такъ какъ каждая изъ этихъ формъ абсолютизма наилучшимъ образомъ соотвѣтствовала обстоятельствамъ того времени, когда она господствовала, то тотъ монархъ, который наимогущественнѣйшимъ образомъ проводилъ въ жизнь каждую изъ этихъ формъ, пользовался и наибольшимъ вліяніемъ на свою эпоху. Такъ было съ Филиппомъ II въ XVI вѣкѣ, съ Людовикомъ XIV — въ XVII, съ Фридрихомъ II въ XVIII вѣкѣ.

Большая часть періода отъ конца эпохи реформаціи до французской революціи, а именно періодъ въ 130 лѣтъ отъ 1620 приблизительно до 1750 года, отличается придворнымъ абсолютизмомъ, проявляющимся въ отдѣльныхъ изъ его представителей еще до самаго великаго переворота. Монархи этого рода считали себя солидарной кастой. «Какъ бы плохъ ни былъ монархъ», говоритъ Людовикъ XIV по поводу возстанія португальцевъ противъ господства Испаніи, «все же возстаніе его подданныхъ преступно. Тотъ, кто даровалъ людямъ королей, желалъ, чтобы ихъ почитали какъ его намѣстниковъ, и удержалъ за собой право судить ихъ поведеніе. Его воля такова, чтобы люди, родившіеся подданными, повиновались слѣпо». Ничто такъ не раздражало этого монарха противъ голландцевъ, въ Аахенскомъ мирѣ 1668 года какъ то обстоятельство, что эти республиканцы осмѣлились предписывать ему, королю, правила его внѣшней политики. Со стороны монарха Людовикъ, можетъ быть, и потерпѣлъ бы подобное поведеніе; но купцы, самонадѣянные торговцы, заслуживали, по его мнѣнію, примѣрнаго наказанія за подобную дерзость. Вѣдь по общему

мнѣнію королевская власть обладала божественной силой. Въ доказательство этого короли Франціи,—а вслѣдствіе того, что со временъ Эдуарда III и короли англійскіе имѣли притязанія на обладаніе Франціей, то и короли Англіи—обладали мистической властью исцѣлять прикосновеніемъ золотуху. Нерѣдко народъ стекался тысячами даже изъ Испаніи и Португаліи ко французскому двору, чтобы подвергнуться подобному лѣченію. Карлъ II въ теченіе своего царствованія прикоснулся болѣе чѣмъ къ 100,000 лицамъ; въ 1658 году только, онъ прикоснулся къ 8,500 лицамъ. Вѣра въ эту силу подкрѣплялась государственнымъ совѣтомъ, всѣмъ духовенствомъ, Оксфордскимъ университетомъ и всѣмъ народомъ. И это во времена Бэкона, Мильтона, Гоббса, во времена Локка! Это торжество совершалось въ церкви, на особой литургіи. Во Франціи эта комедія окончилась лишь съ паденіемъ всего стараго режима, въ 1789 г. Въ Англіи—на сто лѣтъ раньше, но не вслѣдствіе общаго просвѣтлѣнія, а вслѣдствіе сопротивленія короля Вильгельма подчиниться такому смѣшному обычаю, за что, между прочимъ, его горько винили.

Уже въ Испаніи, послѣ полнаго подавленія религіозныхъ несогласій внутри государства и послѣ установленія дружескихъ отношеній съ государствами другихъ вѣроисповѣданій, монархія утеряла конфессіональный характеръ абсолютизма и замѣнила его придворно-абсолютнымъ. Кальдеронъ всегда изображаетъ короля образцомъ высочайшей мудрости и справедливости, рыцари и гранды различнѣйшихъ временъ и странъ всегда покорнѣйшіе и всеподданнѣйшіе придворные кавалеры. Преступные государи, вродѣ Петра Жестокаго, выставляются имъ въ просвѣтленномъ видѣ, благодаря волшебной неприкосновенности личности монарха; совершенно же незначительные государи, какъ, напримѣръ, Карлъ II Испанскій, ставятся имъ на одну доску съ Александромъ Великимъ.

Подобный обоготворяемый король долженъ былъ быть окруженъ посвященными лично его служенію жрецами, поклонниками и слугами, и эта роль выпала на долю дворянства.

Королевская власть лишила это сословіе всякой самостоятельной власти, заставила его разрушить свои укрѣпленные замки и распустить свои войска, въ денежномъ же отношеніи старалась его все тѣснѣе связать съ собой и вознаграждала его за всѣ его потери внѣшнимъ блескомъ. Дворянъ старались привлечь ко двору, такъ что исключительно они были приближенными государя, назначались на высшія должности въ управленіи государствомъ и въ войскахъ; ихъ осыпали титулами и подарками. Потомки тѣхъ самыхъ гордыхъ родовъ, которые еще недавно сопротивлялись своимъ монархамъ, воевали съ ними и заключали съ ними договоры,—соперничали теперь въ унизительномъ услуженіи, оспаривали другъ у друга право надѣть своему властелину рубашку или подержать ему умывальникъ; все ихъ существованіе повидимому всецѣло зависѣло отъ улыбки или нахмуриванія бровей помазанника Божьяго. Герцогъ Ришелье писалъ госпожѣ де-Мэнтенонъ: «Простите великую смѣлость, съ которой я рѣшаюсь послать вамъ это письмо, которое я пишу Королю. Я въ немъ умоляю его колѣнопреклоненно дозволить мнѣ хотя бы изрѣдка являться къ нему на поклонъ; ибо я охотнѣе умеръ бы, нежели не видать его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ». Въ награду за подобную покорность лишь дворянство уважалось королемъ, а высшіе его представители удостаивались названія «mon cousin»; остальныхъ граждан официально называли ignobles, objects, indignes. Все населеніе самымъ заботливымъ образомъ дѣлилось на многочисленные разряды: въ Австріи Карлъ VI раздѣлилъ народъ на 63 сословныхъ разряда, въ Пруссіи же король Фридрихъ I создалъ 142 разряда. Каждый разрядъ выказывалъ глубочайшее пренебреженіе нижестоящему разряду; но особенно велико было различіе между «благородными господами» и покорно передъ ними склоняющимися гражданами. Тогда же вошло въ обычай возводить заслуженныхъ гражданъ въ дворянство. Сто лѣтъ раньше былъ бы совершенно невозможенъ «дворянинъ Лютеръ» или «баронъ Меланхтонъ».

Но по отношенію къ монарху всѣ сословія были равно безсильны. Королевская власть располагала неограниченнымъ правомъ надъ жизнью и имуществомъ каждаго подданнаго, безъ различія происхожденія; деньги и земли, которыя король оставлялъ во владѣніи кого-либо изъ великодушія, въ сущности принадлежали ему настолько же, какъ и суммы, которыя они причисляли къ государственной казнѣ. Лувуа (Louvois) имѣлъ полное основаніе сказать своему королю: «всѣ ваши подданные, кто бы они ни были, обязаны вамъ жертвовать личностью, кровью, имуществомъ; но жертвуя вамъ всѣмъ, они собственно ничего не даютъ вамъ, такъ какъ все принадлежитъ вамъ».

Въ дѣтствѣ Людовикъ XIV для упражненія въ письмѣ переписывалъ фразы вродѣ слѣдующихъ: «Королямъ обязаны подчиненіемъ; они же дѣлаютъ, что имъ угодно».

Позднѣе этотъ король не любилъ, когда его придворный врачъ Фагонъ, говоря съ нимъ, употреблялъ слово: «предписаніе»; онъ разбранилъ врача за то, что тотъ употребилъ слово: «вы должны». Еще говоря о Людовикѣ XV министръ аббатъ Дюбуа (Dubois) выражался, что онъ богатѣйшій изъ королей, такъ какъ онъ имѣетъ полное право считать себя собственникомъ всѣхъ земель своего государства. Вошло въ обычай приписывать монархамъ всѣ таланты, всѣ великія качества. Подобно древнимъ цезарямъ, они присваивали себѣ честь побѣдъ, одержанныхъ ихъ полководцами.

Людовикъ XIV самъ пѣлъ оперные куплеты, сочиненные и переложенные на музыку въ честь его.

Фридрихъ-Вильгельмъ I, король Прусскій, хотя лично былъ человѣкъ простой и непритязательный, но правилъ деспотически. Когда ученый профессоръ и историкъ Гейнекціусъ (Heineccius) не соглашался переселиться изъ Франкфурта на Одерѣ въ Галле, то его отвели туда солдаты. Заслуженный пробстъ Рейнбекъ въ Берлинѣ получилъ весьма выгодное для себя приглашеніе въ Гамбургъ; но на половину насильно, на половину обманнымъ образомъ, король задержалъ его въ своей странѣ, притомъ безъ всякаго вознагражденія. «Каждый подданный»,—писалъ тогда Мантейфель философу Вольфу—«каково бы ни было его положеніе, считается въ Пруссіи прирожденнымъ рабомъ, которымъ господинъ можетъ располагать по своему благоусмотрѣнію».

Точно также и во Франціи достаточно было кабинетнаго приказа (lettre de cachet) безъ всякихъ судебныхъ формальностей, для того, чтобы заключить несчастныхъ на неопредѣленное время въ тюрьму.

Эти величественные короли, насквозь пропитанные самомнѣніемъ, окружали себя этикетомъ, весьма близкимъ къ культу какого нибудь божества. Такимъ образомъ предполагалось возвысить монарха на недосягаемую высоту по сравненію съ другими людьми.

Даже во время богослуженія придворные кощунственнымъ образомъ поворачивались спиной къ алтарю, а лицомъ къ королю, колѣнопреклоненному на хорахъ.

Когда Людовикъ XIV обѣдалъ по обыкновенію за маленькимъ приборомъ «petit couvert», то развѣ супругѣ его дозволялось садиться возлѣ него: его братъ, его сыновья и внуки стоя присутствовали за его обѣдомъ, а Monsieur, его братъ, обязанъ былъ отъ времени до времени подавать ему салфетку. Его замки и дачи служили только отраженіемъ великаго короля и его образа жизни. Природа искусственно перерабатывается и искажается; и какъ паркъ Людовика XIV не былъ настоящимъ садомъ, такъ равно и находившіеся въ немъ каменные боги и господа ничего не имѣли общаго съ классическими фигурами. Юпитеръ—это Людовикъ XIV, только безъ парика и свѣтло-голубого бархатнаго кафтана; Венера и Минерва—это Монтеспанъ или Ла-Вальеръ, Аполлонъ—какой-нибудь «маркизъ» съ театральнымъ лицомъ, забывшій по несчастной случайности свою одежду; Марсъ—элегантный, тщеславный французскій маршалъ-кутила.

Древніе боги—очевидно придворные Людовика, дѣйствующіе въ живыхъ картинахъ. Каменные монархи и націи лежатъ у ногъ каменнаго же Геркулеса или Александра, а эти послѣдніе, конечно, опять таки тотъ-же «великій король». Никакое учрежденіе не выказало такой силы ассимиляціи, какъ дворъ Людовика XIV, вслѣдствіе громаднаго, почти что наивнаго эгоизма, признававшаго только себя одного! Все и всѣ, кто или что попадало на его территорію, должно было примѣняться къ нему; сады, лѣса, воды, горы, люди и боги. А въ центрѣ этого своеобразнаго искусственнаго міра: Людовикъ XIV!

Роскошь, окружавшая королевскаго идола, была чрезвычайна. Какъ разъ послѣ неудачныхъ войнъ послѣдняго десятилѣтія своего царствованія, Людовикъ XIV желалъ, чтобы все его окружающее покрылось еще большимъ блескомъ. Платья его были покрыты каменьями, цѣнность которыхъ доходила до 8 или 9 милліоновъ. Всѣ старались подражать ему,—сообразно, конечно, со своими средствами. Король внимательно слѣдилъ за одеждой своихъ придворныхъ и хвалилъ ихъ, когда она отличалась роскошью.

Во всемъ существенномъ Людовикъ XV уступалъ своему предшественнику: въ приданіи блеска своему двору посредствомъ блестящаго этикета онъ его превзошелъ.

Людовикъ XV содержалъ въ Версалѣ три тысячи лошадей, къ уходу за которыми было назначено болѣе трехъ тысячъ людей. Въ общемъ, дворцовая прислуга доходила до пятнадцати тысячъ людей, содержаніе которыхъ обходилось государству отъ 40 до 50 милліоновъ ливровъ.

У Людовика XIV было всего 3,000 человѣкъ разныхъ дворцовыхъ чиновъ! Получить разрѣшеніе приблизиться къ королю—считалось величайшимъ счастьемъ. Изъ числа придворныхъ были такіе, которые, достигнш восьмидесяти-лѣтняго возраста, провели сорокъ пять лѣтъ своей

жизни на ногахъ въ переднихъ монарха и принцевъ крови. Даже совершенно второстепенныя мѣста, дававшія возможность хоть изрѣдка являться къ монарху, оплачивались отъ тридцати до ста тысячъ ливровъ. Ежедневно его окружали сотни людей; даже при вставаніи его и при отходѣ ко сну его окружали отъ сорока до пятидесяти особъ.

Этотъ французскій этикетъ принимался за образецъ во всѣхъ европейскихъ странахъ и ему подражали настолько, насколько это допускалось болѣе ограниченными средствами. Въ Германіи особенно, которая со временъ Тридцатилѣтней войны искала спасенья въ рабскомъ подражаніи французскимъ обычаямъ, каждый владѣтельный баронъ, обладающій государствомъ въ $^1/_2$ квадратной мили и нѣсколькими сотнями «подданныхъ», старался по возможности копировать «Короля-солнце» и версальскій дворъ. «Если-бы Господь Богъ не былъ Богомъ, то кто имѣлъ-бы большее право быть Богомъ, чѣмъ Вы, Ваше Великокняжеское Высочество?»—пишетъ одинъ писака и композиторъ тѣхъ временъ незначительному ландграфу Эрнсту Людвигу изъ Гессенской боковой линіи. Больше всего отличался роскошью Дрезденскій дворъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ Августъ Сильный въ 1697 году надѣлъ на голову польскую королевскую корону. При дворѣ было служащихъ не менѣе 1,900 особъ, и даже послѣдніе изъ лакеевъ одѣвались въ шелкъ и атласъ. Блестящія празднества, въ которыхъ участвовали тысячи лицъ въ богатѣйшихъ нарядахъ. Конечно, заботились и объ удовлетвореніи болѣе благородныхъ стремленій, такъ, напримѣръ, покровительствовали музыкѣ, архитектурѣ, живописи и ваянію—но все это заимствовалось изъ чужихъ странъ, не имѣло никакой связи съ отечествомъ и не приносило ему никакой пользы. Государственное правленіе и войско пали, а семь милліоновъ ежегодныхъ государственныхъ доходовъ и многочисленные посторонніе милліоны, получаемые посредствомъ займовъ, растрачивались на брилліанты, на произведенія искусствъ, на драгоцѣнную одежду, на итальянскихъ пѣвцовъ, на пиршества, на любовницъ и вороватыхъ любимцевъ.

Такая-же роскошь царствовала и при дворѣ Бранденбургскаго курфюрста Фридриха III. Дочь этого монарха во время бракосочетанія была одѣта въ платье, обшитое брилліантами, стоющими четыре милліона талеровъ, а двадцать четыре придворныхъ сопутствовали ей съ зажженными восковыми факелами. Когда же въ 1700 году курфюрстъ отправился на коронацію въ Кенигсбергъ, то свита, сопровождавшая его, была такъ велика, что кромѣ сотни лошадей, взятыхъ изъ Берлина, понадобилось еще тридцать тысячъ лошадей для припряжки.

Коронаціонныя украшенія стоили много милліоновъ. Когда молодой курфюрстъ въ первый разъ сѣлъ на лошадь, то Фридрихъ I велѣлъ вылить особую монету въ честь этого знаменательнаго событія, какъ требовало величіе королевской фамиліи. Содержаніе монарховъ и поддержаніе блеска ихъ дворовъ считалось и въ Берлинѣ и въ Версалѣ настоящей задачей государства.

Пфальцскій дворъ былъ устроенъ совершенно по образцу французскаго. Курфюрстъ давалъ блестящіе пиры въ Мангеймѣ и въ Швецингенѣ и даже во время войны въ 1734 и 1735 годахъ онъ приглашалъ французскихъ генераловъ и аристократовъ, возводилъ великолѣпные дворцы,

содержалъ триста отборныхъ лошадей въ своихъ конюшняхъ, кормилъ безчисленное множество приживалокъ, однимъ словомъ окружалъ себя роскошью Людовика въ маломъ видѣ. А между тѣмъ, крестьянство погибало, благодаря налогамъ и вымогательствамъ; фискальные чиновники на всѣ лады притѣсняли подданныхъ, скашивали хлѣба, уводили скотъ и до того опустошили прекрасную страну, что имъ самимъ приходилось раздавать зерно на посѣвъ крестьянамъ, чтобы на слѣдующій годъ снова имѣть возможность косить хлѣбъ на корню и скармливать имъ лошадей.

При всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ давались французскія и итальянскія оперы, и день за днемъ устраивали празднества на манеръ версальскихъ увеселеній. А такъ какъ нѣмцевъ считали слишкомъ мѣшковатыми для такихъ ролей, то выписывались французскіе авантюристы, которые обходились въ два и въ три раза дороже своихъ туземныхъ чиновниковъ.

Въ Англіи тоже, при дворѣ послѣднихъ Стюартовъ, господствовалъ французскій блескъ, а версальское легкомысліе проникало въ высшіе слои націи.

Во всеобщей исторіи трудно найти періоды, настолько лишенные живого духа, какъ первая половина восемнадцатаго вѣка, въ которую не могли больше проникнуть болѣе благородныя стремленія дворцоваго абсолютизма, а для разумнаго абсолютизма еще не наступило время; это было время, когда Испанія была къ услугамъ каждаго, кто желалъ обогатить дѣтей отъ второго брака короля, Австрія—каждаго, кто поддерживалъ прагматическую санкцію, а Польша и Швеція всякаго, кто умѣлъ купить голоса дворянъ; время,—когда Англія помышляла только объ одномъ—о недопущеніи въ страну Стюартовъ и объ увеличеніи Ганновера.

Подобно тому какъ Юпитеръ со своимъ олимпійскимъ всемогуществомъ, не задумываясь нисколько, пользовался благоволеніемъ небесныхъ и земныхъ женщинъ, такъ и обоготворенные короли тѣхъ временъ воображали, что имѣютъ право нарушать всѣ нравственныя границы и предаваться необузданной чувственности. Въ отвѣтъ на такія требованія, продажныя, властолюбивыя, корыстолюбивыя женщины говорили, что прикосновеніе короля не позоритъ. Родители бросали дочерей, мужья—женъ въ объятія монарху и за это получали титулы, власть, богатство; женщины оспаривали другъ у друга преимущество стать возлюбленными властителя. И этому Людовикъ XIV показалъ примѣръ. Если не упоминать о безчисленномъ множествѣ его случайныхъ связей, то кому неизвѣстны его отношенія къ Лавалльеръ, къ Монтеспанъ, къ Фонтанжъ, къ Мэнтенонъ? Но главная опасность для общественной нравственности заключалась не столько въ этихъ прелюбодѣйственныхъ любовныхъ забавахъ, сколько въ томъ безстыдствѣ, съ которымъ онѣ выставлялись на показъ и прославлялись передъ всѣмъ міромъ. Людовикъ оказывалъ своимъ незаконнымъ дѣтямъ, которыхъ онъ, впрочемъ, всѣхъ черезъ болѣе или менѣе продолжительное время узаконялъ, гораздо болѣе нѣжности, чѣмъ законнымъ, и давалъ имъ блестящее положеніе у престола. Но надо однако замѣтить, что онъ строго соблюдалъ принципъ, завѣщанный имъ своему сыну, а именно, что любовнымъ дѣламъ надо отдавать сердце, а не умъ, и что съ женщинами можно вести только нѣжные или веселые разговоры. На государственныя дѣла его любовницы не имѣли ни малѣйшаго вліянія.

Но и это благое ограниченіе пало при Людовикѣ XV. Въ то время какъ его прадѣдъ избиралъ возлюбленныхъ исключительно въ рядахъ духовно и общественно развитой аристократіи, правнукъ не слѣдовалъ этому примѣру. Его неудержимо привлекали именно крайняя грубость и испорченность въ женщинѣ. Уже Помпадуръ (Jeannette Poisson) происходила изъ безнравственной семьи мелкихъ гражданъ; а послѣдняя любовница короля была совсѣмъ простая дѣвка, нѣкая Воберлье, которую для вида обвѣнчали съ подложнымъ «графомъ» Дюбарри. А эти продажныя женщины рѣшали государственныя дѣла, по своему капризу назначали и смѣняли министровъ. Невозможно было болѣе рѣзко подтвердить всемогущество короля, но невозможно было и навлечь на него болѣе презрѣнія.

Само собой разумѣется, что нѣмецкіе монархи подражали и этому распутству, какъ подражали всему, что исходило изъ Версаля. При дворѣ герцога Эбергарда Людвига Вюртембергскаго, устроенномъ вполнѣ по образцу французскаго двора, царила его любовница, расточительная Грэвеницъ. Курфюрстъ Георгъ Людвигъ Ганноверскій былъ извѣстенъ большимъ числомъ и низменнымъ характеромъ своихъ любовныхъ интригъ, а когда графъ Филиппъ Кенигсмаркъ осмѣлился поднять глаза на его покинутую супругу, то онъ его велѣлъ умертвить, а несчастную государыню заключилъ пожизненно въ уединенномъ замкѣ Альденѣ. Стоитъ только произнести имя Августа Сильнаго Саксонскаго, чтобы тотчасъ въ воображеніи возникъ рядъ ужасающихъ безнравственностей, какія только когда либо позволялъ себѣ человѣкъ.

Весьма оригиналенъ и характеренъ для тогдашнихъ взглядовъ тотъ фактъ, что въ сущности совершенно нравственный Фридрихъ I Прусскій считалъ себя *обязаннымъ* содержать оффиціально любовницу, графиню Вартенбергъ, дочь цѣловальника и вдову лакея. Ея отношенія къ нему ограничивались тѣмъ, что онъ каждый вечеръ посвящалъ часъ прохаживанью взадъ и впередъ—лѣтомъ въ саду, зимой въ комнатѣ; во время же придворныхъ торжествъ онъ отъ времени до времени удалялся съ нею въ оконную нишу.

Англійскіе короли періода отъ 1660 до 1683 гг., Карлъ II и его братъ Яковъ II, не довольствовались подобными платоническими отношеніями. Перваго подвинула на союзъ съ Франціей преимущественно красавица Луиза Керуаль, француженка, съ которой его свела его собственная сестра, Генріэтта Орлеанская, жена брата Людовика XIV, по его приказанію. Но жизнерадостный Карлъ по крайней мѣрѣ не скрывалъ своихъ кутежей; въ Яковѣ-же II распутство еще противнѣе, такъ какъ онъ разыгрывалъ роль фанатика-католика, набожнаго лицемѣра. Примѣръ монарха заразилъ дворъ, дворянство, высшее гражданство и весь народъ, какъ въ Англіи, такъ равно и во Франціи.

Рѣзкимъ контрастомъ этой распущенности нравовъ служилъ формализмъ, соблюдавшійся тогда во всѣхъ кругахъ общества. Уже Людовикъ XIV выказывалъ церемоніальную вѣжливость съ каждой женщиной; будь это горничная, онъ говорилъ съ обнаженной головой. Для всѣхъ сословій этикетъ былъ строго размѣренъ; поклоны, обращеніе, даже интонація голоса въ извѣстныхъ положеніяхъ и при извѣстныхъ требованіяхъ жизни—все подвергалось мельчайшей регламентаціи, какъ у китайцевъ. Принадлежавшій

къ болѣе низкому сословію долженъ былъ при встрѣчѣ цѣловать руку человѣку высшаго сословія, но не имѣлъ права разсчитывать получить отъ него даже поклона. Всѣ служащіе классы подвергались величайшему пренебреженію. Въ это время вошло въ Германіи въ обычай обращаться къ знатнымъ съ мѣстоименіемъ «Sie»; дѣти должны были говорить родителямъ «Sie»; даже супруги, если желали казаться воспитанными, обращались другъ къ другу съ словами «Monsieur и Madame» и съ мѣстоименіемъ «Sie». Съ дѣтьми родители обращались очень строго, почти какъ съ рабами. Дочь отдавали замужъ, не спрашивая ея согласія. Въ это время вопросы международнаго этикета играли величайшую роль, и нерѣдко были причиной войны; тогда цѣлые періоды засѣданій въ Регенсбургскомъ рейхстагѣ проходили въ обсужденіи, какой формы и окраски должны быть стулья, и каковъ долженъ быть титулъ депутатовъ.

Но блескъ и слава царствованія не заставили Людовика XIV забывать о будущемъ, и какъ въ картинахъ и статуяхъ версальскихъ, такъ равно ему хотѣлось оставить память по себѣ и въ разсказахъ и въ стихахъ. Онъ надѣялся, что ему удастся подкупить и ослѣпить мнѣніе потомства, какъ удавалось подкупать мнѣніе современниковъ. Онъ оказывалъ благодѣянія ученымъ и поэтамъ, но имъ отнюдь не руководила идеальная любовь къ наукамъ и искусствамъ, а именно только то, что онъ въ нихъ отыскивалъ—самого себя, свою славу и прославленіе. Его министръ Кольберъ окружалъ себя цѣлымъ комитетомъ ученыхъ поэтовъ, въ которомъ придумывались похвальныя надписи на королевскихъ зданіяхъ и критиковались всѣ стихи въ честь короля, послѣ чего они печатались въ собственной дворцовой типографіи и въ такомъ видѣ предлагались читающей публикѣ. Изъ этого-то комитета возникла впослѣдствіи академія медалей, надписей и изящной словесности,—названіе, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ ея первоначальному назначенію.

Но король не довольствовался этимъ кружкомъ расточателей похвалы; необходимо было заставить всю Францію и всю Европу участвовать въ концертѣ похвалъ Королю-Солнцу, надо было обезпечить за собой безчисленное множество «провозвѣстниковъ добродѣтелей короля». Вотъ что служило поводомъ къ многочисленнымъ пенсіямъ разнымъ писателямъ и ученымъ,—пенсіямъ, которыя совершенно несправедливо возводились въ великую заслугу Людовику XIV. Какъ все на свѣтѣ, такъ и произведенія ума имѣли для него значеніе лишь постольку, поскольку они относились къ его личности. При томъ отдѣльныя пенсіи были незначительны. Никогда не расходовалось въ годъ болѣе восьмидесяти тысячъ ливровъ на пенсіи французскимъ писателямъ. Въ числѣ многихъ посредственностей, за которыми не водилось никакихъ заслугъ, кромѣ воспѣванія въ плохихъ или напыщенныхъ стихахъ короля, рожденія дофина, великихъ дѣяній короля, этотъ золотой дождь полился и на молодого, тогда еще неизвѣстнаго человѣка, Расина. Иностранные ученые тоже получали векселя на банкира христіаннѣйшаго короля, сопровождаемые лестными письмами: то были нидерландцы, нѣмцы, итальянцы, и, страннымъ образомъ, преимущественно все люди незначительные, отъ которыхъ можно было ожидать, что они въ благодарность за почести и выгоды воспоютъ своего высокаго благодѣтеля. И дѣйствительно страсбуржецъ Вагензейль (Wagenseil) воспѣлъ

на нѣмецкомъ языкѣ старанія Людовика и Кольбера поднять торговлю и промышленность, а Дати (Dati) распространилъ «ароматъ добродѣтелей Его Величества» по полямъ Италіи. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признаться, что Людовикъ, стремясь прославить себя на вѣки вѣчные, широко понималъ свою цѣль, и дѣйствительно обладалъ чутьемъ и пониманіемъ той славы, которая вытекаетъ изъ произведеній ума.

Такъ, напр., онъ любилъ окружать себя не только придворными, государственными людьми и полководцами, но и выдающимися литературными силами своей страны. Отблески ихъ славы падали и на него и усиливали блескъ королевскаго солнца; онъ являлся центромъ и интеллектуальныхъ стремленій, воплощеніемъ французскаго генія во всѣхъ направленіяхъ. Онъ хотѣлъ имѣть право говорить не только: «L'état c'est moi»! но и «La France c'est moi», я—Франція! Привлеченные королевскими милостями, вокругъ него толпились писатели, они воспринимали его стремленія и взгляды, они были его слугами; какъ Кольберъ, такъ и Лувуа, Тюреннъ и Люксембургъ, сживались со своей ролью примѣнять во славу одного свои таланты, свое прилежаніе. Они походили на хоръ ангеловъ, толпящихся вокругъ престола божества и воспѣвающихъ его.

Къ счастью и эта, самая благороднѣйшая сторона деспотическаго эгоизма Людовика нашла подражателей за-границей. Въ Англіи, впрочемъ, не столько монархъ покровительствовалъ ученымъ и писателямъ, какъ высшее дворянство; но зато это послѣднее дѣлало это такимъ образомъ, что съ нимъ могли сравниться въ щедрости времена возрожденія въ Италіи. Стоявшіе у кормила правленія государственные люди и знатные дворяне, во времена Вильгельма III, считали за честь имѣть сношенія съ литературными знаменитостями и стараться создать для нихъ легкую и пріятную жизнь. Въ Германіи многіе монархи составляли коллекціи произведеній искусства, основывали академіи и университеты. Какъ, напр., въ Пруссіи—университетъ въ Галле и берлинская академія наукъ и искусствъ возникли въ это время. Поэтовъ здѣсь нельзя было въ это время найти, т. е., хорошихъ: приходилось довольствоваться риѳмоплетами вродѣ Каница и Бессера, воспѣвавшихъ семейныя событія высокихъ властителей въ напыщенныхъ и плоскихъ стихахъ.—Гораздо дѣйствительнѣе и плодотворнѣе оказалась защита и поддержка, оказанныя фамиліей Медичи во Флоренціи, особенно великимъ герцогомъ Фердинандомъ II, наукѣ и искусству. Галилей и его ученики Кассини и Вивіани, неаполитанецъ Борелли, Реди и многіе другіе были обязаны своимъ образованіемъ и тому блестящему развитію, которое они дали естественнымъ наукамъ и математикѣ—Флоренціи и ея повелителямъ.

Но абсолютизмъ покоился на двухъ крѣпкихъ опорахъ: на штатѣ чиновниковъ и на постоянномъ войскѣ. Первый исполнялъ волю монарха надъ подданными, второе подавляло каждую попытку къ непослушанію внутри страны и защищало ее отъ внѣшнихъ враговъ. Чиновники, которые сначала назначались на время, стали затѣмъ считаться «служителями» монарха, какъ личные его придворные слуги, а потому и они, не задумываясь, мѣняли господина и нерѣдко переходили отъ одного монарха къ его противнику, какъ поступали и офицеры. Между тѣмъ самъ абсолютизмъ создалъ понятіе о государствѣ, и такимъ образомъ служители го-

сударя обратились въ служителей государства [1]). Въ то время какъ раньше государи по своему произволу разспрашивали ихъ и назначали то на одно дѣло, то на другое, они въ теченіе XVI и XVII столѣтій образовали отдѣльныя постоянныя коллегіи, смотря по различнымъ отраслямъ общественной службы Чиновники получили болѣе прочное и болѣе самостоятельное положеніе и считали себя за единое цѣлое съ государствомъ, которому они и посвящали свое патріотическое служеніе. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., во Франціи, они покупали свои должности, такъ что ихъ трудно было лишить этихъ послѣднихъ; но при томъ вошло въ обычай не удалять ихъ безъ особенно важныхъ поводовъ.

Кромѣ того сыновья чиновниковъ обыкновенно посвящали себя карьерѣ отца и такимъ образомъ образовалась настоящая каста, составляющая промежуточное звено между дворянствомъ и гражданствомъ. Слѣдствіемъ этого было то обстоятельство, что хотя чиновничество и охраняло привилегіи монарха и дворянства отъ притязаній другихъ сословій, но съ другой стороны порою оно защищало интересы народа и всего государства, какъ цѣлаго, отъ капризовъ монарховъ и насилій юнкерства.

Образцомъ бюрократизма служила Франція. Уже Ришелье уничтожилъ могущество аристократіи, какъ въ государственномъ управленіи, въ которомъ онъ замѣнилъ ея безпорядочное, себялюбивое участіе постояннымъ, зависящимъ отъ короля и преданнымъ ему учрежденіемъ государственнаго совѣта, такъ равно и въ администраціи провинцій, гдѣ онъ замѣнилъ высокорожденныхъ, всегда склонныхъ къ возмущенію губернаторовъ, гражданскими чиновниками, интендантами, которые и вели всѣ дѣла. Эти интенданты, вполнѣ зависимые отъ высшей власти, получили по инціативѣ Кольбера—министра Людовика XIV, почти неограниченную власть надъ подчиненными. Имъ были присвоены административныя и полицейскія права, они исполняли главнѣйшія функціи городского управленія, имѣли право вмѣшиваться въ судебныя дѣла. Губернаторы сохранили лишь декоративное положеніе. Такимъ путемъ абсолютизмъ во Франціи успѣшно уничтожилъ относительную независимость какъ наслѣдственныхъ губернаторовъ, такъ и купеческихъ административныхъ и судебныхъ должностей. Людовикъ XIV значительно ослабилъ также и самостоятельность высшихъ судебныхъ учрежденій,—такъ называемыхъ парламентовъ, которые до него обладали правомъ контроля надъ декретами короля, и замѣнилъ правильные суды особыми коммиссіями, составленными изъ зависимыхъ лицъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ему хотѣлось провести свои абсолютистскія стремленія.

Творцомъ превосходнаго древнепрусскаго бюрократизма можетъ считаться Фридрихъ Вильгельмъ I. Его раціональная организація чиновничества, которая, несмотря на централизацію, все-же, благодаря послѣдовательному проведенію коллегіальной системы, представляла полныя

[1]) Еще Фридрихъ Вильгельмъ II Прусскій писалъ 31 марта 1790 года: подобно тому какъ каждое частное лицо можетъ безъ особаго процесса удалить своего слугу, такъ точно онъ долженъ былъ-бы имѣть право поступать подобнымъ-же образомъ со своими общественными слугами. А между тѣмъ чиновникъ Трепманъ добился того, что получилъ вознагражденіе за удаленіе отъ должности. Филиппсонъ. Прусское гос. право I. 160 и слѣд.

гарантіи безпристрастія и честности чиновниковъ, можетъ считаться эпохой не только для Пруссіи, но и вообще для общаго государственнаго развитія. Но при этомъ онъ ввелъ въ гражданскую службу вполнѣ военную дисциплину. Проступки чиновниковъ судились военнымъ судомъ, прошеніе объ отставкѣ нерѣдко считалось покушеніемъ дезертировать. Даже высшія должностныя лица подвергались такой-же строгой дисциплинѣ. Министры и тайные совѣтники обязаны были являться на службу ровно въ 7 часовъ утра. Съ другой стороны королевская администрація была всемогуща. Города потеряли свою самостоятельность, какъ и дворянство; «я не допускаю соучастія во власти дворянства»,—говорилъ монархъ. Геній Фридриха II придалъ этой системѣ всемогущества главы государства идеальное выраженіе, если можно такъ выразиться. Ради блага подданныхъ, какъ онъ искренно былъ убѣжденъ, глава государства долженъ непосредственно за всѣмъ наблюдать, всѣмъ распоряжаться, а его должностныя лица, какъ бы годенъ ни былъ каждый на своемъ мѣстѣ, долженъ быть лишь орудіями своего властителя. Съ подчасъ незаслуженной суровостью онъ подавлялъ всякую попытку къ инціативѣ со стороны министровъ, а важнѣйшія государственныя дѣла онъ даже не сообщалъ имъ. Всѣмъ онъ руководилъ изъ своего кабинета: какъ его генералъ-адьютанты, которые работали надъ военными дѣлами, такъ равно и кабинетъ-совѣтники, которые работали надъ гораздо болѣе запутанными гражданскими дѣлами, должны были, по его дословному выраженію, быть лишь его писарями. Все управленіе было подъ строжайшимъ наблюденіемъ даже до мелочей; кассы постоянно ревизовались; малѣйшее неповиновеніе, небрежность, нарушеніе довѣрія или своеволіе чиновниковъ наказывалось нерѣдко жестоко. «Быстрѣе, построже» повторялось постоянно въ приказахъ къ судебнымъ учрежденіямъ.

Въ Скандинавіи, послѣ паденія могущества дворянства, стала проводиться бюрократическая система. Густавъ Адольфъ и Оксенштирна (Oxenstierna) организовали по обдуманному плану шведскую бюрократію и принудили должностныхъ лицъ присягать лишь королю, а не конституціи. Послѣ того они обязаны были давать правильный отчетъ правительству. Король Карлъ XI царствовалъ до 1678 года, не принимая въ разсчетъ дотолѣ всемогущій сеймъ, а исполнительную власть поручилъ своимъ собственнымъ секретарямъ. Наиболѣе деспотично правилъ Карлъ XII, который однажды сказалъ, что если бы ему вздумалось послать свой сапогъ въ сеймъ, то сеймъ долженъ былъ бы ему подчиняться.

Главнымъ орудіемъ абсолютизма было *войско*. Въ это-то время было положено основаніе постояннаго войска, которое по количеству достигло развитія, превышавшаго всѣ подобныя учрежденія прежнихъ временъ, даже римской имперіи, и которое и было причиной того, что милитаризмъ легъ на новѣйшіе народы тяжелымъ бременемъ. Лишь съ этихъ поръ монархи стали считать себя военными, а военное сословіе стало считаться почтеннѣйшимъ сословіемъ, къ которому всѣ члены владѣтельнаго дома принадлежатъ со дня рожденія, почему и носятъ мундиры. И въ данномъ случаѣ Франція временъ Людовика XIV дала первый толчекъ и служила образцомъ, которому всюду старались подражать.

Въ царствованіе Генриха IV постоянное войско достигало едва 12,000 чел., во времена Ришелье число это поднялось до 26—60,000 чел. Организація войска все еще носила феодальный характеръ. Полковникъ, уполномоченный королемъ, вербовалъ полкъ или отрядъ, за что получалъ значительное вознагражденіе; но назначеніе на должности подлежало не королю, а генеральнымъ полковникамъ, а эти послѣдніе въ большей части случаевъ либо наслѣдовали свои должности, либо покупали ихъ. Такъ дѣла обстояли во всей Европѣ, съ малыми измѣненіями. Такой порядокъ не только лишалъ центральную власть всякаго вліянія на составъ и духъ войска, но давалъ возможность совершать всякія злоупотребленія. Полковники и капитаны, которымъ была предоставлена вся забота объ отрядѣ или о полкѣ въ финансовомъ отношеніи, регулярно впадали въ искушеніе обмануть государство, платя войскамъ гораздо меньше положеннаго жалованья, но требуя отъ правительства полныхъ суммъ; это-же грозило опасностью, особенно во время войны.

Людовикъ XIV и министръ его Лувуа (Louvois) вмѣшались въ это дѣло весьма осмотрительно и энергично. Должность генеральнаго полковника была уничтожена, назначеніе офицеровъ на должности или, по малой мѣрѣ, ихъ утвержденіе было передано власти короля. За каждое противозаконное дѣйствіе и за каждую неправильность, содѣянную въ полкахъ налагались тяжкія обезчещивающія наказанія, исполненіе которыхъ возлагалось на генеральныхъ инспекторовъ, имѣвшихъ обширныя полномочія. Каждый офицеръ долженъ былъ пройти военную школу въ качествѣ простого солдата. Лувуа ввелъ также въ войска форму и ружья со штыками. Онъ организовалъ цѣлесообразное вооруженіе спеціально для гренадеровъ, для артиллеріи, для корпуса инженеровъ; онъ озаботился о призрѣніи солдатъ, устраивалъ госпитали и инвалидные дома. Онъ выказалъ настолько же выдающіяся творческія способности, насколько и настойчивость и желѣзную волю. Оборванныя, дикія, нерѣдко преступныя толпы временъ тридцатилѣтней войны были преобразованы въ дисциплинированное, покорное, правильно организованное и по наружности блестящее войско, въ которомъ все было подвержено точной и многочисленной регламентаціи, начиная съ манеры привязывать хвосты лошадей, до величины пучка перьевъ на шляпахъ и до качества кожи на сапогахъ, таково было дѣло рукъ Лувуа.

Число постоянныхъ войскъ поднялось до чрезвычайности: оно достигло наконецъ 280,000 чел. Армія эта блистательно оправдала возложенныя на нее надежды; въ теченіе шестидесяти лѣтъ безпрерывныхъ войнъ, въ періодъ между сраженіями при Рокруа и при Гохштедтѣ, она лишь въ двухъ сраженіяхъ не одержала верхъ: при сраженіи у моста Kouzer (въ 1675 г.) и при Валькурѣ (1689 г.).

Примѣръ Франціи заставилъ всѣ континентальныя государства Европы образовать значительныя постоянныя войска для охраны своей безопасности, насколько это позволяли ихъ средства, а часто даже и свыше своихъ средствъ. Государи скоро замѣтили, насколько армія усиливаетъ ихъ власть и надъ собственными подданными. Такъ сначала въ воинственной Германіи великіе и мелкіе правители соревновали другъ съ другомъ въ образованіи постоянныхъ армій. Эрнстъ Августъ Ганноверскій содержалъ 20,000 человѣкъ, что составляло приблизительно пять процентовъ населенія его герцогства. Въ Саксоніи Іоаннъ Георгъ III (съ 1680 г.) образовалъ первую постоянную армію. Относительно весьма многочисленное гессенъ-кассельское войско прославилось во всей Европѣ своею храбростью и дисциплиной. Само собой разумѣется, что подобныя вооруженія далеко превышали финансовыя силы германскихъ государствъ и что расходы могли покрываться лишь при помощи займовъ у иностранныхъ державъ, и слѣдовательно, благодаря политическому рабству. Военная сила Бранденбурга-Пруссіи великаго курфюрста Фридриха Вильгельма (1640—1688) превышала всѣ прочія германскія государства. Съ энергіей, неотступающей ни передъ чѣмъ, открыто нарушая право и конституціи, но вполнѣ сознавая, что необходимо для его государства, онъ подавилъ стремленія сословій къ самостоятельности во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, разсѣянныхъ отъ Рейна до Мемеля, подчинилъ ихъ курфюрстской центральной власти и создалъ такимъ образомъ настоящее государство въ новѣйшемъ значеніи этого слова. Будучи реформатомъ, онъ тѣмъ не менѣе далъ равныя права католикамъ и лютеранамъ, и сталъ такимъ образомъ предтечей просвѣщеннаго абсолютизма. Главнымъ же подспорьемъ и главной цѣлью онъ считалъ свое постоянное войско, которое онъ довелъ до 30,000 человѣкъ.

Эти войска, какъ и прочіе германскіе контингенты, были организованы, одѣты и вооружены по образцу французскихъ. Составлялись они исключительно вербовкой внутри и внѣ страны; вербовки въ принципѣ основывались на добровольномъ желаніи, но въ дѣйствительности пускались въ ходъ хитрость и насиліе. Служба была очень тяжела, а потому дезертировали часто.

Внукъ великаго курфюрста, король Фридрихъ Вильгельмъ I, увеличилъ силы прусской арміи до 83,500 чел. и при помощи драконовской жестокости и постоянныхъ упражненій онъ обратилъ ее въ наилучшую армію своего времени. Онъ первый изъ европейскихъ государей сдѣлалъ опытъ замѣнить хотя бы отчасти вербовку наемниковъ всеобщей военной повинностью. Желая увеличить народонаселеніе въ своемъ государствѣ, Фридрихъ Великій отступилъ отъ этого многообѣщающаго въ будущемъ принципа; лишь одна треть его арміи, состоявшей въ мирныя времена изъ 100,000 чел., во время войны изъ 200,000 ч., состояла изъ сыновей бѣднѣйшихъ классовъ его государства, остальныя двѣ трети состояли изъ наемниковъ. Расходы на постоянное войско составляли девять десятыхъ всѣхъ государственныхъ доходовъ: ужасное бремя, гибельно вліявшее на благосостояніе народа!

Австрія долгое время пренебрегала военными силами; лишь во время войны такъ усердно вооружались, войско было храбро, но плохо подготовлено, плохо вооружено и содержано. Лишь печальныя событія Силезской войны заставили Марію Терезію и Іосифа II увеличить армію до 108,000 чел. и организовать ее по образцу прусскихъ полковъ.

Англія, благодаря своему счастливому положенію острова, не нуждалась въ принесеніи такихъ большихъ жертвъ для защиты страны; а съ тѣхъ поръ какъ войска Долгаго Парламента и Кромвелля насильственно подавили народъ, либералы и консерваторы, тори и виги, боялись даже

имени арміи, какъ чего-то напоминающаго преторіанцевъ и деспотизмъ. Поэтому Англія обладала лишь совершенно незначительнымъ постояннымъ войскомъ, содержавшимъ подчасъ не болѣе 7,000 чел. Даже въ XVIII стол., послѣ блестящихъ побѣдъ испанской войны за престолонаслѣдіе, при томъ въ такое время, когда Англія принимала горячее участіе въ несогласіяхъ континентальной Европы, ея постоянное войско состояло лишь изъ 17,000 чел. Въ случаѣ нужды правительство, конечно, было увѣрено въ томъ, что ему удастся составить многочисленную боевую силу при помощи насильственныхъ наборовъ и найма иностранныхъ войскъ.

Съ общей политической точки зрѣнія, возникновеніе большой постоянной арміи служило поворотнымъ пунктомъ отношеній. Болѣе слабыя государства—Венеція, Голландія, Савойя, Швейцарія, Данія,—имѣли возможность вмѣшиваться въ европейскія дѣла, пока споры могли рѣшаться при помощи маленькихъ армій; но съ тѣхъ поръ какъ усовершенствованное финансовое искусство и возникновеніе монархическаго абсолютизма дали возможность правителямъ большихъ государствъ содержать арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ, маленькія государства ужъ не могли съ ними тягаться. Безусловное преобладаніе великихъ державъ утвердилось въ будущемъ.

Кромѣ того абсолютизмъ создалъ учрежденіе, дотолѣ совершенно неизвѣстное, а именно многочисленную полицію, вмѣшивающуюся во всѣ дѣла гражданъ. Эта послѣдняя, безъ сомнѣнія, много способствовала возстановленію всеобщей безопасности. Еще въ началѣ 17 столѣтія во Франціи рыскали разбойники толпами до 400 человѣкъ, противъ которыхъ приходилось высылать цѣлые полки. Лишь такъ называемая Maré chaussé (жандармерія), состоявшая изъ 3,576 служащихъ при Людовикѣ XIV возстановила безопасность. Нищіе и бродяги во Франціи въ XVII столѣтіи ссылались на галеры, а въ XVIII—въ американскія колоніи. Но кромѣ того полиція имѣла еще и другое назначеніе—а именно вызывать чувство зависимости и несамостоятельности, а также вѣчнаго страха передъ начальствомъ въ каждомъ отдѣльномъ членѣ государства. Во времена Людовика XV было около 30,000 полицейскихъ шпіоновъ въ Парижѣ. «Вы должны знать,—говорилъ генералъ-лейтенантъ полиціи,—что гдѣ собирается васъ три человѣка, тамъ я всегда между вами». Абсолютизмъ пользовался, какъ мы увидимъ ниже, полиціей, чтобы властвовать надъ всей жизнью, надъ всякимъ поступкомъ подданныхъ.

Многочисленныя войска, не менѣе многочисленныя толпы чиновниковъ и полицейскихъ, а также расточительность и блескъ содержанія двора монарха, требовали огромныхъ денежныхъ средствъ, что, конечно, должно было возмущать подданныхъ. Бремя налоговъ страшно возрастало. Во Франціи Кольберъ довелъ чистый доходъ короля съ 84 милліоновъ до 116 милл. ливровъ въ годъ. Подати и мѣстные расходы почти столько же стоили народу; а къ этому присоединялись еще и противозаконные поборы военныхъ и чиновниковъ. Приведенные въ отчаяніе жители нерѣдко рѣшались на самоубійство, и часто вспыхивали возстанія, которыя подавлялись при страшномъ кровопролитіи. Цѣлыя провинціи нищали, и крестьяне кормились желудями и кореньями, нерѣдко даже травой и древесной корой. Въ Пруссіи Фридриха Великаго дѣла обстояли не лучше. Крестьяне вынуждены были отдавать, въ видѣ податей, болѣе сорока процентовъ со скудныхъ сборовъ ихъ полей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поборы превышали доходы, какіе крестьяне не могли имѣть и въ наиблагопріятнѣйшіе годы. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ герцогствѣ Клеве, многіе собственники покидали свои дворы, потому что не были въ состояніи уплачивать контрибуціи. Итакъ благодѣянія, которыя абсолютизмъ оказывалъ миру и благу народному, окупались тяжелыми жертвами.

Благодаря равномѣрному абсолютизму, опутавшему всю націю, политическое различіе сословій уменьшилось, хотя въ соціальномъ отношеніи оно строго соблюдалось, и даже получило еще болѣе рѣзкое очертаніе. Высокорожденный дворянинъ наравнѣ съ ничтожнѣйшимъ поденщикомъ подчинялся повелѣніямъ министра или полицейскаго начальства; а если ему случалось нарушать какой нибудь изъ многочисленныхъ эдиктовъ, то и ему, какъ которому либо изъ его слугъ, грозили темница, висѣлица, колесованіе. Когда прусскій военный судъ приговорилъ Катте за оказаніе помощи въ бѣгствѣ кронпринцу къ заключенію въ крѣпость, то Фридрихъ Вильгельмъ I велѣлъ ему отрубить голову мечомъ. Религіозныя различія тоже потеряли значеніе: либо потому, что государство терпѣло лишь одно вѣроисповѣданіе, либо потому, что оно оказывало вѣротерпимость уклоняющимся отъ господствующей религіи. Индивидуализація—таковъ былъ принципъ, который признавался наилучшимъ средствомъ для укрѣпленія и сохраненія деспотизма монархами и ихъ слугами. Должно было существовать лишь одно связующее звено, а именно исключительно власть монарха. Такимъ образомъ не только предупреждался всякій опасный взрывъ всеобщаго неудовольствія — но и каждый отдѣльный индивидуумъ со всѣми желаніями своими и стремленіями могъ обращаться лишь къ милости монарха. Не было другого пути къ достиженію должностей, почестей, могущества и богатства, какъ поступленіе на службу къ государю.

Придворный абсолютизмъ считалъ, что лишь «служба» можетъ представлять интересъ для подданныхъ и даже для правителя. Просвѣщенный абсолютизмъ замѣнилъ это понятіе понятіемъ государственнаго интереса «raison d' état». И то и другое были не болѣе какъ удобныя слова, какъ уже Хемницъ замѣтилъ въ своемъ произведеніи, изданномъ въ 1678 г. подъ заглавіемъ: «De ratione Status»; подъ этими словами легко могли укрыться эгоизмъ, самоволіе, жестокость. Но при лучшихъ правителяхъ польза была дѣйствительно единственной путеводной нитью ихъ дѣяній.

Экономическое развитіе Европы.

Въ вышеприведенныхъ страницахъ мы попытались объяснить причины и источники монархическаго абсолютизма, а также обрисовать истинный его характеръ во всѣхъ направленіяхъ. Теперь намъ остается познакомиться съ послѣдствіями по отношенію къ соціальному развитію Европы. Развитіе великаго національнаго государственнаго устройства, находящагося къ зависимости отъ все болѣе и болѣе укрѣпляющейся монархической власти, освободившейся отъ феодальныхъ формъ, имѣло большое значеніе для преобразованія и развитія экономическихъ отношеній. Въ средніе вѣка государи, за малыми исключеніями, смотрѣли на свое высокое положеніе лишь съ точки зрѣнія частнаго права. Ихъ отношеніе къ ремесламъ и къ торговлѣ было поэтому обыкновенно лишь фискальнымъ разбоемъ. Придерживаясь такой точки зрѣнія, они были неспособны вести цѣлесообразное и правильное хозяйство. Новое государство лучше поняло свою задачу. Торговля изъ занятія отдѣльныхъ корпорацій и городовъ обратилась въ національное дѣло; появилась національная торговля система. Государство заняло мѣсто корпорацій и сословій. Если и допустить, что происшедшее при этомъ уравненіе правъ не всегда влекло за собой благопріятныя слѣдствія, то въ общемъ вмѣшательство государства, съ точки зрѣнія экономической и политически-торговой, было прибыльно. Возродилось живое соревнованіе между отдѣльными націями; каждая изъ нихъ стремилась достичь благосостоянія, вліянія и величія. Быстрому росту и промышленности и торговли благопріятствовалъ переходъ отъ средневѣковаго обмѣна натурой къ денежному хозяйству, который съ XV столѣтія все болѣе и болѣе развивался.

Въ Германіи великій курфюрстъ впервые пытался примѣнить государственную власть на пользу промышленнаго и коммерческаго прогресса. Король Фридрихъ Вильгельмъ I, котораго обыкновенно изображаютъ грубымъ унтеръ-офицеромъ, тщательно изучилъ экономическіе вопросы и, благодаря ревностному старанію, сталъ творцомъ прусской промышленности въ обширныхъ размѣрахъ. Съ этого времени прусскіе города начали возвышаться. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ неутомимымъ рвеніемъ, хотя и придерживаясь односторонняго взгляда на вещи, Фридрихъ Великій посвятилъ себя благосостоянію своего государства. Одного того, что онъ сдѣлалъ для того, чтобы послѣ оккупаціи вновь привлечь полу-варварскую восточную Пруссію къ культурѣ и возсоединить ее съ Германіей, на что онъ приложилъ и умъ

свой и проницательность и энергію, полную самопожертвованія, было бы достаточно, чтобы закрѣпить за нимъ вѣчную славу и въ этомъ отношеніи.

Сосѣдка и соперница Пруссіи, Австрія, также была охвачена общимъ стремленіемъ того времени. Конечно усилія императора Карла VI поднять торговлю потерпѣли крушеніе, благодаря недомыслію народонаселенія, неумѣнію должностныхъ лицъ и незнакомству съ руководящими началами. Но Марія Терезія имѣла уже болѣе успѣха. Вслѣдствіе недостатка частной предпріимчивости и частныхъ капиталовъ, само правительство должно было взять на себя большую часть промышленныхъ нововведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ негоціанта заботиться о сбытѣ своихъ произведеній, и даже поддерживать денежными ссудами остальныхъ негоціантовъ. Благодаря этимъ ревностнымъ и всестороннимъ стараніямъ было положено начало промышленности и торговой самостоятельности.

Что же касается великихъ культурныхъ народовъ, то для нихъ торговля представляла первенствующій государственный интересъ. Въ данномъ случаѣ Англія подала примѣръ. Тюдоры—съ 1485—первые послѣдовательно вели торговлю съ политическими цѣлями. Ихъ примѣру послѣдовали голландцы, и наконецъ, въ особенности со временъ Кольбера, французы. Изъ за коммерческихъ вопросовъ эти государства вели тяжелыя войны, изъ-за торговыхъ интересовъ ставили на карту могущество и самое существованіе народовъ. Въ 1672 году Англія объявила войну Голландіи безъ всякаго повода, исключительно съ цѣлью подорвать соперничество на морѣ этой страны. Участіе обѣихъ могущественныхъ морскихъ странъ, Англіи и Голландіи, въ войнѣ за испанское престолонаслѣдіе было вызвано главномъ образомъ угрозой Франціи захватить въ свои руки торговлю съ испанскими колоніями, а также запретительными законами Людовика XIV, касающимися ввоза товаровъ. Когда король Карлъ VI основалъ въ Остенде Индійскую компанію, угрожавшую своею конкуренціею великимъ Остъ-Индскимъ обществамъ Англіи и Голландіи, то обѣ морскія державы схватились за оружіе, и лишь распаденіе этой бельгійской компаніи предупредило войну. Изъ-за того, что Англія не пожелала сократить мелочную торговлю свою въ испанскихъ колоніяхъ, въ октябрѣ 1739 года вспыхнула война между Великобританіею и Испаніей. Во Франціи Кольберъ способствовалъ развитію промышленности, а еще больше—кардиналъ Флери, бывшій первымъ министромъ съ 1726—1743 г., своими мягкими и мудрыми мѣрами довелъ благосостояніе индустріи до полнаго расцвѣта: онъ покровительствовалъ земледѣлію, возвелъ французскую торговлю и промышленность на высочайшую точку, на которой онѣ, впрочемъ, не могли долго удержаться. Во всей Европѣ были устроены пути сообщенія, прорыты каналы, высушены болота, заключены торговые договоры, промышленность пользовалась покровительствомъ государства. Въ теченіе продолжительнаго мирнаго періода между 1763 и 1792 годами промышленность процвѣтала и въ Германіи. Издѣлія, напр., полотна и сукна въ то время были лучше теперешнихъ, если говорить относительно. Бумагопрядильная промышленность заняла первое мѣсто послѣ англійской. Процвѣтала фабрикація стали и пороха. Берлинскій фарфоръ и, въ особенности, мейсенскій заслужили всемірную извѣстность и выдѣлка ихъ приняла большіе размѣры. Вмѣстѣ съ

этимъ стали накопляться капиталы. Въ Германіи въ началѣ XVIII вѣка до 1790 года и денежный запасъ возросъ въ четыре раза; онъ достигъ одного миллиарда талеровъ. Англія-же въ эту эпоху достигла положенія могущественнѣйшаго государства въ торговомъ и промышленномъ отношеніи по сравненію съ остальными европейскими государствами. Тогда-то наступили года первыхъ великихъ механическихъ изобрѣтеній, а честь этихъ послѣднихъ исключительно принадлежала Англіи. Дешевизна товаровъ и ростъ потребленія, таковы были слѣдствія. Англійскій каменный уголь, стальныя издѣлія, бумажныя издѣлія—распространялись по всему свѣту. Великобританія вызывала всеобщее удивленіе своимъ богатствомъ, земледѣліе было тамъ образцовое, такъ какъ оно велось здѣсь на самыхъ раціональныхъ и слѣдовательно и самыхъ выгодныхъ условіяхъ; то-же можно сказать о скотоводствѣ, промышленности и торговлѣ.

Всюду возрастали благосостояніе и довольство въ буржуазной жизни. Въ Италіи въ концѣ XVI вѣка появились носилки, которыя герцогъ Букингамъ ввелъ и въ Англію въ 1610 году. Сначала народъ былъ возмущенъ тѣмъ, что одинъ человѣкъ употребляетъ другихъ людей вмѣсто вьючныхъ животныхъ; но нѣсколько десятилѣтій спустя носилки вошли во всеобщее употребленіе. Само собой разумѣется, что они были сначала самого простого устройства. Экипажи съ стеклянными окнами появились приблизительно въ 1660 году. Сначала они употреблялись лишь знатными, потомъ начали входить во всеобщее употребленіе. Въ 1636 году въ Лондонѣ и въ его предмѣстіяхъ было 6,000 колясокъ, изъ числа коихъ было и много наемныхъ, въ 1660 году въ Лондонѣ было 800 дрожекъ къ услугамъ публики, которыя стояли на углахъ улицъ.

Въ XVII столѣтіи уже не было необходимости совершать путешествія пѣшкомъ или верхомъ или въ носилкахъ, запряженныхъ лошадьми.

По крайней мѣрѣ въ западной Европѣ стали предпочитаться почтовые экипажи. Само собой разумѣется они двигались очень медленно: на переѣздъ изъ Лондона въ Оксфордъ, который совершается теперь въ $1\frac{1}{2}$ часа, въ 1692 г. требовалось два дня; на переѣздъ изъ Лондона въ Іоркъ, который совершается теперь въ 4 часа, тогда требовалось четыре дня. Уже въ XVII столѣтіи улицы столицъ держались чисто, очищались отъ сора.

Общественное освѣщеніе распространялось все болѣе; съ 1682 года въ Берлинѣ улицы освѣщались фонарями, прикрѣплявшимися къ столбамъ. Постепенно возникли приспособленія къ тушенію пожаровъ. Плотники, кузнецы, трубочисты были обращены въ пожарныхъ, тѣмъ болѣе, что въ большихъ городахъ дома уже тогда достигали вышины въ четыре или въ пять этажей, не считая крышъ, подъ которыми тоже были комнаты съ стеклянными окнами. Въ то время какъ въ Италіи, за исключеніемъ Венеціи, до XVII столѣтія стеклянныя окна встрѣчались рѣдко и замѣнялись обыкновенно натянутымъ полотномъ, бумажной матеріей или бумагой, въ Германіи, Франціи и Англіи они были уже въ общемъ употребленіи. Употребленіе вилокъ было, напротивъ, введено въ Италіи въ XVI столѣтіи, между тѣмъ какъ на сѣверѣ онѣ были еще неизвѣстны, такъ что за обѣдомъ пускались въ ходъ просто пальцы. Сто лѣтъ спустя онѣ вошли въ общее употребленіе.

Такимъ образомъ жизнь становилась во всѣхъ отношеніяхъ и утонченнѣе. Въ противоположность съ средневѣковыми воззрѣніями, въ силу которыхъ цѣлью существованія было подготовленіе къ будущей жизни, стала все болѣе и болѣе выдвигаться на первый планъ забота о земномъ благополучіи. Этотъ поворотъ особенно рѣзко выразился въ національно-экономической тенденціи временъ монархическаго абсолютизма, въ такъ называемой меркантильной системѣ. Богатство народа—такова была основная мысль этой системы—основывается на количествѣ обращающагося въ народѣ благороднаго металла. Чѣмъ болѣе въ государствѣ золота и серебра, тѣмъ оно богаче. Поэтому слѣдуетъ покровительствовать всему тому, что увеличиваетъ количество благороднаго металла. Вывозъ его запрещается, а также по возможности препятствуется ввозу товаровъ, изъ-за которыхъ деньги уходятъ изъ страны. Зато вывозъ товаровъ поощряется. Но, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, продукты земледѣлія мало способны подыматься въ цѣнѣ, а слѣдовательно оно должно лишь считаться подспорьемъ торговли и промышленности, и продукты его не должны вывозиться во избѣжаніе вздорожанія жизненныхъ припасовъ и кустарныхъ издѣлій. Промышленность-же должна поощряться государствомъ всѣми возможными способами, каковы: привилегіи, награды, предписанія, пошлина, выгодные торговые договоры, но и строгое наблюденіе и регламентація, для того, чтобы производились хорошіе товары, заманчивые для иностранцевъ. Продукты, не добываемые на родинѣ вслѣдствіе климатическихъ условій, должны быть доставляемы изъ колоній, которымъ поэтому дозволяется вести торговлю лишь съ метрополіей.

Эта меркантильная система съ ея ошибочными предположеніями господствовала до французской революціи, а отчасти господствуетъ и теперь, въ новѣйшія времена. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она благопріятствуетъ развитію и охранѣ зарождающейся промышленности, хотя и въ ущербъ земледѣлію и, вообще, потребителей; но окрѣпшей промышленности, полной жизненныхъ силъ, она лишь служитъ во вредъ. Кромѣ того очевидно, что она, благодаря своему строго проведенному въ жизнь эгоизму, ведетъ къ взаимному отчужденію различныхъ народовъ, къ торговой войнѣ, даже къ кровопролитнымъ сраженіямъ, что, какъ мы уже видѣли раньше, имѣло мѣсто и въ то время. Но ея вредныя послѣдствія были замѣтны и въ другомъ направленіи, особенно во Франціи, гдѣ Кольберъ довелъ ее до высшей степени развитія. Сельское населеніе, достигавшее тогда четырехъ пятыхъ всего французскаго народонаселенія, притѣснялось и грабилось въ пользу торговли и промышленности и попало въ самое плачевное положеніе. Это-то обстоятельство и дало толчекъ къ развитію системы, совершенно противоположной меркантильной, а именно къ системѣ *физіократической*, обязанной своимъ появленіемъ Кантильону (Cantillon, 1755 г.) и особенно Кенэ (Quesnay), Гурнэ (Gournay) и Мирабо Старшему. Физіократы съ своей стороны ставили собственно производительный классъ земледѣльцевъ, гораздо выше классовъ промышленнаго, торговаго, чиновничьяго, ученаго, класса художниковъ, такъ какъ всѣ эти классы служатъ лишь для распространенія роскоши. По ихъ мнѣнію, земледѣліе есть источникъ, который питаетъ ремесла и торговлю, науку и искусства и доставляетъ государству подати.

Тогда еще недостаточно понимали, что промыслы и торговля, не менѣе земледѣлія, создаютъ новыя цѣнности. Несмотря на то, что одностороннее физіократическое ученіе не могло утвердиться въ наукѣ, оно принесло ту несомнѣнную пользу, что заставило обратить вниманіе на притѣсненный бѣднѣйшій классъ народа и настойчиво требовало его освобожденія и уравненія его правъ. Такимъ образомъ оно подготовило французскую революцію. Кромѣ того физіократы, желающіе по возможности уничтожить всѣ охранительныя пошлины, были несомнѣнно настроены въ высшей степени космополитически, въ противоположность національному эгоизму защитниковъ меркантильной системы. Въ Германіи школа эта не встрѣтила сочувствія; ея ревностнѣйшимъ послѣдователемъ былъ великодушный, преданный благу своихъ подданныхъ Карлъ Фридрихъ Баденскій (1728—1811).

Адамъ Смитъ положилъ конецъ односторонности такихъ крайнихъ воззрѣній въ политико-экономическихъ вопросахъ.

Наравнѣ съ экономическими воззрѣніями мѣнялось и экономическое преобладаніе національностей. Въ теченіе большей части семнадцатаго столѣтія голландцы безспорно занимали первое мѣсто, такъ какъ ихъ торговыя и промышленныя учрежденія въ тѣ времена служили для всѣхъ націй предметомъ восхищенія и подражанія, какъ впослѣдствіи учрежденія Англіи. Они служили посредниками международныхъ сношеній; изъ 20,000 кораблей, принадлежавшихъ Европѣ въ 1670 году, голландцамъ принадлежали отъ 15 до 16 тысячъ. На сушѣ голландская активная торговля достигла верхняго Майна. На Нѣмецкомъ морѣ она вполнѣ господствовала: въ Данцигѣ считалось за смѣлость, ведущую къ банкротству, отправлять хлѣбъ въ Голландію на свой страхъ. Нидерландцы отняли у испанцевъ ихъ выгоднѣйшія колоніи; два большихъ общества на акціяхъ— остъ-индское и вестъ-индское—соединили въ своихъ рукахъ міровую морскую торговлю и извлекали изъ нея огромнѣйшую пользу. Амстердамская биржа задавала тонъ на міровомъ рынкѣ, а амстердамскій банкъ держалъ въ своихъ погребахъ до 300 милліоновъ гульденовъ въ слиткахъ и монетахъ. Промышленность процвѣтала въ такой-же мѣрѣ: выдѣлка сукна и полотна, ковровая мануфактура и вышиваніе занимали почти треть всѣхъ жителей. Вся равнина походила на обширный садъ, красивенькіе городки напоминали ящички съ драгоцѣнными вещами.

Постепенно Голландія однако погрузилась въ лѣнивую роскошь. Болѣе и болѣе она стала стушевываться, благодаря усиліямъ завистливо и враждебно настроенныхъ соперниковъ, Англіи и Франціи, столь превышающихъ ее числомъ народонаселенія, нанесшихъ ей нѣсколько чувствительныхъ пораженій на морѣ и на сушѣ. Наступила очередь Великобританіи и Франціи занять первое мѣсто. Франція, пріобрѣвшая всемірную извѣстность своимъ утонченнымъ вкусомъ, прочностью своихъ произведеній, а также и тѣмъ, что она была страной издѣлій роскоши, вывозила товаровъ на сумму въ 424 мил., а ввозила всего на сумму 380 милл. Доходъ съ земледѣлія достигалъ 1400 милл., запасы звонкой монеты достигали до 2000 милл. ливровъ. Но и въ то время Англія далеко перегнала Францію.

Начало замѣчательнаго промышленнаго процвѣтанія Англіи было положено въ XVII столѣтіи, когда начали разрабатываться неистощимыя угольныя копи Нортумберланда. Уже въ концѣ этого столѣтія Лондонъ считался главнымъ торговымъ складомъ Европы, и по приблизительному разсчету средній доходъ англичанина достигалъ 127 марокъ, француза—95 м. Вывозъ Англіи достигалъ 139, ввозъ 115 милліоновъ м. Въ 1730 года вывозъ равнялся 245, а ввозъ 145 мил. м.; въ 1774 г. вывозъ достигъ 347 мил. мар. и съ этихъ поръ безпрерывно возросталъ съ неимовѣрной быстротой.

———

Древняя культура европейскаго Востока.

Черное море имѣетъ связь со Средиземнымъ, у потому его берега и близь лежащія мѣстности приняли участіе въ успѣхахъ человѣчества.

Очень рано основывали греческіе города свои колоніи на лежащемъ между землями Понтѣ Эвксинскомъ.

На границѣ варварскихъ земель процвѣтали греческіе города. Въ сношеніяхъ и торговлѣ съ чужими обитателями имъ стала извѣстна жизнь и названія племенъ восточной Европы. Отважные, жаждущіе знаній послѣдователи, на коняхъ, проникали далеко въ глубь страны. По возвращеніи они разсказывали чудеса. «Отецъ исторіи», Геродотъ, далъ намъ въ четвертой книгѣ своей исторіи хорошую картину этихъ свѣдѣній и поэтому мы можемъ точнѣе установить важнѣйшія черты развитія.

Само собой разумѣется, что греческіе города на берегу Чернаго моря должны были оказать вліяніе на позади лежащую страну. Чудесные разсказы, сказки, религіозныя представленія проникаютъ очень рано, наряду съ небольшими потребностями ежедневной жизни. Сѣверъ точно такъ же оказываетъ вліяніе на югъ. Геродотъ указываетъ на многіе народы, имена которыхъ, къ сожалѣнію, приняли греческую форму, а потому стали намъ непонятными. Мы слышимъ о народѣ черные плащи, о людоѣдахъ, о скиѳахъ, сарматахъ, алацонахъ, буфинахъ, неврахъ, арамассахъ, но современное изслѣдованіе не разрѣшило еще загадки этихъ старыхъ названій. За легендарными киммерійцами выступаютъ иранскія завоевательныя орды, скиѳы и сарматы. Если многія скиѳскія имена носятъ иранскій отпечатокъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ выводить изъ какого племени произошло туземное населеніе европейскаго Востока. Не можетъ быть сомнѣнія, что оно можетъ быть разсматриваемо, какъ азіатскіе переселенцы, но этимъ мы еще не устанавливаемъ племя, жившее тамъ до нихъ.

Установлено, однако, два предположенія. Уже во времена Геродота финны селились на берегахъ Волги, на что указываетъ ихъ имя «Ѳаросъ», происшедшее, по всей вѣроятности, отъ финскаго названія этой рѣки—Rha; точно также мы находимъ славянъ или славянскій народецъ подъ именемъ неуровъ, въ мѣстностяхъ, впослѣдствіи ставшихъ собственностью славянъ. Каждый неуръ, по утвержденію Геродота, превращается на нѣсколько дней въ году въ волка. Это самое древнее указаніе на вѣрованіе славянъ въ оборотней, сыгравшее громадную роль и у германцевъ. По существу, мы, конечно, не вправѣ приписывать подобному вѣрованію этнографическаго значенія и прибѣгать къ нему, описывая какой-нибудь одинъ народъ; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ оснований. Жилище и названіе заставляютъ насъ причислять неуровъ къ славянскому племени. Славяне, такимъ образомъ, имѣли счастье быть отмѣченными исторіей раньше, чѣмъ германцы. Это также служитъ свидѣтельствомъ тому, что востокъ раньше подвергся вліянію юга, чѣмъ средняя Европа. Послѣ Геродота свѣдѣнія прекращаются. Проходятъ цѣлыя столѣтія, въ продолженіе которыхъ мы ничего не слышимъ о славянахъ; изъ этого можно заключить, что они тогда не играли важной роли во всемірной исторіи. Лишь въ началѣ среднихъ вѣковъ появляются славяне, подвинувшіеся уже за границу древней Германіи и въ Bojucheim, страну маркомановъ. Первобытное состояніе славянъ мы и намѣрены описать [1]).

Первобытное состояніе славянъ довольно темно. Съ помощью языкознанія мы устанавливаемъ происхожденіе славянъ отъ большого арійскаго племени. Они очень тѣсно связаны своимъ нарѣчіемъ съ литовцами, которые съ давнихъ поръ поселились на берегу Балтійскаго моря. Напротивъ, нѣтъ никакихъ указаній на связь съ германскимъ племенемъ, несмотря на то, что со времени Якова Гримма, родство это принято наукой. Уже заранѣе можно сказать о неправдоподобности одного происхожденія обоихъ языковъ, такъ какъ славяне и германцы, по историческимъ свѣдѣніямъ, жили очень далеко другъ отъ друга. Скорѣе всего, что славянскій и литовскій языкъ съ иранскимъ и индійскимъ, затѣмъ съ древне-иллирійскимъ, или современнымъ албанскимъ, съ вымершимъ ѳракійскимъ и съ армянскимъ представляютъ одну группу языковъ, которую мы можемъ называть восточноарійскую [2]). Ея древнюю родину мы должны искать на востокѣ Европы вблизи древнихъ славянскихъ поселеній.

Въ этой группѣ, путемъ странствованія, освободились индоиранцы, иллирійцы и армяне, такъ какъ эти народы селились отдѣльно отъ родственныхъ по нарѣчію и только частью, въ историческое время, пришли снова въ

---

[1]) Гелльвальдъ въ своей Исторіи культуры (1-ое нѣм. изд.) слѣдовалъ въ своемъ описаніи сочиненію проф. д-ра Gregor Krek „Введеніе въ исторію славянской литературы и проявленіе ея древнѣйшаго періода". Грацъ 1874—8. 1 томъ стр. 85—137. Второе изд. 1887 г. Это сочиненіе и по настояшее время является единственнымъ въ своемъ родѣ, а по богатству матеріала это неизсякаемый источникъ. Мы не можемъ назвать всего сочиненія автора современнымъ: здѣсь мы постарались набросать самостоятельную картину.

[2]) Схематически, мнѣ кажется вѣрнымъ расположить развѣтвленія арійскаго языка слѣдующимъ образомъ.

Арійскій.

Западно-арійск. — Восточно-арійск.

Греческій, Кельтоиталійскій, Германскій. — Литовскославянск., иллирійск., армянскій, индоиранск.

Кельтскій, италійскій — индійск., иранск. — Литовскій, Славянск.

Но эта картина родословнаго дерева, какъ и каждая картина, не можетъ установить абсолютно точный взглядъ на родственныя связи.

соприкосновеніе. Напротивъ, мы не можемъ утверждать о литовцахъ и славянахъ, что они значительно были удалены другъ отъ друга.

Они и впослѣдствіи не были, собственно, переселяющимся народомъ и обитали географически соединенной мѣстности; поэтому постепенное расширеніе границъ не должно нами приниматься за переселеніе изъ отечества. Языкознанію необходимо было, для объясненія нѣкоторыхъ лингвистическихъ фактовъ, предпослать основной славянско-литовскій языкъ, который, однако же, долженъ подать поводъ допустить существованіе литовско-славянскаго народа, въ смыслѣ одной національности. Въ то время существовала только семейная связь; государственная организація отсутствовала совершенно. Сильное родство обоихъ языковъ позволяетъ заключить о длительномъ сосѣдствѣ, о высокой степени древности и о нѣкоторомъ смѣшеніи. Послѣ прекращенія связи съ литовцами, славяне стоятъ совершенно изолировано по отношенію къ языку, который является родоначальникомъ всѣхъ существующихъ и вышедшихъ, подъ вліяніемъ времени, нарѣчій.

Еще въ девятомъ столѣтіи совершенно незамѣтно различіе между отдѣльными діалектами. Они и теперь различаются гораздо менѣе нѣмецкихъ; о германскихъ нечего и говорить.

Въ древне-славянское время, если такъ можно выразиться, славяне представляли собой незначительный народъ, которому не хватало единства, но который все же былъ свободенъ отъ посторонняго вліянія.

Передъ нами стоятъ славяне, какъ особый народъ, на мѣсто осѣдлости которыхъ мы можемъ указать лишь съ нѣкоторою вѣроятностью. Самой древней, въ собственномъ смыслѣ, родиной ихъ была по Мюлленгофу область средняго и верхняго Днѣпра, за исключеніемъ сѣверозападныхъ болотистыхъ мѣстъ и включая полосу къ западу отъ Карпатовъ и Вислы. Это была плоскость заткнутая со всѣхъ сторонъ отъ моря, не отличавшаяся никакими особенностями и разнообразіями строенія; но по пространству она была больше, чѣмъ мѣсто, занимаемое германцами передъ ихъ первымъ насильственнымъ натискомъ; поэтому-то въ сравнительно короткое время она создала новое населеніе по ту сторону Вислы и Дуная. Въ этой мѣстности мы находимъ неуровъ Геродота, которымъ онъ отводитъ верхній Днѣпръ и Днѣстръ. Отсюда началось распространеніе на сѣверъ и юго-западъ въ періоды, которые не поддаются точному опредѣленію. Сѣверъ, а большей частью и востокъ заселялся финскими народностями, подчиненными и вытѣсненными иранскими скиѳами и сарматами.

Кромѣ того на востокѣ жилъ съ давнихъ поръ цѣлый рядъ номадовъ и наѣздничьихъ народовъ.

Въ какое время завладѣли славяне названными землями — точно опредѣлить нельзя. Мы можемъ до сихъ поръ считать ихъ древнѣйшими поселенцами, тогда какъ старое предположеніе, что индоевропейцы, включая и славянъ, перекочевали изъ Азіи, совершенно неосновательно. Надежда на помощь археологическихъ изысканій не осуществилась.

Въ настоящее время мы только приблизительно опредѣляемъ какія орудія, каменныя, бронзовыя или желѣзныя, употребляли народы областей, гораздо болѣе изслѣдованныхъ, чѣмъ европейскій Востокъ. Здѣсь же эта задача стоитъ внѣ разсмотрѣнія.

Очень загадочно то обстоятельство, что славяне выступаютъ гораздо позднѣе въ исторіи, чѣмъ германцы — эти послѣдніе были очень маленькимъ народомъ, когда движеніе кельтовъ распространилось по всѣмъ направленіямъ, а кельты въ свою очередь слѣдовали за италиками, греками, иллирійцами, ѳракійцами и индійцами, время странствованій которыхъ приходится столѣтіемъ раньше. Мы должны искать общихъ причинъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, которыя не допускали сгущенія народонаселенія, необходимаго условія для расширенія предѣловъ. Въ особенности же славяне подвергались нападенію болѣе сильныхъ народовъ. Вторженія азіатскихъ наѣздничьихъ народовъ и номадовъ настолько задерживали развитіе славянъ въ историческое время, что мы имѣемъ право заключить тоже и о доисторическомъ періодѣ. Не должно упускать изъ виду долгое господство германскихъ народовъ надъ славянами во время переселенія народовъ.

О положеніи славянъ мнѣнія ученыхъ расходятся, также какъ и о пути установить правильный взглядъ на этотъ вопросъ. При отсутствіи дѣйствительныхъ свидѣтельствъ съ особеннымъ предпочтеніемъ опирались на запасъ словъ, общій всѣмъ славянскимъ народамъ и изъ нихъ заключали о вещи. Между тѣмъ слова обманчивы, такъ какъ даже заимствованныя могли показаться родственными древнимъ. Чтобы достигнуть чего-нибудь на этомъ пути, нужно прибѣгать къ болѣе тонкимъ методологическимъ пріемамъ, чѣмъ до сихъ поръ это дѣлалось. Этнологія показала намъ, что въ старое время такъ же, какъ и въ новое, культурныя особенности и пріобрѣтенія не связывались съ общностью народовъ и языковъ и вслѣдствіе этого нельзя приписать славянамъ какого-либо особаго, имъ присущаго культурнаго состоянія. Даже до настоящаго времени удержались у славянъ, въ особенности у южныхъ славянъ и русскихъ, старинные нравы и обычаи. Они настолько напоминаютъ древнее состояніе, какъ никакія другія свидѣтельства, такъ что это положеніе можетъ быть почти иллюстраціей европейской доисторической эпохи.

Древнія извѣстія указываютъ на раннее появленіе земледѣлія на востокѣ, такое же раннее, какъ скотоводство. Такъ было вообще и во всей Европѣ. Смотря по мѣстности, занимались или скотоводствомъ или разведеніемъ полевыхъ плодовъ. Обѣ эти хозяйственныя формы стоятъ рядомъ. Очень трудно опредѣлить, какіе плоды предпочитались. Однимъ изъ древнѣйшихъ хлѣбныхъ растеній Европы является просо, играющее большую роль и на востокѣ; его разводили сарматы и алацоны, скиѳское колѣно, и оно проникаетъ къ славянамъ, если эти не жили слишкомъ къ сѣверу. Впослѣдствіи просо несомнѣнно было очень распространено между ними. Лукъ, чеснокъ и бобы называетъ Геродотъ пищей алацоновъ, и на востокѣ эти плоды еще и до сихъ поръ не утратили своихъ поклонниковъ. Насколько позволяла природа страны, настолько славяне принимали участіе въ уходѣ за остальными полезными растеніями. Мы встрѣчали всюду распространенныя названія для отдѣльныхъ сортовъ. Пшеница была полевымъ растеніемъ еще во времена Геродота. Приготовленіе пива изъ ячменя очень рано было извѣстно ѳракійцамъ. Рожь и овесъ, незнакомые югу, разводились сначала на сѣверо-востокѣ. Славяне, ѳракійцы и германцы имѣли для каждаго рода хлѣбныхъ растеній общее названіе, которое могло, конечно,

переходить изъ рода въ родъ. Рѣпа принадлежала къ древнимъ культурнымъ растеніямъ, которыхъ достаточно было на европейскомъ Востокѣ.

Конечно, нельзя точно опредѣлить начало культивированія того или иного сорта растеній. Въ общемъ хлѣбныя растенія не обрабатывались одновременно, а слѣдовали другъ за другомъ. Въ настоящее время маисъ вытѣснилъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Балканскаго полуострова всѣ остальныя хлѣбныя растенія, и мы можемъ предполагать замѣну одного растенія другимъ и для стараго времени. Съ помощью языкознанія мы, къ сожалѣнію, не можемъ помочь этому вопросу. Нѣкоторыя названія плодовыхъ растеній въ славянскомъ языкѣ являются заимствованными; но это, однако, еще ничего не доказываетъ, такъ какъ даже такія слова, какъ молоко и хлѣбъ являются заимствованными, а между тѣмъ мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что славяне знали и употребляли молоко съ самыхъ древнихъ временъ. И кромѣ того совершенно напрасно ставить вопросъ объ культивированіи того или иного растенія, такъ какъ отъ этого вовсе не зависитъ степень культурнаго развитія народа.

Славяне, навѣрно, принимали участіе въ разведеніи домашняго скота, общемъ всѣмъ людямъ Европы. Откуда происходятъ наши важнѣйшія домашнія животныя, мы, конечно, до сихъ поръ не можемъ сказать. Но даже и въ этомъ отношеніи Европа вмѣстѣ съ Азіей образуютъ большое культурное царство, въ которомъ крайніе члены воспринимаютъ отъ внутреннихъ. Славяне, какъ и многіе другіе народы, научились еще въ древности пользоваться рогатымъ скотомъ, овцой, козой и свиньей, но мы опять таки не можемъ опредѣлить, которое изъ животныхъ пользовалось бо̀льшимъ значеніемъ въ хозяйствѣ. Вѣроятно, на первомъ планѣ стояла овца и свинья, а разведеніе рогатаго скота отступало на задній планъ, что можно заключить по отсутствіи стараго общаго названія «коровы».

Мы не можемъ, такимъ образомъ, точно представить себѣ количества скота въ древнее время.

Разбойничьи шайки, волкъ и медвѣдь должны были значительно уменьшать ихъ количество. Я хотѣлъ бы указать лишь на одно обстоятельство. Если германцы-номады, при вступленіи въ историческую эпоху и не были исключительно скотоводами, то все же скотоводство преобладало у нихъ надъ земледѣліемъ совершенно иначе, чѣмъ у славянъ. Понятіе о деньгахъ и состояніи развилось у римлянъ и у германцевъ самостоятельно изъ словъ, обозначающихъ названія животныхъ (лат. paecunia, англ. fee, подобно нѣм. vieh, слово schatz подобно слову «скоту»), у славянъ «деньги» были заимствованы. Отсутствіе большихъ союзовъ и вообще вся семейная организація заставляетъ предполагать, что славяне были земледѣльческимъ народомъ.

Мясо, молоко и плоды очень рано стали употреблять на востокѣ и въ остальной Европѣ. Объ уходѣ за плодовыми деревьями не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ это предполагаетъ установившуюся осѣдлость; но деревья эти растутъ дико; ихъ плодами не пренебрегали на востокѣ, такъ же, какъ и на западѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ остатки прошлаго въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ. Изготовленіе масла должно было быть извѣстнымъ, однако нѣмецкое слово «Butter» происходитъ отъ скиѳскаго и такимъ образомъ пришло къ нѣмцамъ съ востока. Приготовленіе сыра славя-

нами, подъ вліяніемъ сосѣднихъ намадовъ, скоро усовершенствовалось. Напиткомъ служила искусно приговленная изъ очищеннаго меда хмѣльная жидкость, такъ называемый медъ, между тѣмъ какъ очищенное кобылье молоко употреблялось во времена Геродота у скиѳовъ. Этотъ напитокъ приготовляется и теперь подъ названіемъ кумыса. Знакомствомъ съ виномъ славяне обязаны германскому западу.

Въ періодъ, когда дерево служило главнымъ матеріаломъ для изготовленія предметовъ, необходимо было, конечно, отличать различные сорта деревьевъ и знать примѣненіе каждаго изъ нихъ. Въ настоящее время это долженъ знать боснійскій крестьянинъ, изготовляющій все изъ дерева. Вслѣдствіе этого названія дуба, липы, клена, ивы, березы и ели, словомъ, всѣхъ сортовъ деревьевъ, растущихъ въ зап. Европѣ и въ древне-славянской родинѣ происходятъ отъ славянскаго, даже индогерманскаго древняго языка и только названіе бука заимствовано изъ германскаго, такъ какъ полоса его произрастанія не переходитъ за линію отъ Кенигсберга до Крыма.

Итакъ, земледѣліе было главнымъ занятіемъ славянъ съ древняго времени и это обстоятельство вліяло на ихъ общее развитіе. Но обработка земли велась самымъ простымъ способомъ. Разводились только яровые хлѣба, а почва взрыхлялась очень примитивнымъ плугомъ. Даже теперь можно встрѣтить въ славянскихъ областяхъ, въ верхней Герцоговинѣ, плуги, которые мало будутъ отличаться отъ простой мотыки. Очевидно здѣсь, въ мѣстностяхъ отдѣленныхъ отъ остальнаго міра, удержались примитивныя формы. То, что тамъ извѣстно подъ именемъ бороны, отличается такой простотой, какую только себѣ можно представить. О такомъ давнемъ заселеніи, тѣсно связанномъ съ земледѣліемъ, свидѣтельствуютъ названія деревень и домовъ; однако, эти поселенія нельзя понимать въ современномъ смыслѣ. Они были очень просты и различны по мѣсту и времени. Обыкновенно каждый домъ помѣщался среди своихъ полей. Но своеобразная славянская семейная организація повліяла на быстрое образованіе маленькихъ деревень. Дома ставились деревянные, что удержалось на востокѣ до сихъ поръ, въ противоположность юртамъ номадовъ. Каменныя постройки переходятъ только впослѣдствіи съ юга на сѣверъ и происходятъ изъ Египта и Вавилоніи. Боковыя стѣнки были иногда плетеныя и обкладывались глиной, что и до сихъ поръ можно наблюдать въ Герцоговинѣ. Тамъ еще существуютъ подвижныя хижины, которыя во время лѣта стаскиваются съ горъ въ долины, какъ санки, чтобы тамъ служить жилищемъ. Это является древнимъ пріобрѣтеніемъ, извѣстнымъ еще и германцамъ.

Такъ какъ общественный порядокъ славянъ опирался на существованіи большой семьи и родовыхъ связяхъ, то очень рано проявляется гораздо большее единеніе, чѣмъ у индивидуалистически-организованныхъ германцевъ.

Славянскія названія мѣстностей не случайно удержались даже на германизованной почвѣ въ настоящее время, тогда какъ германскія названія прежняго времени намъ почти неизвѣстны. Выраженія для повозки и отдѣльныхъ частей ея происходятъ у славянъ изъ индогерманскаго древняго нарѣчія, такъ что славяне также владѣли этимъ важнымъ вспомогательнымъ средствомъ европейскихъ народовъ

Еще и до сихъ поръ можно встрѣтить въ Босніи повозки, гдѣ нѣтъ ни одного желѣзнаго кусочка; поэтому можно судить, какъ дѣлались эти важныя средства перевозки въ то время, когда не было металловъ. Въ телѣгу и плугъ запрягался волъ, тогда какъ лошадь въ древнее время являлась, въ лучшемъ случаѣ, пищевымъ средствомъ. Въ то время умѣли уже плести ткань и изготовлять различную одежду. Для этой цѣли употребляли больше шерсть, чѣмъ ленъ. Несмотря на то, что разведеніе льна извѣстно было въ области Средиземнаго моря уже съ древнихъ поръ, мы, однако, не знаемъ, рано ли онъ вошелъ въ употребленіе славянъ. Напротивъ на востокѣ вырабатывалась пенька для ткани; но она становится извѣстной славянамъ лишь чрезъ германцевъ.

Когда славяне познакомились съ металлами и научились ихъ примѣнять—тоже нельзя точно опредѣлить. По существу возможно, что желѣзо довольно рано принесено было на сѣверъ изъ греческихъ колоній. На Черномъ морѣ и въ области Кавказа мы имѣемъ нѣсколько мѣстъ обработки металла, которыя, разумѣется, оказывали вліяніе на европейскій Востокъ; но мы не можемъ сказать, въ настоящее время, ничего положительнаго, основываясь на находкахъ древностей и изслѣдуя языки. Во всякомъ случаѣ славянскія названія металловъ возникли совершенно независимо отъ германскихъ. Только для золота и серебра въ европейскихъ языкахъ существуютъ общія названія. Но этотъ недостатокъ нашихъ знаній не очень важенъ, такъ какъ употребленіе бронзы и желѣза, по существу, не вызываетъ культурнаго развитія. Несмотря на употребленіе желѣза, многіе народы остались въ состояніи полной дикости.

Славяне, въ противоположность германцамъ, выступаютъ въ исторіи, какъ миролюбивый народъ. Никогда они не тѣснили долго силою оружія сосѣдей; причина миролюбія заключается скорѣе въ хозяйственной жизни и формахъ семьи, чѣмъ въ такъ называемомъ народномъ характерѣ.

Организація семьи еще и до сихъ поръ носитъ своеобразныя черты у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, которыя мы, съ нѣкоторою увѣренностью, опираясь на старыя свидѣтельства, можемъ отнести къ самой глубокой древности.

Южно-славянскіе земледѣльцы живутъ и хозяйничаютъ большими семьями. Такая «задруга» состоитъ изъ группы потомковъ одного родоначальника, живущей въ одномъ дворѣ, владѣющей общимъ имуществомъ и обрабатывающей его общими усиліями: доходъ отъ труда потребляется также сообща. Размѣръ такой семейной общины различенъ; прежде онъ былъ въ общемъ гораздо больше, чѣмъ теперь. Если раньше такая семья могла вмѣстить сотни людей при широкихъ пастбищахъ и пашняхъ, то теперь значительныя семьи составляютъ исключеніе, такъ какъ тѣсно нарѣзанная земля не можетъ прокормить большого количества людей.

Во всякомъ случаѣ, внутренняя организація задруги осталась прежней: семья основывается на кровномъ родствѣ; она представляетъ изъ себя болѣе или менѣе расширившійся родъ отца. Представитель «задруги» назначается предшественникомъ или выбирается членами семьи. Но не онъ является собственникомъ движимости и недвижимости, а все общество. Если задруга слишкомъ быстро растетъ, то она должна раздѣлиться. Отдѣльные члены отдѣляются отъ цѣлаго и образуютъ новое общежитіе. Если потомки и побочныя линіи сохраняютъ родственныя чувства и обсуждаютъ вмѣстѣ нѣкоторыя дѣла, то они образуютъ братство; каждое братство имѣетъ родовую легенду, прославляющую праотца. Во главѣ братства стоитъ выбранный старшинами въ родѣ, князь (родственно съ германскимъ kuning). Нѣсколько братствъ образуютъ племя. Эти самые большіе кровные союзы южныхъ славянъ и до сихъ поръ очень значительны. Могущественное «племя» черногорцевъ, Бѣлопавличи, насчитывало въ 1860 г. три тысячи мужчинъ, способныхъ носить оружіе.

Въ Россіи «задругѣ» соотвѣтствуетъ «большая или родовая семья». И она соединяетъ на одномъ дворѣ многихъ потомковъ одного рода и многія хозяйства, связанныя между собой союзомъ крова и общностью интересовъ. Часто вмѣстѣ живутъ женатые сыновья и побочные родственники, работающіе въ томъ самомъ дворѣ и домѣ подъ руководствомъ отца или дѣда. Все имущество остается общимъ. Никакое наслѣдство или дѣлежъ не можетъ имѣть мѣсто. Домъ, садъ, земледѣльческія орудія, скотъ, урожай, утварь всѣхъ сортовъ—все это составляетъ общую собственность. Ни одинъ не думаетъ о томъ, чтобы взять себѣ въ собственность часть всего этого со смертью отца семьи; надзоръ и веденіе хозяйства переходитъ къ старшему въ домѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ старшему сыну, въ другихъ—къ старшему брату умершаго, подъ условіемъ, если онъ живетъ въ одномъ домѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новый глава дома избирается членами семьи. Изъ большой семьи возникъ «міръ», русская сельская община на основѣ общественнаго владѣнія землей. «Міръ» не является исключительно организаціей управленія, это скорѣе патріархальное товарищество, расширеніе семьи, связи которой являются такими искренними, а солидарность такой тѣсной, что ни одинъ посторонній не можетъ проникнуть къ нимъ, безъ согласія большинства. Община эта владѣетъ сообща землей и вѣроятно раньше сообща ее обработывала. Общія дѣла обсуждаются собраніемъ старшихъ въ домѣ, подъ предсѣдательствомъ выбраннаго ими «старосты». Этотъ порядокъ и до сихъ поръ удержался въ Россіи на огромномъ пространствѣ, хотя симптомы разложенія выступаютъ во многихъ мѣстахъ очень ясно. Въ особенности община развита въ Великороссіи съ 30 — 35 мил. населенія. Мы имѣемъ всѣ основанія считать эти серборусскія условія жизни за очень древнія такъ какъ они никогда не повторяются у другихъ славянскихъ народовъ, а отыскиваются, какъ совершенно отжившая форма, у иранцевъ, у грековъ, римлянъ и германцевъ; кромѣ того эта форма является типичной для земледѣльческаго періода [1]).

Во главѣ племени стоялъ старѣйшина, глава племени, соединявшій въ себѣ, кромѣ права предводительствованія на войнѣ, еще права и обязанности, присущія каждому старшему въ родѣ.

Въ то время, какъ дѣлами рода руководило собраніе родовыхъ старшинъ, рѣшеніе дѣлъ всего племени находилось въ рукахъ главы племени, выбраннаго старшинами отдѣльныхъ родовъ. Этотъ глава обыкновенно былъ непосредственнымъ потомкомъ праотца племени.

---

[1]) Grosse, Формы семьи. формы хозяйства Фрейбургъ.

Эти институты являются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отвѣтственными за развитіе славянскаго народа. Во всякомъ случаѣ права личности и индивидуальная свобода не могли погибнуть, такъ какъ каждый былъ равенъ другому и поэтому можно говорить о демократическомъ или, вѣрнѣе, общинномъ основаніи славянскаго государственнаго строя. Если каждый былъ равенъ другому, то всѣ были связаны совершенно инымъ образомъ, чѣмъ свободный германецъ, селившійся тамъ, гдѣ ему правилось. Семейные союзы или живущіе по сосѣдству роды были достаточно сильны, чтобъ отражать обычныя непріятельскія нападенія, исходившія по большей части отъ другихъ родовъ. По отношенію же къ иначе организованнымъ народамъ, именно воинственнымъ германскимъ номадамъ, они были безоружны. Точно также у земледѣльческихъ народовъ не было никакой силы распространять свое вліяніе и ни малѣйшей охоты расширять предѣлы своей земли. Скотъ размножается быстрѣе человѣка, а потому скотоводъ нуждается въ болѣе широкомъ пространствѣ земли, чѣмъ земледѣлецъ, который, при недостаткѣ орудій производства, не можетъ захватить больше того, что въ состояніи обрáботать члены семьи. Скотоводъ тѣмъ болѣе радуется, чѣмъ быстрѣе размножаются его стада и стремится поэтому имѣть все больше и больше. Онъ становится очень легко кочевникомъ, земледѣлецъ же—медленно подвигающимся впередъ колонистомъ. Это естественное развитіе, между тѣмъ, различнымъ образомъ прерывается. Вслѣдствіе посторонняго вліянія уже довольно рано обрисовывается не только сословное различіе, но и наслѣдственная передача княжеской власти, именно у тѣхъ славянъ, которыя жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нѣмецкими племенами. Другія же племена еще крѣпко держались въ теченіе цѣлыхъ столѣтій старыхъ институтовъ. Эти перемѣны имѣли своимъ слѣдствіемъ холопство, несмотря на то, что это явленіе занимаетъ незначительное мѣсто въ первобытной формѣ славянскаго хозяйства. Наслѣдованіе княжеской власти облегчалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что большія владѣнія отдѣльныхъ родовыхъ группъ способствовали укрѣпленію уваженія къ этимъ группамъ, а на этомъ основаніи изъ ихъ среды избирали предводителя. Этотъ нѣсколько разъ повторенный прецедентъ послужилъ образованію обычая избирать старѣйшину племени изъ извѣстнаго опредѣленнаго рода и семейства. Такой порядокъ скоро обнаружилъ различіе сословій, въ особенности того, которое образовало зачатокъ будущаго славянскаго дворянства; рядомъ съ этимъ была цѣлая масса людей не знатнаго происхожденія, первоначально пользовавшихся свободой. Въ особенности же знатное происхожденіе коренится въ потомкахъ завоевателей, тогда какъ въ хозяйственной жизни славянъ нельзя отыскать его причины.

Особенная организація семьи, такимъ образомъ, имѣла огромное значеніе для славянъ. Ея глубокія основанія обнаруживаются опять-таки въ языкѣ, удержавшемъ богатую содержаніемъ номенклатуру временъ индогерманцевъ. До сихъ поръ мы находимъ огромную разницу въ названіи отцовской и материнской родни, удержавшуюся въ славянскихъ языкахъ; точно также имѣется древнее названіе женъ двухъ братьевъ; изъ этого можно сдѣлать заключеніе о древности семейныхъ связей. Только при постоянномъ сожительствѣ братьевъ могла быть надобность въ такихъ выраженіяхъ. У

древнихъ славянъ, безъ сомнѣнія, распространена была моногамія. Нигдѣ не было родового брака, такъ же какъ и общности женъ и дѣтей.

Правда, и многоженство имѣло мѣсто у нихъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, но оно практиковалось знатными и предводителями и только въ одномъ случаѣ, извѣстномъ всѣмъ народамъ, именно при бездѣтности жены, допускалось завести новую связь. До сихъ поръ бездѣтность считается у славянъ семейнымъ несчастіемъ и христіанская церковь разрѣшаетъ въ такомъ случаѣ не только разводъ, но и новый, вторичный бракъ. Жены, конечно, старались заботливо сохранять супружескую вѣрность, такъ же, какъ, по описанію Тацита, было и у германцевъ. Это происходило изъ однихъ основаній и вытекало изъ взгляда на жену, какъ на собственность. Какъ таковая, она нигдѣ не могла найти убѣжища послѣ измѣны.

Ея родъ тоже не защищалъ ее. Иногда, въ особенности у знатныхъ, жены убивали себя послѣ смерти мужа, но это происходило не добровольно и не изъ чувства любви, а подъ вліяніемъ силы обычая и вѣрованій въ загробную жизнь, гдѣ будетъ необходимость въ аксессуарахъ земной жизни. Святость семейной жизни еще и до сихъ поръ составляетъ характеристическую черту славянъ, но лишь тамъ, гдѣ сохранилась старая родовая организація. На это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на необходимый результатъ семейныхъ отношеній. Не было высокого положенія женщинъ. Нельзя называть положеніе ихъ высокимъ и выдающимся, когда онѣ цѣлуютъ мужу руку и подымаются при его приближеніи, что имѣетъ мѣсто и до сихъ поръ у южныхъ славянъ. Безъ сомнѣнія, правиломъ у славянъ было—подчиненіе жены. Она не считалась юридической личностью, но имѣла нѣкоторыя права, такъ какъ послѣ покупки ея для брака, она принимала дѣятельное участіе въ хозяйствѣ и жила болѣе свободно, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Мы признаемъ это, если, напр., сравнимъ положеніе славянскихъ и турецкихъ женщинъ на Балканскомъ полуостровѣ. По отношенію къ плѣнникамъ, славяне были гуманнѣе, чѣмъ это требовали существовавшіе тогда обычаи. Плѣнники не лишались навсегда свободы: имъ назначалось время, въ продолженіе котораго они могли выкупиться или же остаться свободными друзьями въ странѣ Далѣе, старцы и больные пользовались заботливымъ уходомъ и помощью. Собственно несостоятельныхъ тамъ не существовало и бѣднякомъ былъ только тотъ, кто былъ изгнанъ изъ рода за пороки. Рядомъ съ этимъ прославляется писателями славянская гостепріимность, которая и до сихъ поръ является выдающейся чертой, доходившей ранѣе до расточительности. И это результатъ хозяйственныхъ отношеній, находящійся всюду при одинаковыхъ условіяхъ.

Само собой разумѣется, что рано должны были образоваться правовыя нормы, удержавшіяся въ памяти отдѣльныхъ лицъ. Точно также многочисленные современные обычаи коренятся въ глубокой древности. Убійство отомщалось роду убійцы, но кровная месть рано была замѣнена денежной пеней. Съ наслѣдствомъ и собственностью, въ смыслѣ римскаго права, славяне не были знакомы. Славянскіе языки не знаютъ общаго обозначенія для «наслѣдства» и «собственности»; итакъ, эти оба понятія отсутствуютъ въ основномъ славянскомъ языкѣ. Ихъ не могли знать, такъ

какъ семейная организація исключаетъ наслѣдство и состояніе; дѣти не наслѣдуютъ отъ отца, но имущество послѣдняго съ необходимостью переходитъ на нихъ.

Въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ правомъ, обычаемъ, хозяйственной и семейной формой стоитъ религія. Но славянскія религіозныя вѣрованія поддаются лишь весьма неточному опредѣленію въ виду того, что новѣйшія изслѣдованія, устранивъ совершенно старые взгляды, не создали еще ничего новаго взамѣнъ. Вмѣсто того, чтобъ начать изслѣдованіе съ миѳологіи, домъ начали строить какъ разъ съ крыши и безконечно много писали о славянскихъ небесныхъ божествахъ. Если же мы посмотримъ съ современной точки зрѣнія на славянскую миѳологію и начнемъ строить правильно, снизу, то увидимъ, что славяне образуютъ представленія такъ же, какъ примитивные и развитые народы всего міра. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. Послѣдняя можетъ покидать человѣка во время сна и принимать всевозможные образы. Если она навсегда разсталась съ тѣломъ, то она долго блуждаетъ, а иногда возвращается домой. Это представленіе породило обычай выставлять, въ извѣстное время года, пищу передъ окнами для умершихъ. Въ праздникъ мертвыхъ зажигался также костеръ, около котораго должны были обогрѣваться души мертвецовъ. Мертвымъ въ гробъ, давали пищу, питье, посуду и оружіе. Это указываетъ такъ же, какъ и жертва звѣрей, или добровольная смерть супруги, на вѣрованіе въ то, что душа человѣка продолжаетъ жить и послѣ смерти. Особенное желаніе мужскаго потомства у славянъ, какъ и другихъ народовъ, объясняется тѣмъ, что только законный сынъ могъ принести подобающую заупокойную жертву. У славянъ находимъ два способа погребенія—закапываніе и сожженіе, но мы не можемъ опредѣлить ихъ религіознаго содержанія. Если подумать, насколько каждый народъ связанъ со стариной, то нельзя будетъ признать безпорядочной смѣны этихъ двухъ формъ, но напротивъ ихъ слѣдуетъ отнести къ различнымъ слоямъ народа—побѣдителямъ и побѣжденнымъ, властителямъ и подчиненнымъ. Каждая душа, какъ и человѣкъ, обладала различной жизнью. Вся природа была одушевлена. Умершіе духи могли причинять человѣку добро и зло и потому нужно было съ помощью жертвы умилостивить ихъ. О старой прусской религіи, которую мы можемъ, въ принципѣ, сравнить со славянской, Петръ Дусбургскій, говоритъ слѣдующее: Они видѣли во всемъ созданномъ божество—въ солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, громѣ, птицахъ, въ четвероногихъ и даже въ жабахъ; у нихъ были священные лѣса, поля, рѣки, въ которыхъ они не могли рубить дровъ, пахать и ловить рыбу. Такъ было и у славянъ, хотя мы не имѣемъ для этого тончаго свидѣтельства. О космическихъ миѳахъ мы узнаемъ изъ народныхъ преданій. Но можно впередъ сказать, что славяне того времени не обладали единымъ индивидуальнымъ вѣрованіемъ. Еще до сихъ поръ у южныхъ славянъ существуетъ вѣрованіе въ вилъ, которымъ у малороссовъ соотвѣтствуютъ русалки. Они являются владѣтельницами рѣкъ, лѣсовъ и горъ; такимъ образомъ они родственны греческимъ нимфамъ, ореадамъ и дріадамъ. Кромѣ того намъ извѣстно вѣрованіе въ вѣдьмъ и другихъ низшихъ духовъ, какъ колдуньи, называемыя мора, вампиры, волкодлаки, на существованіе которыхъ указывалъ Геродотъ. Каждый родъ, какъ и племя, обоготворяло души умершихъ предводителей и даже каждый домъ имѣлъ своего домового. У западныхъ славянъ и литовцевъ упоминается о культѣ змѣи. Ее держали въ домѣ, и ея смерть обозначала смерть кого-либо изъ членовъ семьи. Элементарная миѳологія, будучи результатомъ однихъ условій, почти однообразна у всѣхъ народовъ и нѣтъ нужды сомнѣваться въ ея древности или самостоятельности. Дѣло обстоитъ совершенно иначе съ развитой миѳологіей. Конечно, славяне могли создать и обоготворять образы высшихъ божествъ, но все же попытка создать славянскій пантеонъ должна потерпѣть неудачу. Это совершенно немыслимо, такъ какъ славяне были слишкомъ простой народъ, чтобы предаваться высокимъ размышленіямъ. Достовѣрно, однако, что они поддавались вліянію болѣе развитыхъ народовъ и были достаточно воспріимчивы. Такъ какъ мы и теперь находимся въ началѣ плодотворнаго изслѣдованія, то намъ ничего болѣе не остается, какъ сослаться на извѣстія о божественныхъ образахъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ, принятыхъ, однако, за обще славянскіе; но мы ничего не можемъ сказать объ ихъ происхожденіи и развитіи. Что касается заимствованій, то языкъ даетъ намъ пока только нѣсколько указаній.

Когда иранскіе кочевники, слѣдуя за загадочными киммерійцами достигли юго-восточной Европы, то они, вѣроятно, перенесли въ Европу свои религіозныя вѣрованія. Они прежде всего обоготворяли огонь, небо и землю, затѣмъ Аполлона, такъ же, какъ и солнце, древнюю Афродиту, Геракла, Ареса и Посейдона. Подобно персамъ и германцамъ, они не знали идоловъ, алтарей и храмовъ. Если славяне заимствовали отъ нихъ имя числительное 100, то можно предположить, что обозначеніе «бога» они заимствовали отъ иранскаго «бага». Откуда произошли противоположныя понятія «бѣсовъ»—мы не знаемъ. Но очень вѣроятно, что борьба злыхъ и добрыхъ духовъ, если только она существуетъ у славянъ—иранскаго происхожденія, гдѣ противоположность дня и ночи, свѣта и тьмы, добра и зла нашла себѣ глубокое выраженіе. Но въ славянскомъ «бѣсѣ» можно видѣть результатъ распространеній христіанскихъ воззрѣній. Что далѣе имѣло вліяніе на религіозное воззрѣніе славянъ, трудно сказать. Точно установлено, однако, что ни одно названіе боговъ не происходитъ изъ глубокой древности. Даже названіе бога грома—Перунъ, котораго можно сравнить съ литовскимъ Перкунасъ, не можетъ быть, по своей формѣ, славянскаго происхожденія. Гораздо болѣе вѣроятнымъ въ отношеніи названій боговъ представляется предположеніе заимствованія, чѣмъ самобытное происхожденіе изъ индоевропейскаго коренного языка. Такъ, Sventovit значилъ—святой Виттъ. Volos—соотвѣтствуетъ Blazius'у. Эти предположеніе нельзя достовѣрно утверждать. Выраженіе «черный» и, «бѣлый Богъ» или «даждь богъ» не нуждается, конечно, въ поясненіяхъ. Въ славянской миѳологіи мы встрѣчаемъ ту же борьбу, что и въ области германской. Съ того времени, какъ профессоръ Бэръ сильно поколебалъ самобытность сѣверной религіи и вывелъ многія представленія и повѣствованія изъ классическихъ и христіанскихъ легендъ, съ этого времени его открытіе имѣетъ значеніе и для славянъ, что уменьшаетъ достоинство миѳовъ послѣднихъ. Правда, наши источники недостаточны и мы едва ли можемъ надѣяться на большіе результаты. Славянамъ при-

писывается поклоненіе высшему божеству. Однако, нельзя точно установить, насколько это извѣстіе правильно и насколько вѣрованіе, предполагая вѣрность источниковъ, является обще-славянскимъ и древнимъ. Изъ общихъ основаній, невѣроятно, предположить здѣсь вѣру въ единаго властителя неба, безъ соотвѣтствующаго земного. Отсутствіе отдѣльнаго духовнаго сословія говоритъ противъ пантеона, который мы находимъ лишь у славянъ, достигнувшихъ подъ германскимъ вліяніемъ высокой политической организаціи. На Рюгенѣ находилась знаменитая славянская святыня.

Единственное, что ясно видно изъ источниковъ—это, что почти все обоготворяемое выступаетъ въ мужскомъ образѣ. О славянскихъ богиняхъ, какъ и литовскихъ, мы почти ничего не знаемъ, что является новымъ доказательствомъ подчиненнаго положенія женщинъ. Я хочу еще разъ указать, что славянскій древній періодъ не обнаруживаетъ никакихъ рѣзкихъ особенностей, но проявляетъ типическія черты развитія. Что мы находимъ у нихъ, то, при одинаковыхъ условіяхъ развитія, можно найти и въ другихъ мѣстахъ. Мы не можемъ оспаривать, что до настоящаго времени славяне сохраняютъ старые обычаи, что доказываетъ, какъ разъ ихъ сравнительно небольшое развитіе. Это, однако, имѣетъ свое основаніе въ ходѣ цивилизаціи. Римское государство уничтожило греческое и тѣмъ самымъ подвергло кельтовъ и германцевъ вліянію благодѣтельной культуры Средиземнаго моря. Отсутствіе судоходнаго моря задерживало и позднѣе развитіе славянъ и лишь съ недавняго времени ихъ захватилъ потокъ европейской цивилизаціи.

Сѣверные Славяне и борьба съ германскимъ духомъ.

Мѣстность между Одеромъ и Вислой не всегда принадлежала германцамъ, но была отнята отъ прежнихъ переселенцевъ. Населеніе, жившее здѣсь передъ германцами—намъ неизвѣстно; но серьезно утверждали, что славяне жили здѣсь передъ германцами и выжидали бурю германскаго переселенія, чтобы достигнуть новаго господства. Это невѣрно, но все же остается неяснымъ, какимъ образомъ славяне заселяли земли между Эльбой и Вислой. У насъ нѣтъ объ этомъ никакихъ извѣстій, такъ какъ ни одинъ современный историкъ не останавливался на этомъ фактѣ, столь важномъ для средневѣковой исторіи. Вѣроятно славяне проникали въ эту слабо заселенную мѣстность не большими переселеніями, а переходили туда нѣсколькими родами и семьями. Что эта мѣстность не была незаселенной, видно изъ того, что славяне заимствовали нѣсколько старыхъ германскихъ названій. Названіе Silingen измѣнилось въ Slesi, а изъ этого произошло современное—Силезія (Schlesien). Германское названіе Одеръ славяне присвоили себѣ, а въ Богеміи «Молдава» (Moldau), является лишь измѣненнымъ «Waldfluss» (Waltawa). Моментъ самаго широкаго распространенія славянъ совпадаетъ съ увеличеніемъ могущества франковъ (550—800 до Р. Х.). Въ эту эпоху славяне подвинулись за Эльбу, они населяютъ Вагрію (Wagrien) до Киля въ Голштейнѣ, острова Воллинъ (Wollin), Рюгенъ (Rüggen) (славянское Рана) и Фемернъ (Fehmern).

Они принадлежали къ такъ называемому полабскому племени (Labe—Elbe, Лаба—Эльба, жители Эльбы), который можно допустить только географически.

Полабы не имѣли собственнаго, отдѣльнаго языка, но, какъ подраздѣленіе восточныхъ поляковъ или ляховъ, они говорили ихъ нарѣчіемъ. Они распадались на два главныхъ народа лютичей (велетовъ или вильцовъ) между Одеромъ, Балтійскимъ моремъ и Эльбой, въ Бранденбургѣ, гдѣ теперь возвышается на старой славянской землѣ городъ Берлинъ, съ чисто славянскимъ названіемъ; бодричей или оботритовъ въ Мекленбургѣ и Гольштиніи. На востокѣ отъ полабовъ жили ляхи или поляки (отъ *поле*—обитатели равнинъ) въ русской Польшѣ, Помераніи, старой Пруссіи (Altpreussen), и Силезіи. Къ югу отъ ляховъ, между годами 454—492 переселились въ Богемію и Моравію чехи и завладѣли этой областью. Въ настоящее время находящіеся тамъ нѣмцы являются позднѣйшими поселенцами. Часть Австріи принадлежала чехамъ, но она до этого не была владѣніемъ нѣмцевъ.

Подобно тому было и на югѣ. Не успѣли еще нѣмецкіе баварцы укрѣпиться въ своемъ владѣніи на сѣверныхъ альпійскихъ рѣкахъ, какъ въ VII и VIII столѣтіи вторглись въ альпійскія земли славяне западной Паннопіи и Норіи—народъ словенцы. Но не съ помощью побѣдоноснаго оружія пріобрѣтали они эти мѣста; безшумно наполняли они, сначала пустынную равнину, отдѣльными деревушками и поселками, постепенно захватывали и безлюдныя болѣе сѣверныя долины и проникали съ юношеской силой въ горы, гдѣ почти никогда еще до сихъ поръ не было ни одного жилища. Чужіе называли ихъ виндами, сами они звали себя словенами или хорутанами, откуда произошло названіе Каринтія. Еще въ XI в. мѣстопребываніе словенцевъ распространялось гораздо дальше, чѣмъ теперь на западъ и сѣверъ, до истоковъ Инна и Дравы; они наполняли Pinzgau и доходили до Ziller и Pustethal, глубоко въ Salzach, распространялись отъ Pongau до Attsee, появлялись у Штейера и Кремса, въ Эрландѣ и Трайзенѣ. Верхняя и Нижняя Австрія къ югу отъ Дуная была населена славянами. Славянскіе признаки безспорно живутъ въ народномъ типѣ около Линза, въ Kaiserthal'ѣ, въ Teffereggen и въ Hochpusterthal'ѣ, также какъ и въ зальцбургской Lungau, гдѣ еще встрѣчаются названія мѣстъ славянскаго происхожденія; въ Вельшскомъ Тиролѣ и Фріаулѣ слѣды пребыванія славянъ стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Это, когда то бывшее, распространеніе славянства и продолжительное пребываніе его на нынѣшней нѣмецкой почвѣ дало возможность пустить глубокіе корни славянскому быту, и потребовалась упорная продолжительная борьба, чтобы ихъ уничтожить, да и то не въ полной степени.

Вслѣдствіе этого становится понятнымъ, что слѣды древняго славянства встрѣчаются повсемѣстно, какъ въ сѣверной Германіи, такъ и въ области Альпъ. Нѣмецкій элементъ послѣднихъ, въ особенности внутреннихъ областей Австріи, такимъ образомъ, новѣйшаго происхожденія. Въ то время славяне были также земледѣльческимъ народомъ, быстро, впрочемъ, развивавшимся, подъ вліяніемъ западной культуры. Историки того времени всѣ одинаково прославляютъ дѣятельность славянскихъ народовъ при Балтійскомъ морѣ, изобиліе и правильность ихъ жизни, ихъ

ловкость и трудолюбіе въ земледѣліи, скотоводствѣ, рыболовствѣ, торговлѣ и ремеслахъ. Славянскіе сербы обрабатывали соляные источники Галле, жители Помераніи ткали шерстяныя и льняныя ткани, культивировали злаки, ленъ и виноградъ. Славяне занимались горнымъ дѣломъ и ковали отличную утварь и оружіе. Объ ихъ нравахъ, въ особенности о вѣрности славянскихъ женъ, съ восторгомъ упоминаетъ Бонифацій. Раны обитатели острова Рюгена были замѣчательны своей храбростью и могуществомъ, искусствомъ и богатствомъ, благодаря мореплаванію, принявшему форму пиратства, морского разбоя, какъ и у германскихъ норманновъ. Относительно этого имѣются указанія у Видукинда (Widukind). Въ ихъ главномъ городѣ Орекунда или Ореконда, по нѣмецки Аркона, на полуостровѣ Витовъ, находилось широко прославляемое и почитаемое святилище Свентовита (Swantowit). Ко времени основанія этого мѣстопребыванія древнихъ славянъ, нѣкоторыя нѣмецкія племена въ культурномъ развитіи не отличались существенно отъ нихъ. Но въ общемъ слѣдуетъ признать, что культура двигалась съ запада на востокъ, и если позднѣе, въ средневѣковой періодъ саксы считались всѣми остальными нѣмцами дикими, то на цивилизацію болѣе восточныхъ славянъ нѣтъ основаній смотрѣть слишкомъ высоко.

Нѣмцы превосходили славянъ ранней политической организаціей. Съ утвержденіемъ господства Каролинговъ, начинаются новые завоевательные набѣги германцевъ, облегченные еще отсутствіемъ у славянъ большихъ союзовъ. Какъ у нѣмцевъ существовала древняя національная вражда между франками и саксами, точно такъ же глубоко коренилась ненависть между бодричами и лютичами и давала поводъ къ кровопролитнымъ войнамъ, никогда не кончавшимся перемиріемъ, несмотря на побѣду одного племени и вопреки высшей власти. Это было главной причиной, почему славяне, несмотря на свое упорство, не могли устранить нѣмецкій элементъ между Эльбой и Балтійскимъ моремъ. Подчиненіе славянъ было подготовлено всего болѣе учрежденіемъ марки или военной границы; однако военное счастье покинуло ихъ лишь во времена саксонскихъ государей. Съ безпощадною суровостью порабощало саксонское племя своихъ старинныхъ сосѣдей и враговъ и стремилось сгладить ихъ національныя особенности. Оттонъ Великій увеличилъ и усовершенствовалъ мѣры для подчиненія и учредилъ три епископства: въ Ольденбургѣ (Stargard, Старый-Градъ), въ Вагріи, въ Хафельбергѣ (Havelberg) и Бранденбургѣ. Однако этимъ не было достигнуто продолжительныхъ результатовъ.

Послѣ кровопролитной битвы при рѣкѣ Тонгеръ постепенно слабѣлъ перевѣсъ нѣмцевъ въ полабскихъ земляхъ вплоть до середины XIII стол. и славяне переходили отъ оборонительныхъ къ наступательнымъ войнамъ, причемъ постоянно обнаруживали враждебность къ христіанству. Въ то время главнымъ значеніемъ въ полабской землѣ пользовался островъ Рюгенъ. Храмъ въ Арконѣ затмилъ древній блескъ языческой святыни. Въ 1073 г. нѣмцы даже искали помощи у славянъ. Лишь въ 1093 г., послѣ долгаго мира, на нихъ хлынулъ новый потокъ; не только саксы, но и датчане вторглись въ страну, разрушая все. Еще разъ при ободритскихъ князьяхъ славянскіе народы поднялись; со всей силой боролись они за сохраненіе старыхъ обычаевъ и стараго культа, пока князь Никлосъ, послѣдняя опора славянства, не палъ отъ руки Генриха Льва въ 1160 г. Около южной границы ихъ прежней земли, Славяне завладѣли Бранденбургомъ и утвердили тамъ новое царство, послѣднее болѣзненное проявленіе умирающаго сильнаго народа; въ 1157 г. Альбрехтъ Медвѣдь (Albrecht der Bär) завоевалъ Бранденбургъ и нанесъ смертельный ударъ славянству между Эльбой и Одеромъ. Когда, наконецъ, датскій король Вальдемаръ (1169) завоевалъ Рюгенъ, послѣднее убѣжище славянъ-язычниковъ, тогда уже не было никакихъ препятствій къ онѣмеченію славянъ между Эльбой, Одеромъ и Балтійскимъ моремъ; это производилось съ большой быстротой и въ короткое время было приведено въ исполненіе. Одна часть славянъ была уничтожена нѣмцами и датчанами, другая продана въ рабство, а всѣ остальные должны были платить дань и нести барщинныя повинности. Подобной участи подверглись и сорбы между Заалой, Эльбой и Рудными горами. Германское подраздѣленіе на округи проводилось завоевателями и въ покоренныхъ странахъ; всюду отдавались славянскія земли въ ленное пользованіе нѣмецкой знати, которая строила свои крѣпости на возвышенностяхъ и такимъ образомъ держала въ повиновеніи побѣжденныхъ; на правомъ берегу Эльбы съ 1124—1157 г. г. славянская національность сорбовъ совершенно уничтожена мечемъ и другими способами. Слѣдовательно, нельзя предполагать какое-либо кровосмѣшеніе къ западу изъ Эльбы. Лучшая участь ждала сорбовъ на правой сторонѣ Эльбы, въ позднѣйшей Лужицкой землѣ Lausitzen, гдѣ еще и до сихъ поръ встрѣчаются слѣды славянъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, имѣли мѣсто многочисленныя смѣшенія съ славянской кровью, такъ же, какъ и браки высокихъ особъ съ дѣвушками чешскаго и сорбскаго происхожденія. Но даже послѣ укрѣпленія нѣмецкаго господства къ сорбамъ относились снисходительнѣе чѣмъ къ остальнымъ славянамъ, такъ что они гораздо легче перенесли первый натискъ нѣмецкихъ нравовъ.

У жителей Помераніи, на берегахъ Балтійскаго моря, гораздо дольше сохранилась ихъ національность. Съ древнихъ временъ они имѣли сношенія съ поляками. Указанія на раннее распространеніе нѣмецкаго господства на Померанію, кажутся намъ сказочными; раннее соприкосновеніе со скандинавскими и датскими норманнами не имѣло никакого этническаго вліянія поэтому мы имѣемъ полное основаніе разсматривать жителей Помераніи ко времени перваго соприкосновенія съ нѣмцами, какъ чисто польскихъ славянъ. Восточная часть Помераніи долго остается въ туманѣ. Только въ 1107 году удалось Болеславу Кривоустому превратить въ вассаловъ князей Помераніи; за этимъ послѣдовало полное подчиненіе полякамъ нижней и верхней Помераніи (1120—1121). До этого времени верхняя часть Помераніи колебалась между христіанствомъ и язычествомъ, въ передней же части Помераніи парило неизмѣнно язычество: только съ этихъ поръ христіанство пустило тамъ глубокіе корни, но не тотчасъ же проникли туда нѣмцы. Славянская земля, какъ извѣстно, очень поздно соединилась съ Германіей и управлялась до 1637 г. туземными герцогами, подъ покровительствомъ которыхъ совершилось мирное переселеніе нѣмцевъ. Это повело къ вы-

тѣсненію славянскихъ элементовъ на востокъ, такъ что къ извѣстному времени Голленбергъ (Gollenberg), восточнѣе Кезлина (Köslin), сдѣлался границей, къ востоку отъ которой отступили славяне, тогда какъ на западѣ города и равнины были заселены нѣмецкими переселенцами изъ Нижней Саксоніи, Фландріи и Голландіи. Происходило ли здѣсь какое нибудь смѣшеніе расъ, не вполнѣ еще выяснено; для верхней Помераніи это точно установлено; даже тамошнее славянское населеніе огерманизировалось лишь очень поздно. Остатки славянскаго прошлаго еще до сихъ поръ ощутительны вдоль всего берега Балтійскаго моря. Отъ Любека до Кольберга (древній Колобрегъ), важнѣйшіе города — славянскаго корня. Также многочисленныя фамиліи на «овъ» (какъ Вирховъ, Бюловъ и др.) живо напоминаютъ славянское происхожденіе.

Въ восточныхъ окраинахъ Германіи происходила та-же частичная германизація. Уже въ концѣ XIII в. господствовали нѣмецкій рыцарь и вооруженный купецъ далеко на балтійскихъ берегахъ, тогда какъ свободный нѣмецкій крестьянинъ, предпочитаемый властвующимъ родомъ, проводитъ свою борозду между подвластными латышскими народами на вновь распаханной лѣсной почвѣ прусской земли. Правда, въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи это происходило такъ рѣдко, что тамъ не могло произойти этническое измѣненіе. Въ Ригѣ, въ Ревелѣ, до Новгорода ганзейскій купецъ имѣлъ въ общемъ одинаковый неуспѣхъ. Его культурное вліяніе нашло себѣ подходящую почву лишь въ узкой береговой полосѣ Пруссіи. Только города и резиденціи государей становились нѣмецкими, деревенское населеніе сохраняло свою латышскую и эстонскую національность; также было и въ Эстляндіи. Въ Лифляндіи орденъ Меченосцевъ приготовилъ почву для проникновенія въ 1202 году христіанства и нѣмецкой цивилизаціи. Въ Литвѣ и Пруссіи язычники приносили еще нѣсколько столѣтій жертвы въ священной рощѣ въ Ромовѣ (Romove). И только къ концу XIV ст., когда великій князь Ягелло крестился, для полученія руки наслѣдницы польскаго престола, только тогда не было никакихъ препятствій для обращенія въ христіанство литовцевъ. На призывъ Польши еще въ 1228 г. явились первые рыцари тевтонскаго ордена въ языческую Пруссію, исполненные желаніемъ политической власти и земельной собственности. Пятьдесятъ три года продолжалась борьба съ героической серьезностью, часто даже съ безпощадной дикостью, которую проявляетъ народъ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о бытіи и небытіи, пока, наконецъ, прусскій народъ не сдался тевтонскимъ рыцарямъ и крестоносцамъ. На каждомъ высокомъ холмѣ, на каждой переправѣ, въ каждой пристани возвышался замокъ, возлѣ него городъ, надѣленный владѣніями и любекскими, магдебургскими и кёльнскими правами.

Свободный дворъ упрямыхъ, зажиточныхъ фризскихъ и нижнегерманскихъ крестьянъ развивался также, какъ франко-алемандская деревня; онъ былъ представителемъ нѣмецкаго языка и обычаевъ среди подчиненнаго славянскаго народа. Это является новымъ историческимъ подтвержденіемъ того факта, что племенное различіе является обыкновенно также основаніемъ для сословныхъ подраздѣленій.

Русское славянство.

Происхожденіе русскаго государства заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, въ виду того, что на этотъ счетъ существуютъ разногласія. Въ самомъ началѣ русскіе живутъ по сосѣдству со славянскими и индогерманскими народами и постоянно, неудержимо оттѣсняютъ они и поглощаютъ остальныя племена, въ особенности же финскіе элементы. Съ перваго момента появленія русскихъ не можетъ быть и рѣчи о простомъ, а не сложномъ этнографическомъ элементѣ; а въ дальнѣйшемъ ходѣ событій соприкосновеніе съ другими народами должно было произвести нѣкоторое отклоненіе отъ самобытной національности. Сосѣдство печенѣговъ и половцевъ на югѣ и юго-востокѣ, въ первые вѣка исторіи Россіи, не могло не измѣнить первоначальный славянскій типъ. Поглощеніе финскихъ элементовъ въ центральныхъ мѣстностяхъ и на сѣверѣ и сѣверовостокѣ государства создало съ помощью кочеваній и завоеваній, частью мирной и насильственной колонизаціи, этнографическій конгломератъ, кажущійся продуктомъ исторіи и нигдѣ больше не встрѣчающійся.

На порогѣ русской исторіи стоитъ варяжскій вопросъ, который до сихъ поръ составляетъ предметъ ученыхъ споровъ. Вопреки всему, что высказано противъ этого, на варяговъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на шведскихъ норманновъ. Въ византійскихъ договорахъ 911 и 914 гг. сохранилось 90 русскихъ собственныхъ именъ; они не только скандинавскаго происхожденія, но указываютъ даже съ опредѣленностью на Швецію, а въ особенности на мѣстности Упландъ (Upland), Зедерманландъ (Södermannland) и Эстерготландъ (Östergotland), какъ на первоначальную родину русскаго (варяжскаго) племени.

Противъ этого свидѣтельства языка всѣ остальныя доказательства становятся безсильными, внушенными частью плохо понятымъ національнымъ чувствомъ. По общимъ соображеніямъ, извѣстія русскаго лѣтописца Нестора являются болѣе, чѣмъ вѣроятными, несмотря на то, что они въ отдѣльныхъ частяхъ украшены легендами. Славяне не были тогда еще въ состояніи основывать большія государства, тогда какъ скандинавы, путешествуя на своихъ корабляхъ, создали болѣе или менѣе прочное государство.

Очень рано завязались дѣятельныя сношенія береговыми народами Востока; въ IX столѣтіи шведы, съ возобновленной энергіей, завязали сношенія съ землями, лежащими на другомъ берегу Балтійскаго моря; на Ладожскомъ озерѣ они устроили свои поселенія; эти поселенцы въ серединѣ столѣтія завоевали Новгородъ и стали властвовать надъ живущими здѣсь славянами; но лишь съ завоеванія Кіева можно считать основаніе русскаго царства. Названіе Русь исчезло изъ Новгорода, чтобы исключительно и навсегда соединиться съ Кіевомъ.

Древніе русскіе люди не давали себѣ сами такого названія, но переняли его отъ финновъ, на берегахъ Балтійскаго моря, назвавшихъ такимъ именемъ (Ruotsi) сѣверныхъ переселенцевъ. Изъ глубины славянской земли это названіе перешло въ Грецію. Удивительно, что здѣсь названіе Росъ втеченіи XI столѣтія было замѣнено «варягомъ». Въ то время

много шведовъ служили тѣлохранителями при Константинопольскихъ императорахъ. Съ постепеннымъ прекращеніемъ походовъ викинговъ, съ распространеніемъ вліянія датчанъ и англичанъ, этнографическое названіе отступаетъ на задній планъ передъ военнымъ обозначеніемъ, такъ что въ XII столѣтіи слово варягъ обозначало ничто иное, какъ иноземный воинъ. Скандинавскій элементъ, собственно русскіе, не долго сохранили свою національную самобытность въ Кіевѣ; самое большее, если она удержалась до третьяго—четвертаго поколѣнія.

Славянское населеніе, жившее вокругъ нихъ, было слишкомъ многочисленно и сильно вытѣснило норманскій языкъ и обычаи.

Владиміръ сдѣлалъ славянскій языкъ — церковнымъ и себя считалъ славяниномъ; при его сынѣ Ярославѣ († 1056), черезъ браки, былъ снова введенъ сѣверный элементъ, но съ его смертью порвалась послѣдняя связь русскихъ князей со скандинавской національностью и родиной.

Русскіе совершенно «ославянились», а походы варяговъ прекратились въ 1043 г.; и нѣтъ никакой возможности указать слѣды и вліяніе скуднаго скандинавскаго элемента въ крови, обычаяхъ и государственномъ устройствѣ.

Только въ русскомъ языкѣ имѣются нѣкоторые слѣды его происхожденія [1]). Если принять въ соображеніе, что современная малочисленность шведскаго населенія не превышаетъ 4 мил., то тысячу лѣтъ назадъ оно не могло быть настолько большимъ, чтобъ мы могли представить переселяющихся варяговъ многочисленнымъ народомъ. Если шведскіе пришельцы все же приходили въ Россію, то число ихъ было очень ограничено и, вопреки позднѣйшимъ указаніямъ, они ассимилировались со славянскимъ племенемъ. Доказательство этому, что въ 945 г. встрѣчается князь Святославъ, съ совершенно славянскимъ именемъ. Не они измѣнили русскій народъ, но, наоборотъ, послѣдніе измѣнили ихъ такъ же, какъ они это дѣлали впослѣдствіи съ многими финскими элементами. На Рюриковичей слѣдуетъ поэтому смотрѣть, какъ на совершенно ославянизированныхъ русскихъ, будь они, въ дѣйствительности, норманны, или нѣтъ. Связи съ родиной однако удержались на будущее время и это оказало хорошее вліяніе. Остатки древностей опредѣленно указываютъ на шведское вліяніе въ Россіи.

Все же мы можемъ смотрѣть на культуру этой эпохи въ Россіи, какъ на безусловно туземную, такъ какъ это еще вопросъ—превосходили ли варяги въ культурномъ развитіи русскихъ, несмотря на свой военно-политическій бытъ. Какъ бы высоко мы не цѣнили тогдашнее культурное развитіе русскихъ, оно не могло быть привезеннымъ, такъ какъ основывалось на естественныхъ условіяхъ страны.

Наконецъ, скандинавцы царили, болѣе или менѣе продолжительно, и въ другихъ мѣстахъ—въ Англіи, Ирландіи и сѣверной Франціи—и здѣсь они не оставили глубокихъ слѣдовъ, по крайней мѣрѣ такихъ, которые бы существенно измѣнили первоначальный элементъ народа. Въ IX в. въ Россіи нѣкоторыя мѣстности все же достигли культурнаго успѣха. Острогородъ—позднѣйшій Новгородъ—былъ уже значительнымъ городомъ, а замѣчательный Кіевъ на Днѣпрѣ, въ то время подъ господствомъ хазаръ, блисталъ еще до прихода собственно русскихъ, такъ какъ онъ владѣлъ древнимъ торговымъ путемъ. Центръ тяжести русскаго государства, которому, однако, не хватало единства, находился въ то время болѣе къ западу, чѣмъ позднѣе, а поэтому подвергался большему западно-европейскому вліянію.

[1]) W. Thomsen. Происхожденіе русскаго государства. Три лекціи. Проредактированное авторомъ нѣмецкое изданіе L. Bornemann'a Gotha, 1879. 8°.

Кіевскіе великіе князья въ первыя столѣтія развитія русскаго государственнаго быта, кромѣ отношеній къ Византіи и Скандинавіи, заводили еще таковыя и съ Германіей.

Новгородъ процвѣталъ и долгое время поддерживалъ связи съ Западомъ по Балтійскому морю. Отношенія Ганзы къ Новгороду длились до XV столѣтія, такъ какъ Волховская республика избѣжала непосредственнаго порабощенія татарамъ. Славянскому народу присуща особенная сила основывать города. Эта сила покоится на развитіи семьи и сохранилась до настоящаго времени. Большая часть сѣверо-германскихъ городовъ была основана славянами, и славянскія названія въ настоящее время встрѣчаются всюду, даже въ Тюрингіи.

Русскіе славяне нигдѣ не достигали сѣверной части берега; только новгородцамъ удалось утвердиться на географическомъ и историческомъ соединительномъ пунктѣ при истокѣ Волхова изъ Ильменскаго озера. Съ раннихъ поръ жители Ильменя занимались торговлей. Задолго до появленія варяговъ они установили сношенія между югомъ и финскими народами, между тѣмъ какъ болгарскіе караваны съ Волги привозили имъ драгоцѣнности востока для обмѣна съ продуктами сѣвера. Когда московскіе князья основали здѣсь свое господство, въ концѣ IX столѣтія, пала торговая республика на Волховѣ съ ея своеобразнымъ устройствомъ. Постепенно сгущалось и распространялось земледѣльческое славянское населеніе, усиленно работая топоромъ, косой и плугомъ надъ приготовленіемъ почвы; «земля—моя, гдѣ топоръ рубилъ и куда коса или соха ходила», это значитъ, что мое владѣніе равняется моей работѣ; это было древней правовой формулой для пріобрѣтенія въ собственность земли. Отъ верхне-волжскаго бассейна русская колонизація распространилась къ сѣверо-востоку. Если норманны основывали государства внизъ по Днѣпру, то новгородскіе славяне достигаютъ по Двинѣ Бѣлаго моря, гдѣ Холмогоры (Holmgard) рано образуютъ центральный пунктъ славянско-скандинавскихъ морскихъ сношеній. Гдѣ въ настоящее время находится Архангельскъ, стоялъ въ XII столѣтіи монастырь св. Михаила, платившій десятину новгородскому монастырю св. Георгія. Могучая славянская республика могла бы навѣрное быть опасной для нѣмцевъ на Балтійскомъ морѣ, если бы она не истощила всѣ свои силы на завоеванія и колонизацію финскаго сѣвера и области Урала. Быстро распространялись новгородцы въ мѣстностяхъ по рѣкамъ сѣвернаго Ледовитаго океана и уже въ XI в. ихъ караваны проходили черезъ области Печоры, Перми и Угры по всѣмъ направленіямъ, причемъ укрѣпленіе такого положенія не всегда обходилось безъ кровопролитія. Въ льготной грамотѣ Всеволода (XII ст.) упоминается уже о торговомъ сословіи на Онегѣ, въ Кареліи, въ Вологдѣ и Перми.

Со своеобразнымъ происхожденіемъ новгородскихъ переселеній мы наглядно знакомимся изъ Климовской лѣтописи; однако, здѣсь мы не бу-

демъ, на этомъ останавливаться. Мы удовольствуемся лишь установленіемъ, что эта колонизація была облегчена подвижностью и непостоянствомъ раздробленнаго и хитраго финскаго населенія и что осѣдлое земледѣльческое славянское и славянизированное населеніе становилось все гуще. Подчиненіе, обращеніе, славянизированіе слѣдовали одно за другимъ. Русскіе славянизировали большую часть поволжскихъ народовъ и страны отъ Дона до Ледовитаго океана и создавали изъ нихъ однородную массу. Такъ путемъ колонизацій, поселковъ и постепеннаго славянизированія образовался такъ называемый великорусскій народъ, въ которомъ финская кровь составляетъ значительный процентъ. По поводу этого присутствія финскаго элемента у русскихъ, благодаря политической и національной враждѣ, было высказано много преувеличеній, повторенныхъ и нѣмецкой наукой. Внѣпартійная наука свидѣтельствуетъ только, что славянскій элементъ становится преобладающимъ на югѣ, также какъ на востокѣ его присутствіе уменьшается, и пропорціонально возрастаетъ смѣшеніе съ чуждыми составными частями. Однако, въ Россіи славянство побѣдило чуждый ему финскій элементъ. Только сѣверо-западъ остался свободенъ отъ славянскаго вліянія. Занятые дѣлами исключительно на востокѣ, новгородцы не заселили берега Балтійскаго моря и поэтому тамъ могли укрѣпиться шведы, нѣмцы и датчане и подчинить эти мѣстности вліянію западно-европейской культурной системы. Иначе страны по Балтійскому морю были бы рано славянизированы. Одновременно съ распространеніемъ русско-славянскаго народонаселенія распространялось и восточное христіанство, которое проникло въ Россію при Владимірѣ въ 988 г. Въ этомъ отношеніи русскіе славяне превзошли даже своихъ западныхъ сосѣдей въ Литвѣ и Пруссіи.

О происхожденіи христіанства въ Россіи [1]) имѣются очень неточныя указанія. Подобно тому, какъ легендарно описывались обстоятельства, при которыхъ основывалось русское государство, такъ и событія при введеніи новаго вѣрованія носятъ легендарный характеръ.

Совершенно невѣроятно наивное указаніе на переговоры Владиміра съ представителями различныхъ религій, посылка нѣсколькихъ агентовъ для изученія въ разныхъ странахъ церковнаго быта и вѣрованій, чтобы дать возможность великому князю выбрать наиболѣе подходящую религію для своей страны,—все это не заслуживаетъ никакого довѣрія, несмотря на то, что этому въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣрятъ и даже распространяютъ. Введеніе христіанства представляется по Голубинскому въ слѣдующемъ видѣ.

Между варягами было много такихъ, которые, побывавъ въ Константинополѣ, приняли христіанство. Они безпрепятственно могли придерживаться своего ученія. Христіанская церковь существовала какъ частная религія. Число ея послѣдователей было значительно. Въ Кіевѣ была построена церковь Св. Ильи, которая, пожалуй, можетъ считаться «дочерью» константинопольской церкви Св. Ильи. Великій князь Игорь, который, подобно своему предшественнику Олегу, предпринялъ военный походъ на Византію, былъ, вѣроятно, христіаниномъ, не думая, однако, возвысить свое вѣрованіе до государственной религіи. Его супруга Ольга обратилась также, до нѣкоторой степени, въ тиши своей частной жизни, въ христіанство и

[1]) Ср. A. Brückner, „Исторія Россіи до конца XVIII столѣтія“.

была даже крещена передъ путешествіемъ въ Константинополь (957), но она такъ же мало сдѣлала для распространенія христіанства среди народа, хотя и велѣла построить христіанскія церкви въ Кіевѣ и Псковѣ. Нѣтъ, однако, никакого сомнѣнія, что она умерла христіанкой. То обстоятельство, что слѣдующіе государи Святославъ, Ярополкъ и въ началѣ Владиміръ не были обращены въ христіанство, замедлило распространеніе новаго ученія, но не нанесло ему существеннаго вреда. Число церквей, существовавшихъ до признанія христіанства государственной религіей, Голубинскій обозначаетъ около 20—30. О какомъ-либо враждебномъ отношеніи язычниковъ къ христіанской церкви мы ничего не слышимъ. Среди такихъ обстоятельствъ произошло оффиціальное обращеніе Руси въ христіанство великимъ княземъ Владиміромъ въ концѣ X стол. Этотъ государь вовсе не былъ въ положеніи выбирающаго между различными религіями, хотя онъ, какъ разсказываютъ, хотѣлъ быть своему народу новую церковь готовой отъ нѣмцевъ, болгаръ или византійцевъ. Ему нужно было только оформить существовавшія уже съ давнихъ поръ въ Россіи, и христіанизація государства по греческому образцу имѣла огромный успѣхъ. Нужно еще помнить, что въ то время не существовало борьбы между латинской и греческой церковью, которая позднѣе проявилась очень энергично, такъ что Россія изъ за этой противоположности была исключена изъ участія въ нѣкоторыхъ событіяхъ культурнаго развитія. Восемьсотъ лѣтъ тому назадъ русскіе не отставали такъ отъ нѣмцевъ, какъ теперь. Однако должны были быть иныя основанія, помимо введенія греческаго православія, чтобъ вызвать теперешніе результаты. Указывалось на недостатокъ способностей у русскихъ. Это, однако, невѣрно. Можно себѣ представить параллель мальчиковъ въ школѣ; въ началѣ, пока дѣло идетъ объ элементахъ знанія, всѣ прилежные развиваются болѣе или менѣе ровно и только въ высшихъ стадіяхъ преподаванія, когда выступаютъ сложныя идеи, становится замѣтна большая разница въ способностяхъ. Правда, различіемъ способностей можно объяснить многое и они вызываютъ то или другое культурное развитіе, но параллель не подходитъ потому, что этнологи не сомнѣваются теперь въ равныхъ способностяхъ славянъ съ остальными арійскими народами. Съ принятіемъ различныхъ способностей не добьешься никакого толка на европейской почвѣ и въ концѣ концовъ этимъ объясненіемъ ставится игрекъ вмѣсто икса. Для русскихъ мы, однако, можемъ указать на причину даннаго положенія вещей. Почти вся вина, почему русскіе, едва присоединясь къ цивилизованнымъ народомъ Европы, были надолго оторваны отъ нихъ, лежитъ въ естественномъ событіи. Это событіе—нашествіе монголовъ и все, что сопровождало его. Можно съ полнымъ правомъ называть эту народную бурю естественнымъ явленіемъ, какъ и всякое вообще кочеваніе народовъ, причины котораго остаются загадкой. Но такъ какъ всякое явленіе природы имѣетъ свою причину, хотя бы мы и не могли ее открыть, то мы можемъ предпослать causa effieiens и для ужаснаго монгольскаго нашествія. Въ 1209 г. Темучинъ, по прозванію Чингизханъ, во главѣ своихъ монголовъ вторгся въ Китай и быстро завоевалъ эту обширную страну. Отсюда онъ покорилъ средне-азіатскія государства, а въ 1224 г. онъ направилъ свои орды въ южную Россію, которую вслѣдъ затѣмъ подчинилъ своему господству. Дальнѣйшая попытка проникнуть въ западную

Европу (Польша, Силезія, Венгрія и Моравія были уже покорены) нашла предѣлъ у новой Вѣны. Разбойники повернули назадъ. Причина этому заключалась не столько въ храброй борьбѣ австрійцевъ и чеховъ, сколько въ томъ обстоятельствѣ, что они были отозваны на родину, гдѣ ихъ присутствіе было необходимо въ виду смерти хана. Въ Россіи, однако, они господствовали три съ половиною столѣтія. Нравы монголовъ, которые ѣли мясо убитыхъ и даже не убитыхъ враговъ, описываются, какъ самые дикіе и можно себѣ представить то вліяніе, какое, согласно неизмѣннымъ законамъ культурнаго развитія, оказало господство этихъ варваровъ на русскій народъ. Всеобщее культурное одичаніе, насильственное оттѣсненіе едва развернувшагося культурнаго роста, образованіе, благодаря необходимости, нѣкоторыхъ качествъ, какъ рабскій инстинктъ, низкопоклонство, лицемѣріе, хитрость, подкупность и т. п., которыя должны были задерживать позднѣйшее развитіе, все это повело къ необходимымъ результатамъ. Нѣкоторыя азіатскія черты русскіе присвоили себѣ благодаря кровнымъ связямъ съ побѣдителями и съ сосѣдями. Монголки жили при дворѣ прежнихъ царей и еще до сихъ поръ въ Россіи есть многознатныхъ фамилій, которыя происходятъ отъ какой нибудь монгольской орды, хотя народная масса осталась не монголизированной. Несомнѣнно, однако, что монгольское господство наложило свою печать на русскихъ и освободило ихъ отъ своего ярма, доведя до очень низкой ступени культурнаго развитія.

Матеріальная и духовная культура Россіи потерпѣла громадный ущербъ, большій даже, чѣмъ это было въ древности отъ набѣговъ германцевъ. Впрочемъ, тому же господству варваровъ западъ обязанъ процвѣтаніемъ литературы. Именно—указывается съ полнымъ убѣжденіемъ, что главная масса всѣхъ повѣствованій и сказокъ, распространенныхъ въ Европѣ, Аравіи и Турціи происходитъ изъ Индіи, гдѣ буддизмъ является собственно носителемъ этого [1]). Изъ Индіи они проникли къ персамъ и арабамъ переведенными. Эти послѣдніе дали имъ возможность, благодаря своему долголѣтнему господству въ Испаніи и соприкосновенію съ итальянскими и греческими народами распространиться на югѣ Европы. Здѣсь эти повѣствованія, а въ особенности веселые разсказы вошли въ употребленіе, благодаря Бокаччіевскому «Декамерону» въ Италіи, въ Испаніи же благодаря Дону Мануэлю. На сѣверѣ же Европы эти проявленія индійскаго духа проникли благодаря монголамъ.

Обращенные въ буддизмъ монголы, вмѣстѣ съ новой вѣрой и ея вѣстникомъ, восприняли его разсказы и сказки и распространили ихъ, благодаря двухсотлѣтнему господству и другимъ соприкосновеніямъ, на востокѣ Европы среди славянъ и германцевъ и даже дальше, о чемъ

[1]) Bernhard Sulg, Сказки Siddhi Kür'a. Калмыцкій текстъ съ нѣмецкимъ переводомъ и калмыцкимъ словаремъ Leiphig 1866. Siddhi Kur, любимая народная книга калмыцкой степи, ничто иное, какъ монгольская передѣлка старой буддійской критики, индійскихъ собраній сказокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Vetala pantschatim. и „двадцать пять разсказовъ". Ср. также Bernhard Súlg. Монгольскія сказки, разсказы изъ сборника Ardschi—Bordschi. jnnsbruck 1867 съ совершенно одинаковымъ содержаніемъ какъ Тристанъ и Изольда Готтфрида Страсбургскаго.

свидѣтельствуетъ почти дословное совпаденіе одной старой французской фаблio съ однимъ изъ разсказовъ Siddhi—Kür'a [1]).

Тогда какъ Россія теперь платилась за свое положеніе вблизи Азіи, оно впослѣдствіи должно было послужить основаніемъ для могущества государства. И здѣсь подтверждается снова, что экономическіе законы начертываютъ путь культурнаго развитія. Въ настоящее время русскіе спокойно находятъ путь въ Китай и являются господами средней Азіи, тогда какъ англичане, проникая насильственно, никогда не могли обойтись безъ ломки. Не можетъ быть спора въ томъ, кто изъ двухъ народовъ— англичане или русскіе, являются болѣе культурнымъ народомъ. Также достовѣрно, что высоко цивилизованные бриты не умѣютъ доводить своихъ азіатскихъ подданныхъ на той культурной ступени, на которой находятся сами; русскіе же, напротивъ, достигли гораздо большихъ результатовъ среди азіатскихъ племенъ, которыхъ они удивительнымъ образомъ умѣютъ ассимилировать, несмотря на свое гораздо болѣе низкое, чѣмъ у британцевъ культурное развитіе. Конечно, они могутъ довести ихъ только до того уровня развитія, на которомъ находятся и сами; минимумъ того, что они въ дѣйствительности даютъ имъ, все же больше, чѣмъ максимумъ, который англичане не могутъ выполнить. Подъ русскимъ господствомъ, правда, культурный прогрессъ совершается медленно, но постоянно и соотвѣтственно способностямъ и расовымъ склонностямъ. Цивилизаціи же англичанъ азіаты совершенно чужды и не могутъ ее понять [2]). Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ говоритъ одинъ этнографъ: примѣсь монгольской крови, которая течетъ въ сосудахъ русскихъ является причиной достигнутыхъ результатовъ. Тѣ же причины, задержавшія культурное развитіе Россіи приводятъ ее въ настоящее время къ непредвидѣнному величію и помогаютъ ей не только покорить бывшихъ угнетателей, но и воспитать ихъ, т. е. распространить свѣтъ цивилизаціи. Культурное развитіе слѣдуетъ тѣмъ же закономъ.

Славяне южной Европы.

Исторически достовѣрное переселеніе славянскихъ племенъ на югъ Европы произошло довольно поздно. Хотя отдѣльныя кучки славянъ рано появляются на картахъ, однако государства готовъ, затѣмъ гунновъ на время задержали ихъ вторженіе. Именно съ ними должны были тѣснымъ образомъ соприкасаться славяне, такъ какъ они долгое время проводили въ областяхъ населенныхъ славянами. Значительное культурное вліяніе гордаго народа готовъ обнаруживается и теперь въ славянскихъ языкахъ, содержащихъ многочисленныя заимствованія изъ этого германскаго нарѣчія. Это можно вывести изъ нашихъ прежнихъ изложеній, гдѣ государственно-военныя понятія, какъ царь, король, народъ, люди, названія оружій, выраженія для торговли и сношеній являются заимствованными, такъ какъ всего этого не было у славянъ. Но такъ какъ вліяніе простирается даже на такія слова, какъ мясо, хлѣбъ, молоко, скотъ, пиво и т. д., то мы

[1]) Benfey. Pantschatantra. Leipzig 1859 8°, 2 Bd.

должны предположить самыя интенсивныя сношенія и самое тѣсное сожительство.

Послѣ того, какъ готы были оттѣснены гуннами, а эти послѣдніе снова повернулись на востокъ, славяне могли подвинуться впередъ. Они поселились на всей линіи между низовьями Днѣпра и Дуная и окружали въ продолженіе цѣлаго столѣтія со всѣхъ сторонъ Карпаты. Вѣроятно уже въ серединѣ V-аго столѣтія славяне жили подъ охраной господства гепидовъ, которымъ слѣдовало господство аваровъ; древняго народа, подобнаго гуннамъ. Подъ ихъ господствомъ славяне населили, между годами 568—592 по Р. Х. Паннонію на всемъ ея протяженіи во время римлянъ, Норію и всѣ земли отъ Дуная до Истріи. Южнѣе Дуная поселенія славянъ въ мѣстностяхъ Мизіи начинаются лишь съ VII ст. Въ 657 г. по Р. Х., они становятся оброчнымъ подданными римскаго государства, такими же, какими они встрѣтили болгаръ, съ появленіемъ, которыхъ романское господство въ Мизіи, собственно приходитъ къ концу.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что древніе болгары были частью гунновъ. Здѣсь не имѣетъ никакого значенія принадлежали ли они къ турецкому племени или же, по предположенію новѣйшаго изслѣдованія къ племени самоѣдовъ; важно только то, что болгары, подобно гуннамъ, аварамъ, фазарамъ и печенѣгамъ не были арійскаго происхожденія и нашли Мизію заселенной арійскими славянами. Такимъ образомъ, основанное здѣсь болгарское государство вовсе не состояло изъ однихъ болгарскихъ элементовъ, но изъ значительнаго числа славянскаго населенія, между которыми болгары были политическими господами и оставляли господствующій классъ. Что является обыкновенно въ такихъ случаяхъ, то произошло и здѣсь. Славянское большинство смѣшалось съ болгарами и слилось съ ними въ продолженіе двухъ столѣтій. Для этого смѣшенія господствующаго и покореннаго народа потребовалось лишь 250 лѣтъ. Съ X столѣтія болгарскій языкъ все болѣе вытѣснялся общеупотребительнымъ славянскимъ. Славяне приняли названіе болгаръ. Итакъ, между теперешними болгарами и древними нѣтъ никакого родства. Въ совершенномъ болгарскомъ языкѣ, который является нарѣчіемъ славянскаго, находятся все же немногіе древніе элементы.

Этотъ болгарскій діалектъ измѣнился съ теченіемъ времени, болѣе, всякаго другого, такъ что онъ имѣетъ отдаленное сходство съ кореннымъ языкомъ и труднѣе всѣхъ понимается. Точно также и физическій типъ современныхъ болгарскихъ народовъ отличается нѣкоторыми чертами отъ сосѣднихъ славянскихъ народовъ. Въ то время, какъ происходила славянизація восточной части Балканскихъ странъ.

Въ западную часть полуострова проникли сербо-кроатскіе переселенцы. Сербы и хорваты, какъ извѣстно,—одинъ народъ съ однимъ языкомъ, отличающіяся теперь только по вѣроисповѣданію и шрифту (см. стр. 218). Такимъ образомъ заблаговременно начался процессъ, превративішій романское государство въ славянское. Съ VII и VIII ст., области на сѣверъ отъ Балканъ были славянскими и въ этомъ мы можемъ видѣть причину постепеннаго паденія и политической слабости восточно-римскаго государства. Если даже военное счастье улыбалось константинопольскимъ царямъ и давало возможность оттѣснить вражескіе народы отъ границъ

государства, все же, наконецъ, побѣдила, древнюю культуру, уже много разъ побѣждавшая въ исторіи грубая сила. Подчиненіе славянъ, было иллюзіей, а не побѣдой въ борьбѣ за существованіе, такъ какъ они легко освобождались, основывали свои государства и даже угрожали стѣнамъ Константинополя.

Съ переселеніемъ хорвато-сербовъ и мизійскихъ славянъ, славянское странствованіе пришло къ концу, послѣ двухсотлѣтняго періода; изъ трехъ большихъ переселеній народовъ, германскаго, славянскаго и турецко-угорскаго, приводившихъ въ колебаніе въ продолженіе тысячелѣтія нашу часть свѣта, славянское переселеніе протекло всѣхъ спокойнѣе, но съ большимъ вліяніемъ. Переселеніе не соединяетъ крѣпче народъ, оно не создаетъ королей толпы и царство меча. Это исторія колонизаціи, а не завоеванія, имѣвшая здѣсь мѣсто по ранѣе открытымъ причинамъ. Все то, чѣмъ завладѣли славяне, упорно ими отстаивалось и большого труда стоило нѣмцамъ отнять у нихъ часть ихъ земли. По этимъ причинамъ существуетъ гуннское, османское преданіе о завоеваніи, германскій эпосъ изъ временъ переселенія народовъ; но ничего подобнаго нѣтъ у славянъ. Только впослѣдствіи, во время серьезной борьбы за землю и свободу, проявились у русскихъ и сербовъ героическія пѣсни, такъ какъ только въ этотъ періодъ создалось необходимое предварительное условіе для сословія обяръ и князей. Славянскія массы, жившія на югѣ, рисуются, какъ разбойническія орды на самой низкой степени развитія. Но еще неизвѣстно, достовѣрны ли изслѣдованія писателей. То, что одному кажется грубостью, то другой называетъ простотой. Славяне на югѣ могли быть просты и грубы, какъ большинство первобытныхъ народовъ, но они были сильны и здоровы и являлись продуктомъ ихъ хозяйственнаго строя со всѣми преимуществами и слабостями вызванными имъ. Конечно, по ихъ жизни мы не можемъ заключить о бытѣ славянъ въ Германіи. Нѣтъ никакой надобности представлять себѣ всѣ славянскія племена на одинаковой ступени развитія, скорѣе можно себѣ представить образное. Какое большое различіе было между близкими сосѣдями франками и саксами, несмотря на ихъ общее германское происхожденіе. Девятьсотъ лѣтъ тому назадъ древняя Саксонія выглядѣла такъ, какъ теперь западъ сѣверной Америки. Къ тому же у насъ есть доказательныя объясненія отсталости южныхъ славянъ постоянными соприкосновеніями съ дикими тюркско-угорскими племенами, которыя цѣлыя столѣтія держали въ подчиненіи южную Россію, отъ Кавказа до Дуная и отдѣлили ихъ отъ сѣверныхъ сородичей. Культурно-историческое вліяніе соприкосновенія съ низшими посторонними элементами не является исключительной причиной отсталости южныхъ славянъ. Скорѣе всего, что они поселились въ области, отрѣзанной уже въ древности отъ великаго культурнаго потока. Населеніе Далмаціи, Иллиріи и другихъ балканскихъ земель считалось уже въ древности варварскимъ. Въ эти области цивилизація проникаетъ гораздо позже, чѣмъ куда либо, благодаря естественнымъ отношеніямъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

СТРАН.
Средневѣковая культура Азіи. Д-ра Конради. Пер. С. М. Филипповой . . 1
Исламъ и арабская культура 45
Средневѣковая культура Запада. Германцы. Д-ра Кауфмана. Пер. П. Фридолина. 91
Англія и англосаксы. Проф. Могка 126
Франки 116
Карлъ Великій и его дворъ 145
Распаденіе имперіи 157
Народы и государства въ средніе вѣка. 161
Происхожденіе научнаго міросозерцанія новаго времени. Д-ра Бельше . 193
Прибавленіе къ первому отдѣлу. Бытъ древнихъ скандинавовъ. 218

Отдѣлъ второй.

Возрожденіе и реформація. Послѣдствія открытія Америки. Проф. Л. Гейгера. Перев. Ю. Трачевской 240
Возрожденіе 246
Нѣмецкіе гуманисты 257
Развитіе народныхъ литературъ 263
Предтечи реформаціи 278
Реформація. 281
Орденъ іезуитовъ. Перев. А. Филипповой 288
Европа до революціи 1789 г. Возникновеніе абсолютизма. Проф. Филиппсона. 296
Прибавленіе ко второму отдѣлу. Древняя культура европейскаго Востока. Проф. Гирта 324

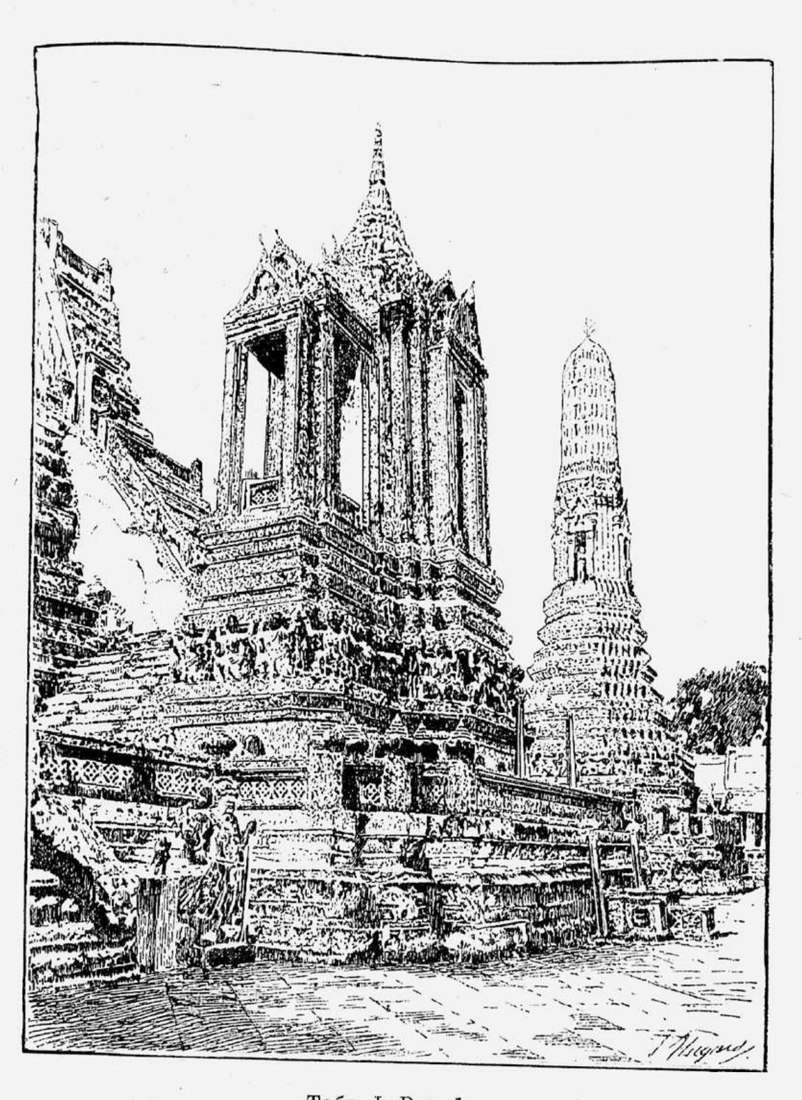

Табл. I. Рис. 1.

Табл. I. Рис. 2.

Табл. II. Рис. 1.

Табл. II. Рис. 2.

Табл. III. Рис. 1.

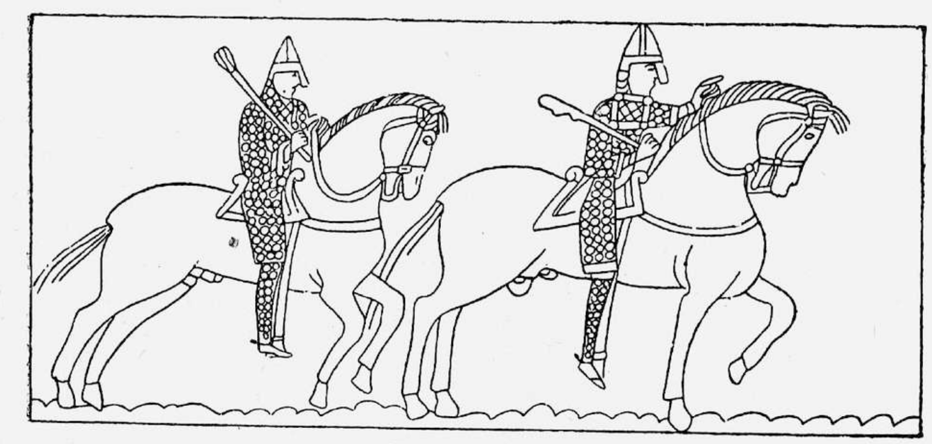

Табл. III. Рис. 2.

Табл. III. Рис. 3.

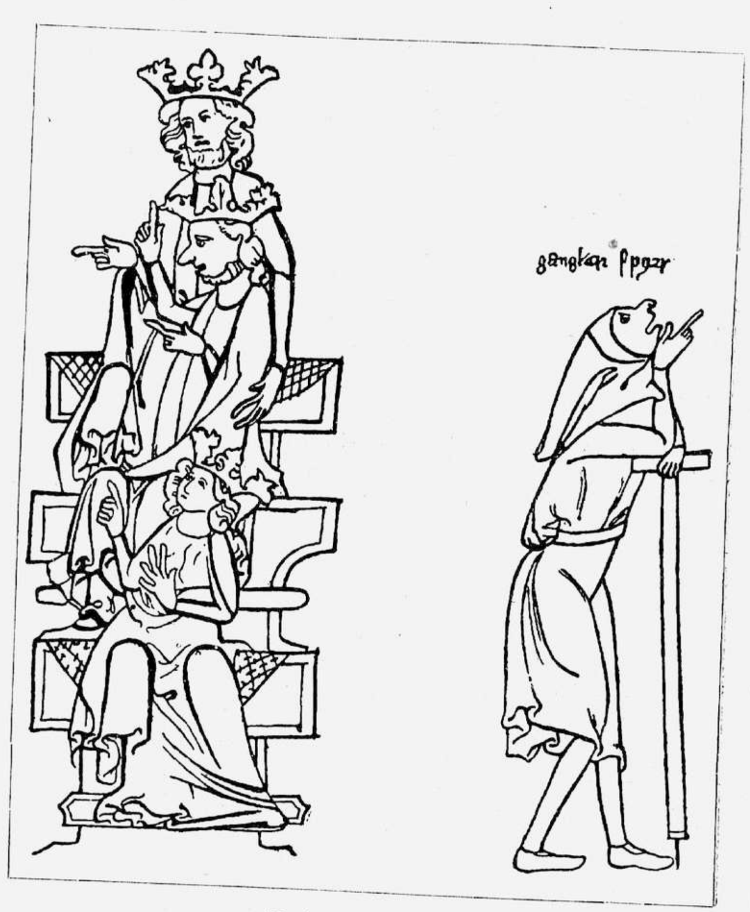
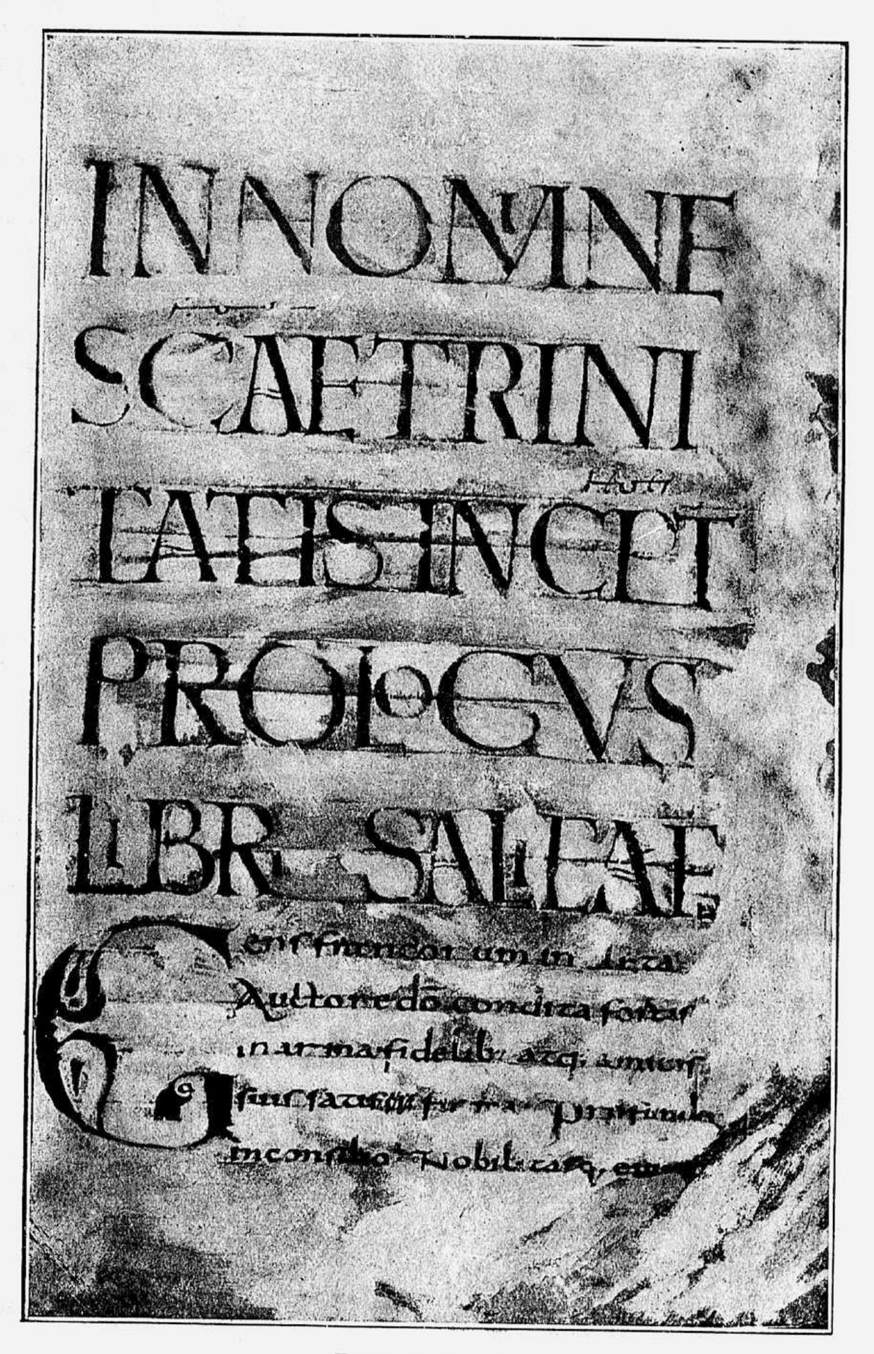

Табл. IV. Рис. 1.

INNOMINE
SCAETRINI
TATIS INCPT
PROLOGUS
LIBR SALEAE

Табл V. Рис. 1.

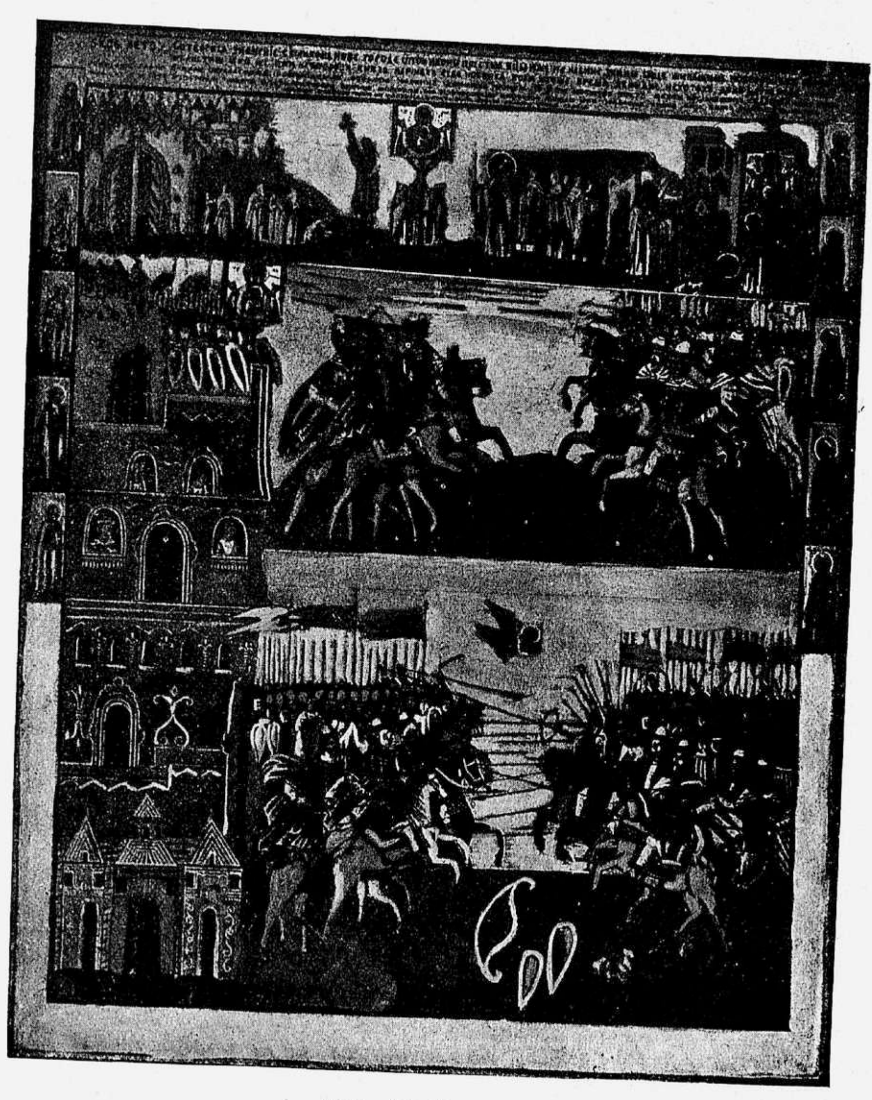

Табл. VI. Рис. 1.

Табл. VI. Рис. 2.

Табл. VII. Рис. 1.

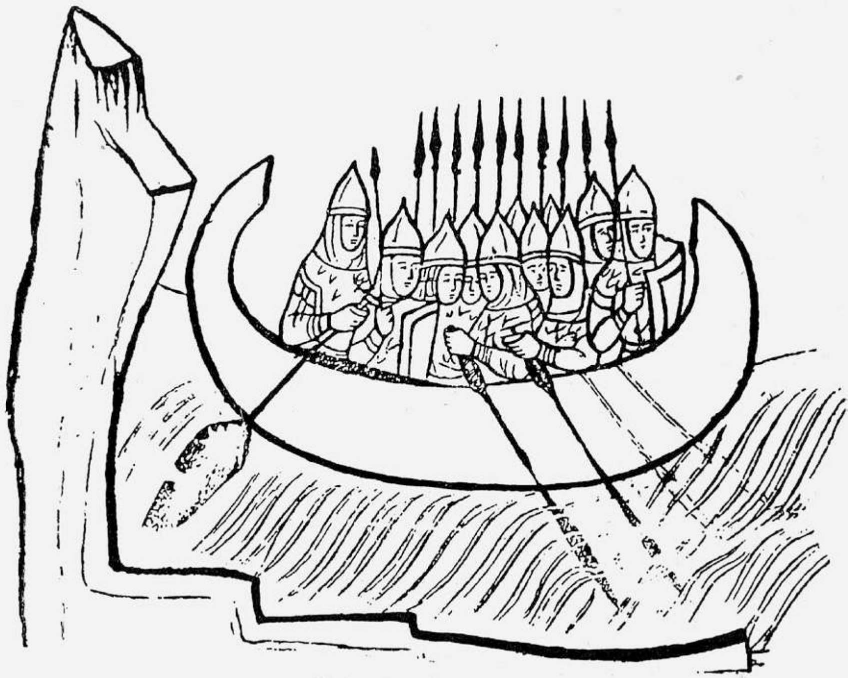

Табл. VII. Рис. 2.

Табл. VII. Рис. 3.

Табл. VIII. Рис. 1.

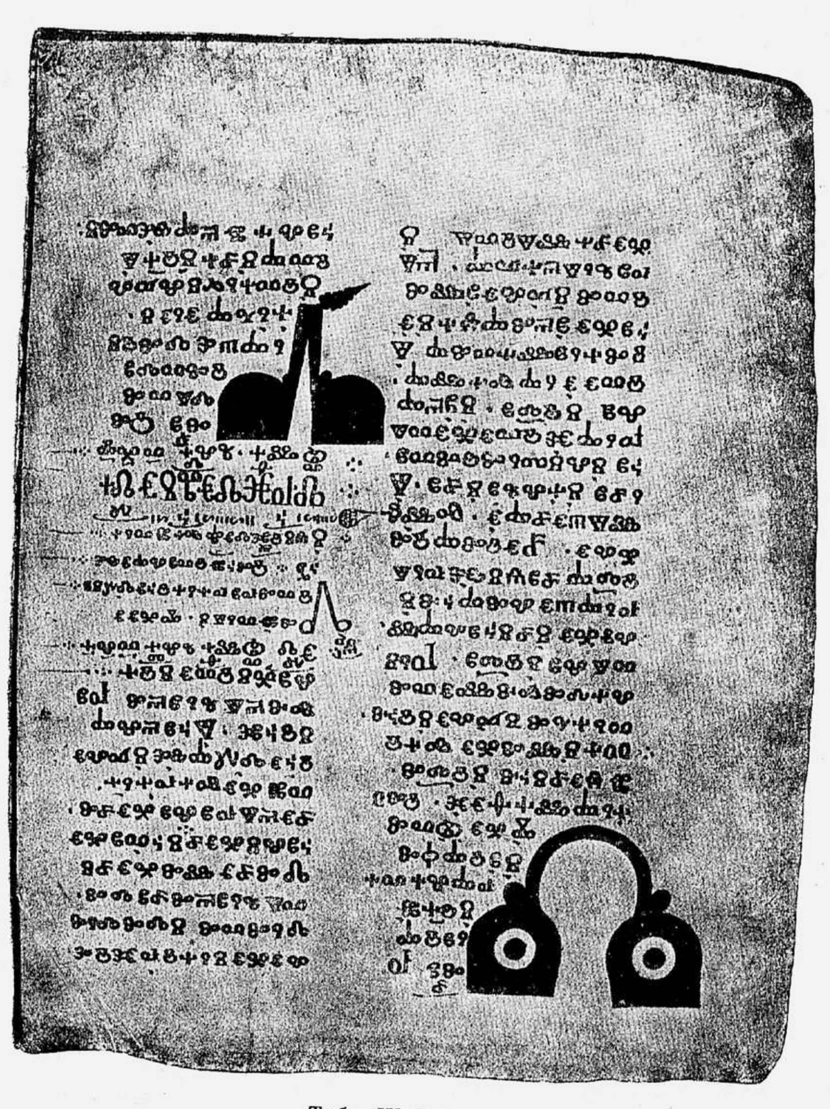

Табл. IX. Рис. 1.

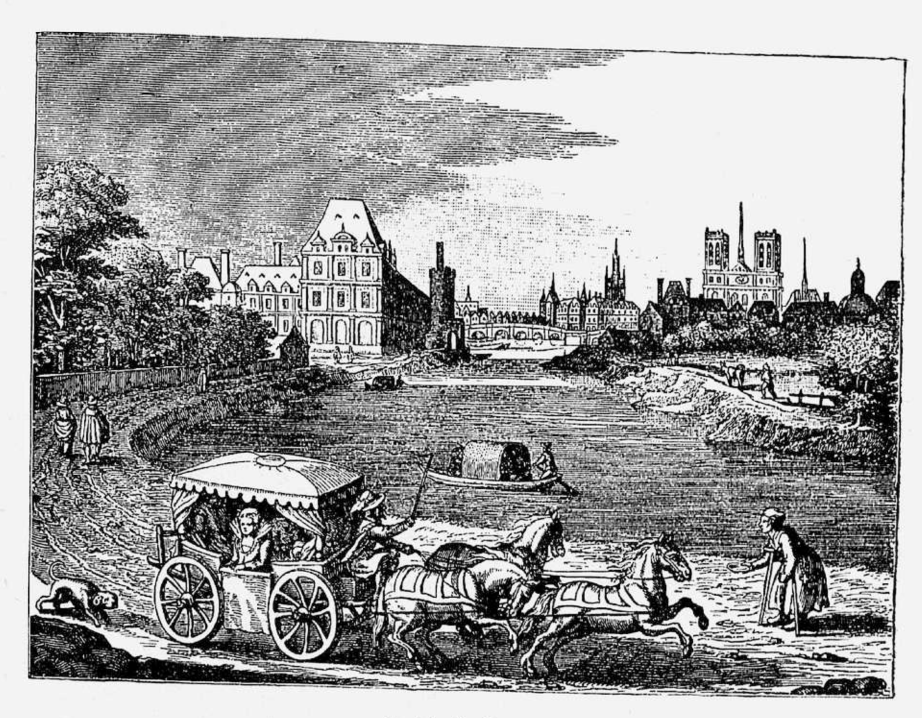

Табл. X. Рис. 1.

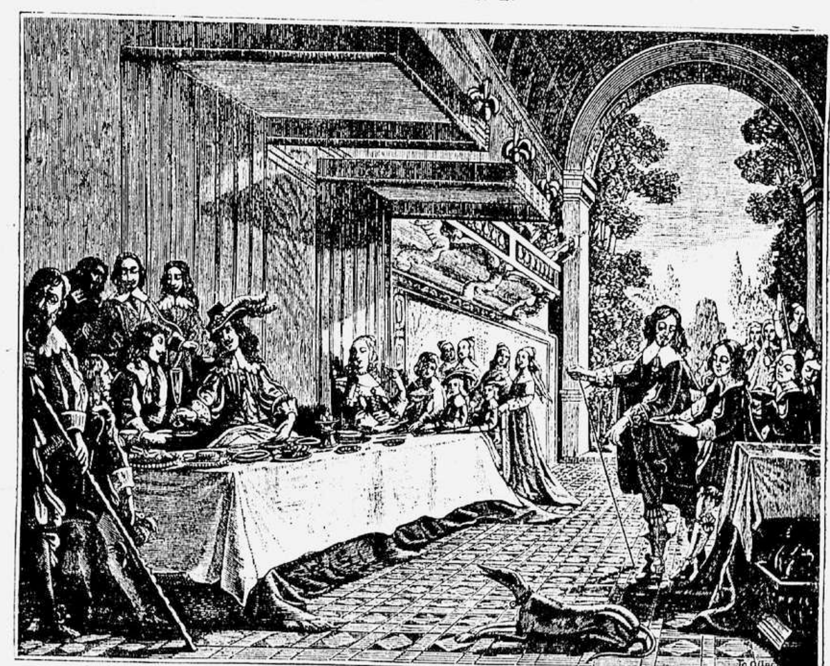

Табл. XI. Рис. 1.

Табл. XII. Рис. 1.

Табл. XIII. Рис. 1.

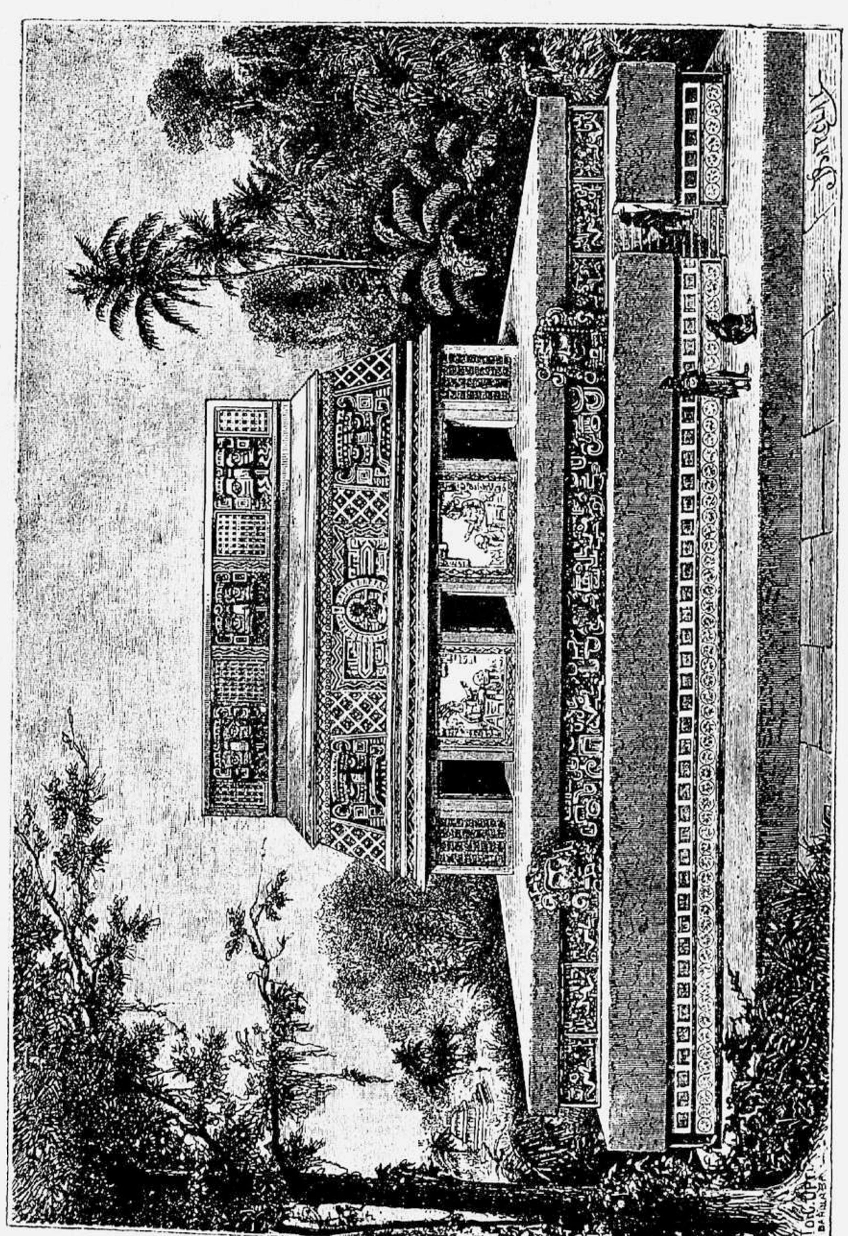

Табл. XIV. Рис. 1.

CHRISTOPHORUS COLUMBUS LIGURINDI.
ARUM PRIMUS INVENTOR ANNO 1492.

Табл. XV. Рис. 1.

Табл. XV. Рис. 2.

Табл. XVI. Рис. 1.

Табл. XVII. Рис. 1.

Табл. XVII. Рис. 2.

Табл. XVIII. Рис. 1.

Табл. XIX. Рис 1.

Табл. XVIII. Рис. 2.

Табл. XX. Рис. 1.

Табл. XXI. Рис. 1.

Табл. XXII. Рис. 1.

Табл. XXIII. Рис. 1.

Объясненіе рисунковъ.

Табл. I. Рис. 1. Пагода Ватъ-Чангъ въ Сіамѣ.
Табл. I. Рис. 2. Майя и ея сынъ Будда.
Табл. II. Рис. 1. Японскій дайміо.
Табл. II. Рис. 2. Тимуръ Бегъ или Тамерланъ.
Табл. III. Рис. 1. Японскія женщины на баркѣ. Съ рисунка Тойокуни I. (По Гонзу).
Табл. III. Рис. 2. Норманнскіе всадники. Съ ковровъ въ Байе.
Табл. III. Рис. 3. Норманны. Съ ковровъ въ Байе.
Табл. IV. Рис. 1. Страница изъ Упсальской рукописи Эдды.
Табл. V. Рис. 1. Факсимиле страницы рукописи салическаго закона.
Табл. VI. Рис. 1. Чудо св. Дѣвы въ Новѣгородѣ.
Табл. VI. Рис. 2. Свантовитъ. По Аркнилю, Кимврійская языч. религія.
Табл. VII. Рис. 1. Сарматы съ Траяновой колонны въ Римѣ.
Табл. VII. Рис. 2. Русскіе воины плывутъ внизъ по Днѣпру. Изъ славянской рукописи X в. Рис. 3. Древніе скиѳы. Барельефъ.
Табл. VIII. Рис. 1. Великій князь Святославъ и его семейство. Миніатюра XI в.
Табл. IX. Рис. 1. Евангеліарій на словинскомъ яз. Образчикъ глаголицы. Рукопись XI в. въ Ватиканской библіотекѣ (по Сильвестру).
Табл. X. Парижъ въ эпоху Людовика XIV. Съ соврем. гравюры.
Табл. XI. Обѣдъ въ королевскомъ домѣ. Съ гравюры 1643 г.
Табл. XII. Заглавный листъ знаменитаго сочиненія іезуита Триго о христіанской экспедиціи въ Китай. Ліонъ, 1616 г.
Табл. XIII. Іезуитскій новиціатъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи въ Парижѣ. Съ гравюры XVII в.
Табл. XIV. Древне-мексиканскій храмъ. По Шарне.
Табл. XV. 1. Христофоръ Колумбъ (съ грав. де-Бри, XVI вѣка). 2. Галилео Галилеи (Галилей).
Табл. XVI. Америго Веспуччи.
Табл. XVII. 1. Тихо Браге. 2. Эванджелиста Торричелли (1608—47). Съ картины Трабарелли, по гравюрѣ Аллегрини.
Табл. XVIII. 1. Іоганнъ Кеплеръ (Съ современной гравюры). 2. Отто фонъ-Герике (Съ соврем. гравюры).
Табл. XIX. Христіанъ Гюйгенсъ (1629—95). Съ гравюры Эделинка.
Табл. XX. Бенедиктъ Спиноза (Съ современной гравюры).
Табл. XXI. Ришелье. Съ гравюры Нантейля по картинѣ Шампаня (1657 г.).
Табл. XXII. Людовикъ XIV. Съ гравюры Ванъ Шуппена по картинѣ Валяна.
Табл. XXIII. Жанъ Баптистъ Кольберъ (Съ соврем. гравюры).

БОРЬБА РАСЪ (племенъ) въ Америкѣ. Соч. Диксона. Съ многочисленными рисунками. Спб., ц. 1 р. 50 к. Жизнь, нравы и обычаи американскихъ народовъ, обитающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

ДИКАЯ АФРИКА. Описаніе и наблюденіе за нравами и обычаями жителей и животныхъ дикой Африки. Сочин. Дюшалью, съ многочисленными рисунками. Спб., ц. 2 р. 50 к.

ИЗЪ-ЗА МОРЯ. Путешествіе 1) по Австраліи графа Де-Бовуаръ. 2) Путешествіе по Азіи. 3) Путешествіе по внутренней Африкѣ. Три года путешествій и приключеній въ неизслѣдованныхъ странахъ центральной Африки, Швейнфурта, съ многочисленными рисунками. Спб. 531 стр., ц. 1 р.

РУССКІЙ СРЕДИ АМЕРИКАНЦЕВЪ. Мои личныя впечатлѣнія какъ токаря, чернорабочаго, плотника и путешественника М. Владимірова. Нью-Іоркъ.—Флорида.—Новый Орлеанъ.—Санъ-Луисъ.—Чикаго.—Радомъ.—Переходъ отъ Санъ-Луиса до Санъ-Франциско.—Калифорнія.—Бостонъ.—Вашингтонъ.—Балтимора и Филадельфія со всемірной выставкой и пр., и пр. съ рисунками. Спб. 337 стр. ц. 1 р.

ВЪ АМЕРИКѢ И ЕВРОПѢ. Сборникъ путешествій въ Америкѣ: На бортѣ и на сушѣ. Оже.—Съ дальняго запада на островъ Борнео. Баронъ де Воганъ.—Поѣздка по Соединеннымъ Штатамъ и Канадѣ. Мидлей. Въ Европѣ: Изъ Невштатея въ Константинополь. Шамбрье, съ рисунк. Спб. 553 стран., ц. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ ПЕРСІИ. Природа и люди, обычаи нравы, жизнь и дѣятельность, и пр. П. Огородникова. 336 стран., ц. 1 р.

НОВАЯ ЗЕЛАНДІЯ, ОКЕАНІЯ И ОСТРОВА ЮЖНАГО МОРЯ.

Новая Гвинея, Новая Каледонія, Полинезія, Сандвичевы острова, Микронезія, Меланезія и проч. Исторія открытія. Занятіе европейцами. Образъ жизни, нравы и обычаи жителей. Ихъ религіозныя вѣрованія. Людоѣдство. Успѣхи христіанства. Современное состояніе. Кристмана и Оберлендера, со многими рисунками. 625 стран., ц. 2 р. 50 к.

ЖИЗНЬ ПОСЛѢ СМЕРТИ. Научные и моральные выводы философіи. Сочин. Леона Денп. Переводъ съ французск. 2-е изд. 1898 г. 320 стран. Ц. 1 р. Оглавленіе: Часть I. Историческая. Вѣрованія и отрицанія. Религія, Тайная доктрина, Индія, Египетъ, Греція, Галлія, Матеріализмъ, „Моральный кризисъ". Часть II. Философская. Вселенная, Безсмертная душа, Множественность существованій. Цѣли жизни, Испытанія и смерть. Возраженія. Часть III. Научная и экспериментальная. Міръ невидимый. Природа и наука, Матерія и сила, Единое начало всѣхъ началъ, Жидкія тѣла, Флюиды, Магнетизмъ, Спиритическія явленія, Свидѣтельства, Спиритизмъ во Франціи. Часть IV. Въ мірѣ загробномъ. Познай самого себя, Тѣло духовное, Медіумы, Эволюція духовнаго тѣла, Результаты спиритизма съ точки зрѣнія философіи и морали, Спиритизмъ и наука, Опасныя стороны спиритизма, Шарлатанство и продажность, Польза психологическихъ наукъ, Часъ смерти, Самоосужденіе, Воля и флюиды, Жизнь въ безконечномъ пространствѣ, Блуждающіе духи, Жизнь высшая, духовная. Духи низшіе, Адъ и демоны, Вліяніе человѣка на духовъ, Правда, согласіе и отвѣтственность, Свободная воля и пути Провидѣнія, Перевоплощеніе. Часть V. Моральная, Правый путь. Жизнь моральная, Долгъ, Вѣра, надежда и утѣшеніе, Гордость, богатство и бѣдность, Эгоизмъ, Любовь къ ближнему, Кротость, терпѣніе, доброта, Любовь, Сила энергіи въ несчастіи, Молитва, Труды, умѣренность, воздержаніе, Изученіе и наука, Воспитаніе, Моральный законъ, Выводъ, Заключеніе.—Надѣемся, что предлагаемая книга прочтется у насъ съ такимъ же интересомъ, какъ у французовъ, гдѣ она въ короткое время разошлась въ массѣ экземпляровъ.

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧ. РОБИНЗОНА КРУЗО,

описанныя имъ самимъ, соч. Даніеля Дефо. Новый полный переводъ В. Владимірова, съ 200 рисунк. художника Гранвиля. Изданіе Губинскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к. Знаменитый авторъ сумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. И дѣйствительно, замыселъ повѣсти въ высшей степени простъ: человѣка выбросило на необитаемый островъ—и все тутъ. Также проста и фабула, т. е. весь ходъ, вся обстановка повѣсти: фантастическихъ приключеній и происшествій, запутанной интриги въ ней нѣтъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ своею жизненною правдою, рисуетъ исполненный величія образъ человѣка, заброшеннаго среди океана и дикой природы, въ борьбѣ за жизнь и свободу. „Эта книга—говорится въ предисловіи—есть не одно только описаніе жизни іоркскаго моряка, а описаніе развитія человѣческаго ума, воли и энергіи въ борьбѣ со слѣпыми силами природы". Кромѣ того,—прибавимъ мы отъ себя,—если вспомнить послѣдовательно всю книгу, то въ ней, съ самаго того момента, какъ Робинзонъ очутился на необитаемомъ островѣ, до тѣхъ дней, когда онъ просвѣщаетъ Пятницу, и даже до его второго пріѣзда на островъ, когда онъ устраиваетъ на немъ жизнь поселенцевъ,—въ этой книгѣ пройдетъ передъ нами въ яркихъ образахъ вся исторія человѣческой культуры, отъ до-исторической жизни людей до современной. Еще Ж. Ж. Руссо признавалъ „Робинзона" единственною дѣтскою книгою, которая теперь не утратила своего громаднаго воспитательнаго значенія. Поэтому было бы крайне желательно имѣть ее во всѣхъ народно-школьныхъ библіотекахъ въ полномъ переводѣ.

ДНЕВНИКЪ ШКОЛЬНИКА. Эдм. Де-Амичисъ, переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, съ рисунками; 3-е изданіе, ц. 1 р. 50 к. Книга „Дневникъ школьника" разошлась въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, считается настольной книгой молодой Италіи; она написана просто, безъ громкихъ словъ и запутанныхъ приключеній, будто все, что въ ней написано, было на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему она читается съ замираніемъ сердца и всему прочитанному вѣрится. Молодость лучшій судья въ вопросахъ первыхъ чувствъ и впечатлѣній.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ. П. Мантегацца. Профес. антропологіи. Спб. 1898 г. Ц. 30 коп. Оглавленіе: Общее ученіе о наслѣдственности.—Половой подборъ.—Браки между родственниками.—Полъ дѣтей.—Наслѣдственность таланта.—Болѣзненная наслѣдственность.—Безплодіе мужчины.—Главные законы человѣческаго прогресса.

Дозволено цензурою. Спб., 22 Августа 1900 г. Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.

